Тесла Лейла Хугаева

Ось мировой истории

Авраамические религии и век разума

Издательские решения
По лицензии Ridero
2020

УДК 1
ББК 87
Т36

Шрифты предоставлены компанией «ПараТайп»

Тесла Лейла Хугаева
Т36 Ось мировой истории : Авраамические религии и век разума / Тесла Лейла Хугаева. — [б. м.] : Издательские решения, 2020. — 660 с.
ISBN 978-5-0051-9583-8

Конец мифологической эпохи и начало борьбы Логоса с Мифом. Так К. Ясперс обозначил свое понимание первого осевого времени в 9—8 веках до нашей эры, когда на смену мифологии приходит философия в Древней Греции и первые этические религии в Индии, в Персии, в Израиле, в Китае. Второе осевое время начнется с окончательной победой Логоса над Мифом. Научное мышление Нового времени, открытие первых природных энергий. Идея Духа, сформулированная в Евангелии, примет форму теории психической энергии.

УДК 1
ББК 87

16+ В соответствии с ФЗ от 29.12.2010 №436-ФЗ

ISBN 978-5-0051-9583-8

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ

Существует множество различных философий истории. Есть материалистические, как у Маркса и Дарвина. Есть идеалистические, как у Августина Блаженного и Гегеля. Есть интеллектуалистские, подобно философия истории Конта и Кондорсе. Но нет ни одной, которая излагала бы исторический процесс как процесс становления духовной энергии человека, то есть психической энергии, основанной на энергии интеллекта. У Августина речь идет о Святом Духе, у Гегеля об Абсолюте, у Маркса и Дарвина понятие духовной энергии вообще отсутствует, так как психика не больше чем эпифеномен функционирования мозга. У Конта и Кондорсе, сознание также редуцируется к функциям мозга.

Философия истории К. Ясперса может быть ближе других подошла к реализации этой цели. Он говорит об оси мировой истории, которая началась с концом мифологической эпохи, и началом борьбы «логоса против мифа». Эта мысль Ясперса положена в основу философии истории, развиваемой в этой книге. Ось мировой истории понимается как становление интеллекта человечества, а вместе с ним и становления духовной (психической) энергии человечества. Конец мифологической эпохи и начало борьбы логоса с мифом — это первое осевое время. Оно берет свое начало в 9—8 веках до н.э., с появлением первых этических религий и формированием метафизики интеллекта в зороастризме, пифагореизме, платонизме.

Полю эгосистемы магического сознания первобытных людей противопоставляется поле интеллекта научного сознания цивилизованных обществ. Пробуждение интеллекта происходит с созреванием абстрактно-логического аппарата мышления, которое активирует поле интеллекта. Переходный период от магического сознания абориген (поля эгосистемы) к научного сознанию цивилизованных людей (поля интеллекта) связанно с периодом

расщепления сознания между двумя силовыми полями психики. Это и есть первое осевое время — борьба логоса против мифа, поскольку эти две энергии психики антагонистичны. Эволюция становления научного сознания приведет к изживанию энергии поля эгосистемы (магического сознания) и утверждению энергии поля интеллекта.

Проблема «борьбы с язычеством», которую ставит первое осевое время, есть проблема борьбы с магическим сознанием поля эгосистемы. Магическое сознание аборигенов выражается в коллективных сакральных ритуалах обожествляемым силам окружающего мира. В основе этих сакральных ритуалов отношения господства и подчинения (насилия), являющиеся спецификой магического сознания, как проявления физического контроля. «Боги» понимаются как абстрактные количества силы, а «служение богам» как подчинение их власти с добровольными жертвоприношениями и самоистязаниями.

Этические религии объявляют войну языческим богам, утверждая, что бог есть разумная и нравственная сила, которая оценивает не власть и подчинение, а чистоту сердца и добродетель. Так, конфликт «логоса с мифом» первого осевого времени выливается в борьбу этических религий с язычеством сакральных ритуалов первобытных племен.

Второе осевое время — это время окончательного очищения энергии психики от магического сознания поля эгосистемы. Оно связывается со становлением философии рационализма Декарта, Спинозы, Эйнштейна; открытием нескольких природных энергий в Новое время и появлением в этой связи Энергетики Вильгельма Оствальда, как новой теории познания. Оствальд первым понял и четко сформулировал свою мысль о том, что на смену парадигме материализма придет парадигма энергетизма, когда объектом научного исследования будут признаваться только природные энергии. Книга рассказывает о полемике вокруг энергетики Оствальда, о ее временном поражении и о грядущей победе во второе осевое время, когда Энергетика в теории познания станет фундаментом новой научной парадигмы.

Ось мировой истории получает свою реализацию во второе осевое время в окончательной победе разума над мифом. В этой связи древним этическим религиям противопоставляются теории психической энергии разных эпох, как эволюция в осмыслении человеком закономерностей своей духовной энергии. Открытие закономерностей психической энергии человечества, докажет наличие единой природы человека, упразднит древние этические религии, которые представляют собой синтез мифа и логоса и утвердит естественное право.

В главах 5,6,7,8,9,10 рассказывается о теориях психической энергии, изложенной в трудах таких выдающихся мыслителей как Платон и Спиноза, Тойнби и Дюркгейм, Кьеркегор и Бертран Рассел, Фрейд и Юнг. А также в трудах теоретиков гуманистической психологии — А. Маслоу, Э. Фромма, Карен Хорни, А. Адлера, В. Франкла, Г. Олпорта, К. Роджерса.

Огюст Конт понимал становление сознания как три стадии эволюции: мифологическую, метафизическую и позитивную (научную). Теория психической энергии предлагает другую периодизацию этапов становления сознания: мифологическую (магическую), шизоидную (расщепление незрелого интеллекта), научную (открытие законов природных энергий и контроль силы этих энергий). Эта периодизация связана с теорией двух силовых полей психики: полем эгозащиты и полем интеллекта. Шизоидная стадия — есть переходная стадия между магическим и научным сознанием, когда интеллект расщепляется между полем эгосистемы (абстрактная эгозащита) и полем интеллекта (наука). Эта болезненная стадия принесла много хаоса и путаницы в становление рационального человека.

Стадию шизоидного сознания прошли все выдающиеся цивилизации прошлого и современности: Древняя Греция, Древний Рим, Древний Израиль, католическое и православное христианство, Реформация и Революции Нового времени, петровская и ленинская Россия, Германия немецкого идеализма и национализма, наконец, современная исламская цивилизация. Следует различать шизоидную стадию в историческом разрезе — это раз-

двоение незрелого интеллекта на шизоидное и научное; и шизоидное сознание — это нездоровая часть расщепленного сознания поля эгосистемы, противостоящая научному сознанию поля интеллекта.

Научное сознание античности нашло свое выражение в метафизике интеллекта Заратустры, Пифагора и Платона, Будды, в философии стоиков и становлении римского права; в победе профетизма в Израиле. Э. Ренан сравнивает «победу профетизма 8 века до Рождества Христова» в Израиле с Грецией 5 века до Рождества Христова, то есть с Грецией на самом пике ее интеллектуального расцвета. «Мы стоим у истоков идеализма, — пишет он, — мы должны склонить голову».

Расколотый шизоидный интеллект (незрелый интеллект, расщепленный между двумя антагонистичными полями психики) стал спецификой всего античного мира, поскольку в то время интеллект делал только свои первые шаги. Так, антиковеды пишут о «раздвоенности» Древней Греции во всей ее ментальной активности: между рационализмом и мистикой (Пифагор, например), между индивидуализмом и коллективизмом, между Аполлоном и Дионисом, между демократией и тиранией, между «гибрисом» богочеловеков и строгим осуждением «гибриса», между высокой состязательностью и взаимопомощью, между рабством и свободой, наконец. Также, Древний Рим прославился своим расщеплением между цивилизаторской деятельностью несения республиканских ценностей, римского права, греческой философии с одной стороны, и грабительской политикой в отношении завоеванных провинций; поддержкой института гражданства с одной стороны и широким распространением рабства; безмерным унижением человеческого достоинства и героическими рабскими войнами; великими философами на троне с одной стороны, и шутами-садистами с другой стороны. И Греция и Рим погибли в противоречиях между демократией республики и тиранией империи.

Э. Ренан пишет в «Истории израильского народа», что с философской точки зрения имеется всего три источника истории

цивилизации: Греция, Израиль и Рим. Исследуя историю еврейского народа, он приходит к выводу, что иудаизм с самого начала нес в себе два противоположных элемента: национальный ягвеизм и универсальный элогизм. К этому последнему элогизму, который он ассоциирует с «движением пророков 8 века до н.э.», он относит Книгу Йова, Книгу Союза, Декалог, а также пророков Амоса, Исайю, Второисайю и некоторых др. Он отмечает, что иудаизм развивался под воздействием халдейского, египетского, и в большей мере, персидского влияний. Более архаичный Ягве, который является богом одного племени, богом нации и потому злым и несправедливым к другим богом — это уже абстрактное божество единобожия, но тем не менее остается еще идолом и в культе, и в ограниченном национальном характере. Истоки ягвеизма он видит в египетском влиянии, так как ягвеизм был тесно связан с храмовым культом и священниками-левитами, заимствованными евреями во время своего пленения в Египте. Ренан говорит о победе Эля над национальным Ягве в движении профетизма, где Иисус Христос последний пророк, завершающий революцию пророков 8 века до н.э.. Христианство он расценивает как окончательный этап этого движения профетизма, а христианство видит высшей стадией развития иудаизма.

Действительно, борьба с язычеством магического сознания первого осевого времени, терпит крах в силу незрелости интеллекта. Абстрактное единобожие — еще далеко от метафизики интеллекта рационального сознания. По своей сути — это все то же магическое сознание, только теперь вместо физического контроля, проявляющегося в поклонении деревянным божкам, становится шизоидная эгозащита абстрактного единобожия. В обоих случаях — магическое сознание поля эгосистемы остается прежним, меняется только эгозащита, с физической на абстрактную шизоидную. Соответственно, борьба с идолопоклонством абстрактного единобожия — фиктивна, так как сама превращается в идолопоклонство, где на место многих деревянных идолов становится единый абстрактный бог

племени, ревнивый и жестокий властелин. Так, первое осевое время не справляется с поставленной задачей борьбы логоса с мифом, поля интеллекта с полем эгосистемы, бога-интеллекта с язычеством идолопоклонничества.

Незрелый, расколотый (шизоидный) интеллект античности приводит к трагедии падения античности. Однако, все то глубокое, важное и прекрасное, что сделало здоровое научное сознание первого осевого времени, не пропало даром. Греческая философия, римское право, победа израильского профетизма нашли свое продолжение в христианском синтезе позднеантичной эпохи.

Царство Божие философии Евангелия стало прекрасной метафорой греческой метафизики интеллекта, а проповедь самоотречения и любви к ближнему заложила основы духовной энергии христианства, базисом которого стала философия снятия эгозащиты.

В 7 веке от Рождества Христова израильский иудаизм претерпел еще одну метаморфозу в процессе зарождения ислама. Э. Ренан пишет об исламе уже не как о синтезе, а скорее как об адаптации священного писания иудеев родственным семитским племенем арабов. Так возникает новая волна борьбы с язычеством нового абстрактного единобожия в Священном писании Корана. С зарождением ислама племя арабов выходит со стадии магического сознания и оказывается в стадии расколотого незрелого шизоидного интеллекта. Если расколотое сознание иудеев проявилось в противостоянии двух противоречивых частей Священного писания евреев (национального ягвеизма и профетизма элогима), то расщепленное сознание ислама Э. Ренан расценивает как возвращение арабов к национальному ягвеизму иудеев, но уже на своей национальной почве. Однако, в отличие от иудеев, у которых он констатирует победу профетизма, и соответственно «победу идеализма», в исламе все движения научной части сознания регулярно подавляются (философия рационализма Авицены, Аверроэса и др, мутазилиты, рационализм Муххамеда Абдо, бабизм и др).

В том же ключе пишут об исламе Т. Карлейль, Монтескье, Б. Паскаль, Вольтер, Б. Рассел, А. Швейцер, А. Массе, и др. Преодолев магическое сознание политеизма, арабские племена, таким образом, вступают в стадию абстрактного единобожия, которому не противостоит научное сознание метафизики интеллекта, потому что рационализм методически подавляется.

Реформация Лютера, назвавшего Папу Римского «сатаной на престоле», стала началом реакции на аналогичное язычество в католической церкви, которая постепенно сводила идею христианства к магическому культу и священнической иерархии. Это католическое язычество также превращало Христа в мифологизированного идола, как и другие религии абстрактного единобожия. Тот мощный отклик, который получило движение Реформации, не только не подавленное, несмотря на все аутодафе католической церкви, но поднявшей всю Европу на революционную борьбу, был связан с внутренним потенциалом христианства, базисом которого оставалась евангельская метафизика интеллекта. Протестантское движение в католической, равно в православной церкви было продолжением борьбы расщепленного сознания с магическим полем эгосистемы, еще одним шагом к победе научного сознания (чтобы не говорили те, кто считает реформацию движением подобным ваххабистскому движению к букве Писания). Ренан пишет, что обращение протестантов к ветхозаветным пророкам — это обращение к тому движению профетизма, которое принесло победу над идолом ягвеизма. Томас Карлейль, Куна Фишер, Джон Милль, П. Новгородский, М. Вебер, Э. Ренан сходятся в оценке протестантства как мощного импульса в направлении рационализма и либерализма, и в этом смысле к философским истокам греческо-иудеского синтеза христианства.

Русская литература стала аналогичной реакцией русской интеллигенции на православное язычество, о котором Лев Толстой подробно рассказывает в своих трудах, посвященных исследованию догматическому богословию и истории православия: «Царство Божие внутри вас», «Исследование догматического бо-

гословия», «исповедь», «Соединение и перевод четырех Евангелий» и др. Не меньшее гуманистическое и просветительское значение имели книги Достоевского, Чехова, Герцена, Кропоткина, Чернышевского, Тургенева, Тютчева, Некрасова, Гоголя, Грибоедова, Салтыкова-Щедрина, Гончарова, Островского, Крылова, Чаадаева, Белинского и др

Тем не менее, христианство, будучи философией греческой метафизики интеллекта, дает мощный импульс к развитию науки и становлению научного сознания Европы. В то же время до времен смены парадигмы материализма, воплощенной в трудах Дарвина, Маркса, Гоббса, Конта, Фрейда на парадигму Энергетики, интеллект европейцев остается незрелым, а значит расщепленным. Шизоидное сознание Нового времени дает о себе знать в философии немецкого идеализма, французского, русского и английского материализма, в диалектическом материализме Маркса, как синтезе этих направлений, в антиинтеллектуализме ницшеанства и сартровском экзистенциализме.

Расщепленное сознание Европы порождает двусмысленные процессы и неоднозначные исторические фигуры, которым трудно давать определенную оценку: тридцатилетняя война, английская, французская, русская революции; наполеоновские войны, первая мировая война. Наполеон, Робеспьер, Бисмарк, Фридрих Второй, Петр Первый, Ленин — неоднозначные фигуры этого сложного периода расщепленного шизоидного сознания. В то время как такие исторические личности, как Калигула, Нерон, Коммод, Иван Грозный, Гитлер, и др чисто негативные деятели поля эгосистемы противостоят таким прекрасным личностям как Платон, Спиноза, Марк Аврелий, Бертран Рассел, А, Швейцер, Г. Лессинг, А. Эйнштейн, А. Герцен и др чисто позитивные личности поля интеллекта.

В Новейшее время Запад и Восток сталкиваются в полном непонимании философии друг друга, что С. Хантингтон называет «Столкновением цивилизаций». Он видит причину в различной, часто противоположной самоидентичности различных цивилизаций. Он утверждает, что ценности западной цивилизации

не являются универсальными, но принадлежат только западной цивилизации: и что попытки последней навязать их миру в качестве универсальных ценностей ведут к конфликтам и делают запад безоружным и беззащитным перед лицом все более крепнущих агрессивных чуждых цивилизаций. Запад должен назвать себя уникальным и защищать свою уникальность подобно тому, как конфуцианские, исламские, индуистские, африканские цивилизации защищают свою уникальность. Никакой поликультурности, и никаких универсальных ценностей — только уникальные ценности западной цивилизации. Таков вывод Хантингтона.

Философия истории, которую попытались представить мы в этой книге, прямо противоположна цивилизационному, цикличному, неокантианскому мировоззрению Хантингтона, который ссылается на цикличную историю Шпенглера и Тойнби. Мы старались показать, что конфликты происходят не от различной самоидентичности различных цивилизаций (поскольку человечество имеет одну общую природу закономерностей психической энергии), а от нездоровой энергии поля эгосистемы, которая преобладает на двух первых этапах становления интеллекта (магическое сознание и шизоидный интеллект). Следовательно, становление научного сознания автоматически приведет к снятию конфликтов и добровольному принятию универсальных ценностей естественного права, основанного на открытии закономерностей психической энергии

Конфликт христианского и исламского мира, о котором много пишет Хантингтон, тоже можно рассматривать с разных точек зрения. С одной стороны — это противостояние научной традиции поля интеллекта запада и магического сознания поля эгосистемы востока. С другой стороны это противостояние на поле эгозащиты с обоих сторон: христианство также как ислам часто скатывается в язычество шизоидного сознания. Наконец, это также противостояние язычества материалистической философии с христианским и исламским язычеством магического сознания.

Возрождение религий в мире не есть результат цивилизационной самоидентичности народов, которые ищут свою «ин-

дигенизацию». Это есть результат провала научного метода на западе, где также победило шизоидное сознание антиинтеллектуализма и материализма. Восточные цивилизации с удовольствием принимают модернизацию, потому что естественные науки — настоящая энергетическая наука запада. Они отвергают гуманитарные науки запада совершенно справедливо, потому что на сегодняшний день гуманитарной науки не существует. Восток не смог отказаться от модернизации своей экономики, потому что наука дает силу техники. Настоящая социальная наука тоже дает силу духа, силу единства, силу сотрудничества и научного контроля. Закон сохранения силы психики — основной закон психики. Поле эгосистемы имеет только физический контроль насилия (господства и подчинения); поле интеллекта имеет научный контроль сохранения силы, который открывает ему доступ к силе всех природных энергий. Вот почему окончательному триумфу науки не сможет противостоять никакая культура.

Национализм и теории национального суверенитета, которые пытаются примирить поле интеллекта и поле эгосистемы философией «толерантности» и поликультурными сообществами обречены на провал, потому как нет вещей менее способных к соединению, чем поле интеллекта научного сознания и поле эгосистемы магического сознания.

Сегодня, когда неокантианские теории Риккерта, Дильтея, Вебера одержали победу над теоретиками естественного права, расцвел пышным цветом национализм, и теория государственного суверенитета с ее национальной системой права. В этих условиях все будут стремиться к обособлению в свою цивилизацию, потому что «универсальных ценностей» отдельной цивилизации не существует, как не существует универсального национального права. Однако, теория естественного права, основанная на теории общей природы человека, развиваемая в трудах Эйнштейна, Рассела, Швейцера, Бенда, Ренана, Ясперса, Прудона и многих других рационалистов, ведет к прямо противоположным выводам. Мир больше не является

противостоянием различных «самоидентичностей», но единым человечеством, с единой человеческой природой. Нет уникальных ценностей конкретных цивилизаций, навязываемых в качестве универсальных всему прочему миру. Есть только одна научная цивилизация и естественное право вместо универсальных ценностей. Естественное право открытых закономерностей единой психической энергии человечества. Нет национальных суверенитетов и национальных систем права; есть международное сообщество научного контроля естественного права и государственные системы права различных сообществ, которые регулируются общемировым естественным правом.

Таким образом, главная проблема человечества в переходе ко второму осевому времени — преодоление расколотого шизоидного сознания, что станет возможным только со становлением энергетики как научного метода познания. Тогда можно будет надеяться на окончательную победу разума над мифом, научного сознания поля интеллекта над магическим сознанием поля эгосистемы. Тогда все разнообразие этических религий современности уступит место деизму метафизики интеллекта, и соответственно снимет конфликты, которые не затухают много веков, со времен возникновения незрелого расколотого интеллекта.

Каждому историческому периоду становления мышления соответствует свой тип общественного устройства:

1) для магического сознания поля эгосистемы — это Левиафаны полицейских государств, голое насилие самодержавия;

2) для шизоидного сознания незрелого интеллекта — это демократии-деспотии, республики-империи античности, которые колебались между тиранией самодержавия и правовым государством республик

3) для научного сознания современных государств — это правовые государства, юридическое право которых, основано на естественном праве научного мышления.

Это не «историзм» в гегелевском смысле, так как природа человека всегда остается одной и той же. Это разворачивание зако-

номерностей человеческой природы, суть которых в противоборстве двух полей психики: поля эгосистемы и поля интеллекта. Об этом типе эволюции писал Леви-Брюль, отрицая эволюцию в смысле изменения природы человека. Такую же позицию занял К. Ясперс в «История и ее смысл».

О кризисе современных правовых государств пишет ряд исследователей, например П. Новгородцев «Кризис современного правосознания», Н. Хомский «Государство будущего», Б. Рассел «Воздействие науки на общество», С. Хантингтон «Столкновение цивилизаций», А. Шлезингер «Циклы американской истории», М. Игнатьев «Права человека как политика и как идолопоклонство», М. Горбачев «Размышления о прошлом и будущем» и др. М. Игнатьев в книге «Права человека как политика и как идолопоклонство» говорит о кризисе прав человека, которую он видит в отрыве современной теории прав человека от естественного права. Действительно, общая воля Ж-Ж Руссо, которая является базовой идеей теории правового государства не имеет под собой никакого основания вне теории естественного права. А естественное право, как утверждение единой природы человека, единых закономерностей человеческой психики и общества, не может существовать вне философии рационализма Платона, Декарта, Спинозы, Эйнштейна. Кризис современного правового государства — это кризис философии рационализма и кризис теории естественного права.

Каковы пути выхода из кризиса? Правовые государства не могут существовать как системы национального права, поскольку системы национального права не имеют ничего общего в своей основе и противостоят друг другу как множество уникальных цивилизаций. Эта фиктивное объяснение конфликтов современной геополитики, в основе которого философия иррационализма неокантианства. Истинная подоплека таких ссылок на уникальность всей национальных государств в старом расщепленном шизоидном сознании. Если не вернуться к научному контролю, и строить теоретические системы из нагромождения

пустых софизмов, правовые государства просто перестанут существовать и человеческие сообщества вернуться либо к временам деспотии Левиафанов, либо к временам всеобщей войны античных демократий-тираний.

Дальнейшее развитие правовых государств возможно только на той основе, на которой они зародились: на основе научного контроля естественного права. Тогда национальным правовые системы понимаются как ответвления системы общечеловеческого естественного права. Научный контроль на сегодня находится в таком же кризисе как и правовые государства, что связано с упадком философии рационализма. Победа эмпиризма сильно препятствовала развитию психологии, как пишет ряд исследователей (Маслоу, Олпорт и др) в силу того, что сознание перестало быть объектом научного исследования. Решить эту проблему может только «научная революция» смены научной парадигмы, и переход от дарвино-позитивистского мировоззрения к философии рационализма и эпистемологии энергетики. В свою очередь становление научного контроля укрепит позиции естественного права и позволит создать систему международного контроля национальных правовых систем: Международное сообщество естественного права, которое будет представлено ученными из стран всего мира.

О таком международном институте мечтали еще великие борцы за гуманизм и пацифизм, сторонники единой научной цивилизации и единой природы человека, — Бертран Рассел и Альберт Эйнштейн.

ГЛАВА 1. СУБСТАНЦИЯ ДУХА

1) Кризис в гуманитарной науке
2) Научный материализм
3) Мистика бога и дьявола
4) Метафизика интеллекта
5) Теория психической энергии

1) Кризис в гуманитарной науке

Чтобы понять всю глубину кризиса наук о человеке (гуманитарных, социальных наук), важно понимать то значение, которое для этих наук имеет философия духа, и то плачевное состояние, в котором находится эта философия духа.

Прежде всего, далеко не вся философия признает субстанцию духа. Например, все направления философии материализма считают психику человека только функцией мозга, биологическим феноменом, который не нуждается ни в какой дополнительной психической или духовной субстанции для своего объяснения. На той же позиции стоят эмпирики. Достаточно вспомнить знаменитое определение «Я» у Давида Юма, которым он по меткому выражению Бертрана Рассела «изгнал субстанцию из психологии», чтобы в этом убедиться. «Что касается меня, то когда я самым интимным образом вникаю в то, что называю своим Я, я всегда наталкиваюсь на ту или иную единичную перцепцию — тепла или холода, света или тени, любви или ненависти, страдания или удовольствия. Я никогда не могу поймать свое Я отдельно от перцепции и никак не могу подметить ничего, кроме какой-нибудь перцепции», — пишет Юм.

Позитивизм, дарвинизм, даже фрейдизм — все это продолжатели традиции материалистов и эмпириков, «изгнавших субстанцию» из психологии и философии. Другими словами,

упразднивших понятие Духа, — понятие столь необходимое для понимания существа человека.

Однако именно в силу того, что понятие духа составляет существо всего человеческого его невозможно безнаказанно изгнать из наук о человеке, из философии, из мировоззрения вообще. Оно обязательно появится вновь, в искаженном и извращенном виде, и в таком виде не принесет ничего кроме вреда. Но будет уверено существовать, потому что оно необходимо человечеству для понимания своего существа.

Так, в философии понятие духа возрождается как мистическая энергия абсолютной свободы воли. Такова например трактовка духа в спекулятивной немецкой философии, у Канта, Фихте и Гегеля. Примерно в том же ключе трактуют дух Шопенгауэр, Ницше и Сартр. Неслучайно поэтому, Гегель видит ось мировой истории в Евангелии Иисуса, Шопенгауэр в индуизме, а Ницше в греческой мифологии и зороастризме, как он его понимает. Трактовка духа как мистической энергии, не связанной с интеллектом (любовь, воля, всесилие), — это, по сути, религиозное понимание духа.

Кантианство вопреки традиции материалистов сводить всю активность человека, всю социальную динамику к функционированию биологии и экономики противопоставило им «науки о духе» Дильтея и философскую веру Ясперса. Однако, мистическое определение духовной энергии человека в философии Канта, блокировало всякое развитие научного понимания психики. Единственным надежным результатом этих попыток изучения духа стало само понятие субстанции духа как качественно отличной от биологии энергии.

Таким образом, на сегодня мы вынуждены констатировать наличие двух ложных представлений о духовной энергии человека:

1) Дуализм духа и тела. Эта позиция признает два качественно различных уровня энергии в человеке, и признает приоритетность духовной энергии. Однако, она сводит энергию духа к фантастике мистического всесилия и этим упраздняет ее. Что неестественно, то нереально.

2) Монизм тела. Эта позиция вообще упраздняет представление о человеке как союзе двух качественно различных энергий: биологической и психической (духовной). Она сводит психику к функциям мозга и этим упраздняет ее.

В итоге, у нас нет никакой приемлемой философии духа. Мы вынуждены жить с этими двумя ущербными мировоззрениями, соединяя их от безысходности в безобразное целое: немного научного понимания от дарвинизма и немного духовного понимания от религий. А в итоге получается гремучая смесь, которая не только не может удовлетворить наших запросов в знании, но и ведет ко все углубляющемуся кризису в экзистенциальной и социальной жизни человечества.

2) Научный материализм

> «Наш мозг не есть обиталище, седалище, созидатель, не есть инструмент или орган, носитель или субстрат и т. д. мышления. Мышление не есть обитатель или повелитель, половина или сторона и т. д., но и не продукт и даже не физиологическая функция или даже состояние вообще мозга»

Авенариус «Человеческое понятие о мире»

В 1714 году увидела свет «Монадология» Лейбница. В ней он в частности утверждает:

> «Если мы вообразим себе машину, устройство которой производит мысль, чувство и восприятие, то можно будет представить ее себе в увеличенном виде с сохранением тех же отношений, так что можно будет входить в нее, как в мельницу. Предположив это, мы при осмотре ее не найдем ничего внутри нее, кроме частей, толкающих одна другую, и никогда не найдем ничего такого, чем можно было бы объяснить восприятие».

Лейбниц, как известный последователь дуализма Декарта, тем самым хочет сказать, что нельзя познать субстанцию духа через субстанцию материи. Что если вы хотите изучать дух — изучайте дух. Изучение мозга вам ничего не даст. О том же говорит Авенариус в приведенном выше отрывке.

Однако, как известно ряд известных философов держались прямо противоположной точки зрения. Например, Огюст Конт или В. Ленин. У Конта, который поставил себе задачу изучить закономерности развития человеческого разума, не нашлось лучшего объяснения для этого процесса, чем френология. «Нам стыдно!», — говорит Милль, когда пишет в своей книге о позитивизме об этой позиции Конта. На этом основании Конт, как известно, вообще исключил психологию из своей иерархии наук (в остальном очень хорошей). Потому что он считал, что поскольку такого феномена как сознание вообще нет (а есть только мозг), то психология попросту не имеет своего объекта исследования. На ее место он поставил биологию и социологию, которую стремился сделать «социальной физикой», и потерпел сокрушительное фиаско, как верно замечает Джон Милль.

> «Конт вовсе отвергает, как совсем ненужный процесс, психологическое наблюдение, или говоря иначе, внутреннее сознание. Он не дает места психологии в своем ряду наук и отзывается о ней всегда с презрением. Какое же орудие предлагает Конт для изучения „моральных и интеллектуальных функций“ взамен психологии им отвергаемой? Нам стыдно сказать, что средством этим является френология! Правда, говорит он, наука эта еще не сложилась, но она развивается. Он принимает только общее деление мозга на три области: наклонностей, чувств и ума, с подразделением последней области на органы размышления и наблюдения. Однако, он смотрит на простую первую попытку распределить умственные отправления между различными органами, как на освобождение науки о человека из метафизической стадии и возвышения в стадию позитивную. Положение науки о духе было бы истинно печальным, если бы именно в этом заключалось лучшая для нее возможность сделаться позитивной, ибо дальнейший прогресс наблюдений ведет не к подтверждению, а к отрицанию френологической гипотезы. Следовательно, не отвергая помощи, какую может оказать в психологии изучение мозга и нервов, мы можем утвердительно сказать, что Конт не сделал ничего для установления позитивного метода в науке о духе»

Дж. Ст. Милль «Огюст Конт и позитивизм»

Ничем не лучше определение сознания Ленина: «Сознание есть продукт деятельности высокоорганизованной материи — человеческого мозга». Именно вот это положение марксизма-ленинизма, разделяемое всей современной наукой, и стало тем источником цинизма советского правительства, который потряс весь мир. Во многом это удивление жестокости и цинизму советской репрессивной системы было наигранным, именно потому, что та же философия лежит в основе позитивизма и дарвинизма западной науки. Советская карательная психиатрия в свое время ставила себе цель лечить интеллигенцию от «бреда правдоискательства» прямым воздействием на мозг фармакологией или другими средствами. Однако, и сегодня в психиатрических лечебницах по всему миру исповедуют тот самый принцип физиологического лечения психозов через прямое воздействие на мозг пациентов. Еще во времена Хемингуэя практиковался электрошок: «Я был подавлен, но мог хотя бы думать, — сказал великий писатель после „терапии" электрошоком. — Теперь я не могу даже думать». Вскоре он застрелился. Знаменитый фильм с Джеком Николсоном «Полет над гнездом кукушки» напоминает нам, как сравнительно недавно еще практиковалась лоботомия в психиатрических лечебницах самых развитых стран мира.

Интересно, что именно мозгу Ленина, как самой высокоорганизованной материи материалистов, было суждено стать той «мельницей» Лейбница, которую изучили вдоль и поперек. Как и предсказывал великий картезианский метафизик ничего такого, что говорило бы о закономерностях мышления и вообще духовной деятельности человека эти поиски не обнаружили.

На условных рефлексах, полученных из изучения собак Павлова, казалось, невозможно было построить никакой психологии человека. Однако, знаменитому сегодня гарвардскому профессору Б. Ф. Скиннеру это блестяще удалось. Его теория «оперантного обуславливания» с большим успехом у читающей публики доказывала, что сознание человека не более чем tabula rasa, чистый лист, на котором опыт пишет свои письме-

на, стирает и снова пишет. Гуманистическая психология выступила с резкой критикой бихевиоризма, сводящего человека к условным рефлексам животного. Так, Эрих Фромм пишет в «Анатомии человеческой деструктивности»:

> «Поскольку бихевиоризм не владеет теорией личности, он видит только поведение и не в состоянии увидеть действующую личность. Для необихевиориста нет никакой разницы между улыбкой друга и улыбкой врага, улыбкой хорошо обученной продавщицы и улыбкой человека, скрывающего свою враждебность. Однако трудно поверить, что профессору Скиннеру в его личной жизни это также безразлично. Если же в реальной жизни эта разница для него все же имеет значение, то как могла возникнуть теория, полностью игнорирующая эту реальность? Необихевиоризм не может объяснить, почему многие люди, которых обучили преследовать и мучить других людей, становятся душевнобольными, хотя „положительные стимулы“ продолжают свое действие. Почему положительное „стимулирование“ не спасает многих и что-то вырывает их из объятий разума, совести или любви и тянет в диаметрально противоположном направлении? И почему многие наиболее приспособленные человеческие индивиды, которые призваны, казалось бы, блистательно подтверждать теорию воспитания, в реальной жизни нередко глубоко несчастны и страдают от комплексов и неврозов? Очевидно, существуют в человеке какие-то влечения, которые сильнее, чем воспитание; и очень важно с точки зрения науки рассматривать факты неудачи воспитания как победу этих влечений»

Однако, настоящим вирусом для современной социальной науки стала теория происхождения человека Дарвина. Речь именно об экстраполяции его теории эволюции на человеческое общество, а не о самой теории эволюции. В свое время Уоллес Рассел предупреждал Дарвина о том, что история человечества качественно отличается от истории животного мира, поскольку история человечества есть история развития разума, мышления. Но Дарвин очень жестко отчитал своего коллегу в письме. Первенство в теории эволюции по праву принадлежит обоим этим ученым, опубликовавшим свои труды в одно и то же время. Тем не менее, Дарвин стал распространять теорию эволюции на общество, а Уоллес Рассел этому

воспротивился. Вот что пишет Дарвин в «Происхождении человека»:

> «Но можно показать, что основной разницы в общем характере умственного склада между человеком и животным не существует. С другой стороны мы должны согласиться, что различия между одной из низших рыб и одной из высших обезьян гораздо значительнее, чем между человеком и обезьяной....Точно также нельзя назвать ничтожной разницу в умственных способностях между дикарем, не употребляющим никаких отвлеченных выражений, и Ньютоном и Шекспиром. Различие подобного рода между величайшими людьми наиболее развитых рас и последними из варваров тоже связаны между собой тончайшими переходами. Поэтому можно думать, что они переходят одно в другое и развиваются постепенно»

Таким образом, он сводит на нет качественные различия между разумом человека и животного и прямо говорит об этом. В его интерпретации, как в интерпретации всех материалистов, разум предстает только инструментом приспособления организма к среде. Поэтому Дарвин считает совершенно естественным, что именно борьбе за выживание, жесткому биологическому отбору человечество обязано своим «развитием», своей эволюцией, своим разумом и своей наукой. Так он пишет в «Происхождении человека», что «борьба за существование не была еще достаточно жестокой, чтобы поднять человека на высшую ступень развития»:

> *«Естественный отбор проистекает из борьбы за существование, а последняя есть следствие быстрого размножения. ...Но так как человек страдает от тех же внешних условий, что и животное, то он не имеет права ожидать пощады от пагубных последствий борьбы за существование.* ***Не будь он подвержен естественному отбору, он наверное не достиг бы никогда высокого звания человека****. Встречая в различных частях света огромные протяжения плодороднейшей земли, которые населены лишь несколькими бродячими дикарями, тогда как они могли кормить бы множество счастливых семейств, можно было бы подумать, что* ***борьба за существование не была еще достаточно жестокой, чтобы поднять человека на высшую степень развития.***

> *Из примера некоторых южноамериканских стран мы можем, по-видимому, заключить, что нация более или менее цивилизованная, как, например, тамошние испанские поселенцы, способна впадать в бездеятельность и отступать в развитии своем назад, если условия существования становятся слишком легкими.*
> *Весьма сомнительно, чтобы потомки людей добрых и самоотверженных или особенно преданных своим товарищам были многочисленнее потомков себялюбивых и предательских членов того же племени. Тот, кто готов скорее пожертвовать жизнью, чем выдать товарищей, часто не оставляет потомков, которые могли бы наследовать его благородную природу.*
> *У дикарей слабые телом или умом скоро уничтожаются и переживающие обыкновенно одарены крепким здоровьем. Мы, цивилизованные народы, стараемся по возможности задержать этот процесс уничтожения; мы строим приюты для слабоумных, калек и больных; мы издаем законы о бедных, и наши врачи употребляют все усилия, чтобы продлить жизнь каждого до последней возможности. Есть основание думать, что оспопрививание сохранило тысячи людей, которые при своем слабом сложении в прежнее время погибли бы от оспы. Таким образом, слабые члены цивилизованного общества распространяют свой род. Ни один человек, знакомый с законами разведения домашних животных, не будет иметь ни малейшего сомнения в том, что это обстоятельство — крайне неблагоприятно для человеческой расы.*
> *Хирург может заглушать в себе сострадание во время операции, сознавая, что действует для пользы больного; но если бы мы намеренно оставляли без внимания слабых и беспомощных, то делали бы это лишь ввиду могущего произойти отсюда добра в будущем, купленного ценой большого и верного зла в настоящем. Стало быть мы должны переносить безропотно несомненно-вредные последствия переживания и размножения слабых. Существует, по-видимому, только одно средство задерживать их размножение, именно, чтобы браки между слабыми и мало одаренными членами общества были реже, чем между здоровыми и способными. Эта задержка могла бы быть усилена до бесконечности, если бы слабые умом или телом совсем воздерживались от брака»*

Трудно себе представить какую-либо другую теорию социального развития человека, которая оказала бы столь пагубное влияние на психическое и нравственное здоровье общества. Совершенно неслучайно, как пишет Дж. Гренвилл в «Истории 20 века» (1999), после победы дарвиновской теории происхож-

дения человека начинается первая мировая война, которая выглядела как международное умопомешательство в попытках установить право сильнейшего на выживание. Еще более очевидна связь второй мировой войны с теорией социального дарвинизма, как пишет Ханна Арендт и ряд других исследователей, поскольку расовая теория Гитлера была всецело основана на дарвинизме.

Результатами дарвиновской археологии стало развитие направления селекционизма в антропологии, которое противопоставило теорию отбора теории адаптации. Появились труды по этологии (изучение поведения животных), а вслед за ними труды по сравнительной этологии и человеческой психологии. На основе этих работ дарвиновский селекционизм превратился в социобиологию, цель которой, пишет Л. Клейн в «Истории антропологии», показать общность эволюционных механизмов групповой этологии животных и коллективной психологии людей. Ричард Докинс (дарвиновский ротвейлер) пишет книгу «Эгоистичный ген», где развивает мысль о том, что выживают не организмы, а гены. Организмы приходят и уходят. А гены знают, как о себе позаботится, направляя все поведение людей в русле естественного отбора. Это очень эгоистичный ген. Даже человеческий альтруизм диктуется эгоистичными интересами генов. Теория эгоистичного мема Ричарда Докинса сродни эволюционной эпистемологии Поппера, у которого теории выживают в жесткой конкуренции. Так и мемы, будучи единицами культурной информации, способствуют выживанию в процессе естественного отбора. Мемы также эгоистичны, как и гены, пишет Клейн. Другой автор, Роберт Даннел пишет, что естественный отбор действует также в культуре, как и в природе, только он направлен не на генетическую природу человека, а на его культуру. Это именно естественный отбор, независимый от намерений и целей человека (как утверждал и Поппер в отношении своего «третьего мира» конкурирующих теорий). В отличие от Докинса у Даннела отбор действует не на гены, а на сами артефакты и лежащие в их основе идеи. Социобиологи загово-

рили о коэволюции, что было констатацией двух направлений наследственности, генетической и негетической (культурной). Таким образом, дарвиновская археология противопоставила адаптационизму Ламарка и Спенсера селекционизм естественного отбора Дарвина, который уже и культуру обосновал с позиций биологизма и селекционизма. Эгоистичные гены и мемы, конкурирующие теории, этология и социобиология — за всеми этими наукообразными терминами стоит стандартная для биологизма и материализма редукция интеллекта и сознания человека к животному миру. К каким последствиям это неминуемо ведет в области нравственности и как сказывается на здоровье общества, сомнений вызывать не может. Тем не менее, другой науки на сегодня у нас нет.

3) Мистика бога и дьявола

К сожалению, учения которые все таки признают реальность духа, ударяются в другую крайность, трактуя дух не как качественно отличную от биологии энергию, а как мистику всесилия. Не только религии, но и самые популярные сегодня философские системы третируют духовную энергию в мистическом ключе. Например, философия Канта, Фихте, Гегеля, Шопенгауэра, Ницше или Сартра. Это либо мистическая воля, подчиняющая космос своим капризам, либо мистическая свобода абсолюта, диктующего законы себе и вселенной.

Религии менее связаны теориями и бесхитростно признают, что материя от дьявола, а дух от благости божьей. Поэтому духовная энергия в религиозной интерпретации — это тоже некое мистическое всесилие, противопоставленное материи.

Многие исследователи отмечают в своих работах, что философия Канта и Гегеля разрушила рационализм, хотя и претендовала на построение нового рационализма, и как следствие, привела к скептицизму и агностицизму. Действительно, кантианство стало софистикой нашего времени, в чем нетрудно убедиться, если посмотреть на его последователей. М. Фуко с его археоло-

гией знаний прямо ссылается на Канта как на источник вдохновения, К. Леви-Стросс с его «Мифологикой», М. Вебер с его свободной от ценностей социологией, В. Дильтей с его науками о духе, признающими только дескриптивное, но не каузальное познание.

А. Швейцер пишет в «Культуре и этике» о том, что Кант, ставя своей целью углубление и ревизию рационализма, пришел к противоположному результату, поколебав фундамент и разрушив тем самым здание. Такой преданный философии рационализма мыслитель как американская писательница Айн Ренд много критиковала Канта за его субъективизм, скептицизм и агностицизм. Макс фон Лауэ, близкий друг Эйнштейна, пишет в своей автобиографии, что Эйнштейн терпеть не мог Канта. Поэтому неправильно говорить, что критикой Канта был занят только Ленин в «Материализме и эмпириокритицизме», где его критика вполне справедлива. Бертран Рассел в «Истории западной философии» говорит в том же ключе о влиянии Канта на последующее развитие философии:

> «Противоречия в философии Канта с неизбежностью вели к тому, что философы, которые находились под его влиянием, должны были быстро развиваться или в эмпиристском, или в абсолютистском направлении. Фактически в последнем направлении и развивалась немецкая философия вплоть до периода после смерти Гегеля. Непосредственный преемник Канта, Фихте (1762–1814), отверг „вещи в себе“ и довел субъективизм до степени, которая, по-видимому, граничила с безумием. Он полагал, что *Я* является единственной конечной реальностью и что она существует потому, что она утверждает самое себя. Но *Я*, которое обладает подчиненной реальностью, также существует только потому, что *Я* принимает его. Фихте важен не как чистый философ, а как теоретический основоположник германского национализма. Его непосредственный преемник Шеллинг (1775–1854) был более привлекателен, но являлся не меньшим субъективистом. Он был тесно связан с немецкой романтикой. В философском отношении он незначителен, хотя и пользовался известностью в свое время. Важным результатом развития философии Канта была философия Гегеля»

Действительно, философия Гегеля во многом результат философии Канта, а в мистическом характере философии Гегеля

не сомневается никто из трезвых критиков. Об этом пишут Бертран Рассел и Альберт Швейцер, Жюльен Бенда («Предательство интеллектуалов») и Альбер Камю («Бунтующий человек»). Маркс, который сохранил диалектическую логику Гегеля, вместе с ней сохранил и всю мистичность его философии, хоть и воображал себя рационалистическим реформатором Гегеля. У Канта есть такие серьезные защитники как Ясперс, Бенда, Новгородцев, однако и Бенда и Новгородцев очень жестко говорят о иррационализме Гегеля.

Так или иначе, нет сомнений в том, что немецкая спекулятивная философия, разрушив рационализм греков и картезианцев, вместе с ним разрушила и представление о духе как об энергии интеллекта.

4) Метафизика интеллекта

> «Ученый чувствует, что все вокруг связано цепью причин и следствий... Его религиозное чувство принимает форму восхищения и восторга перед гармонией законов природы, в которых ему открывается интеллект такой силы и высоты, что в сравнении с ним ничтожными выглядят все систематическое мышление и деятельность человечества. Несомненно это чувство очень близко тому, что испытывали религиозные гении всех эпох. Всякий кто серьезно занят научным поиском, приходит к убеждению, что в законах, правящих вселенной, проявляет себя некий дух, стоящий бесконечно выше человека... Таким образом, научный поиск ведет к особого рода религиозному чувству, весьма отличному от религиозности людей более наивных. Я верю в Бога Спинозы, открывающего нам себя в гармонии всего сущего, — но не в Бога, озабоченного судьбой и деяниями людей».

А. Эйнштейн «Цитаты и афоризмы»

Эмпирики прямо выступили против рационализма Платона и Декарта, немецкий идеализм делает это в завуалированной форме, прикрываясь понятием «нового рационализма». Так или иначе, и те и другие разрушили рационализм и вместе с ним метафизику интеллекта, без которой невозможна наука. А. Эйнштейн писал в этой связи:

> «К религиозной сфере принадлежит вера в возможность того, что правила нашего мира рациональны, то есть умопостижимы. Не могу вообразить себе подлинного ученого, обходящегося без такой веры. Не знаю лучшего слова, чем „религиозность", для уверенности в рациональной природе реальности, постольку поскольку она постижима для человеческого разума. Там, где это чувство отсутствует, наука деградирует до плоского и бездушного эмпиризма. Я глубоко религиозный неверующий... Вот такая новая религия».

Эйнштейн говорит о боге Спинозы, а Спиноза, как известно, наряду с Лейбницем один из самых известных последователей Декарта.

> «Я мыслю, следовательно, существую» картезианской философии вполне отражает существо духовной энергии, как берущей свой источник в интеллекте. Таково же определение духовной энергии в философии Спинозы и в приводимых здесь цитатах известного физика, сделавшего ряд ключевых открытий 20 века.
> Метафизика интеллекта предполагает первичность интеллекта, как форму задающую движение материи. Будь это мир идей Платона, законы природы Декарта и Спинозы или монады Лейбница — это всегда некая заданная идеальная форма, которая направляет движение материи, как составляющую содержание этой формы. В таком же ключе говорит об интеллекте и науке Френсис Бэкон в «Новом органоне»: «Таким образом, исследование форм, которые (по смыслу и по их закону) вечны и неподвижны, составляет *метафизику,* а исследование действующего начала и материи, скрытого процесса и скрытого схематизма (все это касается обычного хода природы, а не основных и вечных законов) составляет *физику*. Дело и цель человеческого знания в том, чтобы открывать *форму* данной природы, или истинное отличие, или производящую природу, или источник происхождения».

Декарт пишет в «Рассуждении о методе», что разница между человеком и животным не количественная (как утверждает Дарвин), а качественная, потому что у животных интеллект вообще отсутствует:

> «Разница между человеком и животным выясняется, как мы видим теми же двумя способами. Примечательно, что не существует человека настолько пустоголового и тупого, включая и сумасшедших, чтобы связав различные слова, не передать речью мысль, доступную

> понимания собеседника; и наоборот нет никакого другого животного, включая лучших в своем виде и рожденных в самых счастливых условиях, способных сделать хоть что-то похожее. И виновато здесь не строение органов, потому что сороки и попугаи могут, как известно, произносить слова нашего языка, но не могут говорить как мы, то есть обнаруживать в словах свои мысли. Тогда как люди глухонемые от рождения, хотя органами речи способны пользоваться не лучше животных, изобретают обыкновенно знаки, посредством которых могут объясниться с теми, кто найдет время, оставаясь в их обществе, изучить их язык. Это доказывает не просто, что у животных разума меньше чем у людей, но что животные вовсе лишены разума. Ведь известно как мало ума требуется, чтобы научиться говорить».

Декарт говорит это с тем, чтобы обосновать свою философию познания, существо которой как у Платона в том, что познание есть встреча частей одной субстанции: мышления и законов природы, составляющих единую субстанцию интеллекта. Также говорит о процессе познания и Платон. Знание — это просто встреча двух частей интеллекта, которые подходят друг другу как ключ и замок именно потому что являются частями одного целого: встреча мышления и законов природы. Понятно, что в этом случае речь идет о метафизике, как первичности интеллекта, как некоей первичной творческой интеллектуальной активности, создавшей форму материи в виде законов природы и мышление человека, как инструмент для познания этой формы. Вот как пишет об этом Платон в «Государстве»:

> «чем будет благо в умопостигаемой области по отношению к уму и умопостигаемому, тем в области зримого будет Солнце по отношению к зрению и зрительно постигаемым вещам. Считай, что так бывает и с душой: всякий раз, когда она устремляется туда, где сияют истина и бытие, она воспринимает их и познает, а это показывает ее разумность».

Отсюда уже очень просто сформулировать понятие о духовной энергии, как силе притяжения между полюсами интеллекта: активным полюсом (мышление) и пассивным полюсом (законы природы). Притяжение, которое люди переживают как фунда-

ментальную страсть своего существа, как страсть к познанию. «Я глубоко убежден в том, — пишет в этой связи Эйнштейн, — что развитие науки связано прежде всего со стремлением удовлетворить жажду чистого познания. Состояние ума, дающее человеку возможность выполнять такого рода работу... сродни состоянию благоговейного верующего или влюбленного: ежедневные усилия определяются не сознательным намерением, не какой-то программой — они исходят прямо из сердца» («Цитаты и афоризмы»). Также и Платон уподобляет «влюбленному» страсть человека к познанию, когда он чувствует потребность коснуться мышлением родственного начала — истины законов природы. «Что человек, имеющий прирожденную склонность к знанию, изо всех сил устремляется к подлинному бытию? Он не останавливается на множестве вещей, лишь кажущихся существующими, но непрестанно идет вперед, и страсть его не утихает до тех пор, пока он не коснется самого существа каждой вещи тем в своей душе, чему подобает касаться таких вещей, а подобает это родственному им началу. Сблизившись посредством него и соединившись с подлинным бытием, породив ум и истину, он будет и познавать, и поистине жить, и питаться» Платон Государство

Эта метафора мыслителей встречается сплошь и рядом у самых разных писателей: Ницше называл себя женихом истины, Маркс и Кьеркегор роженицей, Гегель подчеркивал как Эйнштейн, что им движет жажда чистого познания. Более того, мыслители сплошь и рядом подобно Сократу, Боэцию, Бруно или Сиднею идут на смерть за истину, и уж, совершенно точно рискуют жизнью и жертвуют своим благополучием. Это общее место для всех мыслителей, что служит неопровержимым доказательством того, что страсть к познанию действительно составляет фундаментальную энергию человека. Мыслящего человека, так как увы, далеко не сразу человечество учится мыслить, и уж точно не рождается мыслящим человечеством.

Эмпирики не имели возможность определить духовную (психическую) энергию как притяжение противоположных по-

люсов интеллекта, переживаемое человеком как страсть к познанию. Прежде всего потому, что они не признавали никакого интеллекта и никаких законов природы. Поэтому когда Вильгельм Оствальд формулировал свою теорию познания как энергетику, он не смог предложить ничего лучшего как определить психическую энергию в качестве превращений биологической энергии нервных импульсов. Позже таким же образом будет объяснять свою теорию психической энергии З. Фрейд, с той лишь разницей, что он будет говорить о превращении биологической энергии сексуальных инстинктов в психическую энергию сознания. Однако, в такой интерпретации, они не выходят из границ философии материализма, как правильно заметил Ленин Оствальду: «Сказать ли материальное движение или двигающаяся материя, от этого суть дела не меняется». Действительно, психическая энергия становится качественно отличной от биологической энергии, если она имеет своим источником поле интеллекта, как субстанцию, отличную от материи.

Метафизика интеллекта позволяет сформулировать теорию психической энергии отличную от плоского материализма, редуцирующего разум человека до рефлексов животного с одной стороны, и в то же время дать строгое научное определение психической энергии, как природной энергии. Поле интеллекта, как источник психической энергии, позволяет сформулировать закономерности движения этой энергии, как мы постигаем закономерности любой другой природной энергии. «Свобода есть осознанная необходимость», — говорит Спиноза. Действительно, здесь уже нет места абсолютной свободе сознания Канта или Гегеля. «Наши действия должны основываться на постоянном сознании того, что в своем мышлении, чувствах и действиях люди не свободны — вся их жизнь также обусловлена причинно-следственными связями, как и движение звезд», — пишет Эйнштейн. Однако, это не значит, что энергия, которая имеет своим источником активный интеллект (мышление) совсем не отличается от всех прочих детерминированных энергий природы в основе которых лишь пассивный интеллект (законы природы). Человек,

познавая, ставит под свой контроль природные энергии, получает доступ к их силе. Значит, он обладает относительной свободой в рамках доступного ему контроля силы природных энергий, в том числе контроля своей собственной психической энергии. Человек не обладает абсолютной свободой, как считали мистики Кант, Фихте, Гегель, Ницше Сартр. Но человек имеет относительную свободу, обеспеченной ему его научным интеллектом.

Эмпиризм, особенно в лице Юма, с самым своим возникновением был философией скептицизма, поскольку доказывал невозможность нахождения причинных связей и доказательства истинности этих закономерностей опытом. Немецкий идеализм вообще снял эту проблему с повестки науки в субъективизме Канта, Фихте и идеализме Гегеля. Однако, теория психической энергии легко решает проблему Юма, которая казалось ему и нескольким последующим поколениям неразрешимой. Прежде всего, это возврат к философии рационализма и постулированию законов природы. Во-вторых, это теория энергетики в эпистемологии, то есть понимание объекта научного исследования только в виде природных энергий. Наука может изучать только закономерности природных энергий, все остальное не относится к ее компетенции. В этом Вильгельм Оствальд был абсолютно прав. Его энергетика провалилась заслуженно, и только потому что он строил ее на основе философии эмпиризма, тогда как энергетика возможна только на основе философии рационализма. Отсюда уже понятно, как легко доказать истинность открытых закономерностей (причинных связей) природных энергий опытным путем. Достаточно продемонстрировать доступ к силе открытых энергий. Например, как современная наука контролирует силу механической, биологической, химической, атомной, электрической и др энергий. Так решается проблема Юма в теории психической энергии.

5) Теория психической энергии

Что касается самой психической энергии, то тут мы вернемся к критическому очерку Джона Милля о позитивизме Конта. Так, Милль пишет, что наука выходит из эмпирического периода и становится стройным и связным учением, только когда найден ее основной закон, который становится как бы осью, вокруг которой систематизируются все остальные факты и закономерности:

> «Однако, Конту не удалось сделать социологические исследования позитивными. Для этого надо открыть или доказать, проследив все их последствия, те из этих истин, которые способны служить связующей цепью в классификации наук. Истины эти должны относится к этой науке так, как закон равновесия и движения к механике, как закон тяготения к астрономии, как периодический закон к химии, как закон элементарных свойств тканей к физиологии. Как только такая операция исполнена, она характеризует конец эмпирического периода и дает возможность понимать науку как стройное и связное ядро учения. Вот чего не было сделано в социологии»

Дж. С. Милль «Огюст Конт и позитивизм»

Психология на сегодня вне всякого сомнения еще находится в эмпирическом периоде, поскольку хаотическое состояние противоречивых теорий очень далеко от «стройной и связной науки», какой являются например, физика, химия или биология. Гордон Олпорт пишет, что психология все еще не может указать даже «единиц анализа человеческой природы»:

> «Ясно, что мы еще не решили проблему единиц анализа человеческой природы, хотя сама проблема была поставлена двадцать три столетия назад. Столь же ясно, что психология намного отстает от химии с ее периодической таблицей элементов, от физики с ее поддающимися верификации, хотя и неуловимыми квантами и даже от биологии с ее клеткой. Психология еще не знает, какой может быть ее „клетка". Отчасти именно по этой причине скептики ставят под сомнение право психологии называться наукой. Психологи еще не достигли согласия в том, какие единицы анализа использовать».

Однако, теория психической энергии претендует на то, что может сформулировать как основной закон психологии, о котором говорит Милль, так и единицу анализа психологии, о которой сокрушается Олпорт.

1. Действительно, проблема единицы анализа очень запутана в психологии. Антропологи Дюркгейм и Леви-Брюль доказывали в своих работах первичных коллективных представлений по отношению к индивидуальному сознанию. Карл Поппер пишет в этой связи в «Открытом обществе», что институты первичны по отношению к институту. В то же время гуманистическая психология, в частности исследование самоактуалов А. Маслоу, говорит о нерасторжимости индивидуального и коллективного в здоровом сознании, о феномене трансцендентности сознания. «Всего полезнее для людей — соединиться друг с другом в своем образе жизни и вступить в такие связи, которые удобнее всего могли бы сделать из всех одного, и вообще людям всего полезнее делать то, что способствует укреплению дружбы», пишет в «Этике» Спиноза. В том же роде говорит Руссо в «Общественном договоре», Спенсер в «Социальной статике».

Так, что же в этом случае понимать как единицу исследования психологии, психику индивида или коллектива? Что есть атом и клетка психики?

Сложность этого вопроса только кажущаяся, если взглянуть на проблему с точки зрения эпистемологии энергетики. Если рассматривать психику как психическую энергию, то становится очевидным, что единицей психики не может быть ни индивид, ни коллектив, но только поле психической энергии. Если внимательно изучить найденные за годы исследований факты, то становится очевидным что таких поля психической энергии два. Именно эти два поля психической энергии и являются единицами исследования психологии.

Как эти поля соотносятся с психикой индивида и коллектива? Психика каждого индивида содержит оба поля. Коллектив — это соединение этих полей, причем каждое поле соединяется по своим собственным закономерностям, так что не составит

труда отличить какого типа связь являет собой данное конкретное общество, какое поле в нем доминирует.

2. Теперь о главном законе психологии, о котором говорил Джон Милль.

Психологи в основном согласны в том, что самооценка является главным барометром психического здоровья. Здоровый человек — это человек уверенный в своих силах, с развитым чувством самоуважения. Так, Олпорт пишет, что «все исследования прямо или косвенно подтверждали первоначальное утверждение Хоппе, что субъект ведет себя таким образом, чтобы поддерживать свое самоуважение на максимально возможном высоком уровне». С ним согласен Фрейд, так он пишет в «Трех очерках сексуальности»: " Самочувствие кажется, прежде всего, выражением величины Я независимо от того, из чего оно состоит. Все, чем владеешь и что достигнуто, всякий подтвержденный опытом остаток примитивного чувства всемогущества содействует поднятию самочувствия“. С другой стороны, была замечена положительная корреляция между нездоровьем и низкой самооценкой: „Разные ученные пришли к выводу, что люди, у которых развилась шизофрения, особенно чувствительны к определенным стрессовым воздействиям типа реальной или переживаемой угрозы самолюбию или самооценке и что они могут реагировать и болезненно реагировать, на события, которые другие не сочтут огорчительными“. „Действительно низкое самоуважение создает проблемы. По сравнению с теми, кто недооценивает себя, уверенные в себе люди более счастливы; они обладают более устойчивой нервной системой, реже болеют язвой желудка и страдают от бессоницы, среди них меньше алкоголиков и наркоманов, и они более мужественно переносят неудачи (Brockner& Hulton, 1978, Brown 1991, Tafarodi &Vu, 1997)

Теория психической энергии объясняет эту связь между здоровьем психики и уровне самоуважения — законом сохранения силы психической энергии. Именно этот закон сохранения силы психической энергии применительно к двум силовым полям психики человека и составляет тот основной закон психологии,

которые упорядочивает все известные на сегодня факты и приводит к синтезу противоречивые на первый взгляд теории. Именно этот закон сохранения силы двух полей психической энергии — тот закон равновесия и движения в механике, тот закон тяготения в астрономии, тот периодический закон в химии и тот закон элементарных свойств тканей в физиологии — который выводит психологию из эмпирического периода и делает из нее стройную систему зрелой науки. Действительно, необходимо учитывать два поля психики, поскольку самооценка, как закон сохранения силы, имеет совершенно различный характер на каждом из этих полей. Об этом писал Альфред Адлер в теории комплекса неполноценности, Карен Хорни в теории идеального и реального Я, Эрих Фромм в теории ложного эгоизма и подлинного Я, Карл Роджерс в теории идеального и реального Я, и наконец АБрахам Маслоу в теории самоактуализации. «Реальное Я» связано как правило с компетентностью, знанием, уверенностью, с мужеством, добротой и совестью. А «идеальное Я» основано на тщеславии, злорадстве, на стремлении к насилию и подчинению, на зависти и ревности.

> «Все люди в нашем обществе (с редкими патологическими исключениями) имеют потребность в стабильной, обоснованной, обычно высокой самооценке, в самоуважении или чувстве собственного достоинства и в уважении окружающих. Следовательно, эти потребности можно отнести к одному из двух подклассов. К первому из них относятся сила, достижения, адекватность, мастерство и компетентность, уверенность перед лицом внешнего мира, независимость и свобода. Ко второму мы отнесем то, что можно назвать желанием хорошей репутации или престижа (определяя их как уважение или оценку со стороны других людей), а также статус, известность и славу, превосходство, признание, внимание, значительность, чувство собственного достоинства или внимательность. Эти потребности были в общем и целом выделены Альфредом Адлером и его последователями и были в общем и целом проигнорированы Фрейдом. Сегодня все большее и большее распространение получает признание их чрезвычайной важности как со стороны психоаналитиков, так и клинических психологов»

Мотивация и личность Маслоу

3. Нам осталось сформулировать этот основной закон психической энергии на языке энергетической теории, и показать, как он систематизирует и примиряет хаос противоречий современной психологии.

Итак, психическая энергия представлена двумя качественно различными энергиями. Назовем их Контрольной энергией психики (Контрольный ток психической энергии) и Детерминированная энергия психики (Детерминированный ток психической энергии). Коротко КТ и ДТПЭ. Понятно, что контрольная энергия связана с активным интеллектом и имеет своим источником поле интеллекта, тогда как детерминированная энергия имеет своим источником обычное физическое поле, как все прочие детерминированные энергии природы.

Контрольная энергия — это поле полюсов интеллекта, мышления и законов природы, притяжение между которыми и образуют ток психической энергии, ту самую духовность, которая составляет существо человека и переживается как страсть к познанию. Эту энергию изучает гуманистическая психология.

Детерминированная энергия представлена совершенно другим силовым полем. О нем писал еще Кьеркегор в «Болезни к смерти» как о «кривом зеркале» психики, в котором человек видит ложный образ своего Я. Это чувственная информация о себе и о мире, которую поставляет закон сохранения силы. Конечно это ложная информация, она представляет человека и весь мир как две противостоящие силы, как энергию всей вселенной в некоей единой количественной абстракции двух противостоящих сил. Чувственная информация о себе и о мире не может не быть искаженной, в корне ложной, поскольку только разум способен открывать истину в виде законов природы. Эту чувственную информацию поставляет Физический контроль Закона сохранения силы психики. И результатом этой информации становится вовсе не способность человека ориентировать в мире, а возникновение другого силового поля психики. Это кривое зеркало психики, с двумя противостоящими фигурами, есть на самом деле возникновение двух противоположных по-

люсов силового поля психической энергии. Зигмунд Фрейд обнаружил это поле следующим после Кьеркегора и Леви-Брюля (отчасти Дюркгейма). Он констатировал наличие двух чувственных противостоящих структур в психике, которые он обозначил как Эго и СУперЭго. Эти две противостоящие фигуры и есть силовое поле детерминированной энергии психики. Иначе, силовое поле Эгосистемы. Искаженный характер информации о себе и о мире на этом поле, противостоящий характер противоположных полюсов, которые являются образами себя и мира — все это объясняет страх «сверхъестественных сил», который Леви-Брюль констатировал как основную тональность психики первобытных людей.

> *«Как известно не сознательный субъект, а именно бессознательное совершает это проецирование. Следовательно, он только сталкивается с проекциями, а не создает их. Результат проекции — изоляция субъекта от его окружения, поскольку вместо подлинной связи со средой, отныне существует только иллюзорная связь. Проекции заменяют реальный мир репродукцией собственного неизвестного лица субъекта. Поэтому, в конечном счете они приводят к аутоэротическому и аутистическому состоянию; в таком состоянии человек выдумывает мир, реальность которого остается навсегда недосягаемой. Возникающее в результате чувство неполноценности, и еще более тяжелое ощущение бесплодности, в свою очередь объясняется — благодаря проекции — недоброжелательностью окружения, что по механизму порочного круга, ведет к дальнейшему усилению изоляции. Чем больше проекций втискивается между субъектом и окружением, тем труднее Эго видеть сквозь собственные иллюзии, что же в действительности происходит. (...) Часто печально наблюдать, как вопиюще человек портит свою жизнь и жизни других людей, и вместе с тем остается совершенно неспособным понять, что вся эта трагедия порождается в нем самом и что он беспрестанно подпитывает ее и не дает ей прекратиться. Не сознательно конечно, ибо сознательно он оплакивает и проклинает вероломный мир, все больше и больше удаляющийся от него. Скорее это бессознательный фактор прядет иллюзии, скрывающие его мир. А то что прядется становится коконом, который в конце концов полностью окутывает его» К. Юнг*
>
> *«Общее значение этих нарушений в жизни пациента вполне очевидно. То, что он не является активным определяющим фактором своей*

> *собственной жизни, создает у него чувство глубокой неуверенности, неважно, насколько оно прикрыто вынужденной жесткостью. Он не чувствует своих чувств, и это делает его неживым, неважно, насколько велика его поверхностная живость. Он не отвечает за себя, и это отнимает у него внутреннюю независимость. Вдобавок, бездеятельность его подлинного я оказывает значительное влияние на развитие его невроза. Именно здесь яснее всего видна та грань отчуждения от себя, которую составляет механизм порочного круга. Сам являющийся порождением невроза, он становится причиной его дальнейшего продвижения. Ибо чем больше отчуждение от себя, тем более беспомощной жертвой гордыни становится невротик. У него все меньше и меньше живой силы, чтобы ей сопротивляться». К. Хорни «Невроз и личностный рост»*
> *«Состояние застоя. Больной как бы оказывается в заколдованном круге, не позволяющем приблизиться к фактам жизни, увидеть настоящее, приспособиться, испытать свои силы и ответить на вопрос, что он собой представляет».*

А. Адлер

Из приведенных цитат видно, что вся психопатология человека связана с этим полем эгосистемы, которое искажает информацию человека о себе и о мире, и становится тем «заколдованным кругом» между человеком и действительностью, которая блокирует его истинную, здоровую энергию (поле интеллекта и совести). «Страх сверхъестественных сил» — это мотивация боли, которую запускает закон сохранения силы на поле эгосистемы. Понятно, что «сверхъестественные силы» — это просто искаженная информация в виде количественной абстракции противостоящих сил космоса и человека. Действительно, поскольку оба поля образует закон сохранения силы психики и поскольку информация поля говорит об угрозе силе Я со стороны громадной силы мира, то именно так закон сохранения силы провоцирует страх и последующую активность эгозащиты, которая и составляет существо активности детерминированной энергии. Она бессмысленна и вредна с точки зрения разумного поля человека, но имеет смысл как заурядная детерминированная энергия природы, основанная на цикличном гомеостазе равновесия-неравновесия.

Здесь получают свое объяснение наблюдения многих психологов о том, что психика имеет два характера мотивации — цикличный гомеостаз неравновесия, провоцируемый страданием (мотивация боли) и стремлением к покою, и с другой стороны потребность в удовольствии и росте (мотивация удовольствия).

Тут мы переходим к фундаментальному полю психике, к собственно духовной энергии, которая составляет существо человека, образуя его реальное, подлинное «я». Мы уже знаем что оно образовано полем интеллекта. Что его самооценка связана со знанием и научным (интеллектуальным) контролем закона сохранения силы. Поэтому информация о мире, которую дает научный контроль этого поля — адекватна. Поэтому равновесие не цикличное, как в случае с эгозащитой на поле мистического страха, а устойчивое. Человек обретает реальные знания о себе и о мире и устойчиво контролирует свое взаимодействие с миром. Если самооценка поля эгосистемы связана с противоборством всех эго, с завистью, ревностью и насилием, то самооценка научного контроля поля интеллекта связана с сотрудничеством, энергией дружбы, совести и сочувствия. Если эгозащита запускается страхом сверхъестественных сил как компульсивной мотивацией боли, потребности избежать страдания, то научный контроль связан с мотивацией удовольствия в любви к миру, в страсти к познанию, к совместному творчеству и общению.

Таким образом, два контроля закона сохранения силы — физический и интеллектуальный, образующие два силовых поля психики, и составляют тот основной закон психологии, который систематизирует весь эмпирический материал и превращает психологию в зрелую систематическую науку.

Понятно, что поле эгосистемы, порождающее детерминированный ток психики (ДТПЭ) — это паразит на теле фундаментальной энергии психики (КТ). Что ДТПЭ подобен раковой опухоли, разъедающей тело здоровой, разумной, живой энергии психики человека. Но при этом это неживая энергия. Оствальд проводит разницу между живой и неживой энергией природы в зависимости от характера закона сохранения силы: у живых

энергий он имеет вид самосохранения. Так вот если КТ — это самосохранения, то ДТПЭ — это неживая энергия, эгозащита не защищает никакого реального эго, так как эго и суперэго — это только чувственная информация человека о самом себе, образующая полюса силового поля детерминированной энергии. Эго подобно отражению человека в зеркале, которое нельзя приравнять к самому человеку. Таким образом, эгозащита не носит характер самосохранения живой энергии.

Тем не менее, мы можем с уверенностью говорить, что не только вся патология психики, все психозы, вся беспомощность имеют источником поле эгосистемы детерминированной энергии психики, но и все то, что принято называть злом, пороком и безнравственностью. А следовательно, зло не имеет нравственной оценки, но только медицинскую. Злые люди — не плохие люди, а глубоко больные люди.

Еще один вывод, к которому мы приходим, анализируя основной закон психики, состоит в том, что психотерапия может быть только когнитивной терапией. Только знание и следовательно система образования могут справиться с врожденной болезнью психики в виде активного поля эгосистемы детерминированной энергии. Поскольку остановить детерминированный ток и дезактивировать поле эгосистемы можно только знанием о двух полях психики, способности идентифицировать Эго и отделить его от реального Я, и доказать что физический контроль сохранения силы в виде эгозащиты на поле мистики — есть ложный контроль, который на деле провоцирует паразитическую энергию, разъедающую реальную силу организма. Именно закон сохранения силы психики автоматически отключит поле эгосистемы в тот самый момент, когда психика человека убедится в том, что физический контроль — ложный контроль. Таковы механизмы, которыми господь бог предусмотрел избавление человека от его болезни «первородного греха» по мере того, как человек будет овладевать знаниями и найдет в конце концов знания о своей собственной психике.

ГЛАВА 2. ОСЬ МИРОВОЙ ИСТОРИИ. ЛОГОС ПРОТИВ МИФА

1) Логос против мифа. Конец мифологической эпохи
2) Первое и вторые осевое время
3) Два великих кризиса Духа

1) Логос против мифа. Конец мифологической эпохи

К. Ясперс сформулировал самую известную теорию осевого времени в книге «Истоки истории и ее цель». Он противопоставил точки зрения Э. Лазо и В. Штрауса, которые говорят об одновременном зарождении духовности в Китае, Индии, Греции, Израиле и Персии философии истории Гегеля, который провозгласил осью мировой истории явление богочеловека Христа. В интерпретации Ясперса, осевое время — это время рождения Разума, Рациональности, Философии и Рефлексии, а вместе с ними Духа человека и его Личности. Это начало мировой истории, времени универсальности, когда люди начинают осознавать свою общую духовную сущность и происходит становление общечеловеческого самосознания и общества.

Он пишет о том, что осевое время размежевало миф и логос, и что мифологической эпохе приходит конец, но в то же время, она не исчезает совершенно, но консервируется с тем, чтобы время от времени вновь подниматься во всей своей силе. Вот как он сам формулирует специфику осевого времени:

> *«Мифологической эпохе с* ее спокойной устойчивостью пришел конец. Основные идеи греческих, индийских, китайских философов и Будды, мысли пророков о Боге были далеки от мифа. Началась борьба рациональности и рационально проверенного опыта против мифа (логоса против мифа), затем борьба за трансцендентного Бога, против демонов, которых нет, и вызванная этическим возмущением

> борьба против ложных образов Бога. Божество неизмеримо возвысилось посредством усиления этической стороны религии. Миф же стал материалом для языка, который теперь уже выражал не его исконное содержание, а нечто совсем иное, превратив его в символ. В ходе этого изменения (по существу, тоже мифотворческого), в момент, когда миф, как таковой, уничтожался, шло преобразование мифов, постижение их на большой глубине. Древний мифический мир медленно отступал, сохраняя, однако, благодаря фактической вере в него народных масс свое значение в качестве некоего фона, и впоследствии мог вновь одерживать победы в обширных сферах сознания. Впервые появились *философы*. В осевое время произошло открытие того, что позже стало называться разумом и личностью. Эту ось мировой истории следует отнести, по-видимому, ко времени около 500 лет до н. э., к тому духовному процессу, который шел между 800 и 200 гг. до н. э. Тогда произошел самый резкий поворот в истории. Появился человек такого типа, какой сохранился и по сей день. Это время мы вкратце будем называть осевым временем. В это время происходит много необычайного. В Китае жили тогда Конфуций и Лао-цзы, возникли все направления китайской философии, мыслили Мо-цзы, Чжуан-цзы, Ле-цзы и бесчисленное множество других. В Индии возникли Упанишады, жил Будда; в философии — в Индии, как и в Китае, — были рассмотрены все возможности философского постижения действительности, вплоть до скептицизма, до материализма, софистики и нигилизма; в Иране Заратустра учил о мире, где идет борьба добра со злом; в Палестине выступали пророки — Илия, Исайя, Иеремия и Второисайя; в Греции — это время Гомера, философов Парменида, Гераклита, Платона, трагиков, Фукидида и Архимеда. Все то, что связано с этими именами, возникло почти одновременно в течение немногих столетий в Китае, Индии и на Западе независимо друг от друга. Все это происходило посредством рефлексии. Сознание осознавало сознание, мышление делало своим объектом мышление. Началась духовная борьба. В эту эпоху были разработаны основные категории, которыми мы мыслим по сей день, заложены основы мировых религий, и сегодня определяющих жизнь людей. Во всех направлениях совершался переход к универсальности»

К. Ясперс Истоки истории и ее цель

Ясперс называет время пробуждения разума, самосознания человечества — осью мировой истории, чтобы подчеркнуть, что существование человека до пробуждения его сознания не явля-

ется историей, но лишь доисторией, подготовившей время становления человеческого духа. Это становление человеческого духа и есть истинный смысл человеческого существования и истинное содержание истории.

При этом Ясперс далек от эволюционного подхода. Он подчеркивает тот факт, что прогресс идет в знании и технике, но «не в субстанции человека, не в его природе», сформировавшейся в доисторические времена и с момента начала истории остающейся постоянной и неизменной. Таким образом, осевое время — это появление зрелой, подлинной природы человека, которая уже никогда не меняется. Содержанием истории становится прогресс в области знания, который и будет означать становление духа. Так Ясперс пишет:

> «В этой области мировая история может быть понята как развитие по восходящей линии, хотя и содержащее отступления и остановки, но в целом связанное с постоянным ростом достижений, в которые вносят свою лепту все люди, все народы, которые по самой своей сущности доступны всем людям и действительно становятся достоянием всех. В истории мы обнаруживаем ступени этого продвижения, которое в настоящее время достигло своей высшей точки. Однако это лишь одна линия целого. Сама человеческая природа, этос человека, доброта и мудрость не подвержены такому развитию. Искусство и литература понятны всем, но отнюдь не всем присущи, они возникают у определенных народов в определенные исторические периоды и достигают неповторимой, непревзойденной высоты. Поэтому прогресс может быть в знании, в технике, в создании предпосылок новых человеческих возможностей, но не в субстанции человека, не в его природе, возможность прогресса в сфере субстанциального опровергается фактами. Высокоразвитые народы погибали под натиском народов, значительно уступавших им в развитии, культура разрушалась варварами. Физическое уничтожение людей выдающихся, задыхающихся под давлением реальностей массы, — явление, наиболее часто встречающееся в истории. Быстрый рост усредненности, неразмышляющего населения, даже без борьбы, самым фактом своей массовости, торжествует, подавляя духовное величие. Беспрерывно идет отбор неполноценных, прежде всего в таких условиях, когда хитрость и брутальность служат залогом значительных преимуществ. Невольно хочется сказать: все великое гибнет, все незначительное продолжает жить. Однако

> в противовес таким обобщениям можно указать на то, что великое возвращается, что великому вторит эхо, даже если оно молчало целые века и более. Но как преисполнено сомнения, как недостоверно это ожидание!»

К. Ясперс Истоки истории и ее цель

Ясперс не относит великие цивилизации древности, такие как цивилизации Двуречья и Египта, с их «магическими религиями» к осевому времени. Он делит существование человека на «доисторию» прометеевского времени (то есть неолита), когда человек нашел орудия труда и научился производящему хозяйству, на переходный период древних цивилизаций, когда были освоены основы общежития и государственности, и наконец, на осевое время истории, когда возникает личность, с ее самосознанием, рефлексией, философией и этическими религиями. Как мы можем видеть, пропасть, разделяющая магические и этические религии так велика в понимании Ясперса, что через нее проходит рубеж между доисторией первобытного общества и началом исторического существования разумного, духовного человечества. Именно поэтому, историческое существование все прочие народы, не участвовавшие в «прорыве» самостоятельно получают лишь в той степени, в которой они сумели впоследствии приобщиться к этому прорыву сознательного существования.

«Осевое время служит ферментом, связывающим человечество в рамках единой мировой истории. Осевое время служит масштабом, позволяющим нам отчетливо видеть историческое значение отдельных народов для человечества в целом. Глубочайшее разделение народов определяется тем, как они относятся к великому прорыву осевого времени.

Мы различаем:

1. *Осевые народы.* Это те народы, которые, последовательно продолжая свою историю, совершили скачок, как бы вторично родились в нем, тем самым заложив основу духовной сущности человека и его подлинной истории. К этим народам мы относим китайцев, индийцев, иранцев, иудеев и греков.

2. *Народы, не знавшие прорыва.* Прорыв был решающим по своему универсально-историческому значению, но не повсеместным событием. Ряд народов великих культур древности, существовавших до прорыва в осевое время и даже одновременно с ним, не были им затронуты и, несмотря на одновременность, остались внутренне чужды ему. К осевому времени еще относится период расцвета египетской и вавилонской культур, хотя и с несомненными признаками поздней стадии. Обе они не знали преобразующей человека рефлексии: не испытали метаморфозы, соприкасаясь с осевыми народами, и не реагировали на прорыв, который произошел вне сферы их непосредственного существования. Они остались, по существу, такими же, какими они были раньше в качестве предшествующих осевому времени культур, достигнув громадных успехов в области организации государственной и общественной жизни, в архитектуре, пластике и живописи, в создании своей магической религии. Однако все это происходило уже на стадии медленного умирания.

3. *Последующие народы.* Все народы делятся на тех, основой формирования которых был мир, возникший в результате прорыва, и тех, кто остался в стороне. Первые — исторические народы; вторые — народы первобытные. Элементом, политически структурировавшим новые мировые империи в мире прорыва, были македонцы и римляне. Их духовное убожество связано с тем, что они не сумели воспринять всей душой опыт осевого времени. Поэтому они были способны в историческом мире к политическим завоеваниям, к управлению, к организации, к восприятию и сохранению образованности, к непрерывности в передаче опыта, но не к его продолжению или углублению. По-иному обстояло дело на севере. Здесь, так же как в Вавилоне и Египте, не было великого духовного преобразования. Нордические народы пребывали в дремотности примитивного состояния.

После того как совершился прорыв осевого времени и сформировавшийся в нем дух стал посредством своих идей, творе-

ний, образов доступен каждому, кто был способен слышать и понимать, когда стали ощутимы безграничные возможности, все последующие народы становятся историчными в зависимости от степени интенсивности, с которой они отзываются на совершившийся прорыв, и от глубины, на которой он ими ощущается» К. Ясперс Истоки истории и ее цель

Он твердо заявляет, что наука нового времени не является вторым осевым временем в смысле качественно нового прорыва в самосознании человека, а в лучшем случае «вторым дыханием» первого осевого времени. И что человечество до сих пор способно черпать воодушевление и энергию только погружаясь в священный источник первого откровения, полученного в те несколько столетий до рождества Христова, в которые родилась греческая философия и древняя религия иудеев и индусов.

Ясперс гениален во всем своем прозрении исторического процесса, кроме этого последнего вывода. Он безусловно прав в том, что определяет конец мифологической эпохи как ось мирового времени. Он также непогрешим в своем выводе о том, что первое рождение разумной личности еще не полностью свободу от магического сознания, которое дремлет в нем и может быть пробуждено в любой момент. Таким образом, он говорит скорее о некоем синтезе мифа с логосом, чем о войне, объявленной логосом мифу. Действительно, на первом этапе так и должно было быть. Как проницательно его определения процесса становления духа, как прогресса в знании, но не в сущности, не в самой природе человека, которая остается неизменной. И что эта общая природа человека непременно ведет к единой мировой истории всего человечества. Он также категоричен в противопоставлении своего видения линейного мирового процесса мировой истории человечества цикличным теория Шпенглера и Тойнби, как категоричен будет позже Альберт Швейцер в «Культуре и этике».

Однако, вся гениальность этого прозрения остается нейтрализованной и бездействует в безвестности по причине того, что Ясперс, стоя на позициях Канта, смазывает в конечном итоге ре-

шительную критическую границу между логосом и мифом, которая является рождением истории разумной личности. Для него миф остается не временно, а навсегда, и линия между мифом и логосом навсегда размыта, и это не имеет никакого решительного воздействие на сознание человечества в его понимании. Поэтому человечество может бесконечно возвращается к архаическим этическим религиям времен Древней Греции, и черпать в них свое вдохновение. По той же причине, он не способен увидеть и раскрыть пути становления духа после его рождения в осевое время, хотя из определения которое он вначале дает эти дороги ясны и прозрачны. Эта кантианское благоговение перед всесилием духа, заставляет его заявить, что сознание человека нельзя определить, так как это идея. По той же причине его психиатрия, которая в философском смысле очень удачно противостоит дарвиновской психиатрии примитивного биологизма, остается беспомощной. Ибо на практике кантианец, признающий дух всесильным в своей свободе самоопределения, ничего определенного в отношении этого духа сказать не может. Попробуем мы сделать это вместо Ясперса с позиций теории психической энергии, ибо, к счастью, никак не связаны с абсурдом кантианской философии.

> «Великий прорыв служит как бы неким посвящением человечества в тайну неизведанных возможностей. Любое соприкосновение с ним — и впоследствии — носит характер нового посвящения. С этого момента в процессе собственно исторического развития участвуют только посвященные люди и народы. Если придет новое осевое время, то только в будущем, подобно тому как первое осевое время пришло лишь после того, как были открыты основополагающие условия человеческой жизни, резко отделившие человека от животного мира, лишь после прометеевского времени. Но это новое осевое время, которое, быть может, нам предстоит и явит собой единую, охватывающую весь мир действительность, мы представить себе не можем. Предвосхитить его в нашем воображении означало бы создать его. Никто не знает, что оно нам принесет»

К. Ясперс Истоки истории и ее цель

2) Первое и второе осевое время

> «Суть всего учения Христа1 каждый может легко усвоить при помощи естественного света. Наконец, для того чтобы религию, которую прежде подтверждали знамениями, приспособлять к обычному пониманию людей, так чтобы каждый легко принимал ее сердцем, апостолы не нуждались в сверхъестественном свете. Итак, Христос воспринимал откровения истинно и адекватно. Следовательно, если он когда-либо предписывал их как законы, то делал это из-за народного невежества и упорства. А тех, кому дано было знать тайны небес, он, без сомнения, учил вещам как вечным истинам, а не предписывал их как законы; в этом отношении он, освободив их от рабства закону, тем не менее, еще более подтвердил и упрочил этим закон и глубоко написал его в их сердцах».

Спиноза
Богословско-политический трактат

К. Ясперс, будучи кантианцем, остается мистиком. Именно это останавливает его трезвый научный анализ. Дух, сознание, воля в кантианской философии, как известно, мистические категории трансцендентного мира. Рационализм Спинозы признает метафизику интеллекта, то есть закономерность и необходимость всего сущего, данного в законах бога-интеллекта. В этом смысле сознание человека, его духовная энергия также имеют закономерности и необходимость как и весь прочий космос. Разница только в том, что человек может познавать законы этого мира (в том числе и законы своей собственной энергии) и получать доступ к силе природных энергий (контролировать законы природы). Но характер необходимости имеет все, и свобода возможна только в границах познания и контроля законов бога.

Мистика философии Канта и его последователей (Фихте, Гегеля) состоит в том, что они делят мир на две субстанции: необходимость природного мира и абсолютную свободу духа. Таким образом, природа подчиняется естественным законам и может быть познана научным методом, а человеческое сознание насквозь мистично, поскольку свободно само устанавливать себе законы, никак не подчиняясь закономерностям божественной необходимости. Понятно, что в этом случае ни о какой гумани-

тарной науке не может идти речь, поскольку человек подобен богу в своей абсолютной свободе и нет законов природы, контролирующих его духовную энергию.

Поэтому Ясперс теряет нить рассуждений сразу после того, как формулирует идею осевого времени как конца мифологической эпохи. Он не может продолжить свою мысль и сказать, что продолжением конца мифологической эпохи будет окончательная победа рационального сознания над сознанием мистическим, и что это станет возможным благодаря становлению гуманитарной (социальной) науки: психологии. Что будут открыты закономерности духовной энергии и это позволит человеку разоблачить вредоносную энергию психики, источник психических и нравственных расстройств, — разоблачить и обезвредить. Главное, он не видит того принципиального следствия из своих рассуждений, что логос и миф — два антагонизма, которые никогда не смогут уживаться в психике человека, и что становление духа, а значит и смысл истории всегда будут означать окончательную победу логоса над мифом. А содержанием истории будет противоборство мифа и логоса в сознании человека до тех пор, пока разум, наконец, не одержит уверенной победы над мистикой.

В антропологии эту точку сформулировал Люсьен Леви-Брюль, о котором мы уже упоминали в этой связи. Он выступил против своих учителей Фрезера, Тейлора, Дюркгейма, которые не видели качественных отличий между рациональным и мистическим сознанием человека. Тейлор и Фрезер выстраивают единую эволюционную линию развития сознания от абориген до цивилизованного человека с количественными различиями. Дюркгейм утверждает, что мистика — это неизменная и базисная часть природы всех людей, как диких, так и цивилизованных, и у всех имеет одинаковую функцию источника социальной энергии, единения и возбуждения психической энергии людей. Леви-Брюль не согласился со своим учителем и другом. Он пишет в «Первобытном сознании», что рационализм и мистика два качественно различных пласта сознания, которые вполне могут

совмещаться в одной психике. Он также указывает на непримиримый характер антагонизма между этими двумя пластами сознания, и говорит о несовместимости рационального (логического) мышления с мистическим сознанием абориген.

Мы будем отстаивать точку Леви-Брюля в этой работе, как и во всех предыдущих работах. И потому для нас очевидно, что конец мифологической эпохи, который принесло осевое время Ясперса, есть только начало объявленной войны разумом человека его мистическому сознанию. И что Новое время, которое принесло с собой становление естественных наук должно стать логическим завершением этого процесса, и таким образом, окончательно развести рациональную и мистическую составляющую человеческого сознания.

Анализируя возможные причины одновременного пробуждения духа рационализма в пяти разных точках планеты, Ясперс приходит к выводу об откровении, то есть останавливается на традиционном объяснении возникновения этических религий, которое дают они сами. Его удовлетворяет такое объяснение, которое позволяет не сомневаться в истинности полученной информации. Однако, как нам кажется объяснение, которое дает Спиноза сущности и происхождению Священного писания в «Богословско-политическом трактате» более удачно.

Спиноза не отрицает откровения и пророков, но он говорит о том, что пророки тоже люди и их способности к пониманию откровения сильно ограничены. Что первые пророки могли воспринимать откровение только через воображение, а не через разум, и потому их информация сильно искажена. Что то что излагается в мифах, — излагается для детского состояния человечества, чтобы напугать его «сверхъестественным светом» и заставить подчиняться законам вопреки его воле. И только то, что человек понимает «естественным светом разума», говорит ему о законах написанных богом в его сердце. И только восприятие разумом естественных законов природы, а не воображением и мифами, — дает истинное и адекватное знание. Только разумное восприятие освобождает, ведь свобода есть

осознанная необходимость, тогда как подчинение законам через страх, который внушают мистические знамения и властные приказы пророков только порабощают. Таким образом, Спиноза подчеркивает значительность иррационального в древних священных писаниях, и говорит о том, что развитие мышления и науки приведет к потере авторитета этими писаниями, так как даст более истинное, подлинное знание, свободное от «сверхъестественного света» мистики.

Спиноза «Богословско-политический трактат»:

> «То, что мы сказали об израильтянах и Адаме, должно сказать и о всех пророках, писавших законы от имени бога, именно: что они воспринимали решения бога не адекватно, не как вечные истины; например, и о самом Моисее должно сказать. Вследствие этого он воспринял все это не как вечные истины, но как правила и постановления и предписал их как законы бога, а отсюда произошло, что он вообразил бога правителем, законодателем, царем милосердным, справедливым и пр., между тем как все это суть атрибуты только человеческой природы и от божественной природы они совершенно должны быть устранены. Это, говорю, должно сказать только о пророках, писавших законы от имени бога, но не о Христе. О Христе, хотя он, по-видимому, тоже предписывал законы от имени бога, должно, однако, думать, что он воспринимал вещи истинно и адекватно, ибо Христос был не столько пророком, сколько устами божьими. Бог ведь через душу Христа открыл нечто человеческому роду. Итак, мы заключаем, что бог только сообразно понятиям толпы и только вследствие дефекта в мышлении изображается как законодатель или властитель и называется справедливым, милосердным и пр., что в действительности бог действует и управляет всем только вследствие необходимости своей природы и совершенства и, наконец, что его решения и воления суть вечные истины и всегда заключают в себе необходимость».

Спиноза цитирует Маймонида в «Богословском трактате», оскорбленный его «дерзостью» утверждать, что авторитет писания выше авторитета разума: «Поэтому, если кто-нибудь прочтет исторические рассказы Священного Писания и во всем даст ему веру, а на учение, однако ж, которому оно теми рассказами старается научить, не обратит внимания и не исправит свою жизнь, то это для него все равно. И, наоборот, кто их со-

вершенно не знает и тем не менее имеет спасительные мнения и ведет истинный образ жизни, тот, как мы сказали, безусловно блажен и на самом деле имеет в себе дух Христа. Но иудеи думают совсем обратное. Они ведь утверждают, что истинные мнения, истинный образ жизни нисколько не способствуют блаженству, пока люди получают их только путем естественного света, а не как правила, пророчески открытые Моисею. Маймонид в 8-й гл. Царей, в законе 11, открыто дерзает утверждать это в следующих словах: «Всякий, кто принимает семь заповедей и будет старательным исполнителем их, тот принадлежит к праведникам из народов и наследует будущий мир; конечно, при условии, если он примет и исполнит их потому, что бог предписал их в законе, и потому, что он открыл нам через Моисея, что раньше они же были предписаны сыновьям Ноя; но если кто исполнит их, руководясь разумом, тот не поселенец и не принадлежит ни к праведникам из народов, ни к их мудрецам. ...Читал также и, кроме того, знал некоторых болтунов-каббалистов, безумию которых я никогда не мог достаточно надивиться. А что ошибки, как мы сказали, вкрались, то в этом, я думаю, не сомневается ни один здравомыслящий человек... Те, кто принимает Библию такой, какова она есть, за письмо божье, ниспосланное людям с неба, без сомнения, возопиют, что я совершил грех против Святого Духа, именно: утверждая, что это слово божье содержит ошибки, пропуски, подделки и не согласно само с собою. Письменно, в виде закона, религия была передана первым иудеям потому именно, что они в то время считались как бы детьми. Но впоследствии Моисей (Второзак., гл. 30, ст. 6) и Иеремия (гл. 31, ст. 33) предсказывают им, что настанет время, когда бог напишет свой закон в их сердцах. Наконец, если они согласно известному выражению апостола во II Послании к коринфянам (гл. 3, ст. 3) имеют в себе письмо божье, написанное не чернилами, но духом божьим и не на скрижалях каменных, но на плотских скрижалях сердца, то пусть перестанут почитать букву и столь заботиться о ней».

Далее Спиноза пишет, что хоть учение Христа тоже не есть рациональная философия или наука, но тем не менее, для его понимания не требуется «сверхъестественного света» запугивания знамениями, а напротив оно понятно естественным образом каждому так как говорит о законах написанных в сердцах людей. На этом основании он противопоставляет Евангелие Христа Ветхому завету иудейских пророков, как истинное и адекватное знание. Как известно, Томас Пейн, Лев Толстой, Энерст Ренан продолжили эту традицию Спинозы, представив Евангелие как рационалистическую критику Ветхого завета Моисея. Т. Карлейль, Дж. Милль, М. Вебер, Куно Фишер и др. Исследователи пишут о протестантах Реформации как о точно такой же рационалистической критике писания, — критике, которая в конечном итоге сделала возможной свободу мышления на Западе.

Для нас это важно как яркое свидетельство того факта, что Ясперс ошибался, считая, что первые этические религии и сегодня существуют в первозданном виде, и что до сих пор человечество черпает вдохновение в этих первых священных источниках. Он перечисляет Гомера, Пифагора и Платона через запятую, как единую мудрость осевого времени Греции, а между тем, Пифагор, Сократ и Платон — это такая же рационалистическая критика Гомера, какой позже стал Христос для Ветхого завета иудеев. Пифагора сожгли, его школы разгромили, Сократа приказали отравить, но Платон все же увековечил память обоих, и его великая философия стала частью христианского синтеза средневековья. Христа распяли, но и он успел сделать свой огромный вклад в будущее становление духовной энергии человечества, став неотъемлемой частью того нового интеллектуально-мифологического синтеза, каким стало христианство для последующих веков. Христианские монастыри сохранили философию и знания первого осевого времени, и из них в новое время возродилось рациональное мышление уже в новом качестве.

Таким образом, христианство уже следующий шаг на пути заданном первым осевым временем к полной эмансипации рационализма от мистики. Великий христианский синтез впитал

в себя грандиозные достижения человеческой мысли античного периода, сохранил и развил это знание в новую, гораздо более совершенную науку в Новое время.

В то же время конфуцианство, иудаизм и индуизм уже больше не были святыми источниками вдохновения, как когда то в первое осевое время, поскольку с тех пор человечество сделало большой путь на пути к прогрессу рационализма. А эти религии остались законсервированными в своем первоначальном виде. Ислам возник значительно позже не только первого осевого времени, но даже значительно позже христианского синтеза, который стал следующим шагом на пути становления духа после осевого времени. О Магомете Швейцер говорит как об эпигоне, который не внес ничего нового в религиозное развитие, а Ренан пишет, что ислам впитал в себя иудаизм и проигнорировал то прогрессивное, что внесло христианство в иудаизм. Эрнест Ренан пишет в «Жизни Иисуса», что «ислам — это до некоторой степени возрожденный иудаизм, поскольку последний является воплощением наиболее характерных черт семитизма». С ним соглашается Гегель в «Философии истории». Куно Фишер так излагает позицию Гегеля: «Иудейское понятие бога, освобожденное от всякого иудейского партикуляризма, эта идея абстрактного единого и есть магометанская идея бога. Это уже не Йегова, а Аллах».

Таким образом, мы можем говорить не соглашаясь с Ясперсом, что священный источник осевого времени в наши дни уже остыл, и не питает новыми силами всех жаждущих просветления на пути становления духа. Что только буддизм, христианство и греческая философия вышли из первого осевого времени обновленными, а остальные этические религии остались законсервированными и больше не могут обогатить дух современной цивилизации, ушедшей далеко вперед в очищении рационального духа от мистики.

Наконец, мы можем говорить о том, что второе осевое время вовсе не расплывчатое предположение далекого будущего, необозримого для нас. Напротив, его контуры столь четко на-

чертаны современным развитием науки как знания о природных энергиях, что мы не просто можем, мы обязаны увидеть это второе осевое время и сделать соответствующие выводы.

Великие открытия в физике несомненно ознаменовали начало второго осевого времени, которое не заметил Карл Ясперс. Это век нового, энергетического мышления. Новое оно тем, что мышление впервые входит в свою стихию энергетики, в которой оно, наконец, может развернуться в полную мощность и обрести устойчивость научного контроля. Поскольку только с энергетики начинается настоящее научное мышление.

Поэтому открытие электромагнетизма, радиоактивности, квантовой физики положили начало новому энергетическому мышлению, ознаменовав период второго своего времени, когда дух человека не просто просыпается в полумистической дреме религии, но уже становится на ноги и начинает свою могучую поступь научное мышление.

Вильгельм Оствальд стал выразителем духа второго осевого времени, когда сформулировал теорию новой эпистемологии в виде энергетики. Он говорит, что познание мира возможно только как познание различных природных энергий, что не может быть другого объекта научного исследования кроме энергии. Наконец, что человек видит и понимает энергии природы, способен к их познанию, потому что сам он тоже такая же энергия природы. Он говорит о биологической и психической энергии в человеке. Все это несомненно делает его отцом второго осевого времени, которое окончательно оформится со становлением энергетической эпистемологии в этих основных тезисах Оставльда.

Сделал он и грубые ошибки, поскольку стоял на позиции эмпиризма, а энергетическая эпистемология возможна только с позиций философии рационализма. Так он постулировал «эвристический метод» познания в виде измерений перетеканий энергий друг в друга на основе закона сохранения силы. Конечно, над таким пониманием энергетики посмеялись все его коллеги физики, особенно Планк и Эйнштейн. А Ленин правильно

ему заметил, что Оствальд остался на позициях материализма, ничего нового не сказав в философии такой постановкой вопроса. Поэтому на этом этапе энергетическая революция в теории познания была провалена, а вместе с ней на неопределенный срок отодвинулось и наступление второго осевого времени.

Тем не менее, наука не стоит на месте. Грандиозный прогресс сделали гуманитарные науки в антропологии, психологии, в философии. Изучение духовной энергии в экзистенциализме Кьеркегора, Ясперса, в антропологии Леви-Брюля, в теории психической энергии Фрейда, Юнга, в гуманистической психологии сделали гигантские шаги. Сказано и сделано так много, что удалось, как вы могли видеть в предыдущей главе, сформулировать научную теорию с точки зрения энергетической эпистемологии уже и в психологии. Сформулирована теория психической энергии на основе колоссального материала, собранного мыслителями нового энергетического мышления. Дюркгейм пишет о психической энергии, Тойнби, Курт Левин, Никола Тесла, Ясперс, Юнг, Фрейд, Лесли Уайт.

Наконец, большой импульс получает в науке нового времени метафизика интеллекта. Особенно это заметно в позиции самого известного ученого двадцатого века, стоявшего за всеми фундаментальными открытиями физики — Альберта Эйнштейна. Он противопоставляет философию рационализма философии «плоского эмпиризма» и говорит о том, что настоящий ученый не может не видеть наличия законов природы и интеллекта стоящего за ним. Он пишет о том что «основной источник современных конфликтов между религией и наукой в представлении о личном Боге». Таким образом, он понимает, что мистика мешает становлению метафизики интеллекта, а вместе с ней и силе духовной энергии.

Соединение науки и религии, о котором говорит Эйнштейн, это и есть философия рационализма, которая признает первичность интеллекта по отношению к материи в виде закономерностей природы. Это деизм, о котором писали Томас Пейн, Ньютон, Руссо, Вольтер, Декарт, Лейбниц и Спиноза. Это метафизика бо-

га-интеллекта, о которой говорили Эйнштейн, Планк, Макс фон Лауэ и Никола Тесла.

Религии могут стать частью метафизики интеллекта только после того как очистятся от мистики окончательно, или от идеи личного бога, как говорил Эйнштейн. В этом смысле об «универсальной религии» говорят со времен «проблемы Лессинга», который развил мысль о «вечном евангелии» в статье «Воспитание человеческого рода». Там он утверждает примерно то же, что говорим здесь мы. Что этические религии смесь рациональности и мистики, которые в мифологической форме говорят человеку правду о его духовной энергии с целью «воспитания человечества», которое на том этапе еще не готова к принятию сложной научной информации. И что постепенно, информация становится все более рациональной и строго научной и очищается от своей мистической составляющей. И в таком виде все этические религии сливаются в единую научную истину о человеке.

Такое понимание универсальной религии развивается и в «Исповеди савойского викария Руссо», и в «Культуре и этике» А. Швейцера, и в «Философской вере» К. Ясперса, и в «Вселенском Евангелии» Р. Роллана, и в «Спиридионе» Ж. Санд и Пьера Леру, и в автобиографии Гете. Известным ее защитником был Джордано Бруно, пишет Дильтей в своем исследовании культуры времен реформации, где он упоминает еще ряд менее известных приверженцев идеи универсальной религии.

И напротив, реакция, которая стремится законсервировать мистику в религиях, соединяет все мистические элементы в таких нелепых построениях как бехаизм, теософия или иерофании Элиаде. Мистика по самой своей сущности — это противоборство догматизма, которое всегда дробится на бесконечное число ересей и никогда не объединяется. И наоборот, разум, научное мышление — это всегда общее, единое, абстрактное, выраженное в единых законах природы. Потому рационализм объединяет по своей природе, а мистика разъединяет по своей природе.

3) Два великих кризиса Духа

Однако, переход от первого осевого времени греческого гения и этических религий ко второму осевому времени западной науки вовсе не был скользящим и гладким, но был прерван тяжелым кризисом, уничтожившим великую культуру античности. Да, христианский синтез сохранил великие достижения культуры античности, но тем не менее это был новый компромисс рационализма с мистикой. Новый компромисс вместо объявления войны логосом мифу, войны не на жизнь, а на смерть, поскольку как мы знаем, мистика и разум антагонистичные силы, разрушающие одна другую.

Почему же так случилось, что остановило рациональное сознание античности, которое сделало такие успехи в греческой философии и римском праве? Почему Древняя Греция, до сих пор служащая источником удивления и восхищения своими успехами во всех областях культуры, вдруг так бесславно потеряла себя сначала в подчинении Македонии, а потом и Риму? Почему Римская империя, средоточие мировой цивилизации античности, культуры, науки и военно-политической мощи того времени, вдруг стала жалкой добычей диких варваров? Почему спустя тысячу лет Византия, этот цветущий восточный Рим, становится легкой добычей турецких османов? Античность, так гордившаяся своим превосходством над дикими варварами, окружавшими ее изящную цивилизацию, ее свободный и гордый мир гражданского общества и военной мощи, вдруг вся целиком от эллинов до западного и восточного Рима становится добычей этих полудиких, неграмотных племен?

Если мы обратимся к нашему времени, мы увидим поразительные параллели со временами крушения античности. Последние два века слышен тот же тревожный набат в колокола в книгах великих мыслителей. В девятнадцатом веке это голоса Байрона, Кьеркегора, Огюста Конта, Льва Толстого, Достоевского, Герцена, Чернышевского, Прудона, Флобера, Мопассана. Даже голос Ницше, который, однако, пошел в противоположном

опасности направлении, но само ощущение катастрофы ощутил безошибочно, хотя только усугубил ее своим нигилизмом. Для века двадцатого это такие выдающиеся люди, как Бертран Рассел, Эйнштейн, Ромен Роллан, Вивекананда, Альберт Швейцер, Карл Ясперс, Альбер Камю, Жюльен Бенда, Ален Финкелькраут, Эрих Фромм, Джордж Оруэлл, Селинджер, Марк Твен, Герберт Уеллс.

Подобно Сократу, предсказавшему гибель Афин, или апокалиптическим пророчествам Христа, сбывшихся при падении Рима, эти пророки нашего бьют в набат и громким голосом кричат о кризисе культуры, о падении цивилизации, о гибели рационализма, о самоубийстве интеллекта. И как и тогда никто не хочет их слышать, пока Афины наконец не падут, и Рим не растопчут варвары.

Сегодняшний мир — это безусловно второй великий кризис духа после падения античности. Мы уже видели в Первую и особенно во Вторую мировую войну, каким страшным будет падение нашей цивилизации в результате очередного кризиса духа. Но эти тревожные звонки, прозвучавшие сиреной всечеловеческой голгофы, ничему нас не научили. На крики Швейцера о гибели культуры, Рассела о том, что мы живем в сумасшедшем мире, Бенды о предательстве интеллектуалов, Камю об самоубийстве разума по прежнему смотрят как на эксцентричные выходки самовыражающихся интеллектуалов, или же в лучшем случае безобидных чудаков. Однако, пророчества Бенды оправдались, когда спустя двадцать лет после его предупреждения о том, что нигилизм и иррационализм современной культуры приведет к жестокой бойне народов сбылись в безумной гитлеровской агрессии. Но было уже поздно. Теперь Рассел, Швейцер, Оруэлл говорят о гибели науки, о чудовищной диспропорции между развитием техники и социальной науки, о гибели культуры, о варварском национализме, стравливающем народы. И опять никто не желает их слушать. Хантингтон пишет книгу «Столкновение цивилизаций», где говорит о исконном противостоянии национальных культур в шпенгле-

ровском смысле, и его книгу встречают как откровение. Конечно, все дело только в том, что люди прирожденные враги друг другу, и нечего фантазировать о кризисе какой-то культуры, науки и о предательстве интеллектуалов.

На самом деле, и падение античности и кризис последних двух веков — порождение одного и того же механизма, который каждый раз не срабатывает, когда человечество делает на него ставку в своем движение к рациональному сознанию.

Этот механизм — шизоидный интеллект, который профанирует научное мышление человека, превращая его в оторванные от реальности логические абстракции. Интеллект как мы помним источник здоровой, живой, разумной энергии человека, источник его духа. Поле эгосистемы, напротив, источник мертвой и неразумной энергии болевой компульсии, порождаемой искаженной информацией о мире физическим контролем закона сохранения силы психики. Интеллект способен брать на себя функции эгозащиты, и тогда он перестает быть интеллектом в истинном смысле слова. Перестает быть познанием законов природы (познанием действительности), и становится только частью механизма поля эгосистемы, частью детерминированной энергии психики, никак не связанной с познанием. Интеллект в данном случае превращается в логические абстракции, бредового содержания о победе эго над всем миром. Яркий пример — философия Ницше. Это выраженный шизоидный интеллект. Конечно, при этом он не перестает быть интеллектом и на поле живой разумной энергии человека, но вся энергия уходит на автоматизмы эгозащиты. Потому те редкие прозрения Ницше, которые говорят об изначальной потенциальной мощи его интеллекта, потонули в бредовых абстракциях его философской системы о воле к власти.

В античность шизоидный интеллект проявился во всю свою широту в культе «героев», людей-полубогов, которые личным всесилием завоевывают мир и отправляются на небесный Олимп к столь же всесильным существам. Это всеобщее соревнование за власть и превосходство привело ко всеобщему про-

тивостоянию и самоуничтожению Греции в междоусобных войнах. То же самое случилось с Римом и Византией. Так Геродиан, греческий историк третьего века, писал: «Эта древняя болезнь Эллинов, беспрестанно враждовавших друг против друга и желавших гибели тому городу, который обладал какими-либо преимуществами, — это, собственно, и погубила Элладу. Ослабленные и истощенные междоусобиями Эллины сделались жертвами македонян, а затем были порабощены римлянами. Та же самая болезнь ревности и зависти перешла и к современным нам городам». Действительно, достаточно вспомнить ожесточенную борьбу за власть между Марием и Суллой, Цезарем и Помпеем, Октавианом и Антонием, о божественных императорах Калигуле, Нероне, Домициане, Коммоде и др героях римской истории, чтобы увидеть всю справедливость этого утверждения. Именно культ Эго стал основой культуры античности, и именно этот культ разложил и погубил античность, которая буквально самоуничтожилась. Никакие варвары никогда не справились бы с героями Эллады и Рима, что было очевидно из долгой истории их военных побед, если бы они не уничтожили себя сами.

Два направления мешали становлению рационального сознания, со времени его первого пробуждения. Первое — это консерватизм старой мистики, старого мифологического сознания, которое не хотело терять своих позиций и отчаянно сопротивлялось прогрессу рационализма. Так, были убиты Заратустра, Пифагор, Сократ, Боэций, Бруно, Христос, наконец. Вместе со старым мифологическим сознанием сопротивлялись левиафаны деспотических государств, чудовища, произростающие из этого мистического болота. Второе направление — это нестабильность самого интеллекта, подверженного болезни шизоидности, когда начинают созидаться интеллектуальные системы, разрушающие продуктивное мышление, существо которого в познании законов природы.

Древняя Греция сделал очень много для становления интеллекта. Прежде всего, создала метафизику интеллекта в учениях элеатов, Пифагора, Платона. Однако, развитие дедукции

в ущерб индукции, софистика скептиков и эмпиризм Аристотеля, этого предтечи Юма, разрушили метафизику интеллекта античности. Интеллект споткнулся и заболел своей смертельной болезнью — шизоидностью.

Сегодня это та же болезнь, несмотря на громадный прогресс сделанный наукой в том числе и в теории познания. Тем не менее, проблема эмпирика Юма все еще остается неразрешенной, а на ней, как на китах древности, покоится все здание современной шизоидной философии — от немецкого идеализма до антиинтеллектуализма Ницше и Сартра, от позитивизма Конта до материализма Маркса.

И в итоге, второй великий кризис духа вновь поставил человечество перед лицом проблемы столкновения цивилизаций, как когда то античность. Только теперь дерутся не железными мечами, а атомными бомбами, и уже никакой христианский синтез не спасет цивилизацию, если дойдет дело до новой полномасштабной мировой войны.

ГЛАВА 3. ЭНЕРГЕТИКА ОСТВАЛЬДА И ВТОРОЕ ОСЕВОЕ ВРЕМЯ

1) Становление метафизики интеллекта Пифагора и Платона. Гилеморфизм Аристотеля.

2) Рационализм и эмпиризм. Проблема Юма.

3) Энергетика В. Оствальда и иерархия наук О. Конта.

4) Мистика немецкого идеализма

5) Спор Эйнштейна и Бора о квантовой механике и его значение для метафизики интеллекта.

1) Становление метафизики интеллекта Пифагора и Платона

> «А Пифагор, в свою очередь, был первым, кто поставил во главу угла при объяснении мироздания именно числа, а не материальные элементы. И это, несомненно, дает право считать нашего героя основоположником идеализма как одного из важнейших направлений в истории философской мысли. По его стопам шли в дальнейшем и другие крупные представители италийской школы философии: Ксенофан, Парменид, Зенон Элейский, с некоторыми оговорками Эмпедокл... Да и разве только они? Платон, который был самым крупным идеалистом античности и зачастую считается (как видим, не вполне точно) основателем идеализма как такового, очень многому научился у пифагорейцев, подвергся их сильнейшему влиянию».

И. Суриков «Пифагор»

Бертран Рассел пишет в «Истории западной философии», что Пифагор явился таким же реформатором орфийской религии, каким был в свое время Орфей в отношении варварского культа Диониса. А вакханалии Диониса были известны еще ахейской Греции микенского периода, которая никак не связана с осевым временем «конца мифологической эпохи». Напротив, ахейская

Греция являла собой классический образец мифологической эпохи тех времен, в том числе и по типичности магической религии и варварским ритуалам, каким был культ бога вина Диониса.

И. Суриков в «Пифагое» пишет, что в античной Греции, то есть в Греции осевого периода, которая уже чтила песни Гомера, Дионису был противопоставлен бог разума Аполлон, любимое божество греков того периода. Сам же культ Диониса претерпел радикальные изменения, превратившись под воздействием легендарного Орфея в религию орфиков.

> «Орфики были аскетической сектой, вино для них — только символ, как позднее причастие для христиан. Искомое ими опьянение — это „энтузиазм“, союз с богом. Они думали, что таким путем приобретают мистическое знание, недостижимое обычными средствами. Для орфика жизнь в этом мире является страданием и скукой. Мы привязаны к колесу, которое, вращаясь, образует бесконечные циклы рождения и смерти. Наша истинная жизнь — на звездах, но мы прикованы к земле. Только путем очищения, самоотречения и аскетической жизни можем мы избежать этого круговорота и достигнуть, наконец, экстаза единения с Богом. В греческую философию этот мистический элемент принес Пифагор, такой же реформатор орфизма, каким был Орфей по отношению к религии Диониса. От пифагорейцев орфический элемент перешел в философию Платона, а от него — в ту более позднюю философию, которая была уже полностью религиозной»

Б. Рассел История западной философии

Таким образом, нет никаких сомнений в том, что религиозные реформы Пифагоры были продолжением той рационалистической критики архаической мифологии, которой осевое время объявляет войну. Неслучайно ходили упорные слухи о его знакомстве во время длительного путешествия по Востоку с древнеперсидским пророком Заратустрой, который стал таким же рационалистическим реформатором арийской религии, и в старости был убит жрецами-староверами.

Так, российский антиковед И. Суриков в книге о Пифагоре пишет, что Ксенофан как и вся элейская философская школа развивались под влиянием Пифагора, и в конечном итоге при-

вели к становлению метафизики интеллекта, «рационального богословия»:

> «Вот, например, отзыв уже знакомого нам поэта-философа Ксенофана, современника Пифагора:
> Всё на богов возвели Гомер с Гесиодом, что только
> У людей позором считается или пороком:
> Красть, прелюбы творить и друг друга обманывать тайно.
> (Ксенофан. фр. B 11 Diels — Kranz)
>
> Ксенофан — поэт и философ, живший во второй половине VI века до н. э., — очень крупная фигура в истории античной религиозной мысли. Он, несомненно, намного опередил свое время. Ксенофан выступает даже против такой основополагающей черты традиционных верований, как антропоморфизм (изображение богов в человеческом облике). При этом он приводит интересные аргументы:
> Если бы руки имели быки и львы или кони,
> Чтоб рисовать руками, творить изваянья, как люди,
> Кони б тогда на коней, а быки на быков бы похожих
> Образы рисовали богов и тела их ваяли,
> Точно такими, каков у каждого собственный облик...
> Черными пишут богов и курносыми все эфиопы,
> Голубоокими их же и русыми пишут фракийцы.
> (Ксенофан. фр. B 15, B 16 Diels — Kranz)
>
> А вот каково мнение самого Ксенофана по этим вопросам:
> Есть один только бог, меж богов и людей величайший,
> Не похожий на смертных ни обликом, ни сознаньем...
> Весь целиком он видит, весь сознает и весь слышит.
> ...Без труда, помышленьем ума он всё потрясает...
> Вечно на месте одном пребывает, не двигаясь вовсе,
> Переходить то туда, то сюда ему не пристало.
> (Ксенофан. фр. B 23 — B 25 Diels — Kranz)
> Это уже вполне рациональное богословие».
>
> И. Суриков пишет, что Ксенофан был не прочь и пошутить над своим коллегой
> «Как-то в пути увидав, что кто-то щенка обижает,
> Он, пожалевши щенка, молвил такие слова:
> «Полно бить, перестань! Живет в нем душа дорогого
> Друга: по вою щенка я ее разом признал».
> (Ксенофан. фр. B 6 Diels — Kranz) 3

> Нет сомнений, что Ксенофан здесь иронизирует, говорит о взглядах своего «коллеги» с некоторой долей юмора. А имеется в виду конечно же то самое пифагоровское учение о метемпсихозе — переселении душ»

И. Суриков «Пифагор»

Пифагор — это уже колоритная фигура осевого времени, в каком то смысле центральная фигура для становления классической культуры античной Греции, какой была фигура Христа для становления христианской культуры. Подобно Христу же, его самого убили, а школу его, пользующуюся большой популярностью по всей Греции, преследовали погромами. Сократ, который подобно Ксенофану и своему ученику Платону, тоже находился под его влиянием, также гибнет в обвинении по оскорблению традиционных богов. Сократ становится мучеником, которого чтут стоики подобно распятому позже Христу. Неслучайно И. Суриков находит многочисленные аналогии между пифагорейскими школами того времени и христианскими монастырями средневековья в своей монографии о Пифагоре. Он также подчеркивает тот факт, что идеология Пифагора делилась на теоретическую для образованных слушателей, которых называли «математиками», и на фольклорно-мифологическую для так называемых «акусматиков». Будучи известным ученым, математиком и философом, Пифагор стал основателем первой официальной философской школы в античной Греции, и первым сформулировал понятие «философии» как «любви к мудрости». Фалес был еще одним из семи «мудрецов», что Пифагор находил вульгарным, ибо мудр только один бог.

Так или иначе, но за философской революцией античности, которую осуществил Платон и его академия стоит полулегендарная фигура Пифагора. С него начинается тот рационализм метафизики интеллекта, который станет основой картезианской философии в Новое время, и станет фундаментом современной науки. И. Суриков подчеркивает влияние Пифагора на Платона, прослеживая его в таких центральных работах философа как «Государство», «Федон», «Тимей»:

> «Среди десятков диалогов, входящих в корпус сочинений Платона, есть такие, в которых черты пифагореизма особенно сильны. Например, „Федон", написанный около 380—375 годов до н. э., то есть после первой поездки философа в Великую Грецию. В „Федоне", напомним, описаны предсмертные часы Сократа, его последняя беседа. В числе ее участников — Симмий и Кебет, члены пифагорейского содружества. Но самое интересное — в том, что Сократ в описании Платона оказывается большим пифагорейцем, нежели эти прямые последователи самосского мыслителя. Он им доказывает бессмертие души! И доказывает, надо сказать, весьма убедительно. Они сперва возражают, спорят, но в конце концов вынуждены согласиться. ...Платон в „Государстве" ориентировался на те режимы, которые установили пифагорейцы в полисах Великой Греции (например, тот же Архит в Таренте). Если вдуматься, там всё именно так и было! Во главе стояли правители-философы, под началом у них находилось войско („стражи"), ниже следовало простонародье. Итак, „Государство" является трудом в весьма значительной степени пифагорейским. Это, безусловно, подчеркивается тем фактом, что ближе к концу диалога помещен рассказ о загробном мире, причем куда более пространный, чем в „Федоне". Впрочем, самым „пифагорейским" произведением Платона обычно признают даже не „Государство", а диалог „Тимей", написанный еще позже — в 350-х годах до н. э. Иными словами, перед нами плод творчества уже Платона-старика, один из итоговых его трудов. Связанный с пифагореизмом характер этого сочинения проявился даже в том, что его заглавным героем (по имени которого диалог и назван) философ избрал некоего Тимея, пифагорейца из Локр Эпизефирских (греческий полис в Южной Италии). Тимей беседует с Сократом. И в этом разговоре, что интересно, Сократ не играет роль главного действующего лица, как по большей части бывает у Платона, а выступает в роли внимательного слушателя. Ведущая же роль принадлежит Тимею, который излагает идеи о происхождении и устройстве мироздания — вполне согласующиеся со взглядами Пифагора. Таков поздний Платон. Практически законченный пифагореец. Во всяком случае, никто не усомнится, что он чем дальше, тем больше двигался к этому статусу. То же движение продолжалось в его философской школе — Академии — и еще некоторое время после смерти основателя»

И. Суриков «Пифагор»

С философии Платона начинается метафизика интеллекта, как видения разумом интеллектуальной формы вселенной, отличной от ее материального содержания. Дуализм мира идей

и мира вещей в философии Платона — великое открытие античности, на котором покоится вся современная наука. Платона было принято жестко критиковать, и первым его критиком как известно стал его известный ученик Аристотель. Но Аристотель не сделал для современности ничего, кроме того, что разрушил метафизику интеллекта Платона в своей философии. В Новое время Френсис Бэкон и Декарт станут жесткими критиками Аристотеля, остановившего, согласно Расселу, европейскую науку на 2000 лет.

В философии Бэкона, Декарта и Спинозы, которые согласны с дуализмом Платона, интеллектуальная форма становится миром законов природы, а не миром идей, как у Платона. Законы природы можно и нужно проверять опытом, что для идей совершенно необязательно. Поэтому Платон, сформулировав метафизику интеллекта, мыслил как все древние греки больше дедукцией в ущерб индукции, иногда совершенно отвергая необходимость эмпирического материала или проверки опытом для получения научного знания. Поэтому, его психология, которая, как мы увидим, очень проницательна в своих прозрениях, стала только частью мистики формировавшегося грандиозного христианского синтеза. И так и не смогла эмансипироваться в науку психологию до возрождения наук в Новое время. Мы не можем быть слишком строги к миру идей Платона, поскольку даже понимание интеллектуальной формы космоса как законов природы, которое принесло Новое время, не было еще окончательной ее формулировкой. Как мы видели в Энергетике Оствальда, современная наука говорит о закономерностях природных энергий, а не просто законов природы. И это принципиально важно для решения «проблемы Юма», постановкой которой он разбил картезианский рационализм.

Между тем, это первая, еще примитивная формулировка теории научного контроля в обществе, когда все подчинены разуму, то есть знаниям законов природы. Научный контроль предполагает естественное право, когда законы общества ос-

нованы на знании законов природы. Общеизвестно, что эту теорию позже защищал Цицерон, большой поклонник Платона, и др юристы Римской империи, особенно во времена стоической философии Марка Аврелия, искавшего «платоновского государства». Но Платон, который еще не знает понятия законов природы, вместо того, чтобы говорить о подчинении законам природы, научному контролю, говорит о подчинении неразумных людей — разумным людям. И действительно, таким образом, невольно выступает апологетом деспотии, от которой он в действительности бесконечно далек, в отличии, например, от Аристотеля.

Две вещи разрушили метафизику Платона:

1) неразвитость представлений о мире идей, об интеллекте как форме космоса, то есть как законов природных энергий; по этой причине Платон не увидел связи идей с опытом материального мира.

2) Философия гилеморфизма Аристотеля, в которой он противопоставил свою точку зрения материалиста метафизике интеллекта Платона. Ленин был прав, когда писал, что критика Аристотелем Платона есть критика с позиций материализма. Отказавшись от дуализма Платона и тем самым разрушив полюса интеллекта (активное мышление и пассивные законы природы), Аристотель тем самым пришел к скептицизму, в котором его позже упрекал Эпикур.

Разрушенная метафизика интеллекта всегда в конечном итоге ведет к скептицизму и даже к агностицизму, как мы увидим на примере противостояния рационалистов и эмпириков уже в Новое время. Поскольку только полюса интеллекта, мышление и законы природы, лежат в основе процесса познания. Уже в Новое время, когда метафизика интеллекта Платона получает новую жизнь в философии Френсиса Бэкона и рационализме Декарта, Бэкон писал об Аристотеле в «Новом органоне»:

> «Таким образом, корень заблуждений ложной философии троякий: софистика, эмпирика и суеверие. Наиболее заметный пример первого рода являет Аристотель, который своей диалектикой испортил

> естественную философию, так как построил мир из категорий и приписал человеческой душе, благороднейшей субстанции, род устремления второго порядка; и неисчислимо много другого приписал природе по своему произволу. Он всегда больше заботился о том, чтобы иметь на все ответ и словами высказать что-либо положительное, чем о внутренней истине вещей. В физике же Аристотеля нет ничего другого, кроме звучания диалектических слов. В своей **метафизике** он это вновь повторил под более торжественным **названием,** будто бы желая разбирать вещи, а не слова. **Пусть** не смутит кого-либо то, что в его книгах „О животных“, „Проблемы“ и в других его трактатах часто встречается обращение к опыту. Ибо его решение принято заранее, **и** он не обратился к опыту, как должно, для установления своих мнений и аксиом; но, напротив, произвольно установив свои утверждения, он притягивает к своим мнениям искаженный опыт, как пленника. Так что в этом отношении его следует обвинить больше, чем его новых последователей (род схоластических философов), которые вовсе отказывались от опыта»

С противостояния Платона и Аристотеля начинается проблема сущности и существования, номинализма и реализма, которая сохраняет свою актуальность до сих пор. Вопрос о том, существует ли мир идей Платона сам по себе, или же идеи — это только абстракции человеческого ума. На этот вопрос ответить несложно, если прежде дать определение процессу познания. Что есть познание: встреча двух полюсов интеллекта, активность единой субстанции интеллекта? Или же познание это только отражение одной вещи в другой такой же вещи? Понятно, что в первом случае, мир идей Платона — это интеллектуальная форма космоса, субстанция интеллекта, которая не только существует сама по себе, но и является изначальной формой всего сущего. Во втором случае, мы закономерно приходим к скептицизму эмпириков и материалистов, поскольку отрицаем процесс познания как некую объективную истину, и говорим всего лишь о субъективном восприятии, об отражении одной вещи в другой вещи.

Так и повелось, эмпирики, такие как Гоббс, Юм, Локк и материалисты Маркс, Энгельс, Ленин стояли на позициях номинализма, отрицая мир идей Платона, и склоняясь к скептицизму

в теории познания. А метафизики интеллекта, Декарт, Спиноза, Лейбниц, Бэкон признают мир идей Платона, как интеллектуальную форму космоса. Конечно, они в отличии от Платона говорят уже не просто об идеях, но о законах природы, и потому опыт, эксперимент уже в основе научного метода Декарта, Бэкона, Спинозы.

2) Рационализм и эмпиризм. Проблема Юма

Критика Аристотеля в отношении мира идей Платона имела успех, потому что первая теория метафизики интеллекта действительно была еще очень уязвима. Ведь Платон полагал, что поскольку мышление человека и законы природы (как мы называем его «идеи») есть одна субстанция интеллекта, то человеку не нужен опыт, не нужен экспериментальный материал, сбор и анализ фактов для процесса познания. Достаточно, как это делают математики углубиться в процесс дедукции, и мы уже владеем истиной.

Да, он был неправ, и очевидность его неправоты и сделала критику Аристотеля такой нетрудной работой и такой успешной в итоге. Ошибка Платона заключалась в том, что он еще не знал и не мог знать как именно соотносится форма и содержание, интеллект и материя. Однако, сам процесс познание, как единение двух полюсов интеллекта, мышления и законов природы (идей), он прозрел со всей проницательностью.

Новое время сделало крупные шаги в направлении восстановления метафизики интеллекта и устранения ошибок платоновского определения. И Декарт, и Бэкон говорят уже не просто об идеях, но о законах природы, и следовательно, опыт, как необходимая экспериментальная стадия «пытания природы», становится нераздельной частью процесса познания. Френсис Бэкон разрабатывает метод индукции, и говорит о необходимости обоих логических практик: и дедукции и индукции. Декарт ставит сотни экспериментов, участвуя в открытиях в области физиологии своего времени, и в частности в открытии кровообращения.

Декарт заново формулирует метафизику интеллекта Платона, как разработанную им философию рационализма, в основе которой все то же понимание познания как единения двух полюсов интеллекта: активного мышления и пассивных законов природы. Интеллект как единая субстанция противопоставляется в качестве формы — материи, выступающей содержанием этой формы. Законы движения природы уже больше нельзя изучать без самой этой природы, без анализа конкретных фактов и вещей.

Спинозу много обвиняли в том, что он предал метафизику интеллекта Декарта, отказавшись от картезианского дуализма, и стал материалистом, пантеистическое божество которого только синоним материи. Однако, для метафизики интеллекта важно не количество субстанций, признаваемых философом, а два полюса интеллекта: активный интеллект (мышление) и пассивный интеллект (законы природы). Френсис Бэкон остается классическим примером рационалиста и метафизика интеллекта (хотя его принято считать эмпириком), потому что его философия познания основана на понимании законов природы как интеллектуальной формы материи, и мышления человека как метафизики интеллекта, способной к познанию этой интеллектуальной формы законов природы. Поэтому неважно сколько субстанций у последователей рационализма Декарта: одна, как у Спинозы, или бесчисленное множество как у Лейбница. Важно только, что и Спиноза и Лейбниц, подобно Френсису Бэкону, признают процесс познания метафизическим актом соединения активного и пассивного полюсов интеллекта, а космос делят на материю и интеллектуальную форму этой материи, выраженную в законах природы.

> «По взгляду Спинозы, ни тело не может определить душу к мышлению, ни душа тело к движению. Это вытекало из взглядов на тело и душу как на модусы различных атрибутов Бога, именно мышления и протяжения. Что касается Лейбница, то его мысль о том, что душа не может влиять на тело, а тело на душу, слишком общеизвестна»
>
> *В. Беляев Лейбниц и Спинозы*

Декарт успешно возражал на критику рационализма, сохранилась даже его переписка с Гоббсом, известным материалистом своего времени. Однако, когда пришел Давид Юм, со своим «Исследованием о познании», рационализм вновь, уже во второй раз потерпел полное поражение. В середине двадцатого века Б. Рассел писал в «Истории западной философии», что на аргументы Юма до сих пор нет значимого ответа. Существо критики рационализма, предпринятое Д. Юмом, состояло в том, что он заметил, что связь теории и фактов опыта, является уязвимым местом в системе рационализма Декарта. Это, по сути, был тот же подводный камень, о который в свое время разбилось судно Платона, — отсутствие связи с фактами опыта или же фиктивная, ложная связь, как заявил Юм в отношении рационализма Декарта.

Д. Юм объявляет связь теории и опыта ложной в рационализме, поскольку, заявляет он, никто не может доказать, что последовательность некоторых событий есть закон, описывающий причинно-следственные связи, а не просто последовательность событий, которая в иной случае может быть совсем другой. Он говорит, что даже если мы много раз видели последовательность этих событий, всегда одну и ту же, это все равно не доказывает, что и в следующий раз, и всегда в будущем она будет такой, а не другой. То есть не доказывает, что это закон, который отображает причинные связи, а не обычную случайность. Поэтому, говорит Юм, не разум не истина в основе того, что люди называют познанием. А всего лишь привычка и воображение, которое приписывает случайным совпадениям вид причинной зависимости закона. Д. Юм «О познании»:

> «Всякая вера в факты или реальное существование основана исключительно на каком-нибудь объекте, имеющимся в памяти или восприятии, и на привычном соединении его с каким-нибудь другим объектом. Подобная вера есть необходимый результат, возникающий, как только ум поставлен в указанные условия. Все эти операции — род природных инстинктов, которые не могут быть ни вызваны, ни предотвращены рассуждением или каким-либо мыслительным и рассудочным процессом»

Таким образом, он опровергает существование законов природы, и рационализм Декарта, как процесс познания, в основе которого постижение истины разумом. Д. Юм говорит о том, познания вообще нет, человек приписывает случайным событиям характер законов, разум никакой роли в этом процессе не играет, и истина человеку не доступна. Отсюда уже только один шаг до «априори» Канта, «чистый разум» которого, стал как известно ответом Юму, «разбудившему его от догматического сна».

А. Эйнштейн «О теории познания Б. Рассела», 1944:

> «Однако человек стремится к достоверному знанию. Именно поэтому обречена на неудачу миссия Юма. Сырой материал, поступающий от органов чувств, — единственный источник нашего познания, может привести нас постепенно к вере и надежде, но не к знанию, а тем более к пониманию закономерностей. Тут на сцену выходит Кант. Предложенная им идея, хоть и была неприемлема в своей первоначальной формулировке, означала шаг вперед в решении юмовской дилеммы: все в познании, что имеет эмпирическое происхождение, недостоверно (Юм). Следовательно, если мы располагаем достоверным знанием, то оно должно быть основано на чистом мышлении. Например, так обстоит дело с геометрическими теоремами и с принципом причинности. Эти и другие типы знания являются, так сказать, частью средств мышления и поэтому не должны быть сначала получены из ощущений (т. е. они являются априорным знанием). В настоящее время всем, разумеется, известно, что упомянутые выше понятия не обладают ни достоверностью, ни внутренней необходимостью, которые приписывал им Кант. Однако правильным в кантовской постановке проблемы является, на мой взгляд, следующее: если рассматривать с логической точки зрения, то окажется, что в процессе мышления мы, с некоторым „основанием“, используем понятия, не связанные с ощущениями. Я убежден, что на самом деле можно утверждать гораздо большее: все понятия, возникающие в процессе нашего мышления и в наших словесных выражениях, с чисто логической точки зрения являются свободными творениями разума, которые нельзя получить из ощущений. Это обстоятельство нелегко заметить лишь по следующей причине: мы имеем привычку так тесно связывать определенные понятия и суждения с некоторыми ощущениями, что не отдаем себе отчета в том, что мир чувственного восприятия отделен от мира понятий и суждений непроницаемой стеной, если подходить к этому вопросу чисто логически».

3) Иерархия наук О. Конта и энергетика В. Оствальда

Вильгельм Оствальд, известный химик и нобелевский лауреат, современник Планка, Эйнштейна, Больцмана и Ленина, активно дискутировавших с ним, сформулировал в свое время теорию энергетики, как новую концепцию эпистемологии.

> «Особенно важным результатом энергетического воззрения следует считать замену понятия материи понятием комплекса известных энергий, подчиненного пространству. Мыслители различных направлений часто указывали на противоположность и в тоже время нераздельность материи и ее сил, но даже очень смелые мыслители не решились отказаться от одной в пользу другой. Этот нежелательный дуализм основывался, прежде всего, на том, что для различных сил не было бы никакого основания оставаться пространственно связанными, если бы их не удерживал некоторый, независимый от них «носитель».

Оствальд Философия природы

Эйнштейн был младшим современником Оствальда и Маха, и считал себя очень обязанным теории времени последнего, а к первому в юности безуспешно просился в аспирантуру. Однако, ко времени изложения теории познания Оствальдом как энергетики, он уже был известным ученым и сказал свое авторитетное мнение вслед за Планком. Метод Оствальда единодушно признали непригодным, хотя Планк говорил о «рациональном зерне», который он содержит.

Действительно, Оствальд предложил в «Философии природы» понимать космос как совокупность природных энергий, в том числе и самого человека. Он говорит о человека как о биологической энергии и психической энергии. Он говорит о процессе познания как о потребности человека в знании других энергий именно потому, что сам человек тоже всего лишь природная энергия. И он говорит о законе сохранения силы как решающем для человека, для всей материи и для процесса познания.

«Современная энергетика видит энергию как единственное универсальное обобщение. Все явления сводятся к свойствам

и отношениям энергий, и особенно материя, если это понятие все еще можно считать полезным, должна быть определена в терминах энергетики. Вопрос зачем и для какой цели нам нужен такой поворот в мировоззрении, исчерпывается тем фактом, что понятие энергии, как опытной данности, доказало что оно шире, чем понятие материи. Как только это станет ясно, все дискуссии прекратятся. Мы не можем определить слово „человек“ словом „негр“, но мы можем сделать наоборот. Понятие света или электричества не может быть определено понятием материи, поскольку и свет и электричество определены как нематериальные объекты; но оба эти объекта могут быть определены понятием энергии, поскольку они разновидности или факторы энергии, из чего мы можем заключить, что понятие энергии действительно шире, чем понятие энергии. Что даже материю мы можем определить с точки зрения энергетики, — да, только энергетика способна дать материи единственно четкое определение» Оствальд Современная теория энергетики

Однако, Оствальд — эмпирик, он не признает законов природы, и он не может сформулировать определение природной энергии как системы законов, открывающих доступ к силе данной энергии. Например, как уравнения Максвелла позволили Герцу получить и проконтролировать электромагнитные волны, и как это вслед за Герцем делает с тех пор весь технический мир. Оствальд формулирует определение энергии как «количества работы», и предлагает вычислять энергии через закон сохранения силы в процессе их перетекания из одного вида энергии в другой.

> «Чтобы не происходило в физическом мире (химическая и физиологическая составляющая всегда включена в это определение) мы всегда можем сформулировать уравнение между количеством превращенной энергии и количеством вновь образованной энергии. Подобного рода уравнение мы не сможем больше приложить ни к каким величинам физического мира. Далее, постольку поскольку такая формулировка всегда имеет дело с измеряемыми и демонстрируемыми явлениями в связи с общими характеристиками измеряемости и наглядности энергии, таким образом все приложения

> закона сохранения силы энергии это всегда настоящие научные проблемы, а не псевдо-проблемы. В некоторых случаях точное измерение величин энергии представляет очень серьезные трудности, так что оказываются доступными только очень грубые приблизительные вычисления; но это не может опровергнуть общий принцип энергетики»

В. Оствальд Современная теория энергетики

> «Мы же причинную связь будем также считать практическим результатом наших попыток связать наши опытные данные и образовать из них понятие с целью возможности заключать о будущем. ...так как все явления состоят в пространственных и временных изменениях энергии, то данная нами формулировка закона причинности является в известном смысле исчерпывающей, так как все процессы следуют первому началу, и вновь образовавшаяся энергия равна исчезнувшей. В этом виде закон причинности выражается так: ничто не совершается без эквивалентного превращения одного или нескольких видов энергий в другие виды»

В. Оствальд Философия природы

> «Но энергия не только присутствует во всех процессах природы, она и представляет их всех. Всякий процесс будет точно и полно представлен или описан, если будет указанно, какие энергии претерпели временные или пространственные изменения. И наоборот, на вопрос при каких вообще условиях наступит процесс, можно дать общий ответ, основанный на отношении между существующими энергиями».

В. Оствальд Философия природы

Именно против этого «эвристического метода» так возмущенно выступил Макс Планк. Действительно, с эмпирической философской платформы энергетика В. Оствальда оказывается там, где она справедливо оказалась: на свалке истории.

> «Планк не отрицал, что энергетика — будучи связанной с законом сохранения энергии — содержит «определенное здоровое зерно», но считал провозглашенное Оствальдом энергетическое понимание явлений природы роковым заблуждением и возражал против притязания энергетики быть единственно верным толкованием природных процессов. Прежде всего, он упрекал энергетику в том, что она

> скрывает фундаментальное противоречие между обратимыми и необратимыми процессами, с разработкой и углублением которого, по его убеждению, был связан любой прогресс в термодинамике и теории химического сродства. Планк был непреклонен в своем отпоре энергетическим спекуляциям, и в главном он был прав. Восемнадцатью годами позднее Эйнштейн присоединился к этой отрицательной оценке энергетики. Ссылаясь на статьи Планка, он писал в 1913 году: «Для каждого сторонника подлинно научного мышления чтение этой острополемической заметки является вознаграждением за досаду, испытанную им при чтении тех работ, против которых в ней ведется борьба».

Ф. Гернек Пионеры атомного века

В. Оствальд как и его друг Мах были известными эмпириками, поэтому Ленин объявляет этим «махистам» войну в «Материализме и эмпириокритицизме». Ленин хотел сохранить понятие «объективная реальность», уничтожив метафизику интеллекта. «Махисты», то есть эмпирики очень верно указывали ему, что это невозможно: либо метафизика интеллекта, либо объективная реальность. Здесь Ленин безусловно ошибался. Но в отношении энергетики Оствальда, «крупного химика и мелкого философа» его критика оказалась очень меткой. Он говорит о том, что поскольку энергетика Оствальда остается на философском фундаменте эмпиризма, то его теория познания не вносит ничего принципиально нового: «сказать ли движущаяся материя или материальное движение, — от этого суть не меняется».

> «Сказать ли: мир есть движущаяся материя или: мир есть материальное движение, от этого дело не изменяется.....Оствальд пытался избегнуть этой неминуемой философской альтернативы (материализм или идеализм) посредством неопределенного употребления слова «энергия», но именно его попытка и показывает лишний раз тщетность подобных ухищрений. Если энергия есть движение, то вы только передвинули трудность с подлежащего на сказуемое, только переделали вопрос: материя ли движется? в вопрос: материальна ли энергия? Происходит ли превращение энергии вне моего сознания, независимо от человека и человечества, или это только идеи, символы, условные знаки и т.п.? На этом вопросе и сломала себе шею «энергетическая» философия, эта попытка «новой» терминологией замазать старые гносеологические ошибки». «Материализм и энер-

> гетика, — пишет Карус, — принадлежат безусловно к одной и той же категории» («The Monist», 1907), — Нас очень мало просвещает материализм, когда он говорит нам, что все есть материя, что тела суть материя, и что мысль есть только функция материи, а энергетика проф. Оствальда ничуть не лучше, раз он говорит нам, что материя есть энергия, и что душа есть только фактор энергии». «Когда энергию представляют, как субстанцию, — пишет Богданов, — то это есть не что иное, как старый материализм минус абсолютные атомы, — это материализм с поправкой в смысле непрерывности существующего»

Материализм и эмпириокритицизм
Ленин

Действительно, если исходить из позиций эмпиризма, то нет ответа на вопрос «материальна ли энергия», и основной вопрос философии, о котором говорит Ленин остается без ответа. Однако, если мы становимся на позиции рационализма и говорим о природных энергиях не как о «количестве работы», а как о системе законов природных энергий, своеобразных монадах Лейбница, духовных сущностях, представленных законами интеллекта, то все становится на свои места. Мы можем ответить на все вопросы, поставленные Лениным. 1. Энергии — материальны. 2. Но в своей основе они имеют нематериальные системы законов интеллекта, определяющих их сущность, форму движения каждой природной энергии. 3. Дух, это особая энергия человека, которой доступен и активный и пассивный интеллект. Она материальна и имеет в своей основе законы природы, как все прочие энергии. Но помимо этого, она обладает мышлением, которое позволяет открывать законы других природных энергий и получать доступ к силе этих энергий. 4. Интеллект первичен, материя — вторична, дух человека — материален и в то же время имеет источником происхождения интеллект.

Другое дело энергетика В. Оствальда с точки зрения метафизики интеллекта. Она становится неуязвима для критики, и метафизика интеллекта также впервые получает значимые аргументы против «проблемы Юма». Если природные энергии — это системы законов природы, открывающие доступ к силе этих

энергий, то связь теории с опытом совершенна очевидна. Достаточно проверить, позволяют ли открытые законы данной энергии контролировать ее силу. И вот у нас уже неопровержимое доказательство, что мы имеем дело с законами природы, а не просто с последовательностями случайных событий. Проблема Юма решена на все времена. А «идеи» Платона, после эволюции, из законов природы превращаются в законы природных энергий. Так, не сразу, и не просто формировалась теория метафизики интеллекта, которая нашла свое завершение как энергетика.

Огюст Конт предложил иерархию наук, которая позволяет представить науки как последовательно открываемые природные энергии. Дж. Милль пишет, что первые науки не включают знаний о законах тех, что были открыты позднее, и, следовательно, каждая может быть представлена как система законов природной энергии

> «Отношение, существующее в действительности между различными родами явлений, дает возможность расположить науки в таком порядке, что проходя по этому порядку нам не придется выходить из области действия известных законов, но только познакомится с добавочным на каждом шагу. В этом то порядке Конт и предложил сгруппировать науки. Он располагает науки в восходящий ряд по степени сложности их явлений, так что каждая наука находится в зависимости от истин всех других наук, ей предшествующих, с присоединением еще частных истин, собственно ей принадлежащих.
> 1. Математика: наука о числе, геометрия, механика (числовые истины верны относительно всех вещей и зависят только от своих собственных законов)
> 2. Астрономия (явления астрономии зависят от этих трех классов законов и кроме того от закона тяготения)
> 3. Физика (предполагает математические науки, а также и астрономию и свои собственные законы теплоты, электричества и др)
> 4. Химия (зависит от всех предыдущих законов и добавляет свои собственные специальные, периодический закон и др)
> 5. Биология (явления физиологические зависят от законов физики и химии и сверх того от своих собственных)
> 6. Социология (наука о человеке и обществе)

> Наука социальная, как самая сложная из всех, по мнению Конта, совсем еще не достигла позитивной степени развития, а все время являлась предметом бесплодной борьбы теологического вида мышления с метафизическим. Сделать эту науку, высшую из всех, позитивною — было главной задачей Конта, и он думал, что исполнил эту задачу»

Дж. Милль «Огюст Конт и позитивизм»

Эту последнюю задачу, как мы постарались показать в первой главе, с успехом выполнила теория психической энергии, сформулировав закон сохранения психики для поля интеллекта и поля эгосистемы в качестве такого основного систематизирующего закона психологии.

4) Шеллинг и Кьеркегор против Канта и Гегеля

> «Недоверие, которое стала вызывать во всем мире немецкая философия в целом, имеет достаточные основания».

К. Ясперс

Кант, как известно, представил свою философию «чистого разума» как ответ на поставленную проблему Юма. И его ответ ничего значимого в себе не содержал. Он сказал просто, что если нельзя доказать опытным путем истинность законов природы (существование причинных связей), то тем хуже для опыта. Опыт, который он обозначил «вещами в себе», совершенно не участвует в процессе познания, заявил Кант, потому что человек имеет все знания о законах природы «априори». Это не врожденные идеи Платона и Декарта, которые понимали под ними скорее просто аппарат мышления, инструментарий, которым мысль находит знание, находит законы природы. Это уже готовое знание законов природы, которое человек просто приписывает окружающему миру. Д. Юм говорил примерно то же самое, но он оставался на почве эмпиризма, трактуя эту склонность человека приписывать своим наблюдения статус закона с психологической точки зрения, — привычки, воображения или

«инстинкта». Кант претендует на создание новой метафизики рационализма, но терпит полный провал. Его метафизика — это метафизика абсолютной свободы воли человека, и потому она превращается в мистику. Метафизика интеллекта не имеет в себе ничего мистического, она основана на понимании процесса познания как соединения полюсов интеллекта, активного мышления человека и пассивных законов природы, где интеллект есть единая субстанция. Кант разрушил эту субстанцию, отказавшись признавать законы природы, и всучив человеку всю власть над процессом познания, где он сам же выдумывает и сам же познает эти законы. Таким образом, субъективный идеализм — это всегда мистика, спекулятивная мистика, порожденная пустыми абстракциями интеллекта.

Фихте, Гегель и Маркс только продолжили эту философию субъективного идеализма Канта. Фихте правильно определял свою философию как доведенную до логического конца философию Канта, — и у него она принимает выраженные черты субъективного идеализма. «Непосредственный преемник Канта, Фихте, — пишет Б. Рассел в „Истории западной философии", — отверг „вещи в себе" и довел субъективизм до степени, которая, по-видимому, граничила с безумием. Он полагал, что Я является единственной конечной реальностью и что она существует потому, что она утверждает самое себя. Но Я, которое обладает подчиненной реальностью, также существует только потому, что Я принимает его. Важным результатом развития философии Канта была философия Гегеля». Гегель говорил, что превратил субъективный идеализм Канта и Фихте в объективный идеализм, но он сильно ошибался. Объективный идеализм — это метафизика интеллекта, и два полюса интеллекта как процесс познания: мышление человека и независимые от него законы природы, которые он узнает и ставит под научный контроль. У Гегеля, как у Канта и как у Фихте есть только один полюс интеллекта — самоопределяющийся разум-абсолют, который также свободен самому себе придумывать законы, как субъект у Канта и Фихте. И потому неважно как называет его Гегель, всеобщим духом или

пробужденным сознанием индивида, — два полюса интеллекта разрушены, а значит, метафизика интеллекта превратилась в мистику всемогущего субъекта, в софистику субъективного идеализма. Вот как пишет об этом П. Новгородцев в «Кант и Гегель и учение о праве»: «Все зависит от того, говорит здесь наш философ, чтобы понимать истину не только как субстанцию, но и как субъект. Это утверждение означает, что философия должна исходить не от первоначального или непосредственного единства, раз навсегда определенного в своем абсолютном совершенстве, а от живой субстанции, заключающей в себе начало отрицания и движения и достигающей своей полноты через деятельный процесс самоосуществления. Это не покоящееся и неизменное бытие, а процесс самоуглубления и самоосуществления. Иначе говоря, это-дух, начало жизни и сознания, самопостижения и саморакрытия. Абсолютное как субъект, как дух, как живой процесс развития — вот его философское кредо».

Ленин, который с такой язвительностью критикует «леших и домовых» «субъективного идеализма» Канта и Фихте в «Материализме и эмпириокритицизме» не замечает, как сам оказывается одним из махровых мистиков субъективного идеализма. Вместе с Марксом, разумеется. Ведь Маркс сохранил диалектический метод и историзм Гегеля, его теорию саморазвивающейся логики, которая уничтожила два полюса интеллекта. А уж «материи» он приписал этот процесс самопридумывания законов, или «чистому разуму» — это уже выбор мифологии на вкус мистика, поскольку понятий материя и разум не может существовать вне метафизики интеллекта, которая показывает где форма, а где содержание. Они превращаются в пустые абстракции. Не все ли равно сказать «материя придумывает себе законы» или сказать «дух-абсолют придумывает себе законы»? И в том и в другом случае получается одинаковая бессмыслица. Не потому ли вся философия диалектического материализма Маркса стала притчей во языцех своим схоластическим основанием, способным трактовать одно и то же в разных направлениях, придумывая на ходу повсюду связи с «практикой». Маркс всего

лишь завершил ряд мистиков немецкого идеализма, над которыми Кьеркегор посмеялся в связи с изобретенным ими фантастическим понятием «чистого мышления».

Фридрих Шеллинг знаковая фигура в истории философии, но не философской системой, которую он так и не создал, как известно, а именно критикой своих коллег, которых он знал лично. Подобно Лессингу, которого он цитировал, он предпочитает философию рационализма Спинозы субъективизму Канта, Фихте и Гегеля. Фихте какое то время был его учителем, но позже Шеллинг никогда этого не признавал, называя его «коллегой». Гегель был его однокурсником и другом, что не помешало Шеллингу выступить против него со всей страстью оскорбленного ученого. Он первым указал на мистичность субъективного идеализма, берущего начало у Канта и завершающегося в диалектической логике Гегеля. Он был возмущен таким нахальным пренебрежением реальным миром, природой, который оказывался совершенно ненужным в этом новом извращенном рационализме спекулятивных мистиков. Так, А. Гулыга цитирует Ф. Шеллинга в книге «Шеллинг»: «Природа, мир вещей самих по себе пребывает у Канта в „почетной отставке“, как выразился Якоби, люди с помощью продуктивного воображения сооружают свой самостоятельный мир. Шеллинг увидел в этой мысли слабое место кантианства. Еще в молодости он призывал исходить из природы. Теперь он добавил: и приноравливаться к ней, привести кантовский мир „беспредельного, ничем нерегулируемого человеческого произвола“ в соответствие с природой. Эта программа куда более разумна, чем гегелевское представление об абсолютной истине».

С жесткой критики Шеллинга с позиций натурализма и рационализма, предпринятой им в отношении субъективного идеализма Канта, Фихте и Гегеля, которым он противопоставлял Спинозу, начинается систематическая критика немецкого идеализма уже и другими философами. Так, Фейербах, а за ним и Кьеркегор говорят о том, что Шеллинг открыл им глаза на безумную философию Гегеля. А. Гулыга цитирует в этой связи Шеллинга

в книге «Шеллинг»: «Понятия как таковые существуют только в сознании, объективно рассмотренные, они не предшествуют природе, а следуют за ней. Гегель лишил их естественного места, поставив их в начале философии». В результате абстрагирование от действительности предшествует самой действительности. Гегель объявляет свою логику наукой о том, как развертывается божественная идея в чистом мышлении, до всякой природы, до времени. Как же затем идеальное превращается в реальное, как мысль создает мир, логика природу? По Гегелю получается, что природа — всего лишь «агония понятия». Шеллинг нащупал самую уязвимую точку гегелевской философии. Именно сюда нанесет удар материалист Фейербах. Фейербах будет потом критиковать и Шеллинга, но сначала он скажет Шеллингу спасибо».

Энгельс и Маркс также хвалят Шеллинга за развязывание войны с идеализмом с позиций натурализма, однако, они недовольны тем, что он при этом остается метафизиком сам. Наконец, философия позитивизма самого известного после Юма эмпирика, Огюста Конта почти полностью обязана идеям Ф. Шеллинга, высказанным им в критике Гегеля. Закон трех стадий сознания, который ляжет в основу позитивизма Конта, по сути, повторяет курсы философии Шеллинга о мифологии, о негативной и позитивной философии: мифологическая, метафизическая и позитивные стадии сознания у Конта.

Шеллинг говорит о сущности и существовании, и о том, что существование всегда предшествует сущности. Это старая проблема мира идей Платона и гилеморфизма Аристотеля, которая в средневековье получила развитие в виде противоборства реализма и номинализма. Существуют ли идеи сами по себе или они только абстракции вещей? Аристотель противопоставлял вещь и ее сущность, как существующую реальность и несуществующую абстракцию. Платон считал, что сущность вещи (идея вещи) существует также как сами вещи, но в другом, совершенном, идеальном мире, предтечи материального мира вещей. Для Платона сущность предшествует существованию, то есть идеи

предшествуют вещам реального мира, наделяя их формой и сущностью. Реалисты стояли на стороне Платона, номиналисты — на стороне Аристотеля. Пон

Шеллинг поднял этот вопрос уже в новой формулировке сущности и существования. Что было раньше, наш материальный мир, природа (то есть существование), или знание законов движения (то есть сущности) этого мира? Кант, Фихте и Гегель говорят, что сначала было знание (сущность), а уже потом природа и мир (существование). Шеллинг им возражает со всем пылом натуралиста: сначала была природа (существование), а только потом, анализируя эту природу, люди смогли познать ее законы (сущность). Конечно, в этой интерпретации прав Шеллинг: у людей нет априорного знания, как говорят Кант, Фихте и Гегель, все что человек знает, он узнал путем анализа, исследования природы, индукцией и дедукцией.

Человеческого знания априори не существует, но существует интеллектуальная форма космоса в виде законов природных энергий и существуют врожденные идеи в виде аппарата мышления, способности человека к логике и математике. И в этом смысле прав Платон, когда говорит о том, что интеллект первичен по отношению к материи, и что сущность определяет существование. В этом существо метафизики интеллекта, которую на тот момент еще не могли сформулировать. Однако, Шеллинг интуитивно чувствовал правоту метафизиков, и так никогда и не стал ни эмпириком, ни материалистом.

Он делит философию на негативную, такую, которая, как у Гегеля идет от мысли к бытию, и на позитивную, которая движется в обратном направлении, от бытия к мысли. Это проясняет источник знаменитого тезиса своего материализма Маркса — «бытие определяет сознание».

У Конта негативная философия Шеллинга получает название метафизической стадии мышления, которой Конт приписывает полностью негативное значение. Конт считал, что стадия метафизического сознания, будучи пустыми абстракциями, оторванными от реальности, ничего позитивного науке не дала. Ее роль

только в разрушении старого, в очищении плацдарма для грядущей позитивной науки. Так, позитивная философия Шеллинга (эмпиризм движения от бытия к мысли) обретает статус окончательного научного сознания в философии позитивизма Конта. Так, Шеллинг невольно сильно повлиял через философию Конта на формирование резко негативного отношения к метафизике вообще. До сих пор, слово «метафизика» в научных кругах звучит как ругательство, поскольку со времен Конта стало синонимом слова «мистика».

Новая формулировка проблемы реализма и номинализма, которую дал Шеллинг в критике сущности и существования в философии Гегеля, оказали большое влияние на развитие всей последующей философии. Кьеркегор положит проблему сущности и существования в основу своей системы экзистенциализма. А. Гулыга пишет в монографии «Шеллинг» о влиянии, которое оказала предпринятая Шеллингом критика Гегеля на Кьеркегора: «Шеллинг назвал курс «Философия откровения». Он начал с установления различия между сущностью и существованием. Что представляют собой вещи, какова их сущность — этому учит разум; что вещи существуют — в этом убеждает нас опыт. Шеллинг требовал исходить из опыта, из факта существования вещей, не подменять бытие понятием. Негативная философия идет от мышления к бытию, позитивная — от бытия к мышлению. Эта часть курса произвела сильное впечатление на Серена Кьеркегора. Создатель философии экзистенциализма почерпнет отсюда многие свои идеи. «Я помню почти каждое слово из тех, что он произнес. Отсюда придет ясность… Вся моя надежда на Шеллинга». Дальнейшие лекции, когда дело дошло до мифологии, разочаровали Кьеркегора: «Шеллинг невыносимо пустословит».

Профессор Оксфорда, Патрик Гардинер пишет в книге «Кьеркегор» о том, что сам Кьеркегор в своих последующих работах также критиковал Гегеля и немецкий идеализм вообще за мистическое понятие «чистого мышления», которое в реальности стало концом рационализма: «Такие заключения были

совершенно неприемлемы и приписывались влиянию „безумного постулата", лежащего в основе гегельянской доктрины об абсолютном духе. Утверждать, как это фактически делал Гегель, что мысль фактически предшествует существованию, противоречило истинному порядку вещей. К абстрактному мышлению и существованию он добавил „третье средство, открытое совсем недавно". Это третье средство получило у Кьеркегора название „чистое мышление". В то время как источником абстрактного мышления была реальная действительность, чистому мышлению по видимому удалось обходиться без таких банальных связей. В буквальном смысле слова фантастическое. Понятия, являющиеся фактически продуктом взаимодействия человеческого мышления и реального мира, ошибочно наделялись самостоятельной реальностью, и благодаря этому мысль смогла „покинуть существование и эмигрировать на шестой континент, где она была полностью самостоятельна". Теоретический переход одного понятия в другое не следует смешивать, однако, с сущностными изменениями, происходящими в реальном мире. Это „чистое мышление" „находится в мистическом взвешенном состоянии между небом и землей, освобожденное от любых отношений с существующим индивидом, объясняет все своим собственным языком и не может объяснить себя". Конкретный живой человек из повседневной жизни поглощен „игрой теней чистого мышления", его место занято химерическим универсальным субъектом, придуманным метафизическими идеалистами».

Кьеркегора называют мистиком и иррационалистом, который прямо предпочел веру разуму в своих религиозных книгах. Между тем, в психологических книгах, таких как «Или-или» и «Болезнь к смерти» он выступает как ученый натуралист, также, впрочем, как и в своей критике философии Гегеля. Правильнее говорить о противоречивой философии Кьеркегора, чем о рациональной или иррациональной. Что же касается его психологии, то там он остается последовательным натуралистом, по сей день восхищающим своей проницательностью.

Интересно, что если он возражает Гегелю вместе с Шеллингом в том смысле, что существование предшествует сущности, и потому теория должна базироваться на опыте, то Сартр впоследствии будет использовать этот ставший клише тезис в противоположном значении. Что существование способно творить себя самому, и самому создавать, таким образом, свою сущность. Сартр встанет на позицию антиинтеллектуализма, отказываясь признавать какие-либо законы природы вообще. Все тот же «беспредельный человеческий произвол» против которого восставал и Шеллинг и Кьеркегор, только теперь на основе материализма. Не то же ли сделал и Маркс с диалектической логикой Гегеля, сохранив его беспредельный произвол и назвав его материализмом? Сартр не скрывал своей приверженности марксизму. Подобно тому, как Маркс остался гегельянцем, использовав критику Гегеля Фейербахом, чтобы создать собственный вариант гегельянства, так и Сартр остался гегельянцем, использовав критику Гегеля Кьеркегором для создания собственной разновидности мистики «беспредельного человеческого произвола». Истинно новое слово сказал только Кьеркегор в своей философии, заложив научные основы теории психической энергии. И его наследниками стали К. Ясперс и гуманистическая психология Э. Фромма, К. Хорни, А. Маслоу.

Тот факт, что философия Кьеркегора получила противоположные толкования у субъективиста толка Ницше и Сартра и гуманистов толка К. Ясперса и Э. Фромма, говорит о том, что формулировка проблемы метафизики как «сущности и существования» не более удачна, чем «мир идей и гилеморфизм» или «номинализм и реализм». Гораздо более правильным будет говорить об энергетике, как окончательной формулировке метафизики интеллекта: активном полюсе мышления и законов природных энергий как единой субстанции интеллекта.

Ф. Шеллинг не стал ни эмпириком, ни материалистом, за что Энгельс и Маркс называли его трусом, ведь в свое время их и Фейербаха вдохновила именно его критика мистической философии субъективного идеализма. Однако, Шеллинг оказался

гораздо более проницательным, оставшись метафизиком, хоть он и не смог сформулировать философию метафизики интеллекта. Он искал единства рационализма и эмпиризма, разума и веры, а эти противоречия могла разрешить только метафизика интеллекта. Рационализм как метод познания всецело основан на опыте, но он прямо противостоит эмпиризму, как философии, которая не признает законов природы. Рационализм признает первичность интеллекта и его божественность, но он познает его законы через опытное исследование и признает только те законы, которые контролирует на опыте. Мистика религиозных догматов не может стать предметом веры рационалиста, он верит только в то, что знает.

Альберт Швейцер тоже пишет в «Упадке и возрождении культуры», что философию постигло крушение в середине 19 века, так что рационализм был погребен под ее останками, а сама философия окончательно вышла на пенсию, потеряв все связи с действительностью: «Философия после своего крушения в середине 19 века превратилась в пенсионера, вдали от мира, перебирающего то, что удалось спасти. Сочувственно оглядывалась она на оставленный позади рационализм. Горделиво хвасталась тем, что „Кант прошел ее насквозь“, что Гегель „привил ей исторический подход“ и что „ныне она развивается в тесном контакте с естественными науками“. Однако при этом философия была беспомощнее самого жалкого рационализма. Рационализм при всей своей наивности был подлинной, действенной философией. Она же стала лишь эпигонской философией, облачившейся в тогу учености. В школах она еще играла какую-то роль, миру сказать ей было нечего. Итак, при всей своей учености философия стала чуждой реальной действительности»

Бертран Рассел, как знаменитый рационалист и позитивист, характеризует философию Фихте, как «безумную», а философию Гегеля как «целиком ложную» в «Истории западной философии». О Канте он говорит, как о предтече эти двух безумных философий. Его собственное определение материи, как «того,

что соответствует уравнениям физики» — это определение метафизика интеллекта. Потому что в такой интерпретации, процесс познания имеет два полюса интеллекта: законы природы (уравнения физики) и мышление, способное их постигать; где материя, только содержание, соответствующее форме, заданной законами интеллекта. Карл Ясперс пишет о философии Фихте и Гегеля, как о хмельном напитке, который пьянит, и ведет к потере контакта с действительностью. Нельзя не сказать напоследок о двух таких важных работах, как «Предательство интеллектуалов» Ж. Бенда и «Бунтующий человек» А. Камю, в которых со всей страстностью рационалистов доказывается мистичность и иррационализм философии Гегеля и Маркса и их последующее негативное влияние на культуру в целом.

Ж. Бенда «Предательство интеллектуалов»:

> «Диалектический материализм отрекается от разума и тогда, когда стремится представить изменение не как последовательность неподвижных состояний, даже бесконечно близких, а как ≪непрерывную изменчивость≫, не ведающую никакого постоянства; или когда использует такие свои вывески, как чистый ≪динамизм≫, не затронутый никакой ≪статикой≫. Здесь мы опять сталкиваемся с тезисом Бергсона, который проповедует движение само по себе, противополагаемое последовательности состояний покоя, действительно совершенно отличной от него, как бы ни были близки эти состояния друг к другу. Однако такая позиция выражает недвусмысленное отречение от разума, поскольку разуму свойственно останавливать вещи, которые он рассматривает, по крайней мере пока он их рассматривает, в то время как чистое становление, по сути своей исключающее всякую самотождественность, может быть предметом мистического единения, но не рациональной деятельности».

А. Камю: «Бунтующий человек»:

> «Как бы то ни было, именно у Гегеля революционеры XX века обнаружили целый арсенал, с помощью которого были окончательно уничтожены формальные принципы добродетели. Революционеры унаследовали видение истории без трансценденции, истории, сводящейся к вечному спору и к борьбе воль за власть... Сведение всех ценностей к единственной — исторической не могло не по-

> влечь за собой самых крайних последствий... Вот почему исторический разум иррационален и романтичен, вот почему он напоминает то систематизированный бред сумасшедшего, то мистическое утверждение слова божия. Неудивительно поэтому, что, для того чтобы сделать марксизм научным и подкрепить эту фикцию, столь выгодную в наш научный век, пришлось сначала сделать науку марксистской, пустив для этого в ход террор. Научный прогресс со времен Маркса состоял, грубо говоря, в замене детерминизма и механистического материализма тогдашней эпохи пробабилизмом. Маркс писал Энгельсу, что учение Дарвина составляет основу их собственного учения. Стало быть, для того чтобы марксизм сохранил ореол непогрешимости, следовало отрицать биологические открытия, сделанные после Дарвина»

Следует ли удивляться после этого, что трогательная дружба Сартра и Камю распалась сразу после выхода этой книги, в которой Сартр увидел непростительный грех защиты картезианского рационализма и гуманизма? А между тем, Ясперс и Камю были истинными последователями философии экзистенциализма Кьеркегора, тогда как Ницше, Сартр и Хайдеггер вывернули ее наизнанку.

5) Спор Эйнштейна и Бора: победа метафизики интеллекта

Знаменитый спор Эйнштейна и Бора вскрыл другой аспект проблемы рационализма. Доступен ли активный интеллект, мышление, только человеку? Имеет ли «мир идей» Платона свое собственное пространство-время? А. Эйнштейн был одним из самых известных рационалистов, который не раз публично заявлял о своей приверженности метафизике интеллекта Платона и Спинозы. Известно, что его оппонент в споре о квантовой механике, Н. Бор, напротив, стоял на позициях эмпиризма (позитивизма). До сих пор считалось, что Эйнштейн проиграл этот спор Бору, а вместе с ним сдал свои позиции и рационализм, уступив победу эмпиризму в их давнем противостоянии.

Два эксперимента подтвердили правоту Бора в споре с Эйнштейном. Эксперимент Юнга якобы доказал, что нет объективного наблюдения, что данные наблюдения всегда субъективны,

потому что поведение квантов зависит от того, измеряют их или нет. А эксперимент Белла доказал нелокальность квантов, способность контактировать на скорости выше скорости света, что опровергает все законы физики (и теорию относительности), а значит, ставит под вопрос детерминизм (законы природы) в целом. Результаты экспериментов не оставляли сомнений в том, что Эйнштейн, который настаивал на том, что измерение не влияет на поведение квантов, и что кванты не могут взаимодействовать на скорости, которая опровергает все прежние законы физики, оказался неправ. Пусть так. Но значит ли это, что вместе с Эйнштейном проиграл и рационализм? Какую философскую интерпретацию имеет эта проблема?

М. Кумар «Квант. Эйнштейн. Бор»:

> «Не собиравшийся сдаваться Эйнштейн потратил неделю на то, чтобы показать: квантовая механика не самосогласованна, а «копенгагенская интерпретация» Бора — некорректна. Гораздо позднее Эйнштейн скажет: «Эта теория напоминает мне состряпанный из бессвязных обрывков мыслей набор бредовых идей исключительно умного параноика».. **«Полагаю, хорошо, что многое рассеивает мое внимание. Иначе размышления о квантах привели бы меня прямиком в сумасшедший дом». «**Принстон — сумасшедший дом... Эйнштейн — совсем чокнутый», — написал Роберт Оппенгеймер в январе 1935 года. Тогда самому известному физику-теоретику, воспитанному Америкой, был тридцать один год. Через двенадцать лет, уже человеком, возглавившим работы по созданию атомной бомбы, Оппенгеймер вернется в Институт перспективных исследований, чтобы руководить «сумасшедшим домом» и населяющими его «солипсическими светилами, сверкающими в отделенном от мира и беспомощном уединении». К этому времени Эйнштейн уже смирился с тем, что благодаря его критическому отношению к квантовой механике в Принстоне его «считают старым дураком»

Эйнштейн провидчески заметил, что решение проблемы квантовой механики, на которой споткнулись они с Бором, придет вместе с решением какой-то более глобальной задачи. И оказался прав. Он говорил о метафизике интеллекта Платона и Спинозы, но никогда не подумал, что эта метафизика означает существование пространства-времени интеллекта. Его теория от-

носительности доказала, что пространство и время составляют единое целое, единый континуум, а не независимы друг от друга как думали раньше. Нам представляется, что энергетическая теория как нельзя лучше объясняет этот феномен уже с философских позиций (прекрасное физическое обоснование он дал сам). Действительно, если вселенная — это пучок природных энергий, как утверждал Оствальд, то пространство — это воплощение этих энергий в конкретных вещах, а время — история движения этих энергий.

Духовная энергия человека отлична от прочих природных энергий. Она также детерминирована, как они законами природы, но способна также познавать эти законы и ставить их под научный контроль. Это контрольная энергия, имеющая доступ к активному интеллекту, к мышлению; тогда как все прочие энергии природы только детерминированные, им доступен только пассивный интеллект законов природы. Контрольная энергия человека будет иметь особое пространство-время, то есть будет воплощаться не в вещах, а в знании о вещах; и будет иметь историей своего движения не физическую эволюцию космоса, а накопленные знания о законах природных энергий. Это особое пространство –время интеллектуальной энергии человека, духа, также отвечает теории относительности, будучи единым континуумом. Но это не физическое пространство-время, открытое Эйнштейном.

Если понимать эту метафизику как пространство-время, то проблема решается сама собой. Было много попыток ответить на проблему фантасмагориями о множестве параллельных вселенных, о множестве других физических миров. Однако это такая же чушь с точки зрения физики и здравого смысла. Но мир идей Платона, интеллектуальный мир, который существует как идеальный образ физического мира, как его форма, выраженная в законах энергий –это очевидность, которую утверждали вместе с ним все рационалисты со времен Платона. Это скорее не параллельное, а перпендикулярное пространство, ось интеллектуального отражения вселенной.

Тогда у нас есть объяснение загадочному поведению квантов, которое не только не опровергает рационализма и детерминизма вселенной, но дает ему эмпирическое подтверждение. Кванты, фотоны света, мельчайшие частицы из которых состоит материя — элементы интеллекта, создавшего материю и установившего законы природы. То есть получается, что на уровне самого глубинного исследования, мы сталкиваемся со «светом интеллекта» в самом прямом смысле. Человек имеет активный интеллект — способность мышления. Кванты могут иметь свою разновидность активного интеллекта — пусть она не тождественна мышлению человека, пусть ее возможность много меньше или много больше, мы не можем знать. Они способны фиксировать, когда другой активный интеллект их измеряет и менять свое поведение в зависимости от этого. Менять с жесткой детерминированностью — либо волна, либо частица, ни шагу назад, ни шагу вперед. Понятно, что нелокальность квантов тогда объясняется их общением в пространстве-времени интеллекта, поскольку в пространстве-времени физического мира это невозможно.

Теория относительности пространства-времени Эйнштейна показала зависимость скорости часов от пространства, в котором они находятся. Теория относительности справедлива и для пространства интеллекта, у которого свои «часы», свое время. Эйнштейн в «Эволюции физики» говорит о «примитивном субъективном чувстве времени», которое нельзя сравнивать с физическими часами. Между тем, именно это психологическое чувство времени, так отличное от физических часов, есть наше ощущение времени пространства интеллекта. Разве мы не чувствуем себя на все тысячи лет, которые охватываем своими познаниями? Мы гости в пространстве интеллекта, мы не можем знать его структуру и строение. Мы можем знать только то, насколько оно нам доступно. Мы способны открывать законы природы — и это наш доступ в пространство интеллекта. Мы способны накапливать знания — и это наше совокупное время, проведенное в пространстве интеллекта, часы, которыми мы

измеряем длительность своего пути. Мы способны жить поисками истины и жертвовать для них нашей жизнью в физическом пространстве — и это время, которое мы проводим в пространстве интеллекта.

Но есть одно большое «но»: ложные теории настолько засорили пространство интеллекта, что даже дисциплинированным и трудолюбивым студентам почти невозможно туда пробраться. А если удается то рывками, а нахождение там становится очень болезненным из-за мусора, который всячески мешает передвижению. Наша задача не только открыть для себя это пространство, но и расчистить его. Ибо только храм знаний может быть настоящей церковью человека, в духе и истине, как говорили великие мыслители. И только настоящие ученые, мыслители и духоборцы могут быть его святыми.

Глобальное открытие, которое прольет свет на проблему квантов, о котором говорил Эйнштейн — это Энергетика как теория познания, это пространство-время интеллекта, это, наконец, теория психической энергии.

ГЛАВА 4. ТЕОРИЯ ПСИХИЧЕСКОЙ ЭНЕРГИИ У ПЛАТОНА, СПИНОЗЫ И В ГУМАНИСТИЧЕСКОЙ ПСИХОЛОГИИ

1) Теория ПЭ у Платона
2) Теория ПЭ у Спинозы
3) Теория ПЭ в гуманистической психологии

Этические религии тоже имеют дело с духовной энергией человека, и говорят много рационального об этой энергии. Однако, мы не можем рассматривать в качестве теорий психической энергии мировые религии, поскольку в них, несмотря на «конец мифологической эпохи» в который они появились, большая примесь мистики. Так что содержание религий, хоть они не чужды рационализма, в то же время нельзя изложить без мифологии.

Мы не можем рассматривать как теории психической энергии философию Канта, Гегеля, Шопенгауэра, Сартра, Хайдеггера или Ницше, хотя они, безусловно, тоже размышляют о специфике духовной энергии человека. Это невозможно по той же причине, по которой этические религии не подходят под определение теорий психической энергии. Эти философии выражено иррациональны, антиинтеллектуальны, ведь уже Кант разделял веру практического разума и науку чистого разума. Это мистика шизоидного мышления, то есть формальной логики, оторванной от закономерностей действительности. Определение Рассела в этом смысле философии Фихте (который считал себя большим Кантом, чем был сам Кант) как «безумной», в силу ее крайнего субъективизма выглядит логичным. Однако, изложенная в «Речах к немецкой нации» психология Фихте, позволяет рассматривать

ее отдельно от его философии, и в этом смысле она предстает как весьма проницательный вариант изложения закономерностей духовной энергии человека. В этом смысле, другой последователь Канта, — Карл Ясперс, также интересен не своей философией, а тем, что он сумел сохранить в понимании психологии, основав ее на базисе кантианства. Заслуга Канта в том, что он признавал уровень духовной энергии человека, как независимой от уровня биологической энергии, и специфику этого духа, берущего начало в интеллекте. Однако, он свел психическую энергию в мистику, представив ее не обычной природной энергией, детерминированной закономерностями природы, а самоопределяющимся абсолютом, «законодательствующим разумом». На место относительной свободы осознанной необходимости рационализма встала, таким образом, абсолютная свобода мистики. Тем не менее, во времена дарвинизма философия Канта помогла «выжить» всем теориям духовной энергии, как например теории «наук о духе» Дильтея, философская вера Ясперса или теория идеальных ценностей Бенда.

Мы помним также, что позитивизм Огюста Конта вообще исключил психологию из иерархии наук, заменив ее «социальной физикой». Эта ущербность методологии не позволила Дюркгейму и Спенсеру, двум известным позитивистам, сформулировать закономерности психики. Однако, Дюркгейм все же формулирует теорию психической энергии, когда пишет о значении мистического в жизни общества. Это интересная теория и заслуживает упоминания, ведь позитивизм, в отличие от кантианства, все же признает наличие закономерностей в общественном развитии. У позитивистов другой недостаток, они не признает душу человека, его сознание как особую духовную энергию (тогда как у кантианства с этим все в порядке). Огюст Конт, как известно, вынужден был в конечном итоге ввести вместо психологии этику, в которой изложил свои взгляды на эволюцию духа как прогресс альтруизма в ущерб реакционной силе эгоизма. Все таки, в попытках найти закономерности психики, никак не обойтись без понятия духовной энергии.

Философия Кьеркегора чрезвычайно противоречива, как известно, поэтому нам она также мало интересна. Зато как психолог он совершенно неслучайно стяжал себе славу самого проницательного исследователя. Как религиозный мыслитель, он возмущается против рационализма, но как последователь Сократа, он пишет о том, что сила духа возрастает вместе с силой знания, с ростом самосознания. Его теория равновесия эстетического и этического в человеке — одна из самых замечательных в истории психологии попыток сформулировать закономерности противоборства двух антагонистичных энергий психики. Наконец, рациональная философия Пифагора, Платона, Спинозы, Рассела, Тойнби позволяет им сформулировать четкие теории психики, как духовной энергии, детерминированной закономерностями природы. Для каждого из этих мыслителей методологическое сомнение Декарта «я мыслю, следовательно, существую» служит не только личной моральной максимой, но и фундаментальной аксиомой их философии духа.

1) Теория психической энергии Платона

> *«Тогда, конечно, у нас будет то, к чему стремимся с пылом влюбленных, а именно разум».*

Платон Федон

> *«От смерти уйти не трудно, о мужи, а вот что гораздо труднее — уйти от нравственной порчи, потому что она идет скорее, чем смерть».*

Платон Апология Сократа

Метафизика интеллекта подразумевает субстанцию духа, как особую энергию, связанную с активным интеллектом, с мышлением, с разумом, — то есть со способностью познавать интеллектуальную форму мира, не только быть детерминированным законами природы, но и иметь способность познавать эти законы и контролировать их. Это духовная энергия, специфику которой вполне выразил Декарт в своем знаменитом «я мыслю, сле-

довательно, существую». И неважно считали они эту духовную энергию бессмертной и нематериальной подобно Платону и Кьеркегору, или же считали разновидностью природной энергии, подобно гуманистической психологии, — главное, что во всех случаях объектом исследования становилась психика, сознание, но не как эпифеномен биологии мозга, а как независимая от него субстанция духа, духовная энергия.

В том же ключе трактовали духовную (психическую) энергию Платон и Спиноза, как известно, связывая всю духовную активность с уровнем активности интеллекта, с мышлением человека. Мировоззрение Кьеркегора в его психологии («Болезнь к смерти») почти не отличается от позиции рационалистов, хоть он и позиционирует себя в некоторых философских работах как мистика и иррационалиста. Однако, его психология, как он ее дает в книгах «Или-или» и «Болезнь к смерти» — это вполне научная теория, построенная на формулировании закономерностей психической энергии. Кьеркегор оказал большое влияние на современную гуманистическую психологию, поэтому его теорию и его влияние на гуманистов мы рассмотрим отдельно.

Уже этические религии осевого времени — первые неуклюжие попытки, смешанные с хорошей долей мистики, изложить закономерности психической энергии. Содержание зороастризма, буддизма, иудаизма — это борьба двух противоположных сил в психике, добра и зла, добродетели и греховности, где одна сила несет здоровье, силу и просветление, а вторая разлагает и обрекает гниению и гибели.

Первые рационалистические философии, формулирующие этику, как закономерности психической энергии, имеют то же содержание, с той существенной разницей, что они уже делают акцент на интеллекте как основе здоровой, добродетельной, живой энергии человека. И противопоставляют энергию интеллекта суетным страстям, как разновидности болезни, лишающей человека воли, здоровья, силы, разума.

> *«Раз государство подразделяется на три сословия, то и в душе каждого отдельного человека можно различить три начала. Мы говори-*

ли, что одно начало — это то, посредством которого человек познает, другое — посредством которого он распаляется, третье же мы нарекли вожделеющим. Но у одних людей правит в душе одно начало, у других — другое; это уж как придется. Поэтому давай прежде всего скажем, что есть три рода людей: одни — философы, другие — честолюбцы, третьи — сребролюбцы. И что есть три вида удовольствий, соответственно каждому из этих видов людей. Многие почитают богатого человека, мужественного или мудрого, так что в удовольствии от почета все имеют опыт и знают, что это такое. А какое удовольствие доставляет созерцание бытия, этого никому, кроме философа, вкусить не дано. Итак, поскольку имеются три вида удовольствий, значит, то из них, что соответствует познающей части души, будет наиболее полным, и, в ком из нас эта часть преобладает, у того и жизнь будет всего приятнее... Стало быть, если вся душа в целом следует за своим философским началом и не раздираема противоречиями, то для каждой ее части возможно не только делать все остальное по справедливости, но и находить в этом свои особые удовольствия, самые лучшие и по мере сил самые истинные... Принесет ли кому-нибудь пользу обладание золотом, полученным несправедливым путем? Ведь при этом происходит примерно вот что: золото он возьмет, но одновременно с этим поработит наилучшую свою часть самой скверной. Коль скоро он безжалостно порабощает самую божественную свою часть, подчиняя ее самой безбожной и гнусной, разве это не жалкий человек и разве полученная им мзда не ведет его к еще более ужасной гибели, чем Эрифилу, обретшую ожерелье ценой души своего мужа? ... А как, по-твоему, не потому ли с давних пор осуждали невоздержанность, что она сверх всякой меры дает волю в невоздержанном человеке той страшной, огромной и многообразной твари?..Когда у человека лучшая его часть ослаблена, так что ему не под силу справиться с теми тварями, которые находятся у него внутри, он способен лишь угождать им. Как их ублажать — вот единственное, в чем он знает толк... У них настоятельная потребность грабить, иначе придется терпеть невыносимые муки и страдания. Когда его тиранит Эрот, человек навсегда становится таким, каким изредка бывал во сне, ему не удержаться не от убийства, ни от обжорства, ни от проступка, как бы ужасно все это не было: посреди всяческого безначалия и беззакония в нем тиранически живет Эрот. Как единоличный властитель, он доведет объятого им человека, словно подвластное ему государство, до всевозможной дерзости, чтобы любой ценой удовлетворить себя, и сопровождающую его буйную ватагу, составившуюся из всех тех вожделений, что нахлынули на человека отчасти извне, из его дурного

> *окружения, отчасти же изнутри, от бывших в нем самом такого же рода вожделений, которые он теперь распустил, дав им волю. ...Значит, и тиранически управляемая душа всего менее будет делать что ей вздумается, если говорить о душе в целом. Всегда подстрекаемая и насилуемая яростным слепнем, она будет полна смятения и раскаяния. ...Подобного рода люди таковы и в частной жизни, еще прежде, чем станут у власти. С кем бы они ни вступали в общение, они требуют лести и полной готовности к услугам, а когда сами в чем нибудь нуждаются, тогда так и льнут к человеку, без стеснения делая вид, будто с ним близки, но, чуть добьются своего, они опять с ним чужие. ... Значит, за всю свою жизнь они ни разу ни с кем не бывал друзьями; они вечно либо господствуют, либо находятся в рабстве: тираническая натура никогда не отведывала ни свободы, ни подлинной дружбы. Душа его преисполнена рабством и низостью, те же ее части, которые были наиболее порядочными, находятся в подчинении, а господствует лишь малая ее часть, самая порочная и неистовая».*

Платон Государство

Эта изложенная в «Государстве» теория психической энергии, в которой речь идет о двух (иногда о трех) силах, раздирающих душу человека, настолько точно соответствует формулировкам современной гуманистической психологии, что удивляешься, почему понадобилось 2500 лет, чтобы сформулировать то же самое уже в рамках научной психологии. Однако, все дело по видимому в том, что Платон очень далек от понятия законов природы, а следовательно и от понятия научного контроля. Так, он пишет в «Федоне»:

> «И напротив, у нас есть неоспоримое доказательство, что достигнуть чистого знания чего бы то ни было, мы можем не иначе как отрешившись от тела. Тогда конечно у нас будет то, к чему мы стремимся с пылом влюбленного, а именно разум, но только после смерти. А пока мы живы, мы по видимому, тогда будем ближе всего к знанию, когда как можно больше ограничим свою связь с телом и не будем заражены его природой, но сохраним себя в чистоте, пока сам бог не освободит нас»

То есть, он видит источник болезни, греха, нравственной порчи в материи, противопоставляя духовный и материальный мир.

Это точка зрения мистика, бесконечно далекая от точки зрения научного контроля, которая понимает интеллект как форму материи, позволяющую контролировать эту материю. От нее не надо отказываться, надо познавать ее законы и ставить под контроль. Но Платон принял мистическую точку зрения, и его сформулированная было теория психической энергии, канула в Лету, став частью христианского синтеза средневековья. По этой причине, то есть отрыва теоретического знания от опытного, Платон не смог сформулировать теорию научного контроля, как контроля закономерностей природных энергий, открывающего доступ к силе этих энергий. Поэтому его теория психической энергии, которую он дает в «Государстве» показалась всем апологией деспотии.

> «Для того чтобы и такой человек управлялся началом, подобным тому, каким управляются лучшие люди, мы скажем, что ему надлежит быть рабом лучшего человека, в котором господствующее начало — божественное. Не во вред себе должен быть в подчинении раб, как это думал Фрасимах относительно всех подвластных; напротив, всякому человеку лучше быть под властью божественного и разумного начала, особенно если имеешь его в себе как нечто свое; если же этого нет, тогда пусть оно воздействует извне, чтобы по мере сил между всеми нами было сходство и дружба и все мы управлялись бы одним и тем же началом. ... Да и закон, поскольку он союзник всех граждан государства, показывает, что он ставит себе такую же цель. То же и наша власть над детьми: мы не даем им воли до тех пор, пока не приучим их к некоему порядку, словно они — некое государство, и, развивая в себе лучшее начало, не поставим его стражем и правителем над таким же началом у них, после этого мы отпускаем их на свободу»

Платон Государство

Между тем, это первая, еще примитивная формулировка теории научного контроля в обществе, когда все подчинены разуму, то есть знаниям законов природы. Научный контроль предполагает естественное право, когда законы общества основаны на знании законов природы. Общеизвестно, что эту теорию позже защищал Цицерон, большой поклонник Платона, и др юристы Римской империи, особенно во времена стоиче-

ской философии Марка Аврелия, искавшего «платоновского государства». Но Платон, который еще не знает понятия законов природы, вместо того, чтобы говорить о подчинении законам природы, научному контролю, говорит о подчинении неразумных людей — разумным людям. И действительно, таким образом, невольно выступает апологетом деспотии, от которой он в действительности бесконечно далек.

2) Теория ПЭ у Спинозы

Перейдем теперь к теории психической энергии Спинозы, сформулированной им в «Этике», не уступающей по известности и значимости «Государству» Платона. Теория психической энергии Спинозы выглядит еще более современной, если ее сравнивать с гуманистической психологией, чем теория Платона. Спиноза сознательно отмежевался от христианской идеологии самоуничижения и самоотречения, и говорит вслед за Платоном о том, что отказываться следует только от патологической части души, питающейся невежеством. Напротив, он формулирует закон сохранения силы психической энергии, заявляя, что цель человеческого бытия обретение счастья, силы, здоровья, удовольствия, которые достигаются в интеллектуальном единении с Богом. Он говорит подобно Платону, что в психике наличествуют два начала, две силы. Одна из них имеет своим источником интеллект, «адекватное понимание» действительности, другая же, напротив, происходит из аффектов, которые мешают человеку адекватно воспринимать реальность. Это две силы, которые противоборствуют в человеке, так что победа разумной силы дает человеку силу, здоровье и радость жизни, а победа болезненных аффектов есть духовная смерть, ведущая к потере разума, воли и силы. Формулировка Спинозой закона сохранения силы психики для обоих силовых полей психики все еще не получила должной оценки в психологии.

> «Величайшее самомнение или самоунижение есть величайшее незнание самого себя. Величайшее самомнение или самоунижение

указывает на величайшее бессилие духа. Первая основа добродетели есть самосохранение и притом самосохранение по руководству разума. Таким образом, тот, кто не знает самого себя, не знает основы всех добродетелей, а следовательно, и их самих... Отсюда самым ясным образом следует, что люди, объятые самомнением и самоуниженные, всего более подвержены аффектам. Самодовольство может возникнуть вследствие разума, и только то самодовольство, которое возникает вследствие разума, есть самое высшее, какое только может быть.

А способность души определяется одним только познанием; бессилие же или пассивное. состояние ее — одним только недостатком познания, т. е. тем, вследствие чего идеи называются неадекватными. Отсюда следует, что всего более страдает та душа, наибольшую часть которой составляют идеи неадекватные, так что она характеризуется более через свои пассивные состояния, чем через активные. Наоборот, всего более действует та, наибольшую часть которой составляют идеи адекватные.

Мы видим и находим, что все хорошие страсти имеют такой характер и природу, что мы не можем без них существовать и сохраняться, и они как бы принадлежат нам существенно, как любовь, желание и все, что свойственно любви. Но дело обстоит совершенно иначе с теми, которые дурны и должны избегаться нами, так как мы без них не только можем существовать, но именно тогда только, когда освободились от них, становимся такими, какими должны быть. Также и любовь, может происходить из верных понятий или из ложных, и первая ведет к наивысшему благу, а вторая к нашей гибели.

Человеческое бессилие в укрощении и ограничении аффектов я называю рабством. Ибо человек, подверженный аффектам, уже не владеет сам собой, но находится в руках фортуны, и притом в такой степени, что он, хотя и видит перед собой лучшее, однако принужден следовать худшему человеческая способность к укрощению страстей состоит в одном только разуме.

Таким образом, я изложил все, что предполагал сказать относительно способности души к укрощению аффектов и о ее свободе. Из сказанного становится ясно, насколько мудрый сильнее и могущественнее невежды, действующего единственно под влиянием страсти. Ибо невежда, не говоря уже о том, что находится под самым разнообразным действием внешних причин и никогда не обладает истинным душевным удовлетворением, живет, кроме того, как бы не зная себя самого, Бога и вещей, и, как только перестает страдать, перестает и существовать. Наоборот, мудрый как таковой едва ли под-

> вергается какому-либо душевному волнению; познавая с некоторой вечной необходимостью себя самого, Бога и вещи, он никогда не прекращает своего существования, но всегда обладает истинным душевным удовлетворением»

Этика Спиноза

Своей теорией психической энергии, которая означала возврат к античной платоновской теории силы и радости жизни, Спиноза бросил вызов христианской идеологии своего времени, которая проповедовала самоотречение и самоуничижение. Мы видели, что Спиноза не считал себя противником Евангелия, уверяя, что проповедь Христа «истина и адекватна». Тем не менее, мифологическое изложение закономерностей психики, а именно того что в гуманистической психологии называется «снятием эго-защиты», а у Платона и Спнозы имеет определение избавления от неадекватной духовной энергии, помешало адекватно изложить эту теорию в христианстве, которое трактует снятие эгозащиты как отречение от самого себя. То есть выплескивает воду вместе с ребенком. Спиноза конечно же предполагает, что Христос говорит, подобно Платону об отказе от порочной, болезненной части души, которая только усилит и облагородит истинную часть души, но вовсе не об отказе от своего истинного Я. «Кто потеряет душу для меня, тот обретет душу». Все Евангелие написано таким туманным слогом, который можно трактовать и так, и этак.

Однако, чтобы не имел ввиду сам Христос, ортодоксальная церковь отвернулась от Спинозы, объявив его врагом церкви и наложив запрет на издание его произведений. Немало такой позиции Церкви способствовала и резкая критика Ветхого завета, предпринятая Спинозой в «Богословско-политическом трактате». Рассел пишет в «Истории западной философии», что были философы умнее Спинозы, но не было никого, кто превосходил бы его благородством. Философ, который вел затворническую жизнь праведника и аскета, мог бы сказать им вместе с Сократом:

> «Чему по справедливости подвернуться или сколько должен я уплатить за то, что ни старался ни о чем таком, о чем старается большин-

> ство: ни о наживе денег, ни о домашнем устроении, ни о том, чтобы попасть в стратеги, ни о том, чтобы руководить народом; вообще не участвовал ни в управлении, ни в заговорах, ни в восстаниях, считая себя слишком порядочным человеком, право, чтобы сохраниться, участвуя во всем этом; за то что я шел туда где мог всякому оказать величайшее благодеяние, стараясь убеждать каждого из вас заботиться о душе прежде, чем о теле, — как бы ему быть что ни на есть лучше и умнее»

Платон Апология Сократа

А. Швейцер пишет о Спинозе в «Культуре и этике»: «Он строг в отношении самого себя. Его безропотное смирение просветляется присущей ему мягкой чертой снисходительного человеколюбия. Преследования, которым он подвергается, не в состоянии ожесточить его». Швейцер критически настроен к философии Спинозы, поскольку видит в ней Этику смирения, вместо активной борьбы со злом, подразумевающей Этику деятельности. Он сравнивает его со стоиками и буддийскими монахами, которые искали лишь личного успокоения, личного спасения: «Трагический итог монистического мышления в стоицизме, в индийской и китайской философии заключается в том, что последовательная в отношении самой себя натурфилософия приходит к разочарованности, пессимизму и безропотному смирению, а не к этике. Избежал ли Спиноза этой участи?»

Однако, А. Швейцер несправедлив к Спинозе. Философия Спинозы — это философия метафизики интеллекта, а значит контроля законов природы, контроля природных энергий. Спиноза очень четко излагает теорию психической энергии, как противоборства двух психических сил в сознании человека. А следовательно, открывает широкое поле деятельности для этики будущего, которая будет основана на научном контроле психической энергии человека. Этого нельзя сказать, например, о буддизме, который действительно есть теория пассивного побега от жизни, поскольку буддизм ищет покоя путем отказа от сознания, путем рассеивания мыслей в процессе медитации. Для Спинозы, как для всей традиции западного рационализма, мысль составляет самое существо духовной энергии.

3) Теория ПЭ в гуманистической психологии

> «Размышляя о природе человека, я думал, что открыл в ней два различных начала: одно возвышало его до изучения вечных истин, до любви к справедливости и нравственно прекрасному, до областей духовного мира, созерцание которого составляет усладу мудреца; другое возвращало его вниз, к самому себе, покоряло его власти чувств, страстям, которые являются их слугами, и противодействовало, с помощью их, всему тому, что внушало ему первое начало. Чувствуя себя увлеченным, сбитым с пути этими двумя противоположными движениями, я говорил себе: «Нет, человек — не единое: я хочу — и я не хочу; я чувствую себя и рабом, и свободным; я вижу добро, люблю его — и делаю зло; я активен, когда слушаюсь разума, и пассивен, когда меня увлекают страсти: и самое горькое мученье для меня, когда я падаю, чувствовать, что я мог бы устоять»

Ж-Ж Руссо «Эмиль»

Гуманистическая психология — это направление в психологии, которое развили ученики З. Фрейда на основе кардинально другой философии. Фрейд был убежденным материалистом, так что его теория психической энергии — это теория биологизма. Эрих Фромм и Карен Хорни, супруги и ученики Фрейда, строили свою теорию психической энергии уже на основе философии гуманизма. Революция Фрейда состояла в том, что он стал рассматривать психику как энергетическую систему, а не как функцию мозга. Поставив вопрос таким образом, он добился замечательных результатов, хотя теоретический фундамент биологизма стушевал всю важность его достижений. Он придавал большое значение сексуальным инстинктам, считая всю интеллектуальную и нравственную активность только рационализации потребности в удовлетворении этих инстинктов. Этот биологизм привел его к выводам о «звериной природе человека», не только малопривлекательной, но и в корне неверной. В этом смысле, он перевернул вверх дном существо духовной энергии человека, поскольку именно базис психики — это здоровье разума и совести, и только поверхностная опухольпсихики в виде энергии эгозащиты — болезнь страха, злорадства и жестокости.

Его ученики оказались проницательнее своего учителя, и покинули его с тем, чтобы развивать теорию психической энергии уже на основании гуманизма. Например, Фромм много обращается к Спинозе, а Хорни — к философии Кьеркегора. Абрахам Маслоу видит себя последователем философии Платона, и прямо говорит о том, что уровень психической энергии — это уровень пространства интеллекта Платона.

> «Трансценденция может означать вид на жительство в высшей реальности, умение говорить языком высшего Бытия, высшее постижение без срока и конца. Мы знаем трансценденцию как пиковые, предельные мгновения высшего постижения, но она может означать также спокойное и сосредоточенное познание. Человек, переживший инсайт, великое откровение, мистический опыт, прозрение или просветление, однажды успокоится, привыкнет к новизне, к хорошему и великому, и будет от случая к случаю, по-соседски навещать познанные им райские кущи, накоротке общаясь с вечностью и бесконечностью. Он переживет изумление и потрясение и заживет спокойной и безмятежной жизнью среди платоновских идей, среди высших ценностей. Чтобы отличать предельные, эмоционально-острые переживания прозрения, высшее постижение от такого рода спокойного, величаво-божественного постижения, я буду называть последнее <плато-познанием>. Высшие переживания действительно переживаются человеком как транс. Однако свет истины навсегда остается с человеком. Человек не в состоянии, даже если бы захотел, вернуться к прежней наивности, к прежнему неведению, он просто не может и впредь быть таким, каким был до озарения. Он не может <зачеркнуть> постигнутое. Он не может снова стать слепым. Должен быть язык, которым можно было бы описать обыденное откровение, ежедневное прозрение, жизнь в Эдеме»

Абрахам Маслоу Дальние рубежи человеческой природы

1. Разделил уровни психической и биологической энергии

Фрейд только поставил вопрос о психике как об энергетической системе. Его ученики пошли гораздо дальше, разделив уровни духовной (психической) энергии и биологической энергии, так что психика имеет сравнительно независимую систему законов от биологических закономерностей. Это привело

к очень важному выводу гуманистической психологии о том, что привело к пересмотру теории Фрейда о звериной природе человека. Гуманисты — это те психологи, которые отказываются от этой теории в пользу противоположной, которая гласит, что фундамент психики, ее основа — есть здоровье разума, совести, юмора и сочувствия, а все патологические проявления садомазохизма — это только поверхностная патология. Так что целью своей терапии гуманисты видят высвобождение этого интеллектуального и гуманистического потенциала духовной энергии человека из под наслоений внешней патологии. Такого взгляда придерживались Фромм, Хорни, Маслоу, Роджерс, Адлер, Франкл, Юнг, Олпорт и др гуманистические психологи. У Карла Роджерса есть замечательная теория личности, в основе которой представление о фундаментальном здоровом ядре, которое есть поток и всегда в становлении. Однако, этот спонтанный поток здорового ядра личности скован мертвой маской эгозащиты, конформизма и страха быть самим собой, что приводит к невротическим заболеваниям и останавливает жизнь и рост личности. Он пишет, что пришел к этой теории на основе многолетнего анализа своих бесед с пациентами, и был удивлен когда увидел, что его теория так близко воспроизводит психологию Кьеркегора.

2. Разделили истинное Я и ложное Я.

То что мы называем полем интеллекта и полем эгосистемы, гуманистическая психология именует истинным Я и ложным Я. Уже Платон и Спиноза знали об антагонизме этих двух несовместимых энергий психики, которые люди называют «добром» и «злом». Действительное, каждая из этих энергий представляет собой синдром, то есть системы связанных характеристик психики. Истинное Я (поле интеллекта): рационализм, объективность, страсть к познанию, потребность в истине, в справедливости, совестливость, доброта, великодушие, работоспособность, долг и ответственность, юмор и потребность в эстетике, сильная воля, потребность в одиночестве и одновременно близкая друж-

ба с близкими по духу людьми. Ложное Я (поле эгосистемы): магическое сознание, конформизм, страх сверхъестественных сил, иррационализм, субъективизм, невежество, господство и подчинение, навязчивые влечения, расстроенная воля, стыд, вина, болезненное самолюбие и злорадство, лень и праздность.

Карен Хорни подчеркивает специфику ложного Я как она представлена у Платона: потеря воли (Тирания Надо, не я иду, а меня несет), страх стыда вместо рационального выбора, поиски власти вместо дружбы и искренности. Эрих Фромм противопоставляет отношения садомазохизма (господства и подчинения) отношениям дружбы и искренности, гуманистическую и авторитарную совесть, невротический эгоизм и плодотворную здоровую личность.

Эрих Фромм «Искусство любить»:

> «Активная форма симбиотической связи — господство, или... садизм. Садистская личность стремится освободиться из плена и избежать одиночества делая другую личность своей частью. Она растет в собственных глазах и поддерживает себя тем, что включает в себя как часть другую личность, которая ее боготворит. Садистская личность также зависима от того, кто ей покоряется, как этот последний зависим от нее.; не один из них не может жить без другого. Различие лишь в том, что садистская личность распоряжается, эксплуатирует, унижает, причиняет боль, а мазохистская подчиняется распоряжениям, терпит эксплуатацию, унижения и боль. В реальном смысле, это значительное различие; но в смысле более глубоком, эмоциональном, здесь больше общего, нежели различного: и то и другое есть слияние без целостности. Если мы это поймем то не удивимся, что чаще человек ведет себя то как садистская, то как мазохистская личность, — обычно по отношению к разным объектам. В противоположность симбиотической связи зрелая любовь есть связь, предполагающая сохранение целостности личности, ее индивидуальности»

3. Противопоставили ненасыщаемую мотивацию боли (дефита) и мотивацию удовольствия (избытка)

Э. Фромм «Человек для себя»:

> «А вот иррациональные желания ненасытимы. Желания завистника, собственника, садиста не исчезают с их удовлетворением, разве что на какой-то момент. По самой своей природе эти иррациональные

> желания не могут быть „удовлетворены". Они вызваны внутренней неудовлетворенностью человека. Отсутствие плодотворности и порожденное им бессилие и страх — вот источник этих страстных влечений и иррациональных желаний. Даже если б человек мог удовлетворить все свои желания власти и разрушения, это не избавило бы его от страха и одиночества, а, значит, и от напряжения. Благо воображения оборачивается бедствием; будучи не в состоянии освободиться от своих страхов, человек рисует в своем воображении все больше удовольствий, какие удовлетворят его алчность и восстановят его внутреннее равновесие. Но алчность — бездонная пропасть, а идея освобождения от алчности путем ее удовлетворения — мираж. Источник алчности — конечно же не животная природа человека, как часто считают, этот источник — его ум и воображение».

А. Маслоу:

> «Удовлетворение от ликвидации дефицита, как правило, бывает эпизодическим и скоротечным. Наиболее часто встречается следующая схема: в начале имеет место побуждающее, мотивирующее состояние, которое дает толчок мотивированному поведению, задача которого заключается в достижении желаемого состояния, которое, при постепенном и постоянном росте возбуждения и желания, в конце концов, достигает пика в момент успеха и свершения. С этой вершины кривая желания, возбуждения и удовольствия резко опускается на равнину покоя, расслабленности и отсутствия мотивации. Эта схема, хотя и не является универсальной, явно не соответствует мотивации развития личности, для которого характерно отсутствие высшей точки или момента завершения, „оргазма", конечного состояния: здесь нет даже цели, если понимать ее как итог. Напротив, „развитие" это постоянное, более или менее непрерывное, движение вперед или вверх. Чем больше индивид получает, тем большего ему хочется, поэтому желание такого рода бесконечно и никогда не может быть удовлетворено».

Карен Хорни «Невроз и личностный рост»:

> «при некоторой удаче честолюбцам действительно удается достичь славы, почестей, влиятельности. Но, с другой стороны, добившись на самом деле больших денег, знаков отличия, власти, они, вместе с тем, приходят к ощущению полной тщетности своей погони. Они не достигают мира в душе, внутреннего спокойствия, довольства жизнью. Внутреннее напряжение, ради ослабления которого они и гнались за призраком славы, не ослабевает ни на йоту. И посколь-

> ку это не несчастный случай, а неизбежный результат, мы будем правы, заключив, что нереалистичность всей этой погони за успехом — ее неотъемлемое свойство».

Абрахам Маслоу «Дальние рубежи человеческой природы»:

> «так называемое <чувство удовольствия>, испытываемое убийцами, садистами, фетишистами, по сути своей не является тем <удовольствием>, которое вызывали в своих экспериментах Олдс и Камийя. Собственно, об этом уже давно известно психиатрии. Любой опытный психотерапевт знает, что за невротическими <удовольствиями> или перверзиями, как правило, стоят обида, боль и страх. Да и наш субъективный опыт говорит о том же. Мы знаем достаточно людей, которые в своей жизни испытывали как здоровое, так и нездоровое чувство удовольствия. Как правило, они отдают предпочтение первому и научаются подавлять второе. Колин Уилсон ясно продемонстрировал нам, что люди, совершающие сексуальные преступления, имеют весьма слабые сексуальные реакции»

В итоге, гуманистическая психология вплотную подошла к открытию психической энергии. Сделать это открытие ей помешала только дарвиновско-позитивистская парадигма, о чем много писал Гордон Олпорт: что позитивизм мешает науке о личности, поскольку сознание выпало из исследований как ненаучный объект исследований. Переход к новой парадигме, основанной на эпистемологии Энергетики, позволяет представить гуманистическую психологию в форме психической энергии.

ГЛАВА 5. ТЕОРИИ ПСИХИЧЕСКОЙ ЭНЕРГИИ У КЬЕРКЕГОРА

1) Рационалистическая этика и общая природа человека

2) «Кривое зеркало» поля эгосистемы.

3) Отчаяние и страх. Антагонизм этического и эстетического. Закон сохранения силы психики.

4) Виды отчаяния. Притяжения Влюбленности и Самолюбия. Шизоидность.

5) Дневник соблазнителя. Управление автоматизмами эгозащиты.

1) Рационалистическая этика и общая природа человека

Кьеркегор поставил во главе угла своей философии шеллинговский тезис о том, что «существование предшествует сущности». Этот тезис выражал существо их совместного протеста против пренебрежения конкретной реальностью человеческого сознания, действительных закономерностей психики, наукой психологией. Экзистенциализм Кьеркегора изучает, таким образом, духовную энергию конкретных людей, а не пустых абстракций «абсолюта» Гегеля или «материи» Маркса. Неслучайно, экзистенциализм Кьеркегора называли философией человека в противовес философии идей и философии вещей. Кьеркегор сконцентрировался на «существовании» человека, подчеркивая, что это не вещь, как у Маркса, и не идея, как у Гегеля, а природная энергия, энергия психики, духовная энергия, которая имеет свои закономерности, данные ей «Творцом». Эти закономерности он и будет искать в книгах, целью которых станет глубокое изучение этого специфически человеческого «существования» (экзистенциализм).

Поэтому я настаиваю на том, чтобы творчество Кьеркегора делили на религиозные искания, в которых очень мало общего с рационализмом и научным исследованием, и на психологические исследования, которые составляют важный вклад в современную психологию. Это нетрудно показать, анализируя его психологические работы.

Итак, Кьеркегор начал с того, что сформулировал задачу изучения духовной энергии человека. Его «экзистенциализм» изучает существование духа человека, цель которого становление. Это процесс, живая энергия души, в отличие от логических абстракций Гегеля или борьбы классов Маркса. И уже в этой постановке вопроса, Кьеркегор говорит как ученый, который предлагает сконцентрировать внимание на реальной психике человека. В принципе, это уже сделали до него Платон и Спиноза, но они в своих теориях Этики и добродетели делали акцент на здоровой, разумной энергии человека, только вскользь замечая о ущербности порочной «части души». Заслуга Кьеркегора состоит в том, что он сконцентрировал внимание на этой самой порочной части души, берущей начало в страхе и «кривом зеркале» иррационального. Он показал «процесс» существования, как он преломляется в антагонизме этих двух частей души, рассматривая их в тонкостях всех деталей, словно бактерии в микроскоп. Этим и замечательны его психологические работы.

Патрик Гардинер в монографии «Кьеркегор» ошибочно характеризует позицию Кьеркегора в духе Ницше или Сартра, то есть как субъективизм становления свободной воли. «Существование» Кьеркегора субъективно только в том смысле, что объектом исследования является психика самого субъекта познания, то есть человека. Но ничего субъективного в трактовке психики человека у Кьеркегора нет. Он нигде не говорит в духе Канта или Ницше, что человек обладает свободой воли, и тем более, что он сам придумывает себе ценности, как это говорит Кант. Кьеркегор остается на платформе рационализма, и подобно Спинозе утверждает, что человек может оставаться человеком только тогда, когда он соответствует своей природе,

которая есть необходимость закономерностей, созданных Творцом. Он возражает Спинозе в том же духе, что и А. Швейцер, когда говорит, что человек, тем не менее, обладает относительной свободой, и называет природу человека «синтезом необходимого и возможного», напуская таким образом гегелевского туману, но ничего не говоря по существу. Это только вопрос недоразумения, только вопрос точных научных формулировок, которые придут со становлением энергетики, как теории познания. Например, определение свободы Спинозы вполне согласуется с мировоззрением Кьеркегора и обретает свою законченность в формулировке энергетической теории познания: человек обладает относительной свободой воли, так как обладает способностью к познанию законов природы и контролю силы природных энергий. Итак, изучение субъекта познания не говорит о том, что воля субъекта не подчиняется объективным закономерностям, как вся прочая природа. Кьеркегор выступил против субъективизма немецкого идеализма, он не мог быть субъективистом сам, хотя Ницше и Сартр именно так истолковали предложенную Кьеркегором философию экзистенциализма.

Психология Кьеркегора уникальный по своей значимости вклад в теорию психической энергии, что нашло свое выражение и признание в становлении гуманистической психологии Э. Фромма, А. Маслоу, К. Хорни, К. Роджерса, Г. Олпорта, В. Франкла, А. Адлера, К. Юнга. Все эти психологи противопоставили «человеческую реальность» как психический процесс, основанный на разуме и совести — биологизму дарвиновских, марксистских, фрейдистских, бихевиористских теорий человека. Фактически они разделили человеческое существование на уровни биологии и психики, заявив, что психика — это независимая или почти независимая от биологии энергия, которая имеет свои собственные закономерности, не сводимые к «царству животных», как выражался Дарвин. И многие из этих авторов прямо ссылаются на Кьеркегора, как К. Хорни или К. Роджерс, на других он оказал косвенное влияние.

Каждый психолог подчеркивает в трудах Кьеркегора отдельные стороны, которые им ближе. Я попробую сформулировать, в чем вклад Кьеркегора в теорию психической энергии в самых важных, фундаментальных аспектах в целом.

Прежде всего, надо отметить, что о здоровой духовной энергии человека Кьеркегор говорит в полном соответствии с классическим рационализмом Платона и Сократа, а именно, как о силе «Я» возрастающей вместе с ростом сознания. То есть, добродетель остается в тесной корреляции с разумом, как то имело место у почтенных классиков античности. Неслучайно, Сократ был любимым философом Кьеркегора, и темой его диссертации. Так, Кьеркегор пишет в «Болезни к смерти»: «Однако сознание, внутреннее сознание — это решающий фактор. Решающий всегда, когда речь идет о Я. Оно дает этому Я меру. Чем больше сознания, тем больше Я; ибо чем более оно вырастает, тем более вырастает воля, а чем больше воли, тем больше Я. У человека без воли не существует и Я; однако чем больше воли, тем более он осознает самого себя. Я — это осознанный синтез бесконечного и конечного, который относится к себе самому и целью которого является стать собой самим, — что совершенно невозможно для него иначе, как в отношении к Богу...Чаще всего люди далеки от того, чтобы счесть высшим благом отношение к истинному, то есть свое личное отношение к истине; подобно тому как они далеки от того, чтобы вместе с Сократом сознавать, что худшее из зол — это заблуждаться; у них чувства чаще всего побеждают разум. Почему же? Попросту он является жертвой чувственности, и душа его совершенно телесна, жизнь его знает лишь категории чувств — приятное и неприятное, отказываясь от духа, истины и прочего... Он чересчур погружен в чувственное, чтобы обладать отвагой и выносливостью быть духом».

Разум, сила воли, способность воспринимать реальность, сила духа, потребность быть самим собой, — обо всем этом будут писать Э. Фромм, К. Хорни, К. Роджерс, А. Маслоу, как о фундаментальных характеристиках личности. Здесь еще нет никакого

новшества по сравнению с античной теорией духовной энергии, которая берет начало в интеллекте и обязана ему всеми своими добродетелями, мужеством и силой воли, добротой и справедливостью. В то же время, как мы видели, уже у Платона есть представление о «дурной части души», которая насилует «яростным слепнем» разумную душу, лишая ее воли, склоняя к насилию, воровству и всякому бесчестью. Потом эту идею разовьет Спиноза в своей «Этике». «Быть самим собой» в этом смысле не есть открытие экзистенциализма Кьеркегора. Здесь для нас важно подчеркнуть, это фундаментальное единство античного рационализма экзистенциализма Кьеркегора. У последнего также как у платоновского Сократа, человек имеет общую природу со всеми людьми, имеющую источником разум. И именно эта природа составляет необходимость человека, ограничивая его свободу, и его цель в становлении своего «Я», в потребности оставаться самим собой. Поэтому Кьеркегор подчеркивает в разделе «Равновесие между этическим и эстетическим» его книги «Или-или», что не может идти и речи о самостоятельном выборе ценностей, что они заложены в природе человека. Единственный выбор, говорит он, который делает человек, он делает между «этическим и эстетическим». Так он называет два поля психики, то есть здоровье и болезнь психики. И если человек здоров, у него уже нет выбора, он выбирает добро.

Серен Кьеркегор «Или-или»: «Мое „или-или“ обозначает не выбор между добром и злом, оно обозначает скорее уж выбор, благодаря которому человек выбирает добро и зло — или исключает их. Вопрос здесь стоит о том, в каких определениях человек собирается рассматривать все налично существующее и жить сам. А утверждение, что человек, выбирающий между добром и злом выбирает добро, — по сути совершенно справедливо, однако, это станет ясно только позднее; ибо эстетическое — это не зло, но нечто безразличное, и именно поэтому я и говорил, что этическое образует выбор»

Для Патрика Гардинера эта позиция Кьеркегора, которую он раскрывает в «Равновесии между этическим и эстетическим»

звучит как парадокс, потому что он трактует «становление существования Я» как субъективный процесс в духе Ницше и Сартра. Так, он пишет в «Кьеркегоре»: «В светской области взгляды Кьеркегора сыграли значительную роль в формировании убеждения, общей для целой плеяды мыслителей экзистенциалистского направления, что нравственная оценка в конечном счете не больше чем упражнение для мышления и воли индивида. С их точки зрения, представление о существовании поддающейся реальному изучению сферы объективных ценностей — это иллюзия». Действительно, Ницше и Сартр истолковали его философию становления Я именно таким образом.

Поэтому П. Гардинер считает, что Кьеркегор говорит подобно этим двум последним, что каждый человек свободен самостоятельно выбирать себе любые ценности и строить свою жизнь подобно проекту художника с любым размахом фантазии, и нигде «под небесами» нет ограничений его воле и фантазии. Такова позиция Ницше и Сартра, и это действительно позиция субъективизма. Но Кьеркегор далек от субъективизма. Он говорит о становлении Я, как о реализации «необходимого», то есть закономерностях, заложенных в человека Творцом, — в этом и состоит цель становления, «стать самим собой». Это позиция ученого, исследующего психику человека как объективный процесс, управляемый закономерностями природы. Конечно, он говорит о свободе личности, но только как об относительной свободе, которую резко ограничивает эта необходимость всеобщей человеческой природы. Поэтому нет никакого парадокса в том, что Кьеркегор с одной стороны подчеркивает, что цель человека стать самим собой, а с другой стороны, говорит, об общей человеческой природе, и об общих ценностях рационализма и гуманизма. Так, П. Гардинер пишет в «Кьеркегоре»: «Представляется спорным, что этическая личность должна признавать особые нормы и ценности, обязательные как для других, так и для себя, что требует общего согласия. Именно на этом „В“ (судья в диалоге о об этическом и эстетическом) особенно настаивает. Судья

делает особый упор на том, что любой человек не имеет права толковать, как ему захочется, высшую форму существования, воплощенную в этическом мировоззрении: подобная идея с привкусом „экспериментализма“, приписываемая некоторым направлениям романтизма, по праву принадлежит эстетическому мировоззрению. Фундаментальными категориями этического мировоззрения являются „добро и зло“ и „долг“, и о них говорится так, как если бы все понимали их совершенно одинаково. Если допустить такое предположение, то можно с полным правом утверждать, что этическая личность своей жизнью выражает универсальное. Но в таком случае как это согласуется с бескомпромиссно эгоистической теорией, изложенной выше, там подразумевается, что ценности человека проистекают исключительно из него самого. Если же с другой стороны, он признает что есть социально установленные правила, обязательные и для него, разве он не должен следовательно, отринуть свою независимость и вернуться в положение подчинения внешним силам?»

Однако, давайте послушает самого Кьеркегора, что он говорит о природе человека в «Болезни к смерти», как формулирует отношения между необходимым и возможным в человеке, что называет болезнью, а что здоровьем. Есть ли место субъективизму свободной воли в его представлении о психике человека? Серен Кьеркегор «Болезнь к смерти»:

> «Если возможное перепрыгивает через необходимость и, таким образом, Я устремляется вперед и теряется в возможном, не укореняя взывающего в необходимости, налицо отчаяние возможного. Это Я становится тогда абстракцией в возможном, истощается там и бесплодно барахтается, не меняя, однако же, места, ибо истинное его место — это необходимость: становиться самим собою — это движение на месте. Становиться — само по себе уход куда-то, но становиться собою — это движение на месте. Сфера возможного непрестанно разрастается тогда в глазах моего Я, оно находит себе тут все больше возможного, ибо никакой реальности здесь не образуется. В конечном счете возможное обнимает собою все, но в то самое мгновение эта пропасть поглощает и Я. То, что здесь недостает, это реальность, как это хорошо выражено в обычном языке, где можно

> услышать, что кому-то недостает чувства реальности. И вовсе не из-за отсутствия силы, по крайней мере в обычном смысле слова, это Я по ошибке забредает в возможное. Недостает, прежде всего, силы повиноваться, подчиняться необходимости, заключенной в нашем Я, тому, что можно назвать нашими внутренними границами. Несчастье такого Я состоит не в том, что оно ничего не добилось в этом мире, но в том, что оно не осознало само себя, не заметило, что его собственное Я есть четкая определенность, а стало быть, необходимость».

Мне кажется, трудно выразится с большей однозначностью, заявляя, что человек имеет природу, выраженную в закономерностях «Творца». Это собственно и есть позиция метафизики интеллекта. Подобно Б. Расселу, определяющему материю, как нечто, удовлетворяющее уравнениям физики, Кьеркегор определяет психику, как нечто, удовлетворяющее уравнениям психологии, то есть закономерностям психики. И тут мы переходим к следующему положению теории экзистенциализма Кьеркегора, которое уже можно трактовать как нечто новое, внесенное им в теории психической энергии, после Платона и Спинозы.

2). «Кривое зеркало» поля эгосистемы

Уже Платон говорит о том, что неадекватное восприятие мира искажает не только реальность, но и психику человека, являясь источником всего порочного и патологического, что есть в «дурной части души». Так и для Спинозы, неадекватное восприятие ведет к ложным аффектам и душевному недомоганию. Кьеркегор формулирует это общее место более поэтично, как «кривое зеркало», раскрывая тем самым механизм искажения восприятия, заложенный в психике.

С. Кьеркегор «Болезнь к смерти»:

> «Вместо этого человек потерял сам себя, позволив своему Я воображаемо отражаться в возможном. Нельзя увидеть себя самого в зеркале, не узнав себя тотчас же, иначе это не значило бы увидеть себя, но просто увидеть кого-то. А ведь возможное — это поразительное зеркало, в котором можно стать другой личностью. Это то, что можно

> назвать кривым зеркалом. Возможное поистине содержит в себе все возможности, а следовательно, и все заблуждения. Как тот рыцарь, о котором твердят легенды, который внезапно увидел редкую птицу и упрямо последовал за нею, полагая вначале, что ее нетрудно поймать… Однако птица всегда ускользает к приходу ночи, а рыцарь, оказавшись вдали от своих, не может уже в своем одиночестве отыскать дороги»

Именно из этой концепции «кривого зеркала», где человек теряет свое истинное Я, начинается вся теория «отчаяния потери себя», которая составляет лейтмотив психологических трудов Кьеркегора. Он говорит о некоем механизме в психике, который искажает информацию человека о себе и о внешнем мире, и тем самым бессознательно запускает процесс, которые гуманисты назвали «эгозащитой». То есть тратой энергии на ложное Я, которое не более, чем отражение в кривом зеркале воображения. Кьеркегор не только четко формулирует источник этой патологии «эгозащиты» (отчаяния), как кривое зеркало восприятия, не только подчеркивает бессознательный характер этого процесса, но еще и указывает на тот факт, что это тяжелая психическая болезнь, которую он называет «отчаянием» или «болезнью к смерти».

3). Отчаяние и страх. Антагонизм этического и эстетического. Закон сохранения силы психики

Кьеркегор пишет в «Болезни к смерти», что быть человеком, быть самим собой — значит быть духовной энергией, которая берет начало в Боге. Мы видели, что здесь он солидарен с платоновским Сократом в том, что бог и интеллект тождественны (чтобы он не говорил в своих христианских сочинениях). И он противопоставляет этой разумной духовной энергии, которая есть источник здоровья истинного «Я», — бессознательное, чувственного «кривого зеркала», которое лишает человека самого важного, его самого, его «Я». Лишает так, что он этого даже не замечает. Кьеркегор говорит, что человек скорее заметит потерю богатства, руки или ноги, но не заметит, как потеряет само-

го себя. Таким образом, он противопоставляет сознание и волю истинного, духовного Я — бессознательным автоматизмам кривого зеркала, порождающего ложное Я. И этот процесс потери себя в кривом зеркале «воображаемого», он называет — отчаянием, болезнью к смерти, поскольку не может быть ничего столь трагичного как заживо погибнуть и не заметить этого.

С. Кьеркегор «Болезнь к смерти»:

> «Но растрачивает себя понапрасну только сознание, которое столь обольщено радостями и печалями жизни, что оно никогда не приходит как к решающему приобретению вечности, к сознанию того, что оно есть дух, Я, иначе говоря, никогда не замечает и не ощущает в глубине существования Бога или же того, что само оно, это Я, существует ради этого Бога. Увы, сколькие развлекаются или же развлекают толпы чем угодно, кроме того, что действительно важно! Скольких увлекают расточать свои силы на подмостках жизни и не вспоминая об этом блаженстве! Их гонят стадами… и обманывают всех скопом, вместо того чтобы рассеять эти толпы, отделить каждого индивида, чтобы он занялся наконец достижением высшей цели, единственной цели, ради которой стоит жить, которой можно питать всю вечную жизнь. При виде этого горя я мог бы плакать всю вечность! Но еще одним ужасным знаком этого недомогания, худшим из всех, для меня является скрытность. Не только желание и успешные усилия, чтобы скрыть эту болезнь от того, кто ею страдает, не только то, что эта болезнь может гнездиться в человеке и никто, ровным счетом никто этого не заметит, — нет! Но прежде всего как раз то, что она может так прятаться в человеке, что он и сам об этом не подозревает!»

Характеризуя иррациональное бессознательного, Кьеркегор начинает с того места, где остановился Г. Лессинг, формулируя свою знаменитую проблему, получившую его имя. Это метафора о некоем «широком рве», который он не может «перепрыгнуть», когда пытается рационально осмыслить христианство. Так что в конечном итоге, Лессинг отказывается от догматического христианства, и в «Воспитании человеческого рода» пишет, подобно Спинозе, что Ветхий и Новый завет — это просто доступное изложение этики для незрелого человечества, как и другие священные писания, которые он уравнивает таким образом и в по-

зитивном значении первоначальных кодексов добродетели, и в интеллектуальной ущербности и что придет время, когда люди будут знать единую полноценную интеллектуальную, научную истину о своей психике, которая заменит множество религий.

Кьеркегор дает другое объяснение проблеме Лессинга: есть два типа сознания, рациональное и иррациональное, и только второе религиозно. И чтобы туда попасть, не надо тешить себя иллюзиями найти туда мост или лестницу из рационального сознания. Широкий ров Лессинга перепрыгнуть невозможно, если пользоваться разумом в качестве моста. Возможно, только отказаться от разума вообще, и тогда автоматически очутишься в сфере мистического, сделать «качественный скачок» из разумного в мистическое. И здесь в мистическом начинается категория страха, которую он трактует на все лады и особенно, как страх перед первородным грехом. Важно, что он правильно заостряет внимание на страхе в отношении к мистическому. Важно также, что он постоянно подчеркивает, что мистическое — это сфера абсурда, иррационального, парадоксов, сфера, куда можно проникнуть, только добровольно отказавшись от разума. Он также говорит о том, что первородный грех возможно в том и состоит, что человек намеренно избегает знания, что он противостоит разуму, и что что-то должно коренным образом изменится в природе человека, чтобы он преодолел в себе это отвращение к рациональному.

Если отвлечься от этих рассуждений в плане теологии, в котором их обычно рассматривают, и посмотреть с точки зрения психологии, то он слово в слово формулирует антропологию Л. Леви-Брюля, о котором мы уже не раз упоминали. Он также как Леви-Брюль говорит о том, что в человеке присутствуют два вида сознания — рациональное и иррациональное, что это два качественно различных сознания, которые могут одновременно существовать у одного человека. Что основой иррационального сознания является мистика сверхъестественных сил и страх, который они внушают человеку, а основой рационального сознания — разум и сила воли, логичное и научное мышление.

Кьеркегор противопоставляет в своих сочинениях рациональное и иррациональное сознания, как этическое и эстетическое. Он пишет, что этическое есть подчинение своей необходимости, своей природе, данной творцом, тогда как эстетическое — это фантазии поэта скроить себе свое «Я» по своему вкусу. Такой поэт подобно сказочному персонажу, ищет всесилия, но в конечном итоге только теряет свою духовную силу, оставаясь «пригвожденным к внутреннему рабству». Это и есть «отчаяние» потери своего «Я». Так, он пишет в «Болезни к смерти»: «Это Я, которым стремится стать этот отчаявшийся, по сути есть Я, которое таковым не является (ибо стремиться быть таким Я, каким он на самом деле есть, — это сама противоположность отчаянию), то, к чему он стремится на деле, — это отделить свое Я от его творца. Однако это ему не удается, несмотря на то, что он отчаивается, — и, несмотря на все усилия, которые он прилагает для того, чтобы отчаиваться, этот творец остается самым сильным, и принуждает его быть тем Я, которым он не желает быть. Таково отчаяние, эта болезнь Я, „смертельная болезнь". Отчаявшийся — это больной к смерти. Более чем какая-либо иная болезнь, эта болезнь направлена против самой благородной части существа. Все равно вечность заставит раскрыть отчаяние его состояния и пригвоздит его к собственному Я…Ведь, в конце концов, все здесь зависит он произвола Я. Стало быть, отчаявшийся человек только и делает, что строит замки в Испании и воюет с мельницами. Сколько шума всегда о добродетелях такого постановщика опытов! Эти добродетели на мгновение очаровывают, подобно восточному стиху: такое владение собою, каменная твердость, вся эта атараксия и так далее, они как из сказки. И они действительно выходят прямо из сказки, ибо за ними ничего не стоит. Это Я в своем отчаянии хочет вкусить наслаждение самому создавать себя, облекать себя в одежды, существовать благодаря самому себе, надеясь стяжать лавры поэмой со столь искусным сюжетом, короче, так прекрасно умея себя понять. Но что он подразумевает под этим, остается загадкой: ибо в то самое мгновение, когда он думает завершить все сооружение, все это может, по произволу, кануть в ничто. Это Я, отрицающее

конкретные, непосредственные данности Я, возможно, начнет с того, что попытается выбросить зло за борт, притвориться. что его не существует, не пожелает ничего о нем знать. Но это ему не удастся, его гибкость и искусность в опытах не доходит до такой степени, как, впрочем, и его искусность строителя абстракций; подобно Прометею, бесконечно негативное Я чувствует себя пригвожденным к такому внутреннему рабству».

Таким образом, он формулирует закон сохранения силы психической энергии. Отчаяние — как потребность психики в силе, в здоровье духовной энергии, так что потеря этой духовной энергии ведет к «болезни к смерти». Страх сверхъестественных сил (подобно теории Леви-Брюля) — как проявление закона сохранения силы на чувственном поле психики. Он делит настоящее отчаяние, то есть потерю истинного Я, духовной энергии; и ложное отчаяние, то есть потерю ложного, придуманного, воображаемого Я. Первое так трагично, что он готов плакать вечность, второе комично, и он не устает иронизировать над эгозащитой. Но, замечает наш гений, отчаяние ложного Я, как бы комично оно не было, может привести к трагедии отчаяния истинного Я. Действительно, психиатры давно отметили, что провокацией шизофрении становится уязвимость самолюбия. Так что если уязвимое самолюбие — это комичное отчаяние, то неграмотного человека оно вполне может привести к трагедии реального распада психики, к шизофрении.

4). Виды отчаяния. Притяжения Влюбленности и Самолюбия. Шизоидность

Гений Кьеркегора идет еще дальше, и показывает не только закон сохранения силы психики и его специфику на двух ее силовых полях, но еще и разновидности эгозащиты. Сам он называет это видами отчаяния.

Так, общеизвестно (Э. Фромм в частности в подробностях рассматривает садомазохисткие союзы с психологической точки зрения), что эгозащита проявляется в двух противоположных

направлениях: в насилии, и в подчинении. Эта система поведения и получила название садомазохизма, потому что одно подразумевает другое. Э. Фромм говорит о том, что это притяжения самолюбия и влюбленности, которые одинаковы в смысле отчуждения человека от самого себя. Кьеркегор называет этот вид «отчаянием, когда не хотят быть собою». Его специфика говорит он в отсутствии духовности, в конформизме, когда «человек катится словно галька», и никто и прежде всего он сам не подозревает, что он уже потерял самого себя, что его духовная энергия растрачена на «суету сует», как говорят христиане, или на «автоматизмы (компульсию) эгозащиты», как говорят психологи. «Немного иначе дело обстоит с обывателями, ведь их пошлость также прежде всего лишена возможного. Тут отсутствует дух, однако, отсутствие духа — это также отчаяние...И неважно уже является ли он виноторговцем или премьер-министром»

И подобно платоновскому Сократу, Кьеркегор выделяет шизоидность, как особое отчаяние, в котором дух не отсутствует, а «сатанически упирается против своего творца». Платон говорит о трех началах души: животное, честолюбивое (яростный дух) и разумное. Второе начало, яростный дух, если не подчинено разуму, превращается в пагубу чрезмерного самолюбия. И Кьеркегор говорит, что разум может упереться против своего творца, и тогда получается самое трагичное отчаяние, которое можно представить. Насколько точный диагноз философии и шизофрении Ницше!

С. Кьеркегор «Болезнь к смерти»:

> «Таково это Я, которым желает быть отчаявшийся, отторгая его от всякого отношения с силой, которая установила это Я, отрывая его от самой идеи существования такой силы. С помощью этой бесконечной формы такое Я отчаянно желает распоряжаться собою или же, выступая собственным творцом, создать из своего Я то Я, которым оно желало бы стать, избрать нечто допустимое и недопустимое для себя внутри конкретного Я. Но с помощью бесконечной формы, то есть негативного Я, человек прежде всего вбивает себе в голову преобразовать это целое чтобы извлечь таким образом, Я по своему вкусу. Отказываясь принять на себя свое Я, увидеть свою

> задачу в этом Я, которое выпало ему на долю, он желает посредством бесконечной формы, которой он тщится быть, самому создать свое Я. Отчаяние, когда желают быть собою, — самое насыщенное и сгущенное из всех, — это отчаяние демоническое. И это Я — он привязан к нему даже не вследствие восстания или вызова, но чтобы предать Бога; он желает не вырвать в своем восстании это Я у силы, которая его и создала, но навязать его данной силе, приковать его к ней насильно, сатанически упереться против нее. Мощь, которую проявляет его негативная форма, столь же развязывает, сколь и связывает. Впрочем, при ближайшем рассмотрении вам нетрудно убедиться, что этот абсолютный князь — всего лишь король без королевства, который, по сути, ничем не управляет; его положение, сама его суверенность подчинены диалектике, согласно которой во всякое мгновение здесь бунт является законностью».

Мы уже говорили выше, какое объяснение этот феномен «трех начал души» получил в теории психической энергии. Силовых полей психики только два: поле интеллекта и поле эгозащиты. Первое духовно и имеет свободу научного контроля, второе — обычная детерминированная энергия, автоматизмы эгозащиты. То сеть, в данном случае, альтернатива в наличии или отсутствии духовной энергии. Однако, есть еще третий вариант, когда интеллект вторгается на поле эгосистемы, и превращается в фиктивный интеллект, цель которого не познание истины законов природы, а защита эго формальной логикой интеллекта. Как это делал, например, Ницше в своей философии, рисуя сверхчеловека и победу его всесильной воли к власти над мирозданием. Так, возникает больная духовная энергия, которая «сатанически упирается против творца», то есть против своей природы. Действительно, не Ницше ли кричал, что убил Бога? И не его ли пригвоздила к его Я, природа, данная ему творцом, взорвавшись в дебюте шизофрении?

5) Дневник соблазнителя. Управление автоматизмами эгозащиты

Но и это еще не все. Из всего творчества Кьеркегора, наиболее известен, пожалуй, его дневник соблазнителя. Он, как все-

гда, не разглагольствует без дела, а излагает реальный опыт собственных отношений с невестой, с которой он в конечном итоге разорвал помолвку единственно из желания посвятить себя той великой задаче становления Я, которую ставил целью своей философии.

Сегодня литературу подобного рода называют «пикап», от английского «pick up». Это житейская мудрость о том, как соблазнить человека, зная механизмы эгозащиты. Например, очень известной книгой стала «Искусство обольщения» Роберта Грина, где последний с предельным цинизмом пишет о том, что надо смотреть на человека как на жертву, а на себя как на охотника, и ставит целью одурачить человека, чтобы внушить ему эротическую зависимость. То сеть сделать из него идиота, потому он советует избегать умных и занятых людей. Даже Дж. Байрон писал в свое время об этой мудрости «из жизни взятой, не из книг».

Но время идет, и пикап становится книжной мудростью, потому что имеет научные основания. Сделать идиота из недалекого человека, играя на его самолюбии и чувственности, обладая сведениями об элементарных закономерностях поля эгосистемы, действительно несложно. На этом построены все тактики «хитрых макиавельянцев». Другое дело, что нормальный, здоровый человек никогда не станет этим заниматься, потому что цель разумного человека — духовная энергия, быть самим собой, и любить по настоящему людей, в которыми искренне общаешься и которых уважаешь. Тот, кто знает об автоматизмах поля эгосистемы, имеет одну цель — изжить его у себя, помочь другим изжить его у себя, или, в крайнем случае, когда нет возможности помочь этим другим, не общаться с ними, потому что это источник всякого зла и болезни. «Болезни к смерти» говорил Кьекркегор. Байрон писал в «Чайльд Гарольде» незадолго до «Дневника соблазнителя» Кьеркегора:

«Прием из жизни взятый, не из книг!
Но многое теряет без возврата,
Кто овладел им. Цели ты достиг.
Ты насладился, но чрезмерна плата:
Старенье сердца, лучших сил утрата,
И страсть сыта, но юность сожжена,
Ты мелок стал, тебе ничто не свято,
Любовь тебе давно уж не нужна,
И, все мечты презрев, душа твоя больна».

«Душа твоя больна!». К такому же выводу приходит и Кьеркегор. Вот поэтому он назвал книгу, в которой изложил основы пикапа, так сказать, в «Дневнике соблазнителя» — «Или-или». Именно в ней он раскрывает противостояние между этическим и эстетическим, называя эстетическим именно жизнь этого самого повесы, который научился играть на самолюбие других людей и возомнил себя способным «упереться против своего творца». Поэтому он осуждает эстетическое в этой книге и противопоставляет ему этическое духовного становления и развития, которому он и в самом деле всецело отдался. Надо сказать, что у Кьеркегора, как у всех великих поэтов-романтиков, которые, в сущности, суесловили о такой же эстетической бессмыслице, действительно получилась эстетическая картина, в отличие от, скажем Роберта Грина, который циничен и потому более правдив в передаче существа пикапа. Но, как опять таки был прав Байрон в «Дон Жуане»:

«Не спорю я, они красноречивы;
Но чем творенье лучше, тем вредней:
Назон и сам Петрарка, без сомнений,
Ввели в соблазн десятки поколений»

Тем не менее, в «Дневнике соблазнителя», который стал как бы визитной карточкой Кьеркегора, так как основная его философия была изложена очень туманно и до сих пор остается малодоступной по этой причине, также без сомнения со всей си-

лой проявился его психологический гений, показавший его способность проникать в механизмы психики.

Подобно тому, как Маркс использовал критику Гегеля Фейербахом, чтобы создать собственный вариант гегельянства — диалектический материализм, так Сартр использовал критику Гегеля Кьеркегором, чтобы создать свою версию гегельянства — проект безграничного человеческого произвола в творении самого себя. И тот, и другой остались гегелевскими мистиками. И только Кьеркегор сказал новое слово в науке, проложив дорогу гуманистической психологии К. Ясперса, Э. Фромма, К. Хорни, А. Маслоу, К. Роджерса, Г. Олпорта, А. Адлера, В. Франкла и др

ГЛАВА 6. ТЕОРИЯ ПСИХИЧЕСКОЙ ЭНЕРГИИ З. ФРЕЙДА И К. ЮНГА

1) Теория психической энергии В. Оствальда и З. Фрейда
2) Теория психической энергии К. Юнга и М. Элиаде

1) Теория психической энергии В. Оствальда и З. Фрейда

Мы видели, что Вильгельм Оствальд поставил себе задачу, упразднить подобно Беркли понятие «материи», и заменить его понятием природных энергий. В этом он видел существо новой эпистемологии, и правильно предугадал, что только энергетика может снять проблему Юма.

Он считает, что «главный вопрос философии» о первичности материи или духа, также автоматически снимается энергетикой, поскольку и дух и материю можно понимать как энергию.

> «И считать свою задачу выполненной, если мне удастся указать, что духовные явления можно подчинить тем же общим понятиям, которыми мы пользовались при изображении физического мира... Громадным выигрышем, если старое затруднение: как соединить понятия материя и дух — будет просто и естественно устранено подведением обоих этих понятий под понятие энергии».

В, Оствальд Философия природы

Ему тогда резонно возразили, что замена материи на энергию не снимает вопроса о соотношении духа и материи. Это действительно так, потому что энергетика не упраздняет духа и материи, она только точнее формулирует дуализм физического и метафизического. Это противостояние Энергии и Интеллекта, а не духа и материи. Так уточняет энергетику Оствальда метафизика интеллекта, без которой его нововведение действительно ложно. Интеллект — это метафизика, форма космо-

са в виде законов природных энергий, энергии — это физика, материя космоса в виде реального физического мира.

Что же касается Духовной энергии человека и всех прочих энергий космоса, то и тут сохраняется качественное различие, хотя духовная энергия также материальна и детерминирована законами природы как все другие. Тем не менее, она обладает активным интеллектом, мышлением, чего нет у прочих энергий, и потому имеет доступ к познанию других законов и контролю этих законов, что открывает ей относительную свободу и доступ к силе этих энергий. Поэтому мы назвали духовную энергию мышления — Контрольной энергией, а все прочие энергии природы — детерминированными энергиями (понятно, что контрольная энергия тоже детерминирована законами природы). Таким образом, дуализм духа и материи не перестал существовать, и мир не стал из дуалистичного монистичным. Дуализм просто сменил форму, и из противостояния двух непримиримых субстанций принял вид единства формы и содержания, энергии и интеллекта. Противостояние человека и физического мира перестало быть противостоянием души и тела (клетки для души), и не стало единством биологии, а получило форму качественного различия контрольной энергии и прочих детерминированных энергий с другой стороны.

Таким образом, мы видим, что Декарт, Лейбниц, Спиноза, — все были правы не только в понимании интеллекта как формы космоса, но каждый был по своему прав и в частностях. Например, идею Лейбница о бесчисленных духовных монадах, составляющих основу космоса, можно понимать как совокупность систем законов природных энергий. Так что, природные энергии — это единицы космоса, причем духовные единицы, так как в основе их интеллект. Единое Спинозы — как единство интеллектуальной формы и физического содержания космоса. Что до дуализма Платона и Декарта, — так это основа основ метафизики интеллекта, умение увидеть в едином космосе соединение метафизики и физики. Если устранить слово «субстанция», то философии этих классических рационалистов

не только ни в чем не противоречат друг другу, но дополняют друг друга.

Однако, Оствальд, как мы знаем, не был метафизиком. Поэтому его формулировка и понимание психической энергии потерпели крах. Он считает в соответствии со своей материалистической концепцией энергетики, что психическая энергия — это превращения биологической энергии: «Течению нервно-энергетического процесса может быть произвольно сообщено свойство сознания», пишет он в «Философии природы». И, конечно, его первая задача, объяснить, как действует закон сохранения силы в данном случае: «Всякое усиление тока энергии ощущается, как удовольствие, а всякое нарушение — как неудовольствие».

Понятно, что с такой теорией психической энергии далеко не уедешь. Так и слышишь слова Ленина в «Материализме и эмпириокритицизме»: «Сказать ли, материальное движение или движущаяся материя..». Действительно, при такой интерпретации духовной энергии, она остается эпифеноменом мозга, как у марксистов или позитивистов, так что новизна тут фиктивная. Позже, Фрейд будет развивать теорию психической энергии с этих же позиций биологизма. И его теория останется бесконечно далекой от реальности в том, что касается понимания психики как энергетической системы. Но эмпирические находки Фрейда окажутся очень важными для формулирования и подтверждения гипотезы о силовом поле Эгосистемы.

Заслуга Оствальда, помимо самой постановки вопроса об энергетике, состоит также в том, что он сформулировал различие между живыми и неживыми энергиями. Для живых энергий, говорит Оствальд, закон сохранения силы принимает вид самосохранения, как мы видим на примере биологии. Следовательно, мы должны предположить, что закон сохранения силы психики также будет иметь форму самосохранения. Он оказался пронзительно прав. Поскольку психика имеет два вида энергии, где только одно Я — истинное, а другое только кривое зеркало чувственной информации, то истинное Я имеет закон сохране-

ния силы в виде самосохранения, а ложное Эго не имеет формы самосохранения. То есть только одна, разумная энергия психики — живая, если пользоваться определением живых и неживых энергий Оствальда, а другая, основанная на автоматизмах чувственной информации — неживая энергия. Как мы докажем, что истинное Я имеет форму самосохранения, а эгозащита поля эгосистемы не имеет? Просто, поскольку Эго поля Эгосистемы — иллюзия кривого зеркала, то вся психическая активность имеет источником только «Я» поля интеллекта.

Так, гипотеза Оствальда о живых и неживых энергиях природы, подтверждает опытные находки гуманистических психологов, которые много пишут о «мертвенности» эгозащиты, противопоставляя живое сочувствие и совесть истинного Я — жестокость и равнодушие психопатов. О том же говорят данные психиатрии, об «уплощении эмоций», о духовной смерти, после которой остается «прах и пепелище» интеллектуального и эмоционального отупения.

В. Оствальд и Э. Мах в свое время цитировали Гельма и Майера о том, что все природные закономерности имеют форму силовых полей природных энергий, представленных как «разности интенсивностей». Они формулирует теорию энергии как цикличного гомеостаза равновесия-неравновесия, когда поток энергии провоцируется неравновесием, а равновесие его останавливает, так что нужен механизм, который бы поддерживал неравновесие и обеспечивал тем самым цикличное движение энергии от неравновесия к равновесию и обратно.

> «Чтобы какой-нибудь процесс имел место, надо, чтобы существовали разности интенсивностей присутствующих энергий. Общим выражением этого закона мы обязаны Гельму. Два тела различной температуры, два газа различного давления, два электрических проводника различного напряжения не приходят при благоприятных условиях, моментально в состояние равновесия, но они требуют на это большее или меньшее время.....Выравнивание электрических разностей напряжения совершается точь-в-точь по тем же законам, как и выравнивание температур. То же относится и к выравниванию химических разностей и многих других; все требует времени, и все протекает тем

> медленнее, чем дальше продвинулся процесс выравнивания. Вследствие этого мир наполнен образованиями, которые с точки зрения учения о равновесии, не имеют права на существование и поэтому существуют только временно. Всякая река и всякий ручей существуют только потому, что стекающая река не падает моментально в море, а на это требуется время и они могут существовать только при условии, что в каждую минуту в них втекает из источников столько же воды, сколько ее вытекает».

В. «Философия природы»Оствальд

> «Для того чтобы в физическом мире, что-нибудь произошло, для того чтобы в нем произошли какие-либо изменения, должны быть, как это доказывал уже Р. Майер, какие-нибудь различия, разности: разности температур, давлений, электрических зарядов, высот, химические разности и тп. Без разностей не происходит ничего. Совершенно невозможно даже выдумать какое-либо разумное правило, по которому что-либо могло бы происходить в мире, не знающем таких разностей. Вот почему Майер назвал разности силами. К чему же приводят эти разности? Нетрудно это заметить, если внимательно оглянуться кругом. Эти разности становятся меньше, различия быстро или постепенно уравниваются. Во всех двигателях современной техники пользуются этой тенденцией к уравнению. Без нее не было бы и жизни».

Э. Мах Познание и заблуждение

Фрейд, как известно, положил эту теорию цикличного гомеостаза в основание своей теории психической энергии, которую он понимал как либидо. Он считал вслед за Оствальдом, что психическая энергия — это преобразованная биологическая энергия. И если Оствальд говорил о нервных импульсах, то Фрейд — о сексуальных и др биологических инстинктах. Таким образом, классический пример гомеостаза — цикличный гомеостаз биологической энергии, который обеспечивается постоянным возбуждением голода, пищевого и сексуального.

Однако, значимость Фрейда для истории открытия психической энергии вовсе не в этих банальных констатациях, и не в оствальдовском понимании психической энергии, как превращений биологической энергии. Фрейд сделал нечто значительно большее, когда обобщил факты исследования ты-

сяч пациентов, и сформулировал свою теорию поля Эгосистемы в психике человека. Сам Фрейд не называл ее «полем». Однако, он подчеркивал, что две фигуры обнаруженные им в психике (Эго и СуперЭго) имеют характер системы, так как не существуют одна без другой. И при этом эти две фигуры противоположны по характеру, подобно тем разностям интенсивностей, о которых писали Гельм, Майер, Оствальд и Мах. Поэтому, мы вполне можем обозначить эти две фигуры, обнаруженные Фрейдом опытным путем как «поле Эгосистемы». Так, страх «сверхъестественных сил», который провоцирует поле Эгосистемы, показывая информацию противостояния количественной абстракции силы, крохотного Эго и всемогущего СуперЭго, обеспечивает психическое «неравновесие», которое запускает эгозащиту в виде ритуалов магии и колдовства аборигенов (первобытная магия), или подражания авторитетам современных обществ (социальная магия). Страх, который в основе этого неравновесия, объясняет жестокость и злорадство, то что принято называть «злом». Насилие и подчинение — основные формы эгозащиты, которая стремится уничтожить превосходящую силу СуперЭго или нейтрализовать ее, подчинившись ей. Но поскольку — это ложная информация о себе и о мире, которая служит только запуску эгозащиты как обычной детерминированной энергии природы, в которой нет никакого смысла для биологической или духовной жизни человека, то эгозащита никогда не достигает цели. Страх всегда остается, он может быть снят только с нейтрализацией самого поля эгосистемы. Но пока поле эгосистемы цело, страх гарантированно воспроизводит цикличное неравновесие и служит основой неостанавливающегося потока эгозащиты. Так, паразитический мертвый ток течет через живую психику разума и совести, провоцируя траты энергии на нелепую для человека (не для природной энергии) эгозащиту.

Таково объяснение поля Эгосистемы, которое наша дает теория психической энергии, которое, как мы видим, находится в полном соответствии с теорией цикличного гомеостаза всех

детерминированных энергий природы, о которой писали Гельм, Оствальд, Майер, Мах.

Что касается Фрейда, то он не заметил сделанного им открытия поля Эгосистемы, он продолжает трактовать эти фигуры не как полюса силового поля, а как абстракции в самовосприятии животного. Однако, Фрейд подчеркивает, как характер системы этих двух фигур в психике, так что они не существует одна без другой, так и противостоящий характер этих фигур. Именно этот факт позволяет нам говорить о том, что те опытные данные, которые обнаружил Фрейд в процессе анализа психики своих пациентов, есть обнаружение силового поля Эгосистемы. Сам Фрейд не смог правильно обобщить полученных фактов и сделать выводы об обнаружении бессознательного силового поля психики, функционирующего автоматизмами и компульсией. В отличие от сознания, которое есть интеллектуальное силовое поле психики, управляемое сознательной волей человека. В итоге, его выводы очень примитивны, он сводит противостояние этих двух фигур то к «комплексу кастрации», то к «инстинкту смерти», то есть, как всегда, ищет биологической основы, и потому прозевал самое важное, что было в его работах. Открытие бессознательного силового поля психики, «кривого зеркала» Кьеркегора и мистического сознания дикарей Леви-Брюля. Вот как Фрейд сам пишет о противостоянии Эго и СуперЭго в психике человека:

> «Можно, однако, сказать, что скрывается за страхом „Эго“ перед „Супер-Эго“, перед страхом совести. Высшее существо, ставшее „Идеалом Эго“, когда-то угрожало кастрацией, и эта кастрация, вероятно, является тем ядром, вокруг которого откладывается страх совести; кастрация именно то, что продолжает себя как страх совести».
>
> «Хотя и доступное всем дальнейшим влияниям, оно на всю жизнь сохраняет характер, полученный им вследствие своего происхождения от Эдипова комплекса, а именно — способность противопоставлять себя «Эго» и преодолевать его. Оно — памятник былой слабости и зависимости «Эго» и продолжает свое господство и над зрелым «Эго». Как ребенок был принужден слушаться своих родителей, так и «Эго» подчиняется, категорическому императиву своего «Супер-Эго».

> «Вопрос, ответ на который мы отложили, гласит: как это происходит, что „Супер-Эго", в основном, проявляет себя как чувство вины (лучше — как критика: чувство вины есть соответствующее этой критике восприятие в „Эго") и при этом развивает по отношению к „Эго" такую исключительную жестокость и строгость? Если мы обратимся сначала к меланхолии, то найдем, что могучее „Супер-Эго", захватившее сознание, неистовствует против „Эго" с такой беспощадной яростью, как будто бы присвоив себе весь имеющийся в индивиде садизм. Согласно нашему пониманию садизма, мы сказали бы, что в „Супер-Эго" отложился разрушительный компонент, обратившись против „Эго". То, что теперь господствует в „Супер-Эго", является как бы чистой культурой инстинкта смерти, и действительно ему довольно часто удается довести „Эго" до смерти, если только оно до того не защитится от своего тирана обращением в манию»

Звучит нелепо, если мы не знаем, что речь идет о силовом поле психике, где Эго и СуперЭго — противостоящие полюса, запускающие цикличный гомеостаз эгозащиты, что и составляет поток детерминированной энергии психики. Во всем, что касается механизмов этого силового поля, Фрейд проявил почти такую же гениальную проницательность, как с обнаружением полюсов этого силового поля. Он не смог толком сформулировать своего великого открытия и в других частностях тоже, потому что только видение системы в целом, видение силового поля позволили бы ему создать из разрозненных фактов стройную теорию.

Давайте бегло посмотрим на эти факты, которые он обнаружил в ходе экспериментального исследования пациентов:

— Страх, как мотивация запуска эгозащиты. Мистический характер страха, который он понимает как всемогущество нарциссизма. Мы помним, что Леви-Брюль, тоже говорит о страхе сверхъестественных сил как основной мотивации поведения дикарей, эгозащита которых состоит в магических (то есть бессмысленных) ритуалах.

— Загрузки СуперЭго, как проекции сознания, которые ставят ширму между человеком и действительностью. «Кривое зеркало» Кьеркегора, которое искажает реальный мир, действительно есть следствие восприятия мира через поле Эгосистемы,

которое показывает мир в искажении чувственной информации о противостоянии двух сил: Эго и СуперЭго. Это объясняет и искажение реальности и страх «сверхъестественных» сил, который есть просто реакция закона сохранения силы на информацию поля Эгосистемы, где Эго (то есть тому, чью силу надо защищать), угрожает громадная сила всего остального мира.

— Фрейд говорит о двух противоположных эмоциональных «притяжениях», Влюбленности и Самолюбии. Термины «влюбленность» и «самолюбие» — его, а термин «притяжение» — мой, но мы увидим, что этот термин удачнее выражает его мысль. Поскольку речь именно об эмоциональных расстройствах, расстройствах воли, прежде всего, а вовсе не о любви в ее духовном смысле. Фрейд говорит об амбивалентности чувств, когда смешаны ненависть, страх, и нежность, о расстройствах воли, когда «критика молчит», о «сверхценности» объекта любви, и он опять прав, в том, что так обстоит дело с влюбленностью и самолюбием, но неправ, что такова настоящая основа человеческой нежности в дружбе духовного единения. (Здесь А. Маслоу противопоставляет теории любви Фрейда свои исследования самоактуалов, в том числе половой любви. Результаты его исследований полностью совпадают с выводами его любимого учителя Э. Фромма).

Это же подчеркивает и Э. Фромм в «Искусство любить» и «Величие и ограниченность Фрейда». Фромм, как раз, противопоставляет в этих книгах влюбленность и самолюбие, как два вида эгозащиты, образующие союзы садомазохизма, а вовсе не любовь, которую он трактует в духовном смысле «братства», как общей человеческой основы любви. Действительно, влюбленность и самолюбие — два вида эгозащиты:

— Верхняя эгозащита (самолюбие), когда человек считает, что его Эго сильнее СуперЭго, и старается «изнасиловать» внешний мир (отчаяние, когда хотят быть собой у Кьеркегора),

— Нижняя эгозащита (влюбленность), когда человек считает, что СуперЭго сильнее его Эго, и стремится сохранить свою силу

подчинением большей силе, отказом от себя, раболепием (отчаяние, когда не хотят быть собой у Кьеркегора).

Эти притяжения составляют механизм цикличного гомеостаза эгозащиты детерминированного поля психики: поодиночке они составляют дисбаланс, неравновесие, а вместе равновесие союзов господ и рабов, садомазохизма. Фромм называл их союзами симбиотической связи эксплуатирующей и подчиненной личностей. Он же подчеркивает временность и цикличность таких союзов, в которых люди носят маски и не имеют настоящих личностей, так что быстро надоедают друг другу и ищут новых объектов мистического поклонения. Отсюда видно, как наивны были утверждения Маркса, что в основе классов господ и рабов — экономические отношения, а не законы психики, в данном случае цикличный гомеостаз силового поля Эгосистемы. Однако, сам Фрейд только формулирует противоположность самолюбия и влюбленности, но как правильно замечает Фромм в «Величие и ограниченность Фрейда», он не сознает, что речь идет о патологии, и говорит об этих притяжениях, как о настоящей любви.

В итоге, значение теории психической энергии Фрейда всецело в его опытных, экспериментальных находках, в обнаружении фактов реальности поля Эгосистемы. А также в самой постановке проблемы психической энергии, как научной проблемы. С Фрейда начинается серьезное отношение к психической энергии как объекту научного исследования, хоть Фрейд и смешивает психическую и биологическую энергию. Тем не менее, он переходит на язык энергетики, анализируя факты сознания.

Во всем остальном, влияние Фрейда было почти столь же дурно, как влияние Дарвина и Маркса на современную науку. Прежде всего, он постулирует подобно этим последним «звериную природу» человека, как основу человеческой энергии. Энергия Духа, интеллекта, совести редуцируется к «рационализациям» мартышек, желающих прикрыть этими фантазиями о совести и правде свою бесстыдную животную похоть. Уровень

духовной энергии также исчезает в нарисованном им образе человека, как и в теории происхождения человека Дарвина, и в экономическом человеке Маркса.

Более того, найденное им поле эгосистемы, он трактует не как поверхностное, болезненное образование, так что вся психотерапия должна сводится к нейтрализации автоматизмов этого поля, к снятию эгозащиты другими словами, а как самую суть психики, фундаментальную психику человека, его истинное Я. То есть он понимает болезнь, как здоровую психику. Что хорошего могло получиться из такой теории? На этом и была сосредоточена критика его работ такими представителями гуманистической психологии, как А. Адлер, Э. Фромм, К. Хорни, А. Маслоу, К. Роджерс и др

2) Теория психической энергии у К. Юнга и М. Элиаде

Скандальная в свое время книга У. Робертсона Смита «Религия семитов» по сути содержала в себе ту же мысль, что и философия истории Карла Ясперса. Осевое время Ясперса — это доктрина, утверждающая, что осью мировой истории является «конец мифологической эпохи» и начало борьбы «логоса против мифа». Именно так он определяет осевое время в своей книге о смысле истории, и подчеркивает, что этические религии, которые появляются в это время в Индии, Израиле, Греции, Китае и Персии — это начало рационалистического способа мышления, которое он в этой связи противопоставляет мифам. Ту же мысль развивает и Робертсон Смит в «Религии семитов», когда говорит, что первобытные верования семитов ничем не отличаются от верований других дикарей, что в их основе также как везде в первобытных обществах — тотемизм, магия и колдовство «коллективных представлений». Термин, который он здесь впервые вводит в отношении первобытных обществ, и который разовьют в своих работах Дюркгейм и Леви-Брюль. Робертсон Смит говорит о том, что есть качественное различие между первобытным сознанием, в том числе и сознанием семитов, и этическими религиями пророков,

которые мы имеем в священных писаниях осевого времени Ясперса, например, в Библии. Что сознание абориген абсолютно материалистично, что в их магических ритуалах и коллективных представлениях нет ничего от разума и духа, и что дух, истина и разум начинаются только с первыми пророками этических религий. Он связывает этот качественный скачок от первобытного сознания дикарей к духовной энергии разумного сознания с откровениями, полученными первыми пророками. Как бы то ни было, он фиксирует этот качественный разрыв между мистическим сознанием дикарей и разумным сознанием духовной энергии. О том же говорит и К. Ясперс в своей концепции осевого времени.

Л. Клейн пишет в «Истории антропологических учений», что книга Робертсона Смита «Религия семитов» имела для автора, который доказывал богодохновенность Библии, неожиданный, даже противоположный результат, поскольку его аргументами стали доказывать происхождение Библии из магического сознания аборигенов. Но мы видели, что Ясперс, например, сделал другие выводы, в полном соответствии с позицией самого автора, о том, что этические религии — это уже начало рационального мышления и пробуждения духовной энергии, чего не скажешь о магическом сознании дикарей. Дюркгейм не согласен с Ясперсом, он считает, что этические религии самых развитых цивилизаций и тотемические религии самых примитивных аборигенов абсолютно одинаковы, в них нет никакой борьбы между разумом и мистикой, а есть только потребность совместных ритуалов для соединения психической энергии людей. Так Дюркгейм понимает психическую энергию.

Леви-Брюль развил свою знаменитую концепцию двух качественно различных сознаний в пику Дюркгейму, почерпнув идею именно в «Религии семитов» Робертсона Смита. Он отказался признавать, подобно Ясперсу, какую-либо эволюцию в структуре каждого из этих сознаний: если есть какая то эволюция, то только в соотношении этих двух сознаний в психике человека. Как Ясперс говорит, что развитие идет только в сфере накопления знаний, но не в самой природе сознания человека,

так и Леви-Брюль настаивал, что нет и не может быть ничего общего между мистическим сознанием и логическим сознанием, что они не являются стадиями друг друга (как утверждал например Конт), и что они продолжают существовать одновременно в сознании современных цивилизованных людей в своем первозданном виде. Мы уже видели, что о том же говорили в своих теориях психической энергии Платон и Спиноза, Кьеркегор и гуманистические психологи.

Карл Юнг и Мирча Элиаде — теоретики совершенно иного толка. Л. Клейн пишет, что в 60-е годы прошлого столетия они совместно выпускали журнал «Антей». Действительно, сходство их идеологии бросается в глаза. Нам они интересны постольку, поскольку Юнг сформулировал одну из самых известных на сегодня теорий психической энергии.

Мирча Элиаде, известный историк религии американских и европейских университетов, дает прямо противоположную Ясперсу и Робертсону Смиту концепцию религии. Он говорит о том, что именно первобытное сознание дикарей с его мистикой и коллективными магическими ритуалами близко к истокам истинной духовности, истинной божественности, истинной природы человека. Что «язычество» в этом отношении много «духовнее» христианства. Он противопоставляет цикличное время аборигенов линейному времени научных цивилизаций, он противопоставляет прогрессистским теориям запада теорию инволюции, о золотом веке первобытных обществ. Элиаде говорит, что рациональные цивилизации — это обычная мирская жизнь, которая есть потеря связи с истоками. Тогда как магические ритуалы аборигенов — это сакральная жизнь, которая восстанавливает резервы духовной энергии человека, его истинной сущности. Поэтому время циклично — оно движется от ритуалов к ритуалам, а како-то там научное развитие не имеет никакого значения. Его теория — полная противоположность теориям Робертсона Смита и Ясперса: у него начало рациональной эпохи стало началом деградации духовности человека, поскольку человек лишился своих мистических корней, своей связи с под-

линной магией, которая составляла его природу. Поэтому те первобытные общества, в которых эта магия еще сильна, много ближе к своей истинной природе и к духовной энергии, чем люди рациональных цивилизаций. Счастливая жизнь в циклическом времени, приходит он к выводу, ибо люди живут от одних магических ритуалов, в которых они оживляют свои мифы, до других магических ритуалов, возвращаясь к истокам в эти священные моменты «иерофаний» (то есть воплощения сакрального в жизнь человека).

Л. Клейн пишет, что Мирча Элиаде создал новую для западной науки концепцию «человека религиозного», которого он противопоставил «человеку разумному». Это не совсем так, если верить Робертсону Смиту и Ясперсу, которые утверждают, что магическое сознание дикарей не есть духовная энергия, и что этические религии уже ближе к духовной энергии именно в силу своего противостояния мистике, и именно потом, что это революционный поворот к рациональному мышлению. Это находит подтверждение во всех последовавших протестантских революциях, которые имели целью еще больше очистить этические религии от мистики (магии) и приблизить их к рациональному и осмысленному служению добру и истине. Л. Клейн пишет, что некоторые говорят, что Элиаде разделил сакральное и профанное, но на самом деле, его роль в том, что он их смешал. Это абсолютно верно. Он смешивает мистическое сознание дикарей с разумным сознанием научных цивилизаций в хаотичное варево.

Как бы там ни было, теория психической энергии К. Юнга во всех основных аспектах воспроизводит теорию иерофаний Мирчи Элиаде. Юнг был какое-то время адептом Фрейда, но позже порвал с ним из-за своей концепции «коллективного бессознательного», которая играет в его аналитической психологии такую же роль, как иерофании у Элиаде.

Юнг предполагает, что коллективное бессознательное — «это „чрево“, о котором говорит Павел»:

> «Есть нечто в нашей душе от высшей власти — и если это не осознанный бог, тогда все же по крайней мере это — „чрево“, как гово-

> рит Павел. Поэтому я считаю более мудрым осознанно признавать идею бога».
>
> «Коллективное бессознательное» у Юнга — это вместилище сакрального, это «мир идей» Платона наоборот, поскольку Платон говорил об идеях интеллекта, в Юнг вслед за Элиаде говорит об идеях мистики, о мифах, которые он называет «архетипами». Его «архетипы» больше чем просто мифы; они и мысль, и чувства, и опыт всего человечества, и даже опыт всего животного мира. Вот где действительно, «смешались кони, люди». Опять же подобно Элиаде, он безжалостно смешивает рациональное и мистическое в одну неразличимую кучу, из которой уже невозможно достать что-либо вразумительное и резонное. Поэтому он вынужден честно заявить, что «Сущность сознания — это загадка, решения которой я не знаю», и что «при таком положении вещей бессознательное представляется нам большим иксом, где единственно несомненным является то, что из него исходят значительные воздействия». Он определяет сознание через метафору со светом прожектора, а бессознательное соответственно через метафору с тьмой: «Поэтому мы любим сравнивать сознание со светом прожектора. Только те предметы, на которые падает конус света, попадают в поле моего восприятия. Однако предмет, который случайно оказывается в темноте, не перестает существовать, он просто становится невидимым».

Этот «мир идей Платона наоборот», в котором собираются все магические несуразности сознания абориген, вся нелепость мифологической эпохи под вывеской человеческой мудрости всех времен и народов, и является тем главным источником «психической энергии», «духовности», которая составляет центральную тему аналитической психологии Юнга: «Коллективное бессознательное содержит в себе все духовное наследие эволюции человечества, возрождаемое в структуре мозга каждого индивидуума. Сознательный ум — это эфемерный феномен, который выполняет все провизорные адаптации и ориентации, и по этой причине его функцию лучше всего сравнить с ориентировкой в пространстве. Напротив, бессознательное служит источником инстинктивных сил души, а также форм или категорий их регулирующих, т е архетипов. Все самые яркие и мощные идеи восходят исторически к архетипам. Это особенно верно

в отношении религиозных представлений, хотя центральные понятия науки, философии и этики также не составляют исключения из этого правила. В своем нынешнем виде они представляют собой варианты архетипических представлений, созданные посредством их сознательного применения и приспособления к действительности. Ибо функция сознания заключается не только в осознании и усвоении внешнего мира через врата наших чувств, но и в переводе мира внутри нас в зримую реальность»

Итак, подобно Элиаде, он смешивает «сакральное» мистического сознания абориген с научным мышлением «мирского» сознания рациональных людей, и называет это коллективным бессознательным, из которого все человечество черпает свою мудрость. Более того, он подчеркивает, что сознание и бессознательное не противостоят друг другу, как это говорил, например, Леви-Брюль или Кьеркегор, а дополняют друг друга, компенсируют друг друга. Что функция сознания как раз состоит в том, чтобы добыть себе энергию из этого источника всеобщей духовной энергии человечества. Он называет этот процесс индивидуацией. «Бессознательные процессы, компенсирующие сознательное Я, содержат в себе все те элементы, которые потребны для саморегулирования целокупной психики», — пишет Юнг.

Он отказывается понимать появление бреда как симптом психического расстройства. Он говорит, что мифы составляют бессознательное любого человека, и потому любой человек в существе своем иррационален. Не бред есть симптом болезни, а потеря сознанием контроля над этим мифологическим содержанием бессознательного.

> «Дело в том, что человек не должен идентифицировать себя с самим разумом, ибо человек не только разумен и никогда не будет иным. На это следует обратить внимание всем школьным воспитателям от культуры. Иррациональное не должно и не может быть искоренено. Боги не могут и не должны умереть. Я выше сказал, что в человеческой душе, по-видимому, всегда присутствует нечто подобное некоторой высшей власти, и если это не идея бога, то тогда это — чрево, говоря вслед за Павлом. Этим я хотел выразить тот факт, что

> всегда какой-либо инстинкт или комплекс представлений концентрирует на себе максимальную сумму психической энергии, посредством чего он принуждает „Я“ служить ему. Обычно „Я“ настолько притягивается этим энергетическим фокусом, что идентифицирует себя с ним и ему кажется, будто оно вообще ничего другого не желает и ни в чем другом не нуждается. Так возникает мания, мономания, или одержимость, сильнейшая односторонность, грозящая тяжелейшим образом нарушить психическое равновесие. Без сомнения, в способности к такой односторонности кроется тайна определенных успехов, почему цивилизация и стремится усердно культивировать подобные односторонности. Страсть, т. е. концентрация энергии, заключающаяся в таких мономаниях, есть то, что древние называли неким „богом“, и наше словоупотребление все еще поступает так же. Разве мы не говорим: „Он делает бога из того или из этого“? Человек полагает, что он еще совершает волевые акты и выбирает и не замечает, что он уже одержим, что его интерес уже стал его господином, присвоившим себе власть. Такие интересы становятся своего рода богами, которые, если они признаны многими, постепенно образуют „церковь“ и собирают вокруг себя общину верующих. Тогда это называется „организацией“. Последняя преследуется дезорганизующей реакцией, стремящейся вышибить клин клином. Энантиодромия, угрожающая всегда, когда движение достигло несомненной власти, не представляет собой, однако, решения проблемы, а столь же слепа в своей дезорганизации, как и в своей организации. От жестокого закона энантиодромии ускользает лишь тот, кто умеет отличать себя от бессознательного, не посредством, скажем, того, что он его вытесняет — ибо тогда оно просто овладевает им исподволь, — а посредством того, что он делает его видимым и ставит его перед собой как нечто отличающееся от него. Тем самым уже подготовлено разрешение той проблемы Сциллы и Харибды, которую я описал выше. Пациент должен научиться различать, что есть „Я“ и что есть „не-Я“, т. е. коллективная психика».

Этот отрывок прекрасно демонстрирует, какой хаос и какое неудобоваримое варево представляет собой теория, которая смешивает воедино сознание и бессознательное, иррациональное и рациональное, мистику и богов, духовную энергию и маниакальную одержимость. Он пишет о том, что архетипы его коллективного бессознательного — это боги, которые оживают в сознании людей, подобно иерофаниям Элиаде. Что эти боги могут захватывать энергию сознания людей и подчинять их сво-

ей власти. С одной стороны, это великое благо, так как источник духовной энергии и всякого творчества человечества. С другой стороны, это источник потери себя и распада психики в шизофрении.

Отсюда мы делаем выводы, что у Юнга нет никакой теории психической энергии. Есть только похвальная попытка ее создать, и есть, как у Фрейда, богатый опытный материал, факты, которые он собирал в течении долгой психотерапевтической практики. И опять же подобно Фрейду, если ему не удалось, сформулировать теорию психической энергии, эта коллекция экспериментального материала почти также ценна для становления энергетической психологии, как и фактический материал, собранный Фрейдом.

Рассмотрим некоторые аспекты его экспериментального опыта, абстрагируясь от его теоретических выводов.

В его описании психической реальности, с которой он имеет дело, четко вырисовывается два поля психики, которые он называет сознанием и бессознательным. Определений им дать он не сумел, как мы видели, а теоретически смешал в «единую самость», где одно компенсирует другое. Но опыт, который он излагает в своих книгах свидетельствует о противоположном: о противостоянии этих двух полей, и о том, что бессознательное разрушает сознание, и лишает его энергии. Он также подчеркивает, что активность бессознательного — это автоматизмы и компульсия, тогда как активность сознания — это разумная воля. Он также говорит о том, что энергия архетипов бессознательного завлекает сознание и наделяет его собственными проекциями, так что человек теряет связь с окружающим миром. И здесь он не делает вывод о «кривом зеркале» бессознательного, которое искажает реальность, подобно Кьеркегору. Он не говорит вслед за ним, что «человеку не хватает чувства реальности». Он говорит, что настоящая реальность это и есть эти архетипы бессознательного, просто человеку надо узнать о том, где граница между Я и не-Я архетипов. И поскольку, кони и люди смешались и невозможно отличить поле интеллекта от поля бессознатель-

ного, патологию расстройства от здоровья интеллекта, мистику от рациональности, то и провести эту границу, признается Юнг почти невозможно.

1. Но для нас важно, что он заметил «кривое зеркало» проекций на практике, как бы он его не трактовал

> «Как известно не сознательный субъект, а именно бессознательное совершает это проецирование. Следовательно, он только сталкивается с проекциями, а не создает их. Результат проекции — изоляция субъекта от его окружения, поскольку вместо подлинной связи со средой, отныне существует только иллюзорная связь. Проекции заменяют реальный мир репродукцией собственного неизвестного лица субъекта. Поэтому, в конечном счете они приводят к аутоэротическому и аутистическому состоянию; в таком состоянии человек выдумывает мир, реальность которого остается навсегда недосягаемой. Возникающее в результате чувство неполноценности, и еще более тяжелое ощущение бесплодности, в свою очередь объясняется — благодаря проекции — недоброжелательностью окружения, что по механизму порочного круга, ведет к дальнейшему усилению изоляции. Чем больше проекций втискивается между субъектом и окружением, тем труднее эго видеть сквозь собственные иллюзии, что же в действительности происходит. ...Часто печально наблюдать, как вопиюще человек портит свою жизнь и жизни других людей, и вместе с тем остается совершенно неспособным понять, что вся эта трагедия порождается в нем самом и что он беспрестанно подпитывает ее и не дает ей прекратиться. Не сознательно конечно, ибо сознательно он оплакивает и проклинает вероломный мир, все больше и больше удаляющийся от него. Скорее это бессознательный фактор прядет иллюзии, скрывающие его мир. А то что прядется становится коконом, который в конце концов полностью окутывает его».

2. Компульсивный характер энергии бессознательного поля. Антагонизм между энергией бессознательного и сознательного полей, когда поле эгосистемы пожирает энергию разумной воли поля интеллекта. Победа автоматизмов бессознательного поля ведет к распаду психики

> «Но точно также как наша свобода воли сталкивается с необходимостью внешнего мира, так и за пределами поля сознания, в субъективном внутреннем мире, где воля вступает в конфликт с фактами самости, она тоже обнаруживает границы своих возможностей. И совсем

> как обстоятельства или внешние события „случаются“ с нами и ограничивают нашу свободу, так и самость действует на эго подобно объективным происшествиям, на которые свобода воли может повлиять лишь в очень незначительной степени. Действительно хорошо известно что эго не только не может ничего поделать с самостью, но иногда фактически ассимилируется бессознательными компонентами личности, возымевшими власть в ходе развития, и существенно изменяется ими... Крах сознательной установки — дело серьезное. Он всегда переживается как конец света, как если бы весь мир вернулся назад к первозданному хаосу. Человек чувствует себя покинутым, сбившимся с курса и потерявшим управление кораблем, отданным во власть стихий. Так, по крайней мере, ему кажется. В действительности же, он в нужде обратился к коллективному бессознательному, которое отныне берет руководство на себя. Прорывающиеся из коллективной души силы производят сбивающее с толку и ослепляющее действие. Распад Персоны однозначно вызывает высвобождение непроизвольной фантазии, которая видимо, есть не что иное, как специфическая активность коллективной души. Эта активность извергает такие содержания, о существовании которых человек прежде никогда не догадывался. Но вместе с усиление влияния коллективное бессознательное ослабевает руководящая власть сознательного ума. Он незаметно становится ведомым, в то время как бессознательный и безличный процесс берет руководство на себя. И тогда сознательная личность, не замечая этого, передвигается подобно фигуре на шахматной доске под рукой невидимого игрока. И именно этот игрок определяет партию судьбы, а не сознательный ум со своими планами. Высвобожденная в результате этого распада энергия теряется сознанием и переходит в бессознательное. Фактически, первые признаки бессознательной активности появляются как раз в такие моменты. Очевидно, та энергия, что уходила из сознания, активировала бессознательное. Если бессознательное просто деспотически командует Сознательным Умом, то развивается психотическое состояние»

В этом положительный вклад Юнга в теорию энергетической психологии. Он собрал значимый экспериментальный материал о противодействии двух силовых полей в психике, о компульсии бессознательного поля и разумной воле сознательного поля, о психозе, к которому ведет победа бессознательного поля над сознательным.

Его негативное влияние состоит в том, что он попытался представить мистику бессознательного, существо которой в том,

что это искаженная чувственная информация о мире, как кладезь всемирной мудрости человечества, обобщив интеллектуальный и эмоциональный опыт первобытных и научных, рациональных обществ в единое «коллективное бессознательное». Он говорит не о «кривом зеркале», а о «чарующем влиянии архетипов, которые захватывают сознание» мощью своей энергии, не о добре сознания против зла бессознательной мистики, а о смешении добра и зла в архетипах, которые у него есть космический источник божественной энергии.

> «Откуда берется этот ужасный конфликт между добром и злом?», так и бессознательное может на него ответить: «Приглядись внимательней: каждое из них нуждается в другом; даже в самом лучшем, и именно в самом лучшем, есть зерно зла, и нет ничего столь скверного, из чего не могло бы вырасти доброе». ...Главная опасность заключается в искушении поддаться чарующему влиянию архетипов. Так чаще всего и происходит, когда архетипические образы воздействуют помимо сознания, без сознания. При наличии психологических предрасположений, архетипические фигуры, вообще освобождаются от контроля сознания. Они приобретают полную самостоятельность, производя тем самым феномен одержимости. Так как архетипы, подобно всем нуминозным явлениям, относительно автономны, их чисто рациональная интеграция невозможна. ...Патологический момент заключается не в наличии таких представлений, а в диссоциации сознания, которое уже не способно господствовать над бессознательным. Во всех случаях раскола встает необходимость интеграции бессознательного в сознание. Речь идет о синтетическом процессе, называемом мною «процесс индивидуации».

Вот это смешение сознательного с бессознательным в теории, границу между которыми он так четко заметил на практике, и придало его теории характер «бессильного гермафродитизма». Он считает сознание частью бессознательного, а их отношения видит взаимодополняющими, хотя практика говорит ему прямо противоположное. Здесь нет ни четкого понимания сознания и бессознательного, ни их противостояния, ни различия между мистикой и разумом, между добром и злом. Терапию он трактует как соединение сознательного и бессознательного, то

есть как синтез двух силовых полей психики, антагонизм которых составляет фундаментальную проблему психики. И главное, это теория иерофаний Мирчи Элиаде, которая пытается представить мистику первобытного мышления источником духовной энергии, подобно тому, как Фрейд понимал это поле эгосистемы как истинное Я разумной, фундаментальной энергии человека.

Тем не менее, архетипы Юнга стали не менее популярны, чем либидо Фрейда, и подобно тому, как последнее оправдывало патологию психики «звериной природой» человека, так архетипы Юнга служат оправданием нелепого поведения, которое характеризуют, как романтику бессознательных иерофаний, воплощения мифических образов всемирной мудрости.

ГЛАВА 7. ТЕОРИЯ ПСИХИЧЕСКОЙ ЭНЕРГИИ У Э. ДЮРКГЕЙМА

1) Энергетика Дюркгейма

2) Гуманистическая психология против антропологии Дюркгейма

3) Влияние и критика идей Дюркгейма

1) Энергетика Дюркгейма

Эмиль Дюркгейм выступил с резкой критикой анимистов и натуралистов, антропологов Тайлора, Фрейзера, Мюллера, которых он критиковал за то, что последние неправомерно обвинили первобытных людей в иррациональности, в бредовом отражении мира, которое превращается в нелепую фантасмагорию, выражая своего рода безумие аборигенов.

Все не так, заявил Дюркгейм. На самом деле, дикари также реалистичны, и также адекватны в отношении внешнего мира, как и цивилизованные люди. Ведь у цивилизованных людей тоже есть религии, и они также важны для них, как мистические представления для аборигенов. Религии цивилизованных людей, говорит он, ничем не отличаются от самой примитивной мистики аборигенов.

И те и другие имеют один общий источник происхождения и одно общее назначение. Религия, говорит Дюркгейм, как этические религии наших обществ, так и магические ритуалы первобытных обществ, — это ни больше, ни меньше, как психическая энергия общества, которая питает каждого члена этих обществ, и является источником всех общественных институтов. Так, он пишет в «Тотемической системе в Австралии» («Элементарные формы религиозной жизни»): «С точки зрения физики человек —

не более чем система клеток, а с точки зрения психологии он — не более чем система представлений; в обоих случаях он отличается от животного только по степени. Однако общество понимает и обязывает нас понимать человека как существо, наделенное характером особого рода, который изолирует его и ограждает от всех дерзких посягательств, словом, заставляет его уважать. Это достоинство, которое делает человека уникальным».

Эта уникальность человеческой природы, как мы можем видеть, никак не связана у Дюркгейма с природой индивида; она есть порождение всецело коллектива, коллективных представлений. Дюркгейм развивает теорию о том, что коллективные представления, а также совместные ритуалы, возбуждающие эмоции людей до крайнего предела, есть высвобождение психической энергии общества, которая с этого момента начинает жить своей жизнью. Почувствуйте вкус его собственной мистики. Получается, что совместное эмоциональное возбуждение высвобождает некоего монстра, некоего Франкинштейна, который с этого момента больше не подчиняется контролю отдельных индивидов, но превращается во внешнюю для этих людей силу, которую они почитают, и которой вынуждены повиноваться. Этот феномен мистической социальной силы, высвобождающейся из индивидов и устанавливающей над ними свою власть, он и называет психической энергии. Так, он пишет в «Тотемической системе в Австралии»: «Но коллективное сознание является чем-то иным, нежели просто эпифеноменом его морфологической основы — точно так же, как индивидуальное сознание является чем-то иным, чем просто продуктом нервной системы. Для его возникновения нужно, чтобы произошел особого рода синтез индивидуальных сознаний. Итак, этот синтез имеет своим следствием высвобождение целого мира чувств, идей и образов, которые, однажды родившись, подчиняются своим собственным законам. Они притягиваются друг к другу, отталкиваются друг от друга, объединяются, сегментируются и размножаются, но ни одно из этих сочетаний не предписывается и не обусловливается непосредственным образом состоянием базисной реально-

сти. Возникающая в результате этого жизнь пользуется такой независимостью, что иногда позволяет себе игру бесцельных или бесполезных форм — ради чистого удовольствия самоутверждения. Как мы показали, именно это часто происходит в случае ритуальной активности и мифологического мышления»

Подобно тому, как Мирча Элиаде видит в постоянно возобновляемых аборигенами магических ритуалах — обращение к источнику сакральной энергии, к связи с божественным, которое восстанавливает силы людей и возвращает их к подлинному существованию, так и Дюркгейм замечает, что только периодическое обращение к этим совместным ритуалам может напитывать людей психической энергией, и быть таким образом, источником их силы. В этом он полностью согласен с цикличным временем Элиаде, который представляет жизненный процесс как циклы между священными ритуалами и мирской жизнью, когда человек старается соответствовать мифам своих ритуалов. Разница только в том, что Элиаде говорит о реальных богах потустороннего мира, а Дюркгейм о психической энергии, которая высвобождается самими людьми в процесс возбуждающих ритуалов. И у того, и у другого, жизнь есть чередование сакрального (священного) и профанного (мирского) времен.

Э. Дюркгейм «Тотемические системы Австралии»:

> «Нетрудно понять, что человек, приходя в это состояние экзальтации, более не сознает себя. Чувствуя, что некая внешняя сила овладела им и ведет его, заставляя мыслить и действовать иначе, чем в обычное время, он, естественно, считает, что больше не является собой. Ему кажется, что он стал другим существом: украшения, которые он надевает, и маска, скрывающая его лицо, выражают это внутреннее преображение на материальном уровне в большей степени, нежели помогают его произвести. В то же время его товарищи ощущают себя преображенными таким же образом и выражают это чувство криками, жестами и общим поведением; поэтому все выглядит так, как будто человек действительно переместился в особый мир, совершенно отличный от того, где он живет обыденной жизнью, — в среду, населенную чрезвычайно могущественными силами, которые овладевают им и преобразовывают его. Как может случиться такое, чтобы подобные опыты, особенно если они повто-

> ряются каждый день в течение недель, не убедили человека в том, что действительно существует два мира, разнородных и несопоставимых друг с другом? Один из них — тот, где вяло тянется его повседневная жизнь; другой — тот, входя в который, он немедленно вступает в отношения с необычными силами, которые возбуждают его, доводя до неистовства. Первый — это профанный мир, второй — мир священных вещей. Таким образом, представляется, что религиозная идея родилась именно в этой возбужденной общественной среде и из самого этого возбуждения».

Полученная таким образом психическая энергия, получает у Дюркгейма автономное от отдельных индивидов существование, «объективируется», и «возносится над ними самими». Дюркгейм говорит о том, что поскольку эта психическая энергия имеет бессознательное происхождение, так что индивиды не понимают истинной причины, по которым им нравится собираться вместе и предаваться совместно песням и пляскам, то они разрабатывают систему символов, которые объясняют и оправдывают эти коллективные эмоциональные экстазы. Это и есть мифологические системы, которые они стараются воплотить в жизнь в своих магических ритуалах. Таким образом, сила, которую люди получают в обществе, — это и есть психическая энергия, питающая их жизнь, и это и есть религиозная сила, их бог, к которому они стремятся в своих мифах и в своей магии.

Так что если бы они однажды узнали, что их истинная цель — это сила общества, то мифология перестала бы существовать; осталось бы голое почитание общества, того бога-государства, в который у Гегеля в конечном итоге воплощается его «абсолют».

Э. Дюркгейм «Тотемические системы в Австралии»:

> «Без сомнения, если бы человек мог сразу понять, что источником воздействий, которым он подвергается, является общество, система мифологических объяснений никогда бы не возникла… Примитивный человек не понимает даже того, что эти впечатления приходят к нему от группы. Он не знает, что собрание определенного числа людей, живущих одной жизнью, влечет за собой высвобождение новых сил, которые изменяют каждого из них. Все, что ощущает примитивный человек, — это то, что он возносится над собой

> и живет жизнью, отличающейся от его обыденного существования… Таким образом, среда, где мы живем, кажется нам населенной силами, которые одновременно требовательны и услужливы, величественны и милосердны; и с этими силами мы находимся в определенных отношениях. Поскольку они оказывают на нас определенное давление, которое осознается нами, мы необходимо помещаем их вне нас, так же как и объективные причины наших ощущений. Однако вместе с тем чувства, которые они внушают нам, по природе отличны от ощущений, производимых простыми, чувственно воспринимаемыми вещами. Пока эти ощущения сводятся к их эмпирическим характеристикам, которые даны нам в обыденном опыте, и пока религиозное воображение не преобразовало их, мы не испытываем к ним чувств, напоминающих почтение, и они не содержат в себе ничего, что может возвысить нас над нами самими. Следовательно, представления, в которых выражены эти вещи, кажутся нам полностью отличными от тех, что пробуждают в нас общественные воздействия. Те и другие образуют в наших сознаниях две области ментальных состояний, различные и раздельные, как различны и разделены две формы жизни, которым они соответствуют. В результате у нас создается впечатление, что мы сталкиваемся с двумя разными типами реальности, отграниченных друг от друга четкой демаркационной линией: с одной стороны — мир профанных вещей, с другой — мир вещей священных»

Дюркгейм, таким образом, подчеркивает, что психическая энергия общества — это то «почтение», которое человек испытывает ко всем общественным институтам, тот авторитет, которому не смеет прекословить конформный человек. Если, например, Стенли Милграм пишет в «Подчинении авторитету», что такой конформизм противоположен совести и разуму человека, и Эрих Фромм стоит на той же позиции в «Человек для себя», то у Эмиля Дюркгейма получается наоборот, что подчинение авторитету вопреки собственной воле и разуму есть основа человеческого, поскольку это основа психической энергии в его теории.

Э. Дюркгейм «Тотемические системы в Австралии»:

> «Однако если бы общество получало от нас эти уступки и жертвы только посредством материального принуждения, оно могло бы про-

> будить в нас лишь идею физической силы, которой мы вынуждены уступать, а не идею моральной власти, такой, какую внушают религии. Но на самом деле власть, какой общество обладает над человеческими умами, гораздо меньше обязана физическому насилию, привилегией на которое оно обладает, чем моральному авторитету, которым оно облечено. Если мы подчиняемся требованиям общества, то не потому, что оно достаточно сильно, чтобы подавить наше сопротивление, но прежде всего потому, что оно является объектом настоящего почитания. Почитание — это эмоция, переживаемая нами, когда мы чувствуем, что на нас осуществляется это внутреннее и всецело духовное давление. Оно стремится к вытеснению противоречащих ему представлений и удерживает их на расстоянии; в то же время оно запускает те действия, которые его реализуют, причем делает это не посредством физического принуждения или угроз применения чего-то в этом роде, а за счет простого излучения психической энергии, присутствующей в нем. Действенность такого представления обусловливается исключительно его психическими свойствами, и это тот самый признак, благодаря которому распознается моральный авторитет. Следовательно, общественное мнение — эта первейшая социальная вещь — является одним из источников авторитета».

Таким образом, он считает доказанным, что его оппоненты, которые утверждают в своих трудах, что сознание первобытных людей иррационально и оторвано от реальности, ошибаются; и что на самом деле, что мифологическое сознание дикарей столь же реалистично как у цивилизованных людей, потому что их мифы служат самой насущной цели: поискам психической энергии. Он говорит о том, что в если принимать их точку зрения о бредовом сознании дикарей, то непонятно, откуда могла взяться такая далекая от реальности система верований, и с другой стороны, как она могла продержаться тысячи лет, ведь практика каждый день подтверждала, что они ошибаются. Он считает, что это возражение неопровержимо доказывает его правоту, так как его объяснение снимает все эти вопросы. Люди сами себе выбрали и выбирают мистические ритуалы не потому, что они глупые, а потому, что это служит самой насущной цели их жизни.

Э. Дюркгейм «Тотемические системы в Австралии»:

> «Если бы эта теория была истинной, то было бы необходимо признать, что религиозные убеждения являются совокупностью галлюцинаторных образов, не имеющих никакой объективной основы. Следовательно, с этой точки зрения священные существа являются только воображаемыми образами, которые люди формируют в своего рода бреду, охватывающем их каждый день, и почти невозможно понять, ни то, каким полезным задачам служат эти концепции, ни то, чему они соответствуют в реальности. Если человек молится, если он приносит дары и жертвы, если он готов претерпевать многочисленные лишения, которые предписывает ритуал, то это происходит из-за некоего фундаментального заблуждения, которое заставляет его принимать сновидения за реальные восприятия. Таким образом, верно что за этими образами и символами нет ничего, кроме кошмаров примитивного разума. Таким образом, верующий, подобно безумцу, живет в мире, населенном существами и предметами, которые обладают только вербальным существованием. Кстати говоря, Макс Мюллер сам признавал это, поскольку считал миф продуктом болезни разума.
> …Таким образом, для того, чтобы объяснить, как при подобных обстоятельствах могла сформироваться идея священного, большинство теоретиков вынуждены признать, что люди накладывают на реальность, доступную наблюдению, нереальный мир, полностью состоящий либо из фантастических образов, которые волнуют дух человека во время сна, либо из искажений (зачастую чудовищных), которые производит мифологическое воображение под чарующим, но вводящим в заблуждение влиянием языка. Однако тогда невозможно понять, почему человечество веками упорствовало в подобных заблуждениях, если опыт должен был очень быстро показать их ошибочность. Но если принять нашу точку зрения, то эти трудности устраняются. Религия перестает быть чем-то вроде необъяснимой галлюцинации и обретает реальную основу. Действительно мы можем сказать, что верующий не заблуждается, веря в существование нравственной силы, от которой он зависит и от которой получает все самое лучшее, что в нем есть. Такая сила существует, и эта сила — общество. Когда австралиец возносится над самим собой, когда он ощущает прилив новых жизненных сил, чья интенсивность поражает его, он не является жертвой иллюзии. Его вознесение реально, и оно действительно является результатом влияния внешних сил, превосходящих индивида. Конечно, он ошибается, когда думает, что такое возрастание жизненной энергии

> производится некоей силой в форме животного или растения. Но эта ошибка относится исключительно к букве символа, при помощи которого эта сущность представлена в сознании, к аспекту ее существования. За этими образами и метафорами, грубыми или утонченными, стоит конкретная и живая реальность».

Получается, что цивилизованные люди, которые уже вроде бы должны сознавать (хотя бы с помощью просветления Дюркгейма), что в основе религий, то символическое поклонение истинному богу-обществу, покончат с мифологической символикой, и станут открыто поклоняться обществу. Причем в интерпретации Дюркгейма совершенно непонятно, что такое общество, откуда оно берет свою моральную силу и власть, почему на одних эта сила действует, а другие подобно Сократу и Бруно, предпочитают идти на смерть, чем подчиниться. Более того, он прямо пишет, что это некие «безликие, коллективные силы», которые получили собственное существование: «Возникающая в результате этого жизнь пользуется такой независимостью, что иногда позволяет себе игру бесцельных или бесполезных форм — ради чистого удовольствия самоутверждения. Как мы показали, именно это часто происходит в случае ритуальной активности и мифологического мышления». Таким образом, он предлагает слепое подчинение стихийным силам, которые есть не больше, чем «игра бесцельных и бесполезных форм».

2) Гуманистическая психология против антропологии Дюркгейма

Теория психической энергии Дюркгейма неудовлетворительна во всех смыслах, как мы могли убедиться. Тем не менее, сам факт, что Дюркгейм изучает человека не в свете дарвиновской этологии, как разновидность поведения животных, а постулирует особую человеческую реальность в виде психической энергии уже большой прогресс. Дюркгейм был позитивистом, и ставил своей задачей реализовать честолюбивую мечту Конта о создании «социальной физики». И хотя он недалеко продви-

нулся в этом направлении, его антропология содержит ряд важных идей, таких, например, как первичность «абстрактных, безличных сил» в мистичных верованиях аборигенов.

Попробуем показать, какое решение получают поднимаемые им вопросы с точки зрения гуманистической психологии и нашей теории психической энергии.

1. Сакральное и профанное.

Дюркгейм ставит себе задачу найти источник, причину этого странного фактора первобытного сознания, которое особенно подчеркивает Леви-Брюль в своих работах: двойственность восприятия мира дикарями, которое все делят на священное и обычное. Дюркгейм находит решение в том, что общество, будучи неосознаваемым божеством, окрашивает мир в сакральные тона.

Однако, мы видели, что Леви-Брюль, Кьеркегор и гуманистическая психология дают гораздо более убедительный ответ на этот вопрос. То самое поле Эгосистемы, которое Кьеркегор называет «кривым зеркалом», «потерей чувства реальности», гуманисты «ложным Я», а Леви-Брюль «мистическим, пралогическим сознанием», искажающим действительность.

Так что «сакральным» предстает то, что человек воспринимает через поле Эгосистемы, поскольку оно отражает фантастическую картину противостояния двух сил: крохотного Эго и всесилия СуперЭго. А обычное восприятие — это нормальное восприятие через поле интеллекта.

2.Бредовое сознание аборигенов

Мы видели, что Дюркгейм не мог принять факта, о котором говорит весь антропологический материал: что сознание дикарей оторвано от реальности, и в этом смысле действительно представляет собой настоящий бред. Дюргейм не видит объяснения этого факта, так как тогда, говорит он, опыт бы быстро научил их тому, что они ошибаются. Леви-Брюль рассказывает в своей книге «Первобытное сознание», что сознание дикарей

не только лишено логики, но и совершенно не чувствительно к опыту, так что сколько бы раз опыт не доказывал им, что амулеты и талисманы не защищают и не помогают, они остаются глухи к этой очевидности. Мы помним, как удачно описывает К. Юнг «проекции бессознательного», как кокон, который разрушает восприятие реальности, становясь между человеком и реальным миром.

3. Безличные, абстрактные силы.

Важной находкой Дюркгейма является тот факт, что не животные и конкретные вещи являются объектами поклонения в магических ритуалах, а «безличные, неопределенные силы», некая количественная абстракция силы космоса.

Э. Дюркгейм «Тотемические системы в Австралии»:

> «Это не религия таких-то животных, таких-то людей или таких-то образов, а религия своего рода безымянной и безличной силы, которая встречается в каждом из этих существ, но не тождественна ни одному из них. Никто не обладает этой силой полностью, но все они причастны ей. Она настолько полностью независима от отдельных субъектов, в которых воплощена, что предшествует им и переживает их. ...Мы не обнаружили у истоков и в основе религиозной мысли никаких определенных и отдельных объектов и существ, которые обладали бы сакральным характером сами по себе; напротив, то, что мы увидели, — это неопределенные и безликие силы. В разных обществах эти силы более или менее многочисленны (хотя иногда они сливаются в одну), а их безличность весьма похожа на безличность физических сил, проявления которых изучают естественные науки. Что же касается отдельных священных вещей, то они всего лишь индивидуализированные формы этого основного принципа. Таким образом, нет ничего удивительного в том, что даже в религиях, где есть настоящие боги, существуют обряды, обладающие силой, которая действует самостоятельно и независимо от божественного вмешательства»

Действительно, именно такую картину показывает физический контроль сохранения силы психики на поле Эгосистемы: количественную абстракцию силы, как противостояние силы Я и силы всего прочего мира. И именно эта бредовая информация

запускает болевую мотивацию поля эгосистемы в виде «страха сверхъестественных сил», о котором писал Леви-Брюль, и о котором пишет, например К. Хорни или А. Адлер, когда пишут о парализующем страхе невротиков перед любыми жизненными задачами, особенно социальными.

4. Обожествление социальных авторитетов

Дюркгейм считает доказательством рационального и логического сознания аборигенов тот факт, что цивилизованные люди также обожествляют свою социальную среду, как дикари делают это со своей природной средой. Подобно тому как последние поклоняются тотемам животных и растений, современные люди поклоняются социальным авторитетам.

Это действительно так и есть, только доказывает прямо противоположное, как учили еще Платон и Спиноза, а позже доказывал Леви-Брюль. Последний говорил, что мистическое и логическое сознание не переходят одно в другое и всегда антагонистичны друг другу, и потому сохраняются даже в психике современного человека. Следовательно, тот факт, что люди обожествляют свою социальную среду, говорит только о том, что подобно аборигенам, они до сих пор имеют два рода восприятия: сакральное и обычное (профанное, мирское). Развитые люди видят общество через свои интеллектуальные системы и обычное восприятие, большинство же продолжают видеть мир через очки поля Эгосистемы, и следовательно как сакральный мир сверхъестественных сил. Об этом много писал Э. Фромм, З. Фрейд, Б. Рассел и др. С. Милграм приходит к тем же выводам в своей книге «Подчинение авторитету»

Дюркгейм же хотел доказать этим фактом, что современный человек также нуждается в мистических богах, как первобытный, и потому постоянно воспроизводит их себе. Он отказывается видеть эту систему патологии в психике.

Э. Дюркгейм «Тотемические системы в Австралии»:

> «Кроме того, мы можем видеть, что сегодня, так же как и в прошлом, общество постоянно создает священные вещи практически с нуля. Если оно вдруг увлеклось неким человеком, решив, что обнаружило в нем свои основные устремления, которые движут его, а также средства для их реализации, то этот человек возносится над остальными и как бы обожествляется. Общественное мнение будет наделять его величием, полностью аналогичным тому, которое оберегает богов. Так было со многими правителями, в которых верили их эпохи: если их не делали богами, то, по крайней мере, считали непосредственными представителями божества. То, что единственным автором всех этих обожествлений является общество, очевидно из факта, что нередко подобным образом сакрализовывался человек, не имевший на это права, если исходить из его личных заслуг».

5. Подчинение авторитету

Э. Фромм в книге «Человек для себя» проводит жесткую демаркационную черту между «авторитарной совестью» и «гуманистической совестью», доказывая, что у здорового человека авторитарная совесть нейтрализована, и активна только гуманистическая совесть, а у больного — наоборот. Авторитарной совестью он называет подчинение из страха перед авторитетом, или из тщеславия, так что в обоих случаях человек не способен дать нравственную, разумную оценку происходящему и взять на себя ответственность за принятие взвешенного решения. Он просто боится, или жаждет одобрения авторитета. Это позиция нездорового человека, душа которого в определенном смысле мертва, а поведение безнравственно. Действительно эксперименты С. Милграма показали, что это именно тот механизм «банального зла», который позволял уничтожать людей конвейером во время второй мировой войны. Просто потому, что люди отказываются думать и слушать свою совесть, и передают ответственность тем, кто отдает приказы. Их задача — выполнить приказ и понравится начальству, а не дать интеллектуальную и нравственную оценку действию, которое ему приказывают произвести.

Дюркгейм отметает эти принципиальные отличия между авторитарной и гуманистической совестью, и пишет, подобно Мак-

су Веберу, что подчинение авторитету хорошо именно потому, что человек слушается приказов и отказывается от своей воли. То есть, он считает источником силы и здоровья как раз ту авторитарную совесть против которой выступили Фромм и Милграмм, а также другие гуманистические психологи.

Э. Дюркгейм «Тотемические системы в Австралии»:

> «Но так как общество может достичь их только при нашем посредничестве, оно настоятельно требует нашей помощи. Оно требует, чтобы, забыв о собственных интересах, мы стали служить ему, и оно подвергает нас всевозможным ограничениям, лишениям и жертвам, без которых общественная жизнь была бы невозможной. Именно поэтому мы должны ежеминутно подчиняться правилам поведения и мышления, которые были созданы не нами и не нравятся нам и которые временами даже вступают в противоречие с нашими склонностями и самыми основными инстинктами».

6. Компульсия поля Эгосистемы

Институты коллективных представлений, которые в первобытном обществе насквозь мистичны и пропитаны мифологическим сознанием, представляют собой компульсивную мотивацию страха, как вся мотивация поля Эгосистемы. Об этой компульсии К. Хорни пишет как о «тирании Надо», когда говорит о невротиках, «не я иду, а меня несет», чтобы подчеркнуть расстройство воли, и доминирование автоматизмов в психике. К. Юнг использует другую метафору: «передвигается, словно фигура на шахматной доске». Эти автоматизмы, эта компульсия, и есть активное поле Эгосистемы.

Дюркгейм обнаружил эту компульсивную мотивацию у дикарей, но согласно своей теории, он объясняет ее как отделившуюся от индивидов силу общества, которая начинает жить своей отдельной жизнью. Понятно, что в такой интерпретации — это голая мистика, а вовсе не научная теория. Однако, если мы посмотрим на этот факт, с точки зрения нашей теории двух силовых полей психики, мы увидим, что поле Эгосистемы, будучи бессознательным полем психики, действительно может соединяться в обществе через притяжения Самолюбия и Влюбленно-

сти в союзы господства и подчинения, и люди действительно будут чувствовать себя подчиненными этой внешней силой. Но не потому, что она отделилась от индивидов, а потому, что само поле Эгосистемы в психике каждого индивида, есть чужеродная и бессознательная для него сила.

В то же время, если соединение общества происходит через поле интеллекта и сознательное Я индивидов, то никакого эффекта компульсивной мотивации, «тирании Надо» или «фигуры на шахматеной доске» человек не испытывает. Не чувствет он и того, что общество отчуждается от него и возносится над ним, как говорит Дюркгейм. Подобно тому как уютно и комфортно чувствуют себя люди в кругу ближайших друзей, оставаясь индивидуальностями и становясь неотъемлемой частью коллектива любимых людей, так чувствует себя и здоровое общество поля интеллекта. Никакого подчинения авторитету, никакой потери сознательного участия и воли. Воля одного не поглощает здесь волю других, как при союзах самолюбия и влюбленности (садомазохизме), как в Левиафане Гоббса, напротив, объединение разумных воль дает свободу быть самим собой каждому. Об этом пишет, например, А. Маслоу в исследовании самоактуалов, как о парадоксе, когда человек в здоровом обществе не только не подавляется коллективом, хотя больше способен к дружбе, но ярче проявляет свою индивидуальность. Таким образом, это не вопрос дихотомии индивид-коллектив, как думал Дюркгейм, а вопрос того, через какое поле психике происходит объединение общества.

3) Влияние и критика идей Дюркгейма

Теория психической энергии Дюргейма, которую он понимает как обожествление силы общества, неслучайно в конечном итоге свелась к гегелевскому богу-государству, которое подобно Левиафану поглощает и подавляет индивидов. Мистика Дюркгейма также берет начало в субъективизме, ведь его общество не имеет никаких законов природы, а только ценности, которые

вырабатывает каждое такое общество для своей эпохи и для своего народа. Принцип историзма Гегеля, против которого так возмущался Кьеркегор, также неизбежное следствие субъективизма. Если мистика Канта была сосредоточена в «беспредельном человеческом произволе», как говорил Шеллинг, то мистика Гегеля перенесла этот беспредельный произвол на государство. Дюркгейм изобретает собственную мистику общества, доказывая, что сумма отдельных индивидов порождает энергию, которая возносится над этими индивидами и получает самостоятельное существование. Этого Франкинштейна Дюркгейм наделяет всей полнотой власти устанавливать ценности в обществе, становится мерилом морали и совести общества, и обязывает отдельных людей ему повиноваться беспрекословно.

Так, Джон Льюис пишет о теории Дюркгейма в «Марксистская критика социологических концепций Вебера»: «Все наше мышление, все наши понятия вытекают и должны вытекать из совместной социальной жизни. Не существует никаких априорных идей, присущих нашим мыслям, и эти идеи не могут быть извлечены из чувственного опыта, как полагают эмпиристы. «Принудительная власть некоторых понятий над нашими мыслями не может быть объяснена таким образом. Общество, культура, совокупность привычек и практика социальной жизни — вот что внедряет и сохраняет наши понятия и делает невозможным избежать их...Значение идей Дюркгейма состоит в том, что он отдает приоритет обществу в противовес индивидуалистским и утилитаристским теориям, господствовавшим в социологии от Джона Локка до Бентама, Милля и тех экономистов, которые сводили сущность общества к действиям индивидов, преследовавших в процессе взаимодействия свои личные цели. Эти теории рассматривали общество как своего рода соглашение, а закон как вмешательство полицейского, препятствующего злодеям помешать нормальному процессу достижения людьми своих законных целей. Дюркгейм перевернул все это. Индивидуум у него выступает как проявление общества, он не может существовать, если не создан им

и не функционирует в его рамках с целью сохранения и поддержания общественной жизни. Наши нравственные чувства возникают в нас в ответ на потребности наших собратьев; наша воля есть признание и повиновение тому, чего требует от нас общество. Эта совместная социальная деятельность, без которой мы не в силах ничего достичь и даже просто существовать, представляет собой кооперацию, которая формирует общее сознание. Все убеждения, ценности, моральные нормы и идеи разделяются всеми членами общества. Любое человеческое поведение создается и обуславливается обществом. Нравственный порядок — это не совокупность правил, выведенных из вечных принципов естественного права, не согласованный кодекс, позволяющий каждому из нас мирно и безопасно преследовать свои индивидуальные цели. Этот порядок коренится в обществе, в его нормах, правилах и требованиях. Только общество способно сознавать смысл справедливости...Во-первых, как возникает это общество и во-вторых, почему это единство постоянно нарушается из-за конфликтов между индивидуумами и государством как представителем общества? Дюркгейм избегает таких вопросов, успокаивая себя тем, что все обязательства налагаемые на индивидуумов, необходимы для благосостояния общества, общего блага и, следовательно, там не может быть никакой основы для конфликтов. Отказ от дальнейшего анализа существующего общества со всеми его неосуществленными идеалами и глубокими конфликтами снова оставляет нас с уже сформировавшимся обществом, каким мы его наблюдаем, но не исследуем и не анализируем. Оно просто рассматривается как фактически данная совокупность реальных социальных отношений, существующих в данной социальной группе, которые можно непосредственно наблюдать как систему регулятивных отношений, систему функционирующую, а не просто структуру. Дюркгейм дает нам только внешнее представление о функциональном обществе — его проявления в разнообразных областях деятельности. Фактически он имел дело с определением частей через целое.

Дюркгейм показал, что современное общество фактически похоже на примитивное общество с его массовой солидарностью, племенным духом, характерным для всех его членов. Однако, все это остается в рамках структурного анализа общества, к которому мы принадлежим и которое наблюдаем. Такое исследование ограничивается рассмотрением того, как общество поддерживает свое единство и достигает своих целей. Подобный анализ внушает мысль о фактической неизбежности данного общественного строя, а само общество в таком случае превращается в механизм, противостоящий людям...В описании Дюркгейма хорошо интегрированного общества нет и намека на что-либо неприятное. Однако у Талкота Парсонса это ясно чувствуется. Здесь мы впервые услышали об «отклонении», затем об «интернализированном» повиновении и подчинении, что в конечном счете оказывается оружием закона. Ибо «отклонение» означает «сопротивление», а «интернализация» — «промывание мозгов» и внушение соответствующих мыслей. Дильтей невольно открывает перед нами другие перспективы. В его собственном обществе покорность можно «интернализировать», сопротивление — объявить «патологией», а «отклонение» станет подходящим термином для устранения тревоги или даже чувства вины. Все может быть к лучшему в этом лучшем из миров. Но существуют другие цивилизации, другие общества, которые мы можем наблюдать более беспристрастно. Вебер, непосредственный преемник Дильтея, предлагает нам взглянуть на Индию и Китай: жесткие кастовые системы, где миллионы имеют статус рабов или даже вовсе лишены статуса и являются людьми вне касты. Укоренившийся авторитарный элитаризм мандаринов Древнего Китая. Так возникает необходимость в новом социологическом термине, а именно термине «господство», введенном Вебером. Этот термин завуалировано используется Талкотом Парсонсом при характеристике механизма управления и Дюркгеймом — его коллективного сознания. Он подходит также к обществу, изучаемому современной социологией, к нашему социальному миру, к данной

культуре, в которой мы живем и действуем, к нашему бытию. Это впервые стало непосредственно ощущаться до того, как Вебер заговорил о «духе капитализма»

Действительно, все теории, которые объединяют поле Эгосистемы и поле интеллекта, как это делают, например, Элиаде и Юнг, Дюркгейм и Леви-Стросс, обязательно приходят к оправданию всего зла, порока, всей патологии, что есть в психике индивида, и в социальной жизни общества. Это закономерно проистекает из того факта, что смешивая здоровую силу психики и патологию, они смешивают добро и зло, разум и мистику, порок и совестливость духа.

Теория Дюркгейма не стала исключением. Ведь смысл его социальной теории состоит в обожествлении всякой власти общества над индивидом, в том, чтобы доказать приоритет авторитарной совести Фромма над гуманистической совестью. Мы видели, что Стенли Миграм в своих работах на подчинение авторитету доказывал, что именно эта авторитарная совесть является источником зла, поскольку ведет к бездумному подчинению власти.

Люсьен Леви-Брюль возразил своему другу Э. Дюркгейму в книге «Первобытное сознание» жестко противопоставив мистическое сознание дикарей логическому сознанию цивилизованных людей, чем внес огромный вклад в становление подлинной науке о человеке. Клод Леви-Стросс возразит ему позже, продолжая традицию Дюркгейма, но эти возражения настолько безосновательны, как показал Л. Клейн в «Истории антропологических учений», что могут быть только предметом веры, но не научного анализа.

ГЛАВА 8. ТЕОРИЯ ПСИХИЧЕСКОЙ ЭНЕРГИИ У АРНОЛЬДА ТОЙНБИ

1) Энергетика Тойнби
2) Психология Тойнби
3) Философия истории Тойнби

1) Энергетика Тойнби

Философия истории А. Тойнби родилась из синтеза «творческого жизненного порыва» А. Бергсона, на которого он много ссылается в своей книге, и теории цикличного гомеостаза энергетики, о которой писали Майер, Гельм, Оствальд, Мах. Это теория циклах равновесия-неравновесия, провоцируемых силовым полем с разными интенсивностями. Для Тойнби такими разными интенсивностями стали мифологические образы «Инь и Янь», «бога и дьявола», а также сформулированные им закономерности силовых полей психики «вызов-ответ», «уход-возврат» и др.

Он говорит подобно В. Оствальду, что понятию материи предпочитает энергетику, и что не может строить анализ вне энергетических понятий, «силовых полей», «инерционной силы», излучений энергии, циклов равновесия и неравновесия и тп

А. Тойнби «Постижение цивилизации»: «Анализ „полей действия“ и „носителей действия“ предполагает не только то, что „вещество или материал Вселенной“ есть „деятельность, а не материя“, но также и то, что эта деятельность организована и строго направлена. Микрокосм вносит целенаправленное действие в макрокосм; а действие, будучи главной темой человеческой истории, представляет собой давление отдельных людей на общую основу соответствующих полей действия, основу, которую

мы и называем обществом. Поле действия — и к тому же пересечение некоторого множества полей — не может само быть источником действия. Источником социального действия не может быть общество, но им может быть отдельный индивид или группа индивидов, поля действий которых и составляют общество».

При этом он подчеркивает, что метафора Шпенлера, который сравнивает общества с биологическими организмами, не кажется ему уместной, и что в его понимании, душа общества — это творческая энергия индивидов, которая «творит историю».

А. Тойнби «Постижение истории»: «Общества не являются организмами, с какой бы стороны их ни рассматривали. В субъективных понятиях это умопостигаемые поля исследования; а в объективных понятиях они представляют собой основу пересечения полей активности отдельных индивидуумов, энергия которых и есть та жизненная сила, что творит историю общества».

Таким образом, он отмежевался и от материалистической платформы эмпириков и марксистов, и от биологической теории психической энергии Оствальда и Фрейда, и от социальной теории психической энергии Дюркгейма, поскольку подчеркивает, что индивид является источником психической энергии, а не общество. У Дюркгейма все было с точностью до наоборот: индивид черпал энергию в общем социальном резервуаре, который и делал его человеком.

Тойнби очень четко формулирует теорию цикличного гомеостаза, как механизма цикличного равновесия детерминированных энергий природы, о котором упоминали Оствальд и Мах.

А. Тойнби «Постижение истории»:

> «Вызов скорее оптимален тогда, когда, стимулировав противоположную сторону на успешный ответ, он включает инерционную силу, которая способствует движению: от победы — к борьбе, от покоя — к движению, от Инь — к Ян. Разовый, пусть и мощный, рывок от возмущения к восстановлению равновесия недостаточен, чтобы за генезисом последовал рост. А чтобы сделать движение непрерывным, задать ему определенный ритм, должен возникнуть порыв, который вдохнет в движение бесконечное стремление к смене одного состо-

> яния другим. ... Процесс роста не прекращается до тех пор, пока это повторяющееся движение утраты равновесия, восстановления его, перегрузки и нового нарушения сохраняет свою силу».

В его интерпретации психическая энергия получает форму творческого жизненного порыва Бергсона, так что подобно Бергсону, он переходит на мистический язык в описании этой энергии, поскольку отказывается признавать какую-либо детерминацию законами природы этой творческой энергии личности, которой он дает таинственное определение Жизни, столь же далекое от аналогии с биологической энергией. Поэтому, мы вынуждены признать, что теория Тойнби также имеет свою мистику, но его мистика отлична от мистики Элиаде, Юнга или Дюркгейма. Для него психическая энергия — это тайна духовного, изложенная мифологическим языком священных писаний. Он настаивает на кантианском противопоставлении веры духа и каузального мира природы. Поэтому люди-носители творческой энергии — это святые сверхчеловеки, несущие в себе искру божественного творческого гения. Эти факелы божественного огня, которых он сравнивает с Прометеем, становятся светочем, излучающим тепло и энергию на весь мир вокруг себя.

А. Тойнби «Постижение истории»:

> «Те, чьи души не подверглись благотворному влиянию творческого меньшинства, могут приобщиться к общему порыву через свою способность к подражанию. Таким образом, когда творческое меньшинство успешно выполняет свою роль в жизни растущей цивилизации, пламя, зажженное им, освещает все, находящееся в доме. Свет струится, освещая людей, но лучи его достигают безбрежных пространств. Излучение растущей цивилизации также распространяется вокруг, освещая множество примитивных обществ, оно блуждает, облучая все вокруг себя, пока не исчезнет, утратив силу».

Соответственно, Тойнби не согласен с определение прогресса как научно-технического прогресса. Его психическая энергия не имеет прямого отношения к интеллекту человека, возникая из мистического источника мифологического сознания. Вслед

за Оствальдом, который говорил, что закон сохранения силы имеет форму самосохранения для живых энергий, он формулирует понятие движения для «живой энергии» как «движение в сторону самоопределения».

А. Тойнби: «Постижение цивилизации»:

> «По мере роста все меньше и меньше возникает вызовов, идущих из внешней среды, и все больше и больше появляется вызовов, рожденных внутри действующей системы или личности. Рост означает, что растущая личность или цивилизация стремится создать свое собственное окружение, породить своего собственного возмутителя спокойствия и создать свое собственное поле действия. Иными словами, критерий роста — это прогрессивное движение в направлении самоопределения, а движение в сторону самоопределения — это прозаическая формула чуда самовыражения Жизни».

2) Психология Тойнби

Дюркгейм считал, что люди получают психическую энергию, регулярно собираясь вместе, и эмоционально возбуждаясь песнями и плясками до одержимости. Потом полученную таким образом социальную энергию они называют «магией» или «религией», что для Дюркгейма одно и то же. И потом уже эта религия общества, устанавливает для отдельных индивидов ценности, формируя из них индивидов. Дюркгейм был позитивистом, эмпириком, и он считал, что нашел хороший способ подвести материальную базу под мистику, а на деле выдумал собственную мистику.

Тойнби ни когда не ставил себе задачи дать материалистическое объяснение психической энергии индивида. Он прямо говорит о том, что источником психической энергии является дух отдельных индивидов, который есть дар божьей искры. И что объединение этого духа приводит к организации «общества святых». Однако, он вынужден констатировать, что никогда еще в истории не существовало такого общества, потому что этот великий творческий дух посещает только избранное меньшинство. Большинство же примитивно до такой степени, что

сравнимо с неживой, машинной, механической энергии. Живой дух творчества его не посещает, и они вынуждены греться в лучах живительной энергии божественных избранников, творческого меньшинства.

Так, Тойнби разделил индивидов на две категории людей. Это, с одной стороны, примитивные варвары, которым понятны только отношения насилия, власти и подчинения, а также механического подражания. С другой стороны, светоч духовной энергии, способный к актам творения, который выводит общество из прозябания в статике к динамическому движению и росту, светоч, в основе которого доброта и самопожертвование. Так, Тойнби пишет в «Постижении истории»:

> «Мы могли бы определить один путь как путь Насилия, а другой — как путь Добра, и это не было бы просто образным выражением, ибо пропасть между Насилием и Добротой — это существенная черта в сюжете духовной драмы жизни, ибо общественные процессы протекают зачастую скрыто от нас. ...Если обратиться к эллинистической и сирийской истории, то можно заметить, что власть Насилия была в конечном счете ослаблена удивительным воскрешением того самого духа Доброты, которая заставила отступить волну Насилия... История эллинистического внутреннего пролетариата выступает в двух линиях — насилия и доброты, — линиях несовместимых и пребывающих в постоянном противоборстве. Причем Доброта через трудный и болезненный Опыт постепенно берет верх. История выбирает доброту... Когда папство поддалось соблазну физического насилия, тогда и остальные папские добродетели быстро превратились в пороки; ибо замена духовного меча на материальный есть главная и роковая перемена, а все другие — лишь ее следствия».

Насилие соответствует механизированной природе человека (то есть неживому полю эгосистемы, сказали бы мы), а Доброта — светочу духовной энергии творческой активности. Он называет, механизацию души — «мимесисом» (подражанием), вслед за Бергсоном, а дух — мистической тайной жизненного творчества. Он подчеркивает, что примитивные души живут лишь в поле физического контроля насилия и подчинения, а избранные святые — в поле творческой свободы и доброты.

А. Тойнби «Постижение истории»:

> «Сама природа социальной жизни ставит творческие личности перед выбором совершить рывок. Этот рывок возможен, по определению Платона, через „напряженный интеллектуальный союз и интимное личное общение", способные перенести божественный огонь из одной души в другую, подобно „свету, засиявшему от искры огня". Кроме того, внутренняя духовная благодать, обретенная посредством общения со святым, явление столь же редкое и чудесное, как и само появление святого в мире. Мир, где творческая личность живет и трудится, — это общество обычных, простых людей. Задача творческой личности в том и заключается, чтобы эту массу заурядных людей превратить в своих последователей, активизировать человечество, направить его к цели, находящейся вне его самого, а сделать это можно только при помощи мимесиса, или подражания. Второй метод подразумевает ситуацию, когда, по словам Платона, глухие уши, не способные услышать неземную музыку кифары Орфея, легко улавливают приказ командира. Нетворческое большинство может слепо следовать за своим вождем, даже если этот путь ведет его к гибели. Но и сержант, отдавая команды, вырабатывает у взвода механические навыки, а значит, добивается механизации людей. Таким образом, риск катастрофы внутренне присущ мимесису как средству и источнику механизации человеческой природы… Во времена бедствий маска цивилизации срывается с примитивной физиономии человеческого большинства, тем не менее моральная ответственность за надломы цивилизаций лежит на совести их лидеров. Отвергнув музыку Орфея ради окрика капрала, лидеры начинают играть на той же способности к подражанию для укрепления своей власти. Власть — это сила, а силу трудно удержать в определенных рамках. И когда эти рамки рухнули, управление перестает быть искусством. Остановка колонны на полпути к цели чревата рецидивами непослушания со стороны простого большинства и страхом командиров. А страх толкает командиров на применение грубой силы для поддержания собственного авторитета, поскольку доверия они уже лишены. В результате — ад кромешный. Четкое некогда формирование впадает в анархию».

Он говорит в «Постижении истории» подобно Ницше, что человек есть мост между обезьяной и сверхчеловеком, и что назначение человека — это его развитие в сверхчеловека: «Эмпирик пойдет дальше и скажет, что цивилизация, как это видно из „реальной жизни", не является чем-то статичным, но есть ди-

намический процесс, движение или порыв — стремление создать нечто сверхчеловеческое из обычной человеческой природы. Он может размышлять о различиях особого характера между сырым материалом и окончательным творением демиурга, ибо через опыт выявляются различия между примитивной или обычной человеческой природой и природой Святых, являющихся провозвестниками Сверхчеловека».

Становление Личности, то есть духовно озаренного человека — вот назначение и смысл истории. В этом его позиция не отличается от позиции Ясперса. Однако, в отличии от Ясперса, Тойнби не говорит, что становление личности начинается с концом мифологической эпохи. Наоборот, для него именно мифологическое сознание является источником божественности. Поэтому и процесс становления личности, который является центральной задачей психотерапии всей гуманистической психологии, у Тойнби приобретает характер мистификации превращения человека в сверхчеловека.

А. Тойнби: «постижение истории»:

> «Теперь о том, что имеется в виду, когда мы говорим о чуде художественного творчества. Люди, создающие это чудо, обеспечивают рост общества, которому они принадлежат. Это больше, чем просто люди, ибо им дано делать то, что воспринимается другими как чудо. Они в определенном смысле сверхчеловеки, и здесь нет метафоры... Духовно озаренная Личность, очевидно, находится в таком же отношении к обычной человеческой природе, в каком цивилизация находится к примитивному человеческому обществу. В обоих случаях новый вид развивается из старого благодаря последовательному переходу из временного состояния равновесия в состояние динамической активности».

Ж. Бенда пишет о философии А. Бергсона в «Предательстве интеллектуалов» как о ярком примере такого предательства рационализма, которое привело к «самоуничтожению разума» в философии антиинтеллектуализма. А. Тойнби с его теорией мистического духа, который у него повторяет иррациональный творческий порыв Бергсона, также, несомненно, сделал свой вклад в это укрепление философии иррационализма. Тем не ме-

нее, мы не можем сказать, что его теория психической энергии совершенно лишена научной базы. Мы видим, что он тоже четко разделил два поля психики: неживую энергию эгозащиты, которую он, подобно Кьеркегору определяет, как сатаническую упертость против бога, и живую энергию духа, которую он связывает со свободой творчества и добротой. Он не говорит вслед за Бергсоном о том, что источник духа в интеллекте, и от того, его творческий порыв превращается в мистику, но он разграничивает духовную и механическую энергию психики, хоть и дает мифологическое объяснение.

А. Тойнби «Постижение истории»:

> «Именно эллин, а не иудей своими духовными трудами впервые возвысился до понимания той истины, что причина смены ролей не вмешательство некой внешней силы, а изломы души самого субъекта и что имя этому фатальному злу не зависть, а грех. Грешник будет уничтожен не вмешательством Бога, а своим собственным деянием. И грех его не в том, что он вступил в соперничество с Творцом, а в том, что он тщательно изолировал себя от него. Роль Бога в этой человеческой трагедии не активна, а пассивна. Погибель грешника не в божественной ревности, а в неспособности Бога продолжать использовать в качестве орудия творения существо, упорствующее в самоотчуждении от Творца своего (Еф. 4, 18). Грешная душа движется к горькой расплате, ибо, пребывая в грехе, она закрыта для божественной благодати. С этой точки зрения смена ролей происходит благодаря внутреннему воздействию на нравственный закон, а не является результатом какого-то внешнего нажима»

Бергсон вводит также термин «мимесиса», то есть подражания, который он противопоставляет духовному творчеству меньшинства «святых». Тойнби развивает это противопоставление в своей теории психической энергии в том русле, что мимесис есть механизированная душа примитивного человечества, способного лишь к отношениям власти и подчинения, тогда как «союз святых» мог бы стать идеальным обществом, вселенской церковью всеобщей гармонии и радости. Однако, постольку поскольку, он не может дать другого объяснения этим двум полям психики, Тойнби не видит как можно бы-

ло бы решить эту проблему и совершенно извлечь мимесис из общества.

А. Тойнби «Постижение истории»:

> «Полное и радикальное решение проблемы видится через изъятие мимесиса из общества, ставшего союзом святых. Подобное решение было бы прямым движением к цели, но оно, увы, не встречалось ни разу в известной нам истории человечества. ...Простейшее решение заключается в том, что все члены общества воспринимают порыв и одновременно включаются в процесс преобразований. В этом случае никакого напряжения или дисбаланса на общей основе соответственных индивидуальных полей действия не будет ощущаться, ибо каждый будет пытаться приспособить свое собственное поле к происшедшей мутации. Адаптация в данном случае будет вполне безболезненной и естественной. Однако столь простое решение представляется фантастикой, так как творческая мутация человеческой природы является актом индивидуальной души, действующей независимо, а поэтому единообразная и единовременная мутация в каждом отдельном человеке была бы настоящим чудом. Разумеется, реальных примеров такого чуда в человеческой истории не наблюдалось».

В итоге, нет надежды на то, что человечество когда-либо придет к устойчивому равновесию духовного единства. Он обрекает людей на вечное движение «через страдание», мотивацию дефицита, мотивацию боли, как сказали бы гуманистические психологи. Он формулирует закон цикличного гомеостаза с его неравновесием, которое психика человека ощущает как боль и страдание, и не видит конца и края этому чудовищно болезненному механизма движения. От силы удара, от силы вызова зависит ответ, успешность развития и роста, потому чем больнее человеку, и чем жестче условия для всего общества, тем удачнее будет двигаться вперед это общество. В свое время, Дарвин сформулировал аналогичную теорию эволюции человека: «борьба еще не была достаточно жестокой для становления человека».

А. Тойнби «Постижение истории»:

> «Главная причина, по которой Соль Земли не может ощущать себя в безопасности, заключается в том, что большинство, увы, по-прежне-

> му „пресно“. Они лишь дрожжи в общем котле человечества. В настоящее время огромные массы людей все еще остаются на том интеллектуальном и нравственном уровне, на котором они пребывали и его пятьдесят лет назад, когда новые гигантские социальные силы только начали появляться. Мера нравственного убожества и деградации современного человечества в полной мере видна на страницах „желтой прессы“. В извращенности западной прессы также ощущается властная сила современного западного индустриализма и демократии, стремящаяся удержать основную массу людей, и без того ущербную в культурном отношении, на как можно более низком уровне духовности. Та же сила вдохнула жизнь в порочные институты Войны, Трайбализма, Рабства и Собственности. Совершается преступление, и нельзя утверждать, что впереди нас не ждут еще большие несчастья. Использование изобретений меньшинства не приводило бы к столь катастрофическим последствиям, если бы в то время, когда меньшинство совершает гигантский нравственный и интеллектуальный шаг вперед, большинство не пребывало в косности. Стагнация масс является фундаментальной причиной кризиса, с которым столкнулась западная цивилизация в наши дни».

Тойнби не видит, как можно было бы поднять большинство до уровня «соли земли», до уровня сверхчеловеков творческого меньшинства. И не может увидеть, потому что, бергсоновский иррационализм исключает поле интеллекта как источник духовной энергии. Единственный способ достичь гармонии — это открыть законы психической энергии (а Бергсон и Тойнби не признают законов в духовной сфере вслед за Кантом). Тогда система образования гарантирует общий уровень развития и здоровья психической энергии, становление личности, то есть рост духовной энергии. И тогда, мотивация боли цикличного гомеостаза детерминированных энергий больше не мучила бы человечество. А. Маслоу и Э. Фромм противопоставляют мотивации боли (дефицита) — мотивацию удовольствия (избытка). Это устойчивое равновесие духовной энергии, которой доступно линейное движение роста и развития (знаний контроля законов природы).

3) Философия истории Тойнби

Считается, что А. Тойнби продолжил философию истории О. Шпенглера, который как известно доказывал, что постольку поскольку нет никакой общей природы у человека, то нет и единой цивилизации научного прогресса, а есть множество самобытных цивилизаций, каждая из которых хороша по своему. Действительно, Тойнби тоже стоит на позициях кантианства, и тоже подобно знаменитому кантианцу В. Дильтею, считает, что нет никаких общих законов человеческой природы. И также противопоставляет веру духа — закону причинности в природе: «Подобно тому, как ученый ощущает закон природы в движущейся материи, Душа через Божию Благодать ощущает вездесущность Господа».

Тойнби называет этот закон причинности — доктриной необходимости. Он формулирует свою теорию психической энергии на языке мифологии, откровенно отказываясь от попыток рационального изложения, как ущербного: «Прибегая вновь к языку мифа, можно сказать, что импульс или мотив, который заставляет совершенное состояние Инь перейти в стадию деятельности Ян, исходит от вмешательства Дьявола в божественную Вселенную. Событие это лучше всего может быть описано в мифологических образах, потому что при переводе на язык логики начинают проявляться противоречия».

Тем не менее, философия истории Тойнби, при внимательном ее рассмотрении, не есть циклическая теория рождающихся и увядающих цивилизаций-организмов Шпенглера. Совершенно напротив, он строит линейную философию истории, и прямо об этом пишет. Он не только ратует за экуменизм на страницах своих многочисленных томов, но также пишет, о том, что все религии должны в конечном итоге сойтись к единому пониманию бога. При этом, в отличие от деистов и рационалистов, которые видят такое единство только на поле интеллекта, он, подобно теософам или бехаизму, ищет единения догматического богословия различных религий, то есть предпочитает разуму в каче-

стве фундамента единства — мистику. А поскольку движение мировой истории задают именно вселенские церкви, к которым он относит «высшие религии» (христианство, индуизм, ислам, буддизм), то получается, что движение этих различных цивилизаций однажды должно сойтись в одной точке.

Тойнби пишет в этой связи, цикличная жизнь цивилизаций не есть настоящее движение истории. Что циклы цивилизаций ведут в конечном итоге к линейному движению становления и развития вселенской церкви, и что именно в этом линейном движении роста истинный смысл истории. Ему не нравится бессмысленность цикличного движения, и он подчеркивает свое неприятие его: «Мы не можем принять циклическую версию предопределения как высший закон человеческой истории; а она является последней формой доктрины необходимости, оспариваемой нами».

А. Тойнби «Постижение истории»:

> «Исходя из этого, можно сказать, что последовательные подъемы и спады первичных и вторичных цивилизаций являют собой примеры ритма, в котором последовательные обороты колеса продвигают вперед повозку, движущуюся на колесах. И если мы спросим, почему нисходящее движение в обороте колеса цивилизации будет средством продвижения вперед колесницы религии, то найдем ответ в той истине, что религия — это духовная деятельность и что духовный прогресс подчиняется „закону", сформулированному Эсхилом в двух словах — „мы учимся через страдание". Если мы применим это интуитивное проникновение в природу духовной жизни к духовной попытке, достигшей своей кульминации в расцвете христианства и ее сестринских высших религий — махаяны, ислама и индуизма, то мы разглядим в страданиях Таммуза и Аттиса, Адониса и Осириса предзнаменование Страстей Христовых. ...В этой перспективе можно было бы рассматривать христианство как высшую точку духовного прогресса, который не просто пережил последовательные светские катастрофы, но черпал из них накопленное вдохновение. На основе сказанного складывается впечатление, что история религии кажется единой и поступательной в противоположность множественности и повторяемости истории цивилизаций. Эта противоположность обнаруживается как во временном, так и в пространственном измерениях. Ведь христианство и три другие

> высшие религии, сохранившиеся до XX столетия христианской эры, имеют между собой более близкое родство, чем современные им цивилизации. Либо различные церкви и религии, подобно килкеннским котам, будут грызться друг с другом до смерти, пока не останется ни одной из них, либо объединившийся человеческий род обретет спасение в религиозном единстве».

В итоге, его философия истории сводится, как и следовало ожидать к линейной философии истории Августина Блаженного о «Граде Божьем». Он пишет, что только единение душ человеческих в боге и через бога друг с другом способно излечить их от греха дьявольской гордыни, упертости против бога в «идолоизации самого себя», и спасти тем самым от механизации мимесиса. Что для этого необходимо объединить усилия рационального ума человека и мистического подсознания, которое говорит мифологическим языком священных писаний. Что рациональное не противостоит богу, но может помочь волевому, сознательному усилию человека подчинить себя мифологии священных писаний. И тогда, конечно, град земной станет градом божьим, государства уступят место единой вселенской церкви, в которой объединятся все четыре высшие религии.

А. Тойнби «Постижение истории»:

> «В любом случае единства человечества нельзя достичь таким грубым средством. Оно может быть достигнуто только как побочный результат акта веры в единство Бога и прозрения этого единства в земном обществе как провинции Божьего Града. ...Церкви, воплощающие собой высшие религии, в разной мере приближаются на земле к одному и тому же *Civitas Dei* (Граду Божьему) ...Таким образом, хотя цивилизация и является предварительным умопостигаемым полем исторического исследования, Град Божий — единственное нравственно допустимое поле действия, и гражданство этого *Civitas Dei* (Града Божьего) на земле дают людям высшие религии. Это искупление Истории столь дорого для человека, что в современном секуляризованном западном мире криптохристианская философия истории сохраняется даже якобы преодолевшими христианство рационалистами... Наконец, только общество, поклоняющееся единому истинному Богу, может избежать в будущем того, что ранее в данном „Исследовании“ было описано как опасности мимесиса. В *Civitas Dei* (Граде Божьем) эта опасность изгоняется

> благодаря переносу мимесиса с недолговечных вождей земных цивилизаций на Бога, который является источником всякого человеческого творчества».

Противоречивость его рассуждений очевидна. Без разума, без поля интеллекта нет и не может быть духовной энергии творчества и свободы, нет и не может быть линейного движения устойчивого равновесия. Если Ясперс понимал рождение духовной энергии личности как конец мифологической эпохи, и начало борьбы «логоса против мифа», то Тойнби, напротив, видит кульминацию духовной энергии человека в возврате к мифам священных писаний, и предлагает соединить мистическое сознание «высших религий» с рациональным сознанием науки, в том числе общественной.

Он верит, подобно Блаватской или Бехаулу в возможность объединения догматических систем различных религий (христианства, ислама, индуизма, буддизма), а между тем история человечества — это непрерывная серия самых кровопролитных религиозных войн против «неверных» и «еретиков». И сам вынужден признать, что история церквей — это история войн против еретиков, «идолоизация» догматических систем в претензии на то, чтобы быть «единственной хранительницей истины.

А. Тойнби «Постижение истории»:

> «Наихудшим соблазном, поджидающим граждан *Civitas Dei* (Града Божьего) в сем мире, является не погружение в политику и не скатывание в сферу бизнеса, но идолизация того земного института, в котором несовершенно, хотя и неизбежно, воплощена воинствующая на земле Церковь. Если *хуже всего — портить лучшее,* то в таком случае идолизированная церковь — это единственный идол, более вредный, чем идолизированный человеческий муравейник, которому люди поклоняются как Левиафану. Церковь находится в опасности впасть в идолопоклонство, пока считает себя не просто хранительницей истины, но единственной хранительницей всей истины в полной и окончательной ее непотаенности».

Такова специфика мистического мышления, и его невозможно изменить никакими предупреждениями «против идолоизации». Двигаясь в направлении, обратном направлению оси

мировой истории, то есть окончательного разделения разума и мистики, указывая истоки духа в мистике, а не в разуме, выступая против рационализма, Тойнби не смог предложить решения проблемы противостояния двух силовых полей психики. Но зато заметил это противостояние и со всей проницательностью ученого зафиксировал его на языке энергетики.

ГЛАВА 9. ТЕОРИЯ ПСИХИЧЕСКОЙ ЭНЕРГИИ У БЕРТРАНА РАССЕЛА

1) Метафизика интеллекта Рассела

Бертран Рассел не считал себя метафизиком, как известно. Напротив, он всячески подчеркивал свою позицию эмпирика, а его философия логического анализа рассматривается как одно из направлений позитивизма. Вот что он сам пишет о своей философии, которой заканчивает обзор «Истории западной философии»: «Что касается меня, то я осуждаю такую предубежденность как по моральным, так и по интеллектуальным соображениям. С точки зрения морали, философ, использующий свои профессиональные способности для чего-либо, кроме беспристрастных поисков истины, совершает предательство; и если он принимает еще до исследования, что некоторые убеждения — не важно, истинные они или ложные, — способствуют хорошему поведению, он так ограничивает сферу философских рассуждений, что философия делается тривиальной; истинный философ готов исследовать *все* предположения. Когда, сознательно или несознательно, на поиски истины накладываются какие-либо ограничения, фактически философ уже наложил такую цензуру на свои собственные исследования».

Разве это философия позитивиста? Вспомним, какие ограничения накладывал на свою философию Огюст Конт, когда говорил, что поиски истины должны ограничиваться кругом полез-

ной информации, практическими целями. Нет, Рассел здесь утверждает в самой вызывающей форме примат Разума над Материей, ибо он заявляет, что какими бы не были последствия поисков истины, он, подобно Экхарту Майстеру, который шел за Христом в ад, готов спуститься в самое пекло ада за этой истиной. Это позиция всех известных метафизиков интеллекта: Платона, который стремился к истине со страстью влюбленного», Спинозы, вся философия которого есть «интеллектуальная любовь к богу», Декарт с его известным афоризмом. Даже Ганди пишет в предисловии к своей биографии, что вся его вера и вся его жизнь была одной страстью найти истину. Действительно, сам Рассел предпочитал философию Лейбница и Спинозы, а его теория государства — это теория философов-правителей Платона. В предисловии к своей автобиографии он пишет, что три страсти были ведущими в его жизни: потребность в любви, потребность в знании, и жалость к страданиям человеческого рода. И что, став математиком, он стремился реализовать мечту детства о том, чтобы найти ту власть числа над миром, которую знал Пифагор. Его дочь, Катерина Тейт, пишет в книге «Мой отец Бертран Рассел», что отец ее был поэтом с темпераментом средневекового мистика. Интересно, что «атеистическое» воспитание Рассела сделало из нее католичку, которая уехала на годы жить в христианской миссии в Африке. Сам Рассел являл собой живой пример известного тезиса Декарта о том, что жить значит думать, а думать значит жить. В книге «образование и здоровое общество» (Education and social order) он пишет, что хоть монастыри были потребностью своего времени, в основе мотивации монахов лежала «the mere thirst for knowledge», просто потребность в знании.

> «Прежде всего, индивид подобно монадам Лейбница должен отражать мир. Почему? Я не могу привести других причин кроме тех, что знание и способность объять сознанием вселенную представляются мне достойными восхищения, в связи с чем я предпочитаю Ньютона устрице. Человек, который всегда сконцентрирован и чье сознание искрится как в камер-обскура, отражая глубины космоса, эволюцию солнца и планет, геологический возраст земли, и краткую историю

> человечества, представляется мне выполняющим исключительно человеческую миссию, максимально разнообразя потенции природы. Я бы не стал меньше придерживаться этого мнения, даже если бы было доказано, как многие современные физики предполагают, что глубины космоса это всего лишь коэффициенты математических уравнений. Потому как в этом случае человек кажется мне только еще более замечательным как изобретатель звездного неба и веков космической античности: то, что он теряет в знании, он приобретает в воображении»

B. Russell «Education and social order»

Дарвин любил использовать имя великого физика Ньютона для демонстрации незначительности человеческого интеллекта в сравнении с животными, где он подчеркивал, что разница между Ньютоном и дикарем больше, чем между дикарем и высшими животными. Рассел, который как все разумные люди признавал теорию эволюции Дарвина, был настроен резко критически к социальному дарвинизму: «Я хотел бы подчеркнуть так сильно как только возможно, что абсолютно не согласен с теми, кто заключает из наличия у людей инстинктов борьбы, что человеческая природа требует войны или других деструктивных форм конфликта. Я твердо уверен в прямо противоположном. Я придерживаюсь того взгляда, что агрессивные инстинкты имеют место быть, но в своих вредоносных формах могут быть значительно уменьшены» — писал он в «Authority and individual» («Организация и личность»)

Он критиковал в том числе и самого Дарвина, автора книги «Происхождение человека», за попытки распространять это биологическое учение на человеческое общество. Так, он пишет в «Истории западной философии»:

> «Из теории эволюции вытекает еще одно следствие, которое независимо от частного механизма эволюции, предложенного Дарвином. Если человек и животные имеют общего предка и если развитие человека проходило такие стадии, в пределах которых изменения носили настолько длительный и малозаметный характер, что были существа, о которых мы не знаем, причислить ли их к людям или к животным, то возникает вопрос: на какой стадии эволюции люди или их получеловеческие предки начинают быть равными между собой?

> Проделал ли бы питекантроп прямоходящий, если бы он был надлежащим образом воспитан, такую же работу, как Ньютон? Написал ли бы пильдаунский человек стихи Шекспира, если бы он был осужден за браконьерство? Решительный сторонник равенства, который отвечает на эти вопросы положительно, будет вынужден рассматривать человекообразных обезьян равными человеческим существам. А почему мы останавливаемся на человекообразных обезьянах? Я не вижу, что он может выдвинуть против аргумента в пользу голосования для устриц. Сторонник эволюции может настаивать на том, что не только учение о равенстве всех людей, но также права человека должны быть признаны не биологическими, поскольку они делают слишком выразительными различие между человеком и другими животными»

Бертран Рассел История западной философии

Рассел считает, подобно всем метафизикам интеллекта, подобно Платону, Спинозе, Декарту или Эйнштейну, что разум человека есть часть космического интеллекта, просто потому, что он способен видеть и понимать этот интеллект. «Самое непостижимое в этом мире его постижимость», — говорил Эйнштейн.

> «Спиноза много лет назад писал о человеческом рабстве и о человеческой свободе; форма изложения и его язык сделали его труды трудно доступными для всех за исключением студентов философии, но смысл того, что я хочу передать мало отличается от того, что сказал Спиноза. Человек, который однажды почувствовал, пусть не навсегда и не надолго, в чем настоящая сила души, больше никогда не сможет быть счастлив, если он позволит себе быть мелочным, эгоистичным, переживающим о тривиальных неудачах, бояться своих ожиданий будущего. Человек достигший силы своей души широко откроет окна своего сознания, давая волю ветрам вселенной продувать его во всех направлениях. Он будет смотреть в глаза правде о себе и о мире так твердо, как только человеческая натура может позволить; понимая краткость и преходящий характер жизни человека, он также будет понимать что разум индивида вмещает в себя весь космос. И он будет видеть, что человек, чей разум способен отражать весь космос, так же велик как этот космос»

B. Russell Conquest of happiness

Эйнштейн, Тойнби, Швейцер, известные метафизики своего времени, все нежно привязаны к Расселу. С Эйнштейном и Швейцером они совместно боролись против ядерной угрозы. Тойнби пишет в поздравительном письме Расселу, которое последний приводит в своей автобиографии, что день его рождения — это историческая дата для сотен миллионов его современников, которые даже не знают об этом. Он говорит, что цель человека преодолеть свое эго, и выйти к реальному миру, чтобы служить ему, и что Рассел добился этой цели в высшей степени, посвятив себя спасению цивилизации и спасению человечества. Что Тойнби испытывает к нему глубокую привязанность и восхищение за самоотверженность с которой Рассел отказался от своей блестящей интеллектуальной карьеры, чтобы посвятить себя служению людям. Тойнби признает его воплощением «сверхчеловека Платона», той «солью земли», которая выполняет роль творческого воспламенителя человечества в его собственной теории психической энергии. Сохранилась также переписка Рассела со Швейцером, и хоть мне довелось ее прочитать, не приходится сомневаться в том, что она выдержана в тех же тонах, что его переписка с Тойнби и Эйнштейном.

Рассел не принимает религиозную позицию Тойнби, он отказывается смотреть на мир сквозь очки мифологических образов бога и дьявола, от отказывается признавать себя христианином. Война злу, которую он объявляет, есть крестовый поход разума против призраков невежества и мистики, в которых он, подобно Платону и Спинозе, видит основной источник зла. Он тоже воюют с порочной человеческой природой, тоже видит порок в эгоцентризме и невежестве, тоже спешит спасать человечество от первородного греха незнания, но он говорит в терминах современного ему научного знания. Религия оказывается во враждебном лагере, как способ задержать развитие народных масс, навязать им пропаганду и подчинить их своей власти. Подобно французским материалистам 18 века, Дидро и Кондорсе, он видит в религии основной источник зла.

Таким образом, он противопоставляет мистике Тойнби — науку, но также как Тойнби не имеет большого успеха. Ибо его наука — это эмпиризм, который не признает законов природы. Он скептик, чья философия логического анализа за логику, но против законов природы. Рационализм, который отрицает законы природы, в конечном итоге оказывается либо кантовско-гегелевской мистикой, либо, как в случае с Расселом, который в юности разочаровался в Гегеле, бессильным скептицизмом. И он сам признавал свое бессилие решить задачи, которые считал смыслом своей жизни.

> «Однако остается широкое поле, по традиции включаемое в философию, где научные методы неприменимы. Эта область содержит конечные проблемы ценности; например, с помощью одной лишь науки нельзя доказать, что наслаждаться, причиняя другим страдание, плохо. Все, что может быть познано, может быть познано с помощью науки, но вещи, которые законно являются делом чувства, лежат вне ее сферы»

История западной философии Бертран Рассел

В итоге, посвятив жизнь изучению социальных проблем и борьбе с ними, написав множество книг о морфологии общества, и о необходимости его реформ, не уставая повторять, что зло, которое губит человечество, должно быть искоренено, он в конечном итоге признает, что психика отдельного человека и общества как суммы индивидов не является задачей, которую может разрешить научное исследование.

2) Энергетика Рассела

> «В этой книге я ставлю своей целью доказать, что фундаментальной концепцией социальных наук является Власть, в том же смысле, в каком Энергия является фундаментальной концепцией физики»

B. Russell «Power»

Во многом Рассел также как Оствальд или Тойнби отказывается от понятия материи в пользу понятия энергии. В «Истории

западной философии» он пишет: «Энергия должна была заменить материю в качестве некоего вечного начала. Но энергия, в отличие от материи, не является рафинированным выражением общераспространенного понятия „вещи“, это просто характерная особенность физических процессов. Энергию можно при достаточной фантазии отождествить с гераклитовым огнем, но это — горение, а не то, что горит. „Что горит“ исчезло из современной физики»

Там же он пишет, что теория относительности Эйнштейна преобразовала мир вещей в мир событий, и что материя — это то, что удовлетворяет уравнениям физики. В книге «Power» (Власть), он формулируют свою задачу следующим образом: «В этой книге я ставлю своей целью доказать, что фундаментальной концепцией социальных наук является Власть, в том же смысле, в каком Энергия является фундаментальной концепцией физики. Подобно энергии, власть имеет много форм, таких как богатство, вооруженные силы, гражданская власть, влияние на мнение. Законы социальной динамики это законы, которые возможно сформулировать только в терминах власти в целом, но не в терминах отдельных форм власти». Автор предисловия к английскому изданию замечает, что эта амбиция Рассела очень нескромна, так как он ставит себе цель стать Ньютоном социальных наук. Действительно, он там пишет, что он бросает вызов всем известным социальным теориям, которые не снисходили до того, чтобы основывать свои теории на психологии. Он же, собирается доказать в своем труде, что все закономерности общества есть закономерности психологические. Прежде всего, он противопоставляет свою теорию экономическому человеку Маркса, которого неоднократно упрекал в своих работах за пренебрежение к психологии, о которой Маркс отзывался с отвращением, как о разновидности субъективизма. Карл Поппер, заявляет в книге «Открытое общество» прямо противоположную Расселу позицию, объявляя войну «психологизму» и нахваливая Маркса за «экономизм».

«Ортодоксальные экономисты, также как и Маркс, который в данном вопросе с ними соглашается, ошибались, когда стара-

лись представить экономическую выгоду как основной движущий мотив в социальных науках. Только если мы поймем что любовь к силе („love of power") есть истинная причина активности, истинная мотивация важных социальных процессов, мы сможем правильно истолковать историю» Bertrand Russell Power

Хоть философская позиция Рассела не соответствовала такой позиции социального ученого, он упрямо продолжал стремиться найти и описать законы психики и общества в своих многочисленных книгах. Он, подобно Канту, не считал сферу сознания, объектом научного исследования, и тем не менее, тот труд, который он продел в своих гуманитарных исследованиях — это попытки открыть и описать закономерности психической энергии. Он сам проводит аналогию в книге Власть между любовью к власти как движущей энергией общества, и энергиями в физике, как движущейся материей. И там же пишет, что психология объясняет все движения этой социальной энергии.

Результаты его исследований известны. Он приходит к заключению, что есть два вида власти. Один — тиранический и порочный, основанный на насилии и ненависти. Другой — демократический и прекрасный во всех отношениях, так как основан на ментальном воздействии, знании, на искусстве и науке. К первым он относил всех тиранов и негодяев, порабощавших человечество насилием и хитростью, самыми яркими примерами вторых являлись в его понимании Будда, Пифагор, Христос и Галилей.

Свой закон сохранения силы психики, который он называет Любовью к власти (Love for power), он формулирует как превращения психической энергии, которая, в зависимости от образования, полученного или неполученного человеком, и опыта его жизни, может превратиться в порочную энергию насилия, а может стать источником художественного, научного, нравственного чуда.

> «Все еще случаются войны, гнет и тирания, чудовищная жестокость, и жадные люди все еще отбирают имущество у тех, кто менее бес-

> сердечен, чем они сами. Любовь к власти все еще создает широкое поле тирании, или же просто препятствует развитию там, где открытая тирания становится невозможной. И страх — глубокий, едва осознаваемый страх, — все еще доминирующий мотив в очень многих жизнях. Любовь к силе может быть удовлетворена многими другими путями, которые не несут в себе вреда другим людям: путем власти над природой, происходящей из открытий и изобретений, путем выпуска книг и работ искусства, которые становятся предметами всеобщего восхищения, и путем успешного убеждения. Энергия и желание быть эффективным благотворны, если они находят правильные отдушины, и вредоносными в других случаях — как пар, который может либо двигать поезд, либо взорвать котел»

B. Russell «Authority and individual».

> «Как бы там ни было, громадный успех этих современных динозавров, которые, как и их доисторические прототипы, предпочитают силу интеллекту, сделал их образцами для подражания по всему миру: они стали моделью белого человека повсюду, и скорее всего, тенденция эта будет набирать силу еще в течении следующего столетия. Те, однако, кто сегодня не в моде, могут успокаивать себя мыслью, что в конечном итоге динозавры вымрут; они поубивают друг друга и наблюдающие за их битвой со стороны интеллектуалы унаследуют их королевство. Наши современные динозавры сживают друг друга с лица земли»

B. Russell «Conquest of happiness»

Подобно тому как Тойнби противопоставляет два поля психики, как поле Насилия и поле Доброты, так и Рассел противопоставляет Насилие Интеллекту, как два антагонистичных поля психики. Но если Тойнби видит фундаментом здоровой энергии доброту, то Рассел видит его в Интеллекте, тогда как доброта только одно из следствий интеллекта. И в конечном итоге, Рассел вслед за Тойнби утверждает, что «История выбирает Доброту»:

> *«Мировые войны, и диктаторство, которое они принесли, повлекли недооценку всех видов власти, кроме военной и государственной. Это ограниченный и неисторический взгляд. Если бы мне предложили назвать четырех человек, у которых было больше власти, чем у кого бы то ни было, я бы назвал Будду и Христа, Пифагора и Галилея. Ни один из них не имел поддержки государства, пока их учения не полу-*

> *чили широкого распространения. Никто из них не имел особого успеха во время жизни. Ни один из них не смог бы оказать такого колоссального влияния на развитие человечества, если бы власть была их основной целью. Никто из них не гнался за властью, которая порабощает других, но каждый находился в поисках энергии, которая освобождает — первые два показали людям как побороть страсти, которые ведут к вражде и таким образом предотвратить рабство и подчинение одних другим; а двое других показали научный контроль, позволяющий овладеть силами природы. В конечном итоге, не насилие управляет обществом, а мудрость тех, кто взывает к общечеловеческому стремлению к внутреннему и внешнему миру, к счастью, к пониманию мира, в котором всем нам предстоит жить»*
>
> *B Russell Power*

3) Психология Рассела

Психология Рассела, как вы уже успели заметить, мало чем отличается от психологии энергетиков-метафизиков, которых мы уже рассмотрели. Они все делят психику на два силовых поля, противостоящих друг другу. И все, каждый в своей терминологии, противопоставляют механическую, тупую компульсию поля Эгосистемы — живой, разумной энергии поля Интеллекта.

Так делали Платон и Спиноза, так делал Кьеркегор и гуманистические психологи Маслоу, Фромм, Хорни, Роджерс, так делал Тойнби с поправкой на поле Доброты вместо поля Интеллекта. Так делал даже Фихте, философию которого Рассел не без оснований называл «безумной» (но не психологию, которая у него во многом схожа с расселовской). И даже дарвинист и позитивист Герберт Спенсер, который в «Социальной статике» противопоставил Эгоизм Обожания Власти (силы) первобытных людей и чувство симпатии и долга разумных людей. Не всегда философская платформа соответствует научным результатам исследователя, как мы уже не раз могли наблюдать, в том числе и в случае с самим Расселом.

Так, Рассел забывает о своих высокомерных формулировках о никчемности разума в доказательстве нравственных истин, как эта в «Истории западной философии», например: «В интеллекту-

альном отношении влияние ошибочных моральных соображений на философию состояло в том, что они в огромной степени задерживали прогресс. Лично я не считаю, что философия может доказать или опровергнуть истинность религиозных догм». И когда он забывает о них, он пишет как тот средневековый святой, с которым его сравнивала его дочь:

> *«В нашем мире много зла, которое мы могли бы излечить, если бы захотели. Те, кто способен видеть это зло и бороться с ним, скорее всего лишаться каждодневного покоя в отличие от тех, кто молча принимает сложившиеся положение вещей. Но вместо этой праздной расслабленности, они обретут нечто, что лично я ценю значительно больше, и для себя и для своих детей. Они будут согреты сознанием, что делают все, что в их силах, чтобы сократить количество боли в мире. Они будут обладателями более справедливой системы ценностей, нежели поддакивающие конформисты. Они будут знать, что находятся в стане тех, кто предохраняет человечество от бездны отчаяния и стагнации. Это гораздо лучше, нежели праздное принятие статус-кво»*

B Russell «Education and social order»

Так или иначе, он вовсе не преувеличивает в этой цитате той самоотверженности, с которой он посвящает себя борьбе со злом. Он противопоставляет два поля сознания: невежество эгоцентризма и гуманизм поля интеллекта. Этому посвящены все его работы. Что его отличает от всех психологов его времени, в том числе от гуманистических психологов, так это тот акцент, который он делает на рационализме, на интеллекте, на системе образования как фундаменте всякого психического здоровья, общества и индивида. В этом смысле его психология, как ни странно ближе всего психологии Фихте (как Фихте ее дает в «Речах к немецкой нации»). И тот и другой говорят о том, что только система образования способна воспитывать поколения здравомыслящих людей, которые будут защищены от той порочной природы, которая произрастает из невежества. И Рассел и Фихте видят в невежестве источник эгоцентризма, так что философия «Я и не-Я» Фихте, здесь превращается не в противопоставлении себя миру, а в разделении психики на Истинное Я и ложное Я, как

это делают гуманистические психологи. Фихте, так же как впоследствии Рассел, будет ставить во главе угла развитие интеллекта у детей, истинно научного мировоззрения, так что он назовет свой метод «наукоучением», хотя конечно, они по разному понимали научное мышление.

> «Это значит, что мы должны приложить усилия, как в образовании, так и в приспособлении к окружающему миру, нацеленные на отход от эгоцентризма, и на приобретение отношений и интересов, которые сберегут нас от прозябания на мыслях о самих себе. Людям, как правило, не свойственно быть счастливыми в тюрьме, а чувства, которые заточают нас в нас самих — одна из худших тюрем, которые только можно вообразить. К таким чувствам относятся страх, зависть, вина, жалость к себе, и самолюбование. Каждое из них есть следствие зацикленности на самом себе: нет искреннего интереса к окружению, а только страх пострадать от него или же получить недостаточно пищи для самолюбования»

B. Russell Conquest of happiness

Рассел объявляет войну всему, что может мешать полноценному образованию и становлению личностей. Он говорит о вреде догматического богословия, которое словно хомут, останавливает мышление; он борется с государственной пропагандой, искажающей историю, и воспитывающей ненависть в виде патриотизма и национализма; он ругает конформизм, который втискивает в подсознание глупые нормы морали. Он не согласен с психоанализом в том, что подсознание управляет сознанием, но приветствует открытие подсознания. Все наоборот, говорит Рассел, сознание управляет бессознательным.

> «Психологи потратили много сил и времени, чтобы выяснить влияние бессознательного на сознание, и почти совсем не уделили внимания обратному процессу влияния сознания на бессознательное и на подсознание. Вполне реально преодолеть усвоенные в детстве ложные истины подсознания, и даже изменить содержание бессознательного, если применять правильную технику. Как только вы начинаете сожалеть по поводу поступков, которые ваш разум не признает дурными, исследуйте причины вашего раскаяния, и убедите себя детально в их абсурдности. Позвольте вашим сознательным принципам быть такими живыми и выразительными, чтобы они впечатлили ваше бессозна-

тельное достаточно сильно, чтобы оказать сопротивление ложным впечатлениям. Не удовлетворяйтесь чередованием состояний рациональности и иррациональности. Смотрите в лицо иррациональности прямо, с решимостью сломать свое уважение к ней, и не позволить ей доминировать над вами. Когда бы оно не швырнуло в ваше сознание глупые мысли и чувства, вырвите их с корнями, исследуйте их, и откажитесь от них. Спросите себя со всей серьезностью, действительно ли подобная мораль делает мир добрее. Вообразите, сколько неподдельного суеверия несет в себе личина конвенциального человека, и подумайте, что в то время как всевозможные воображаемые моральные прегрешения строго стерегутся невероятно глупыми запретами, реальные моральные провинности, которым подвержены взрослые, практически не были затронуты в вашем этическом воспитании. Каковы действительно вредные поступки, искушению которых подвержен средний человек? Уловки в бизнесе не наказываются законом, грубость в отношении служащих, жестокость в отношении жены и детей, зловредность в отношении конкурентов, свирепость в политических конфликтах — это реальные прегрешения, которые в порядке вещей у уважаемых и уважительных граждан. Этими грехами человек распространяет несчастье в своем окружение и вносит свою лепту в разрушение цивилизации. Почему его подсознание настолько расходится с разумом? Потому что этические убеждения тех, кто его воспитывал, были откровенной глупостью; потому что он извлек их не из исследования проблем социальной ответственности; потому что это всего лишь старинные лишенные здравого смысла табу; и потому что в этих табу сохранился болезненный дух распадающейся Римской империи. Наша формальная мораль была сформирована священниками и порабощенными женщинами. Настало время, когда люди, которые хотят вступить в нормальную жизнь, должны уметь восстать против этой болезненной ерунды. Имеется множество людей, которые отрицают пользу мышления, и где такое мнение превалирует, мои предложения покажутся неуместными и несущественными. Им кажется, что мышление, если дать ему волю, убьет все глубинные эмоции в человеке. Найти пути минимизации ненависти и зависти вне всяких сомнений прямая задача рациональной психологии. Но глупо полагать, что сводя на нет эти вредные чувства, мы также снижаем силу тех эмоций, которые разум приветствует. В пылкой любви, в родительской нежности, в дружбе, в благожелательности, в посвящении себя науке или искусству нет ничего, что пришло бы в противоречие с логикой. Здравомыслящий человек, когда он чувствует какую-либо или все эти эмоции, будет рад этим чувствам и не будет способствовать снижению их силы, поскольку все эти чувства есть составляющие хорошей жизни, жизни,

> которая ведет к счастью как их самих, так и окружающих их людей. В этих чувствах нет ничего, что бы противоречило разуму, а большинство иррациональных людей живут всю жизнь только эмоциями самого низкого пошиба. Никто не должен бояться, что ведомая разумом жизнь станет тусклой и вялой. Совсем напротив, поскольку разум ведет к внутренней гармонии, люди которые добились его доминирования значительно свободнее в восприятие мира и в доступе к ресурсам своей энергии для достижения внешних целей, чем люди, которые постоянно спотыкаются на собственных внутренних конфликтах. Нет ничего столь безнадежно тупого чем быть заточенным в собственном эго, и нет ничего более оживляющего, нежели внимание и энергия направленные вовне, на окружающий мир»

B Russell Conquest of happiness

Ряд его книг, посвященных борьбе с социальным злом, доказывает, что институты образования являются центральными и базисными институтами здорового общества. Он пишет не только о свободе системы образования от пропаганды государства и от догматического богословия религий, но также излагает внутреннюю методологию образования, которая защитила бы психику детей от конкуренции и некритического усвоения материала. Все его мысли направлены как у Платона к тому, чтобы суметь построить такую организацию, которая гарантирует воспитание рационально мыслящих людей, честных и самоотверженных членов общества, отвага и искренность которых не знают границ. Такие люди — часть общечеловеческого сообщества, которым в голову не придет противостоять друг другу на основе пошлого национализма.

Главными врагами воспитания здоровых рациональных личностей он считает «иррациональные сантименты», которые те или иные элементы общества специально поддерживают и культивируют в силу своей патологической природы. Именно способность общества выявлять и искоренять эти иррациональные сантименты и будет свидетельствовать о здоровье и жизнеспособности этого общества.

> «Мы можем наблюдать на большей части поверхности земли нечто похожее на возврат к системе обожествления власти, принятой

> в древнем Египте, контролируемый новой кастой священников. Хотя эта тенденция не так сильна на Западе как на Востоке, она тем не менее, зашла так далеко, что легко привела бы в изумление 18 и 19 века как в Англии, так и в Америке. Инициатива личности подрублена как государством, так и гигантскими корпорациями, что породило большой риск появления, как в древнем Риме, разновидности апатии и фатализма, губительных для полноценной жизни»

Bertrand Russell Authority and social order

> «Не только опыт и страх угрозы войны угнетают человечество, хотя возможно это самое большое зло нашего времени. „Нечеловеческие силы“ угнетают нас и мешают нам жить „Ложные Боги“ превратили людей в рабов обстоятельств, хотя они уже и не рабы по закону. Сильные люди живут в погоне за властью вместо довольства простым человеческим счастьем и дружбой; а слабые только угождают им или будучи обманутыми, живут ложными представлениям о причинах несчастья»

Bertrand Russell Authority and individual

> *«Религия и слава бизнесмена требуют производства больших денег, поэтому, подобно индийской вдове, бизнесмен с радостью истязает себя во имя великой цели. Если американский бизнесмен хочет стать счастливее, он должен сначала изменить свою религию. Пока он не просто хочет успеха, но глубоко убежден, что успех есть долг настоящего мужчины, и что те, кто не добивается успеха — презренные существа, он будет слишком напряжен и однонаправлен, чтобы быть счастливым».*

Bertrand Russell Conquest of happiness

> «И так наш современный мир, в котором добро пассивно и только зло активно, катится, пьяно спотыкаясь к разрушению. На мгновения люди видят пропасть, но вскоре интоксикация иррациональными сантиментами вновь закрывает им глаза. Всем, кто не отравлен этими низменными эмоциями, опасность очевидна. И национализм — это основной двигатель, толкающий нашу цивилизацию к гибели»

B. Russell «Education and social order»

В конечном итоге, он вынужден констатировать, что «наш мир — сумасшедший мир» именно потому, что он не поддается рациональному преображению, и упорно следует дорогами

невежества, всеобщей ненависти и противостояния, культивирования эгоцентризма в национализме и власти насилия вместо того, чтобы направить все силы на изживание этого зла.

> *«Наш мир — сумасшедший мир. Уже с 1914 года он перестал быть конструктивным, потому что люди перестали слушаться своего интеллекта в создании международного сотрудничества, но настаивали в разделении человечества на враждебные группы. Этим коллективным провалом в использовании человеческого интеллекта, функцией которого является самосохранение, мы обязаны в основном нездоровым и деструктивным импульсам, которые спрятаны в бессознательном тех людей, кто получил нездоровое воспитание в детстве и юношестве. Несмотря на постоянно растущие возможности техники и производства мы напротив все больше беднеем. Несмотря на то, что мы знаем об ужасах, которые принесет следующая война, мы продолжаем культивировать в молодежи те сантименты, которые сделают эту войну неизбежной. Несмотря на науку, мы препятствуем развитию рационального мышления. Несмотря на растущую власть человека над природой, большинство людей чувствуют себя более безнадежными и немощными нежели люди средних веков. Источник всего этого безобразия находится не во внешнем мире, и даже не в нашем сознании, поскольку мы знаем больше, чем люди когда-либо знали. Он находится в наших страстях; в наших эмоциональных привычках; в сантиментах, которые нам внушили в детстве, и в фобиях, проникших в нас в младенчестве. Лечение наших проблем в том, чтобы вернуть людям психическое здоровье, а для этого им необходимо давать здоровое образование. На сегодняшний день все факторы которые мы рассмотрели ведут к социальной катастрофе. Религия вдохновляет тупость и недостаточное чувство реальности; сексуальное воспитание часто способствует нервным расстройствам и там где ему не удается сделать это на сознательном уровне, оно вкладывает ростки болезни в бессознательное, что делает счастливую жизнь взрослых невозможной; национализм, в том виде в котором его преподают в школах учит тому, что основной долг молодых людей есть человекоубийство; классовое сознание способствует соглашательству с экономической несправедливостью; а конкуренция развивает жестокость в социальной борьбе за выживание. Можно ли удивляться что мир, в котором силы государства направлены на то, чтобы воспитывать в молодежи невменяемость, тупость, готовность к человекоубийству, экономическую несправедливость и жестокость — можно ли удивляться, я спрашиваю, что такой мир*

> *не есть счастливый мир? Следует ли осуждать человека как аморального и подрывного только потому, что он желает заменить эти элементы в моральном воспитании сегодняшнего мира на интеллектуальность, вменяемость, доброту и чувство справедливости? Мир стал настолько нетерпим и напряжен, настолько пропитан ненавистью, настолько переполнен несчастьем и болью что люди потеряли способность к уравновешенным суждениям необходимым, чтобы вылезти из болота, в котором завязло человечество. В наше время так много боли, что многими из самых лучших людей овладело отчаяние. Но рационального основания для отчаяния нет: средства для человеческого счастья имеются в наличие, и единственное что требуется — это сделать выбор для их использования»*

Education and social order

4) Рационализм и эмпиризм Рассела

Мы видели, что Рассел искал причин иррационализма во всем, кроме разрушенной метафизики интеллекта. Как всякий позитивист, он употребляет термин «метафизика» только в отрицательном значении. Он считает себя эмпириком и материалистом, и считает выводы Декарта, о том, что разум видит законы природы, наивными. Он также в «Истории западной философии» иронизирует над метафизикой Платона, и говорит, что Аристотель «разбил здравым смыслом философию Платона», упразднив мир идей. Для него, как для Томаса Куна, наука — это только смена парадигм, так что нет, и не может быть законов природы «как онтологии», то есть как мира идей Платона. Другой позитивист, Карл Поппер хорошо отразил этот взгляд в своей «эволюционной эпистемологии», которую он представил как выживание конкурирующих теорий, где теории –это не открытие законов природы, а постоянно изменяющиеся попытки приспособления к среде. Попытки, которые по словам автора теории, почти ничем не отличаются от аналогичных попыток у животных. Поэтому теории получают у Платона свое собственное существование, независимое от человека и окружающего мира. В таком понимании нет истины и нет ее поисков, а есть только приспособление животных к среде своего обитания.

Однако, прав был Шеллинг когда говорил, что не может быть вечного прогресса в знании, что цель человечества — покой, когда основное, необходимое для его жизни знание будет получено, а вовсе не вечный и бессмысленный прогресс. Конечно, всех знаний найти нельзя, конечно всегда наука будет пытаться найти новое знание, но тем не менее, есть определенный минимум знания, который достичь можно, и который качественно изменит жизнь человечества, даровав ему какой-то минимум покоя. Например, знания закономерностей его собственной энергии.

> «Научное сознание недогматическое и не скептическое. Скептик считает, что познание невозможно, догматик считает, что истина уже открыта. Ученый считает, что познание возможно, но еще не найдено, по крайней мере в исследуемых им вопросах. Но даже сказать, что познание возможно значит сказать слишком много чем настоящий ученый верит, поскольку он не считает свои открытия конечными и абсолютными, но только приближениями, которые будут скорректированы в будущем. Отсутствие конечности в самом существе научного подхода. Утверждения ученого потому предположительны и не догматичны. И постольку поскольку они есть результат его собственных исследований, это его личные убеждения, а не социальные»

B. Russell «Education and social order»

> «Однако остается широкое поле, по традиции включаемое в философию, где научные методы неприменимы. Эта область содержит конечные проблемы ценности; например, с помощью одной лишь науки нельзя доказать, что наслаждаться, причиняя другим страдание, плохо. Все, что может быть познано, может быть познано с помощью науки, но вещи, которые законно являются делом чувства, лежат вне ее сферы.
> Философия в течение всей своей истории состояла из двух частей, не гармонировавших между собой. С одной стороны — теория о природе мира, с другой стороны — этические и политические учения о том, как лучше жить. Неспособность достаточно четко разделять эти две стороны была источником большой путаницы в мыслях»

Б. Рассел История западной философии

Рассел отрицает наличие таких закономерностей, как мы видели. Его дочь пишет в своих мемуарах, что когда он учил их

быть во всем рациональными, он говорил, прежде всего, о том, чтобы уметь видеть предмет с противоположных сторон. Уметь видеть все противоречивые суждения о нем. Это он называл критическим мышлением. В критичности такому мышлению не откажешь, оно прекрасно также как стадия в научном исследовании, но если это и есть цель мышления, то цель эта абсурдна и непонятна. Что может дать человеку противоречивые суждения о предмете? Как ему найти правильное направление и как ориентироваться в потоке этой противоречивой информации?

Его дочь написала книгу о своем отце после его смерти. Эта книга умной, чувствительной, горячо любящей своего отца женщины. И эта книга разбитого морально человека, который пишет, чтобы исповедоваться в своем духовном поражении на пути к вершинам святости рациональной философии ее отца. Она пишет, что рациональность, которую он проповедовал, не только не помогла им ориентироваться в жизни, но напротив, лишила каких бы то сил бороться со злом вообще. В конечном итоге, дезориентация достигла такого уровня, что они лишись способности даже просто постоять за себя, просто осознать, кто ты есть и чего хочешь, находить это добро и зло. Она пишет о глубокой депрессии, из которой ее вытаскивали специалисты, и о том, что ее брат, умница и эрудит, сошел с ума после второй мировой войны. Что школа, которую создал ее отец, чтобы воспитать новое поколение рациональных людей, стала болезненным и травмирующим опытом для нее и ее брата. Она говорит и о достоинствах школы, которые тоже были велики, ибо было много свободы, игр, интересных предметов. Но в конечном итоге, только одиночество и перенапряжение в погоне за идеалами рациональной святости отца, которые оказались непонятными и потому недостижимыми.

«Помимо того, что материал был трудным, он часто был противоречивым. Мой отец не хотел, чтобы его образование было пропагандой; он всегда стремился к тому, чтобы мы были способны изучить предмет с обеих сторон и только потом составили свое собственное мнение. «Изучить вопрос с обеих сторон»

означало выслушать все противоречащие друг другу аргументы по теме и проанализировать имеющиеся факты. В итоге, такой подход избавлял нас от той несносной пресноты «объективной» информации, из которой предварительно удаляют все спорные элементы. Учителю разрешалось поделиться с нами своими предпочтениями по излагаемому вопросу, но при условии, что он должным образом донесет до нас и противоположную точку зрения.

На практике, в Бикон Хил, «составить собственное мнение» означало соглашаться с моим отцом, потому что он знал настолько больше нас и спорил несравненно лучше нас; и еще потому, что аргументы «другой стороны» всегда излагал кто-то, кто был не согласен с ней. Например, нам ни разу не дали убедительной презентации христианской религии из уст истинного христианина. Научный оптимизм моего отца был велик и он надеялся что мы его разделим вместе с его способностью к непредвзятому анализу вопроса с обеих сторон. Но эти вещи нелегко соединить; настроенность на справедливость расстраивала нашу волю и сбивала с толку наши надежды, что делало для нас невозможным дерзкое противостояние врагам, общественным или личным. Поскольку всегда сохранялась вероятность того, что враг был прав. Мой отец справлялся с этой проблемой путем своеобразного интеллектуального фокуса: когда ему хотелось высказать свое возмущение злом, он временно откладывал объективность в какой-то другой отдел своего сознания. Нам так и не удалось выучить этот фокус, и я думаю, он был несколько разочарован нашими колебаниями, не понимая, что он сам научил нас им.

Если бы наличное знание было использовано и опробованные методы применены, считал он, мы могли бы за одно поколение получить популяцию почти полностью свободных от болезней, зла и глупости людей. Одно поколение бесстрашных женщин могло бы изменить мир путем рождения и воспитания бесстрашных детей, с не искаженной неестественно сущностью, но справедливых и искренних, благородных, свободных, и с чут-

ким сердцем. Эта энергия устранила бы жестокость и боль, которым мы подвержены из-за нашей лени, трусости, эгоизма и трусости.

> *«Selfish» ... одно из самых ярких слов моего детства. Я верила, что говорить о «себе» было эгоистично. Поскольку ничего другого на ум не приходило, я молчала. Я верила, что требовать справедливой доли чего-либо было эгоистично, указывать на свои достижения было эгоистично. Человек должен лезть из кожи вон, чтобы добиться наилучших результатов, а потом сказать: «Ох, это ничего. Я всего лишь выполнял свой долг». Я верила, что человек должен любить и служить без надежд на вознаграждение или возврат нежности, поскольку никто не заслуживает любви, если только он не отказался всецело от эгоизма. Только через самоотречение могла я добиться любви, которой жаждала, которая тогда польется на меня как из ведра. Хотя он бы оспорил приведенную мною грубую формулировку, это были убеждения моего отца. Они не были реалистичными. Они создали трудности для него, они создали трудности для меня, и они испортили наши отношения. Мне бы хотелось, чтобы он удовлетворился меньшим.*
>
> *Я полагала, что они будут достаточно разумны, чтобы видеть свои ошибки и исправлять их, и даже будут мне благодарны за то, что я им указала их ошибки. Я так полагала, потому что меня научили верить, что люди разумны, и что всегда можно найти отклик в их душе на логичные аргументы. Вся школа и связанные с нею надежды были основаны на этой вере, такой же ложной и фантастичной, как любой предрассудок. Мы, ученики этой школы, не смогли обучиться управлять своими жизнями, основываясь на разуме (хотя мы старались), и мы не обнаружили, когда выросли, что внешний мир откликнется с энтузиазмом на наши рациональные аргументы необходимости реформирования. Большинство людей (включая нас самих) предпочли оставаться со своими ошибками»*

Katarine Teit My father Bertrand Russell

Однако, если наука будет наукой, а не рациональной мистикой, где можно оставаться живым и умным, когда владеешь только противоречивой информацией, то Рассел безусловно был прав. Более того, он, возможно, был единственным человеком своего времени, который с такой выпуклостью подчеркнул главную проблему и главную потребность своей эпохи: разрушен-

ный рационализм и поиски подлинного научного мышления. Однако, он сам выступил против метафизики интеллекта, много раз подчеркивая, что научное знание в психологии невозможно, что нет и не может быть закономерностей человеческого сознания, так как это сфера субъективности, сфера чувств. Он писал, что несмотря на этот печальный факт, все равно посвятил себя борьбе за этику доброты, хоть и не может доказать ее справедливость. Но если бы мог, то был бы на вершине счастья.

Совсем другое дело, когда речь идет о метафизике интеллекта Платона и Декарта, когда мы постулирует законы природных энергий, а науку, то есть рациональное мышление понимаем как способность контроля этих энергий и доступа к их силе. Это дает нам понимание и смысл научного мышления, это дает нам возможность идентифицировать зло, это дает нам силу бороться со злом, и знание, чтобы увеличивать силу добра.

> «Все чаяния его страстной натуры были обращены в будущее, к золотому веку, который должен наступить, если не на небесах, то на земле. Всю свою жизнь он чувствовал необходимость отдавать все свои силы для будущих целей, неважно какой ценой для себя самого, так как грядущее счастье человечества значило для него больше, чем его настоящее удовольствие. Более того, это было целью его активности в настоящем. Он и нас научил этому. Наши личные стремления должны были рассматриваться как менее важные, нежели счастье человечества, наши таланты и энергия должны быть пожертвованы задачам исцеления человеческой расы. Мы приняли это пожизненное обязательство, несмотря на то, что даже в своих школьных пьесах говорили, что не верили в утопию»

Katarine Teit My father Bertrand Russell

Действительно, Рассел пишет в «Борьбе за счастье» (Conquest of happiness), что «Мы сейчас находимся на эволюционной стадии, которая ни в коем случае не является последней стадией прогресса. Мы должны миновать ее стремительно, в противном случае большинство из нас погибнут в пути, а остальные затеряются в лесах сомнений и страха. Чтобы найти выход из этого отчаянного положения цивилизованный человек должен расширить свое Я, свое великодушие также, как он рас-

ширил свой разум. Он должен научиться выходить за границы Эго, и таким образом обрести свободный мир».

Он считает коммунизм и капитализм одинаково ущербными социальными системами, и предлагает вместо них государство с философами-правителями Платона. Его идеал «интернациональная демократия» или «демократический социализм». Он считает, что справедливо только то общество, которое управляет собой самостоятельно; любое разделение на правящие меньшинства и подчиняющиеся массы, будь то чекисты в коммунистических системах или плутократия в капиталистических системах являются нарушением этого принципа самоуправления демократических обществ. И хотя он в «Истории философии» ругает Платона как философа, предложившего деспотическое государство, сам предлагает в точности его философов-правителей, которые будут приносить добро людям просто потому что они умнее, честнее и потому способны облагодетельствовать всех людей.

> «Если мы сделаем все, что в наших силах, чтобы элиминировать несправедливые привилегии, власть, тем не менее, останется неравномерно распределенной, потому что это неизбежно; но она будет в руках тех, кто наиболее подходит для управления людьми. Это не будет безответственная власть, как это было с плутократами и монархами; это была бы власть максимально подконтрольная демократическим институтам. Образование, которое обладает характеристиками, необходимыми для подобного управления, будет отличаться как от образования, произведенного как аристократической, так и демократической системами. Недемократический элемент заключается в том, что такие люди будут общепризнанно обладать способностями, значительно превосходящими других в знаниях и мышлении. Неаристократический элемент состоит в том, что их назначение результат их личной одаренности, знаний и профессионализма, и не связан с социальным положением их семей. И поскольку у них нет высшей и абсолютной власти, они не нуждаются в способностях к командованию, но только в необычной власти уметь находить правильные решения и трезво мыслить, а также уметь обосновывать свои выводы людям, которые отстают от них в возможностях мышления»

B Russell Education and social order

Если бы Рассел не был эмпириков и признавал законы природы, в том числе законы природы в человеческом обществе, он бы понимал, что только естественное право, то есть право основанное на законах человеческой природы, способно обеспечить то демократическое управление, о котором он говорит. Только тогда людьми управляет разум, когда в основе их общества научный контроль, знание законов и управление ими. А подчинение воли глупых воле умных — это, в самом деле, примитивный язык античной философии. Подчиняться должны все в одинаковой степени знаниям законов природы, а не друг другу. Но Рассел отрицает законы природы, а вместе с ними естественное право. Подобно Карлу Попперу, который в «Открытом обществе» заявляет, что общество не может иметь естественного права, но только юридическое (позитивное), поскольку человеческая психика не имеет законов природы. Казалось, Рассел выступил в книге «Власть» за психологизм в пику Попперу, но вот, оказалось, что его философия помешала ему отстоять позицию психологизма и сформулировать законы психической энергии, которые легли бы в основу естественного права.

ГЛАВА 10. ЦИКЛЫ ЛЕВИАФАНОВ И ЛИНИЯ РЕСПУБЛИК

«Итак, ты не знаешь, что у различных людей непременно бывает столько же видов духовного склада, сколько существует видов государственного устройства. Или ты думаешь, что государственные устройства рождаются невесть откуда — от дуба либо от скалы, а не от тех нравов, что наблюдаются в государствах и влекут за собой все остальное, так как на их стороне перевес?»

Платон Государство

1. Левиафан и цикличный гомеостаз поля Эгосистемы
2. Демократии естественного права и поле интеллекта

1. Левиафан и цикличный гомеостаз поля Эгосистемы

Томас Гоббс дает очень правдивую картину общественного устройства, которое он именует Левиафаном. Его ошибка только в том, что он считает, что это общество — единственное и правильное. Между тем, на самом деле Левиафаны — реальны, но далеко не идеальны. Платон был в этом смысле много ближе к истине, когда утверждал, что общественных устройств (типов государств) столько же, сколько «типов людей». Так, Платон пишет в «Государстве»: «Но у одних людей правит в душе одно начало, а у других — другое; это уж как придется. Поэтому давай, прежде всего, скажем, что есть три рода людей: одни — философы, другие — честолюбцы, третьи — сребролюбцы». В другом месте он говорит: «Итак, у различных людей непременно бывает

столько же видов духовного склада, сколько существует видов государственного устройства».

Левиафаны Гоббса — это только один из трех типов государств, соответствующих трем типам людей, которые стольль образно начертил для нас Платон. Если переводить его классификацию на язык современной психологии, то мы можем сказать терминами Энста Кречмера или Карла Юнга, что «сребролюбцы» — это циклотимики (экстраверты), честолюбцы — это шизоиды (интроверты), а философы — самоактуалы Абрахама Маслоу, плодотворные личности Эриха Фромма, одним, словом, здоровые люди с хорошо развитым полем интеллекта.

Мы попробуем в этой работе на основе энергетической теории психики доказать этот старый тезис Платона о том, что циклотимики, шизоида и самоактуалы (сребролюбцы, честолюбцы и философы) каждый соответственно образуют три разных типа общественного устройства: левиафаны у циклотимиков, демократии-тирании у шизоидов, и демократии естественного права у философов.

Понятно, что мы будем исходить из энергетической теории психики, которая доказывает наличие двух силовых полей в сознании: поле Эгосистемы и поле интеллекта. Автоматизмы детерминированной энергии психики не отличаются от закономерностей всей прочей энергии природы, и также имеют в своей основе цикличный гомеостаз. В этом цикличном гомеостазе поля Эгосистемы — разгадка характера циклотимиков (а вовсе не в строении тела, как считал Кречмер). Научный контроль поля интеллекта — та самая страсть к познанию, «к которому стремимся с пылом влюбленных», как говорит Платон о философах. Откуда же берется третий тип характера, шизоидный, если полей всего два? Дело в том, что эти два поля работают исправно, когда не пересекаются. Поле эгосистемы — это поле автоматизмов физического контроля (сохранения силы психики); поле интеллекта — поле интеллектуального контроля (сохранения силы психики). Однако, на определенной стадии развития человека, когда интеллект

уже достаточно силен для мышления, но еще недостаточно знаний для обладания научным контролем, этот интеллект вторгается на поле Эгосистемы, и этим ломает работу обоих контролей: и интеллектуального, который отрывается от реальности, и физического, поскольку ломает цикличный гомеостаз. Эта ситуация катастрофы обоих контролей сохранения силы психики, когда интеллект вторгается на поле Эгосистемы, и называется шизоидной психикой. Силовых поля по прежнему два, третий характер — это агония в момент крушения обоих силовых полей.

В чем характерность цикличного гомеостаза поля Эгосистемы, и почему эта система цикличного равновесия образует те самые общественные организмы, которые Гоббс описал как Левиафаны? Томас Гоббс назвал государство Левиафаном, чтобы подчеркнуть, что его государство является единым организмом. У него нет разделения как у Ж-Ж Руссо на волю всех и всеобщую волю. У него есть только одна гигантская воля правителя-диктатора, которая поглощает волю всех своих подданных. То есть он рисует такое гигантское поле психической энергии, образованное слиянием воли всех людей составляющих это общество в единую волю своего правителя, который таким образом подавил и подчинил всех этих людей, «съел» в психологическом смысле. Так, А. Герцен в известном эссе «С того берега» проводит аналогию с антропофагией, когда говорит об отношениях господства и подчинения: «Каннибал, который ест своего невольника, помещик, который берет страшный процент с земли, фабрикант, который богатее за счет своего работника — составляют только видоизменения одного и того же людоедства. Я, впрочем, готов защищать и самую грубую антропофагию; если один человек себя рассматривает как блюдо, а другой хочет его съесть — пусть ест; они стоят того, — один, чтоб быть людоедом, другой, чтоб быть кушанием».

З. Фрейд пишет в том же роде о притяжении Влюбленности, как о разновидности психической самоотдачи, отказа от энергии собственной воли в пользу объекта Влюбленности: «От влюблен-

ности явно недалеко до гипноза. Соответствие обоих очевидно. То же смиренное подчинение, уступчивость, отсутствие критики как по отношению к гипнотизеру, так и по отношению к любимому объекту. Та же поглощенность собственной инициативы, нет со мнений, что гипнотизер занял место «СуперЭго».

В психологическом смысле такие Левиафаны действительно являются родом поглощения одними людей других поскольку в их основе поглощение одними энергии других. Однако, механизм этот бесконечно далек от того, что Маркс называл враждой классов и экономической эксплуатацией одним классом другого класса. Маркс, как известно, с большим пренебрежением относился к психологии, считая ее разновидностью субъективизма. Между тем, объективные законы человеческого движения можно почерпнуть только в психологии, поскольку человеком движет не биологическая энергия, как думал Дарвин и Маркс, а психическая энергия. И законы этой психической энергии также объективны как законы любой другой природной энергии. В данном случае, «вражда класса господ и класса рабов» — это, как правильно замечает Герцен, тот самый случай, когда «один человек себя рассматривает как блюдо, а другой хочет его съесть — пусть ест». Это случай цикличного гомеостаза поля Эгосистемы, для функционирования которого необходима встреча двух противоположных притяжений: Самолюбия и Влюбленности.

А. Герцен проводит аналогию с людоедством, Б. Рассел говорит о «вампиризме», Э. Фромм о «садомазохизме», З. Фрейд о Самолюбии и Влюбленности. Но все они, по сути, говорят об одном и том же феномене цикличного равновесия притяжений Самолюбия и Влюбленности.

Б. Рассел «Борьба за счастье»: «Лучшая любовь та, которая обеспечивает взаимное дарование жизни; каждый получает любовь с радостью и дарит без усилий, и каждый находит мир значительно более интересным в результате этого взаимного счастья. Имеется, однако, и другая любовь, вне сомнений ненормальная, когда один человек высасывает энергию другого человека, один получает от другого все, а сам взамен не да-

ет ничего. Многие энергичные люди принадлежат к этой категории кровопийц. Они обескровливают одну жертву за другой, и пока они процветают и становятся все более обольстительными, те, на ком они наживаются бледнеют, хиреют и глупеют. Такие люди видят других только как средства для своих целей, и никогда не рассматривают их как людей самих по себе»

Эрих Фромм называет этот тип отношений садомазохизмом в книге «Искусство любить»: «Активная форма симбиотической связи — господство, или... садизм. Садистская личность стремится освободиться из плена и избежать одиночества, делая другую личность своей частью. Она растет в собственных глазах и поддерживает себя тем, что включает в себя как часть другую личность, которая ее боготворит. Садистская личность также зависима от того, кто ей покоряется, как этот последний зависим от нее.; не один из них не может жить без другого. Различие лишь в том, что садистская личность распоряжается, эксплуатирует, унижает, причиняет боль, а мазохистская подчиняется распоряжениям, терпит эксплуатацию, унижения и боль. В реальном смысле, это значительное различие; но в смысле более глубоком, эмоциональном, здесь больше общего, нежели различного: и то и другое есть слияние без целостности. Если мы это поймем то не удивимся, что чаще человек ведет себя то как садистская, то как мазохистская личность, — обычно по отношению к разным объектам. В противоположность симбиотической связи зрелая любовь есть связь, предполагающая сохранение целостности личности, ее индивидуальности».

Каковы особенности этого энергетического механизма психики? Мы уже не раз говорили об этом. Поле Эгосистемы устроено так, что включает Эгозащиту, которая и есть ток энергии, порождаемый этим полем. Две фигуры поля эгосистемы (противоположные полюса) — Эго и СуперЭго — дают информацию о характере противостояния сил. Это та количественная абстракция сил, которую Дюркгейм называет безличными абстрактными силами, обнаруженными им в основе миросозерцания аборигенов. Это ложная чувственная информация криво-

го зеркала Эгосистемы говорит о противостоянии сил Эго и всего остального окружающего мира. То что Фихте так ловко выразил, как Я и не-Я. В основе этой картины всегда преобладание силы СуперЭго, поскольку окружающий мир всегда сильнее. Поэтому страх сверхъестественных сил, о котором пишут все антропологи, и в особенности Леви-Брюль всегда составляют как бы основную эмоциональную тональность дикарей. Этот «сверхъестественный страх» — мотивация боли, которая запускает Эгозащиту. То есть дикари стремятся защитить свое Эго от угрожающей силы СуперЭго. Понятно, что поскольку вся информация поля Эгосистемы бредовая, то и все поведение, которое влечет Эгозащита, будет бредовым. Пафос «абсурда», которым проникнут экзистенциализм со времен Кьеркегора, имеет ту простую основу, что абсурд действительно составляет базис детерминированной энергии психики, так как не имеет к реальной энергии человека, к его полю интеллекта никакого отношения. Это случай паразитарного существования механической энергии на живой плоти психической энергии разума человека.

Эгозащита включается как поклонение тем силам, которые входят в сознание как «загрузки СуперЭго». Фрейд любил этот термин «загрузки СуперЭго», очень удачный в самом деле. Эти силы для дикарей — природные силы, в этом разгадка тотемизма. А для современных людей — это социальные авторитеты. И этим объясняются эксперименты Стенли Милграма на «Подчинение авторитету». Э. Фромм пишет по этому поводу в «Человек для себя», что люди склонны мистифицировать социальные авторитеты. Ту же аналогию между тотемами и социальными авторитетами проводит Э. Дюркгейм в «Тотемических представлениях австралийцев».

Сила, которая пугает на поле Эгосистемы, одновременно притягивает, поскольку все силовое поле психики функционирует как физический контроль закона сохранения силы психики. Поэтому возникает притяжение Влюбленности к этим «загрузкам СуперЭго», о котором Фрейд говорит, что оно «амбивалент-

но», то есть замешано на страхе и ненависти, включает в себя противоположные эмоции.

Однако, есть и другое, противоположное притяжение Самолюбия. Оно возникает в тех случаях, когда «загрузки СуперЭго» показывают, что сила Эго превышает силу СуперЭго. Это те случаи, которые Карл Юнг называл «инфляцией Эго», а Фрейд «манией величия». Так, например, дикари начинают считать себя причастными всемогущим силам, которых они боятся, и считают, что командуют ветрами и реками, дождями и ураганами. Обычные люди ощущают Эго как психическую тюрьму «маски», о которой, например, много написано у Карла Роджерса.

Так возникает притяжение Самолюбия, которое вообще более редкое и не такое базисное как притяжение Влюбленности. Однако, именно соединение этих двух притяжений дает временное цикличное равновесие поля Эгосистемы, поскольку влюбленные стремятся найти своих господ и подчиниться им, а самовлюбленные стремятся найти своих рабов, чтобы получить власть. Таков механизм цикличного равновесия поля Эгосистемы, которое уравновешивается соединением этих двух противоположных притяжений в «любви». Эрих Фромм пишет в книге «Искусство любить», что это болезненные союзы садомазохизма, которые не имеют ничего общего с реальным единением людей, и потому они болезненны, не приносят удовлетворения и кратковременны. Заканчивается один цикл, начинается второй — бесконечные поиски «любви». В книге «Величие и ограниченность Фрейда» Э. Фромм пишет, что Фромм правильно описал механизм этих ложных союзов как соединение противоположных Самолюбия и Влюбленности, но в конечном итоге пришел к неправильному выводу, что это и есть истинная любовь. Вся книга «Искусство любить» — это противопоставление истинной любви, где «братская любовь» реально объединяет людей, и «симбиотических союзов» садомазохизма, где люди видят только маски и грают роли насилия и подчинения, но ничего не знают ни о себе, ни о своих партнерах. А. Маслоу также противопоставляет истинную любовь самоактуалов, которая все-

гда любовь-дружба, и ролевые игры господства и подчинения у «обычных» людей. У Антона Чехова рассказ «Толстый и тонкий» превосходно характеризует эти два разных поля отношений: дружбу настоящих отношений и вертикаль господства и подчинения поля Эгосистемы.

Э. Фромм пишет о том, что эти союзы садомазохизма всегда недолговечны, но зато регулярно обновляются. В этом и состоит существо цикличного равновесия. Д. Майерс в учебнике «Социальная психология» сравнивает такую любовь с наркотиком, который возбуждает, но не удовлетворяет, вызывает привыкание, требует все новые дозы, и в конечном итоге разрушает организм: «Тот кто знает рок-песню „Пристрастившийся к любви“ (Addicted to love), не удивятся узнав, что любовь-страсть по своему воздействию на человека аналогична привыканию к кофе, алкоголю и другим наркотикам. Поначалу наркотик возбуждает, порой даже очень сильно. При частом употреблении нарастают противоположные эмоции, и вырабатывается привыкание. Количества, которое когда-то вызывало сильное возбуждение более недостаточно. Однако, если вы даже прекратите принимать его, это вовсе не значит что вы вернетесь в свое исходное состояние, в котором находились до того как впервые попробовали наркотик. Более вероятно, что у вас появятся все признаки „ломки“ — недомогание, депрессия и тп. То же самое нередко происходит и в любви. Страсть не может длиться вечно. Сначала утратившие свой пыл отношения воспринимаются как нечто само собой разумеющееся, а затем и вовсе прекращаются».

Итак, мы видим, какую грубую ошибку совершил Карл Маркс, когда пытался объяснить противостояние господ и рабов — теорией вражды экономических классов. Дело конечно не в экономике, даже не в биологии, а в психическом механизме цикличного гомеостаза, который требует Самолюбия и Влюбленности, господ и рабов, для взаимного мучительства циклов временного психического равновесия поля Эгосистемы. Прав А. Герцен, когда говорит, что это разновидность психической ан-

тропофагией, где один желает быть кушаньем, а другой едоком, поскольку это притяжение взаимное. Таким образом, дело в психической болезни, в «абсурде» поля Эгосистемы, а вовсе не в объективных разногласиях экономических интересов различных групп людей.

Левиафаны возникают как громадные психические поля, соединенные через такой механизм Самолюбий и Влюбленностей. Об этом подробно пишет Фрейд в «Психологии масс и анализ человеческого Я» со ссылками на Ле Бона: «Следовательно, главные отличительные признаки находящегося в массе индивида таковы: исчезновение сознательной личности, преобладание бессознательной личности, ориентация мыслей и чувств в одном и том же направлении вследствие внушения и заряжения, тенденция к безотлагательному осуществлению внушенных идей. Индивид не является больше самим собой, он стал безвольным автоматом». Понятно, что активность поля Эгосистемы будет означать «отказ от сознательной личности и преобладание бессознательной личности». В этой книге Фрейд почти в точности повторяет образ Левиафана Гоббса, когда рисует массы, как волю, поглощенную гипнотической волей вождя. Действительно, деспотов, вождей таких древних восточных деспотий можно представить в виде Самолюбия, которое поглотило притяжения Влюбленностей своего народа. Причем, как правильно пишет Э. Фромм в «Искусстве любить» и Г. Спенсер в «Социальной статике», люди легко переходят от роли господ к роли рабов, то есть между притяжениями Самолюбия и Влюбленности, что объясняется тем, что их порождает одно поле Эгосистемы. Вспомним сарказм Гоголя, когда он пишет о раболепстве чиновником в отношении вышестоящим: «комариком обернется». Таким образом, этот огромный Левиафан восточных деспотий, основан как соединение Самолюбий и Влюбленностей вышестоящих и нижестоящих, где вождь, который замыкает эту пирамиду — чистое Самолюбие, а рабы у ее подножия — чистая Влюбленность. Чиновники в промежутке между ними переходят между

притяжениями Самолюбия и Влюбленности по отношению к нижним и высшим.

Вот как пишет об этом Г. Спенсер в «Социальной статике»:

> «Постоянно можно наблюдать, как для дикого эгоизма необходим соответствующий размер обожания силы. Такое чувство, служащее противовесом антиобщественности, заключается в обожании власти. Это чувство заставляет людей преклоняться перед проявлениями силы и подчиняться ей, в ком бы она ни проявлялась — в родоначальнике, феодальном владельце, короле или конституционном правительстве. Мы предположили, что уважение к авторитету пропорционально варварству членов общины и соразмерно с недостатком нравственного чувства, со стремлением искать для себя удовлетворения за счет ближнего. Не видим ли мы, в самом деле, что низкопоклонное подчинение деспотическому правлению процветает бок-о-бок с обычаем человеческих жертв, детоубийством и частыми покушениями на человеческую жизнь? Всем известно, что готовность подчиняться всегда сопровождается страстью тиранизировать, и эта признанная истина служит лучшим доказательством связи раболепия с недостатком нравственного чувства. Сатрапы также господствовали над народом, как их царь господствовал над ними. Столь же многочисленны факты, убеждающие в том, что наклонность к воровству всегда связана с преобладанием чувства личной преданности. Записки путешественников показывают, что у племен, стоящих на низкой ступени цивилизации, бесчестность и воровство существуют рядом с безотчетною властью начальников. Среди более развитых народов встречается та же самая связь между бесчестностью и раболепием».

Таковы механизмы цикличного гомеостаза. Его существо в том, что притяжения Самолюбия и Влюбленности поля Эгосистемы образуют постоянные противоположные волны, которые сливаются в кратковременном экстазе, истощаются, подобно электрическому заряду, а затем им на смену набегают новые волны и образуют новые, столь же хорошо функционирующие Левиафаны. Мы проследили эти психические союзы с одной любовной пары, но мы видели, что они легко могут вмещать целые государства. И на обоих уровнях принцип будет один и тот же: соединение притяжений Самолюбия и Влюбленности поля Эгосистемы. Так, сакральные деспотии древнего Египта, существовавшие тысячи лет без особого про-

гресса, представляют собой идеальный пример таких цикличных Левиафанов.

Вот что в этой связи пишет о цикле восточной истории и о цикличном восточном времени Л. Васильев в книге «История Востока»:

> «На Востоке исторический процесс — как и вообще отношение к времени — не воспринимался в качестве линейного, а консервативная стабильность реально превратила его в цикличный. ...Политическая администрация была незыблемой и, главное, почти автоматически регенерировала после катаклизмов очередного цикла, а величие обожествленного правителя (сына Неба или сына Солнца), выступавшего в функции связующего единства и первосвященника, считалось несомненным и неоспоримым... Как же выглядит типичный для Востока цикл? В самом общем виде, включая и Индию, хотя она заслуживает определенной оговорки, можно сказать, что в основе цикла лежит примат централизованного государства. Пока государство сильно, все противостоящие ему тенденции ослаблены и не могут создать угрозу структуре. Но хорошо известно, что крепость централизованной власти не бывает постоянной и долговечной. Могут ли они привести к ее ломке, к радикальной трансформации с последующим возникновением чего-то принципиально нового? Ни в коем случае. Эта тенденция к феодально-удельному сепаратизму, однако, при всем своем дестабилизирующем воздействии на макроструктуру в целом не привносит в нее ничего принципиально нового. Скорее это нечто вроде шага назад: сама структура и все свойственные ей отношения остаются неизменными, изменяются лишь масштабы».

М. Элиаде, который противопоставил сакральное сознание абориген рациональному сознанию цивилизованных людей писал о преимуществе цикличного времени и иллюзорности линейного времени рациональных цивилизаций. Фихте и Гегель, напротив, противопоставляют в своих трудах линейное время рационального сознания и «движение по кругу» мифического восприятия.

В самом деле Л. Леви-Брюль пишет в «Первобытном сознании», что аборигены не понимают идею хронологического времени:

> «Как показал Юбер, первобытное мышление обладает скорее неким чувством времени, сообразно субъективным качествам последнего, чем представляет его себе в объективных признаках. „Негры более отдаленных районов, — пишет Босман, — различают время весьма забавным образом, а именно на время счастливое и несчастливое. В некоторых областях большой счастливый период длится 19 дней, а маленький (ибо следует иметь в виду, что они делают еще и это различие) — 7 дней; между двумя периодами они насчитывают 7 несчастных дней, которые, по существу, являются их вакациями, ибо они не путешествуют в течение этих дней и не отправляются в поход, не предпринимают ничего значительного, а проводят их в ничегонеделании“. Здесь легко прослеживается классическое деление на счастливые и несчастливые периоды у римлян. Периоды и выдающиеся моменты времени характеризуются происходящими в них проявлениями мистических сил; на них почти исключительно и сосредоточивается первобытное мышление»

Это цикличное функционирование общества характеризуется полным отсутствием самосознания, поисков знаний о себе и окружающем мире, потребности и способности видеть реальный мир, контролировать свои взаимоотношения с ним, понимать себя, других людей, иметь с ними искренние, реальные отношения. Существо этой динамике сводится к созреванию этих грозных Левиафанов на теле живой психики человеческих обществ, подобных гигантским гнойным нарывам, разлагающих и терзающих это тело живой психики человека. И всегда цикличное функционирование этих Левиафанов связано с кривым зеркалом Эгосистемы, ставящим «кокон» из миражей Майи между человеком и реальным миром, поскольку только энергия поля Эгосистемы может воспроизводить их.

2) Демократии естественного права Поля Интеллекта

Вообще, философия бытия, определяющего сознание, которую популяризировал Маркс, явилась реакцией на ложную философию сознания у Гегеля, вследствие чего его справедливо раскритиковал его однокурсник Шеллинг. Критика была справедливая, но выводы — нет, потому что в итоге отвернулись

от основополагающей идеи о том, что именно сознание человека определяет его общественную и материальную жизнь. Доктрина Маркса о том, что уровень общественного производства определяет общественные институты и духовную жизнь человека сделалась общепризнанной. Огюст Конт сохранил правильное направление мыслей, утверждая, что эволюция идей человека влечет за собой эволюцию институтов, общественных учреждений, но и он, как известно, отрицает сознание, как психическую реальность, относительно самостоятельную от биологической сущности человека. Он даже отказывает психологии в праве на существование, так как сознание в его понимании не может быть объектом научного исследования. Итак, мы в энергетической теории психики, или в теории психической энергии, попытаемся восстановить справедливость и исправить тот грандиозный урон, который нанес Гегель теории становления и эволюции сознания, духовной энергии своей философией диалектической логики, которая разрушила основы основ духа — метафизику интеллекта.

Сознание определяет бытие, как мы могли уже видеть на примере цикличного гомеостаза поля Эгосистемы, который приводит к стабильному цикличному функционированию Левиафанов. Это сознание детерминированное законами природы, а не сознание самоопределяющегося абсолюта Гегеля. Это сознание, которое всегда в поисках знаний законов природы, и эволюция которого есть эволюция в знаниях, а не эволюция в свободе, как утверждал Гегель. Знания не дают абсолютной свободы, они, прежде всего, учат дисциплине и подчинению законам природы, и только потом дают относительную свободу научного контроля, проявляющуюся в доступе к силе открытых природных энергий.

Эволюционисты считали, что сознание эволюционирует от мифологического сознания абориген к научному сознанию цивилизованных людей. Л. Леви-Брюль возразил на эту теорию эволюционистов, заявив, что сама структура, природа сознания никакой эволюции не претерпевает. Изменения происходят

в направлении доминирования мифологического сознания или логического сознания, которые оба, однако, продолжают существовать в неизменной своей форме. У абориген доминирует мистическое сознание, у цивилизованного человека — логическое сознание. Дальше процесс развитие есть процесс накопления знаний, однако, структура логического сознания остается неизменной. Точности тот же взгляд на эволюцию сознания придерживается и Ясперс, который говорит, что изменение происходит только в сфере накопления знаний, но никак не в сфере изменений человеческой природы. Герберт Спенсер в «Социальной статике» развивает теорию Огюста Конта о том, что прогресс в обществе есть прогресс этики, он противопоставляет «обожанию силы» деспотических обществ — «нравственное чувство» свободных обществ:

Г. Спенсер «Социальная статика»:

> «При развитии цивилизации обожание «власти» и нравственное чувство изменяются в противоположных направлениях. И в настоящее время люди настолько же проникнуты уважением к авторитету, насколько в них недостает уважения к правам других людей.
> Между временным и окончательным законным руководителем наших действий происходит непрерывная борьба, во время которой постоянно уменьшающееся влияние одной стороны дает рост другой. Выше было разъяснено, что чувство справедливости, симпатическое возбуждение которого заставляет людей поступать должным образом по отношению к другим, есть то же самое чувство, которое заставляет их настаивать на своих собственных справедливых требованиях. Оно побуждает их требовать свободы деятельности, свободы упражнять свои способности и понуждает их сопротивляться всякому нарушению в этом отношении. Этот стимул не терпит никаких ограничений за исключением тех, которые налагаются сочувственными побуждениями. В этом роде производится спор и в течение каждого фазиса цивилизации исход его определяется относительной силой обоих чувств. Когда нравственное чувство слишком слабо и не в состоянии создать ограничений, необходимых для общественной жизни, тогда его протест едва слышен и не мешает преобладающему обожанию силы устанавливать самый суровый деспотизм. Мало-помалу, когда нравственное чувство окрепнет до того, что станет препятствовать людям совершать са-

> мое грубое насилие, оно будет уже достаточно могущественно для успешной борьбы с излишними теперь крайностями принуждения. Если оно, наконец, достигнет такой силы, что чрез посредство своего рефлективного отправления внушить людям самое полное уважение к правам других и сделает правительство излишним, тогда непосредственная его деятельность породит столь бдительную ревность в охранении своих прав, что правительство сделается невозможным» Спенсер Социальная статика
> Итак, мы будем рассматривать гипотетическое общество, в котором поле интеллекта сделалось преобладающим, тем более, что в нашем распоряжении такие факты научных исследований, как «визинарные компании» Пораса и Коллинза, ученых Стендфордского университета, много лет посвятивших изучению самых успешных и самых долговечных компаний в мире, или исследование самоактуалов Маслоу, посвятившего себя изучению особенностей психики «самых здоровых людей».

Прежде всего, соединение людей в общество на Поле Интеллекта резко отличается от того, что мы имеем, когда это соединение происходит на поле Эгосистемы. А. Маслоу и Э. Фромм описали эти особенности в своих работах, Джерри Поррас и Джим Коллинз рассказали о качественном отличии визинарных компаний от обычных компаний. И все подчеркивают, что качественное отличие общественных учреждений происходит из качественного отличия психики индивидов, которые составляют эти общества.

Если образом обществ цикличного равновесия поля Эгосистемы может служить Левиафан Гоббса, то общества устойчивого равновесия поля интеллекта — это те общества, которые искали Платон и Руссо в своей идее всеобщей истины и всеобщей воли. Государство Платона и всеобщая воля Руссо против Левиафанов Гоббса, Бодена, Макиавелли, Шмита, Гитлера, Маркса, — всех тех, кто утверждал, что для функционирования государства воля правящих классов непременно должна поглощать и подчинять волю подчиненного большинства.

Платон, которого легкомысленно причисляют к этой компании апологетов деспотизма, никогда не говорил подобно Гоббсу или Макиавелли, что законы устанавливает государь; он первым

обосновал и популяризировал естественное право, то есть законы природы человека, законы разума, которые одни могут лежать в основе юридического (позитивного) законодательства. Потом его систему естественного права разовьет Цицерон и римские стоики-юристы эпохи Марка Аврелия. Одно дело когда людей заставляют подчиняться произволу деспота, совсем другое дело когда Платон говорит, что в основе государства лежат законы природы, законы разума, общие для всех. Еще более подчеркивает эту идею Цицерон, а позже Спиноза.

О теории всеобщей воли Руссо также говорили, что это обычная теория деспотического подчинения личности правительству, поскольку никакой всеобщей воли не может быть, а может быть только насильственное подчинение подданных наподобие того, которое предлагает Левиафан Гоббса. Однако, совершенно очевидно, что Руссо стоит на позициях естественного права Платона и Цицерона, а следовательно его всеобщая воля — это единение поля интеллекта людей, которое во всех своих базовых характеристиках совершенно идентично у всех людей. Руссо пишет подобно некоторым старозаветным пророкам, Христу и Спинозе, что истина та, что написана в «сердцах граждан»:

Ж-Ж Руссо «Общественный договор»:

> «Но если Законодатель, ошибаясь в определении своей цели, следует принципу, отличному от того, что вытекает из природы вещей, тогда законы незаметно потеряют свою силу, внутреннее устройство испортится, и волнения в Государстве не утихнут до тех пор, пока оно не подвергнется разрушению или изменениям и пока неодолимая природа не вступит вновь в свои права… К этим трем родам законов добавляется четвертый, наиболее важный из всех; эти законы запечатлены не в мраморе, не в бронзе, но в сердцах граждан; они-то и составляют подлинную сущность Государства; они изо дня в день приобретают новые силы; когда другие законы стареют или слабеют, они возвращают их к жизни или восполняют их, сохраняют народу дух его первых установлении и незаметно заменяют силою привычки силу власти».

Ж-Ж Руссо «Эмиль»:

> «Справедливость и доброта не суть только отвлеченные названия, не суть чисто нравственные понятия, созданные разумением, но являются истинными влечениями просвещенной разумом души и суть не что иное, как упорядоченное дальнейшее развитие наших первоначальных влечений, что на одном разуме, независимо от совести, нельзя основать никакого естественного закона и что все естественное право есть не что иное, как химера, если оно не основано на естественной для человеческого сердца потребности…. Отсюда я вывожу заключение, что неправда, будто правила естественного закона основаны на одном разуме: они имеют более прочный и надежный фундамент. Любовь к людям, вытекающая из любви к себе, — вот принцип человеческой справедливости».

Кто станет спорить с тем, что психика всякого здорового человека всегда сводится к потребности в чистой совести, в любознательности, в работоспособности, к потребности в знании, в компетентности, в смысле жизни, в сотрудничестве, в искренности и сочувствии, в искусстве и чувстве юморе. Этот «синдром» и обнаружил Абрахам Маслоу в своих самоактуалов, среди которых были такие известные люди как Спинозы, Брамс, Олдос Хаксли, Рут Бенедикт и Элеонора Рузвельт, Эйнштейн и многие другие. Он говорит, что эти характеристики составляют синдром, то есть систему, которая всегда проявляется вся вместе или вообще не проявляется. И именно этот синдром интеллекта и человечности он обнаружил у людей, которые по своим личностным характеристикам стояли очень высоко. Эрих Фромм, учитель А. Маслоу, которым он восторгался, начертил в своей гуманистической теории психики тот же синдром «плодотворной личности», противопоставив ее «авторитарной совести» и «симбиотической связи эгозащиты». И тот и другой говорят, что отличительными чертами плодотворных, рациональных людей являются отсутствие эго-центризма, сильная воля, высокая самостоятельность мышления, сердечная теплота и потребность служить обществу. Те же качества находят в совершенно независимом исследовании Джерри Поррас и Джим Коллинз у руководителей самых успешных компаний

мира, у которых эта теория звучит с тонким намеком на католический культ святого человека, отказывающегося от себя в пользу христового человеколюбия (о чем о ним сами нигде не упоминают, конечно).

Как мне кажется, это исследование визинарных компаний (visionary, способные видеть вперед, то есть обладающие научным контролем, если переводить на язык теории психической энергии) — основной на сегодня фактический материал, подтверждающий нашу теорию двух качественно различных обществ в зависимости от доминирования в них того или другого поля психики. Поскольку пока термин «силовое поле психики» не имеет широкого применения в психологии, понятно, что этот термин значит то же, что «синдром самоактуалов» или синдром эгозащитного поведения, как его описывают гуманистические психологи: Фромм, Хорни, Роджерс, Маслоу.

Итак, та мистика понятия всеобщей воли, которую со времен Руссо делали многократные безуспешные попытки разрешить и свести к четкому понятию, пригодному в практическом применении, вполне получает свое разрешение в терминах энергетической теории психики. Если будет доказано, что здоровая психика идентична у всех людей в своих базовых характеристиках (а кто сегодня будет спорить с теми характеристиками, как их обозначили Фромм, Маслоу или Поррас и Коллинз), и таким образом доказаны общие закономерности психики человека, то понятно что термин всеобщая воля получает свое объяснение как единая воля научного контроля. Истина, которой сегодня отказывают в существовании кантианцы и эмпирики, сознание, которое отрицают материалисты, дарвинисты и позитивисты, вновь получают свои права на существование; и тогда термин научный контроль и всеобщая воля перестают быть бессмысленными.

Научный контроль возможен только на основе теории естественного права, как его понимали Платон, Цицерон, Спиноза, Руссо, Локк, Пейн, Кондорсе, Гроций, Кропоткин, Конт, Герцен, Прудон, Спенсер, Милль, Рассел, Эйнштейн и др исследователи.

Прудон очень четко противопоставляет в «Что такое собственность» научный контроль законов природы — законодательным институтам юридического права:

> «Человек стремится открыть науку или систему неорганических тел, систему тел органических, систему человеческого духа, систему мира; может ли он не стремиться к открытию системы общества? Достигнув этого предела, человек узнает, что политическая истина или политическая наука совершенно независима от воли суверена, от мнения большинства и народных верований, что короли, министры, администрации и народы, как носители воли, для науки ничто и не заслуживают никакого внимания. Он начинает понимать, что истинным его вождем и королем является доказанная истина, что политика есть наука, а не хитрость и что функции законодателя в конечном счете сводятся к методическому исследованию истины. И так во всяком данном обществе власть человека над человеком обратно пропорциональна интеллектуальному развитию, достигнутому обществом»

Карл Поппер поднимает этот вопрос в «Открытом обществе и его врагах», противопоставляя «психологизм» Джона Милля, которого он осуждает за позицию естественного права, «экономизму» Маркса, которого он хвалит за позицию юридического «позитивного) права. Огюст Конт, который исключил сознание и психологии из своей иерархии наук, в конечном итоге должен был вставить вместо них этику, и утверждать, что эволюция общества происходит вследствие эволюции психики человека от эгоизма к альтруизму. Эти понятия у него настолько не разработаны и грубы, что в научном отношении от них мало пользы, но в конечном итоге и Конт четко подчеркивает идею естественного права, то есть законов природы в основе человеческого общества. Он прямо говорит, что юридизм только промежуточная стадия на пути к научному контролю общества. Петр Кропоткин ссылается на Огюста Конта в книге «Этика», в которой он также доказывает, что эволюция общества может происходить только из эволюции сознания человека, и ищет подобно Конту возможность перехода от эгоизма к альтруизму, — проблема, которую не только решить, но сформулировать в научно допусти-

мой форме нельзя без теории силовых полей психики. Герцен, который также считал себя позитивистом, пишет в «Докторе Крупове», что исторический процесс есть история человеческого безумия, которое медленно эволюционирует в сторону здорового рационализма. Герцен говорит в «С того берега», что «привык к взгляду врача, а не судьи», что *«видя страдания, видя недостатки, он ищет причину» вместо* того, чтобы наказывать подобно судье.

Бертран Рассел тоже говорит в пользу позиции врача и против позиции судьи в «Дорогах к свободе»:

> «Точно такой же подход следовало бы практиковать и в ситуации с тем, что мы называем „преступлением“. Любая боль, которую может повлечь процесс предупреждения преступности, должна быть сведена к минимуму, как боль при хирургических операциях. Человек, который идет на преступление из импульса к насилию, должен быть подвергнут психологическому лечению, рассчитанному на высвобождение более здоровых импульсов. Человека, который идет на преступление из эгоистических соображений, следует убедить в том, что правильно понимаемая любовь к себе, будет значительно лучше удовлетворена полезной для общества жизнью, чем вредительством другим людям. Для этой цели преимущественно необходимо расширить его кругозор и увеличить уровень знаний». Мысль здесь та, что естественное право строит управление обществом на научном контроле, а научный контроль подразумевает подход врача, «терапию» человеческой природы. В то время как позитивное право — это право установленное юридически силовыми институтами, которое и регулируется этими силовыми институтами, страхом и наказанием. Против этого и восстают все защитники естественного права.

Английские позитивисты Дж. Милль и Г. Спенсер всецело разделяют мнение Огюста Конта. Так, Г. Спенсер противопоставляет «обожанию силы», которое он описывает как психологическую основу Левиафанов, — «нравственное чувство», которое на его взгляд в основе здоровых, свободных обществ.

Г. Спенсер «Социальная статика»:

> «Одним словом, мы обладаем «нравственным чувством», которое побуждает нас к прямодушию во взаимных отношениях. Вследствие

> этого честное и искреннее поведение доставляет нам удовольствие, и в нас является чувство справедливости. Признаки существования этой способности мы находим, начиная от самой глубокой древности и до настоящего времени. Признаки эти, по счастью, умножаются, как скоро мы начинаем приближаться к нашим дням. Статьи Великой Хартии выражают протест нравственного чувства против притеснений, и его требования по отношению к водворению справедливости. Его инициатива послужила причиною уничтожения рабства. Нравственное чувство придало Виклефу, Гуссу, Лютеру и Кноксу мужество в их борьбе против папства. Оно побудило гугенотов, пресвитериан, моравов отстаивать свободу суждения в делах веры. Оно внушило Мильтону его «опыт о свободе печати». Теперь то же чувство порождает ассоциации против государственной церкви, и обнаруживает свое действие в разнородных обществах, направленных к увеличению власти народа. Оно строит памятники мученикам политической деятельности, оно агитирует за допущение евреев в парламент, оно распространяет книги о правах женщин, подает петиции против сословного законодательства, угрожает восстать против конскрипции ополчения, отказывается платить приходские (церковные) сборы, отменяет притеснительные законы о должниках, оплакивает печальные судьбы Италии и вызывает симпатии к венгерцам. Из него, как из корня, взрастают наши стремления к социальной правдивости, оно порождает изречения вроде следующих: «Поступай с другими так, как бы ты желал, чтобы поступали с тобою»; «Честность — лучшая политика»; «Сначала справедливость, а потом великодушие», — вот его цвет, а плоды его — справедливость, свобода и безопасность». Далее Спенсер там же утверждает идею естественного права: «Никакие законы человеческие не могут иметь действительного значения, если они противны законам природы; все законы, которые имеют подобное значение, почерпают всю свою силу и весь свой авторитет из того же источника естественных прав». Вот что пишет Блекстон, за которым должна остаться честь, что он в этом случае видел много далее идей не только своего времени, но, можно сказать, и нашего»

Везде у теоретиков естественного права мы видим принцип Платона о торжестве философов — правителей, которые к Прудона принимают вид Академии наук, у Руссо вид всеобщей воли народа, как выразителя общей истины, у позитивистов также без обиняков говорится, что наука и научные работники выдавят силовые институты и чиновников, Рассел, Кропоткин и Герцен противопоставляют врачей как интеллекту-

алов научного контроля — судьям и работникам силовых институтов.

Однако, сторонников естественного права настойчиво смешивают с теоретиками марксизма-ленинизма, даже с теоретиками фашизма, такими как К. Шмитт или М. Вебер, хотя абсолютная противоположность позиций в данном случае очевидна. Марксисты и фашисты настаивают подобно Гоббсу на верховенстве юридического (позитивного) права, на Левиафанах, правительство которых уничтожает волю своих подчиненных, поглощая ее в воле единого господина.

Теоретики естественного права тоже говорят о едином государстве, тоже подобно Руссо или Спенсеру пользуются метафорой «организм», когда говорят об обществе, но в данном случае речь идет о свободе, о демократии самоуправления, поскольку воля такого здорового общества соединяется не путем насилия и подчинения, не путем господства, о котором писал Вебер, не путем власти князя Макиавелли или насилия господствующего класса Маркса. Всеобщая воля такого общественного организма есть соединение общих, базовых, фундаментальных потребностей всего здорового человечества, соединение мышления в истине, а сердца в поисках справедливости и сочувствия. Левиафаны поглощают волю людей, платоновские республики многократно расширяют их волю соединением с энергией других таких же здоровых людей. Это то чувство, которое каждый знает по своему опыту, когда ощущает счастье находится в коллективе близких друзей, с которыми интересно общаться и всегда можно быть искренним. Мышление индивидов не только свободно и самостоятельно в здоровом обществе, но еще и обладает всей необходимой инфраструктурой в виде здоровых общественных отношений, когда мелочные интересы не приводят к повсеместному сокрытию информации или постановке мелочных задач, далеких от науки, когда развита и доступна техническая база и научные институты.

Никто не сказал об этом лучше Цицерона:

> «Но из всего того, что обсуждают ученые люди, конечно, ничто не важно в такой степени, в какой важно полное понимание того,

> что мы рождены для справедливости и что не на мнении людей, а на природе основано право. Это сразу станет очевидным, если мы вникнем в сущность человеческого общества и связей между людьми. Ведь ни одна вещь в такой степени не подобна другой, так не равна ей, в какой все мы подобны и равны друг другу. И если бы упадок наших обычаев и расхождение мнений не извращали и не отвлекали наших слабых умов, куда только пожелают, то каждый из нас был бы столь же подобен самому себе, сколь все люди подобны друг другу... И в самом деле, разум, который один возвышает нас над зверями, разум, благодаря которому мы сильны своей догадливостью, приводим доказательства, опровергаем, рассуждаем, делаем выводы, несомненно, есть общее достояние всех людей; он различен в зависимости от полученного ими образования, но одинаков у всех, в отношении способности учиться. Ведь чувства всех людей воспринимают одно и то же, и то, что действует на чувства, в равной степени действует на чувства всех людей... И сходство между людьми необычайно велико не только в хороших, но и в дурных качествах. Но какой народ не ценит приветливости, благожелательности, сердечной доброты и способности помнить оказанные благодеяния? Какой народ не презирает, не ненавидит надменных, злокозненных, жестоких и неблагодарных людей? И когда мы поймем, что это объединяет весь человеческий род, то останется [только показать, что этим объединением людей должны управлять законы, способные укреплять дружбу и основанные на разуме,] так как разумный образ жизни делает людей лучше»

Цицерон О законах

Карл Поппер, австрийская школа Фридриха Хайека, Людвига Мизеса жестко противопоставляют индивидуализм и коллективизм. Поппер в книге «Открытое общество» ставит Платона, Руссо, Конта в один ряд с Гегелем и Марксом только потому, что они все «коллективисты». Есть очень четкая грань между нездоровым коллективизмом Левиафанов и здоровым коллективизмом республик Платона. В первых энергию индивида поглотило не государство, а поле Эгосистемы, так что и вне государства эти люди, подобно аборигенам живут далекой от сознательной жизни индивида жизнью. Например, со времен Робертсона Смита известен феномен «коллективных представлений» аборигенов, которые насквозь мистические, и всегда приводят к магическим ритуалам поклонения

тотемам. Еще нет деспотов, которые могли бы и желали подчинить себе общество, а аборигены уже сами ищут, кому поклонятся, сами себя истязают голодом и пытками, сами накладывают на себя оброк и трудовые повинности, принося обильные жертвоприношения. Потому что сознательная энергия их психики, которая и есть личность индивида, уже поглощена притяжениями влюбленности и самолюбия поля Эгосистемы. Левиафаны — не поглощают сознательную личность индивидов, они есть только соединение людей, у которых нет такой сознательной личности. Господа Левиафанов поглощают энергию поля Эгосистемы через соединение притяжений этого поля; если люди были сознательными личностями они дали бы себя убить но не стали бы обожествлять идиотов и батрачить на них. «Коллективизм» в таких обществах — это скрытый аутизм абсолютной зависимости людей друг от друга, поскольку они живут притяжениями влюбленности и самолюбия.

Сознательные личности относительно автономны, как много раз подчеркивает Маслоу в исследовании самоактуалов. Автономность рациональных людей (относительная автономность, поскольку научный контроль дело исключительно коллективное) есть результат поля интеллекта, которое «заряжается» интеллектуальной активностью, мышлением, «медитацией» если угодно. Они не нуждаются в притяжениях влюбленности и самолюбия, чтобы двигаться, они «влюблены» в науку, и это делает их относительно независимыми друг от друга. Поэтому коллективизм здоровых обществ носит совершенно отличный характер. В его основе соединение сознательных личностей, индивидов в полном смысле этого слова. Такие люди сердечно дружат и маленькими группами, и также искренни, совестливы и дисциплинированны в больших коллективах. Слияние такой энергии не есть поглощение воли в рабстве и подчинение, но тем не менее есть факт слияния энергии. Он ощущается в той самоотверженной дружбе, которая ничего не жалеет для своего ближнего. В том феномене, который Маслоу называет «трансценденцией Я». По-

нятно, что такая дружба (любовь) не только не обедняет личности, но сильно обогащает ее умственный и энергетический потенциал, так что в таких обществах, как правильно замечают ученые, индивидуальность растет вместе с социализацией людей.

Герберт Спенсер, Бертран Рассел, Абрахам Маслоу подчеркивают в этой связи, что сообщества здоровых людей не поглощают энергию индивидов; противопоставление коллективизма и индивидуализма некорректно; в здоровом обществе человек одинаково обладает высокой индивидуальной свободой и сильно зависит от своего коллектива. Однако, эта зависимость человека от коллектива здорового общества не только не тяготит «синдромом тоталитаризма» Левиафанов, но напротив увеличивает чувство безопасности, свободы и сотрудничества у людей.

Герберт Спенсер «Социальная статика»:

> «Прогресс ведет людей одновременно и к большей взаимной зависимости, и к большей индивидуализации, — каким образом благосостояние каждого с каждым днем все теснее и теснее соединяется с благосостоянием всех и почему, следовательно, интерес каждого заключается в том, чтобы уважать интересы всех. Многим факт этот к несчастью совершенно неизвестен… Человек неизбежно должен убедиться, что его собственное благосостояние и благосостояние всех вообще людей — нераздельны. Он тогда увидит, что все то, что доводит до болезненного состояния одну какую-либо составную часть общества, неизбежно вредит всем другим частям. Он поймет, что его собственная жизнь сделается тем, чем ей следует быть, только тогда, когда все общество придет к нормальному устройству. Он проникнется благотворной истиной, что никто не может пользоваться полной свободой до тех пор, пока не будут свободны все, никто не может быть вполне нравственным, пока все не будут нравственны, и что ни для кого недоступно полное счастье до тех пор, пока все не будут счастливы. Для достижения полного счастья гражданин не только должен сам сообразоваться с нравственным законом, но для него чрезвычайно важно, чтобы и всякий другой поступал точно так же. Таким образом, мы приходим к убеждению, что аналогии между обществом и живым существом не только вполне оправдывается, но к ним применяется один и тот же закон жизни. Соединение многих людей в одно общество,

> постоянно возрастающая взаимная зависимость отдельных членов, которые сначала были совершенно самостоятельны»

А. Маслоу «Мотивация и личность»:

> «Тот факт, что самоактуализирующиеся люди даже в любви способны оставаться отстраненными, сохраняют свою индивидуальность и личностную самостоятельность, может показаться парадоксальным, так как индивидуализм и отстраненность, на первый взгляд, абсолютно несовместимы с той особого рода любовным отождествлением, которое мы обнаружили у самоактуализирующихся индивидуумов. Но это — лишь кажущийся парадокс. Я уже говорил о том, что отстраненность здорового человека может гармонично сочетаться с его абсолютным, полным отождествлением с предметом своей любви. Удивительно, но о самоактуализирующихся людях можно сказать, что они одновременно и самые большие индивидуалисты, и самые последовательные альтруисты, существа, крайне социальные и до восхищения способные любить. В рамках нашей культуры индивидуализм принято противопоставлять альтруизму, эти два свойства принято рассматривать в качестве крайних пределов единого континуума, но мы уже говорили о том, что Подобная точка зрения ошибочна и требует тщательной корректировки»

Бертран Рассел «Власть и личность»:

> «Между теориями социального сплочения и теориями индивидуальной инициативы веками идут споры со времен древней Греции. Как правило, в вечных спорах всегда можно быть уверенным в том, что правда содержится в позициях обеих сторон. Скорее всего, там не будет резкой границы между этими позициями, но истина будет включать в себя аргументы обеих сторон и компромисс между ними»

Эти платоновские республики, это «достояния народа» Цицерона, «организмы» всеобщей воли Руссо, демократические социализмы Рассела, Кропоткина, Герцена, Прудона станут государствами будущего, в которых, как правильно предсказывал Огюст Конт, научный контроль полностью вытеснит юридическое право. Место силовых институтов, которые сегодня стоят в центре каждого государства, займут научные и образовательные институты, поскольку теперь они будут нести всю нагрузку

управления обществом. Эта та принципиальная разница между механизмом врачевания и предупреждения социального зла, которое в основе естественного права и механизмом устрашения и наказания, который лежит в основе позитивного (юридического) права, о которой говорят Герцен, Рассел, Кропоткин, Спиноза и д

Понятно, что свобода такого общества совсем особого рода, нежели та, что нам предлагают демократии юридического права. Здесь, как в визинарных компаниях Порраса и Коллинза, которые в высшей степени приближаются к республикой всеобщей воли и научного контроля Платона, самодисциплина и ответственность стоят в преддверие всякой свободы и всякого успешного функционирования организации. Наука рождает свободу. Те, кто считает, что свобода первична как черепаха, на которой стоит свет, забывает, что интеллект как метафизика формы вселенной, первичен по отношению ко всему. Свобода, как и все что, есть в нашем мире, имеет своим источником интеллект. Мы увидим, что все кто считает иначе, найдут себя вместе с «отчаявшимся духом» Кьеркегора в поисках рыцарей из сказки, которые живут в воздушных замках мнимых демократий, отнимающих у них все остатки политической и экономической свободы. Чтобы была свобода, надо чтобы сначала была наука и научный контроль. Тогда человек получает здоровое общество, в котором он получает все условия реализации своей природы в знании, в компетентности, в сотрудничестве и тп. Быть самим собой, быть здоровым, образованным самодостаточным человеком, окруженным такими же здоровыми, интересными, уважаемыми людьми — это и есть свобода. Но для обеспечения этой свободы человек должен подчиниться законам природы, должен признать свободу как осознанную необходимость. Шизоидность современного агностицизма и скептицизма, которая приводит к отрицанию единой истины и к отстаиванию мифологической свободы богочеловеков Ницше и Канта не может иметь место в таком обществе. Осью общества научного контроля, его нервом, его мозгом является центральной положение науки и обра-

зовательных учреждений, которые не могут существовать без признания единой истины, без метафизики интеллекта, без строгой теории познания.

Кант, который провозгласил абсолютную свободу сознания, вплоть до «законодательства», бросая тем самым вызов законам природы, и ставя свободу человека над мировым интеллектом, вынужден был, как пишет П. Новгородцев в книге «Кант и Гегель», отказаться от естественного права Руссо в пользу позитивного права Гоббса. И как следствие, его теория государства неизбежно становится теорией Левиафана Гоббса, «утопившего нравственность в положительном законе», как пишет Новгородцев. Поэтому Новгородцев говорит о нем как о двуликом Янусе, теория свободы которого заканчивается на свободе индивида придумывать себе законы в своей комнате, так как за пределами его жилища он подчиняется тирании позитивного законодательства, основанного на насилии силовых институтов. Также и по тем же причинам поступает Гегель, разговоры которого о прогрессе как о прогрессе в степени свободы сводятся к тому, что он объявляет позитивное законодательство прусского государства вершиной политического либерализма, а само государство обожествляет, так что оно у него предстает таким же чудовищем Левиафаном, поглощающим жизнь и волю своих граждан.

П. Новгородцев пишет в книге «Кризис современного правосознания» о том, что теория правового государства, как прав человека, гарантированных представительной демократией себя не оправдала, и что уже на момент написания им книги (начало 20 века) с ним солидарно в этом выводе все просвещенное человечество, которое он широко цитирует. Его основные возражения сводятся к тому, что представительная демократия, которая определяет волю народа через систему выборов, в которых принимает сознательное участие меньше трети населения, а потом эту волю представляют очень далекие от народа люди, не имеет ничего общего с «всеобщей волей» Руссо, а, следовательно, с принципом самоуправления народа. Надо сказать, что

Бертран Рассел в своих социальных книгах всецело поддерживает такой взгляд на современную ему демократию (вторая половина 20 века), где он пишет, что человек имеет всего лишь 200-миллионную долю в управлении через систему выборов, и что власть сосредотачивается в руках бюрократического меньшинства, очень далекого от народа. В итоге получается тот самый двуликий Янус либеральной идеологии, которая на словах провозглашает свободу богочеловеков Канта, а на деле лишает людей свободы.

Юридизм правовых государств, о котором Конт говорит как о промежуточной стадии в становлении государства, действительно есть переходный период между полицейскими государствами голого насилия и государствами научного контроля. Майкл Игнатьев пишет в книге «Права человека», что теория прав человека невозможно без естественного права и без метафизики интеллекта, признающий единую истину для всего человечества. Мы знаем, что современная наука не желает признавать ни того ни другого. Должны ли мы удивляться кризису в теории прав человека? Здесь нам важно заметить, что юридизм правовых государств как переходный период необязательно приведет человечество к свободе и безопасности обществ научного контроля. Он вполне может сломаться на дороге и вернуть человечество к Левиафанам полицейских государств.

Понятно, что в данном случае речь идет о линейном движении, об устойчивом равновесии вместо циклов равновесия-неравновесия у Левиафанов. Устойчивое равновесие интеллекта берет свое начало в доступе к истине, которую открывает человеку поле интеллекта. В отличие от поля Эгосистемы, которое показывает только миражи столкновений двух условных фигур, поле интеллекта показывает реальные законы природы и дает человеку доступ к силе реальных природных энергий. Поэтому человек уверено двигается вперед от знания к знанию, от одной технической революции к другой технической революции. Его общество и его отношения сотрудничества и дружбы также устойчивы как его знания об окружающем мире, потому что

и здесь вместо миражей поля Эгосистемы люди видят реальную здоровую энергию друг друга. Так получается общество устойчивого равновесия и линейного движения, общество роста и развития, дружбы и сотрудничества, ответственности и самодисциплины.

Циклы Левиафанам — это колоссальная трагедия войн и крушений государств, которые никак не изменяют своей сущности, но катастрофически меняют судьбы многих тысяч людей, вовлеченных в это колесо Майи, которое крутится через жизни несчастных людей, перемалывая их подобно жернову. Это мотивация боли (страха, ненависти), которая в основе эгозащиты нерациональных людей, это боль в мелком и в маленьком, в крупном и большом; это течение циклов механической энергии через кровь и сердце живых человеческих существ. Линейное движение разумных обществ — это счастье единства разумной, человечной энергии людей через интеллект и поле совести, которые соединяют их в единое целое психических организмов научного контроля. Это стабильность постоянной природы человека и общества. Развитие необходимо до тех пор пока утвердится научный контроль. Дальше — это дело интереса и энергетических возможностей человечества. В любом случае, поддержание научной инфраструктуры обществ научного контроля дело настолько трудоемкое, что скучать этим обществам никогда не придется, даже если движение вперед будет значительно замедленно.

Нам осталось рассмотреть третий тип государства, которое происходит от третьего типа личности Платона. Он называет этот третий тип личности «честолюбцем» или «гневным началом» души, и противопоставляет его «пошлости» торговцев и благородству стремления к знанию философов. Если это «Гневное начало» честолюбца не подчинено разуму, говорит Платон, оно крайне разрушительно: «А честолюбец? Разве он не считает, что удовольствия, доставляемые деньгами, — это нечто пошлое, а с другой стороны, удовольствие от знаний, поскольку наука не приносит почета, — это просто дым?»

Мы называем это третье начало — шизоидностью, о которой подробно будем говорить в следующей главе. Сущность шизоидности состоит в том, что интеллект, который вторгается на поле эгосистемы, ломает там механизм цикличного равновесия притяжений влюбленности и самолюбия. Интеллект логически доказывает примат Эго над СуперЭго и этим утверждает постоянство Самолюбия. Яркий пример такой шизоидной эгозащиты — философия «воли к власти» Ницше, равно и все подобные бестолковые фантазии. Поскольку поле эгосистемы отражает бредовую информацию и суть его только в том чтобы запускать механическую энергию через цикличное равновесие, то эта медвежья услуга интеллекта приводит в конечном итоге только к поломке механизма детерминированной энергии психики. Притяжение Самолюбия без влюбленности оказывается подобно слону на льду, которое все время метит или в императоры мира или к абсолютному аутизму, если не может навязать всему миру свою власть. Такова трагедия шизоидной личности, которая многократно в деталях описана в психиатрической литературе. Тот факт, что шизоидность ломает цикличное равновесие «циклотимиков» первым заметил Эрнст Кречмер в «Строение тела и характер».

А в чем специфика шизоидных государств? Эта специфика известна нам всем по той специфике «западного мира», которую еще называют «иудео-греческой цивилизацией» Древнего Израиля, Древней Греции и Древнего Рима. Эрнест Ренан говорит в «Истории израильского народа» об этих трех древних государствах, как об источниках современной западной цивилизации. Специфика этих государств в том, что незрелый интеллект, который пробудился в них со всей мощью, разрушил цикличное равновесие Левиафанов, но не успел найти линейное, устойчивое равновесие научного контроля Республик. В итоге, уделом шизоидных государств является крушение и регресс к цикличным примитивным обществам, в данном случае к варварским королевствам средневековья. Сегодня западная цивилизация стоит перед той же угрозой, поскольку научный контроль все также

далек от своей реализации в социальной сфере, как это имело место в первых античных республиках. А значит другой яркий пример шизоидных государств — современные правовые государства, притязающие на звание республик. Заслужили ли они его? Или правы те, кто вместе с Б. Расселом и П. Новгородцевым говорят о «кризисе современного правосознания»?

ГЛАВА 11. ШИЗОИДНОСТЬ НЕЗРЕЛОГО ИНТЕЛЛЕКТА

> «Что бы историческое я ни начинал читать, везде, во все времена открывал я разные безумия, которые соединялись в одно всемирное хроническое сумасшествие. Тита Ливия я брал или Муратори, Тацита или Гиббона — никакой разницы: все они, равно как и наш отечественный историк Карамзин, — все доказывают одно: что история, не что иное, как связный рассказ родового хронического безумия и его медленного излечения (этот рассказ даст по наведению полное право надеяться, что через тысячу лет двумя-тремя безумиями будет меньше). Истинно, не считаю нужным приводить примеры; их миллионы»
>
> *А. Герцен Доктор Крупов*

1) Психология шизофрении
2) Шизоидность античности
3) Шизоидность в Новое время и Новейшее время
4) Устойчивое равновесие и Пространство Интеллекта

1) Психология шизофрении

Эрнст Кречмер, который противопоставил психику циклотимиков и шизоидов, считал, что различия психики связаны со строением тела, и в целом с физиологическими особенностями организма. Соглашаясь с фактическим материалом, обобщенным Кречмером в исследовании циклотимиков и шизои-

дов, мы категорически отвергаем его попытки теоретического объяснения опытных находок, которые очень важны. Конечно, не строение тела и не физиология в ответе за цикличный механизм равновесия психики, или за шизоидность, которая представляет собой сломанный цикличный гомеостаз поля Эгосистемы. Источники особенностей характера циклотимиков и шизоидов — в особенностях закономерностей психической энергии человека.

Не зная этого, Кречмер не мог объяснить ни того, почему характер циклотимиков носит характер цикличного равновесия, ни того, почему это цикличное равновесие нарушается у шизоидов. Но надо отдать ему должное, он с гениальной прозорливостью установил факт, которого никто до него не видел. Это Кречмер первым сказал, что главное различие между циклотимиками и шизоидами в том, что у шизоидов разрушается цикличное равновесие психики. Об этом мы и будем говорить, но гораздо подробнее, поскольку мы не связаны, подобно Кречмеру, физиологической теорией психопатологии. Мы будем говорить на языке энергетике о психических источниках этого феномена.

Мы видели в предыдущей главе, что механизм цикличного равновесия возможен только на поле эгосистемы. Здоровая психика поля интеллекта имеет устойчивое равновесие и линейное движение, рост в накоплении знаний и энергии человека. Цикличное равновесие поля Эгосистемы — стандартный механизм детерминированных (механических) энергий природы, который является патологией только для психики человека, поскольку паразитирует за счет разумной и живой энергии сознания. Для функционирования этого цикличного равновесия нужны притяжения Самолюбия и Влюбленности, которое поле эгосистемы постоянно воспроизводит в виде эгозащиты. Это все автоматизмы чувственной психики, которые нигде не нуждаются в интеллекте, поскольку даже базовая информация поля Эгосистемы — чувственная.

Интеллект, вторгаясь на поле эгосистемы, разрушает его цикличный гомеостаз. Каким образом? Интеллект логически до-

казывает примат Эго над СуперЭго, и таким образом, оставляет только притяжение Самолюбия. Возможность позиции подчинения, позиция раба в дихотомии господин-раб оказывается недоступной. Притяжение Влюбленности перестает существовать, а значит, циклы соединения самолюбия-влюбленности больше невозможны. Понятно, что это ненастоящий интеллект, а только формальная логика. Настоящий интеллект ищет законов природы и имеет дело с фактами реальности. Формальная логика способна систематизировать и обобщать любые фантазии, в данном случае речь идет о кривом зеркале поля Эгосистемы: загрузках эго и суперэго. Таким образом, шизоидность — это катастрофа обоих силовых полей психики, так как она разрушает оба контроля закона сохранения силы: физический контроль цикличного равновесия, и интеллектуальный контроль научного познания. Конечно, поле эгосистемы само по себе — болезнь, так как это механическая энергия, пожирающая ресурсы разумной, живой энергии сознания. Но пока цел цикличный гомеостаз ее механизма это не так бросается в глаза. Только когда шизоидность приводит к слому этого механизма, болезнь становится заметной. Психоз, который наступает вследствие окончательного краха базовой живой энергии психики, делает эту болезнь очевидной, поскольку бредовость автоматизмов эгозащиты больше не скрыта рациональностью живого сознания.

Э. Кречмер «Строение тела и характер»:

> «Циркулярные психозы протекают волнами, которые набегают и уходят и опять выравниваются. Почти одно и то же наблюдается в картине личности до и после психоза. Шизофренические психозы протекают толчками. Что-то перемещается во внутренней структуре. Все строение может рушиться внутри, или же появляются некоторые уклоны. Но в большинстве случаев сохраняется нечто, что уже больше не восстановляется. В легких случаях мы называем это постпсихотической личностью, в тяжелых — шизофреническим слабоумием; между тем и другим нет никаких границ. С дальнейшим развитием болезни, со сдвигом психэстетической пропорции эта крайняя утонченность и важность могут перейти в резкую противоположность.

> Там, где сдвиг пошел дальше, мы уже не можем говорить о постпсихотической личности, ибо речь идет о развалине, о шизофреническом слабоумии».

Психиатры давно заметили эту особенность шизоидной психики, когда самолюбие чрезвычайно обостряется, а позиция подчинения (которую Фрейд ассоциирует с влюбленностью) становится совершенно неприемлемой и невозможной. Разные авторы пишут о том, что для шизоидов в этой связи становятся возможны только две установки: либо установка власти для реализации своего самолюбия, либо, если это невозможно (как бывает обычно), — установка аутизма, избегание среды, которая делается крайне болезненной для самолюбия. При этом подчеркивается особая интеллектуальная одаренность шизоидов, формальная логика, оторванная от действительности, и «метафизическая интоксикация», которая и есть мистика сверхъестественных сил поля Эгосистемы. Кречмер противопоставляет «подвижных как ртуть» циклотимиков, оппортунистов, которые не способны к систематическому мышлению, и тяжеловесных шизоидов, которые все систематизируют и схематизируют, и не способны к оппортунизму.

Э. Кречмер «Строение тела и характер»:

> «Здесь особенно ясно выступает несистематическое мышление, обусловленное моментом, свежим впечатлением, случайно всплывшей идеей, отсутствие оценки анализа, системы последовательного построения и твердой руководящей идеи, т. е. преобладание интереса при недостаточной выдержке. Уклон в оппортунизм, который, так сказать, лежит в плоскости циклотимических темпераментов. Шизофреники эксцентричны, витиеваты, туманно-расплывчаты, мистически метафизичны, склонны к системе и к схематическому изложению; гипоманьяки, напротив, лишены системы, говорливы, находчивы, сговорчивы, подвижны, как ртуть»
> «Разные ученные пришли к выводу, что люди, у которых развилась шизофрения, особенно чувствительны к определенным стрессовым воздействиям типа реальной или переживаемой угрозы самолюбию или самооценке и что они могут реагировать и болезненно реагировать, на события, которые другие не сочтут огорчительными. Lexmann (1975) писал: «Те, кто много работал с шизофрениками,

> знают, что этих пациентов очень легко «задеть за живое» ... таким поведением, которое в большинстве случаев вряд ли было бы замеченным людьми с нормальной чувствительностью, а если бы на него и обратили бы внимание, определенно не вызвало бы травмирующих переживаний.»

Под ред. Р. Дж. Энсилла, С. Холлидея,
Дж. Хигенботтема Шизофрения.
Изучение спектра психозов.
М. Медицина 2001

А. Кемпинский «Психология шизофрении»:

> «Не редко в основании аутизма лежит неспособность осциллировать между установками „я управляю“ и „я управляемый“. Среда, которой нельзя быть властелином становится чуждой и враждебной, высвобождает тенденцию к бегству на безопасную территорию, обозначенную местоимением „мой“. Зависть вызывают те, кто свободно двигаются за пределами этой территории. Возникают фантазии о том, что бы одолеть их и распространить свою власть на чужое окружение... Социальное давление в преморбидном периоде шизофрении обычно бывает особенно значительным. Оно парализует движение таких людей, делает невозможным контакт с окружением и приводит к самоизоляции»

Этот сломанный цикличный гомеостаз на поле эгосистемы и заостряет драматически полюса Эго и Суперэго, что психиатры диагностируют как выраженное противостояние с окружающим миром у шизоидов (хотя к миру там ничего не имеет отношения, только к кривому зеркалу). Как черно-белый мир борьбы противоположных сил.

А. Кемпинский «Психология шизофрении»:

> «Бредовая структура помимо прочего основывается на том, что эгоцентричность системы подвергается еще большему акцентированию. При этом исчезает нормальная перспектива, которая позволяет отделить „то, что касается меня“ от „того, что меня не касается“. Больного касается все, все к нему относится. Происходит приближение окружающего мира — его „физиогномизация“ .... Давление окружающего мира становится настолько сильным, что утрачивается способность свободного перемещения в нем... Хотя, в общем, события влияют на тематику шизофренического мира избирательно, так что она

> меняется в зависимости от эпохи и культурного круга и пол века назад иначе, нежели в настоящее время, однако определенные мотивы повторяются: борьба противоположных сил…. Этот мир является полем битвы противоположных сил, обычно морального характера — добра и зла, красоты и безобразия, мудрости и глупости»

Кречмер пишет об психэстетической пропорции у шизоидов и диатетической пропорции у циклоидов. Психэстетическая пропорция — это продвижение между полюсами сверхчувствительности и нечувствительности. А диатетическая пропорция — это полюса веселья и печали.

Э. Кречмер «Строение тела и характер»:

> «Словом, шизоид не растворяется в среде. Здесь всегда — стеклянная завеса. При гиперэстетических типах развивается иногда резкая антитеза: „я“ и внешний мир. Постоянный самоанализ и сравнение: „Как действую я? Кто поступает со мной несправедливо? Кому я сделал уступку? Как теперь я пробьюсь?“ Эта черта четко выступает у талантливых художников, которые позже заболевали шизофренией или происходили из шизофренических семей: Гёрдерлин, Стриндберг, Людвиг II Баварский, Фейербах, Тассо, Микеланджело. Это люди постоянного душевного конфликта, жизнь которых представляет собою цепь трагедий и протекает по одному только тернистому пути. Они, если можно так выразиться, обладают талантом к трагическому. Циклотимик вовсе не в состоянии обострить ситуацию, если она трагична; он уже давно приспособился, и окружающий мир к нему приспособился, так как он его понимает и в контакте с ним. Резкий, холодный эгоизм, фарисейское самодовольство и чрезмерное самомнение во всех вариациях мы находим в шизофренических семьях. В то время как известные циклоидные типы являются типичными представителями здравого смысла, примиряющей умеренности, сглаживания и аффективного выравнивания, шизоиды, о которых мы говорим, характеризуются тем, что у них отсутствует аффективное среднее положение. Они или восхищены, или шокированы, или преклоняются, или ненавидят человека; сегодня они проникнуты чрезмерным самосознанием, завтра — совершенно разбиты. И это происходит вследствие пустяков: кто-нибудь употребил грубое выражение или непроизвольно коснулся их чувствительного комплекса. Или весь мир, или ничего, или как Шиллер, „срывающий с головы венок“, или как жалкий игрок, для которого единственным выходом является пуля в лоб. Они не видят людей, которые могут быть добрыми или злы-

> ми, с которыми можно ладить, если к ним отнестись несколько юмористически; для них существует только джентльмен или простолюдин, ангел или черт, святая или мегера — третьего нет. Цепь неудачных попыток приспособиться к жизни. Нежное чувство к окружающим — и тотчас же судорожный уход в самого себя, в одиночество. Отсутствует спокойное наблюдение, взвешивание. Все или ничего; экстаз и мечты в один момент, крайняя уязвимость — в другой»

Серен Кьеркегор противопоставляет циклотимиков и шизоидов, как два вида разного «отчаяния»: у первых отчаяние из-за отсутствия духа (разумной энергии), у вторых, говорит он, отчаивается дух (формальный интеллект поля эгосистемы). Первые, «круглые как галька, катятся повсюду как разменная монета», у них отсутствует Я; у вторых Я «уперлось против своего творца», и хочет «само себя создать», а в итоге только «король без королевства», который «прямо из сказки», и в конечном итоге законы природы все равно «пригвоздят его» к его истинному Я. Он противопоставляет эти виды отчаяния — здоровому духу человека, существо которого в том, чтобы «быть самим собой», в ладу законами природы, которые он называет «творцом».

С. Кьеркегор «Болезнь к смерти»:

> «Эта форма отчаяния в целом совершенно ускользает от людей. Ценой потери своего Я такой отчаявшийся тотчас же обретает бесконечную ловкость, благодаря которой его всюду охотно принимают и он достигает успеха в мире. Здесь уже нет никакой помехи, здесь Я и его бесконечность перестали быть стеснительным препятствием; круглый как галька, такой человек катится повсюду как разменная монета. Его не только не принимают за отчаявшегося, напротив, это как раз такой человек, какой нужен.
> ..Мощь, которую проявляет его негативная форма, столь же развязывает, сколь и связывает. Далеко не преуспев в том, чтобы все более и более быть собою, оно проявляется, напротив, все более и более как гипотетичное Я. Впрочем, при ближайшем рассмотрении вам нетрудно убедиться, что этот абсолютный князь — всего лишь король без королевства, который, по сути, ничем не управляет; его положение, сама его суверенность подчинены диалектике, согласно которой во всякое мгновение здесь бунт является законностью. Ведь в конце концов все здесь зависит он произвола Я. Стало быть, отча-

> явшийся человек только и делает, что строит замки в Испании и воюет с мельницами. Сколько шума всегда о добродетелях такого постановщика опытов! Эти добродетели на мгновение очаровывают, подобно восточному стиху: такое владение собою, каменная твердость, вся эта атараксия и так далее, они как из сказки. И они действительно выходят прямо из сказки, ибо за ними ничего не стоит. Это Я в своем отчаянии хочет вкусить наслаждение самому создавать себя, облекать себя в одежды, существовать благодаря самому себе, надеясь стяжать лавры поэмой со столь искусным сюжетом, короче, так прекрасно умея себя понять. Но что он подразумевает под этим, остается загадкой: ибо в то самое мгновение, когда он думает завершить все сооружение, все это может, по произволу, кануть в ничто. Это Я, отрицающее конкретные, непосредственные данности Я, возможно, начнет с того, что попытается выбросить зло за борт, притвориться. что его не существует, не пожелает ничего о нем знать. Но это ему не удастся, его гибкость и искусность в опытах не доходит до такой степени, как, впрочем, и его искусность строителя абстракций; подобно Прометею, бесконечно негативное Я чувствует себя пригвожденным к такому внутреннему рабству».

В итоге, шизоидная психика дает людей с двумя альтернативными установками сознания: господством воли к власти или аутизмом полной неспособности к общению с внешним миром. Сознание характеризуется высокой способностью к абстрактному мышлению, но в то же время формализмом и софистикой, «метафизической интоксикацией» мистического видения поля Эгосистемы. Эторасщепление между мистикой и здоровым восприятием, между сакральным и профанным отмечают все антропологи уже у дикарей, особенно Леви-Брюль; но у шизоидов это расщепление обостряется. В то же время, общее развитие интеллекта имеет и свои положительные результаты на поле интеллекта, развивая в какой-то степени живую, разумную энергию человека. Например, «совестливость» и проницательность Ницше, который писал много ерунды о жестокой воле и уничтожении неполноценных, но не был способен выносить вида страдающей лошади.

2) Шизоидность Античности

Прежде всего, необходимо заметить, что шизоидность есть болезнь незрелого интеллекта. Чтобы интеллект стал шизоидным, он сначала должен иметь место быть. Античность стала тем вулканическим извержением человеческого интеллекта, в котором он громко заявил о своем появлении на свет. И с тех пор интеллект имеет место быть на нашей маленькой планете. Но вместе с рождением интеллекта, родилась и его болезнь — шизодность, которая есть как бы детская болезнь интеллекта.

В чем эта болезнь проявилась в Античность? У греков, римлян, израильтян, или скажем у Наполеона, который по своему характеру и образованию еще всецело был человеком античности?

У всех шизоидность имеет одну и ту же специфику. Прежде всего шизоидный интеллект никогда не приходит один, но всегда вместе с параллельно развивающимся научным интеллектом, поскольку это источник его рождения. Поэтому люди и культуры в которых являет себя шизоидный интеллект — это культуры расщепления сознания на научный и шизоидный интеллект. Далее, это формальный интеллект, с высокими операционными способностями мышления (то что психиатры называют формальной логикой, высокой абстракцией, построением схем и систем), которому не хватает связи с фактами действительности. Примерно такой, каким был интеллект схоластической философии. Наконец, это мистический интеллект противоборства всемогущих сил, поскольку он берет на себя функции эгозащиты на поле эгосистемы. Это сознание устойчивого самолюбия, греческого «гибриса», «сверхчеловека» Ницше; или аутизм иудейской мистификации, сознательно отрывающей себя от фактов действительности.

Вот что пишет о расщепленном сознании Древних греков И. Суриков в книге «Пифагор»:

> «Настроения мистицизма нарастали в ту самую эпоху, когда имели место и духовные явления совершенно иного толка: насаждение

дельфийским жречеством этических идей умеренности, введение письменных законов во многих полисах. Если эта последняя тенденция воплощала в себе коллективистские начала, то мистические течения, напротив, характерны для возрастания индивидуализма. Опять перед нами та же извечная борьба двух принципов в античной культуре: „принципа Аполлона“ и „принципа Диониса“. Характерно, что если законодатели, как правило, обращались за божественной санкцией к Аполлону, то греческие мистики особое почитание оказывали Дионису. Итак, перед нами очередной парадокс культурной истории Древней Греции. В архаический период, когда возникли мистические, иррациональные учения, впервые родилось и самое яркое проявление античного рационализма — философия. И настолько бурным и противоречивым было „духовное кипение“ эпохи, что нередко философ-рационалист и вдохновенный мистический пророк совмещались в одном лице. Религиозные воззрения эллинов к этому моменту были уже вполне сформировавшимися, в том числе и представления об Аполлоне. Двойником-антиподом этого „светлого бога“ был Дионис, который являлся олицетворением как раз противоположной стороны бытия — экстаза, порыва, слома всех и всяческих перегородок. В XIX веке выдающийся немецкий философ Фридрих Ницше, глубокий знаток античности, предложил (в труде „Рождение трагедии“) видение всей греческой цивилизации как сосуществования и борьбы двух начал — „аполлонического“ и „дионисийского“, светлого, рационального и темного, трагического. Сам Ницше симпатизировал „дионисийскому“ началу. Со времен Ницше в „эллинской душе“ выявлена, наряду с „аполлонической“, „дионисийская“ сторона, иррациональная по самой своей сути. Борьба двух тенденций пронизывала буквально всё бытие: с этим мы и в предшествующем изложении не раз сталкивались, и в дальнейшем еще столкнемся. Но вот историко-культурный парадокс: в Дельфах девять месяцев в году почитался Аполлон, а остальные три месяца — Дионис. Очевидно, сами греки не мыслили этих двух начал в отрыве друг от друга. ...Одним из этапов судьбоносного для формирования европейского мироощущения пути „от мифа к логосу“, проделанного греками, и считается то самое „рождение философии“ — совершенно новой ментальной традиции, предпринявшей первые попытки объяснить мироздание с позиций не традиционных представлений, а разума и логики... Но точно так же среди предтеч первых философов были и чудотворцы-мистики. Удивляться не приходится: повторим, в Элладе той эпохи, о которой сейчас идет речь, всё как бы „двоится“ и выступает в самой причудливой смеси противоположных принципов. Парадигматичные фигуры Аполлона и Диониса, яв-

> ляющиеся в разнообразных обличьях... Да, две стороны было в античном эллинском мироощущении: светлая, солнечная, и темная, „ночная“. Из этих двух сторон, естественно, первая больше бросается в глаза и гораздо лучше известна. Ведь именно с ней связаны самые главные достижения древнегреческой культуры, литературы, искусства, как бы лучащиеся ярким сиянием. Темную сторону своей души грек, судя по всему, старался подавить, вытеснить в подсознание. Но она то там, то здесь прорывалась, давала о себе знать».

И. Суриков видит в этом расщеплении сознания — парадокс, мы понимаем, что такое расщепление сознания при незрелом интеллекте абсолютно закономерно. Далее, этот автор-антиковед говорит о том, что древние греки страдали манией величия, которую они сами именовали непереводимым на современный русский термином «гибрис». Там же он пишет, что у древних эллинов преобладала «культура стыда», то есть тщеславие поля эгосистемы над «культурой вины», то есть совестью поля интеллекта. О том же пишет и Ренан, когда противопоставляет греческую и иудейскую культуру.

> «Однако индивидуализм, если он нарастал в слишком большой степени, переставал играть конструктивную историко-культурную роль. Напротив, он был способен подорвать целостность и стабильность гражданской общины, формирующегося полиса. Это „чрезмерное“ акцентирование личностного принципа общественным мнением уже не поощрялось. Для его обозначения существовал труднопереводимый термин гибрис. Обычно это слово переводят как „спесь, наглость, гордыня“, но всё это не вполне точно. Если попытаться передать значение термина „гибрис“ описательно, то окажется, что это — дерзостное стремление человека подняться над своим человеческим уделом, превзойти его, стать существом высшего порядка. Слово „гибрис“ происходит от предлога гипер — „над“. Греческое гипер — то же самое, что латинское супер. „Гибрис“ — это стремление стать „суперменом“, сверхчеловеком. „Гибрис“ осуждался. Считалось, что он способен только ввергнуть в пучину бед и самого человека, поддавшегося этому соблазну, и всю его общину... Специалисты по исторической этологии — науке, изучающей моральные ценности различных эпох и народов, — делят все человеческие культуры на „культуры вины“ и „культуры стыда“. В первом случае регулятором поведения людей служит некое внутреннее чувство нравственно должного — то, что в христианской цивилизации называют совестью.

> Во втором же случае человек действует всецело с оглядкой на то, как его оценят другие. Главное — не „ударить в грязь лицом", чтобы не пришлось испытывать стыд. Античная греческая культура была типичной „культурой стыда". Само понятие „совесть", судя по всему, эллинам архаической и классической эпох было еще вполне чуждо, даже и слова такого в языке не существовало. Для грека превыше всего — суждение общины, суждение окружающих. Именно таковы герои Гомера. Им абсолютно чужды те нравственные ценности, которые столь близки нам и которые сопряжены именно с внутренней самооценкой: доброта, милосердие, сострадание... Всё это — порождение более поздних эпох, тесно связанное с возникновением христианства. Зато среди витязей, изображенных в эпосе, очень высоко котируются воинская доблесть, величественность, щедрость — словом, то, что характеризует человека с „внешней стороны". А ведь именно эти гомеровские герои служили образцом для греков последующих эпох, особенно для аристократов».

Все антиковеды отмечают в этой связи исключительную состязательность этой культуры тщеславия, которая держалась на желании обретения славы, превращая в спорт все свои занятия, и которая собственно и изобрела спорт. В этом спорте за место первого и лучшего война шла не на жизнь, а на смерть. Известна кровавая борьба между богатыми и бедными в греческих полисах, и не менее ожесточенная война между полисами, которые готовы были умереть, но отстоять свою независимость. Федерация демократических полисов, к которой стремился Перикл, закончилась 27 летней войной между Афинским и Спартанским военными союзами, и привели к политической гибели Греции. «Два факта погубили Грецию, — говорит Бертран Рассела, — жестокая война между богатыми и бедными и неспособность греческих полисов к политическим союзам». Таковы следствия «гибриса», который превращая людей в сверхчеловеков Ницше, лишает их способности к мирному сосуществованию и сотрудничеству.

Э. Фромм в книге «Иметь или быть» тоже подчеркивает, что песни Гомера — это «культура стыда» тщеславного Самолюбия, равно как и вся последующая завоевательная история Рима несет в себе выраженные черты этого греческого «гибриса», погубившего античность:

> «Цель греческих и германских героев — завоевание, победа, разрушение, грабеж; а итог жизни — гордость, власть, слава, превосходство в умении убивать (Святой Августин сравнивал историю Древнего Рима с историей разбойничьей шайки). У языческого героя мерилом доблести человека служила его способность достичь власти и удержать ее, он с радостью умирал на поле брани в момент победы. „Илиада“ Гомера — это величественное поэтическое описание деяний прославленных завоевателей и покорителей».

Поскольку своей философии у римлян не было и они стали наследниками эллинской культуры, все что мы сказали в отношении греческой культуры справедливо также и для римской ментальности. Понятно, что расщепление сознания также имело место и у римлян, как и у греков, о чем мы подробно будем говорить в следующей главе. Рим дал миру свое римское право, великих юристов-стоиков, Тацита и Цицерона, республику-философов Марка Аврелия и город-солнце Спартака. Но тот же Рим породил жесточайшую кровавую борьбу за власть военных командиров, грабеж завоеванных провинций, продажи населения в рабство, разрушение самых выдающихся городов и тп. Тот же Рим наряду с такими выдающимися личностями, породил извращения шизоидного интеллекта в виде императоров, прославившихся своей несерьезностью, манией величия и жестокостью.

Э. Ренан в «Антихристе» подчеркивает патологию характеров тех римских императоров, «у которых было не все ладно в голове»: как правило, эти люди страдали «метафизической интоксикацией», склонные к обожествлению самих себя, манией величия греческого гибриса, безнравственностью и жестокостью, а главное безудержным тщеславием, которое делало из них посмешище и приводило к жалкой кончине. Это были люди не способные к конструктивной деятельности, к серьезности и плодотворности; их жизни проходила в шутовстве и бессмысленном садизме, в тщеславных кривляньях на публике и болезненных мистификациях величия своей персоны.

Э. Ренан «Антихрист»:

> «Нерон ежедневно объявляет, что только искусство должно считаться серьезной вещью, что благородный человек тот, кто откровенен

> и сознается в своем полном бесстыдстве, великий человек тот, кто готов всем злоупотребить, все потерять, все тратить. Добродетельный человек в его глазах лицемер, мятежник, опасная личность, а главное соперник. Когда он узнает о какой-нибудь чудовищной низости, подтверждающей его теории, он испытывает припадок веселья. Политическая опасность тщеславия и того ложного духа соревнования, который с самого начала был червем, подтачивавшим латинскую культуру, выступала наружу. Комедиант приобрел право жизни и смерти над своей аудиторией, дилетант грозил людям пыткой, если они не восхищались его стихами. Мономан, опьяненный литературной шумихой, превративший прекрасные правила в каннибальские шутки, — вот какого властителя приобрела империя. Восточным деспотам, грозным и важным были чужды эти припадки дурацкого смеха, этот разгул извращенной эстетики. ...Так погиб на тридцать втором году властелин, не самый безумный и не самый злой, но самый тщеславный и смешной из всех, кого случай выдвигал на первый план истории. Нерон прежде всего явление литературного извращения. Он далеко не был лишен всякого таланта, всякой порядочности, этот бедный молодой человек, увлеченный плохой литературой, опьяненный декламацией, забывавший о своей империи, слушая Терпноса. Опасность литературного воспитания в том, что оно внушает непомерную жажду славы, не всегда сообщая моральную серьезность, которая определяет смысл истинной славы. Существо тщеславное, изнеженное, стремившееся к огромному, к бесконечному, но лишенное всякой способности рассуждать, должно было потерпеть жалкое крушение. Все, что было серьезного и честного, ненавидело его, чернь любила: одни наивно за блестящую внешность государя, другие за то, что он одурманивал их празднествами. Кроме того, он ненавидел сенат, римскую знать, суровую и непопулярную у черни.

Аплодисменты пятидесяти тысяч зрителей, соединенных в огромном котле, разжигающих друг друга, действовали так опьяняюще, что сам властелин начинал завидовать вознице, певцу, актеру; сценическая слава казалась первой из всех. Ни один из императоров, у которых в голове было не совсем ладно, не мог устоять против искушения получать венки на этих жалких играх. Калигула потерял в них ту крупицу ума, которой был наделен; он целыми днями развлекался в театре со своими бездельниками; позднее Коммод, Каракалла оспаривали у Нерона пальму безумия на этом поприще. Приходилось законом запрещать

сенаторам и всадникам спускаться в арену, вступать в единоборство наподобие гладиаторов или бороться со зверями. Цирк сделался центром жизни; остальной мир, казалось, был создан для развлечения Рима. Без конца появлялись новые выдумки, одна чуднее другой, измышляемые монархом-режиссером. Народ переходил от праздника к празднику, говорил только о последнем представлении в ожидании обещанного нового, и в конце концов привязался к монарху, который превращал его жизнь в непрерывную вакханалию. Не подлежит сомнению, что этими постыдными средствами Нерону удалось приобрести популярность»

Карл Крист «История времен римских императоров»:

> «С этими же представлениями связана также претензия Калигулы на культовое почитание. Трусливый, дрожащий при всякой непогоде человек отождествлял себя с солнцем и с другими богами, серьезно думал, что общается с луной. Между Капитолием и императорским дворцом он воздвиг арку, чтобы постоянно иметь прямой контакт с Юпитером, использовал храм Диоскуров на форуме в качестве вестибюля к собственному дворцу, ему с трудом смогли помешать заменить знаменитую статую Зевса Фидия своим изображением и ввести в Иерусалиме в храме Яхве культ императора. Все это вряд ли стало бы возможным безграничной раболепности сената, который ответил на претензии Калигулы, обращаясь к нему как к богу и герою. За последним республиканским принцепсом, как его называли, последовал близкий к восточным формам монарх. Правление этого безрассудного, не знающего стыда злодея, как назвал его Фриц Тегер, можно было бы определить как извращение, если бы Калигула не был представителем характеризующих принципат сил... Как у Калигулы и Нерона, у Коммода страх сочетался с переоценкой собственной личности и патологическим поведением. Среди этих кризисов и нужды Коммод вел роскошный образ жизни. Если его отец был проникнут глубочайшим чувством долга и мучился угрызениями совести, то Коммод не имел никакого понятия о таких побуждениях. Зато он был одержим своим „благородством“. При всем его уважении к различным восточным богам на первом месте в заключительной фазе стоял Геракл. Если мифологический Геракл победил чудовище, то Коммод приказал выловить римских калек, нарядить их чудовищами, а потом убивал их палицей, как он это проделывал с дикими животными в цирке. Эти

> эксцессы в конце концов стали ужасать даже его ближайшее окружение».

Ренана говорит о проблеме антисемитизма, как о проблеме, происходящей из культа национального ягвеизма, противопоставившего евреев всему прочему миру. Очевидно, что то расщепление иудаизма на национальный ягвеизм и универсальный элогизм, который постулирует ученый, есть проявление незрелого расколотого интеллекта. Шизоидность незрелого интеллекта, которая проявлялась у греков как «гибрис» устойчивого Самолюбия, нашло свое проявление у евреев в качестве аутизма, который противопоставил культ иудейского Храма всему прочему миру.

Э. Ренан «История израильского народа»:

> «С тех пор начал проявляться один из крупных недостатков евреев. Полные чувством своего превосходства, сварливые, задорные, принужденные вследствие предписаний Торы жить в изолированности, которая казалась презрением, евреи считались плохими соседями и были действительно таковыми. Они были ненавистны окружающим народам. Такой факт повторяющийся слишком на один лад в продолжении всех веков, не может не иметь никакого основания. Всякий живущий по соседству с евреями, плохо обращается с ними; это — правило, терпящее мало исключений. Народы, населявшие пограничные с Палестиной страны, недоброжелательно смотрели на еврейское восстание и приняли сторону Селевкидов. Восстановление культа в Иерусалиме привело к усилению плохого обращения с евреями. Уже в эту отдаленную эпоху выступают наружу все недостатки, которые ставят в упрек современным евреям. Одновременно низкопоклонные и спесивые в отношении сильных мира сего, евреи персидской эпохи представляется нам обидчивыми, чувствительными ко всякой насмешке и жестокими когда им кажется, что над ними смеются. Болезненно самолюбивые, они на всякую шутку отвечают ненавистью. По всеобщему мнению, евреи исповедовали жестокую ненависть к тем, кто не принадлежал к секте. Таким образом, вокруг Израиля образовалась зона страшной вражды. Антисемитизм не есть изобретение нашего времени, никогда он не был более ожесточенным чем в век, предшествовавший нашему летоисчислению, и право, если факт имеет место всюду и во все эпохи, то должны существовать глубокие причины такого явления. В Александрии, в Антиохи, в Малой Азии, в Кирене, в Дамаске, — всюду происходит

> непрерывная борьба между евреями и неевреями. Начинается эра религиозной вражды, и не нужно отрицать, что эта вражда чаще всего вызывалась евреями. Она была роковым следствием введения абсолютного в религию. Христиане, поочередно преследуемые и преследователи, доведут зло до крайности»

Хоть Ренан и считает, что христианство стало развитием рационального сознания иудейского духа, которое принесло универсальную религию деизма человечеству, он настаивает, что и христианство в конечном итоге, как мифологическое мировоззрение обречено сойти со сцены человеческой жизни, где останутся только рационализм и наука. Ислам он видит возвратом к национальному ягвеизму иудеев с той разницей, что если ягвеизму иудеев противостояла «книга Пророков» универсального элогизма, то мусульманство оставалось «строгой сектой», закрытой для движения профетизма: «Если бы история Израиля ограничилась историей Эзры и Нехемии, то она была бы историей строгой мусульманской секты. Но рядом с Торой, стоит Книга Пророков. Темные предсказания Исайи, второго Исайи, Захария, Малахи нарушат спокойствие душ, помешают сну, граничащему со смертью».

Э. Ренан «История израильского народа»:

> «Чрезвычайно поразительна, на самом деле, аналогия между этими древними евреями и мусульманами. И те и др одинаково неспособны делать различие между религиозным и гражданским обществом, та же нетерпимость, та же неестественность суровой выправки, которые неизбежно должны были выродиться в лицемерие. Женщины, как и у мусульман, держались обязательно в стороне от движения. Их мало пришло из Вавилона и гнусные меры, проведенные фанатиками, должны были создать среди женщин страшную ненависть к новому пиетизму. Такие виды семитских религий как иудейство и ислам, суть религии исключительно для мужчин. Женщины не имеют имен, не умеют писать. Наоборот родословия по мужской линии ревностно сохранялись. На сцену мировой истории выступал теперь ханжа. Ягве имел всегда решительное отвращение к развязности, он доставлял себе злое удовольствие повергать на землю первого гарцующего юношу. Поклонник Ягве скромен, кроток, покорен провидению. Мирской человек кажется ему гордым и наглым потому только, что не имеет такого вида ханжи, как он сам. Начиналась война между

> ханжою и человеком мирским. Борьба между светскими людьми и святошами была не на жизнь, а на смерть. Женщины издевались над ханжами. Пиетисты думали, что Ягве не даст им детей в наказание за то, что они уж очень умны. Чтобы хорошо понять это, надо видеть, насколько мусульманин пуританин противоположен светскому человеку. Представление о нелепости, связанной с набожностью, боязнь людского мнения, как понимаем его мы, в странах мусульманских — бессмыслица. Далеко от мысли, что религия влечет за собой хотя бы что-нибудь смешное, там считается настоящим человеком только тот, кто точно исполняет требования религии»

Религиозный террор исламского фанатизма всего лишь развитие этой идеи уникального божества, ревниво оберегаемого от посягательств других божеств на всесилие его власти. Религии абсолюта, как говорит Ренан в «Жизни Иисуса»: Христианство было нетерпимым, но нетерпимость, по существу, не христианский факт — это факт иудейский в том смысле, что в делах веры иудейство впервые поставило теорию абсолюта, установив тот принцип, что всякий, отвращающий народ от истинной религии, если он даже подтвердит свое учение чудесами, должен быть встречен камнями и побит всем без суда. Правда, у языческих наций были также свои религиозные насилия, но если бы у них существовал подобный закон, как бы они стали христианами? Таким образом, Пятикнижье было первым кодексом религиозного террора».

3) Новое время

Наполеон стал зеркалом расщепленного сознания своего времени. Возрождение античности в Новое время дало тот же политический результат, который имел место в античность: слом цикличного равновесия Левиафанов в социальных революциях Англии и Франции. И поскольку на тот момент интеллект не сделал ни одного серьезного шагу вперед со времен наивной науки эллинов, французы времен наполеоновской республики оказались также безоружны перед дилеммой каким равновесием заменить сломанное равновесие абсолютной

монархии. Как в свое время античные люди вынуждены были довольствоваться неравновесием демократий-тираний, постоянно сменявших друг друга, так и новорожденная французская республика очень скоро оказалась сначала поглощена тиранией робеспьеровского террора, а потом и тиранией императора Наполеона. Этот факт, возникновения тирании Наполеона из свободы революции принято называть «парадоксом», хотя еще Платон писал в Государстве, что демократии народных собраний хаосом своего своеволия всегда приводят к тираниям. Герцен, который горячо сочувствовал революции и тяжело переживал каждый провал очередной попытки установления свободного общества, писал во Франции, «С того берега»:

> «Мы были свидетелями, как все упования теоретических умов были осмеяны, как демоническое начало истории нахохоталось над их наукой, мыслию, теорией, как оно из республики сделало Наполеона».

«Величие» наполеоновского характера не было совсем беспочвенным, поскольку как все шизоиды он был одарен очень сильным интеллектом. Смешным его делало расщепление сознания, когда место истинного величия серьезного достоинства занимала шутовская маска античного «Гибриса», человекобога, искавшего звания властелина мира. Он серьезно об этом говорил. В то же время, были и позитивные результаты его деятельности, такие как знаменитый гражданский кодекс, давший Франции основы гражданской конституции. Тем не менее, основа его жизни и деятельности выпукло патологична, начиная от целей и задач которые он себе ставил, до ненасытного стремления к войне, и наконец абсолютной неспособности видеть реальность, которая привела его к жалкому концу в перекрашенном на скорую руку бывшем свинарнике на острове св. Елены.

Эмиль Людвиг «Наполеон»:

> «Современники и потомки ошибочно называли это движущее им чувство тщеславием. В действительности же обычное тщеславие отличается от наполеоновской уверенности в себе, как суетливый ползающий зверек от хищной птицы. Именно ощущение избранности стоит за словами, сказанными им тому же Редереру: „Теперь дела об-

> стоят иначе. Я отношусь к тем, кто основывает государства, а не к тем кто дает им погибнуть". В другой раз, говоря о Корнеле, Наполеон конечно имеет ввиду себя: „Откуда у него это античное величие? Из него самого, из души... Это гениальность. А гениальность знаете ли это такое пламя которое падает прямо с неба, но редко попадает на голову готовую ее принять... Это был человек, который знал мир". И когда собеседник возражает: мол поэт вовсе не видел мир, как же он мог его знать, император презрительно цедит: „Именно поэтому я и утверждаю, что он — великий человек!" Уверенность в себе придает Наполеону то естественное достоинство, которое так удивляло и раздражало именно законных правителей, полагающих, что достоинство передается по наследству и прививается воспитанием... С насмешливым пафосом подытоживая события дня, Наполеон говорит: „Нет, Декре, я слишком поздно родился, на мою долю не осталось великих дел... Признаю, я прошел прекрасный путь, но он не идет ни в какое сравнение с античностью! Возьмем к примеру Александра Македонского. Завоевав Азию, он объявляет себя сыном Юпитера, и весь Восток ему верит — за исключением его матери, Аристотеля и нескольких афинских педантов. Ежели я бы объявил себя нынче сыном отца небесного, любая рыбачка подняла бы меня на смех. Великих дел не осталось". Сказано это через несколько часов после коронации, вполне искренне, вполне по-свойски. Понятно ли теперь, почему его вечно тянуло на Восток и будет тянуть и впредь? Общество не осознает, что именно теперь, когда фантастические мечты начинают сбываться, их осуществление не может не разочаровывать Наполеона: все получается не так как он мечтал и чересчур медленно. „Вы такой же как все! — набрасывается он на одного из министров, поздравившего императора с заключением Тильзитского договора. — Властителем буду я лишь тогда, когда заключу мир в Константинополе!" Мировое господство! Азия! Вот какие слова вновь звучат в его сердце»

Таким образом, Возрождение античности закономерно привело и к возрождению шизоидного интеллекта, а с ним вместе и к слому Левиафанов, и к чередованию демократий и тираний, то есть к потерянному равновесию. Равновесия физического контроля уже не было, а до равновесия научного контроля естественного права еще было очень далеко, хотя о нем говорили со времен Платона, Цицерона и Марка Аврелия.

Новое Время имеет то отличие, что оно дало новую философию, не знакомую античности, так что шизоидность интеллекта

нового времени отличалась своей спецификой от шизодного интеллекта античности.

Наука сделала огромный процесс, но большей частью в изучение природы, область человеческого бытия оставалась почти такой же неисследованной. Пришли только ложные теории материалистов и дарвинистов, которые перечеркнули сознание человека и его духовную энергию и поставили себе целью свести все существование человека к жизни животного. Эта философия материализма, экономизма, биологизма была первым следствием новой философии. Вторым ее следствием была мистика классического немецкого идеализма, которая противопоставила себя как «новый рационализм» — рационализму греческой метафизики интеллекта. Однако, этот «новый рационализм» оказался старым иррационализмом, как пишет Ж. Бенда в «Предательстве интеллектуалов», поскольку на место греческому рационализму он поставил мистику всемогущего Я, что еще более усилило поле шизоидности в расщепленном сознании незрелого интеллекта.

Таковы были следствия новой философии, которая породила новые образцы лишенных равновесия краткосрочных государств. Гитлер противопоставляет социализм «своего народа», где царит благородный аристократизм «художников-тиранов» Ницше — рабскому подчинению завоеванных низших наций. Психическая природа шизоидности, как видим, остается неизменной, меняется лишь «формализм» шизоидного схематизирования, содержание «мистической интоксикации». Это те же демократии-тирании, которые ищут утверждения своего величия, своего мирового господства, тот же схоластический интеллект пустых абстракций и софизмов, та же оторванность от реальной жизни. Только увеличился градус цинизма, поскольку «киники», которые ввели термин «цинизм» в античность, еще не знали, что такое дарвиновская эволюция и экономический человек Маркса, которые пренебрегают понятием духа и этики. Макс Вебер, во многом теоретик и идеолог гитлеровского режима, провозглашавший национализм, империализм, господство, и государ-

ство как насилие, прямо говорит о социологии, свободной от ценностей этики. На том и порешили. Со времен «Дорог к рабству» Ф. Хайека гитлеровский национал-социализм и марксистский социализм принято винить в коллективизме, как формы тоталитаризма, подавившие личность. На самом деле, эти системы объединяет безнравственность, порожденная идеологией материализма и антиинтеллектуализма, берущие свои истоки в кантианстве. Ницше, как известно, смеялся над рационализмом древних эллинов, превознося безобразные вакханалии языческого культа Диониса, и вслед за Дарвином, обосновывал уничтожение «недоделанных и неполноценных». Томас Манн, сделал его в этой связи прототипом своего Доктора Фаустуса, который продал душу дьяволу, что привело мир к войне. Коренное различие между гитлеровской системой и марксизмом в том, что идеология Гитлера была регрессом к иррациональности магического сознания: он сознательно противопоставил себя христианству и сознательно утверждал германское язычество во главе с германским идолом Вотаном; в то же время философский демарш Маркса, каким бы неудачным он не оказался в силу незрелости интеллекта; был дальнейшей попыткой борьбы с язычеством с целью утверждения рационализма. Потому система Гитлера прямо отрицает этику и гуманизм, а система Маркса их утверждает.

4) Устойчивое равновесие и Пространство Интеллекта

Естественно возникает вопрос о том, как проявит себя зрелый интеллект и в чем состоит новое равновесие социальной системы зрелого интеллекта, которая придет на смену циклам левиафанов и демократиям-тираниям античности?

В наше время энергетической науки, когда открыто уже много энергий природы, когда научные институты и техника успешно контролируют доступ к силе этих природных энергий, мы можем видеть такое частичное равновесие в сфере физических наук.

Однако, равновесие социальной системы возможно только после того как открытие закономерностей психической энергии человечества сосредоточит в его руках научный контроль естественного права. Это будет означать что «всеобщая воля» Руссо, которую ищут со времен поставленной им задачи, наконец найдена. Это будет означать, что наконец найден принцип посредством которого философы-правители Платона могут управлять обществом. Это принцип образовательной системы, которая будет ставить себе ТЕРАПЕВТИЧЕСКУЮ задачу, профилактики общественного зла. Ту самую терапевтическую задачу, о которой говорили все сторонники естественного права: Герцен, Кропоткин, Рассел, Эйнштейн, Спенсер, Конт, Милль, Прудон, Фихте. Существо этой образовательной системы в том, чтобы к концу обучения нейтрализовать поле Эгосистемы, и оптимально развить сознательную личность человека. Личность, как рациональное волевое сознание, все еще большая редкость в современном мире активного поля эгосистемы.

Здесь сразу встают философские вопросы о свободе воли, о свободе слова, свободе совести, свободе мышления. Этой философии мистического идеализма, который проповедует абсолютную свободу воли человека мы противопоставляем свободу осознанной необходимости рациональной метафизики. Ее суть в том, что духовная энергия человека, есть часть мира идей Платона, пространства интеллекта, и что за этим пространством нужно также тщательно следить, как люди следят за пространством своего физического существования.

Дух человека, его сознание, его сознательное Я, передвигается в пространстве интеллекта, от знания к знанию, от одной абстрактной формулы интеллекта — к другой. Если пространство это загажено и замусорено множеством противоречивых теорий, человек теряет способность к познанию, а значит теряет способность научного контроля, рановесие своей сознательной энергии.

Вот почему для становления науки человек должен быть абсолютно независим от воли других людей, но при этом абсо-

лютно подчинить свою волю истине, поискам законов природы. Вот почему зрелый интеллект — это интеллект накопленных знаний о законах природных энергий. И прежде всего, о законах его собственной психической энергии. Эта единая истина законов механической, биологической, электрической, химической энергий позволяет человечеству контролировать научно-техническую революцию планеты. Что делало бы человечество, если бы не нашло этой единой истины? Здесь мы видим пример наполовину отстроенного пространства интеллекта, где детские разговоры о свободе воли от законов природы уже никого не могут смутить (как правильно замечает Эйнштейн). Но остается еще другая половина пространства интеллекта, фундаментальная для человечества, поскольку это половина связанная с закономерностями его собственной энергии. Если во времена античности это пространство просто пустовало, и этой пустотой определялась шизоидность интеллекта, то в наше время оно замусорено схоластическими концепциями, которые наносят двоякий вред интеллекту: дезориентируют его, расстраивая процесс обучения и становления научного контроля, а во вторых вместо того, чтобы нейтрализовать поле Эгосистемы, заостряют его. Например, теория «научного эгоизма», очень популярная в дарвинизме, фрейдизме, бихевиоризме, марксизме-ленинизме и др материалистических концепциях стала просто напастью в этом смысле для становления духовной энергии человечества. Потому шизоидность Нового времени приобрела эту специфику особого цинизма, которого не знала античность.

Именно эта катастрофа пространства интеллекта, в котором обитает наша духовная энергия, лишает равновесия социальные системы научного контроля: ибо о каком научном контроле можно говорить, когда истина как таковая отрицается, и на ее место ставится хаос множества противоречивых теорий с одной стороны, а с другой стороны утверждаются ложные теории, потому что все еще не открыта истинная эпистемология. Такой эпистемологией может быть только энергетика,

как мы уже обосновывали много раз выше в этом исследовании.

Упорядоченная информация пространства интеллекта не значит произвольную подачу одной информации и запрещение другой. Она только значит строгое разделение сфер публичной информации с одной стороны, и сферы научного дискурса с другой стороны. Становление личности не есть процесс научного дискурса, до научного дискурса надо дозреть. Потому образовательные учреждения должны быть строго ограничены той информацией, которая будет доказана и обоснована учреждениями научного дискурса как истинная информация, как информация которая позволит подрастающему поколению максимально раскрыть потенциал рациональной, духовной энергии.

Потом уже, когда личности благополучно встанут на ноги, они могут вступать в научные дискурсы любого направления, получать любую информацию, строить любые новые теории, которые будут иметь общую всем задачу поиска законов природных энергий. Но до тех пор пока новые теории не будут доказаны в сфере научного дискурса, они не могут поступать в публичное пользование.

Такая система образования нисколько не ущемила бы объективность подаваемой населению информации, но в то же время защитила бы его от хаоса, который гарантировано лишает его возможности получить научный контроль, а следовательно лишает равновесия все общество.

ГЛАВА 12. ДЕМОКРАТИИ-ТИРАНИИ И КРАХ ЛЕВИАФАНОВ

«Для философского ума в прошлом человечества есть только три истории, представляющие первостепенный интерес: история Греции, история Израиля, история Рима. Эти три истории, взятые вместе, составляют то, что можно назвать историей цивилизации, ибо цивилизация есть результат взаимодействия Греции, Иудеи и Рима. В области интеллектуальной и моральной деятельности Греции был один значительный пробел. Греция презирала слабых, и не чувствовала потребности в боге справедливости. Только пылкий гений маленького племени, утвердившегося в глухом углу Сирии, казалось, создан был для того, чтобы восполнить этот недостаток эллинского духа. Израильские пророки — это пылкие публицисты из ряда тех, которых мы бы теперь назвали социалистами и анархистами. Они — фанатики социальной справедливости, громко провозглашающие, что если мир несправедлив, то лучше, чтобы он был разрушен. Рим своими подвигами гражданкой добродетели создал в мире силу, и эта сила послужила делу распространения цивилизации, которая была продуктом греческого и иудейского духа»

Э. Ренан История израильского народа

1) Философия и республика в Греции
2) Римское право и республика в Риме

1) Философия и республика в Греции

Первые республики, как известно, появились в Древней Греции. Было ли это случайностью? Вряд ли. О «греческом чуде», о «греческом гении», сотворившем философию, науку, историю, политику, право, искусство, медицину, военное искусство, мораль говорят все со времен рождения этого самого чуда, которое так потрясло человечество.

> «Во всей истории нет ничего более удивительного и ничего более трудного для объяснения, чем внезапное возникновение цивилизации в Греции. Многое из того, что создает цивилизацию, уже существовало в течении тысячелетий в Египте и Месопотамии и распространилось оттуда в соседние страны. Но некоторых элементов не доставало, пока они не были восполнены греками. Чего они достигли в искусстве и литературе, известно каждому, но то, что они сделали в чисто интеллектуальной области, является даже еще более исключительным. Они изобрели математику, науку и философию; на место простых летописей, они впервые поставили историю; они свободно рассуждали о природе мира и целях жизни, не обремененные путами какого-либо традиционного, ортодоксального учения»

Б. Рассел История западной философии

Действительно, это был момент извержения вулкана сознательной энергии человечества, становления поля интеллекта, ресурсы которого уже окончательно сформировались для абстрактного мышления. Инструментарий интеллекта был готов, энергия поля интеллекта получила свою силу вулканической лавы, научный принцип был найден, как пишет Ренан, но самой науки еще не было. Бертран Рассел говорит в этой о связи о том пренебрежении, которое древние греки оказывали индуктивному мышлению и вообще фактическому материалу, данным опыта, предпочитая во всем дедукцию. Поэтому математика и геометрия действительно блестящи, но опытные науки еще не родились.

Тем не менее, даже эти первые шаги настоящего зрелого интеллекта, которому еще только предстояло стать наукой, уже произвели эффект взорвавшейся бомбы, вулканического извержения громадного ментального потенциала человечества, который многократно, несравнимо превосходит все энергетические возможности природы, поскольку только человек имеет доступ к силе этой природы. «Происшедшее было настолько удивительным», — пишет Б. Рассел в Истории западной философии, — «что люди до самого последнего времени довольствовались изумлением и мистическими разговорами о греческом гении».

А между тем, что могло бы быть естественнее, чем потрясающая красота извержения интеллектуальной живой энергии человечества, со всем ее светом и потенциальной мощью. И можем ли мы удивляться, что одновременно с мощным потоком этой интеллектуальной энергии человечества, наступает крах цикличных чудовищ-Левиафанов, и им на смену приходят первые республики, первые союзы свободных граждан?

Э. Ренан «История израильского народа»:

> «Греция в течении двухсот лет создала гражданственность и умственную культуру, которые далеко превосходили все то, что было до этого времени. Политический прогресс был огромен. Появился на политической арене гражданин, свободный человек свободной гражданской общины. В то же время утвердилась мораль, основанная на разуме, без всякой примеси сверхъестественного, во всем своем великом значении всем и каждому откровенной Торы. Истина о богах и природе была почти открыта. Человек, освобожденный от своих безумных детских страхов, начал спокойно смотреть на свою судьбу. Наука, то есть истинная философия, уже зародилась. Еще не умели в нем ориентироваться, но принцип был найден. Греция изобрела красоту подобно тому как она изобрела разум. Одна только Греция открыла постоянство законов природы, одна только Греция открыла секрет красоты и истины, правило, идеал. Отныне нужно будет только пойти в ее школу, это сделает Рим; это сделает эпоха возрождения; это будут делать после каждого рецидива творцы бесконечного количества возрождений».

В полном соответствии с прозрением Платона, новое общество родилось от нового сознания, вернее от явления самого со-

знания, место которого раньше занимало только поле Эгосистемы. Конечно, этот новорожденный интеллект еще шизоидный, формальный, еще далекий от научного метода, но это уже полноценный интеллект в смысле зрелости аппарата мышления, в смысле развитости дедуктивной и индуктивной абстракции, логической способности мысли.

Вместе с интеллектом рождается пафос свободы, которого никогда не знала восточная древность с ее сакральными левиафанами. Пафос свободы, понятие личности, разума и воли пронизывают мировоззрение древних греков, очарованных миражами человекобогов и бессмертных героев. На смену сакральным левиафанам с их поклонением мифическим господам приходят свободные общины равных человеческих существ, принципом общежития которых становятся поиски справедливости и дружбы. Власть господ становится всеобщим объектом ненависти; тиранов допускают как необходимое зло, как ненавистное всем насилие, которое рано или поздно будет свергнуто, но царей, как объектов сакрального поклонения нет и в помине. Самое имя царя есть антипод того пафоса свободы, который составляет менталитет древнего грека. Достаточно вспомнить драматические отношения Александра Македонского со своей греческой военной дружиной после завоевания ими востока; их горькие упреки своему вождю в том, что он превращается в восточного деспота, и душераздирающий плач Александра, который не мог успокоиться после убийства одного из них. Гордое достоинство проснувшегося сознания рождает личностей, которые ищут дружбы и справедливости в свободной общине и ненавидят союза господ и рабов варваров, «неспособных к политической жизни», как говорил Аристотель. Они находят справедливыми такие отношения для варваров, но не для развитых греков.

Так приходят к институту самоуправления и гражданства, к демократии всенародного принятия решений, к выработке одинаковых для всех законов на основе разумности и справедливости. Здесь мы должны преклонить голову, как говорит Ре-

нан об истоках идеализма, в данном случае мы стоим у истоков рождения республики. Пусть это пока еще крики немощного младенца, но зато он уже появился на свет.

Однако, слабость этого новорожденного политического образования более, чем очевидна. Распад цикличного равновесия Левиафанов не приводит сразу к устойчивым демократиям естественного права, где правит стабильное равновесие научного контроля. Сначала это больше нигилизм полного разрушения старого, чем стабилизация нового порядка. Личность, сознательный индивид только-только рождается. Это время всеобщего противостояния, поскольку новорожденная личность всегда шизоидная, всегда в поисках утверждения величия своего Самолюбия, ее движет та самая «воля к власти», которая в устах Ницше стала гимном всех шизофреников, их псалмом и элегией.

Психика первых свободных от Левиафанов людей — это поле конфликта шизоидного и научного сознания. Эта двойственность античного сознания красной линией проходит через всю историю Древней Греции, Древнего Израиля и Древнего Рима. В каждой из этих стран совершался достойный восхищения процесс становления интеллекта, сознания, духа; совершался со всем тем величием, светом и красотой, с которыми рождается источник духовной энергии человека. Но в то же время в каждой из этих стран новорожденный интеллект приобретал черты шизоидности. Не успев еще толком появиться на свет, он уже приобретал мистические черты поля Эгосистемы, «волю к власти» или аутизм притяжения Самолюбия.

Постольку поскольку процесс становления научного интеллекта есть очень громоздкая задача, чрезвычайно трудоемкая, кропотливая и собирательная, шизоидный интеллект на той первоначальной стадии его появления одержал уверенную победу. Научного метода как такого еще не было, появилась только полноценная логика, способность к анализу, но не знания законов природы или знания научного метода (эпистемологии). Все усилия первого свободного человека мобилизовать свой разум и конструктивно его использовать в целях мирного общежития

и сотрудничества потерпели крах вместе с научным интеллектом. Зато идеологии человекобогов, которые еще и в новое время так естественно стали частью философии «сверхчеловеков» одержали уверенную победу.

Жизнь этих первых государств свелась к противостоянию всех против всех. Когда эти первобытные демократии характеризуют как первые политические общества самоуправления, то есть свободные общества — говорят неправду. Правда состоит в том, что первый разумный человек разрушил цикличное равновесие Левиафанов своей ненавистью к рабству и своим преклонением перед свободой. В этом его заслуга и исторический подвиг. Но он был далек от того, чтобы построить новое рациональное равновесие обществ научного контроля, обществ общинного самоуправления. Первые республики не были демократиями в этом смысле, поскольку они постоянно смещались тираниями. Это были демократии-тирании, клубок противоречий, поле борьбы шизоидного и научного сознания в новорожденном интеллекте.

Б. Рассел «История западной философии»:

> «В большинстве греческих городов, и особенно в городах Сицилии, имел место постоянный конфликт между демократией и тиранией. Вожди той и другой партий в моменты поражения подвергались казни или изгнанию. Изгнанники редко стеснялись вступать в переговоры с врагами Греции — Персией на Востоке и Карфагеном на Западе... В Греции революции были столь же часты, как недавно в Латинской Америке. ...Олигархи, по-видимому, были весьма энергичными людьми. В некоторых городах, оказывается, они давали такую клятву: „Я неизменно буду врагом народа и буду причинять ему такой вред, какой только смогу“. Современные реакционеры не так откровенны»

И. Суриков «Пифагор»:

> «Находясь в состоянии почти постоянных войн друг с другом, греческие полисы при этом стремились к установлению все более тесных контактов различного характера.
> Боролись друг с другом группировки аристократов; известны и случаи противостояния богатых и бедных. Междоусобные конфликты

очень часто приводили к установлению тиранических режимов, и тирания стала в архаической Ионии особенно распространенным явлением.

А сейчас главное отметить, что исключительно важной, необходимой вещью для государства такого типа, как полис, являлась сплоченность гражданского коллектива. Ну а с другой стороны, применительно к тому же историческому периоду приходится говорить о рождении и становлении личности — впервые в европейской истории. Таким образом, сказанное можно выразить и чуточку иначе: во всем общественном бытии архаической (а впоследствии — и классической) Греции параллельно и отнюдь не всегда мирно сосуществовали коллективизм и индивидуализм. Это, в свою очередь, немедленно повело к острой борьбе за власть между лидерами. Борьба, которую вели друг с другом яркие личности, зачастую имела результатом многолетнее состояние непрекращающейся междоусобной смуты. А в ряде развитых полисов выделилась и восторжествовала над остальными «сверхличность» — тиран. Феномен греческой тирании был, без сомнения, порождением именно индивидуалистической тенденции в политической жизни.

Итак, «рождение полиса» и «рождение личности», происходившие одновременно, были разнонаправленными (и даже противоположно направленными) процессами, но при этом взаимодополняли друг друга. Индивидуалистические начала находили себе выражение в духе состязательности, соревновательности, который пронизывал собой буквально все поры общества. Наверное, ни в одной другой человеческой цивилизации состязательность не была развита до такой высокой степени. Причем, подчеркнем, зачастую это была состязательность практически бескорыстная, не ориентированная на получение материальной прибыли. Не случайно именно Древняя Греция — родина такого феномена, как спорт. Да, в сущности, вся жизнь греков в каком-то смысле была «спортом». Что бы ни делал эллин — воевал или писал стихи, принимал законы или ваял статуи, — он всегда соревновался, стремился быть первым, победить всех соперников, обрести славу.

Оба злосчастья, о которых идет речь, были, по сути дела, «двумя сторонами одной медали» — они порождались отсутствием единства, постоянной борьбой. Проявлялась эта борьба и на внутриполисном, и на межполисном уровнях. Надо сказать, что почти каждое эллинское государство разъедалось междоусобной распрей, которую сами греки обозначали термином стасис. Соперничали друг с другом за власть и влияние, различные группировки аристократов; из этой конкуренции, как мы знаем, могли вырастать жестокие режимы тирании.

> Воплощением индивидуализма в максимальной степени может считаться тиран, воплощением коллективизма — мудрец-законодатель. Это, так сказать, идеальный тиран, «великий и ужасный». А вот, в противовес ему, — идеальный законодатель: афинянин Солон, современник Periандра (и тоже, между прочим, один из «Семи мудрецов»)»

Конструктивное сознание древних эллинов выражалось в демократическом законотворчестве, в созидании институтов общинного самоуправления, основанных на разуме и справедливости. О естественном праве, в истинном его значении говорить еще не приходилось. Великий прогресс был уже в том, что законы вырабатывались или утверждались коллективно и на основе рационального сознания, а не были насилие военно-жреческой верхушки Левиафанов, одурманивавших мистическое сознание народа. Великий прогресс состоял в том, что принцип рациональности, справедливости и свободы самоуправляющейся общины были положены в основу народного законотворчества и стал фундаментом возникшего института гражданства, пришедшего на смену «подданства» в учреждениях царской власти. Этот великий прогресс дал народный суверенитет, выразившийся в общественном договоре, утвердившем позитивное, установленное, договорное всеобщее право. Теперь не было подданных, выполнявших волю царя, но были граждане, подчинявшиеся совместно установленными законами.

Великие законодатели, Солоны, Клисфены, Ликурги, Пифагоры, Периклы, отправлялись за благословлением и вдохновением к дельфийским оракулам, прежде чем принимались сочинять для народа те самые, вдохновенные святым духом разума и справедливости законы. Эти люди считались великими мудрецами, которые «дают законы» народу, и этим делают целые народы счастливыми. Однако, понятно, что эти вдохновенные мудрецы, при всей искренности и разумности, которыми они обладали, были также мало способны дать народу «идеальные законы», как и народные собрания, состоявшие из тружеников гражданского полиса.

Руссо писал в «Общественном договоре», что такой договор имеет силу лишь до тех пор, пока он сохраняет свою связь с естественным правом. Но даже для времен Руссо говорить о зрелом естественном праве было еще утопией. Естественное право, как оно рождается только сейчас в теории психической энергии, даже теперь имеет сильную оппозицию в лице неокантианцев и эмпириков, продолжающих утверждать, что нет никакой общей природы человека и никаких общих законов общества. Что же можно было говорить в те времена о научном контроле?

А без научного контроля естественного права, способность людей «договариваться» на народных собраниях очень скоро оказалась подорванной. Уже Платон в «Государстве» с отвращением пишет о демагогах, о продажности и спесивости, об отказе в правах женщинам, и в целом о неэффективности неработающего института общинного самоуправления. Пифагор, один из самых известных политических деятелей Древней Греции также ничего не хотел слышать об управлении народа, признавая лишь аристократию, власть лучших (по духу) людей. В этом их позиции с Платоном, который во всем согласен с учением Пифагора, вполне сходятся. Казнь Сократа, так потрясла Платона, что он посвятил жизнь описанию учения своего учителя. Он смеется над ограниченностью народного суда, умертвившего великого философа по абсурдным обвинениям. Аристотель, в отличии от Пифагора и Платона, противопоставил народному управлению — управление военных, а крестьян и ремесленников свел к положению рабов, то есть настоящую деспотию. Платон и Пифагор говорили о демократии естественного права, о научном контроле философов-правителей, о социализме единства зрелой духовной энергии. Поэтому, когда Государство Платона обобщают с Левиафаном Аристотеля под общими разговорами о том, что Платон тоже отвергал правление народного собрания — это грубая ошибка. Платон потому и отвергал управление народного собрания, что оно, как он говорит, из-за своеволия каждого становилось благодатной почвой тирании, «Самого

жесткого рабства», тогда как правление разума, естественного права научного контроля сумеет утвердить «общественный договор» республики раз и навсегда. В точности такую же критику юридического права позже представил Прудон в «Что такое собственность?»: своеволие народа, который хочет стать монархом и утвердит свою тиранию против управления естественного права, общего подчинения законам природы.

Платон «Государство»:

> «В демократическом государстве только и слышишь, как свобода прекрасна и что лишь в таком государстве стоит жить тому, кто свободен по своей природе. ... Так вот такое ненасытное стремление к одному и пренебрежение к остальному искажает этот строй и подготавливает нужду в тирании. ... Граждан, послушных властям, там смешивают с грязью как ничего не стоящих добровольных рабов, зато правителей, похожих на подвластных, и подвластных, похожих на правителей, там восхваляют и почитают как в частном, так и в общественном обиходе. Да, мы едва не забыли сказать, какое равноправие и свобода существуют там у женщин по отношению к мужчинам и у мужчин по отношению к женщинам. ...Лошади и ослы привыкли здесь выступать важно и с полной свободой, напирая на встречных, если те не уступают им дороги! Так-то вот и все остальное преисполняется свободой. Так вот, мой друг, именно из этого правления, такого прекрасного и по-юношески дерзкого, и вырастает, как мне кажется, тирания. ... Та же болезнь, что развилась в олигархии и ее погубила, еще больше и сильнее развивается здесь — из-за своеволия — и порабощает демократию. Так вот, тирания возникает, конечно, не из какого иного строя, как из демократии; иначе говоря, из крайней свободы возникает величайшее и жесточайшее рабство»

К. Поппер в «Открытом обществе» нападает на Платона за его якобы апологию тоталитаризма, потому что Платон в полной логической последовательности своей теории естественного права говорит о том, что институты науки и образования должны стоять в центре свободного государства. Платон: «Образование, которое должно быть главной обязанностью государства, было предоставлено личному капризу... И эту задачу следует доверить только бесспорно честным людям. Будущее

любого государства зависит от молодого поколения, и поэтому было бы безумием предоставлять формирование детского сознания индивидуальному вкусу и силе обстоятельств. Не меньшим бедствием была бы государственная политика невмешательства по отношению к наставникам, школьным учителям и софистам» На это К. Поппер отвечает: «Однако, на мой взгляд, утверждение, что „будущее государства зависит от молодого поколения, и поэтому было бы безумием предоставлять формирование детского сознания индивидуальному вкусу“, — открывает путь тоталитаризму». Даже Бертран Рассел в «Истории западной философии» называет Платона деспотом, а потом формулирует в точности его идею управления обществом интеллектуальными элитами, естественного права, которое ставит на место принципа устрашения и наказания — принцип врачевания и профилактики социального зла, и говорит о центральной роль учреждений образования и науки в свободных обществах.

Платон сформулировал идею естественного права о том, что государство рождается «не от дуба или скалы, а от нравов людей», и он же дал общую характеристику трех типов нравов (сребролюбцы, честолюбцы и философы), которые мы можем толковать как цикличное движение левиафанов, шизоидное движение демократий-тираний и линейное движение научного контроля. Цикличное и линейное движение имеют каждый свое равновесие (циклы поля эгосистемы и устойчивое развитие поля интеллекта), у шизоидного его нет. Поэтому шизоидное движение — это колебания между демократиями и тираниями, которое всегда приводило к гибели зародившейся демократии и регрессу к цикличным Левиафанам прошлого. В итоге, «Два факта, — говорит Бертран Рассел в Истории западной философии, — разрушили греческую политическую систему: первый — притязания каждого города на абсолютный суверенитет, и второй — ожесточенная, кровавая борьба между богатыми и бедными в большинстве городов»

А. Кравчук «Перикл и Аспазия»:

> «Началась великая война эллинов. Ее первый акт — предательское ночное нападение и преступное убийство безоружных пленников. Такой война эта оставалась в течении многих лет: жестокой, полной коварства и беспощадности... Никто из собравшихся тогда у Дипилонских ворот не мог и предвидеть, что пожар разгоревшийся не без помощи Перикла, будет длиться еще двадцать семь лет. Никто не знал, что молох воны поглотит десятки, а может быть и сотни тысяч людских жизней — и только для того, чтобы навсегда погубить величие их государства. Никто не догадывался, как часто траурные процессии будут отныне отправляться за Дипилонские ворота, и какие прекрасные речи, все более и более возвышенные, будут произносить над братскими могилами молодых людей. Так жало войны поразило в самое сердце тот государственный строй, в превосходство которого над всеми иными формами правления глубоко верил великий Перикл. Остались лишь красивое название и пустые, ничего не значащие фразы о власти народа, которая в действительности выродилась в террор кучки циников по отношению к оболваненным, наивным массам»

2) Римское право и республика в Риме

> «Ты — римлянин, пусть это будет твоя профессия: правь миром, потому что ты его властелин. Дай миру цивилизацию и законы, милуй тех, кто тебе покорен, и разбей в войнах непокорных»

Вергилий

Карл Крист, цитируя известный стих Вергилия в «истории времен римских императоров», говорит, что Вергилия неправильно понимают, что он «призывает не к господству, а к установлению порядка и выполнению божественной миссии». Однако, как нам кажется, суть дела как раз в том, что одинаково уместны обе трактовки: и та, что Вергилий призывает к господству, и та, что он говорит о распространении цивилизации и порядка. Эти две точки зрения на римскую историю как раз и составляют существо того расщепления сознания, которое было наиболее характерной чертой античного мира. Рим действительно в одно и то же время был жестоким властелином, подавлявшим кровью и железом целые народы, и носителем греческой цивилизации, которую он успешно распространял на все покоренные им народы. Ренан хвалит его за то, что Рим стал той ин-

ституциональной инфраструктурой, которая дала миру иудео-греческую цивилизацию. Августин называет Рим шайкой разбойников, которая убивала и грабила на протяжении всей своей истории. Гегель выражает обе точки зрения, когда говорит, что Рим обладал провиденциальной функцией цивилизации варварского мира с одной стороны, а с другой стороны сам утонул в насилии и безнравственности.

Карл Крист «История времен римских императоров»: «Очевидно, Катон уже почувствовал, что в лице его крупного политического противника Сципиона Африканского начинается новый процесс, который в конечном итоге приведет к абсолютизации отдельных личностей. Именно Сципион открывает ряд „выдающихся индивидуальностей“, которые по Гегелю характеризовали позднюю фазу Римской республики. „Их несчастье состоит в том, что они не смогли сохранить нравственное начало, потому что то что они делали, являлось преступлением и было направлено против сущего. Даже самые благородные из них — Гракхи — не только сами подвергались несправедливости, но и были вовлечены в общий разврат и несправедливость. Но то что эти индивиды делали и хотели, имело высшее оправдание и приносило победу“ (Лекции по философии истории, 1961) Как избранный, одаренный счастьем человек, он открыл целый список имен, в котором за ним следовали Сулла и Цезарь, люди, имеющие те же убеждения и те же самооценки».

Карл Крист заостряет внимание читателей на том факте, что история поздней римской истории определялась сильным духовным влиянием греческой культуры, что подчеркивают впрочем абсолютно все исследователи (кроме, может быть, марксистских, берущих в рассмотрении только факты экономической жизни): «Естественно абсолютизация личности, заложенная в большинстве эллинистических течений, могла привести к полному агностицизму, философскому скепсису. Эмансипация индивида охватила Рим, и без учета этих духовных и религиозных предпосылок нельзя понять таких политиков, как Сулла и Цезарь»

Таким образом, и римская история представляет тот же конфликт рождающейся сознательной личности, которая склонна к патологии противопоставления себя всему миру, и конструктивного научного интеллекта, стремящегося найти новое общественное равновесие уже на фундаменте свободной психики разумных индивидов. Здесь очень важно избежать ошибки, свойственной почти всем исследователям после той популярности, которой стала пользоваться гегелевская диалектическая логика единства противоречий. Обычно в таких случаях, следуют его примеру и говорят о плодотворности этого конфликта, как о силах, которые приведут к рождению новой истины. Так, например, видит вопрос антиковед И. Суриков в «Пифагоре», когда подчеркивает расщепление сознания античных греков. Ничего не может быть дальше от истины. Это противоборство двух разных силовых полей психики, из контакта которых не может родиться ничего кроме бессмысленной трагедии. Что и имело место быть; что и составило то «безумие истории», о котором пишет Герцен в» Докторе Крупове», кстати сказать, он был большим противником печально знаменитого тезиса Гегеля «все действительное разумно, и все разумное действительно». История в данном случае — это история безумия поля Эгосистемы, которое человеку предстояло найти и нейтрализовать. Этот тот «первородный грех», задачу «искупления» которого бог вложил человеку вместе с базовым полем интеллекта, сознательной энергией психики. Поэтому философии история Гегеля, в которой он стремится, как говорит Герцен, задним числом рационализировать историю, приписать «хитрость разума» самым очевидным безумным процессам есть не более, чем попытка грандиозной мистификации, которая ввела в заблуждение несколько поколений. Если таким образом оправдывать врожденное безумие бессознательной психики человека, которое столь очевидно у аборигенов, не имеющих еще развитого поля сознания (интеллекта), то человек никогда не найдет истинных закономерностей психики, истинного зла, и никогда не сможет от него излечиться. Вот в чем опасность рационализаторских теорий, которые стремятся

превратить драму столкновения здоровой и патологической частей психики в конструктивное единство противоречий мистической логики Гегеля.

Однако, вернемся к римской истории. И здесь, как мы видели, столкнулись те же психологические силы, которые привели к упадку античную Грецию. Это, с одной стороны, конструктивное научное сознание, с другой стороны шизоидное Самолюбие поля Эгосистемы, которое противопоставляло себя всему миру в «воле к власти» ницшеанского псалма.

Конструктивные усилия Рима тоже имели незаурядный результат в виде выработки знаменитого римского права, которое стало развитием идей Платона и стоиков о естественном праве. Ренан называет римское право своего рода «откровением», которое составило основы мирового права в Новое время. Значение такого достижения трудно переоценить. Ренан связывает его с правлением Антонинов, которые как раз и представляли ту конструктивную силу римского общества, которая составила его честь и славу. «Идеал Платона, — пишет Э. Ренан в „Марк Аврелий“, — осуществился: миром стали управлять философы. Все, что в великой душе Сенеки существовало в виде красивой фразы, становилось действительностью. Подвергавшаяся в течении двухсот лет насмешкам грубых римлян греческая философия побеждает их силой своего терпения».

Э. Ренан «Марк Аврелий и конец античного мира»:

> «Таким образом, окончательно сложилось чудесное целое, названное римским правом, тоже своего рода откровение, честь которого, по неведению, присваивается компиляторам Юстиана; но которое в действительности, было делом великих императоров 2 века., превосходно разъясненным и продолженным выдающимися юристами 3 века. Римскому праву предстояло торжество менее шумное, чем христианству, но в известном смысле более прочное. Вытесненное сначала варварством, оно воскреснет к концу средних веков, станет законом вырождающегося мира и при небольшом изменении сделается законом новейших народов. Этим то путем великая школа стоиков, попытавшаяся во 2 веке преобразовать мир и как казалось, испытавшая полную неудачу, в действительности одержала полную победу. Собранные классическими юристами времен Севера они стали

> впоследствии законом всего мира. А эти тексты — дело выдающихся законников, которые собрались вокруг Адриана, Антонина и Марка Аврелия и окончательно ввели право в философский его период»... В первой книге своих дум, Марк Аврелий сам начертил нам картину той чудной среды, где как бы в небесном сиянии движутся благородные и чистые образы его отца, матери, деда, наставников. Благодаря ему, мы имеем возможность понять, сколько в старинных римских фамилиях, которые видели царствование дурных императоров, сохранилось еще честности, достоинства, прямоты, гражданского, и смею сказать, республиканского духа. Там чтили память Катона, Брута, Тразея и великих стоиков, душа которых не преклонилась перед тиранией. Царствование Домициана там ненавидели. Мудрецы, перенесшие его без унижения, почитались героями. Воцарение Антонинов было лишь призванием к власти того общества, чье праведное негодование нам изобразил Тацит, общество мудрых, сплотившегося путем союза всех, кого возмущал деспотизм первых цезарей. Никакого сходства с государем наследственным или Божьей милостью, ни с военачальником чисто республиканское владычество Нервы, Траяна, Адриана, Антонина и Марка Аврелия не имело. Это была как бы высокая гражданская должность. Марк Аврелий в особенности не был ни в какой степени государем в прямом смысле этого слова. Его отвращение к «Цезарям», которых он считал своего рода Сарданапалами, роскошными, развратными и жестокими, выражается беспрестанно. В жизненном обиходе он был вежлив до крайности; сенату он возвратил все его прежнее значение»

Настоящим глашатаем естественного права в Римской республике стал Цицерон, легендарная личность по своему вкладу в духовную культуру Рима; великий юрист, сенатор, политик, оратор, философ и республиканский подвижник, боровшийся за демократические основы республики до самой смерти. Подобно Г. Спенсеру или Ж. Прудону в книге «О Законах» он противопоставляет вечные законы природы временным договорным законам юридизма, и говорит, что второе ничего не стоит, если не будт приведено в точное соответствие с первым.

Е. Трубецкой в книге «Учение Блаженного Августина о граде Божием» также подчеркивает значимость естественного права для становления последующей христианской и европейской цивилизации, а также его сродство с философией Платона и стои-

ков. Отмечает он, и выдающийся вклад Цицерона в становление естественного права римской эпохи.

Е. Трубецкой «Учение Блаженного Августина о граде Божием»:

> «Подобно идеальному государству Платона, Град Божий, хочет быть царством сверхчувственной идеи. До сих пор сколько мне известно, никто из современных исследователей не обращал внимания на тесное сродство между мировоззрением Августина и учением римских юристов и Цицерона о «естественном праве» (jus naturale). Между тем, при некотором знакомстве с философскими воззрениями римских юристов, сходство это бросается в глаза..Под естественным правом здесь разумеется неизменный строй вселенной, единый порядок, определяющий взаимные отношения живых существ между собой. Как Августин различает вечный и неизменный мир, так и римский юрист Марциан различает естественное право, как вечную, незыблемую правду божию, от человеческих законодательств, неустойчивых и подверженных беспрестанным переворотам. «Институты естественного права, которые хранятся одинаково у всех народов, установленные некоторым божественным Провидением, всегда пребывают тверды и неизменны; те же, которые каждое государство установило само для себя, имеют обыкновение часто меняться либо в силу молчаливого согласия народа, либо посредством другого закона, изданного после. Как Августин в понятиях мира смешивает правовой и нравственный идеал, так же точно и римские юристы смешивают то и другое в идее естественного права. «То, что всегда хорошо и справедливо, говорит юрист Павел, «называется правом, какого и есть естественное право». Именно этот идеал справедливости и правды по учению Августина достигается в спокойствии вечного порядка, вечного мира Божия, где воздается каждому должное. Как для Августина Божеский мир, так точно и для римских юристов естественное право есть универсальный порядок, в отличие от различных положительных законодательств, которые носят на себе печать местных и национальных особенностей. «Ибо, — говорит Ульпиан, — при господстве естественного права все люди рождаются свободными». Для Августина, как и для римских юристов, раздробление единого рода человеческого на враждующие между собой царства, войны и рабство суть проявления извращенной человеческой природы. И если с точки зрения римских юристов все эти институты действующего права суть результат некоторого рода отпадения от нормального, естественного состояния, то Августин видит в них

> следствия грехопадения. Насколько это слияние римского идеала всемирного права с идеей всемирной божественной правды было подготовлено и предвосхищено уже в произведениях самих языческих римских мыслителей, читатель может видеть из следующих слов Цицерона: «Истинный закон есть правый разум, согласный с природой, незыблемый, вечный; он призывает к исполнению обязанностей, повелевая, и запрещая устрашает от обмана. Однако добрым он не напрасно повелевает и запрещает, злых же не подвигает к делу повелениями и запрещениями. Этот закон не может быть изменен или заменен в какой-либо части, либо в целом своем составе. Ни сенат, ни народ не может освободить нас от этого закона. И не нужно искать для него какого либо иного объяснителя или толкователя. И закон этот не будет иным в Риме, иным в Афинах, иным теперь, иным после, но один и тот же вечный и неизменный закон будет обнимать собой все народы во все времена, и будет единый и общий всем как бы учитель и повелитель — Бог, изобретатель, судья и установитель этого закона. Кто ему не подчинился тот отвергается самого себя и призрев человеческую природу, в силу этого самого понесет величайшие наказания, даже в том случае, если он избежит других мучений, которые считаются таковыми». Так выражается Цицерон в учении, которого римский юридический идеал воспринимает в себя элементы стоической философии. Из позднейших римских стоиков, Сенека в выражениях чрезвычайно напоминающих Августина, говорил о противоположности Божеского и человеческого царств. Марк Аврелий, выражая ту же мысль, возвещает, что «человек есть гражданин высшего города, по отношению к которому остальные города суть как бы отдельные дома». В идее всемирного естественного права римские стоики сходятся с римскими юристами коих философские воззрения, несомненно, носят на себе печать стоического влияния»

Это то, что касалось конструктивной истории Рима, порожденной той долей научного сознания, которой он обладал. Теперь, нам осталось обозреть шизоидный интеллект Древнего Рима, который привел его к гибели, также как в свое время Грецию.

История Древнего Рима сообщает, что «Своим походом на Рим Сулла открыл новую, полную крови и драматизма страницу Римской истории — историю борьбы командиров за верховную власть». Действительно, ко времени поздней республики Суллы окончательно обнажилась неэффективность договорного

(позитивного, юридического) права и его учреждений: противостояние сената и народных трибунов дошло до крайности. Чем обширнее становилась республика, чем глубже и развитее интеллект, тем труднее было договориться народным собраниям и собраниям аристократов между собой, труднее было опираться на договорное право, которое каждый стремился нарушить. Борьба оптиматов, представлявших аристократов, и популяров, представлявших народ во времена режима Суллы вылилась в кровавую резню. В конечном итоге Сулла сильно ограничил народных трибунов, которые после него безрезультатно боролись за восстановление своих полномочий.

Параллельно с Римом «цивилизатором» существовал и другой Рим — кровожадный разбойник, грабитель и варвар, крушивший города, как он сокрушил Коринф, Карфаген, Капую, Иерусалим, продававший в рабство неспособное платить подати население, устраивавший цирковые представления из бойни людей. Наряду с цивилизацией, которое несла просвещенное римское право, законы и порядок, римская жизнь была войной всех против всех, и не видно было другого способа навести реальный порядок, кроме как установить тиранию военного генерала. Так, из хаоса войны всех против всех, который составлял основу первобытной демократии, «своеволия», как говорил Платон, опять родилась тирания, как он и предсказывал, только теперь уже в Риме.

В. Лесков «Спартак»:

> «Снова граждане Рима вернулись к повседневной мелкой борьбе всех против всех. Такая борьба являлась самой типичной чертой римской жизни. Об этом писал еще поэт Луцилий, живший незадолго до времени Спартака: «Как бы друг друга надуть, в борьбе коварно сразиться, в сети завлечь, — словно все и каждый стали врагами»

Трибуны вели себя крайне дерзко. Они устраивали на форуме свалки, требовали восстановления своей власти в полном объеме, строгих всаднических судов и уничтоженной Суллой цензуры. Их поведение приводило в негодование умеренные элементы из самой оппозиции. Сулланцы испытывали к трибунам

сильнейшую ненависть. Но разделаться с ними не могли. За последним стояли главы могущественных групп в сенате: Помпей, Красс, Г. Котта, Цетег. ...Форум и Марсово поле в Риме закипели страстями. Народный трибун Л. Квинкций, окруженный большим числом единомышленников, стал завсегдатаем суда. Там он устраивал своим противникам неистовые сцены. Потом трибун собирал народные сходки, и ораторы демократии разражались дикой бурей мятежных речей. Народная толпа, по признанию Цицерона, «приходила в ярость» и отправлялась крушить дома своих врагов. Консулу Л. Лукуллу приходилось разгонять толпу с помощью воинов. Позже Цицерон с ужасом вспоминал 74 год как «эпоху полного разгона народных страстей». По его мнению и мнению всех сулланцев, Л. Квинкций явно подкапывался под устои государства с помощью бурных сходок. Действительно, речи Л. Квинкция, как и П. Цетега, пользовались огромной популярностью. П. Цетег в качестве претора «словом и делом угождал толпе» (Плутарх).

Вот каковы были окружавшие Г. Верреса люди! Вот кто составлял его так называемую преторскую когорту! Именно с ними подверг он Сицилию неистовому разграблению, которое приводило в такой ужас Цицерона! «Вы видите, судьи, — взывал оратор, — какой громадный пожар, зажженный откупщиками, уничтожил в его пропреторство не только поля, но и всю остальную собственность землевладельцев, и не только их имущество, но и права, обеспечивающие их свободу и гражданство. Вы видите, как одних привешивают к дереву, других бьют и секут, третьих держат под караулом в публичном месте, четвертых заставляют стоять за столом пирующих, пятым выносят обвинительный приговор врач и глашатай пропретора, между тем как собственность всех их все-таки уносится, насильно берется с их полей. И это называется властью римского народа, законами римского народа, его судами над его вернейшими союзниками, ближайшей к столице провинцией? Ведь это такая гнусность, на которую не решился бы даже сам Афинион, если бы он победил! Нет, судьи, куда беглым рабам, при всем их своеволии, до его испор-

ченности!» Так говорил Цицерон на процессе, и в словах его не было преувеличения.

Поражение Котты вся провинция встретила с восторгом — римлян здесь, как и всюду, ненавидели. Города открывали победителям ворота, понтийская партия повсюду решительно брала верх. В Риме были чрезвычайно удручены неудачами консула. Утешая себя, в сенате говорили, что Котта — человек в военном отношении слабый (как будто не было при нем опытных военных советников!), и совершенно забывали и не хотели вспоминать об отношении населения провинции к римлянам. А отношение это выражалось одним словом — ненависть. Удивительного в этом, разумеется, не было. О положении провинции Азии накануне прибытия туда Л. Лукулла Плутарх сообщает: «Она страдала ужасно, невероятно. Откупщики и кредиторы грабили ее и превращали ее население в рабов. Частные лица должны были продавать своих красивых сыновей и девушек-дочерей, а города — храмовые приношения, картины и статуи богов, пока сами не делались рабами за свои долги. Еще ужаснее были мучения, которые им приходилось выносить раньше, чем сделаться рабами, — их били плетью, бросали в тюрьмы, сажали на кобылы, заставляли стоять на открытом воздухе в жару на солнцепеке, в холод — в грязи или на снегу, так что рабство было для них своего рода облегчением и спокойствием» (Плутарх)»

Слом циклического равновесия Левиафанов, с их сакральными институтами господства и подчинения, привел к поискам свободы, которую каждый видел в установлении своей власти. В итоге все элементы общества пришли в конфликт, и общество окончательно лишилось какого бы то ни было равновесия. Старое равновесие сломали, но до нового равновесия самоуправляющейся свободной общины было еще очень далеко. В условиях где каждый понимал под свободой свою собственную власть, единственной реальной властью могло оставаться только право сильного. Так и случилось в Риме. Сулла тоже считал, что защищается от произвола солдатщины Мария, о чем подробно напи-

сал в своих Воспоминаниях. Но эта позиция самозащиты не помешала ему вырезать тысячи людей из враждебного его власти сословия всадников. Марий тоже не был нисколько более гуманным, вырезав вместе с Цинной, тестем Цезаря, тысячи представителей римской аристократии, враждебной его власти. Плутарх пишет об ужасах варварства, проявленных обеими сторонами, об отрезанных головах и руках, выставленных на форуме, о кровавом терроре, утопившем в крови Рим, о проскрипциях и провокации доносительства. В ту пору молодой Цезарь с трудом спас свою жизнь от беспощадных проскрипций Суллы. Был ли сам Цезарь сколько-нибудь гуманнее Суллы? Его милосердие, там где он мог его себе позволить, стало притчей во языцех, однако, его политика нисколько не отличалась от политики «военных командиров, боровшихся за личную власть». И не могла отличаться, поскольку другой власти просто не могло быть кроме власти тирании. Той самой тирании, которая точно также уничтожила демократию в Греции, также родившись из этой демократии. Эта была та же система демократии-тирании, которая характеризует период шизоидного интеллекта, когда равновесие научного контроля естественного права еще недостижимо.

Маркс считал, что главной определяющей чертой античной истории было рабовладение, которого не знали Левиафаны восточных деспотий. Однако, рабовладение — это всего лишь закономерное следствие сломанного цикличного равновесия деспотий. Деспотии — это союзы самолюбия и влюбленности, там нет командиров и рабов. Тирании античности — это жесткое противопоставление свободы и рабства, уровня человеческих отношений, где нет места подчинению, и уровня войны с врагом, где нет места влюбленности. Деспоты были отцами нации, пожиравшими народ под прикрытием мифологии благодеяний. Тираны были военными победителями, подчинившими врага силой оружия. Античное рабство такое же следствие сломанного цикличного равновесия левиафанов, как и античная свобода. Поэтому в исторической традиции всегда противопоставляется

патриархальная восточная деспотия, где господа и слуги составляли как бы целое, и жесткая дихотомия свободный-раб, демократия-тирания на западе.

Цезарь пошел напролом и решил открыто попрать либеральной пафос греко-латинской культуры. Он проявил неуважением ко всем республиканским традициям, как пишет Светоний, чем вызвал неугасимую ненависть свободных граждан Рима. Трагедия убийства Цезаря во многом созвучна с трагедией гибели Александра Македонского в самом расцвете лет, от чего бы тот не погиб в конечном итоге. Плутарх оставил нам потрясающие сравнительные биографии этих двух людей; и наверное, ни одну другую пару биографий он не подобрал для сравнения так удачно. В гибели этих тиранов античности воплотился весь кошмар античной души перед чудовищами левиафанами, которые этим героическим душам только-только удалось опрокинуть, и которых они боялись больше всего на свете. Эта трагедия любви и ненависти между Александром и его генералами, также драматична, как такая же трагедия любви и ненависти у Цезаря и Брута. Каждая сторона была права по своему: Александр и Цезарь в том, что не было другой власти кроме власти меча там, где упали драпировки сакральных отцов нации с одной стороны, и где не было способа установить юридическое право путем договора в сенатах и народных собраниях с другой стороны. А их соратники были правы в том, что они любили их как братьев в своем героическом стремлении к свободе, а те жестоко предали самое святое, покусившись на роль восточных деспотов.

Другая эпическая личность поздней республики, столь же рельефно высветившая весь трагизм шизоидного интеллекта, беспомощного в своих отчаянных поисках свободы, в поисках нового равновесия, основанного уже на разуме, — это Спартак, великий полководец, поднявшийся против римской тирании и поднявший с собой 70 тысячную армию рабов. Историки ставят его в один ряд с великими личностями поздней римской республики, такими как Сулла, Марий, Цезарь, Помпей и др Интересно, что этот образованнейший раб, которого современ-

ники сравнивали с Ганнибалом (Орозий писал, что римляне испытывали не меньший страх, чем когда Ганнибал стоял у стен Рима), характером, аскезой, привычкой окружать себя философами и книгами, в точности соответствовал благородному облику Марка Аврелия. Также как Марк Аврелий он стремился найти республику Платона и старательно изучал естественное право философов своего времени. О великодушии, благородстве и мужестве его характера в унисон говорят все античные источники. Ущербность такого общества очевидна, в котором люди подобные Спартаку сначала лишены человеческого достоинства, а потом способны так основательно потрясти самые основы этого общества, что только чудо спасло Рим от гнева восставшего раба.

В. Лесков «Спартак»:

> «Необходимость решения сложных и трудных задач политического характера заставляла Спартака много времени уделять изучению различных философских доктрин и идей. Большим вниманием его пользовались южноиталийские философы Элеаты (школа Ксенофана — Парменида — Зенона) и известные греческие философы — младшие софисты (Антисфен, Алкидам, Критий и др.), очень много занимавшиеся вопросами этики и морали, обоснованием „естественного права“, равенства всех людей и упразднения рабства. Относительно же последнего вожди восстания дали вполне определенное заверение: в случае победы над сенатом будут приняты меры, ломающие политическую и социальную структуру Италии, способствующие установлению всеобщей справедливости — „Государства Солнца“! О том, что именно оно будет из себя представлять, давали разъяснения философы, находившиеся в окружении Спартака. Ибо, подобно тому как Аристоник в Пергаме держал у себя в качестве советчика и наперсника философа Блоссия, друга Тиберия Гракха, а Александр Македонский — Аристотеля и еще немало других, так и Спартак вовсе не чуждался общения с философами. Чаще всего эти философы сами вели жизнь, полную горя и унижения. Поэтому среди них особенно сильна была тяга к справедливости, мучительные размышления над работами Аристотеля, Платона и других светил философии о государстве и обществе, о путях переустройства несовершенного мира. Но об этом как раз думал и Спартак. Вообще в своих культурных запросах и их удовлетворении Спартак был вполне человеком своего времени.

> Из эпиков он выше всех ценил Гомера, среди трагиков — Софокла и Еврипида, среди лириков — Архилоха, из исторических писателей — Геродота, Фукидида и Ксенофонта, из ораторов — Демосфена. В философии он оказывал предпочтение стоикам, которые старались дать своим последователям твердую опору в превратностях жизни, проповедовали равенство и братство всех людей, учили следовать суровому долгу. Спартак ценил также многих римских писателей, современных ему философов. Знал он и собственно фракийскую литературу».

Спартак во всем предвосхитил знаменитого философа-императора, который будет править Римом через два века после него: та же начитанность, та же любовь к философам, та же аскеза, ограничение себя во всем, та же ответственность в отношении вверенных ему судеб людей, то же бесстрашие в бою и талант полководца, то же стремление создать республику Платона и те же поиски естественного права. Между тем случись его восстание в эпоху Марка Аврелия, последний расправился бы с ним с той же решительностью, с которой он преследовал христиан. Такова была неэффективность ментальной и политической системы. Надо сказать, что Марк Аврелий, старался сделать все что было в его силах, чтобы обезопасить гладиаторов и акробатов цирка, но совсем отменить цирк, который он глубоко презирал, было не в его силах. Спартак, который из гладиатора-раба стал Ганнибалом, угрожавшим крушением Риму за то, что тот отнял у него и его товарищей человеческое достоинство, поднялся до императорского величия Марка Аврелия и в своей добродетели, признаваемой всеми, и в своей просвещенности. Коммод, сын Марка Аврелия, из принца и императора сам сделал себя гладиатором на арене рабов, где он наряжал римских калек чудовищами и убивал их палицей, подражая Гераклу. Ренан говорит в аналогичном случае с Нероном, что мы «не должны забывать, что безумие носилось в воздухе». Это и есть тот эффект расщепленного сознания незрелого интеллекта, когда люди одной среды и воспитания, становятся полными противоположностями друг другу, как Коммод и Марк, или когда люди, совершенно разные по условиям жизни и воспитанию, обретают

единство духа философов-правителей Платона. Коммод погубил все конструктивное, что сделал Марк Аврелий, кроме, может быть, наработок римского права, которому суждено развиваться и стать мировым правом. На нем историки обычно заканчивают античную историю Рима.

В Риме на смене республике пришел принципат Августа, племянника Цезаря, который учел ошибку своего великого дяди, и больше не говорил о пожизненной диктатуре и короне, а объявил себя первым среди равных и о своем глубоком уважении к традициям римской свободы. Он остался жить, и ему удалось даже стабилизировать борьбу за власть на какое-то время. Цена, которую он заплатил за эту стабильность, также кровава, как проскрипции Суллы, которого он стремился превзойти в жестокости, и также коварна как убийство Брутом Цезаря, поскольку он отдал Антонию Цицерона. Голова и руки Цицерона были выставлены в том самом сенате, в котором он так часто блистал. Над его трупом надругались как над трупом какого-нибудь уголовника. А между тем вся вина Цицерона состояла лишь в том, что он подобно Демосфену, боролся против промакедонской партии Аристотеля, желая спасти независимость Эллады; только Цицерон боролся против Марка Антония, египетского супруга Клеопатры, в котором он видел такую же угрозу демократии Рима, какую Демосфен видел в Филлите Македонском. Гибель этих двух великих людей античности также показательна для шизоидного интеллекта, как убийство Александра и Цезаря.

Бертран Рассел «История западной философии»:

> «Демократическое движение, начатое Гракхами во второй половине II века до н.э., повело к целому ряду гражданских войн, и, наконец, как часто бывало в Греции, к установлению „тирании“. Любопытно проследить повторение в столь широких масштабах тех событий, которые в Греции не выходили за пределы небольших зон. Август, наследник и приемный сын Юлия Цезаря, царствовавший с 30 года до н.э. по 14 год н.э., положил конец гражданской борьбе и (за малым исключением) внешним завоевательным войнам. Впервые с на-

> чала греческой цивилизации античный мир наслаждался миром и безопасностью»

Карл Крист «История времен римских императоров»:

> «Имея ввиду эти традиции, полным анахронизмом является ожидание сформулированной политической программы от оптиматов, популяров и отдельных римских политиков. Характерным признаком римской политики в этот период было как раз то, что за высокопарными словами скрывались конкретные цели. Короче говоря, кто занимался политикой, произносил громкие слова, одна якобы защищали права народа, другие оберегали авторитет сената. На самом же деле они все „боролись только за свои власть“ (Саллюстий „Катилина“)»

Однако, со времен династии, установленной Августом, извращение шизоидного интеллекта, которое раньше проявлялось в вооруженной борьбе командиров за власть, стало проявляться иначе. Первым таким проявлением стало императорство или принципат Калигулы, разгул и произвол власти которого сразу показали все слабости новой политической системы, которая напрямую зависела от характера императора и не имела никакой институциональной защиты от его произвола. Сенат сделался игрушкой в руках этого маньяка, который, как пишут источники, принудил к самоубийству многих сенаторов, которых он заставил себя обожествить, а сам проводил время в развлечениях в цирке.

Теперь расщепление римского сознания проявлялась в чередовании «нормальных» и «ненормальных» императоров, так что первые приносили с собой государство платонов, подобно Антонинам, а вторые «Сарданапалов», подобно Калигуле, Нерону или Коммоду, который, по мнению Гиббона, стал концом истории античности. Античный историк 3-го века Геродиан, автор истории Рима времен Марка Аврелия, так подводит итог краха античной истории:

> «Эта древняя болезнь Эллинов, беспрестанно враждовавших друг против друга и желавших гибели тому городу, который обладал какими-либо преимуществами, — это, собственно, и погубила Элладу.

> Ослабленные и истощенные междоусобиями Эллины сделались жертвами македонян, а затем были порабощены римлянами. Та же самая болезнь ревности и зависти перешла и к современным нам городам, — замечает Геродиан»

(История Древнего Рима)

Даже сегодня парламенты и сенаты вполне могут становиться игрушкой в руках глав государств, как мы можем видеть на примере советской или современной России. Средневековая Европа будет бороться с произволом царской власти ценой кровопролитных революций. Тем не менее, произвол правителей, подобный произволу Нерона, Калигулы и Коммода увидит и современная история в лице Гитлера, Троцкого, Муссолини, Сталина. Неизвестно еще, что нам готовит будущее. Изжить совершенно такой произвол, также как угрозу междоусобной борьбы за власть и хаос революций, можно только в том случае, если на место юридизма позитивного права будет поставлен научный контроль естественного права. Что и станет концом той естественной эволюции к устойчивому равновесию самоуправляющейся свободной общины, которую начал процесс распада цикличного равновесия левиафанов. Античность только героически вступила в тот хаос крушения мира, в котором еще повсюду валялись безобразные члены убитого чудовища-ливиафана, не зная, что такое свобода и где ее искать. Она мужественно сражалась за свободу и оставила нам в наследство греческую философию, римское право и христианский синтез.

Продолжить это дело взялись борцы за свободу нового времени, когда все вместе заговорили о необходимости научного контроля естественного права. Новый шизоидный интеллект в виде философии кантианства, антиинтеллектуализма встал на пути конструктивного научного сознания европейцев. Преодолеть этот интеллект является задачей жизни и смерти для современной западной цивилизации.

ГЛАВА 13. ПРОФЕТИЗМ И ТЕОКРАТИЯ В ИЗРАИЛЕ

«Мы стоим здесь у одного из истоков идеализма; здесь надо склонить голову. Победа профетизма — одна из немногих побед, одержанных людьми духа. Мы должны поставить Израиль 8 века до рождества христова рядом с Грецией 5 века. Исайа является настоящим основателем (я не говорю изобретателем) мессианского и апокалиптического учения. Иисус и его апостолы только шли по стопам Исайи. История происхождения христианства, доведенная до первых его зачатков, должна была бы начинаться с Исайи»

Э. Ренан История израильского народа

1) Профетизм и крах еврейского Левиафана
2) Рациональная работа пророков
3) Национальный ягвеизм и тирания теократии
4) Аутизм в иудаизме

1) Профетизм и крах еврейского Левиафана

Огромное влияние, которое иудаизм оказал на европейскую цивилизацию через христианский синтез поздней античности, признают все исследователи. Чем объясняется это значительное влияние иудаизма, который вместе с греческой философией составил остов европейской культуры средневековья? Вероятно тем же расщеплением сознания, которое имело место в антич-

ной Греции и Риме после пробуждения там сознательной личности, то есть активного полноценного интеллекта. Ренан в своих многочисленных книгах по истории христианства подчеркивает исключительную духовную активность евреев, которая конечно не могла иметь иного источника кроме интеллекта. Позже, уже в Новое время, когда глубина интеллектуального таланта этого народа нашла свое проявление в огромном числе выдающихся ученых, художников, деятелей культуры, стало ясно, что евреи способны не только к «метафизической интоксикации». А во времена римской империи Плиний писал в Естественной истории о специфике жизни иудеев, как о разновидности тихого помешательства.

Сделанный Э. Ренаном анализ истории израильского народа подтверждает нашу идею о том, что чрезвычайная ментальная активность евреев была следствием того же расщепления сознания, которое приносит с собой первичный интеллект, и которое имело место в античности. Это конфликт конструктивного, рационального научного сознания с одной стороны и с другой стороны, шизоидное, мистическое, самовлюбленное сознание абсурда, которое всегда приводит к «Драматическому заострению» противостояния с внешней средой.

Ренан подчеркивает в своей «Истории израильского народа», что еврейские пророки вели очень «рациональную работу», которую он видит в провиденциальном предназначении еврейского народа как изобретателя универсальной религии. Эту универсальную религию он трактует как метафизику интеллекта Платона, как общие закономерности природы, установленные творцом-интеллектом. В этой связи он противопоставляет деизм универсального бога Эля и идола национального бога Ягве, против которого и работали еврейские пророки, как считает Ренан.

С этой точки зрения, действительно метафизика интеллекта древних евреев такой шаг вперед, такой же прорыв рационального сознания, какой имел место в античности. И действительно, еврейская диаспора, как пишет Ренан, прекрасно укрепилась в эллинистической Александрии, и там явила миру шедевры

иудео-греческого синтеза в работах александрийских Сивилл, Филона и множества др еврейских ученых того времени. Этот фонтан еврейского гения стал источником христианского синтеза, в котором Ренан видит вершину и цель развития иудейского духа.

Как бы то ни было, тот страстный призыв к монотеизму, который лежит в основе иудаизма и яростное обличение язычества, если понимать последнее как суеверия поля Эгосистемы, действительно стал шагом к метафизике интеллекта, к поиску духовной энергии «написанных в сердце законов». Другими словами, к поиску законов природы, что и составляет самое сердце научного мировоззрения. С другой стороны, монотеизм рационален только когда он провозглашает единство интеллект. Бог-интеллект не может быть не один, это следует из его природы. Но когда монотезим обосновывают особенной любовью особенного личного бога к кому-то или чему-то, и противопоставляют этого бога всем другим, как его врагам и соперникам, то это уже не метафизика интеллекта. Это шизоидность притяжения Самолюбия, которое нашло способ реализации своей «воли к власти» в изобретении такого абстрактного национального бога. В этом последнем случае любые суеверия кажутся менее опасными, потому что фанатизм, который рождает шизоидность, делает его источником нестерпимой ненависти по отношению ко всему окружающему миру.

В этом существо расщепления сознания иудейского монотеизма: с одной стороны, это монотеизм метафизики интеллекта, который действительно нашел свое развитие в христианстве, с другой стороны это монотеизм национализма Ягве, который стал источником фанатической нетерпимости иудеев и «фарисейского самодовольства», как говорит Э. Кречмер. Ренан очень подробно останавливается на этом расщеплении иудейского сознания в своей книге «История израильского народа», фактически положив идею этого расщепления в основу своего исследования.

Э. Ренан «История израильского народа»:

> «Истинная религиозная идея, хотя еще очень примитивная и отравленная грозным фанатизмом, одушевляла этих грозных борцов, окончательно утвердивших торжество Ягве. Пророки этой новой школы стоят гораздо выше древних кудесников, которые владея пророческим даром, пользовались им для заработка. Новые пророки не получают ничего за оказываемые услуги, выходящие за пределы естественного; их свита также не должна ничего получать. Их борьба с безнравственными культами Финикии вытекает из их великой нравственной строгости. Поистине трогательно зрелище того как они берут под защиту слабого и бросаю царю в лицо протест против убийства бедняка. Ягве в представлении этих пылких сектантов еще в высочайшей степени местный бог. Он любит только Палестину; у него есть имя; он, как индивидуальность, отличается от всякого другого бога. Суровый эгоизм исключительного национализма, монополизирующего божество для своей выгоды, еще далек, конечно, от истинного идеала религии. Кто решился бы сегодня принять целиком наследство Кальвина? И, тем не менее, протестантизм 16 века является решительным шагом на пути религиозного прогресса.
> Ягве новой Торы составленной при Иосии, как и Ягве в представлении Иеремии, есть одновременно бог неба и земли и бог Израиля. Он одновременно универсальный бог вселенной, и как таковой, абсолютно справедлив, и национальный Бог — и, как таковой, несправедлив. Когда идет речь о его народе, он является самолюбивым и несправедливым самодержцем. Мир существует для них одних: «Вы истребите все народы, которых Ягве, ваш Бог, отдаст Вам; ваши глаза не будут иметь сострадания к ним»...Эта Тора была заклятым врагом универсальной религии, о которой мечтали пророки 8 века. Иисус сумел доставить победу духу этих великих пророков, лишь сокрушив эту Тору и смело отвергнув ее.
> Каждый шаг к завершению национальной идеи был, как видно, регрессом, в богопознании израильтян. Национальная идея нуждалась в божестве, которое занято только мыслью о данной нации и в ее интересах является жестоким, несправедливым, враждебным ко всему роду человеческому. Истинный ягвеизм возник в тот момент, когда израильский народ в силу национального принципа, сделался эгоистичным. Ягвеизм будет крепнуть вместе с нацией; он исказит высокие, истинные идеи первобытного элогизма. Нарост будет удален. Пророки, в особенности, последний из них — Иисус, разрушат идею о Ягве, исключительном боге Израиля, и вернуться к прекрасному образу справедливого и доброго отца, единого для всего мира

> и всего рода человеческого. Эль справедлив ко всем людям, хотя справедливость его окружена тайной; Ягве несправедлив, обнаруживает возмутительное пристрастие к Израилю и ужасную жестокость по отношению к другим народам. Он любит израильтян и ненавидит весь остальной мир. Он убивает, лжет, обманывает, грабит, ради наибольшего блага Израиля. Являлся только вопрос: как мог этот исключительный бог нации создать небо и землю. Образовалась какая-то сеть противоречий, из которой высвободился только гений пророков. Работа пророков будет состоять в том, чтобы воссоздать путем рефлексии древний элогизм, насильственно отождествить Ягве с Эль-элионом. Насколько Эль хорошо руководил старыми патриархами, внушая им возвышенные взгляды на жизнь, настолько Ягве дурно влиял на израильтян, делая их жестокими, несправедливыми, способными на убийство и обман во имя своих интересов».

Э. Ренан считал, как можно видеть из приведенного текста, что протесты пророков против национального ягвеизма — это требование вернуться к некоей универсальной религии, которая существовала у евреев в патриархальные времена, религии «элогизма». Однако, как правильно замечает Б. Рассел в «Истории западной философии», это обманчивое впечатление, универсальная религия деизма стала творением этих вдохновенных людей:

> «Исторические книги Ветхого завета, которые были скомпилированы в основном уже после пленения, порождают обманчивое впечатление, будто идолопоклоннические обычаи, вызывавшие протесты пророков, были отступлением от древней строгости, тогда как на самом деле этой древней строгости никогда не существовало. Пророки были новаторами в гораздо большей степени, чем это может показаться из Библии, если читать ее неисторически».

Следствием этого расщепления было крушение Левиафана царской власти, как это в точности имело место и в античности. Ренан связывает это крушение Левиафана с движением профетизма, то есть с движением пророков, которые стали такой же жесткой оппозицией царской власти, какой был пробудившийся интеллект в античных республиках. Эти пророки-правители, которым предпочитал подчиняться народ, как античный народ подчинялся своим мудрецам Солону, Ликургу

и Пифагору, создававшим для них законы, утверждали, что заключили договор с богом, договор законы которого записаны на священных скрижалях. Это было своего рода общественный договор израильского народа, его юридическое право и его институт «гражданства», который ставил на место произвола царей — священные законы Торы, полученные путем божьего откровения. Пророки победили в этой войне против царской власти, заложив своеобразные основы демократии, народного самоуправления, которое осуществлялось через активную храмовую деятельность. Эрнест Ренан в книге «История израильского народа» утверждает, что «Мы должны поставить Израиль 8 века до Рождества Христова рядом с Грецией 5 века». Там же он пишет, что «профетизм», то есть движение пророков древнего Израиля есть редчайший в истории случай победы идеализма, то есть становления духовной энергии человечества: «Мы стоим здесь у одного из истоков идеализма; здесь надо склонить голову. Победа профетизма — одна из немногих побед, одержанных людьми духа».

Возможно, все так и было, но беда в том, что как всегда бывает с договорным правом, вскоре оно перестало удовлетворять народ. Появлялись новые пророки, которые противоречили друг другу в самых фундаментальных вопросах, вплоть до того, что «очень умные люди своего времени», тоже пророки, как пишет Ренан стали говорить о том, что пророчество есть шарлатанство и подлежит наказанию как преступление, что вскоре божьи законы будут доступны всем и каждому, потому что они написаны в сердцах каждого человека, и что люди будут познавать их вдохновением, без обучения. Как видим, здесь тоже метафизика интеллекта развивается в направлении естественного права законов природы.

Ренан говорит об идее теократии израильского народа как о республике Платона, где философы-правители также отрицают начала гражданского строя, то есть юридического права, как это делали пророки-правители Израиля. Не говоря уже о ненависти к царской власти, которая нисколько не уступала таковой

у древних эллинов. «Идеальный царь» теократической утопии иудеев был также подчинен законам совести, которые бог пишет в сердцах людей, как Философы-правители Платона были подчинены разуму великого бога-геометра и его законам. «Тора» как книга божественного закона в этом смысле есть первые попытки установления естественного права; только если развитая наука будет говорить о законах природы, психологии, то первичная активность интеллекта чертит очень смутные рисунки текстов откровения. Спиноза говорит о Ветхом завете в «Богословско-политическом трактате», как об искаженном воображением пророков слове божьем, которое необходимо переоткрыть, но уже «естественным светом разума», как «законы, написанные в сердце каждого, а не на скрижалях». О том же говорит и сам Ветхий завет, который критикует несостоятельность своих пророков:

Э. Ренан «история израильского народа»:

> «Многие умные люди стали с отвращением относиться к этой странной профессии, под которой нередко скрывались наглое шарлатанство и явная ложь. Различные школы должны были признать, что скоро дар пророчества сделается достоянием всех и каждого и не будет привилегией отдельных личностей. „И случится в этот день, — говорит Ягве, — что я истреблю все идолы на земле, а также пророков и нечестивое вдохновение, я смету все это с лица земли. И случится тогда, что если кому-либо захочется сделаться пророком, отец и мать, которые ему дали дни его, скажут ему: „ты желаешь быть убитым; ибо ты говорил ложь от имени Ягве“, и его отец и мать, убьют его за то, что он пророчествовал“. Таким образом, разными путями пришли к идеализму, к концепции новой религии, которая должна была заменить старую, и в которой всякий мог быть жрецом, ибо закон этой религии был вписан в совесть каждого человека. Всякий мог найти закон в своем сердце. Очень скоро христианство забыло программу, которую его основатель заимствовал у пророков, для того, чтобы сделаться такой же религией как и все другие, то есть религией с жрецами и жертвоприношениями, с обрядами и суевериями. Но зародыш, вложенный в религиозные традиции вдохновенными Израиля, никогда не погибнет; все мы, ищущие бога без священника, откровения без пророков, вписанного в сердце договора, — все мы являемся во многих отношениях учениками этих древних безумцев».

«Закон, написанный в сердце», как четкая формула естественного права, был положен в основу движения профетизма, с таким же остервенеем разрушившего Левиафан поля Эгосистемы, как это сделали Греция и позже Рим.

Э. Ренан «История израильского народа»:

> «Начиная с 850 года до н.э. становится ясным, что Израиль не будет таким народом как другие. Царская власть побеждена. Этот народ будет посредственностью в сфере светской жизни; но в сфере религиозной он не имеет себе равного. Будущее принадлежит здесь не умным царям, не тонким политикам: оно принадлежит ясновидцам, утопистам, вдохновенным поборникам демократии, которые управляют революциями, создают и низлагают династии... Эта идея о том, что национальный бог постоянно являет волю свою через какого-то бедного пустынника, одетого во вретище, одна из поразительнейших идей, возникавших в человечестве. В этом единственном учреждении — весь секрет необычайного роста израильского народа. Профетизм имеет реальное сходство с современной прессой, которая также является особой силой рядом с правительством, патрициями, духовенством. Пророки израильские были публицистами, выступавшими от имени бога. Профетизм то спасал, то низвергал династии. Пророки в одно и то же время — патриоты и злейшие враги своего отечества. Они препятствуют установлению гражданского строя, заключению внешних договоров, устройству армии. Они создают противоправительственную оппозицию, против которой не устояло бы никакое государство. И все же, в конце концов, именно пророки создали историческое значение Израиля. Они нанесли смертельный удар политической жизни маленького народа, вверившего им свою судьбу, но они основали религию для всего человечества. Кто осмелится бросить им упрек? Суеверие есть зло которое они преследуют всеми силами. В противоположность многим другим мудрецам, они никогда не примиряются с ним. В этом отношении еврейские пророки являются настоящими протестантами, людьми реформации, пуританами. Не напрасно их произведения служили постоянной духовной пищей для великих агитаторов 16 века. Кальвин, Нокс, Кромвель — братья израильских пророков 8 века до Рождества Христова. Они отличаются той же суровостью, тем же духом нетерпимости. Одинаковое неумение отделить политику от религии. В теократии есть своеобразное величие; но много времени должно пройти, прежде чем она придет к идее свободы».

2) Рациональная работа пророков

Ренан подобно Ясперсу, который говорит об Иудее и Греции как о странах положивших конец мифологической эпохи и начавших движение к логосу, также видит миссию Израиля в становлении духовной энергии человечества. Но если Ясперс говорит о пяти источниках этого движения (Персия, Израиль, Китай, Индия, Греция), то Ренан видит только три: Израиль, Греция и Рим. Ренан считает, что вклад Израиля огромен в становлении духа человечества, поскольку Израиль тоже много сделал для того, чтобы разрушить суеверие старых магических культов, на которых держалось сознание варваров. Израиль также способствовал тому, чтобы умерли суеверия таких громадных Левиафанов как Египет или Ассирийские империи. В его случае это не было рождением философии и науки, но это была ожесточенная борьба с суевериями, смутных поисков разума, которые отличались от греческой рациональной революции, как поиски ощупью в темноте отличаются от поисков при дневном солнечном свете созданной греками науки. Однако конечную цель этой борьбы Ренан видит также в становлением универсальной религии человечества, которая подобно богу Платона, Спинозы или Эйнштейна приходит к метафизике интеллекта, к поискам истины, знания, справедливости и добродетели.

Э. Ренан «История израильского народа»:

> «Как мы видим, религиозный прогресс, обнаруживающийся в Книге Союза, еще ярче проявляется в маленькой Торе, состоящей из десяти статей, обработанных иерусалимскими мудрецами. В договоре Ягве с его слугами условием является исключительно нравственное поведение. Ягве дает в награду блага мира сего только людям безупречной нравственности. Чтобы жить долго и счастливо надо избегать зла. Таким образом, решительный шаг был сделан. Безвозвратно миновала пора старых религий, где бог дарует блага тому, кто приносит лучшие жертвы и лучше исполняет его культ. Книга Союза уже санкционировала эти идеи, но Декалог превосходит ее ясностью. Эта страница, которой суждено было стать кодексом морали для всего мира, вполне заслужила свое высокое предназначение. Действительно, Декалогом завершается процесс возвращения

> израильского народа к чистому культу, от которого народ уклонился, приняв национального бога. Отныне Ягве и Элогим сливаются воедино. Ягве уже не является исключительно богом Израиля. Он — бог неба, земли, рода человеческого. Он любит добро, он учит добру. Сам Ягве должен был подчиниться железной силе духа этой нации. Если он был идолом, ложным богом, он превратился под постоянным давлением могучей воли в единого истинного бога, которому служат, поступая справедливо, которого чтут, сохраняя чистоту сердца. Десять заповедей Ягве даны всем народам и в течении многих веков будут считаться „заповедями Божьими". Но никогда она не была более сильным ферментом, чем в ту отдаленную эпоху, когда она должна была поддерживать в немногих пламенных душах священный огонь добродетели, нравственной дисциплины и религиозного пуританизма… Первым евангелистом универсализма был, несомненно, второй Исайя, пророк 536 года. От него мир впервые услышал это великое слово „народы имеют одного лишь бога, храмом которого служит мир; почитать его можно лишь справедливостью". Все пророки, начиная с Амоса, трудились над тем, чтобы очистить Ягве от его натуралистических злаков и национального пристрастия. У Исайи в особенности мы находим в смысле универсализма слова, возвышеннее которых нельзя себе и представить. В 6 веке второй Исайя провозглашает Ягве всевышним богом мира и человечества. Аноним 536 года является последним результатом той усиленной трехвековой религиозной работы, которая была величайшей из всех (за исключением христианства), оставивших видимый след в истории. С ним мы достигаем вершины той горы, откуда виден Иисус, стоящий на вершине другой горы, а в промежутке между ними — очень большая долина. Это — первый по времени гуманитарный мыслитель. Греция, создавшая столь прекрасные вещи, искусство, науку, философию, свободу, не создала гуманитаризма».

Ренан оставляет за Израилем место «первого гуманитарного мыслителя», поскольку Греция говорит он, «создавшая столько прекрасных вещей не создала гуманитаризма». Его идея в том, что Израиль своим путем пришел к метафизике интеллекта, к победе идеализма, к поискам истины, разума и справедливости, которые он поставил на божественный пьедестал, через поиски милосердия, доброты, человечности. Что в этом пункте Греция и Израиль встретились, чтобы соединить свою мысль в великой идее христианства, и дать новый толчок и но-

вую мысль следующим векам цивилизации. И что в конечном итоге, все что оставалось мистического в иудаизме, христианстве и эллинизме будет изжито в тем, чтобы истина и разум в своем зрелом обличье научного метода, наконец, осветили лучами просвещения все человечество.

> «Слава еврейскому гению, который желал и предсказывал с несравненной силой прекращение зла в мире, и видел среди страшного мрака ассирийского владычества подымающееся на горизонте солнце справедливости, которое одно может положить конец войне между людьми! Это конечно была колоссальная утопия... Но если исключить из нее теократическую идею, остается проповедь добра и разумного поведения; остается та истина, что применяя принципы знания и справедливости к делу управления людьми, можно многое в нем улучшить. Эта надежда, которую вновь горячо провозгласят александрийские Сибилл, которая вдохновит и поддержит нежного и нерешительного Вергилия, в которой Иисус и окружающие будут черпать убеждение, что близится наступление царства божьего — эта надежда впервые возникла в душе Исайи и его школы, которая бросила миру лозунг справедливости, братства и мира. Мы стоим здесь у одного из истоков идеализма; здесь надо склонить голову. Победа профетизма — одна из немногих побед, одержанных людьми духа. Мы должны поставить Израиль 8 века до Рождества Христова рядом с Грецией 5 века»

3) Национальный ягвеизм и тирания теократии

Тора — эта книга философии и права еврейского народа, есть почти такое же скопление противоречий и отрицающих друг друга идей, мировоззрений, такой же конфликт мифологии и логоса, каким по существу было античное сознание. Конечно, греческое сознание значительно более рационально, но далеко не совсем свободно от мифологии и мистики. Вспомнить священное писание греков — песни Гомера или ученого-мистика Пифагора. Национализм античных греков и римлян также во многом доходил до смешного. Противопоставление эллинов и варваров, которое имело место у древних греков известно всем, не менее известен и снобизм завоевателей мира римлян, запечатленный в известном стихе Вергилия. И если эллины из-

бежали к себе ненависти, потому что не были завоевателями, то ненависть порабощенных народов к римлян, часто проявлявшаяся в восстаниях, в рабских и союзнических войнах, была одной из характерных специфик античности.

Пророки евреев также глубоко противоречили друг другу, как и философы Греции или политики Рима. Одни, подобно Иеремии, славили войну как «бич божий», который принесет гибель языческому миру и славу еврейскому народу. Другие подобно Исайе ратовали за мир и милосердие. Одни призывали во всем подчиняться пророкам, другие говорили, что близок день, когда пророков будут убивать за ложь от имени Ягве. Одни стояли за жесткий храмовый культ, другие подобно Исайе смеялись над жертвоприношениями и требовали чистоты сердца. И потому между различными школами пророков было также мало понимания, как между различными философскими школа и политическими партиями в античности. Общее здесь у израильтян и античности то, что и те и другие искали истины не у власти и военных, а у вдохновенных божественным разумом людей, которые ничего за это не получали и посвящали себя служению народу.

Э. Ренан «История израильского народа»:

> «Злоба и варварство так сильно запятнали этот мрачный профетизм времен Омридов, что мы в первую минуту возмущаемся против необходимости признать предшественниками Иисуса этих бесноватых, которых агадист вздумал возвысить, приписав им чудовищные акты мести и жестокости. В борьбе этих иступленных людей с государством, справедливость, в общем, на стороне государства. Их советы всегда наиболее прямолинейны и наименее практичны. Ни одного клочка земли для врага; никаких союзов с гоим; принцип войны доведен до самых диких своих последствий. Убивать без пощады — представляется им идеальным принципом воина Ягве. Щадить побежденного, повинуясь чувству гуманности, — величайшее преступление. Текст идеального законодательства, появившийся почти одновременно со школой Илии, грозит херемом, — т.е. отлучением, влекущим за собой смерть, — всякому израильтянину, который будет приносить жертвы другому богу, кроме Ягве. Таким образом, семитический „херем“ стал орудием преследования, фанатизма».

В итоге такого противостояния, гражданский кодекс Торы тоже перестал быть эффективным. Ренан пишет о том, что право евреев было слишком утопично, чтобы быть основой гражданственности страны, и годилось разве что для какого-нибудь братства.

Э. Ренан «История израильского народа»:

> «Нравственный дух левитического кодекса мало чем отличался от нравственного духа Второзакония. И тут и там тот же фанатизм и формализм. Милосердие, человечность доведены до последних пределов возможности, но, разумеется, лишь в недрах семьи Израиля. Бедный окружен столькими гарантиями, что задаешь себе вопрос, в чем могло состоять преимущество богатого. Кто будет защищать этот маленький рай живущих вместе братьев от нападения внешний силы? Этот закон как видим, годился для какого-нибудь братства, но не народа. Излишне прибавить, что никакая культура духа, никакое искусство, никакая наука, ни один из тех ароматных цветков, который распустился в Греции, не мог произрасти на почве такого режима. В конечном счете, милосердие, доброта к слабому многим обязаны Израилю, Право ему ничем не обязано. Гортинский кодекс, составленный приблизительно в одно время с еврейским жреческим кодексом, выше его по своему ясному пониманию гражданского общества, основанного на родстве и разуме, а не на сверхъестественном факте предпочтения могущественным богом известного племени... Три ступени религиозного законодательства у евреев различаются друг от друга очень ясно: первый период характеризуется грандиозностью своего гения, находит свое выражение в простых формулах, которые могли быть приняты всем миром (это эпоха древних пророков, книги союза, декалога); второй период запечатлен суровой и трогательной моралью, испорченной очень сильным пиетистическим фанатизмом (это век Второзакония и Иеремии); третий период носит священнический характер — узок, утопичен, полон химер и несообразностей (эпоха Иезекииля и левитического кодекса)

С 400-го приблизительно по 200-й год Израиль, казалось, спал глубоким сном. Иерусалим в том виде как устроил его Нехемия, был настоящей могилой. Тора применялась в нем строго; другими словами жизнь представлялась самой ужасной пыткой, какую только можно было представить. Жестокие утопии

старых мечтателей осуществлялись; в распоряжении теократической власти были смертная казнь, конфискация и изгнание. Эмиграция происходила в больших размерах. Еврейская тора имеет большие достоинства только тогда, когда не может располагать услугами светской власти. На чужбине жестокие наказания еврейского народа были парализованы, и потому там он стоил больше. Все давилось, теснилось, уничтожалось. Тора поглощает всякое умственное усилие Израиля. Не хотят знать ничего другого. В Торе вся наука, вся философия. Мир с каждым днем просвещался чудесным проявлением греческого гения; иудейство повернулось к нему спиной. Точное соблюдение торы сделалось своего рода наслаждением. С этой эпохи иудейство признало Талмуд. Тора делала невозможной всякую свободную деятельность. Светский элемент совершенно отсутствовал, мы видим только священников и их украшения. Торговля и промышленность были осуждены на полное бездействие. Жизнь в деревнях иудеи предпочиталась жизни в городе. Очень богатыми были только священники. Закон Моисея направлен к тому, чтобы держать народ в патриархальном состоянии, помешать образованию крупных богатств, остановить развитие промышленности и торговли по образцу финики. Евреи сделались богатыми только тогда, когда их принудили к этому христиане, запретив им владеть землей и предоставив им денежные дела.

Законодательство, вытекающее из таких предпосылок, естественно, не проникнуто терпимостью. Мероприятия, предпринятые для того, чтобы утверждать ягвеистический монотеизм, носят на себе отпечаток крайней суровости. В этом отношении Второзаконие мало чем отличается от кодексов доминиканской инквизиции 13 и 14 веков. Истребление неверных, запрещение всяких сношений с ними, особенно смешанных браков, немилосердное уничтожение всех предметов идолопоклонства и абсолютное иконоборство. «Вы должны истребить зло среди вас» — такова кровавая формула, которой мотивированы эти повеления. Обвинения в преступлениях против ягвеизма имеют своим последствие самую ужасную круговую поруку. Пророк, даже чу-

дотворец, если только он увещевал отступление от бога, должен быть присужден к смерти. «Если твой брат, сын твоей матери, или твой сын, или твоя дочь, или жена у груди твоей, или душа, которая для тебя как собственная душа, захотели бы обольстить тебя тайно, говоря: „Пойдем служить иным богам...», ты не слушай их. Вы не должны жалеть его, ни щадить его; наоборот, вы должны умертвить его. Твоя рука первая должна его смертельно поразить; руки остальной части населения должны завершить эту смерть. Вы побейте его камнями, ибо он покушался отвратить тебя от Ягве. Да послужит это примером всему Израилю.“ Более ужасна участь города, из которого вышел соблазнитель. „Поразите острием меча жителей этой местности, предавая херему (проклятию) все, что в ней находится, и убивая в ней всех животных. Затем вы соберите всю добычу на середину площади и сожгите город со всей добычей, как всесожжение Ягве. Да будет город вечно грудой развалин; он не должен быть снова создан“. Можно содрогнуться при мысли, что в этих своего рода расследованиях достаточно лишь оговора двух или трех свидетелей. Даже если это были лишь утопии для того времени (7 век до н.э), реально не применявшимися, достаточно уже, что имелись фанатики, мечтавшие о таком ужасном законодательстве».

Так, слом Левиафана в Древнем Израиле привел к тем же последствиям, что и аналогичное крушение старого мира в античности. На смену старому цикличному равновесие не пришло новое равновесие научного контроля естественного права, хотя следы его поисков видны повсюду в Торе. На смену Левиафанам пришло то же неравновесие колебаний между профетизмом демократической еврейской республики, управляемой естественным правом написанных в душе законов нравственности с одной стороны, и с другой стороны обскурантизмом жестокой теократии, которая еще значительно больше подавляла свободу, чем античная тирания.

Разница между шизоидностью античности и шизоидностью Израиля состояла в установках Господства у первых, которые видели себя человекобогами, и установкой аутизма у последних,

которые стирали себя перед своим Ягве только с тем, чтобы восстать человекобогами избранного народа перед другими народами.

Бертран Рассел «История западной философии»:

> «От других народов античности евреев отличала непреклонная национальная гордость. Все другие народы, будучи завоеваны, смирялись как внутренне, так и внешне; одни евреи сохраняли веру в свое собственное превосходство и убеждение, что несчастья, постигшие их, навлечены гневом Божьим, ибо они не смогли соблюсти чистоту своей веры и обрядов».

Там, где сознание иудеев было свободно от культа национального Ягве, они являли миру такую же активность в интеллектуальном, нравственном и социальном плане, как все представители рационального сознания. В эллинистической Александрии и Антиохии, где евреи освободились от узкой регламентации культа Ягве, они излечились от аутизма Израиля, активно усваивали греческую философию, и скоро в своих синагогах, явили миру зачатки христианского синтеза. Синтеза, который Ренан оценивает, как вершину «рациональной работы» иудейских пророков, провиденциальная задача и цель которых видится ему в становлении универсальной религии деизма, то есть по существу метафизики интеллекта Платона с поправкой на больший «гуманитаризм», как он его понимает.

Э. Ренан «История израильского народа»:

> «Религия без культа, без храма и без священников была идеалом, который временами преподносился глазам пророков. Иерусалимский культ был великим препятствием к осуществлению этого идеала. В Иерусалиме, этом совершенно священническом городе, менее чем в каком-нибудь другом месте в мире, могла найти осуществление такая утопия. Раз не стало Иерусалима, всякие жертвоприношения делались невозможными. Ягвеизм превращается в деизм, исчезает последний след местного культа..Александрии принадлежит слава инициативы этого движения, из которого выйдут Сивиллины книги, ессейство, христианство. Александрия становилась таким образом, антиподом Иерусалима… Это упрощенное иудейство, чисто деистическое и моральное, было, естественно другом Греции

> и старалось установить с нею согласие. Палестинский еврей не знал Греции или презирал ее; египетский еврей знал ее и преклонялся перед ней. Эта эллинистическая школа, которая так ребячески аргументирует, которая нас возмущает своими историческими вымыслами, была велика, плодотворна, провиденциальна. Она подлинно происходила из Второго Исайи; она подготовила христианство. Организовалась монотеистическая и этическая пропаганда... За отсутствием храмов они устраивали оратории, очень аналогичные греческим и римским коллегиям. Эти небольшие оратории были зародышевой формой синагоги, следовательно, и церкви. Им предстояла огромная будущность. Синагоги были наиболее оригинальным и наиболее плодотворным созданием еврейского народа. Сколько великого создали эти добродетельные сектанты, которыми мир еще не интересовался, но которые подготовляли будущее! Субботу — день, день дающий духовную пищу (а не только телесный отдых); толкование — поучение, начало пастырских проповедей, церковь, великую школу души, источник утешения, руководства и жизни, конфессиальную школу, — все это было делом еврейской диаспоры, освобожденной от всепоглощающего иерусалимского культа... Нет сомнения, что в Александрии было много культурных греков, которых философия привела к виду деизма, аналогичному тому эклектическому деизму, который сто лет спустя исповедовал Цицерон. Теофраст в своем трактате о благочестии» провозгласил заповеди чистейшей из религий. Стоики походили со многих сторон на просвещенных евреев».

4) Аутизм в иудаизме

Традиционно противопоставляют «язычество» античного мира, которое выразилось в политике завоевания, в милитаризме, и «мученичество» иудейского мировоззрения, склонного к самопожертвованию. Однако, противопоставлять иудаизм и античный дух такая же грубая ошибка, как противопоставление классов господ и рабов в левиафанах восточных деспотий. Как последние являются двумя частями одного целого — поля Эгосистемы, так и античный дух и иудаизм — две стороны одной медали, имя которой шизоидность, то есть незрелый интеллект, в котором противоборствуют научный и мистический интеллект. Конечно, мы не можем отождествлять их полностью, так как хоть расщепление сознания на рациональный и мистический интеллект име-

ет место в обоих случаях, у греков преобладает рациональное сознание, у иудеев — мистическое. Однако патология одинаково просматривается в обоих случаях: гибрис человекобогов у греков, которые стремились установить свое господство над миром, и другая теория человекобогов в ягвеизме, которая проявлялась в аутизме, в ненависти к миру, в нежелании вступать с ним в плодотворный контакт, но лишь навязывать ему свои фантазии. Это две разные позиции одного и того же феномена патологии сознания, шизоидности, о которых пишут все психиатры: устойчивое самолюбие в одном случае, и аутизм в другом случае.

Э. Ренан «История израильского народа»:

> «Подобно всем пророкам иеговист ненавидит цивилизацию, видя в ней гибель патриархального быта. Всякий шаг на пути прогресса, для него — преступление, влекущее за собой немедленное наказание. Цивилизация влечет за собой в качестве наказания — труд и разделение рода человеческого. Светские и языческие стремления вавилонской культуры, стремления в области архитектуры и художества представляются грехом по существу. Кто достигает могущества в чем-нибудь в присутствии Ягве — становится соперником Ягве. Так называемый мусульманский фатализм, в сущности не отличается от ягвеистского. Ревнивый к своей славе, чувствительный в вопросах самолюбия, Ягве ненавидит человеческие стремления. Его оскорбляют попытки человека познать мир и сделать его лучше. Напрасно человек захочет стать его сотрудником. Ягве любит совершать свои дела через вдов и бесплодных женщин, чтобы не пришлось ни с кем делить славу. ...Предмет ненависти у Исайи — тот же, что и у других пророков. Его ненависть распространяется на все, что вовлекло бы израильский народ в общее движение человечества, на сношения с окружающей средой, богатство, роскошь, колесницы, всякое внешнее орудие силы. Велик один лишь Ягве. Он любит предавать позору богатых и сильных, унижать то, что высоко вознеслось, кедры ливанские, дубы басанские, горы. Гордость — главное преступление».

Верно, что апокалипсические теории евреев происходили из их любви к добродетели и справедливости, которая восхищает человечество и поныне: если мир не добродетелен, то пусть гибнет. Так говорили и римляне: «Да погибнет мир и да восторжествует справедливость!». Однако, так же верно и то, что этот

навязчивый апокалипсис имел свои корни и в шизоидном поле Эгосистемы национального ягвеизма, в аутизме, который не умея навязать миру свою волю, предпочитает разрушить этот мир, нежели признать ошибочность своего мировоззрения и изменить его.

Э. Ренан «История израильского народа»:

> «Бич Божий был уже создан, Ягве любит войну: дни сражения являются великими днями его возмездия. Весть о сражении при Каркемише произвела на жителей Иерусалима чрезвычайно сильное впечатление. Ягвеисты вообще относились более сочувственно к Ассирии, чем к Египту. Неудивительно, что Иеремия был вне себя от этого известия. Иеремия по примеру древних составил шир (песню). Происшествие на Ефрате, нагроможденные одни на другие трупы представляются ему грандиозным жертвоприношением в честь Ягве. Его издевательства над Египтом поистине ужасны. Начиная с этого момента мрачный великан Иерусалима обрел своего человека. Небукаднецар в его глазах есть служить Ягве, исполнитель божественных предначертаний, орудие его суда. Он говорит о нем с каким то мистическим религиозным ужасом. Теория „бича божия“ столь излюбленная отцами церкви, была уже намечена в своих основных чертах. Эта философия истории снова возродившаяся у Боссюэ и новейшего католицизма, берет начало у Иеремии. И действительно, мир в воображении неистового фанатики принимает вид побоища. Трупы покрывают землю как кучи навоза, Ягве на этот раз торжествует над людской злостью. Эта заманчивая перспектива опьяняет зловещего провидца. Это обагренное кровью обозрение, эта география кровопролития и ненависти, называвшаяся в средние века onera, в сильной степени напоминает рев дикого зверя при виде крови. Ужасный крик восторга, вызываемый у еврейского пророка грядущим истреблением, которое должно постигнуть мирные народы, сам по себе нечто потрясающее; но что производит еще более гнетущее впечатление — это симпатия человека божьего к древнему прототипу Тамерлана, к этому грозному вавилонскому завоевателю, намеревавшемуся предать все огню и крови. Идея, что грубая сила представляет проявление божественной воли par excellence, ужасное выражение „бог воинств“, как идея что высшая справедливость осуществляется посредством войны, этой ужасной игры судьбы, где бог совершенно отсутствует — это все темные стороны Иеремии. Он любит Небукаднецара потому что тот уничтожает городские и промышленные цивилизации, которые бы-

> ли столь ненавистны патриархальному инстинкту пророков. Впоследствии католическая церковь злоупотребляла этими идеями. Именно из этой книги иеремии, этой опаснейшей книги библейского канона, черпались те оправдания для человекоубийств, которые так часто пятнали католическую проповедь. Нет, mucro domini не имеется ни у кого и не служит никому. Аттила не был органом бога; он был злом и тем самым отрицанием всеблагого господа»

Итогом аутизма стал тот «национальный ягвеизм», который Ренан противопоставляет универсальному деизму Книги Пророков, считая его гнилым яблоком иудаизма, способного погубить все учение. Ренан приходит к выводу, что Иудаизм был спасен этой книгой Пророков, вселенское евангелие которой, рациональное и этичное, всегда было полной противоположностью идолу ягвеизма, представляющему собой мистику сверхъестественного и абсолютно безнравственного, того синдрома «обожания силы», о котором писал Г. Спенсер. Книга Пророков, которая как всякая рациональная мысль, всегда была открыта для коррекции, анализа и размышления спасла иудаизм от узкого резонерства ислама, и помогла ему стать универсальной религией уже в качестве христианской церкви.

Э. Ренан «История израильского народа»:

> «Все благочестивые люди допускали, что восстановленный Израиль будет иметь новый закон. Пророческий дух мыслился непрерывным вдохновением, достаточным для того чтобы дополнять и видоизменять. Все будут знать закон непосредственно, а не путем обучения. Сам бог начертит его в сердцах. Это будет новый завет, высший, чем тот завет, который был заключен после исхода из Египта, который был нарушен по вине прежнего народа»

Мысль, которую он проводит через все тома истории происхождения христианства, состоит в том, что иудаизм был расщепленным сознанием между книгой пророков философии универсального деизма и идолом национального ягвеизма. Христианство и ислам восприняли разные стороны этого расщепленного сознания. Христианство утвердило универсальный деизм в его рациональной философии и свободе духа, а ислам стал калькой национального ягвеизма, который будучи лишен

антитезы книги Пророков, потерял всю свою философию и всю динамику духа, присущую иудаизму.

Э. Ренан «история израильского народа»:

> «Национальный бог Израиля становится неограниченным божеством; навязывать его культ — значит навязывать догму. Этот народ склонен к фанатизму — это ясно; но фанатизм в его среде не будет носить такого чисто разрушительного характера, как у деятелей ислама. Каким-то чудесным путем, беспримерным в истории, если не считать реформации 16 века, еврейский фанатизм приведет в свое время к созданию религии свободной по преимуществу, признающего бога общего для всего человеческого рода. Протестантизм, близкий вначале израильскому профетизму, стал со временем либеральным движением. Если бы история Израиля ограничилась историей Эзры и Нехемии, то она была бы историей строгой мусульманской секты. Но рядом с Торой, стоит Книга Пророков. Темные предсказания Исайи, второго Исайи, Захария, Малахи нарушат спокойствие душ, помешают сну, граничащему со смертью».

Что касается теократии Израиля, то Ренан говорит, что иудеи своим фанатизмом и ненавистью ко всему чужеродному «довели Рим до того, что он раздавил Израиль»: «Израиль, восстал против Греции, который не выносил Рима и довел его до того, что последний раздавил его». Взятие Иерусалима римскими войсками времен Веспасиана и Тита стало для Израиля не менее кровавой трагедией, чем междоусобная война эллинов или война за власть военных командиров Рима, поскольку падение Иерусалима, как и падение Греции, Рима и Византии происходило на фоне ожесточенной войны между религиозными сектами самих евреев. Карл Крист «История времен римских императоров»:

> «В самом городе царили голод, эпидемия и нужда, но даже в этот момент не прекратилось соперничество сект, однако их террор и фанатизм вызывали стойкое сопротивление. Только в начале августа был взят и сожжен храм, после нескольких месяцев противостояния. Последние защитники убивались тысячами, город был разграблен, стены сравняли с землей, тех, кто сдался в плен, отправили в египетские рудники или продали в рабство. Иосиф число попавших в плен евреев оценивает в 97 000 человек, а общее число погибших

> в 1,1 миллиона человек. Казалось, что после всего этого еврейство потеряло свои корни»

Геноцид, которому римляне подвергли Израиль, повторит разве что гитлеровская резня евреев в 20-м веке. Но как и предсказывали пророки, Израиль не был уничтожен, он снова воспрял сначала в диаспоре, а в Новое время и вновь как самостоятельное государство Палестины.

ГЛАВА 14. ФИЛОСОФИЯ ЕВАНГЕЛИЯ

«Концепцию иного мира евреи и христиане в известном смысле разделяют с поздним платонизмом, но у них она принимает гораздо более конкретную форму, чем у греческих философов. Согласно греческой доктрине (которую можно обнаружить во многих произведениях христианской философии, но не в распространенной форме христианства) чувственный мир, существующий в пространстве и времени, является иллюзией; при помощи интеллектуальной и моральной дисциплины человек может научиться жить в вечном мире — единственно реальном. Напротив, в еврейской и христианской доктринах иной мир понимался не как нечто *метафизически* отличное от мира сего, а как будущее, когда добродетельные будут наслаждаться вечным блаженством, а уделом порочных явятся вечные муки»

Б. Рассел в «Истории западной философии»

1) Бог-интеллект против шизоидного монотеизма

2) Ягве-громовержец и Распятый Иисус

3) Разум, дух, свобода Царствия Юожьего

4) Греко-иудейский христианский синтез

5) Естественный свет разума Христа и сверхъестественный страх Торы Моисея

1) Бог-интеллект против шизоидного монотеизма

Есть глубинный смысл в страстном обличении иудейскими пророками идолопоклонничества язычников. Этот смысл как раз в том, что в истории называется концом мифологической эпохи и началом перехода к логосу, который с особенной рельефностью наблюдался в Древней Греции. Однако, и еврейские «наби» преследовали ту же цель — искоренение идолопоклонничества поля Эгосистемы и поиски духовной энергии поля интеллекта. По крайней мере те из них, которые подобно Исайе со всей яростью обрушивались на культ храмового служения и призывали культировать чистоту сердца.

Однако, если греки только частично развернулись к рационализму, то евреи в этот ранний период пробуждения интеллекта еще менее в этом преуспели. Их абстрактный единый Бог Ягве, противопоставленный идолам язычников, остается идолом, потому что это не бог-геометр Платона, создающий форму космоса в параллельном, метафизическом мире идей, а всего лишь сверхсильная личность, посвятившая себя благу конкретного племени. Монотеизм имеет философский и духовный смысл только в том случае, если он есть порождение метафизики интеллекта: если бог — это разум, то он может быть только один. И тогда не надо человека насильно заставлять признавать только разум, это естественный процесс.

Но если монотеизм понимается как разновидность колдовства, когда магическими ритуалами, жертвами и лестью самолюбию всесильному существу, можно добиться от него особых милостей, то это всего лишь шизоидный идол. Его отличие от деревянных идолов и тотемов только в том, что те были конкретными загрузками поля Эгосистемы, а этот абстрактный идол шизоидного интеллекта поля Эгосистемы. Ягве-громовержец, бог монотеизма только из шизоидного самолюбования к самому себе, и из мистического всесилия поля эгосистемы, где противостоят сверхъестественные силы кривого зеркала физического контроля (закона сохранения силы психики). Ди-

кий страх который он внушает есть порождение того же кривого зеркала, запускающего эгозащиту. Также как храмовый ритуал, с его бессмысленной магией и жертвоприношениями — типичные автоматизмы эгозащиты.

Однако, истинная цель отказа от язычества состоит не в том, чтобы сменить много физических идолов на единственный абстрактный идол. Истинная цель состоит в том, чтобы отказаться от поля эгосистемы и перейти на поле интеллекта; отказаться от мистики поля эгосистемы и перейти к рационализму и научному реализму поля интеллекта. В этом случае, монотеизм является естественным следствием, вот почему все деисты — монотеисты. Даже если бы метафизика интеллекта предполагала много богов — эти боги были бы истиной и добродетелью. Так и слышишь громы и молнии священников авраамических религий, которые сделали себе из монотеизма нового идола.

Э. Ренан «Жизнь Иисуса»:

> «Таким образом, божественный град, созданный Иисусом, следует понимать в различных смыслах. Если бы мысль его состояла единственно в том, что близится конец века, и нужно готовиться к нему, то он не превзошел бы Иоанна Крестителя. Отречься от мира, близкого к крушению, отрешиться мало-помалу от настоящей жизни, устремить свои мысли к грядущему царству — таково было бы последнее слово его проповеди. В действительности же учение Иисуса всегда имело гораздо более широкое значение. Задачей Иисуса было — создать новую жизнь человечеству, а не только уготовать конец существующему порядку. Если бы Илия или Иеремия воскресли, чтобы приготовить людей к великим катастрофам, то проповедь их была бы совсем иною. Справедливость этого вполне доказывается тем, что мораль, приуроченная к последним дням, стала вечной моралью, принесшей спасение человечеству. Сам Иисус во многих случаях прибегал к таким формам поучения, какие совершенно не встречаются в апокалипсической теории. Он нередко говорил, что Царствие Божие уже началось, что каждый человек носит его в себе и может наслаждаться им, если он вел праведную жизнь; что царство это создаст себе всякий неприметным образом, искренним обращением сердца к добру. Царствие Божие есть в этом смысле не что иное, как благо, более совершенный порядок вещей, чем существующий ныне,

> царство справедливости, которому должен служить каждый верующий по мере своих сил — свобода духа, нечто подобное буддийскому „освобождению", плод отречения от старого мира. Эти истины, представляющиеся, на наш взгляд, совершенно отвлеченными, были для Иисуса реальной действительностью. Все его мысли — конкретны и субстанциональны. Иисус больше всех людей верил в реальность своего идеала. Воспринимая утопии своего времени и расы, Иисус, таким образом, сумел пересоздать их, по плодотворному недоразумению, в великие истины. Его Царствие Божие — несомненно, откровение, которое должно было вскоре развернуться в небе, но, вероятно, это было преимущественно царство души, созданное свободой и сыновним чувством, который испытывает добродетельный на лоне Божием. То была чистая религия, без обрядов, без храма и священника; нравственный суд над миром, предоставленный совести справедливого человека и исполнению народа. Вот что предназначено было жить и вот что жило. Когда после стольких тщетных ожиданий исчерпалась материалистическая надежда на конец мира, истинное Царствие Божие начинает выясняться».

...Невзирая на феодальную церковь, секты, духовные ордена, святые люди продолжали восставать во имя Евангелия на неправду света. Даже в наши дни, дни смутные, когда у Иисуса нет более истинных последователей, кроме тех, которые, по-видимому, его отрицают, мечты об идеальном устройстве общества, представляющие столько сходства со стремлениями первых христианских сект, — эти мечты являются в известном смысле развитием той же идеи, одной из ветвей величайшего дерева, в котором таится в зародыше всякая мысль будущего, ствол и корень которого вечно будет Царствие Божие. Все общественные перевороты привьются к этому слову, а социалистические попытки нашего времени, запятнанные грубым материализмом, стремящиеся к невозможному, то есть к созданию общего благоденствия политическими и экономическими мерами, будут бесплодны, пока не примут в руководство истинный дух Иисуса, я хочу сказать: абсолютный идеализм не усвоит того начала, что, дабы обладать землею, надо от нее отречься»

2) Ягве-громовержец и Распятый Иисус

Если проанализировать символы веры авраамических религий и христианского синтеза, то становится очевидным то радикальное отличие, которое их разделяет. Ягве и Аллах — это боги-громовержцы, как Зевс, например. «Нет бога, кроме Ягве», «Нет бога, кроме Аллаха», — в этом суть веры, как в поклонении единой всемогущей силе. Здесь в принципе отсутствует какая то необходимость в интеллектуальной связи с богом. Символ веры христиан, за который его так страстно обвинял Магомет в грехе многобожия — Святая Троица: Сын, Отец и Святой Дух. Эта троица предполагает отношения уже совершенно иного рода. Чтобы просто поклоняться всесильному громовержцу достаточно одного страха сверхъестественных сил, который был уже у первобытных племен. Чтобы увидеть Царствие Божие, разделение духа и плоти — для этого необходим интеллект. Связь человека с Богом перестает быть однозначной, простым признанием большой силы, для которой достаточно физического контроля. Теперь чтобы увидеть Бога и Царствие Духа нужно мышление, которое открывает законы природы, установленные богом. Чтобы обрести Дух, нужно чтобы мышление это стало активно и вело постоянную духовную работу по очищению от автоматизмов эгозащиты и посвятило себя поиску Царствия Божьего, поиску знаний законов природы. Отныне между богом и человек — интеллект; между Царствием божьим и человеком — духовная энергия интеллекта. Так, Бог предстает интеллектуальной формой космоса, Человек — мышлением, частицей этого вселенского разума, которой позволено познавать его, Святой дух — энергией, порождаемой этой активностью мышления, доступом в Царствие небесное Пространства интеллекта.

Э. Ренан «Жизнь Иисуса»:

> «Никакой теологии, никаких символов нет в его учении. Слегка набросаны лишь некоторые общие взгляды на Отца, Сына и Св. Духа, из которых позднее были выведены Троичность и Воплощение, но в сознании Иисуса они оставались еще в состоянии безвремен-

> ных образов. Последние книги иудейского канона знают уже о Святом Духе как о какой-то божественной ипостаси, иногда отождествляемой с Мудростью или Словом. Иисус настаивал на этом пункте и хотел дать ученикам своим крещение огнем и духом святым, по характеру своему стоящее выше Иоаннова. Этот Дух Святой для Иисуса не был чем-то отличным от вдохновения, неизменно и вечно исходящего от Бога-Отца».

Христианский синтез имеет в своей основе греческую метафизику интеллекта. В ее основе дуализм Платона — Мир вещей и Мир идей, который у Августина примет вид Града земного и Града Божьего. Проповедь Христа — это проповедь Царствия Божьего, противопоставленного царствию земному. С Христа начинается проповедь Духа как особенной божественной энергии, доступной человеку через его интеллект. В этом смысле Дух — это сыновняя связь человека с богом, ибо бог дал ему доступ в свое царство и сделал его частью своей божественной силы, наделив его мышлением. Мышление — это ключ к законам природы, установленным богом; ключ, посредством которого человек получает силу всех природных энергий: электрической, атомной, биологической, химической, механической и тп Все эти энергии рядовые, они имеют только форму законов, данную им богом (детерминированные энергии). Энергия Духа человека особенная; она имеет помимо законов, данных ей богом, еще и мышление способное открывать законы энергий (в том числе и своей) и контролировать их (контрольная энергия).

Поэтому проповедь Христа — это проповедь богатств Царствия Небесного, которые он противопоставляет богатствам земным. Это проповедь силы духа, для которой надо отказаться от приверженности плоти и эгозащите поля эгосистемы. Неправда, что Христос проповедовал — слабость, тем более «нищих духом». Лейтмотив Евангелия — сила духа, противопоставленная немощи плоти: «Дух животворит, плоть не пользует нимало; слова, которые говорю я вам, суть дух и жизнь».

Важно не забывать, что проповедь Христа была дана в поэтической и метафорической форме возможностей интеллекта первого осевого времени. Она была далека от точных научных

формулировок законов психической энергии (это предстоит сделать второму осевому времени). Поэтому когда он говорил о самоотречение, имея ввиду снятие эгозащиты, можно было понимать это как отречение от самого себя. А когда он противопоставлял дух и плоть, можно было понимать это как сатанинское происхождение плоти и проповедь умерщвления плоти в аскезе. Однако, как мы можем понимать сейчас его слова, он говорил всего лишь о противопоставлении уровней биологической и духовной энергии; это значит, что не разум должен служить потребностям плоти, а наоборот надо поддерживать биологическое здоровье, чтобы плоть могла послужить духу в интеллектуальной работе. На его языке так точно сформулировать мысль было еще невозможно. На его языке невозможно было сказать, как говорит современная гуманистическая психология (К. Хорни прямо проводит аналогии с идеологией самоотречения христианства): снимите эгозащиту и вы освободите силу своего духа, избавьтесь от ложного Я, чтобы обрести истинное Я. Вместо этого Христос говорит что-то туманное, так что даже Ренану в «Жизни Иисуса» кажется, что он выступает «Против самых законных потребностей сердца»: «Можно бы подумать, что в эти минуты войны против самых законных потребностей сердца он забыл о наслаждениях жизни, любви, созерцании и чувствовании мира. Переходя все границы, он дерзал говорить: «Кто хочет идти за мною, отвергни себя и возьми крест свой, и следуй за мною. Кто любит отца или мать более, нежели меня, не достоин меня. И кто любит сына или дочь более, нежели меня, не достоин меня. Ибо кто хочет душу свою сберечь, тот потеряет ее, а кто потеряет душу свою ради меня, тот обретет ее. Какая польза человеку, если он приобретет весь мир, а душе своей повредит?»

Проповедь Христа — страдание в поисках силы Духа, интеллектуальной энергии человека. Силу Духа нельзя обрести в войне и грабеже, нельзя обрести в молитвах и послушании. Сила Духа — это работа, и он говорит работайте, собирайте богатства в Царствии Небесном. Отрекитесь от плоти, отрекитесь

от эгозащиты, отрекитесь от магических ритуалов поклонения сверхъестественным силам. Молитесь в духе и истине, говорит он, и тогда вы будете работать в пользу Царствия Небесного. Эти молитвы в духе и истине и есть интеллектуальная активность, научная цивилизация развитого интеллекта человека.

Э. Ренан «Жизнь Иисуса»:

> «Разговор с Иисусом до такой степени покорил эту женщину, что она решила, что это пророк. И вот, полагая, что он начнет упрекать ее за ее веру, не дожидаясь этого, она обратилась к нему со следующими словами: „Господи, отцы наши поклонялись на этой горе, а вы говорите, что место, где должно поклоняться, находится в Иерусалиме?“ Иисус говорит ей: „Поверь мне, что наступит время, когда и не на горе сей, и не в Иерусалиме будете поклоняться Отцу. Но истинные поклонники будут поклоняться Отцу в духе и истине“. Да, в тот день, когда он произнес эти слова, он был поистине Сыном Божиим. Он в первый раз произнес то слово, на котором впоследствии было основано все здание вечной религии. Он положил начало чистому культу вне времени и места, которому будут поклоняться все чистые духом до скончания века. В этот день его религия стала не только религией всего человечества; она возвысилась до абсолютной религии. И если на других планетах имеются люди, наделенные разумом и нравственным чутьем, их религия не может отличаться от той, которую провозгласил Иисус у колодца Иакова»

Своей смертью Иисус говорит людям многое: и то что нет сверхъестественной силы, а что Святой дух — это дух интеллекта; и то, что Дух — это единая энергия всего человечества, «сына божьего», и что люди должны страдать и умирать друг за друга когда это необходимо для достижения царства истины и духа; и что Дух –это энергия долга и ответственности, также как энергия человеколюбия; и что, наконец, духовная энергия нашего мира бессильна и разбита, и потому каждый должен взять свой крест и идти за ним, свой меч и бороться вместе с ним с невежеством. Нигде не говорит он о насилии над другими, но всегда говорит о борьбе проповедью и передачей знаний: «Я уже все вам рассказал. Не называйте меня Учитель. Вы знаете столько же сколько я». Одним словом, это символ интеллектуального контроля закона сохранения силы.

Теперь, если мы обратимся к образу Ягве-громовержца, что мы увидим?

Э. Ренан «История израильского народа»:

> «Этот синайский бог был, во всяком случае, страшен, и его нельзя было безнаказанно потревожить в его жилище. Он склонен был убивать того, кто попадался ему навстречу в горных проходах. Итак, Синай был прежде всего горой ужаса. Некоторые места считались такими священными, что по ним проходили не иначе, как сняв с ног обувь. Распространено было поверье, что нельзя было увидеть бога и остаться живым. Лик его, напоминал голову Медузы, которую не может видеть живущий. Культ Синая отныне становится основой всей израильской теологии. Израильтяне настойчиво утверждали, что здесь именно Ягве впервые явил свой лик в огне. Ягве у евреев той эпохи обитает на Синае, подобно тому, как Зевс и греческие боги жили на Олимпе. Отсюда разряжается он грозным гулом, молниями, ярким пламенем, грозовыми откровениями. Основное представление еврейской религии и поэзии — это образ Ягве, являющийся в виде северного сияния для суда над землей. Синая становится, таким образом, Олимпом Израиля, исходным пунктом лучезарных появлений Ягве. ...Несомненно все же, что в древнюю эпоху Ягве был предметом идолослужения. Ему часто придавали образ золотого тельца, иногда народ предпочитал приписывать ему свойства змея, в иных случаях изображением Ягве служил тоже египетский крылатый диск. Этот символический изображение Ягве называлось эфод, также как одежды левитов. Этот жреческий оракул, воплощенный в вещественную форму и распоряжавшийся по своему усмотрению судьбой Израиля, непосредственно угрожал пророческому движению. На этой почве возникало самое опасное соперничество. Фокусничество грозило уничтожить вдохновение, левит намеревался убить „наби“, пророка; официальный оракул стремился задушить в народе свободное творчество. Ягве, которого знает и чтит Давид, не обнаруживает никаких нравственных чувств. Впоследствии реформа Эзекии положила конец этому грубому обычаю. Профетизм одержал полную победу».

В чем собственно отличие этого Ягве-громовержца от Тотемов первобытных людей? Единственное отличие в том, что уже более развитая абстрактная мысль обобщила всех внешних идолов в единую абстракцию всесильного бога. Это и есть первичный шизоидный интеллект, который проявляется как эгозащита

на поле эгосистемы. И здесь еще очень далеко до отхода от язычества первобытных людей.

Соответственно, это бог физического контроля сохранения силы поля эгосистемы. А физический контроль всегда проявляется в насилии, в отношениях господства и подчинения, в рабском статусе подчиненных, в сверхъестественном страхе, порождаемом полем эгосистемы. Бог физического контроля никак не может быть распятым богом, и вообще иметь символы мученичества и слабости. Это обязательно бог магического всемогущества; бог властелин, требующий рабского поклонения; жестокий бог, жаждущий крови, ослушавшихся; себялюбивый бог, казнящий тех, кто поклоняется другим богам.

Иисус призывал страдать и работать, собирая богатства в Царствии Небесном; Ягве призывает к войне на смерть с теми, кто отказывается им поклоняться. Иисус проповедовал разум, свободу и силу духа; Ягве призывает к магическим ритуалам храмового культа. Иисус призывал к служению в истине и духе; Ягве призывает к поклонению «рабов божьих».

Б. Паскаль «Мысли»:

> «Иудеи не признали Иисуса, но не все: святые приняли, плотские отвергли. И ореол его славы не только не померк от этого, но напротив, воссиял небывалым светом. Единственный приводимый вами, иудеями, довод — он содержится во всех ваших писаниях, в Талмуде, в поучениях раввинов — сводится к тому, что Иисус Христос не подчинил себе народы вооруженной рукой, мечом твоим, сильный. Неужели этим исчерпываются все ваши доводы? Иисуса Христа убили, говорите вы; он пал, он не одолел силу язычников, не дал на растерзание нам их останки, не одарил нас их богатствами. И это все что они могут сказать? Но именно этим он так любезен моему сердцу. И не надобен был бы мне тот, кого рисуете себе вы. Яснее ясного, что вы не пожелали признать Иисуса Христа только из-за собственной своей порочности, но именно этот отказ делает вас столь безупречными свидетелями, более того, превращает в орудие свершения предсказанного. Иудеи не признав в нем Мессию, убили его, тем самым с несомненностью доказав, что он — Мессия, а потом продолжая упрямо отвергать Иисуса, стали безукоризненными свидетелями его пришествия»

Томас Пейн «Век разума»:

> «Библия говорит нам, что убийства эти совершались по прямому повелению Бога. Во Второзаконии о законах Моисея говорится много такого, чего нельзя найти в других книгах. Таков, например, бесчеловечный и дикий закон (гл. 21, ст. 18, 19, 20, 21), который дает право родителям, отцу и матери, подвергать своих детей убиению камнями за упрямство. Нет оснований верить, будто бесчеловечная резня мужчин, женщин и детей, о которой рассказывается в этих книгах, была совершена по велению Бога. Защищать нравственную справедливость бога против клеветы Библии — долг всякого истинного деиста»

Э. Ренан «Жизнь Иисуса»:

> «При всех своих громадных недостатках еврейский народ — суровый, эгоист, пересмешник, жестокий, узкий и тонкий софист — создал, тем не менее, самое дивное движение бескорыстного энтузиазма, о каком говорит история. Оппозиция всегда составляет славу страны: самые великие люди чаще всего те, которых их народ предает смерти. Сократ возвеличил Афины, город, который не счел возможным ужиться с ним; Спиноза был величайшим из современных евреев, и синагога исключила его с позором. Иисус был честью израильского народа, и он его распял»

Как Зевс распял Прометея, так Ягве распял Христа, посмевшего ему противоречить. И тот и другой провинились тем, что хотели принести человеку свет разума, который эти боги мистического страха прячут от людей. Ренан называет олимпийского Зевса и синайского Ягве, этих громовержцев, живущих на святых горных вершинах, братьями — соперниками.

3) Разум, дух и свобода Царствия Божьего

Метафизика интеллекта, философия Града Божьего сущностно противоположна насилию и господству и подчинению физического контроля. Энергетическая мотивация первого — потребность в познании, страсть к познанию, свобода осознанной необходимости, которую дает познание. Энергетическая сущность второго — страх сверхъестественных сил поля эгосистемы.

В первом случае человек правит любовь и чувство долга; во втором случае страх и притяжения влюбленности и самолюбия.

Проповедь Евангелия — это выраженная философия долга, ответственности и любви; и полное отрицание эгозащиты самолюбия, власти и насилия. Иисус везде подчеркивает, что отношения человека и бога — это отношения сыновней любви через святого духа истины; и что отношения между людьми тем более не могут быть отношениями иерархии и господства и подчинения. Э. Ренан подчеркивает в этой связи противостояние Христа культу служения Ягве, храму Иерусалима, и говорит, что ислам наследовал иудейскому храму во всех самых характерных чертах:

Э. Ренан «Жизнь Иисуса»:

> «Только ислам, этот до некоторой степени возрожденный иудаизм, поскольку последний является воплощением наиболее характерных черт семитизма, отдал ему почести. Место иерусалимкого храма всегда было антихристианским. Оплот консервативной аристократии, храм, как мусульманская мечеть, которая его заменила, был последним местом во всем мире, где революция могла бы пользоваться успехом. Представьте себе в наше время новатора, который отправился бы проповедовать ниспровержение исламизма у мечети Омара! А ведь надо помнить, что храм находился в центре еврейской жизни. Это было место, где оставалось одно — победить или умереть. На этом возвышении, где Иисус страдал, несомненно, больше, чем на Голгофе, дни его протекали в спорах и горечи ожесточения, среди скучных препирательств из области канонического права и экзегетики. Уже с первых шагов он смотрел на свои отношения к богу как сына к отцу. В этом оригинальность его великого дела, в этом отношении он не представитель своей расы. Ни еврей, ни магометанин не поняли этой очаровательной теологии любви. Бог Иисуса — не роковой властелин, убивающий и осуждающий нас, когда ему заблагорассудится, спасающий, когда ему угодно. Бог Иисуса — наш отец. Бог Иисуса не пристрастный деспот избравший Израиль своим народом. Это бог человечества. Иисус не будет патриотом как Маккавеи, теократом как Иуда Гавлонит. Смело возвышаясь над предрассудками своей нации, он установит учение о боге — всемирном отце. ...В нарождающейся секте не было собственно говоря, никакой иерархии: все должны были называться братьями, и Иисус безусловно запретил титулы старшинства, как-то: рабби, учитель, отец, ибо он

> один учитель и один отец-бог. Высший должен был быть слугой остальных».

В этой связи проповедь Евангелия никогда не являлась «мужской религией», подчинявшей и исключавшей женщин, как это имело место в иудаизме и исламе. Духовная энергия, разум, сознание никак не связаны с уровнем биологической энергии в этом смысле, так что разумная личность всегда остается разумной личностью, какого бы пола она не была: «Иисус решительно заявлял что в жизни вечной не будет больше разделения полов и человек уподобится ангелам», — писал Ренан в «Жизни Иисуса».

Э. Ренан «Жизнь Иисуса»:

> «Женщины действительно принимали Иисуса с горячим усердием. Он умел обращаться с ними с той сдержанностью, которая открывает возможность для нежной идейной связи между обоими полами. Три или четыре преданные галилеянки всегда сопровождали молодого учителя и спорили из-за удовольствия слушать его и по очереди прислуживать ему. Они вносили в новую секту элементы энтузиазма и чудесного, важность которых уже установлена. Одна из них, Мария из Магдалы, которая так прославила во всем мире имя своего бедного городка, по-видимому, была крайне экзальтированной женщиной. Если говорить языком той эпохи, ею владели семь демонов, т. е. она была подвержена нервным болезням, которые трудно объяснить себе на основании внешних данных. Иисус своей чистотой и кроткой красотой успокоил эту взволнованную душу. Магдалина была ему верной до самой Голгофы, и на следующий день после его смерти имела огромное значение как главный источник, из которого создалась вера в его воскресение: мы это еще увидим потом. Иоанна, жена Кузы, дворецкого Антипы, Сусанна и другие, оставшиеся неизвестными, неизменно следовали за ним и служили ему. Некоторые из них были богаты и своими средствами давали возможность молодому пророку не заниматься его прежним ремеслом плотника. … Иисус не выносил грубого обращения с этими наивными слушателями, он приближал их к себе и ласкал их. Матери, ободренные этим, приносили своих грудных детей, чтобы он прикоснулся к ним. Женщины умащали волосы его маслами и ноги — благовониями. Ученики иногда прогоняли их, наскучив ими; но Иисус, любивший старинные обычаи и все исходившее от простоты сердца, спешил загладить зло, причиненное слишком ретивыми учениками. Он защищал тех,

> кто хотел почтить его. Так, дети и женщины обожали его. И один из упреков, чаще всего бросаемых ему врагами, состоял в том, что он отрывает от семьи эти нежные существа, всегда склонные к соблазну. Таким образом, нарождающаяся религия была во многих отношениях движением женщин и детей»

Его проповедь свободы толковали потом также неоднозначно как проповедь свободы Платона. Платон говорил о философах-правителях, которым должны подчиниться другие люди также как они подчинились бы чистому разуму интеллекту. Конечно, Платон ошибался, сравнивая людей философов с научным контролем, со знанием и истиной, подчинение которым лежит в основе свободы осознанной необходимости в рационализме. Однако, нет сомнений в том, что он имел ввиду именно это подчинение знаниям, законам природы, единой истине и потому говорил о самой верной свободе, доступной человеку. Также и Христос всегда подчеркивал, что говорит не от себя, но от пославшего его и что подчиняться надо не ему, но его Отцу и общему отцу человечества. То есть интеллекту.

У Августина и впоследствии у Лютера и Кальвина эта проповеданная Христом свобода осознанной необходимости толкуется как предопределение, где свобода духа почти нивелируется. Однако, это не помешало Лютеру и Кальвину восстать против всемогущих Пап католической церкви с такой страстью и с таким невиданным мужеством, что Папы были опрокинуты на лопатки. Это и есть свободный дух евангелия, который заговорил глубоким возмущением в Лютере при виде язычества Ватикана.

Э. Ренан «Жизни Иисуса»:

> «Невзирая на феодальную церковь, секты, духовные ордена, святые люди продолжали восставать во имя Евангелия на неправду света. Даже в наши дни, дни смутные, когда у Иисуса нет более истинных последователей, кроме тех, которые, по-видимому, его отрицают, мечты об идеальном устройстве общества, представляющие столько сходства со стремлениями первых христианских сект, — эти мечты являются в известном смысле развитием той же идеи, одной из ветвей величайшего дерева, в котором таится в зародыше всякая мысль будущего, ствол и корень которого вечно бу-

> дет Царствие Божие. Все общественные перевороты привьются к этому слову, а социалистические попытки нашего времени, запятнанные грубым материализмом, стремящиеся к невозможному, то есть к созданию общего благоденствия политическими и экономическими мерами, будут бесплодны, пока не примут в руководство истинный дух Иисуса, я хочу сказать: абсолютный идеализм не усвоит того начала, что, дабы обладать землею, надо от нее отречься»

4) Греко-иудейский синтез философии Евангелия

Споры о доминировании иудейских и эллинистических элементов в сложившемся в 1 веке нашей эре христианском синтезе идут с самого возникновения христианства, и также актуальны сегодня как и тогда. Однако, никто из серьезных исследователей не оспаривает наличие обоих элементов этом синтезе. Никому не придет в голову сказать, что христианство есть простое развитие иудаизма, или одна из его сект; также как никто не будет сомневаться в том, что христианство есть простое развитие греческой философии. Очевидно, что философия Евангелия есть синтез иудейской мифологии и греческой философии. Вопрос стоит только о степени влияния каждого из элементов.

Жорж Санд пишет в романе «Спиридион», который она писала совместно с философом Пьером Леру, что философия Христа ни в чем не превосходит философию греческих философов, зороастрийских и индусских пророков.

Ж. Санд «Спиридион»:

> «Я был уверен, что взгляд этих философов на богодухновенность Платона и святость великих языческих философов, предшественников Христа, совершенно точно соответствуют тем представлениям, какие христианин должен иметь о доброте, справедливости и величии господа. Я обратился к древним мыслителям, к учениям Пифагора и Зороастра, Платона и Эпиктета, предшественников Иисуса Христа. Я не мог верить в откровение после того, как получил столько драгоценных наставлений от многочисленных философов и мудрецов, не числивших среди своих заслуг особенных отношений с господом. Я не считал, что апостол Павел богодухновенностью превос-

> ходит Платона; Сократ казалось мне, был столь же достоин искупить грехи рода человеческого, что и Иисус из Назарета. Для меня было очевидно, что в Индии о боге знали ничуть не меньше, чем в Иудее. Одним словом, сохраняя в душе величайшее почтение и чистейшую любовь к Распятому, я не видел никаких оснований, считая его сыном божьим, отказывать в этом звании Пифагору; а ученики последнего казались мне такими же пламенными апостолами веры, что и последователи Иисуса».

Однако, Ренан не согласен с такой постановкой вопроса. Много раз на протяжении своего исследования об истории израильского народа, он подчеркивает мысль о провиденциальной исторической миссии создания универсальной религии человечества. Специфику вклада иудеев в становление этой универсальной религии человечества Ренан видит в гуманитаризме и социализме их мировоззрения, которые дали форму голосу милосердия и совести, не известных античности. Конечно, это он говорит не обо всем иудаизме, а только о той его части «элогизма», которую он целенаправленно противопоставляет «национальному ягвеизму», крайне жестокому ко всему внешнему миру, кроме евреев. И к самим евреям, когда они не хотят его слушать.

Христианство в интерпретации Ренана — это развитие одной из двух антагонистичных систем иудаизма, а именно «элогизма», которая через пророков Исайю и Второго Исайю, нашла свое воплощение в философии Иисуса Христа. Великое мессианское значение христианства в том, что в лице национального ягвеизма иудеев, оно победило национальное идолопоклонничество и вышло с честью из той нелегкой борьбы противоположных идеологий, которая драматически развертывалась внутри иудаизма. Ислам, как считает Ренан, напротив, стал хранителем и продолжателем традиции национального ягвеизма иудеев, хоть он и не называет своего бога национальным, однако, с той же нетерпимостью и фанатизмом противопоставляет его всему миру, превращая в идола.

Роль, которую Ренан отводит евреям в становлении этой универсальной религии деизма — огромна. Не склонен он и принижать вклад греческой философии, за которой он остав-

ляет последнее слово в конечном итоге, предсказывая конец иудаизма и христианства, как мистических в своей основе учений, и проповедуя вечную жизнь рациональной философии. Существо христианского синтеза послеантичной эпохи видится ему прежде всего в том, что Христос создал на базе метафизики Платона — этику всемирного милосердия. Именно мир идей Платона помноженный на иудейское милосердие и есть то царствие божие, проповедь которого составила вечную славу Христа. Та самая борьба Исайи и Второисайи за чистый культ, свободный от магии ритуалов, выраженный в чистоте сердца, в доброте, в сочувствии, в «практической филантропии», как говорит Рассел о вкладе иудеев, и стала в кладом иудаизма в становлении новой философии средневековья, резко отличающей ее от «гибриса» человекобогов античной философии.

Е. Трубецкой «Учение Августина о Граде Божьем»:

> «Таков логический процесс, толкающий Августина от неоплатонизма к христианству и церкви. От неоплатоников его отталкивает именно отсутствие человечности в их представлении о божестве. Он усваивает себе целиком их представление о вечном божественном логосе, перефразируя его в известных выражениях Евангелия от Иоанна. Но эти глубокомысленные умозрения неоплатоников, по видимому столь согласные с христианским учением, не удовлетворяют будущего отца церкви. Их божество не снисходит к людской немощи, не приходит на помощь страждущим и прошением не снимает с нас греховной тяжести»

Милосердие и социализм, которые иудеи распространяли только на членов своей общины, в проповеди Христа становятся достоянием всего человечества, что позволило его философии окончательно избавиться от шизоидной самовлюбленности, свойственной в равной степени античным грекам и римлянам и античным иудеям. Бог-идол, страшный своей невероятной гордыней и гневом, самовлюбленный до фанатической ревности и садистской жестокости перестает существовать в проповеди Христа. Его место занимает полный нежной любви Бог-отец, существо которого не в том, что он громадная сила, дарящая благо данному конкретному племени, а в том, что он источник разума

и доброты, источник духовной энергии человечества, господин того мира интеллекта Платона, который в равной степени родитель всех людей. Символом веры философии Евангелия (не церкви) становятся знаменитые слова Христа о том, что грядет Царствие небесное, и что вскоре молиться нужно будет не в храме, а в духе и истине.

Проповедь Духа, как психической энергии интеллекта, как царствия божия мира идей Платона — вот в чем «метафизическая» специфика философии Евангелия, которую не знали ни Ветхий завет, ни позже Коран. Об этом пишет Спиноза, позже Гегель, Лев Толстой, Б. Рассел и, наконец, Э. Ренан.

Э. Ренан «Жизнь Иисуса»:

> «Свобода и право не от мира сего — зачем же смущать жизнь щекотливыми пустяками? Презирая землю, убежденный в том, что окружающий мир не заслуживает внимания, он спасался в свое идеальное царство и полагал основание великому учению трансцендентального презрения, истинной доктрине душевной свободы. И в самом деле, он основал Царство Божие, я сказал бы — царство духа. Великий общественный переворот, где положения будут переставлены, где все официальное в мире будет принижено — вот его греза. Освобождая человека от того, что он называл мирской суетой, он положил основу тому вечному спиритуализму, который на протяжении веков наполнял радостью сердца в этой юдоли слез. Он часто заявляет, что Царствие Божие уже наступило, что каждый носит его в себе, может насладиться им, если создает его искренним обращением сердца. В таком случае Царствие Божие не что иное, как благо, царство справедливости, в создании которого обязан участвовать всякий верующий; или это — свобода души нечто подобное буддистскому „освобождению", плод самоотречения. Его Царство Небесное не имело ничего общего с памятью о Давиде, владевшем иудейской массой. Он считал себя сыном божиим, не сыном Давида: его Царство и освобождение, какое он задумал, было совсем другого рода. Царствие божие — это царство духа, где каждый человек — царь и священник. Рядом с ложным холодным, несбыточным представлением о торжественном пришествии он постиг идею действительного града божьего, истинное возрождение, дал нагорную проповедь, апофеоз сочувствия. Он намеревался создать для человечества новый порядок, а не только приготовить гибель старого. Если бы Илия и Иеремия явились вновь, их проповедь была бы иной. Что основал

> Иисус и что вечно от него останется, если принять в соображение несовершенства, — это учение о свободе души»

К «духовному миру» обыкновенно относят мистику, которая является его прямой противоположностью на самом деле, будучи порождением поля Эгосистемы детерминированной энергии психики. Так, сакральные иерофании Мирчи Элиаде, будучи мистикой первобытного сознания, «язычества» идолов, не имеют ничего общего с духовной энергии, хоть он и понимал под ними «истинную религию». Мистическое мировоззрение аборигенов — факт, подтвержденный многочисленными антропологами, равно как и факт нелогичности и неразумности их психики. Духовная энергия человечества начинается с концом мифологической эпохи и началом движения к логосу, к рациональному мышлению. Этика милосердия в противовес этике Эгозащиты греческого гибриса, греческого культа героя-полубога –это начало поисков закономерностей психики и разделения двух полей психики, противопоставления истинного Я поля разума — ложному Я поля эгосистемы. Мы видели, что уже Платон проводил такое разделение, противопоставляя дружбу философов — тирании честолюбцев. В этом смысле Платон стал фундаментом христианского синтеза не только в качестве метафизики интеллекта, которая резюмировала рационализм греческой философии, но и в качестве первой теории психической энергии, ибо универсальная религия, о которой пишет Ренан, как о рациональной этике, свободной от мистики, есть не что иное, как знание закономерностей психической энергии.

Христианский синтез в этом смысле, несомненно, стал развитием такой универсальной этики, противопоставившей милосердие и совесть поля интеллекта — тщеславию и стыду самолюбия поля Эгосистемы. Таким образом, в терминах этологов и культурологов, произошел переход от «культуры стыда», которая доминировала в античности, к «культуре совести», которая заняла ее место в эпоху христианского средневековья. В Евангелиях, особенно в синоптических Евангелиях, мало говорится о метафизике интеллекта, и вообще об интеллекте. Однако,

Евангелие от Иоанна есть настолько откровенное порождение греческой философии логоса, что его даже не хотели включать в канонические Евангелия, как произведение греческой литературы. И неслучайно, пишет по этому поводу Бертран Рассел, отцы церкви ссылаются в своих работах на Евангелие от Иоанна больше, чем на все три синоптических Евангелия вместе взятые. Действительно, тот Христос, образ которого дошел до нас в текстах евангелистов, формировался на протяжении почти ста лет после его смерти. Конечно, совершенно невозможно, чтобы до нас дошел «исторический Христос», каким он был на самом деле. Евангелисты могли вложить в свои тексты только обобщение того, что осталось в памяти о реальном человеке Иисусе и его речах к народу с одной стороны, и с другой стороны — обработки этих текстов и этой информации на протяжении многих десятилетий в культурном фонде современности. То есть Евангелия будут большим синтезом греческой и иудейской мысли, чем мог дать сам исторический Иисус, будучи видимо мало сведущим в греческой философии. Но не так обстояло дело с Филоном, александрийским евреем, известным своей греческой образованностью, который был современником Христа и пережил его; и с другими евреями или греками, хорошо знавшими культуру друг друга. Еврейская диаспора со времен Александра Македонского была широко представлена в Греции и в Александрии, где синагоги с самого начала стали соперничать в своем культурном значении с греческими школами. Триста лет такой греко-еврейской диаспоры до Рождества Христова не могли не подготовить почву для переработки устного наследия Христа в горниле этого эллинистического синтеза. Результатом этой переработки и стал Новый завет, а в особенности Евангелие от Иоанна.

Б. Рассел «История западной философии»:

> «Греческое влияние на евреев в области мысли лучше всего может быть проиллюстрировано примером философа Филона, жившего в одно время с Христом. Вполне ортодоксальный в вопросах религии, Филон в философии следует главным образом платонизму;

> из других важных влияний надо отметить стоиков и неопифагорейцев. После падения Иерусалима влиянию Филона среди евреев пришел конец, но христианские отцы церкви усмотрели в его учении путь к примирению греческой философии с принятием древнееврейского Священного писания. Во всех важных городах античности возникли значительные колонии евреев... В той же мере, в какой христианство эллинизировалось, оно теологизировалось. Еврейская теология всегда отличалась простотой. Яхве развился из племенного бога в единственного всемогущего Бога, который сотворил небо и землю; торжество божественной справедливости, когда стало очевидным, что она не приносит праведникам земного благоденствия, было перенесено на небеса, что повлекло за собой веру в бессмертие. Однако в процессе всей своей эволюции еврейское вероучение никогда не включало в себя ничего сложного и метафизического. Эта еврейская простота в целом еще характерна для синоптических евангелий (от Матфея, Марка и Луки), но от нее уже и следа не осталось в евангелии от св. Иоанна, где Христос отождествлен с платонистско-стоическим логосом. Четвертого евангелиста интересует не столько человек Христос, сколько теологический Христос. Это еще более справедливо по отношению к отцам церкви; показательно, что в их писаниях мы находим гораздо больше ссылок на евангелие от св. Иоанна, чем на три других евангелия, вместе взятых. В Посланиях св. Павла также содержится много теологии, особенно по вопросу о спасении; в то же время они свидетельствуют о том, что автор хорошо знаком с греческой культурой. Синтез греческой философии и древнееврейского Священного писания оставался более или менее случайным и отрывочным до времени Оригена (185–254 годы н.э.). Ориген, как и Филон, жил в Александрии, которая благодаря своей торговле и своему университету с самого основания города и до его падения была главным центром ученого синкретизма. Подобно своему современнику Плотину, Ориген был учеником Аммония Саккаса, которого многие считают основоположником неоплатонизма».

5) Естественный свет разума Христа и сверхъестественный страх Торы Моисея

Г. Лессинг «Воспитание человеческого рода»:

> «Настало время, когда должен был прийти лучший учитель и вырвать из рук ребенка уже ненужную ему книгу. И пришел Христос. Это означает, что упомянутая часть человеческого рода достигла

> в развитии своего разума той стадии, когда для обоснования морального поведения уже были необходимы и доступны более благородные и достойные побуждения, чем награды или наказания в земной жизни, которыми эта часть человеческого рода руководствовалась до сих пор. Дитя стало отроком. Настало время, когда вера в иную истинную жизнь, которую можно обрести после жизни земной, должна была оказать влияние на поведение этого народа. И Христос стал первым практическим учителем бессмертия души, который внушал доверие. К внутренней чистоте сердца в чаянии будущей жизни никто до Христа не призывал. Из опыта во всяком случае ясно, что новозаветные книги, в которых дошли до нас эти записанные спустя некоторое время учения, служили — и до сих пор еще служат — человеческому роду второй, лучшей, начальной книгой его начального обучения».

Трудно было не заметить противоположность мировоззрения Евангелия и Ветхого завета, который католическая и православная церковь умудрились все же объединить. Когда позже протестанты выступили против католической церкви, они тоже апеллировали к ветхозаветным пророкам «элогизма», если пользоваться терминологией Ренана, но не ставили ребром вопроса о несовместимости Евангелия и Торы. Сам Ренан подчеркивает сродство протестантов и пророков «элогизма», которые боролись против национального Ягве и за универсальную религию деизма, как он считает. Но все же самым решительным из этих пророков, который прямо выступил против Торы, он считает Христа. Лев Толстой стал таким движением протестантов для православной церкви, резко противопоставив универсализм и рациональность Евангелия — мистификациям и шизоидной самовлюбленности национального ягвеизма. Спиноза противопоставил сверхъестественную политику устрашения неадекватного знания Моисея и естественный свет разума в Евангелии в «Теолого-политическом трактате». Наконец, известная книга Томаса Пейна «Век разума», знаменитого автора «Прав человека» и одного из отцов американской революции, прямо обвиняет всю христианскую традицию в том, что она вслед за иудейской Торой отказывается от разума и морочит людям головы своими мистификациями.

Ту же позицию занимают и иудейские мудрецы, например знаменитый схоластик Маймонид, который также признает, что учение Христа прямо противоречит законам Торы. Паскаль пишет, что святые иудеи Христа признали, подобно апостолам Павлу и Петру. Маймонид не относился к этой категории иудеев, поскольку он писал со всем возмущением, что учение Иисуса есть противоположность Торы, что «мудрецы наши поступили с ним так, как он заслуживал».

Маймонид «Послание в Йемен»:

> «А потом возникла другая (разновидность преследователей), новая секта, которая с особым рвением отравляет нам жизнь обоими способами сразу: и насилием, и мечом, и наветами, ложными доводами и толкованиями, утверждениями о наличии (несуществующих) противоречий в нашей Торе. Эта секта вознамерилась извести наш народ новым способом. Её глава (Иисус из Назарета) коварно замыслил объявить себя пророком и создать новую веру, помимо Божественного учения — Торы, и провозгласил публично, что оба учения — от Бога. Целью его было заронить сомнение в сердца наши и посеять в них смятение. Тора едина, а его учение — её противоположность. Утверждение, что оба учения от единого Бога, направлено на подрыв Торы. Изощрённый замысел (Иисуса) этого весьма дурного человека отличался необыкновенным коварством: вначале попытаться извести своего врага так, чтобы самому остаться в живых; но если все старания останутся напрасны, предпринять попытку погубить своего врага ценой собственной гибели. Злоумышленник этот был Йешуа из Ноцрата — еврей. Хотя отец его был нееврей и только мать была еврейка, закон гласит, что родившийся от нееврея (даже раба) и дочери Исраэля — еврей. Имя же, которым его нарекли, потворствовало его безмерной наглости. Он выдавал себя за посланца Божьего, который явился, чтобы разъяснить неясности в Торе, утверждая, что он Машиах, обещанный нам всеми пророками. Его истолкование Торы, в полном соответствии с его замыслом, вело к упразднению её и всех её заповедей и допускало нарушение всех её предостережений. Мудрецы наши, благословенна их память, разгадали его замысел прежде, чем он достиг широкой известности в народе, и поступили с ним так, как он того заслуживал»

Б. Рассел пишет со слов других, что Спинозу иногда сравнивают с Маймонидом, однако, сам Спиноза никаких поводов

к этому не давал. В «Богословско-политическом трактате» он упрекает Маймонида в том, что тот противопоставляет мистику и разум и делает выбор в пользу мистики. Сам Спиноза придерживается того мнения, что Тора Моисея есть искаженная, неполноценная информация, полученная «сверхъестественным светом», в то время как евангелие Христа понятно всем одним лишь «естественным светом разума». Тора Моисея неадекватна, потому что имеет целью подчинить людей закону путем устрашения и путем подчинения их свободы и разума; учение Христа адекватно, потому что взывает к разуму и к написанным в сердце законам этики. Маймонид, который призывает пренебрегать своим разумом в пользу бессмысленных предписаний Торы, говорит Спиноза, дерзит против истинного Бога, который может быть только разумом. Таким образом, Спиноза подтверждает, что философия Евангелия Христа, в отличии от Ветхого завета, есть метафизика интеллекта, синтез платонизма греческой философии с этикой иудаизма.

Спиноза «Богословско-политический трактат»:

> «Если мы теперь обратим внимание на природу естественного божественного закона, как мы его сейчас объяснили, то увидим: 1) что он универсален, или общ всем людям: его ведь мы вывели из природы человека вообще; 2) что он не нуждается в вере в исторические рассказы, каковы бы в конце концов они ни были, ибо коль скоро этот естественный божественный закон уразумевается только из анализа человеческой природы, то несомненно, что мы можем усмотреть его как в Адаме, так и во всяком другом человеке 3) Мы видим, что этот естественный божественный закон не нуждается в религиозных обрядах (caeremoniae), т. е.в действиях, которые сами по себе безразличны и называются хорошими только в силу установления или которые представляют какое-нибудь благо, необходимое для спасения, или, если угодно, в действиях, смысл которых превосходит человеческое разумение.

Поэтому, если кто-нибудь прочтет исторические рассказы Священного Писания и во всем даст ему веру, а на учение, однако ж, которому оно теми рассказами старается научить, не обратит внимания и не исправит свою жизнь, то это для него все рав-

но. И, наоборот, кто их совершенно не знает и тем не менее имеет спасительные мнения и ведет истинный образ жизни, тот, как мы сказали, безусловно блажен и на самом деле имеет в себе дух Христа. Но иудеи думают совсем обратное. Они ведь утверждают, что истинные мнения, истинный образ жизни нисколько не способствуют блаженству, пока люди получают их только путем естественного света, а не как правила, пророчески открытые Моисею. Маймонид в 8-й гл. Царей, в законе 11, открыто дерзает утверждать это в следующих словах: «Всякий, кто принимает семь заповедей1 и будет старательным исполнителем их, тот принадлежит к праведникам из народов и наследует будущий мир; конечно, при условии, если он примет и исполнит их потому, что бог предписал их в законе, и потому, что он открыл нам через Моисея, что раньше они же были предписаны сыновьям Ноя; но если кто исполнит их, руководясь разумом, тот не поселенец и не принадлежит ни к праведникам из народов, ни к их мудрецам»

Впрочем, очень многие не допускают, чтобы и в остальное содержание Библии вкралась какая-нибудь погрешность, но утверждают, что бог в силу какого-то особенного предусмотрения сохранил неповрежденной всю Библию; различные же чтения, по их словам, суть знаки глубочайших тайн; то же самое они утверждают и о звездочках в середине параграфа, которых имеется; утверждают даже, что в самых значках над буквами содержатся большие тайны. Положительно не знаю, говорят ли они это по глупости и набожности, свойственной старым бабам, или же вследствие высокомерия и порочности, — чтобы их одних считали обладателями тайн божьих; знаю по крайней мере то, что я ничего у них не читал, что отзывалось бы тайною, но только детские рассуждения. Читал также и, кроме того, знал некоторых болтунов-каббалистов, безумию которых я никогда не мог достаточно надивиться. А что ошибки, как мы сказали, вкрались, то в этом, я думаю, не сомневается ни один здравомыслящий человек.

Затем, хотя религия, в том виде, в каком она проповедовалась апостолами, т. е. в виде простого рассказа об истории Хри-

ста, не подлежит ведению разума, однако суть ее, состоящую главным

образом из нравственных правил, а также и всего учения Христа1 каждый может легко усвоить при помощи естественного света. Наконец, для того чтобы религию, которую прежде подтверждали знамениями, приспособлять к обычному пониманию людей, так чтобы каждый легко принимал ее сердцем, апостолы не нуждались в сверхъестественном свете; не нуждались они в нем также и для того, чтобы назидать людей.

Должно сказать и о всех пророках, писавших законы от имени бога, именно: что они воспринимали решения бога не адекватно, не как вечные истины; например, и о самом Моисее должно сказать, он воспринял все это не как вечные истины, но как правила и постановления и предписал их как законы бога, а отсюда произошло, что он вообразил бога правителем, законодателем, царем милосердным, справедливым и пр., между тем как все это суть атрибуты только человеческой природы и от божественной природы они совершенно должны быть устранены. Это, говорю, должно сказать только о пророках, писавших законы от имени бога, но не о Христе. О Христе, хотя он, по-видимому, тоже предписывал законы от имени бога, должно, однако, думать, что он воспринимал вещи истинно и адекватно, ибо Христос был не столько пророком, сколько устами божьими. Бог ведь через душу Христа (как мы показали в I гл.) открыл нечто человеческому роду. И, наконец, что никто не делается блаженным, если не имеет в себе духа Христа (см. Посл. кримл., гл. 8, ст. 9), именно посредством которого он воспринимает законы бога как вечные истины. Итак, мы заключаем, что бог только сообразно понятиям толпы и только вследствие дефекта в мышлении изображается как законодатель или властитель и называется справедливым, милосердным и пр., что в действительности бог действует и управляет всем только вследствие необходимости своей природы и совершенства и, наконец, что его решения и воления суть вечные истины и всегда заключают в себе необходимость».

Э. Ренан «Жизнь Иисуса»:

> «Одно по крайней мере убеждение вынес Иисус из Иерусалима: что о каком-либо соглашении со старым иудейским культом нечего и думать. Отмена жертвоприношений, возбуждавших в нем такое отвращение, безбожного и надменного священства и вообще Закона представились ему безусловно необходимыми. С этой поры он выступал уже не иудейским преобразователем, а искоренителем иудейства. Иисус первый отважился сказать, что начиная с него или скорее с Иоанна, нет более Закона. Если порой он выражался сдержаннее, то для того лишь, чтобы не задевать слишком сильно ходячие предрассудки; но когда его ставили в тупик, он поднимал все законы и заявлял, что Закон уже не имеет никакого значения. „Никто к ветхой одежде не приставляет новых заплат, — говорил он, — не вливает также новое вино в ветхие мехи". Он провозглашает права человека — не права иудея, религию человека — не религию иудея, освобождение человека — не освобождение иудея. Как далеки мы от Иуды Гавлонита, Матфея Маргалота, призывавших к перевороту во имя Закона. Создалась религия человечества, основанная не на роде, а на сердце. Моисей превзойден, храм утратил право на существование и осужден безвозвратно... Храм, как вообще все особо посещаемые места и собрания, представлял малоназидательное зрелище. Отправление культа соединено было со множеством отвратительных подробностей, особенно с торговыми, настоящие лавочки. В них продавали животных для жертвоприношений, были столы для размена денег, словно находишься на рынке. Это мирское, рассеянное отбывание священных обрядов оскорбляло религиозное чувство Иисуса. Он говорил, что из молитвенного дома сделали вертеп разбойников».

Томас Пейн «Век разума»:

> «Христианская система лжет, называя науки человеческим изобретением; человек лишь применяет их. Каждая наука имеет в своей основе систему принципов, столь же прочных и неизменных, как и те которыми регулируется и управляется вселенная. Человек не может создать эти принципы, он может только открыть их... Бог, в которого мы веруем, — бог нравственной истины, а не бог тайны или тьмы. Тайна — противник истины. Поэтому наука, будучи верой в бога и осуществлением нравственной истины, не может быть связана с тайной. Тайна служит тому, чтобы смутить ум; чудо — тому, чтобы сбить с толку чувства. Первое — тарабарщина, второе — ловкость рук. Человечество усвоило определенные законы деятельности при-

> роды. Чудо же — нечто противоположное действию упомянутых законов... Самая предосудительная безнравственность, самые ужасные жестокости и величайшие несчастья, причиняющие страдания человеческому роду, имеют своим источником так называемое откровение или религию откровения. Эта вера — самая оскорбительная для божества, самая разрушительная для нравственности мира и счастья человека, которая когда-либо распространялась с тех пор, как существует человек. ...Откуда произошли все эти ужасные избиения целых народов, мужчин, женщин и детей, которыми полна Библия, кровавые гонения, смертные мучения и религиозные войны, которые с того времени не раз заливали Европу кровью и засыпали пеплом, откуда произошли они, если не из нечестивой вещи, называемой религией откровения, и той чудовищной веры, что Бог говорил с человеком? Библейский обман был причиной одной, а ложь завета — другой... Лучше, гораздо лучше было бы допустить, если бы это было возможно, чтобы тысяча чертей разгуливала на свободе и публично проповедовала свою дьявольскую доктрину, если бы таковая была, чем чтобы хоть один такой обманщик и чудовище, как Моисей, Иисус Навин, Самуил и библейские пророки, явился с мнимым словом божьим на устах и пользовался среди нас доверием..Именно из-за того, что было отклонено свидетельство, какое представляют собой мироздание и дела божьи для наших чувств, а также действия нашего разума над этим свидетельством, было сфабриковано и учреждено такое множество диких и причудливых религиозных систем. Возможно существование многих религиозных систем, которые не являются дурными в нравственном отношении, а во многих отношениях даже нравственно хороши. Но может существовать только ОДНА истинная религия. И она необходимо должна во всем согласоваться с вечным словом божьим, которое мы созерцаем в его деяниях... Человек может открыть Бога лишь с помощью своего разума. Отнимите разум и человек окажется неспособным понять что-либо; тогда будет все равно., кому читать Библию — лошади или человеку. Как же можно отвергать разум?..То, что ныне называется натуральной философией и охватывает весь круг наук, есть изучение Бога, силы и мудрости божьей в его творениях и является истинной теологией. Что же касается теологии, изучаемой ныне вместо нее, то она — изучение человеческих мнений и фантазий относительно бога»

Лев Толстой «Соединение и перевод четырех Евангелий»:

> «Значение речей и действий Христа, приведенных в этой главе, то, что Христос отрицает все, решительно все вероучение еврейское.

> В сущности это до такой степени ясно и несомненно, что как-то совестно доказывать это. Надо было, чтобы наши церкви постигла та странная историческая судьба, заставившая их против здравого смысла соединять в одно несоединимые, прямо противоположные учения: христианское и еврейское, чтобы они могли утверждать такую нелепость и скрывать очевидное. Действительно, стоит только представить себе, что люди задались тем, чтобы признавая оба сочинения до последней строчки истинными, соединить в одно 1-йтом свода законов и сочинения хоть Прудона. Я выбрал 1-й том и Прудона, но1-й том и Прудон скорее могут быть соединены, чем Пятикнижие и Евангелие. В самом деле, что ни возьмем:
> В Евангелии: не только убить кого-нибудь, но запрещается сердце иметь на кого-нибудь; в Пятикнижии: убить, убить и убить жен, детей и скотов.
> В Евангелии: богатство — зло; в Пятикнижии — высшее благо и награда.
> В Евангелии: чистота телесная — имей одну жену; в Пятикнижии — бери жен, сколько хочешь.
> В Евангелии: все люди братья; в Пятикнижии — все враги, одни иудеи братья.
> В Евангелии: никакого внешнего Богопочитания; в Пятикнижии большая половина книг определяет подробности внешнего служения Богу. И это-то учение евангельское, как уверяют, есть дополнение и продолжение Пятикнижия. Как это правило, так и предшествующие, ясно показывают, что Иисус, говоря о законе, никогда не разумел закона Моисеева, а закон общий и вечный, нравственный закон людей. Иисус не учит тому, как исполнять положение Моисеевых книг о клятве, а учит тому, как выполнять закон вечный, запрещающий всякую клятву. (Мф. V, 17,18; /Лк. XVI, 17/) Не думайте, чтобы я учил о том, как уничтожить закон. Я учу не уничтожать, а исполнять. Верно говорю вам: пока небо и земля стоят, и каждое положение закона будет стоять перед вами до тех пор, пока не будет исполнено все. Иисус говорит: «По всему, что вы слышали и видели от меня — отрицание обрядов, храма, и теперь по тому, что я говорю, что блаженны бродяги, и увещеваю всех сделаться бродягами, — вы можете думать, что я развязываю руки всем людям, говорю: делай, что хочешь, нет ни хорошего, ни дурного, нет закона. Так не думайте этого: я вовсе не тому учу, я не учу беззаконию, а учу исполнению закона»

Тора, будучи произведением расщепленного шизоидного сознания, свойственного всей античности, сделала только первые, часто хаотичные шаги в направлении от язычества поля эгоси-

стемы — к духовной энергии поля интеллекта человечества. Эти первые шаги иудеев Торы также противоречивы, хаотичны и полны пустых софизмов и мистификаций, как аналогичное умственное движение всего прочего античного мира, в котором только Греция выделялась явным доминированием рационализма; но и греческий рационализм был частичным и противоречивым, как мы видели.

Философия Евангелия стала следующим шагом в направлении духовной энергии поля интеллекта человечества, несомненным прогрессом в этом направлении. И, тем не менее, только шагом вперед на пути от мифологии к логосу, но никак не завершением этого пути становления научного интеллекта человечества, которое станет обретением нового равновесия — устойчивого равновесия научного контроля.

В чем проявились эти следующие шаги в направлении логоса и духовной энергии в философии Евангелия? Прежде всего, сменилось представление о добре и зле. Теперь на место примитивному античному разделению мира на эллинов и варваров, римлян и варваров, на иудеев и гоим, где добро — это культ самого себя против всего прочего внешнего мира, приходит новая концепция этики. Это этика синтеза платонизма и иудейского гуманитаризма, которая противопоставляет метафизику мира идей Платона, как Царствия божьего добра и совершенства, как источника святого духа — эгоизму скотского естества человека, которое необходимо ставить под контроль разума. Здесь самый важный и самый значительный перелом философии Евангелия в переходе с поля эгосистемы на поле интеллекта: в резкой смене этики эгоизма, национального ягвеизма или личного гибриса на этику духовной энергии доброты, справедливости, разумности, которая напрямую увязывается с метафизикой и противопоставляется физическому миру. Интеллектуализм метафизики Платона не был доступен, как пишет разум, простым людям, но христианская философия нашла в нем своих трех китов, на которых зиждилась ее этика. В лоне этой метафизики интеллекта начнет свое победное шествие ев-

ропейская наука, которая к Новому времени даст результаты, значительно превосходящие все, что было сделано на службе рационализма греками.

Все величие революции христианства в «Граде Божьем» Августина, где на место языческому соперничеству национальных империй ставится всемирно-исторический процесс противостояния Града Божьего и Града Земного; где на место шизоидному гибрису греков, культивировавших всесилие своей воли, ставится метафизика царства Платона, также восставшего против своеволия и в пользу подчинения разуму. Однако, отцы церкви поставили на место мира логоса Платона, чей бог был чисто интеллектуальным богом-геометром, — мифологию Торы, Ветхого завета, и тем самым на много веков остановили процесс очищения логоса от мифа. Одно дело повиноваться законам природы, интеллекту, постигаемому тоже нашим интеллектам; другое дело, когда град божий предстает мифами. Это уже не свобода осознанной необходимости; это возврат к рабству принуждения.

ГЛАВА 15. КАТОЛИЧЕСКОЕ ЯЗЫЧЕСТВО

«Будущие люди в окончательном результате, не будут больше верить в сверхъестественное; ибо сверхъестественное не истинно, а все то, что не истинно, осуждено на смерть. Ничего не остается кроме истины. Творения евреев будут иметь свой конец, иудаизм и христианство исчезнут. След, оставленный после себя Израилем, будет, однако, вечен. Израиль первым давший форму крику народа, жалобе бедного, упорным требованиям тех, кто жаждут справедливости. Напротив, творение греков, то есть наука рациональная, экспериментальная цивилизация, без шарлатанства, без откровения, основанная на разуме и на свободе, будет продолжать существовать до конца, и если бы этот земной шар перестал исполнять свои обязанности, то найдутся другие миры, которые доведут до конца программу всякой жизни: просвещение, разум, истину»

Э. Ренан «История израильского народа»

1) Миф о потерянном и возвращенном рае

2) Философия свободы. Предопределение и благодать Августина

3) Теодицея и универсальная религия деизма

1) Миф о потерянном и возвращенном рае

Т. Карлейль пишет в «Почитании героев» в эссе о Данте, что «Божественная комедия» стала голосом католичества после 10 веков молчания. О чем же говорит Данте?

Данте «Божественная комедия»:

«Безумен тот, кто думает, что знаньем
Проникнуть может в тайны божества
Осилить скудным разумом сиянье
Единого в трех лицах естества.
О смертные! Падите на колени,
Пред Ним, не тратя попусту слова.
Когда б могли, не ведая сомненья
Вы все непостижимое понять
Тогда бы для людского искупленья
Спасителя не стоило рождать
Я думаю, Марии Благодатной...
О вечные безумцы! Все познать
Они стремились в жажде непонятной.
Но тайна ускользнувшая опять
К ним возвращалась пыткой неоплатной.
Таков был Аристотель, и Платон,
И многие другие...»

Безумием названо в этом голосе католической церкви стремление эллинов к познанию; единственная правда в том, чтобы пасть на колени, «не тратя попусту слова». Христос превращен в орудие бога Ягве, который вместо того чтобы отвергнуть Тору — утверждает ее. В чем же тогда отличие духовной энергии человека, от «язычества» первобытных людей, падающих ниц перед своими тотемами? Метафизика Платона, на котором отцы церкви в виде «Града Божьего» Августина воздвигли здание католической церкви, не могла устоять после того, как эти отцы церкви отказались от интеллекта. И в конечном итоге, христианство сохранило всю шизоидность расщепленного сознания античности, мечуще-

гося между идолопоклонством поля эгосистемы с одной стороны, и поисками духовной энергии поля интеллекта с другой стороны. Это признает и Ренан, когда пишет в «Истории израильского народа»: «Очень скоро христианство забыло программу, которую его основатель заимствовал у пророков, для того, чтобы сделаться такой же религией как и все другие, то есть религией с жрецами и жертвоприношениями, с обрядами и суевериями». Там же он говорит, что Христос закончил «рациональную работу пророков» по преодолению национального ягвеизма и утвердил своей проповедью универсальный деизм, который уходит своими корнями во вдохновение еврейский пророков 8 века до Рождества Христова. Но каким образом мы можем понимать христианство как универсальный деизм, как рациональную философию, если отцы церкви утвердили единство Ветхого и Нового завета? Каким образом Христос довел работу по отказу от Ягве до конца, если Ягве остается богом-громовержцем Ветхого завета, как и во все века «рациональной работы пророков»?

Лев Толстой «Царство божие внутри вас»:

> «Церковь как церковь, какая бы она ни была — католическая, англиканская, лютеранская, пресвитерианская, всякая церковь, насколько она церковь, не может не стремиться к тому же, к чему и русская церковь, к тому, чтобы скрыть настоящий смысл учения Христа и заменить его своим учением, которое ни к чему не обязывает, исключает возможность понимания истинного, деятельного учения Христа и, главное, оправдывает существование жрецов, кормящихся на счет народа. Разве что-либо другое делало и делает католичество с своим запретом чтения Евангелия и с своим требованием нерассуждающей покорности церковным руководителям и непогрешимому папе? Разве что-либо другое, чем русская церковь, проповедует католичество? Тот же внешний культ, те же мощи, чудеса и статуи, чудодейственные Notre-Dames и процессии. Те же возвышенно туманные суждения о христианстве в книгах и проповедях, а когда дойдет до дела, то поддерживание самого грубого идолопоклонства. И разве не то же самое делается и в англиканстве, лютеранстве, во всяком протестантстве, сложившемся в церковь? Те же требования от паствы веры в догматы, выраженные в IV веке и потерявшие всякий смысл для людей нашего времени, и то же требование идолопоклонства, если не перед мощами, иконами, то перед днем субботним и буквой

> Библии. Всё та же деятельность, направленная на то, чтобы скрыть настоящие требования христианства и на место их поставить ни к чему не обязывающую внешность»

Соединение философии Евангелия и мифологии Ветхого завета дало рождение новому мифу, уже очень далекому от того, что было содержанием Евангелия. Это уже более не была философия, но просто продолжение сказок о приключениях Зевса на Олимпе или Ягве на Синае; такая же сказка, как все мифотворчество мифологической эпохи. Правда, Ренан утверждает что глава «Берешит» о сотворении мира была большим научным прорывом для своего времени, являясь по существу детской наукой, и что израильтяне позаимствовали ее в Халдее, когда еще были свободно кочующими номадами. Уже в те времена Халдея была источником научного знания, которое и усваивали потихоньку евреи. В то же время, все идолопоклонничество языческого египетского культа, которое впоследствии легло в основу храмового служения, было объявлено вдохновенными пророками Израиля — пороком, которым они объявили войну. Так, из халдейских и египетских элементов и возникло то, что впоследствии составило основу трех авраамических религий — Ветхий завет.

Как бы прекрасна не была мифология Халдеи для своего времени, ее нельзя было даже поставить рядом с рациональным гением греческой ментальной революции. Она оставалась мифологией.

Томас Пейн «Век разума»:

> «Ясно, что так называемое христианское вероучение, включающее причудливый рассказ о творении, странную историю Евы, змея и яблока, двусмысленную идею богочеловека, идею телесной смерти бога, мифологическую идею семьи богов и христианскую идею арифметики, по которой один есть три, и три есть один, расходится не только с божественным даром разума, который дан человеку богом, но и со знанием силы и мудрости бога, которое человек приобретает с помощью наук и изучения устройства созданной богом вселенной... Отнимите от книги Бытия веру в то что Моисей является ее автором, на чем только и зиждется странное мнение, что все это —

> слово Божье, и от книги Бытия не останется ничего. Она превратится в анонимную книгу рассказов, басен, преданий, бессмыслицы и явной лжи. История о Еве и змие, о Ное и его ковчеге низводится тогда до уровня арабских сказок. Помимо того Библия рисует характер Моисея таким ужасным, какой только можно себе представить. Если эти истории верны, то он был негодяем, который первым начал вести войны из религиозных соображений или под их предлогом; под этой личиной или в подобном ослеплении он совершал беспрецедентные в истории народов зверства... Все национальные церковные учреждения, будь то еврейские, христианские или турецкие, представляются мне не чем иным, как человеческим изобретением, предназначенным для того, чтобы запугивать и порабощать человечество, монополизировать власть и доходы. Христианская религия еще несколько более чем идолопоклонство древних язычников, приспособлено к целям власти и обогащения; и на долю разума и философии все еще остается уничтожить низкую ложь. Человеческие вымыслы и вмешательство попов будут уничтожены, и человек вернется к чистой, незапятнанной, девственной вере в одного бога и не более».

Томас Пейн обвиняет отцов церкви в том, что они специально изобрели идеологию для покорения народов. Лев Толстой, который с ним не согласен в отношении первых отцов церкви, пишет, что последующие богословы специально искажали слово божье: «Теперь же они, эти слова, — пишет он, — мне слишком, ужасно ясны. Вот она, та хула на святого духа, которая не простится ни в этом веке, ни в будущем. Хула эта — это ужасное учение церкви, основа которого есть учение о церкви».

Л. Толстой «Исследование догматического богословия»:

> «И, достигнув этого, я понял, и весь смысл учения и ужаснулся. Я понял, что всё это вероучение есть искусственный (посредством самых внешних неточных признаков) свод выражений верований самых различных людей, несообразных между собой и взаимно друг другу противоречащих. Я понял, что соединение это никому не может быть нужно, никто никогда не мог верить и не верил во всё это вероучение, и что потому для невозможного соединения этих различных вероучений в одно и проповедывания их как истину должна быть какая-нибудь внешняя цель. Я понял и эту цель. Я понял и отчего это учение там, где оно преподается, — в семинариях — производит наверно безбожников, понял и то странное чувство, которое я испыты-

> вал, читая эту книгу... Так что уже давно попы служат для себя, для слабоумных и плутов и для женщин. Надо думать, что скоро они будут поучать и пасти только друг друга. Это так, но все-таки что же значит, что есть люди умные, которые разделяют это заблуждение? Что значит эта церковь, заведшая их в такие непроходимые леса глупости? — Церковь — это, по их определениям, собрание верующих, попов, непогрешимое и святое... Из глубоких, искренних речей апостолов и отцов церкви, доказывающих непостижимость божию, выводится самым внешним образом словесная задача богословия — доказать, что бога нельзя постигать всего, но можно только отчасти. Но мало того, что рассуждение умышленно извращено, в этих страницах я в первый раз встретил прямое искажение не только смысла, но и слов священного писания»

Действительно, если отнять разум и вернуться к мифологической эпохе, то мы очутимся в том царстве абсурда, исключительные права на которое Кьеркегор оставляет за мистификациями священных писаний. Он неправ, антропология очень много рассказала бы ему об абсурде первобытного сознания аборигенов. Что получили христиане на выходе, после соединения Евангелия и Ветхого завета? В самом деле басню о потерянном и возвращенном рае, которую с таким энтузиазмом передал в одноименном произведении 17 века Джон Мильтон, помощник великого Оливера Кромвеля. Это сказка о том, как некий греческий герой-полубог был рожден на Олимпе по распоряжению Бога, которого ему, как всем смертным идолопоклонникам, следовало бояться и слушаться. А он ослушался, как ослушался какой-нибудь Прометей громовержца Зевса, и съел яблочко с древа познания, как Прометей украл свет знания и отнес его людям. Адам также ослушался громовержца Ягве, и также как Прометей был приговорен к вечным страданиям: орел клевал бессмертную печень Прометея; Адам был сослан из рая на грешную землю в поте лица своего получать свой хлеб. Христос, который приходил рассказать людям, чтобы не слушали эти сказки, а искали интеллект духовной энергии, и которого распяли за то, что выступил против этих сказок, предлагая взамен новую рациональную философию, был объявлен героем этой сказки.

Он, оказывается, приходил по поручению того самого Ягве, чтобы загладить грех, который совершил когда-то Адам. Он добровольно принял муки смерти на кресте, и этим спас человечество от ошибки Адама, вся ошибка которого состояла в том, что он хотел найти знание. Великий грех против не знающей равных гордыни Ягве, ревниво охраняющего свою славу от малейших посягательств. Таков миф о потерянном и возвращенном рае, который стал басней, скрепившей Евангелие с Ветхим заветом и перечеркнувшим философию Евангелия, как попытку объяснить духовную энергию человека с точки зрения метафизики интеллекта.

Здесь заканчивается метафизика интеллекта, заканчиваются поиски духовной энергии, и продолжается процесс поклонения громовержцу идолу — Ягве или Зевсу, не суть важно. Важно, что этот мифический бог грозы и ужаса — это опять идол, которому противостоят идолы других народов также как гордость самих людей, смеющих проявлять разум или инициативу в его присутствии. Поэтому попытки перейти к новой этике метафизики, к новому пониманию добра и зла как противостояния духа и плоти тоже терпят крушение. Добро и зло по прежнему противоборство между эго различных субъектов и народов.

Томас Пейн «Век разума»:

> «Отложим в сторону все, что может возбудить смех своей абсурдностью или отвращение — пошлостью, и ограничимся лишь проверкой отдельных частей легенды. Но и тогда невозможно вообразить историю, более умаляющую всемогущего, более несовместимую с его мудростью. Чтобы подвести под нее основания сочинители вынуждены были наделить сатану мощью, равной той, какую они приписывали всемогущему, если даже не большей. Они не только наделили его способностью освободиться из пропасти после его так называемого низвержения, но и умножили его последующую власть до бесконечности. До низвержения они представляли сатану только ангелом, ограниченным в пределах своего существования подобно другим ангелам. После же падения он стал по их сведениям вездесущим. Он существует повсюду одновременно. Он занимает всю безмерность пространства».

Демон в этой возрожденной языческой мифологии оказывается чудесным Прометеем, похитившим с Олимпа свет Разума, и обреченным за это на вечные муки. Таким его и изображает сначала Мильтон в «Потерянном рае», а потом и Байрон в «Каине», уже как откровенно положительного героя, титана, не побоявшегося выступить против тирании всесильного Зевса.

Байрон «Каин»:

«Мы существа,
Дерзнувшие сознать свое бессмертье,
Взглянуть в лицо всесильному тирану,
Сказать ему, что зло не есть добро.
Он говорит, что создал нас с тобою —
Я этого не знаю и не верю,
Что это так, — но, если он нас создал,
Он нас не уничтожит: мы бессмертны!
Он должен был бессмертными создать нас,
Чтоб мучить нас: пусть мучит! Он велик,
Но он в своем величии несчастней,
Чем мы в борьбе. Зло не рождает благо,
А он родит одно лишь зло
Ничем,
Помимо правды, я не соблазняю.
Ведь вы вкусили знания, ведь были
Плоды на древе жизни? Разве я
Давал запрет вкушать от них? И я ли
Растил плоды запретные к соблазну
Существ, душой невинных, любопытных
В своей святой невинности? Я б создал
Богами вас, а он лишил вас рая,
«Чтоб вы от древа жизни не вкусили
И не были, как боги». — Таковы
Его слова.
Так кто ж злой дух? Тот, кто лишил вас жизни,
Иль тот, кто вам хотел дать жизнь, и радость,
И знание?».

С той же иронией изобразит Мефистофеля Гете: «я тот, кто всем желает зло, но делает лишь благо». А М. Булгаков возьмет это изречение гетевского Мефистофеля эпиграфом для своего романа и образа Воланда. В итоге, сатана берет победоносное шествие в литературе и культуре христианства, вслед за принятой мифологией. Действительно, если Бог — тот самый идол-деспот, который запрещает человеческое достоинство только из ревности и зависти к своей собственной славе, то ангел, восставший против такого идола, способствовавший к тому же тому, чтобы человек вкусил с древа познания — будет борцом с язычеством, светочем знания, духа и человечества. Такая нелепость вытекает из попыток соединить старую мифологию с метафизикой интеллекта Евангелия. Этическая религия, которая не может сказать, что есть добро, а что есть зло, перестает быть этической религией, превращаясь в сборник сказок — египетских, вавилонских, иудейских или греческих, уже не суть важно. Важно лишь, что подчеркнуть, что миф о потерянном и возвращенном рае — глупая сказка, не имеющая ничего общего с рациональной философией и поисками духовной энергии поля интеллекта.

Спиноза это прекрасно понимал, и потому не был ни иудеем, ни католиком, ни даже протестантом, вернувшись к метафизике интеллекта Платона в своей «Этике». Лейбниц занял сторону католической церкви против Спинозы, с которым общался по поводу картезианского рационализма, и написал известную «Теодицею», в которой стремится дать теоретическое обоснование этике христианства в знаменитом «все к лучшему в этом лучшем из миров». Он утверждает, что зло неискоренимо, поскольку составляет неотъемлемую часть добра, показывая полное непонимание существа противоборства поля интеллекта и поля эгосистемы, хорошо представленное в работах Платона и Спинозы.

2) Философия свободы. Предопределение и благодать св. Августина

Е. Трубецкой ставит вопрос в «Учении Августина о Граде Божьем» о парадоксе единого источника для католиков и протестантов, которым стал «Град Божий» Августина. Почему такие казалось бы противоречащие друг другу учения, имеют один источник, задается он вопросом. Ренан пишет в «Истории израильского народа», что протестанты, по сути, только продолжали дело израильских пророков-пуритан 8 века, объявивших суровую войну суеверию. Трубецкой видит разгадку парадокса в учении Августина о благодати, которое одинаково обосновывает церковь, как воплощение воли божьей, и с другой стороны независимость человека от церкви, поскольку благодать доступна каждому: «Как мог Августин быть зараз родоначальником католичества и протестантства, отцом латинской теократии и предтечею евангелического христианства? Благодать есть сила, действующая всегда и всюду; она и помимо исторической церкви спасает людей, где хочет и как хочет. Благодать, спасающая людей помимо человеческих посредников, помимо иерархии и таинств земной церкви, и делает его родоначальником всех протестантских учений».

Эта теория благодати, которую можно получить в обход церкви действительно не могла быть возможна в строгом храмовом культе Ягве, а есть следствие метафизики интеллекта греческой философии и Царства божия в духе и истине философии Евангелия. В то же время, благодать у Августина не увязывается напрямую с интеллектом и приобретает черты мистической силы. В результате и его учение о граде Божьем застывает в шизоидной расщепленности между интеллектом и мистикой.

Это расщепление философии Августина нашло свое отражение в полемике о философии свободы, которая берет начало в его спорах с Пелагием и продолжается в спорах Лютера, который считал себя последователем теории благодати Августина с Эразмом Роттердаммски, рационалистом и гуманистом своего

времени. Пелагий настаивает на полной свободе воли индивида, Августин говорит о сатанинском происхождении свободной воли, и обосновывает подчинение божественной благодати, под которой он понимает и слово божие и церковь божию. Между этими же полюсами продолжится спор Лютера с Эразмом.

Понятно, что без метафизики интеллекта, оба решения не удовлетворительны: предопределение как его дает Августин — это либо рабство в подчинении произволу церкви, либо шизоидная абсолютная свобода «королей без королевства» Кьеркегора, как ее понимал Пелагий. Рационализм Декарта и Спинозы логично приходит к определению свободы как осознанной необходимости Спинозы, и в практическом смысле означает подчинение научному методу и законам природы, которые дают относительную свободу контроля и доступа к силе природных энергий, позволяют сохранять силу и здоровье собственной энергии.

В теории противоборства свободы и благодати, которая проходит красной линией через «Град Божий» Августина, и которая составляет основу полемики между протестантами и гуманистами своего времени, особенно Лютера и Эразма, со всей отчетливостью запечатлено расщепление незрелого интеллекта христианства; оно как бы уже и видит, что зло и беда приходят со стороны поля эгосистемы, но еще не могут отделить настоящую свободу научного контроля от шизоидной свободы претензий на всесильное эго. Ущербность этой этики мало чем отличается от ущербности этики Огюста Конта, противопоставившего эгоизм и альтруизм, как служение себе и служение другим.

Е. Трубецкой «Учение Августина о Граде Божьем»:

> «Противоположность благодати и беззаконной свободы от начала мира олицетворяется противоположностью двух ангельских царств. Еще до создания человека град божий был основан в ангелах. Бог дал им свободу, так что они могли пребывать в боге и отпасть от него. Он не отнял этой свободы даже у тех, чье отпадение он предвидел, предпочитая употребить самое их зло на добро, нежели отнять у них свободу. Для ангелов в послушании, воля божья есть

> закон. В противоположность этому обществу ангелов, где свобода приносит себя в жертву благодати, в сатанинском царстве она сама возводит себя в верховный, абсолютный принцип. Гордый и завистливый дух сатаны, не довольствуясь тем, чтобы держать власть от творца, хочет сам быть высшим, властвовать сам от себя: он отвращается от бога к самому себе, делает себя центром вместо него и с тиранической спесью радуется своим подчиненным, чем самому быть подчиненным. Та же противоположность и та же борьба благодати со свободой наполняет собой всю историю человеческого развития. В основе двух обществ лежат две любви: земное общество любит само себя до презрения к богу; небесное общество, напротив, любит бога до презрения к самому себе. Одно принимает славу от людей и одержимо страстью властвования, другое славится о боге и живет в смирении и послушании его воле».

Реформация движения протестантов стала тем Возрождением философии Христа, как продолжателя дела Исайи, к которому логично пришло христианство, расплескавшее себя в языческой мифологии и идолопоклоннических культах. И, как замечают все исследователи, протестантизм, конечно, стал большим шагом на пути к рационализации и либерализации сознания (Куно Фишер, Т. Карлейль, Дж. Милль, Гегель, Э. Ренан, Ж. Санд, М. Вебер, П. Новгородский и др), но, тем не менее, не сделал того решающего движения к очищению философии духа от мифологии и мистики, которого от него ждали и которое составляет цель и необходимость становления философии духа со времен ее зарождения в античности.

Э. Ренан «История израильского народа»:

> «Аналогия между историей иудаизма и историей протестантизма, как видно проявляется все более и более. Человеческий дух так слаб, что он может делать выбор лишь между различными степенями веры. Израильские пуритане устранили из обыденной жизни и культа наиболее вздорные обычаи и обряды; они со злорадством издевались над людьми столь глупыми, чтобы искать источника откровения в чревовещательстве, но в то же время они считали внушенными свыше слова тех, которые не представляя даже тени доказательств, выдавали себя за пророков Ягве. Протестанты отменили мессы и индульгенции, придавая в то же время библейским откровениям еще больше значения. В этих, кажущихся нам столь наивными,

> различиях обе эти религии черпали свою мощь до окончательного проведения своих основ. Жалкий человеческий род! Как он стремится к истине! Как плохо он создан, чтобы постигать истину!»

Тем не менее, П. Новгородский пишет в «Лекциях по истории философии права» о решающем значении протестантства для становления философии прав человека. Что дало протестантство революции Оливера Кромвеля известно всем, но Новгородский увязывает также и Американскую и Французскую революции, которые имели место спустя 150 лет после революции Кромвеля с тем социальным движением, которое берет свое начало в Реформации и зрелость в революции Кромвеля. Как мы можем видеть Возрождение интеллекта вновь приводит к слому цикла Левиафана, как то имело место в случае с монархией Карла Первого; и в то же время расщепление незрелого интеллекта вновь лишает равновесия нарождающуюся на месте потерпевшего крушение Левиафана республику. Крах Кромвеля и был наглядным воплощением этой трагедии расщепленного сознания, как станут позже Робеспьер, Наполеон или Ленин. Джон Мильтон, правая рука Кромвеля во времена, когда Кромвель был вождем революции, пишет позже по этому поводу в «Возвращенном рае»: «Узнай: когда воссяду на престоле Давидовом, он с деревом сравнится, Которое распространяет тень Над целою вселенною, иль с Камнем которому разрушить суждено Монархии земные». И он не согласен с Э. Ренаном в том, что римское право несравненно превосходит Закон Торы:

> «Израильских пророков и вождей, наставленных в своих деяньях свыше в Законе их проникнутом величьем и простотой, изложены начала гражданского правления мудрей, чем у витий красноречивых Рима и Греции. Легко узнать из них, каким путем на прочных основаньях родной народ возможно осчастливить, и что собой порою губит царства. Верней всего Израиля Закон образовать способен государя».

3) Теодицея и универсальная религия деизма

Жорж Санд, как С. Кьеркегор, как Э. Ренан, ее современник и друг, была известна своим жестким противостоянием ортодок-

сальной церкви. В предисловии к русскому изданию «Спиридиона», приводят в этой связи ее письмо, которое очень точно передает общую для всех деистов тенденцию поисков универсальной религии, основанной на интеллекте. Ж. Санд, письмо к Антриетте де Ла Бриготьер:

> «Вот уже 1800 лет как церковь убивает Евангелие, ибо она желает только сухо толковать его, тогда как необходимо его продолжать. Христос был человек богодухновенный, но не бог, ибо, что это за бог, который знал далеко не все, который не пожелал нам сказать всего, что нам надо было знать! Итак, думайте, вглядывайтесь в собственную душу, испытывайте свою веру, чтобы очистить ее, возвеличить ее всею мощью вашего разума и сделать ее достойной того бога, которому поклонялся Иисус, славный мученик, распятый за то что знал больше чем Моисей и его пророки. Если веруете в то, что Иисус был богом, а Евангелие последнее слово мудрости, значит, вы никуда не движетесь, а мне такой покой не нужен. И я полагаю, что Иисус оставил слишком много вещей непроясненными. Он не решил земной участи рода человеческого».

В. Дильтей пишет в своей книге о Реформации, что идея универсальной религии была частью европейской культуры со времен аутодафе для Джордано Бруно, который именно за эту идею и был предан огню инквизицией католической церкви. Деистами считали себя Ньютон и Вольтер, Томас Пейн и Эрнест Ренан, Жорж Санд и Шеллинг, Гете и Готфрид Лессинг, Ромен Роллан и Вивекананда.

Лессинг в этой связи говорил о «широком рве, который он никак не может перепрыгнуть», когда думает о мифе о потерянном и возвращенном рае, который должен объяснять сущность духовной энергии человечества. Он написал небольшое эссе «Воспитание человеческого рода», где предложил решение этого вопроса, получившего название «проблемы Лессинга». Суть этого эссе сводится к тому, что нет и не может быть, конечно же, никакой связи между мифологией христианства и реальной духовной энергией человечества. Что Ветхий завет и Евангелие — вовсе не источники истины о человеке, а всего лишь инструкции, указывающие направление движения на разных отрезках чело-

веческой эволюции в доступной для человека форме. И что, несомненно, информация о духовной энергии человека как она есть, еще не получена и не найдена, и что это задача будущей науки, которая откроет эту истину, эти закономерности интеллекта, которые станут «Вечным Евангелием» на все времена. В целом, точка зрения Лессинга мало чем отличается от точки зрения Спинозы, который также считал, что откровение данное Моисею — это детство человечества, просвещавшегося через ограниченные возможности воображения и получавшего законы путем устрашения мистикой; Иисус — следующая ступень откровень, доступная уже «светом естественного разума», а наука Этика, которую он излагает в виде математических формул человеческой души — уже полноценная наука, которая не нуждается ни в откровении, полученное воображением, ни в мистике и устрашении. «Вечное Евангелие» — законов природы, метафизики интеллекта.

Г. Лессинг «Воспитание человеческого рода»:

> «В пору детства человеческого рода (Ветхий завет) ты узнал из учения о едином Боге, что Бог непосредственно открывает также простые истины разума или допускает и побуждает, чтобы они сообщались в течение некоторого времени как непосредственное открытие истины и тем самым быстрее распространились и прочнее утвердились в сознании людей. В пору отрочества человеческого рода (Новый завет) ты то же самое узнаешь об учении о бессмертии души. Во второй, лучшей, начальной книге (Евангелие) оно проповедуется как откровение, а не сообщается как вывод человеческого разума. Если в учении о едином Боге мы теперь можем обойтись без Ветхого завета, а в учении о бессмертии души мы постепенно начинаем обходиться и без Нового завета, то не может ли быть, что в Новом завете есть еще истины такого рода, которые нам надлежит восхищенно воспринимать как откровение до той поры, пока разум не научит нас выводить их из других неоспоримых истин и связывать их с ними? Что же касается преобразования истин, данных откровением, в истины разума, то это совершенно необходимо, если мы хотим оказать помощь человеческому роду. Когда эти истины были открыты, они, правда, не были еще истинами разума; но открыты они были для того, чтобы стать таковыми. Нет, оно придет, оно обязательно придет, это время со-

> вершенства, время нового вечного Евангелия: обещанного нам в книгах Нового завета».

Таким образом, Лессинг дает ответ, на поставленный им самим вопрос о «Широком рве» между мифологией священных писаний и эволюцией духовной энергии человека в том смысле, что преобразует энергию человека конечно разум, то есть научное познание истины. Однако, священные писания не есть обман или просто безумие, они есть начальная стадия в становлении духовной энергии человека, когда разум человека еще слишком слаб для восприятия рациональных истин. Кьеркегор позже даст другой ответ на эту «проблема Лессинга»: он скажет, что сфера религии — это сфера абсурда по своему характеру, и что для того чтобы понять религию надо отказаться от разума. Лессинг, конечно, оказался в теологии значительно более проницательным человеком. Зато Кьеркегор сформулировал очень глубокую для своего времени теорию психической энергии.

Конечно, этим Евангелием на все времена может быть только открытие закономерностей духовной энергии человека, то есть рациональная теория этической религии, — открытие психической энергии. Мы видели, что все больше ученых противопоставляют энергию психики — энергии биологии, и что все больше ученых пишут о психике в энергетических терминах. Что писать о духовной энергии человека философы-рационалисты начали со времен Платона и Спинозы, а современная гуманистическая психология стала прямым продолжением этой рационалистической философии духа.

Какова этика теории психической энергии? Какое добро и зло она открывает в человеке? Как решает вопрос Теодицеи, поставленный Лессингом, то есть вопрос о соотношении всесилия и благости господней, допустившей существование зла?

Мы видели, что в теории психической энергии ответить на эти вопросы очень просто. Бог — есть интеллект и форма вселенной, которую человек познает данным ему мышлением. Этим человек приобщается в какой-то мере к метафизике интеллекта, поскольку имеет доступ к познанию законов природы. Добро,

добродетель, благо, благодать связаны с этой способностью духовной энергии человека приближаться к Богу путем познания законов природы, интеллектуальной формы космоса, установленной творцом.

Значит, дух, который имеет источником божественный дар мышления, есть та добродетель, которую человеку необходимо беречь, чтобы оставаться в лоне божественного интеллекта. Эта духовная энергия человека — есть громадная сила научного контроля с одной стороны, и такое же блаженство человеческой доброты, эстетики, радости творчества, юмора и дружбы с другой стороны. Эта энергия духа имеет своим источником мышление, и в этом смысле святой дух действительно в основе человеческой энергии разума и доброты.

А вот о зле никак нельзя сказать, что зло — это тоже дух, только плохой дух. Никакого отношения к духовной энергии та часть человеческого сознания, которая ответственна за порок, боль и слабость не имеет к духовной энергии. Это — поле эгосистемы заурядной детерминированной энергии психики, механической энергии никак не связанной с мышлением. Соответственно, зло никак не может быть всесильным духом, уступающим в силе только господу богу. Зло вообще никакого отношения к божественной энергии активного интеллекта не имеет. Оно есть зло только до тех пор, пока человек не разоблачил механизмы этого заурядного тока в своем сознании и не нейтрализовал их. После этого, поле эгосистемы перестает быть злом и становится заурядной механической энергией, поставленной под контроль в системе образования человечества. Действительно, как сегодня обязательное образование в школе связано с пониманием той критической разницы, которую производит в человеке развитие интеллекта в детстве, так и сведения о том, как сильно меняет человека знания, полученные в детстве о поле эгосистемы, преобразят систему образования.

И наконец, в чем существо теодицеи? Всеблаг или всесилен господь, позволивший злу взять верх над человеком? Как наказуемо зло?

Мы видели, что триумф зла временное явление, и что рано или поздно наука поставит его под контроль. Как оправдать те жертвы, которые были принесены молоху поля эгосистемы, пока наука развивалась и становилась на ноги, я не знаю. Но что однако, для бога зла нет, как какого-то соперника в духовной или интеллектуальной активности, а есть зло только для человека, и только до тех пор пока он не откроет его законов и поставит под научный контроль, это очевидно.

Универсальные религии деизма, единство которых в единой истине интеллекта, в единых законах природы человека, не следует смешивать с компиляцией мистических систем, которые есть существо противоположного процесса — утверждения мистики вместо очищения логоса от мифологии. И поскольку системы мистики ничего общего в себе не имеют, что как правило эти соединения хаотичного и противоречивого материала, как это имеет место например в теософии Блаватской или в бехаизме Баба и Бехаула, то они объединяются перечеркиванием всех мистических систем за исключением последней — «печати» последнего пророка. Такой печатью был объявлен сначала Магомет, потом Баб и Бехаул. По сути, первой такой компиляцией является уже ислам, который соединил «книги» Ветхого завета, Евангелия Иисуса и персидский Зороастризм. Однако, враждебность ислама ко всем этим системам не стала меньше, даже больше, а сам ислам утвердил свое могущество над ними заявив о «печати пророков», который по сути перечеркивает все что сказано в предыдущих работах.

Совершенно иное дело «Вечное Евангелие» Лессинга, Вивекананды, Ромена Роланда, Жорж Санд или Томаса Пейна, существо которого не в том, что его принес последний пророк с печатью бога, а в том, что оно содержит открытые законы человеческой природы, метафизику интеллекта общую для всех людей разума.

Томас Пейн «Век Разума»:

> «Но возможно, некоторые спросят: неужто мы должны быть лишены слова божьего — лишены откровения? Я отвечаю: да, есть слово бо-

жье, есть откровение. Слово божье — есть видимый нами сотворенный мир, мироздание; и посредством этого слова, которое никакое человеческое изобретение не может подделать или изменить, бог всегда и всюду говорит с человеком. Только в мироздании могут объединиться все наши идеи и представления о слове божьем. Мироздание говорит всеобщим языком независимо от многообразия человеческих языков. Оно — вечно существующий оригинал, прочесть который может каждый. Его нельзя подделать, подменить, утерять, изменить, или уничтожить. От воли человека не зависит, оглашать его в печати или нет; оно само оглашает себя с одного края земли до другого. Оно проповедует всем народам и всем мирам; и это слово божье открывает человеку все, что ему необходимо знать о боге. То, что ныне называется натуральной философией и охватывает весь круг наук, есть изучение Бога, силы и мудрости божьей в его творениях и является истинной теологией. Что же касается теологии, изучаемой ныне вместо нее, то она — изучение человеческих мнений и фантазий относительно бога»

ГЛАВА 16. ЦАРСТВО БОЖИЕ ХРИСТА И ЕДИНОБОЖИЕ МАГОМЕТА

«Магомет сеял смертоубийство, Иисус Христос посылал на смерть Своих учеников. Магомет воспрещал людям читать, апостолы требовали от людей, чтобы они читали. Короче говоря, они так противоположны друг другу, что если Магомет избрал путь к преуспеянию, желанному всем людям, то Иисус Христос избрал путь к смерти, сужденной всем людям; и не следует делать из этого вывод, что поскольку Магомет преуспел, то Иисус Христос тоже мог бы преуспеть: нет, следует помнить, что, поскольку Магомет преуспел, Иисус Христос должен был погибнуть»

Б. Паскаль «Мысли»

«При этом как утверждал Монтескье в сочинении „О духе народов“, сочетание деспотизма, основанного на фатализме, и пассивного подчинения — характерная черта ислама, в то время как христианское общество благодаря духу свободы развивается в противоположном направлении»

Ф. Кардини «Европа и ислам»

1) Взаимные обвинения в язычестве
2) Царство Божие Христа

3) Единобожие Магомета
4) Метафизика интеллекта и Монотеизм

1) Взаимные обвинения в язычестве

С. Хантингтон в книге «Столкновение цивилизаций» подчеркивает противоположность ислама и христианства как несовместимых мировоззрений, несмотря на, казалось бы, один источник происхождения — иудаизм. Между тем, мы видели, что иудаизм был расщеплен внутри себя на две антагонистичные части, которые Ренан обозначил как «национальный ягвеизм» и «универсальный элогизм». Ренан же и утверждает, что ислам стал возрождением именно первой, архаичной части иудаизма, то есть национального ягвеизма, тогда как в иудаизм победило движение профетизма, которое привело к метафизике интеллекта Царствия Божьего Христа (Ренан называет это победой идеализма и призывает читателей «склонить голову»). Таким образом, то внутреннее расщепление сознания, которым страдает каждый незрелый интеллект и который проявился в иудаизме в противостоянии национального ягвеизма (идола-единобожия) и универсального элогизма (профетизма), унаследовали в дальнейшем различные религии: ислам как продолжение ягвеизма с одной стороны, и христианство как продолжение профетизма и греческой метафизики с другой стороны.

Так и получилось, что несмотря на общий источник, ислам и христианство всегда оставались глубоко антагонистичными религиями, чуждыми друг другу в самой своей сути.

С. Хантингтон «Столкновение цивилизаций»:

> «Некоторые представители Запада, в том числе и президент Билл Клинтон, утверждали, что у Запада противоречия не с исламом вообще, а только с непримиримыми исламскими экстремистами. Четырнадцать веков истории свидетельствуют об обратном. Отношения между исламом и христианством — как православием, так и католичеством во всех его формах — часто складывались весьма бурно. Каждый был для другого *иным*. По сравнению с продолжительными и глубоко конфликтными отношениями между исламом и христиан-

> ством конфликт двадцатого века между либеральной демократией и марксизмом-ленинизмом является всего-навсего быстротечным, даже поверхностным историческим феноменом. „Почти тысячу лет, — отмечает Бернард Льюис, — с первой высадки мавров в Испании и вплоть до второй осады турками Вены, Европа находилась под постоянной угрозой со стороны ислама“. Ислам является единственной цивилизацией, которая ставила под сомнение выживание Запада, причем случалось это по меньшей мере дважды».

Известно, что на протяжении всей истории существования христиан и мусульман они обменивались взаимными обвинениями в язычестве. И это при том, что каждая из этих религий имеет своим источником иудаизм, и вслед за иудаизмом противопоставляет единого бога — многобожию идолопоклонников.

Однако, философия Христа никогда не претендовала на то, чтобы ставить в центр своей религии — культ Единого божества, как это принято в ягвеизме и исламе. Христос в своей проповеди преследовал совершенно иные цели, так что единобожие просто было эпифеноменом, побочным продуктом его философии, но никак не целью и смыслом Евангелия. Цель Христа — проповедь Царствия Божьего, разделение уровней духовного и плотского существования, противопоставление этих уровней и приоритет духа над плотью. Далее, противопоставление разума и истины — магическим ритуалам любых обрядных религий, будь то иудаизм или идолопоклонство дикарей. То есть как раз все то, что совершенно не интересно Магомету. Никогда последний не разделял уровни духа и плоти и не противопоставлял их, и мусульмане считают это своей заслугой. Так, Муртази Мутаххари пишет в «Иран и Ислам»: «Ислам в Иране вопреки христианству (и в соответствии с учением Заратустры), отменил принцип несовместимости телесного и духовного счастья, противоречия между мирскими и потусторонними явлениями. Одновременно с признанием необходимости духовного очищения, ислам также осудил воздержание от чистых и дозволенных земных благ».

Франко Кардини пишет в книге «Европа и Ислам», что именно такая «вседозволенность» в исламе шокировала средневековых христиан, которые не видели в учении Магомета проповеди духа.

Франко Кардини «Европа и Ислам»:

> «Ислам в эпических произведениях предстает как вера неправедная и злая. В древнем европейском эпосе религия сарацинов и мавров обозначалась одним словом — язычники. Этика язычников, в свою очередь, представлялась как христианская этика, вывернутая наизнанку, особенно когда речь шла о плотских удовольствиях. Считалось, что вера сарацин предписывает им всякого рода излишества, и причина этого заключается в порочной природе основателя их религии, который, спасаясь от стыда, узаконил эту порочность, сделав ее обязательной для всех. Мнения такого рода резюмировал и подкрепил своим авторитетом Фома Аквинский: по его мнению Пророк прельстил своих последователей разнузданными плотскими удовольствиями и дал им такой закон, который дозволяет любой акт похоти. Мухаммед представлен в целой серии легенд клеветнического характера как еретик и маг; надо сказать, что он так никогда и не был реабилитирован в литературе — достаточно вспомнить о драме Вольтера, которая сделала его символом тирании и фанатизма».

Томас Карлейль посвятил Магомету, как известно, одно из своих эссе о Героях, как он их понимал (он писал о Данте, Шекспире, Лютере, Кромвеле и др). Он много говорит об искренности Магомета, о величии его политического и военного гения, но в конечном итоге все же называет его язычником, а позже и совсем разочаровался, о чем откровенно заявил в другом своем эссе из того же цикла «Почитание героев»:

Т. Карлейль «Почитание героев»:

> «Скандинавский бог Уиш, бог всех первобытных людей, разросся у Магомета в целое небо... Эта религия — то же скандинавское язычество с прибавлением истинно небесного элемента». «В сущности, идея Магомета о его небесной миссии пророчества была заблуждением и она повлекла за собою такой ворох басней, непристойностей, жестокостей, что для меня представляется даже спорным утверждать в данном месте и в данный момент, как я утверждал раньше, что Магомет был истинным проповедником, а не честолюбивым шарлатаном, пустым призраком и извращенностью; проповедником, а не болтуном! Увы, бедный Магомет! Все, что было в нем сознательно продуманным, оказалось лишь одним заблуждением, пустотой и пошлостью, как это в действительности всегда бывает.

> А того, что было в нем истинно великим, он также не сознавал; он не сознавал, что он был диким львом Аравийской пустыни и что его речь звучала подобно могучим раскатам грома, благодаря вовсе не тем словам, о которых он думал, что они велики, а тем действиям, чувствам, той вообще истории, которые действительно были велики! Коран его превратился в нелепую книгу велеречивой благоглупости; мы не верим, подобно ему, что Бог диктовал ее!»

Однако, и мусульмане нисколько не отставали от обвинений христиан в язычестве. Проповедь Магомета совсем не похожа на проповедь Христа, ибо ее существо не в проповеди духа, а в культе Единобожия и «священного рабства», в так называемых «ибаде» и «джихаде» верующих. Именно поэтому, христианство, символом веры которого является Святая Троица, воспринималось уже самим Пророком как «ширк», как самый большой грех, грех против единобожия. Однако, Магомет формально признавал все священные писания, как варианты единой «небесной книги», из которой читают все пророки. Все пророки до него — ошибались в чтении этой книги, все народы до арабского народа — искажали слова своих пророков и писаний; и только Магомет записал все правильно, и только арабы ничего не исказили в его тексте. Потому Коран — единственное правильное писание на земле, а Магомет — печать пророков. Таким образом, его признание «людей книги» становилось просто формальностью, которой мусульмане пользовались, когда хотели придать себе облик свободомыслящих и гуманных людей. Магомет обвинил христианство в том, что они приписали Богу двух «сотоварищей» — Христа и его мать Деву Марию. Так он понимал значение Святой Троицы.

К. Хорри, П. Чиппиндейл «Что такое ислам»:

> «Пятая сура Корана целиком посвящена истории Исы и напрямую обращена к христианам как собратьям «народа Книги». В этой суре отмечается, что христианская концепция Святой Троицы есть разновидность политеистических верований, и прямо отвергается божественность Исы: «Не веровали, которые говорили: «Ведь Аллах — третий из трех», — тогда как нет никакого божества кроме единого бога. А если они не удержаться от того что говорят, то коснется тех

> из них, которые не уверовали, мучительное наказание. Неужели они не обратятся к Аллаху и не попросят у него прощения?» Идея о том, что Святая Троица есть лишь более сложный вариант монотеизма, была крайне чужда мусульманам. «И говорят они: Взял себе Милосердный сына». Вы совершили вещь гнусную. Небеса готовы распасться от этого, и земля разверзнуться, и горы пасть прахом оттого, что они приписали Милосердному Сына. Не подобает Милосердному брать себе сына» (19, 88—89)»

Коран:

> «О верующие [в Коран], Не берите неверных (аль-кафирин) в приятели..; (4:144) Не берите иудеев и христиан в приятели! (5:51). Не водите дружбы с теми, Кто издевается и насмехается над вашей религией, Будь они из получивших Писание до вас Иль из многобожников. (5:57)»

Муртази Мутаххари, например, считает «ширком», смертным грехом «придания богу сотоварищей», зороастрийскую философию о свободной воле людей, которые могли считать себя «сотрудниками бога» в поимке зла.

Муртази Мутаххари «Иран и Ислам»:

> «Разве они не знают, что фраза „Ислам разрушает то, что было до него“ подразумевала и подразумевает, что с приходом ислама отменяются все прошлые законы, обряды и ритуалы? Этой фразой объявляется несостоятельность и отмена религиозных церемоний времен язычества, исключая как язычество политеистов, так и язычество „людей Писания“... Ислам отнял у Ирана дуализм, огнепоклонство, почитание хаомы и поклонение солнцу, а взамен принес единобожие и поклонение единому Господу. Иранское же язычество проявлялось также и в форме признания сотоварищей Господа»

Современные мусульмане добавили христианам к «Святой Троице» Магомета еще много других статей по обвинению в язычестве. Так, они обвиняют материалистов в «ширке» за признание свободной воли, так как «придают сотоварищей богу», ставя себя на его место. Они обвиняют научный прогресс в «безбожном культе техники». Они видят разложение христианства в алкоголизме и наркомании. Однако, как правило ничего не говорят об успехах, которых добилась христиан-

ская цивилизация в развитии свободной личности и правового государства.

С. Хантингтон «Столкновение цивилизаций»:

> «Вместо этого они подчеркивают различия между своей и западной цивилизациями, превосходство своей культуры и необходимость сохранения целостности этой культуры перед натиском Запада. Мусульмане боятся мощи Запада, она вызывает у них возмущение, они видят в ней угрозу для своего общества и своей веры. Они рассматривают западную культуру как материалистическую, порочную, упадническую и аморальную. Они также полагают ее преисполненной греховных соблазнов и потому, следовательно, подчеркивают необходимость сопротивления ее воздействию на их образ жизни. Все чаще говорится, что Запад не просто следует несовершенной, ложной религии, которая тем не менее является „религией книги", а что он не исповедует вообще никакой религии. В глазах мусульман западный секуляризм, нерелигиозность, а значит, и аморальность — зло худшее, чем породившее их западное христианство».

Кто же в самом деле язычник и кто исповедует истинную религию? И что такое язычество и истинная религия? Посмотрим бегло на проповедь каждого из них.

2) Царство Божие Христа

Проповедь Христа — это проповедь Царствия Божьего. Вот почему отцы церкви видели в Евангелии философию платонического идеального мира, метафизику интеллекта, как она запечатлена в трудах Платона. Вот почему фундаментальной работой Августина, заложившей основы католической церкви, стал «Град Божий. И вот почему этот принцип разделения града мирского и града божьего стал фундаментом христианской демократии, поскольку католическая церковь представила оппозицию светской власти, ограничивая и направляя ее.

В чем существо философии Царства Божьего? Иисус четко проводит через все Евангелия (особенно Евангелие от Иоанна) одну главную мысль: разделение духа и плоти, сосредоточение

внимания на духовной энергии и пренебрежение, даже противостояние плотской похоти. Он говорит о том, что богатства надо собирать в Царствии Небесном, и что для этого все усилия должны быть сосредоточены на силе и здоровье духовной энергии. «Истинно говорю вам: кто не родится от духа...»

Что же нужно сделать для того, чтобы попасть в Царствие Небесное? Как сохранить и приумножить здоровье и силу духа?

— Разделить уровни плотской и духовной жизни; и не смешивать жизнь плоти с жизнью духа. Плоть или вовсе отвергается, или подчиняется достижению задач духа. Задачи духа должны стать приоритетными, если выражаться современным языком. Хорошо об этом сказано у Спинозы в Богословском трактате, где он противопоставляет откровение Моисея, которые называет «неадекватными» из-за их сверхъестественности и навязывания закона под страхом наказания, и вдохновение Христа, которое считает истинным «естественным светом разума» и потому свободы.

Спиноза «Богословско-политический трактат»: «Итак, суть божественного закона и его главное правило заключаются в том, чтобы любить бога как высшее благо, именно, как мы уже сказали, не из страха перед каким-либо взысканием и наказанием и не из любви к другой вещи, которой мы желаем наслаждаться: идея о боге говорит ведь о том, что бог есть высшее наше благо или что познание бога и любовь к нему есть последняя цель, к которой должны направляться все наши действия. Однако плотский человек (homo carnalis) не может понять этого, — ему кажется это нестоящим, потому, что он обладает слишком скудным познанием о боге, а также и потому, что он в этом высшем благе не находит ничего, что можно было бы осязать, съесть или, наконец, что могло бы вызвать плотские удовольствия, которыми он больше всего наслаждается, — не может потому, собственно, что это благо состоит только в размышлении и чистой мысли. Но кто знает, что у него нет ничего лучше разума и здорового духа, тот, без сомненья, сочтет это благо самым существенным...По этой причине Христос обещает награду ду-

ховную, а не телесную, как Моисей. Ибо Христос был послан, как я сказал, не ради сохранения государства и установления законов, но только для научения всеобщему закону».

— Христос проводит различие между законом, написанным на скрижалях, и законом написанным в сердцах людей. Он принес закон Царствия Божьего, который каждый может прочитать в своем сердце.

Э. Ренан «Жизнь Иисуса»:

> «Чистый культ, религия без священства и внешних обрядов, покоящаяся на сердечном чувстве, на последовании богу, на непосредственном общении совести с отцом небесным — таковы были выводы из этих принципов. Иисус никогда не отступал от этого смелого вывода, который делал его в среде иудейства настоящим революционером. К чему посредники между человеком и его отцом? Бог видит сердце, к чему же эти очищения, эти обряды, касающиеся только тела? Создалась религия человечества, основанная не на роде, а на сердце. Моисей превзойден, храм утратил право на существование и осужден безвозвратно».

Спиноза «Теолого-политический трактат»:

> «Ибо как сам разум, так и высказывания пророков и апостолов ясно гласят, что вечное слово и договор бога и истинная религия (Religio vera) божественно начертаны в сердцах людей, т. е. в человеческой душе, и что она есть истинный подлинник божий, который бог скрепил своей печатью, т. е. идеей о себе, как отображением своей божественности. Письменно, в виде закона, религия была передана первым иудеям потому именно, что они в то время считались как бы детьми. Но впоследствии Моисей (Второзак., гл. 30, ст. 6) и Иеремия (гл. 31, ст. 33) предсказывают им, что настанет время, когда бог напишет свой закон в их сердцах. Наконец, если они согласно известному выражению апостола во II Послании к коринфянам (гл. 3, ст. 3) имеют в себе письмо божье, написанное не чернилами, но духом божьим и не на скрижалях каменных, но на плотских скрижалях сердца, то пусть перестанут почитать букву и столь заботиться о ней».

— Богу богово, кесарю — кесарево. Этот принцип также вытекает из дуализма философии Христа о разделении идеального

и материального царства. Рефлексия человеческого сердца, его молитва и любовь к богу — это сфера идеального, духовный мир, который не имеет отношения к светской власти. В этом свобода и независимость духа от светской власти, провозглашаемая Христом

Э. Ренан «Жизнь Иисуса»:

> «Истинный христианин гораздо менее связан какими бы то ни было цепями; здесь, на земле, он — изгнанник; какое может иметь для него значение преходящий земной владыка, когда земля — не его родина? Свобода для него — это истина. Словами своими: „Воздайте кесарево кесарю, а богу — божие“ — он создал нечто далекое от политики, убежище для души среди господства грубой силы».

— Эта проповедь Царствия Божьего, духа и истины развила огромный интерес к знанию и греческой философии, которая много занималась вопросами метафизики. С этих пор начинается интеллектуальная работа в монастырях по переводу, систематизации, изучению научного и литературного наследия античности. «Собирайте богатства в Царствии небесном»

Л. Толстой «Соединение и перевод четырех Евангелий»:

> «Как это правило, так и предшествующие, ясно показывают, что Иисус, говоря о законе, никогда не разумел закона Моисеева, а закон общий и вечный, нравственный закон людей. Иисус не учит тому, как исполнять положение Моисеевых книг о клятве, а учит тому, как выполнять закон вечный, запрещающий всякую клятву. Разумение есть Бог. Следовательно, сделаться сыном Бога значит сделаться сыном разумения. Что значит сыном? В 3-м стихе сказано, что все, что родилось, родилось от разумения. То, что родилось, то есть сын, следовательно, все мы сыны разумения *Разумение было во всех людях. Оно было в том, что оно произвело; — все люди живы только потому, что они рождены разумением. Но люди не признали своего Отца разумения — и не жили им, а полагали источник своей жизни вне его. Но всякому человеку, понявшему этот источник жизни, разумение давало возможность верою в это сделаться сыном Бога — разумения, так как все люди рождены и живы не от крови женщины и от похоти мужчины, а от Бога — разумением. В Иисусе Христе проявилось полное разумение»*

— Проповедь самоотречения, которая качественно отличается от страха гордыни в иудаизме и в исламе. Иудей и мусульманин боится оскорбить свое ревнивое божество, чье «единство» — это монополия на всесилие и все лучшее. Это по сути та идеология «раба божьего», задача которого преклонится перед грозным божеством, признав его силу и покорится его воле в точности как раб покоряется силе своего господина. Христос принес новое понимание самоотречения, которое никак не связано с божеством. Бог не ревнует и не завидует гордости человека, бог любит человека. Самоотречение Христа — это проповедь отказа от гордыне в отношениях с равными, и не из признания силы и подчинения раба господину, а из идентификации себя с другими: «полюби ближнего как самого себя». Гордится перед самим собой — абсурд, вот и устраните абсурд, который мешает вам стать единым духом совести, сочувствия и сотрудничества. «Сказано: око за око, зуб за зуб. А я говорю вам — не противитесь злому, но если кто ударит вас в правую щеку, обрати к нему и левую». Этим он очередной раз отменяет Закон Моисея, который и поныне лежит в основе мусульманского «хадда». В этом смысл слов Паскаля о том, что «поскольку Магомет преуспел, Христос должен был погибнуть». Это разное понимание силы: у Магомета материалистическое понимание силы и власти господина; у Христа понимание интеллектуальное — отречения от эгозащиты с тем, чтобы обрести силу искренней любви

Б. Паскаль «Мысли»:

> «Магомет сеял смертоубийство, Иисус Христос посылал на смерть Своих учеников. Магомет воспрещал людям читать, апостолы требовали от людей, чтобы они читали. Короче говоря, они так противоположны друг другу, что если Магомет избрал путь к преуспеянию, желанному всем людям, то Иисус Христос избрал путь к смерти, сужденной всем людям; и не следует делать из этого вывод, что поскольку Магомет преуспел, то Иисус Христос тоже мог бы преуспеть: нет, следует помнить, что, поскольку Магомет преуспел, Иисус Христос должен был погибнуть»

Э. Ренан:

> «Уже с первых шагов он смотрел на свои отношения к богу как сына к отцу. В этом оригинальность его великого дела, в этом отношении он не представитель своей расы. Ни еврей, ни магометанин не поняли этой очаровательной теологии любви. Бог Иисуса — не роковой властелин, убивающий и осуждающий нас, когда ему заблагорассудится, спасающий, когда ему угодно. Бог Иисуса — наш отец. Бог Иисуса не пристрастный деспот избравший Израиль своим народом. Это бог человечества. Иисус не будет патриотом как Маккавеи, теократом как Иуда Гавлонит. Смело возвышаясь над предрассудками своей нации, он установит учение о боге — всемирном отце».

Л. Толстой «Соединение и перевод четырех Евангелий»:

> «Для того же, кто понял истинность Иисуса и сыновность его Богу так, как они объяснены в I-й главе, предания о голубе и голосе с неба, по меньшей мере, излишни. По прежнему учению Бог был отдельное существо от человека. Небо обиталище Бога, и сам Бог был закрытым для человека. По учению Иисуса небо открыто для человека. Общение Бога с человеком установлено. Жизнь человека от Бога, и Бог всегда с человеком, и потому сила Божия сходит к сыну человеческому; человек познает ее в себе и восходит на небо. *Человек из себя познает Бога.* В этом и заключается наступление царства Божия, которое проповедовал Иоанн и подтверждает Иисус. Здесь же уже неизбежно значит свобода, а не власть, потому что противополагается учению книжников. Книжники имели власть, и потому не могло быть сказано: имея власть, а не как книжники (имеющие власть). Противоположение тут в том, что книжники именно потому, что имели власть, учили несвободно, а Иисус учил свободно: т.е. что учение книжников (как оно и было) считало людей рабами Бога, несвободными, а по учению Иисуса люди были свободны. При таком объяснении понятно и то, чему мог восхищаться народ. Если бы Иисус учил как власть имеющий, т.е. с дерзостью и нахальством, то народу бы нечем было восхищаться. Это фарисеи и книжники умели гораздо лучше. Но, очевидно, что-то другое было в его учении. И это другое было то, что он учил свободно, как свободный от всех уз».

— Наконец, и это как мы видим не главное в его проповеди, он выступил против обрядности языческих элементов в иудаизме, против поклонения «букве» и «храму», против бессмыслен-

ных ритуалов, существо которых в старом магическом культе идолопоклонничества. Ибо истинная религия — это религия духа и истины, и он это подчеркивает; она не нуждается в храмах и в омовениях, чтобы молится, а церковь там, где двое собрались во имя его, то есть во имя истины и духа. Об этом очень много написано у Ренана и у Льва Толстого в «Соединении и переводе четырех Евангелий»

Как мы могли видеть, символ веры философии Христа никак не связан с Единобожием Ягве или Аллаха. Символ веры Христа — это Царствие Божие Платона, и поиски силы и здоровья духовной энергии, которая берет начало в этом Мире Идей Платона. В этом смысле Святая Троица действительно вполне может служить символом философии Христа: Отец как Царствие Небесное (то есть интеллектуальная форма космоса, законы природы и мышление), Святой Дух — как поиски духовной энергии, и Сын Человеческий, то есть мышление человека, которое имеет прямой доступ в это Царствие Небесное через свой интеллект и законы духовной энергии, написанные в его сердце.

Не так обстоит дело в иудаизме и исламе, где культ Единобожия всесильного Бога — есть основной символ веры — особенно в исламе. В Иудаизме, как мы видели, позиции разделились на ягвеизм и элогизм. Однако, ислам вернулся к узости и фанатизму первоначального ягвеизма.

3) Единобожие Магомета

Ренан часто замечает, что ислам — это возврат арабских племен к национальному ягвеизму иудеев, которые вышли из этого младенческого периода с победой движения пророков (профетизма) и становления христианства, как общечеловеческой универсальной религии. Однако, не только Ренан склонен отождествлять национального Ягве иудеев и исламского Аллаха. Таково же мнения придерживался Гегель. Куно Фишер так излагает позицию Гегеля:

> «Иудейское понятие бога, освобожденное от всякого иудейского партикуляризма, эта идея абстрактного единого и есть магометанская идея бога. Это уже не Ягве, а Аллах».

Т. Карлейль пишет в эссе «Магомет» («Почитание героев») о Коране:

> «Содержание этой книги составляют голые пересказы традиций и, так сказать, импровизированная, пылкая, восторженная проповедь. Магомет постоянно возвращается к древним рассказам о пророках, насколько они сохранились в памяти арабов: как пророк за пророком, как пророк Авраам, пророк Гад, пророк Моисей, христианские и другие пророки появлялись среди то одного, то другого племени... Я мало придаю значения этим восхвалениям Аллаха, восхвалениям, которые многие так ценят; Магомет позаимствовал их, я думаю, главным образом у евреев; по крайней мере, они значительно уступают восхвалениям этих последних».

Анри Массэ пишет в книге «Ислам», что некоторые места Корана по мнению специалистов сильно напоминают древнесирийские тексты.

Анри Массэ «Ислам»:

> «Таухид (единобожие) прямо противоположен ширку (многобожию), сторонники которого (мушрикун — те, кто присоединяет к аллаху другие божества) часто подвергаются нападкам в последних частях Корана, где они выступают почти наравне с неверными (кафирами). В трудах по правоведению слово мушрик также часто употребляется для обозначения неверных, как и кафир. Каков же Аллах Мухаммеда? Аллах — не только эквивалент древнееврейского Ягве (не Элогима, так как он един), на которого он походит своим ревнивым и мстительным характером. Можно набрать целую коллекцию эпитетов этого бога, рассыпанных по Корану. Впоследствии благочестивые мусульмане составили перечень „самых прекрасных имен аллаха“ числом ровно сто. Из всех этих эпитетов создается образ „существа самодовлеющего, всемогущего, всеведующего, всеобъемлющего, вечного, единосущного“ (Макдоналдс)»

Увы, вряд ли уместно говорить и о том, что арабский Ягве свободен от еврейского национализма (партикуляризма, как говорит Гегель). Так, источники указывают на тот факт, что Магомет несколько изменил легенду о происхождении религии Авраама,

сделав его отцом арабского племени, тогда как избранность иудейского племени базировалась на утверждении, что Аврам — отец еврейского народа и еврейской религии.

А. Массэ «Ислам»:

> «Следует напомнить, что в мекканских сурах Авраам выступает в качестве одного из пророков, предшествовавших Мухаммеду, вне всякой связи с арабами. В мединских же сурах, после разрыва Мухаммеда с евреями, деятельность Авраама стала связываться непосредственно с арабами: согласно Корану он со своим сыном Исмаилом создал не только мекканское святилище, но и чистую первоначальную религию, ту самую которую стремится восстановить Мухаммед, и которую исказили евреи и христиане».

К. Хорри, П. Чиппиндейл «Что такое ислам»:

> «Исмаил стал родоначальником арабского народа, тем самым доказав, что избирая арабов, аллах проливает на них особую благодать, и в частности возвещает последнее откровение через прямого потомка Исмаила — Мухаммеда».

М. Мутаххари «Иран и Ислам»:

> «Во многих книгах по фикху приводится рассказ, который с одной стороны говорит о неприязненном отношении арабов к другим народам, а с другой — об удивительной победе ислама над фанатизмом. Однажды несколько человек из иранцев пришли к Повелителю Правоверных с жалобой на арабов и заявили, что посланник аллаха не допускал никакой разницы и привилегий между арабами и неарабами, средства казны разделял поровну. А сегодня арабы говорят о наличии у них привилегий перед нами. Али мир ему ушел побеседовать с арабами об этом деле, но беседа оказалась безуспешной. Арабы громогласно заявляли нельзя нельзя. Али сильно огорченный этой беседой вернулся к иранцам и сказал к великому сожалению они не готовы быть с вами равными и поступить с вами как с равноправными мусульманами. Муавийа в своем знаменитом письме наместнику Ирака Зийаду ибн Абиху писал: следи за иранскими мусульманами. Никогда не допускай чтобы они были равны с арабами. Араб имеет право жениться на их женщинах, но они не имеют права жениться на арабках. Араб имеет право унаследовать у них, но они не должны наследовать арабам. Оплата их труда должна быть самой низкой, им следует поручить тяжелые работы. В присутствии араба

> неараб не должен быть имамом при намазе, и он не должен стоять в первых рядах. Не доверяй им охрану границ и судейские дела». Подобных примеров, говорящих о наличии в исламском мире дискриминации и признании различий между арабами и неарабскими мусульманами, а также о борьбе пречистых имамов с такой политикой, в истории ислама встречается немало. И одного этого уже достаточно для того, чтобы иранцы, которые с одной стороны больше других стремились к исламской духовности и истине, а с другой стороны как никакой другой народ пострадали от такой дискриминации, стали сторонниками семейства Пророка».

Кардини подтверждает слова Мутаххари о выраженном национализме арабов.

Ф. Кардини «Европа и Ислам»:

> «Арабы и берберы по настоящему никогда не смешивались друг с другом: представители арабской знати, считавшие себя единственными подлинными наследниками Пророка, презирали африканских выскочек».

Действительно, если сравнить образ грозного Ягве и с Аллахом, то единый источник этого культа Единобожия становится очевидным.

Э. Ренан «История израильского народа»:

> «Итак, Синай был прежде всего горой ужаса. Некоторые места считались такими священными, что по ним проходили не иначе как сняв с ног обувь. Распространено было поверье, что нельзя было увидеть бога и остаться живым. Лик его, напоминал голову Медузы, которую не может видеть живущий. Культ Синая отныне становится основой всей израильской теологии. Израильтяне настойчиво утверждали, что здесь именно Ягве впервые явил свой лик в огне. Ягве у евреев той эпохи обитает на Синае, подобно тому как Зевс и греческие боги жили на Олимпе... Несомненно, все же, что в древнюю эпоху Ягве был предметом идолослужения. Ему часто придавали образ золотого тельца, иногда народ предпочитал приписывать ему свойства змея, в иных случаях изображением Ягве служил тоже египетский крылатый диск. Этот символический изображение Ягве называлось эфод, также как одежды левитов.

Убивать без пощады — представляется им идеальным принципом воина Ягве. Щадить побежденного, повинуясь чувству гу-

манности, — величайшее преступление. Текст идеального законодательства, появившийся почти одновременно со школой Илии, грозит херемом, — т.е. отлучением, влекущим за собой смерть, — всякому израильтянину, который будет приносить жертвы другому богу, кроме Ягве. Таким образом, семитический «херем» стал орудием преследования, фанатизма. Национальный бог Израиля становится неограниченным божеством; навязывать его культ — значит навязывать догму. Этот народ склонен к фанатизму — это ясно; но фанатизм в его среде не будет носить такого чисто разрушительного характера, как у деятелей ислама.

Кто достигает могущества в чем-нибудь в присутствии Ягве — становится соперником Ягве. Так называемый мусульманский фатализм, в сущности не отличается от ягвеистского. Ревнивый к своей славе, чувствительный в вопросах самолюбия, Ягве ненавидит человеческие стремления. Его оскорбляют попытки человека познать мир и сделать его лучше. Напрасно человек захочет стать его сотрудником. Ягве любит совершать свои дела через вдов и бесплодных женщин, чтобы не пришлось ни с кем делить славу...Велик один лишь Ягве. Он любит предавать позору богатых и сильных, унижать то, что высоко вознеслось, кедры ливанские, дубы басанские, горы. Гордость — главное преступление. Благочестие, а также мудрость требуют не полагаться на человеческую силу. Одна из причин, в силу которых он любит низвергать идолов, заключается в том, что идолы — произведения искусства, сделанные из дорогого материала».

Из приведенной цитаты можно видеть, что национальный Ягве в иудаизме был не более, чем — идолом; антропоморфной абстракцией, в которой сосредоточена вся сила и движущая энергия этого мира, и которая может только приказывать, одаривать милостью за послушание и жестоко наказывать за ослушание ее воли. В принципе еще никакого значимого отличия от тотемизма и отношения аборигенов к своим тотемам. Все тот же пожирающий страх сверхъестественной силы, все

то же поклонение, жертвоприношения, магические ритуалы и отношения господства и поклонения. Ничего такого, что напоминало бы поиски духовной энергии, царства божьего или самоотречения в пользу любви здесь обнаружить не удается. Стандартная «загрузка» поля Эгосистемы. Все то же самое мы находим в описании отношений «всемогущего» Аллаха и «богобоязненных рабов», основная задача которых признавать абсолютную исключительность Аллаха и поклонятся ему. Коран: «Поистине Аллах не прощает, если ему придают сотоварищей, но прощает то, что меньше этого, кому он пожелает (4, 116)»; «Боже, Господь наш и владыка всего, я свидетельствую, что все рабы [Божьи] («ибад) — братья»; Возвести рабам Моим, Что всепрощающ Я и всемилосерд, Что наказание Мое мучительно. (15:49–50)».

К. Хорри, П. Чиппиндейл «Что такое ислам»: «Мусульмане категорически отвергают политеизм как „ширк“, самый тяжкий грех — признание других богов кроме аллаха, отрицание его абсолютного главенства над вселенной. В этом грехе обвиняются буддисты, христиане, зороастрийцы и последователи племенных религий в Африке. Поэтому борьба против язычества — это главная миссия ислама»

М. Мутаххари «Иран и Ислам»:

> «Единобожие имеет несколько ступеней, а именно: сущностное единобожие, атрибутивное единобожие, действенное единобожие и культовое единобожие. Сущностное единобожие предполагает бесподобность и неповторимость Истинной Сущности. Все остальное основано на Нем и ограничено в Нем: „ничто не сравнится с Ним“ (Коран, 42,11) и „лишь для Него — наивысшие ступени всех сравнений“ (Коран 30, 27). Атрибутивное единобожие означает, что все совершенства сущности бога тождественны самой его сущности. И если он Знающий, Могучий, Бессмертный или Свет — то эти атрибуты в полном смысле слова являются самой его сущностью. Он в полном смысле слова является Единым, Единственным и Неповторимым. Действенное единобожие предполагает, что фактически воздействующей и влияющей на всю систему бытия является исключительно только божественная сущность. Порядок в системе причинно-следственных отношений представляет собой направленный поток воли истинной

> сущности. Он — бытие всего мира, и нет ему сотоварищей в его владениях. Культовое единобожие означает своего рода отношение раба Божьего к своему Творцу, то есть человек должен уповать на него и поклоняться ему как единому по сущности и по атрибутам: „Было велено им лишь одно — поклоняться богу единому верой искренней" (Коран, 98,5)».

А. Массэ «Ислам»:

> «В Коране Авраам фигурирует несколько раз, снабженный определением ханиф». (например 3, 89; 6, 79, 162). Этим словом в эпоху до Мухаммеда, видимо обозначали людей которые не исповедуя ни иудаизма ни христианства, стремились к религии более свободной от догматов и обрядов, к высшему единобожию. Мухаммед не проводит четкого различия между иудаизмом и христианством; он относится с уважением к обеим этим религиям, обладающим богооткровенными книгами. Позднее он открыто отбросит и то и другое вероучения, чтобы прийти к единобожию, основной, изначальной религии. «И было им повелено только поклоняться Аллаху, очищая пред ним религию, как ханифы выстаивать молитву, приносить очищение» (К 98,4)»

Тауфик Ибрагим «Коранический гуманизм»:

> «То же неверие, которое Коран объявляет единственно непростительным грехом, — это скорее такое, что обусловлено горделивым упрямством, фанатизмом, корыстными соображениями, опасением за личное благополучие и т. п. Ведь Пророк сказал: «Бог не покарает Адом кого-либо из рабов Своих, разве только надменного бунтаря (*аль-марид аль-мутамаррид*)» Как раз этот тип непростительного неверия часто упоминается в Писании».

Все эти авторы подтверждают нашу мысль о том, что культ коранического единобожия есть принцип прямо противоположный культу самоотречения в христианстве, вернее в философии Евангелия (что не одно и то же). Если самоотречение христиан — это то снятие эгозащиты, которое стало гениальной проницательностью христианства в сущность духовной энергии человечества, то культ единобожия — есть культ отношений господства и подчинения, который основан на эгозащите. Воинская честь («намус») у мусульман — это культ эгозащиты, ко-

торый берет свое начало в базисном культе грозного и гневного бога, подчиняющего людей своей власти: рабы перед более сильным, всегда господа перед теми кто слабее, как известно. В этом суть отношений эгозащиты — в господстве и подчинении. Мусульманский культ единобожия имеет в своей основе культ эгозащиты, тогда как христианство прямо противоположно ему — это культ снятия эгозащиты, самоотречения. Только буддизм имеет в этом смысле общее с христианством, и возможно, те пророки элогизма в иудаизме, о которых пишет Ренан. Национальный же ягвеизм также как ислам есть несомненно культ эгозащиты, и потому прав был Маймонид, когда назвал религию Христа прямо противоположной иудаизму.

4) Метафизика интеллекта и монотеизм

Как же нам судить о том, кто и в самом деле был язычником, а кто принес мудрость света о реальной духовной энергии человечества? Понятно, что «язычество» связано с полем эгосистемы, которое и породило магические культы аборигены и их «коллективные представления» — эти первые тоталитарные системы, которые К. Поппер торопился распространить на цивилизованные общества в качестве любого «коллективизма». Тогда следует делать принципиальное отличие между социализмом (коллективизмом) поля интеллекта и тоталитаризмом (коллективизмом) поля Эгосистемы. Понятно также, что зарождение этических религий в осевое время Ясперса, которое он характеризовал как конец мифологической эпохи и начало борьбы логоса с мифом, что зарождение этических религий, говорим мы, будет связано с проснувшимся разумом поля интеллекта.

Все монотеистические религии родились как борьба, объявленная разумом магическим ритуалам мифологической эпохи. Так родилась самая первая монотеистическая религия — Зороастризм. У Муртаза Матаххари в книге «Иран и Ислам» приводится подробный анализ становления зороастрийского монотеизма. Надо сказать, что М. Мутаххари — известнейший исламский уче-

ный 20 века иранского происхождения, который ставил себе задачей в упомянутой книге защитить иранский ислам от иранских сторонников зороастризма, и потому у нас нет оснований сомневаться в объективности его оценок зороастризма. Он пишет вслед за многими исследователями зороастризма, что зороастризм стал реакцией Древней Персии на магические ритуалы идолопоклонства с целью замены их этической религией монотеизма. Далее, самоотверженная борьба еврейских пророков с идолопоклонством своего племени привела к рождению другой монотеистической религии — иудаизма около 9—8 веков до н. э. Будда стал рационалистической реакцией на магическое идолопоклонство в Индии в 4 веке до н. э. Арабы в лице Магомета начали бороться с идолопоклонством лишь 15 веков спустя после Заратустры и Моисея, 11 веков спустя после Будды, и 7 веков спустя после Христа — в 7 веке н.э.

Каков рациональный смысл этой борьбы этических религий с магией идолопоклонства? Идолопоклонники, как мы могли видеть, это дикари, первобытное сознание которых еще неспособно к логической деятельности в традиционном смысле логики как операций обобщения, абстракции, дедукции и индукции, анализу и систематизации (а не в смысле мифологики Леви-Стросса). Об этом хорошо написано у Л. Леви-Брюля. Ментальная деятельность аборигенов — абсурдна, чтобы там не утверждал господин Леви-Стросс и его последователи, и эта абсурдность много раз засвидетельствована всеми очевидцами, которые имели контакты с той или другой первобытной культурой. Абсурдность эта и резюмируется в магическом идолопоклонстве, цель которого, как говорят сами аборигены, в том, чтобы умилостивить всесильные силы обожествляемой природы, внушающие им «сверхъестественный страх» и попросить их благосклонности, а также защитить себя от их гнева и мстительности.

С концом мифологической эпохи, или вернее, с началом конца этой эпохи, когда логическое мышление получает развитие, люди осознают глупость и абсурд подобных отношений с природой, и начинают понимать бога как Логос, как разум

вселенной, который ее создал и дал ей ее форму и законы. А первые этические религии — это первые поиски законов собственной психической энергии с тем чтобы развить духовную энергию психики и сохранить ее здоровье. Этические религии видят своей целью уже не магическое идолопоклонство с целью ублажения тотемов (в котором нет смысла, кроме растраты своей духовной энергии на глупости), а силу и чистоту духовной энергии человека. Поэтому они объявляют войну идолопоклонству и сосредотачивают свои усилия на сохранении и развитии духовной энергии. В этом суть протестов Заратустры, Исайи, Христа против жертвоприношений и ритуального культа, напротив, они утверждают первичность разума как источника духа, и говорят о том, что настоящая молитва не в храме и не в жертве, а в истине и духе.

Мы видели, однако, что становление мышления у человечества происходило не сразу. Незрелый интеллект имел своим следствием расщепленное сознание, где научному сознанию противостояла шизоидная эгозащита. Шизоидная эгозащита — это тоже язычество идолопоклонства, поскольку это тот же детерминированный (механический) ток психики, не имеющий к духовности никакого отношения, только теперь его активность в фиктивном интеллекте формальной логики, а раньше была в не менее абсурдных магических ритуалах. В обоих случаях одна нелепая цель — защита несуществующего Эго, «ложного Я», как его обозначила гуманистическая психология.

Для научного сознания в отходе от язычества магических ритуалов важен факт отказа от автоматизмов эгозащиты механической энергии психики, и переход, таким образом, к разуму и к происходящей из него духовной энергии. Для научного сознания совершенно не важно сколько богов повлечет за собой отказ от язычества, — один бог, два бога, три бога или сто богов. Монотеизм следует из научного сознания только на том логическом основании, что интеллект один, но если вдруг их бы оказалось много, то их было бы столько сколько нужно для осуществления научной деятельности.

Для шизоидной эгозащиты, существо которой в утверждении устойчивого Самолюбия, совершенно обратная ситуация имеет место. Здесь как раз исключительной важности становится вопрос Монотеизма, единого бога, который не хочет, не может и не будет иметь никаких «сотоварищей» и «соучастников» в делах своей славы. В этом смысле характерна борьба олимпийских богов греческой мифологии за превосходство и ревнивая бдительность своего всемогущества у Зевса-громовержца; но гораздо более характерна мифология бога-Ягве иудейского монотеизма. Как пишет Ренан самым большим грехом в отношении этого бога Ягве является гордость и наглость иметь достоинство, опираться в чем то на свои силы, поскольку этим обирается слава Ягве, единственно великого. Вот этот образ ревнивого громовержца, способного на истребление целых народов за одно лишь ослушание его воли, способного умертвить любого кто взглянет на его лик славы и величия — это типично для эгозащиты, но не имеет ничего общего с научным сознанием. Самолюбие, как защита Эго — это исключительность Эго, его силы, славы, величия, которое проявляется в насилии над окружающим миром, в установлении своей абсолютной власти над ним. Эта ревность и зависть к славе и претензиям на величие у кого-либо другого — все это типичная симптоматика эгозащиты поля эгосистемы, и в так же не характерно для поля интеллекта. Монотеизм, таким образом, если подчеркивается его самостоятельная ценность, не связанная с естественным логическим выводом из однородности интеллекта, всецело происходит из шизоидной эгозащиты.

Томас Пейн «Век разума»:

> «Именно из-за того, что было отклонено свидетельство, какое представляют собой мироздание и дела божьи для наших чувств, а также действия нашего разума над этим свидетельством, было сфабриковано и учреждено такое множество диких и причудливых религиозных систем. Возможно существование многих религиозных систем, которые не являются дурными в нравственном отношении, а во многих отношениях даже нравственно хороши. Но может существовать только ОДНА истинная религия. И она необходимо должна во всем

> согласоваться с вечным словом божьим, которое мы созерцаем в его деяниях. Человек может открыть Бога лишь с помощью своего разума. Отнимите разум, и человек окажется неспособным понять что-либо; тогда будет все равно, кому читать Библию — лошади или человеку. Как же можно отвергать разум?»

В этом смысле исламский Аллах мало чем отличается от иудейского Ягве. Нашей задачей является выяснить, имеет ли исламский Аллах двойника Элогима подобно тому, который Э. Ренан обнаружил у еврейского Ягве? Т. Карлейль пишет подобно Ренану о непреходящем и универсальном значении книги Йова для всего человечества. Ренан причислял к этому списку также Декалог, Книгу Союза и проповедь Амоса, обоих Исайи.

ГЛАВА 17. ЯЗЫЧЕСТВО ИСЛАМА

> «Я, как и вы, считаю фанатизм чудищем, тысячекратно более опасным, чем философский атеизм. Спиноза не позволил себе ни одного дурного поступка. Шастель и Равальяк — оба набожные — умертвили Генриха IV. Кабинетный атеист почти всегда — спокойный философ, фанатик же всегда мятежен»
>
> *Вольтер Философский словарь*

1) Иррациональность ислама.

2) Материализм ислама. Судный день, рай и ад.

3) «Священное рабство» (ибада) ислама

4) «Магия коллективных представлений» (тоталитаризм) ислама

5) Джихад и самоотречение Суфиев

6) Воинская честь (намус) и священная война (джихад)

7) Столкновение цивилизаций

Как представляется, все что связано, так сказать, с «исламским Элогимом», то есть со здоровой частью исламского расщепленного сознания, нашло свое яркое проявление в халифате Аббасидов, этого сказочного периода арабо-персидской цивилизации который называют также исламским Возрождением. Об этом периоде исламской истории мы поговорим в следующей главе. Сейчас же нам важно узнать насколько подтверждается теория о том, что ислам в нынешнем его виде есть по существо продолжение той языческой традиции, яростным борцом с которой он себя объявляет.

Анализ теории и практики ислама однозначно свидетельствует о том, что в противоположность философии Христа, которая есть синтез метафизики платонизма и иудейской философии самоотречения, ислам, напротив, не содержит в себе ни метафизики, ни философии самоотречения. В этом и состоит различие между полем интеллекта и полем эгосистемы.

1) Иррациональность ислама

Обычно мусульмане активно защищаются от многочисленных обвинений в иррациональности их религии, которую невозможно не заметить. Они утверждают, как например Муртази Мутаххари в книге «Иран и Ислам», что ислам, напротив, — самая «рациональная» и самая «логичная» религия из всех, которые когда-либо существовали на белом свете. Вслед за этим обычно ссылаются на халифат Аббасидов, чтобы доказать рациональный характер своей культуры.

Действительно, в период этой арабо-персидской или персидско-арабской (как утверждает Мутаххари) цивилизации ислама, наблюдался всем известный расцвет мусульманской схоластики, расцвет платоно-аристотелевского философствования исламских мыслителей, которые переводили тексты древних философов, давали к ним комментарии и старались интерпретировать на их основе Коран и другую мусульманскую литературу. Рациональная философия ставит фундаментом своих рассуждений разум, и потому философы стремились понять ислам с точки зрения разума.

Однако, всем известно чем закончилось это «Возрождение» ислама. Богословы сразу поняли, что такая рационализация приведет к полному отрицанию Корана и объявили войну философам, которые всегда, как замечают источники, держались в стороне от исламского общества, опекаемые халифами. Результатом этой войны стала схоластика ислама — калам, которая ставила себе противоположную цель: интерпретировать рациональную философию на основе Корана. Калам, таким

образом, уже положил конец всем попыткам интерпретировать ислам на основе рациональной философии, поскольку рационализм жив только до того момента, пока разум и опыт ставятся выше догмы. Известно, что самым известным и самым почитаемым схоластом мусульман является аль — Газали, суть работ которого и сводилась к тому, что он объявил войну всем, кто пробовал интерпретировать Коран с рационалистических позиций. Газали однозначно утвердил догму Корана над всяким рационализмом, подобно тому, как Маймонид утвердил догму Торы над разумом. Газали умер всего за пару десятилетий до рождения Маймонида, который был личным врачом мусульманского султана Саладина.

Спиноза возмущается такой позицией Маймонида, поскольку в понимании Спинозы отвергать первичность разума, значит, отвергать самого бога, который и есть разум. Однако, позиция Маймонида, который считал Евангелие Христа, отрицающим Тору, вполне логична для его мировоззрения. Они разошлись со Спинозой и в оценке философии Христа. Спиноза яркий представитель греческого рационализма и европейского рационализма Возрождения. Поэтому его критика Священных писаний наиболее ценна для нас, рационалистов.

Итак, Коран никогда не претендовал на то, чтобы быть рациональной философией, и в лице Газали навсегда отказался от какой бы то ни было связи с рационализмом. В то же самое время, нет никакого сомнения, что это книга стала главным объектом магического поклонения, — поклонения, которое в этом смысле ничем не отличается от поклонения арабских варваров идолам Каабы. Так, весь текст Корана считается магическим, поскольку он вдохновлен сверхъестественными силами.

Магомет и мусульмане называют это «вдохновленным Богом», но Бог не посылает магические тексты, Бог говорит человеком только через интеллект, только через наука и знание законов природы, которые он установил. Если какой-либо текст не содержит никакой интеллектуальной информации — то есть не является математикой, физикой, химией, психологией и тп —

то этот текст ничего божественного в себе не несет и не может нести. Потому что метафизика может быть связана только с интеллектом, только с законами природы, только с «творением» в этом смысле интеллектуальной формы космоса. И даже в этом случае, текст не может быть священным, хотя священны знания, которые человек накапливал в ходе научного прогресса. Но именно поэтому любой текст всегда не только может корректироваться, но должен корректироваться по мере накопления знаний.

К. Хорри, П. Чиппиндейл «Что такое ислам»:

> «Принятие каждого слова Корана как истинного слова Аллаха — неукоснительный долг всех мусульман. Предположение будто Мухаммед (или любой другой человек или дух) был автором Корана или какой-то его части, отвергается категорически... Суры посылались на арабском и поскольку изменять слово Аллаха грешно, арабский является священным языком ислама. И то, как произносят текст Корана на языке оригинала, особая комбинация слов и ритмических ударений — важный компонент его величия. Заучивание наизусть большого количества строк из Корана — важный элемент мусульманского благочестия. Коран также в центре внимания арабского искусства. Скептик может заметить, что Аллах, ниспославший эту суру и ряд других, как то подозрительно мелочен и ограничен для того, чтобы быть богом всех людей. Но мусульмане твердо уверены в том, что Мухаммед в суры не привносил ничего от себя»

А. Массэ «Ислам»:

> «Но в начале своей деятельности Мухаммед испытывал еще более сильное влияние арабского язычества. Прорицатель играл главную роль во времена арабского язычества. Видения кахина как полагали, исходили от нечистой силы (джинна, шайтана). Кахин выражался туманно, заклятиями. В самых древних частях Корана встречаются такие же заклятия. С другой стороны понятно и то, что Мухаммед отрицал это (52, 29; 69, 42; 81 22) и объявил себя врагом поэзии (26 221), что не мешало ему при случае использовать при случае талант поэтов. Гольдциер правильно распознал в предписаниях Корана, с одной стороны, реакцию против варварской усложненности языческих обрядов, а с другой — собрание правил, носящее эклектический характер. Например, обряды паломничества восприняты от арабского язычества; обряд молитвы связан с восточным христианством; пост

> представляется подражанием еврейскому посту покаяния. Гольдциер различает в нем также следы гностицизма и парсизма».

Совершенно иначе обстоит дело с поклонением Корану, которое в этом смысле является выраженным магическим ритуалом язычества. Спиноза говорит тоже самое и в отношении иудеев, которые поклоняются букве своей священной книги, и предостерегает их от идолопоклонства. Как всякий рационалист, он показывает им разницу между «сверхъестественным светом» неправды и «естественным светом» законов природы, познаваемых разумом.

Спиноза «Богословско-политический трактат»:

> «Те, кто принимает Библию такой, какова она есть, за письмо божье, ниспосланное людям с неба, без сомнения, возопиют, что я совершил грех против святого духа, именно: утверждая, что это слово божье содержит ошибки, пропуски, подделки и не согласно само с собою и что мы имеем только отрывки из него и, наконец, что подлинник договора божьего, заключенного с иудеями, погиб... Впрочем, очень многие не допускают, чтобы и в остальное содержание Библии вкралась какая-нибудь погрешность, но утверждают, что бог в силу какого-то особенного предусмотрения сохранил неповрежденной всю Библию; различные же чтения, по их словам, суть знаки глубочайших тайн; то же самое они утверждают и о звездочках в середине параграфа, которых имеется; утверждают даже, что в самых значках над буквами содержатся большие тайны. Положительно не знаю, говорят ли они это по глупости и набожности, свойственной старым бабам, или же вследствие высокомерия и порочности, — чтобы их одних считали обладателями тайн божьих; знаю по крайней мере то, что я ничего у них не читал, что отзывалось бы тайною, но только детские рассуждения. Читал также и, кроме того, знал некоторых болтунов-каббалистов, безумию которых я никогда не мог достаточно надивиться. А что ошибки, как мы сказали, вкрались, то в этом, я думаю, не сомневается ни один здравомыслящий человек... Но, скажут, хотя божественный закон и написан в сердцах, тем не менее Писание есть слово божье, и потому сказать о Писании, что оно отрывочно и искажено, столь же непозволительно, как и о слове божьем. Я же, напротив, опасаюсь, не слишком ли они стараются быть святыми и не превращают ли они религию в суеверие; даже более: не начинают ли они почитать за слово божье изображения и отпечатки, т. е. бумагу и чернила».

Э. Ренан «Жизнь Иисуса»:

> «Иерусалим был тогда почти тем же, что и теперь, городом, исполненным педантства, язвительности, расовой ненависти и умственной узости. Фанатизм доходил там до крайности, религиозные смятения возрождались ежедневно. Властвовали фарисеи, единственным занятием которых было изучение закона, спускавшееся к самым ничтожным мелочам, ограниченное вопросами казуистики. Это было нечто подобное бесплодной доктрине мусульманского факира, пустой науке, что плодится вокруг мечети, с громадной затратой времени и диалектики, без пользы для хорошей школы ума. Наука еврейского книжника, софера, или писца была часто варварская, нелепая без исключения, лишенная всякого нравственного содержания. Иисус чувствовал, что он во враждебной среде, которая встретит его лишь презрением».

Европейские исследователи, даже те из них, кто наиболее благосклонно расположены к Корану (как Карлейль, который сделал Магомета своим героем), отмечают несвязность и отрывочность Корана, абсолютно чуждую европейской логической традиции

А. Массэ «Ислам»:

> «Лэйн-Пул довольно справедливо замечает: „Если отбросить еврейские сказания, повторения, призывы преходящего значения и личные требования, то речи Мухаммеда займут очень мало места“. Одной из основных черт Корана остается его отрывочность. Более того некоторые откровения являлись отрицанием не только предписаний прежних религий, но и коранических стихов, прежде произнесенных Мухаммедом: „Всякий раз, как мы отменяем стих или заставляем его забыть, мы приводим лучший, чем он, или похожий на него“ (2,100). Одним словом, Аллах не останавливался перед отменой ранее данных им предписаний. Эта особенность породила целую библиотеку комментариев к стихам отменяющим и стихам отмененным».

Т. Карлейль «Почитание героев»:

> «Но я должен сказать, никогда мне не приходилось читать такой утомительной книги. Скучная, беспорядочная путаница, непереваренная, необработанная: бесконечные повторения, нескончаемые длинноты, запутанности; совсем непереваренные, крайне необработанные вещи; невыносимая бестолковщина, одним словом! Одно

> только побуждение долга может заставить европейца читать эту книгу. Мы читаем ее с таким же чувством, с каким перебираем в государственном архиве массу всякого неудобочитаемого хлама в надежде найти какие-нибудь данные, проливающие свет на замечательного человека. Правда, нам приходится считаться с особенным неудобством: арабы находят в нем больше порядка, чем мы».

Необходимо также отметить, что магический (сверхъестественный) характер Корана привел к тому, что все попытки настоящих божьих людей, то есть рациональных и совестливых людей, толковать Коран иносказательно, как аллегорию, с тем, чтобы найти хоть какой-то рациональный смысл в нем, были жестко отвергнуты такими богословами как Ваххаб или Ханбал. Эти два основных теоретика суннизма доказывали, что только буква Корана имеет смысл, а все попытки философской или правовой интерпретации это грех «апостофии» (ваххабизм, ханбализм). Так были отвергнуты мутазилиты периода Аббасидов, иджтихадийа Мухаммеда Абдо, баббизм и бехаизм.

2) Материализм ислама. Судный день, рай и ад

Разные ученые обращали внимание на материализм учения Магомета, на полное отсутствие в нем какого-либо представления о метафизике интеллекта.

Т. Карлейль «Почитание героев»:

> «Рай Магомета исполнен чувственности, ад также — это правда; и в том, и в другом немало такого, что неприятно действует на нашу религиозную нравственность. Но мы должны напомнить, что все эти представления о рае и аде существовали среди арабов до Магомета, что последний только смягчил и ослабил их, насколько то было возможно. Чувственность в ее самом худшем виде была также делом не его лично, а его учеников, последующих ученых».

Б. Паскаль:

> «Я предлагаю судить о Магомете не по тем его утверждениям, которые кажутся темными или даже имеющими некий мистический смысл, а по самым что ни на есть ясным — по описанию рая и про-

> чему в том же духе. Вот уж где он поистине смехотворен! А так как ясное у него смехотворно, то видеть в его темнотах мистические откровения значит глубоко заблуждаться. Иначе обстоит дело с Евангелием. Пусть там будут места, неясностью своей приводящие в не меньшее недоумение, чем неясности у Магомета, но наряду с этим есть и места, поразительные по своей просветленности, есть недвусмысленные и сбывшиеся пророчества. Так что ставить знак равенства между Евангелием и Кораном немыслимо. Нельзя смешивать и уравнивать их на том лишь основании, что и тут, и там есть темноты, обходя молчанием места, чья поразительная ясность побуждает относиться с глубочайшим почтением и к темнотам».

Бертран Рассел пишет в «Истории западной философии», что «мусульманская цивилизация обнаружила полную неспособность к самостоятельным умозрительным построениям в теоретических вопросах»:

> «Арабская философия как оригинальная система мысли не имеет важного значения. Такие мыслители, как Авиценна и Аверроэс, являлись по преимуществу комментаторами. В целом же взгляды философов, в большей мере интересовавшихся наукой, были заимствованы в логике и метафизике у Аристотеля и неоплатоников, в медицине — у Галена, в математике и астрономии — из греческих и индийских источников; у мистиков религиозная философия также имела примесь старых персидских верований. Авторы, писавшие на арабском языке, обнаружили известную оригинальность в математике и химии, в последнем случае как побочный продукт алхимических исследований. Мусульманская цивилизация в свои великие дни достигла замечательных результатов в области искусств и во многих областях техники, но обнаружила полную неспособность к самостоятельным умозрительным построениям в теоретических вопросах».

Действительно, Магомет никогда не говорил подобно Христу о Царстве Божием, зато он много и часто говорил о Судном дне. Магомет никогда не противопоставлял духовную жизнь — жизни плоти, зато он говорил о воскресении из мертвых и даже о жизни в могиле. Б. Рассел говорит по этому поводу, что представлениями о метафизическом мире не были характерны иудеям, зато они понимали Судный день и воскресение — как продление жизни, как будущею жизнь. Еще более справедливо это в отно-

шении ислама Магомета. Его Судный день и теория воскресения из мертвых — просто часть схоластических рассуждений, которые составляли комплекс эгозащиты (а не борьбы с ней). Не бойтесь умирать за всемогущего бога, ваша смерть не есть показатель слабости, придет Судный день, и вы получите за свои заслуги. Таким образом, всесилие человека в подчинении всесильному Аллаху оказывалось доказанным.

А. Массэ:

> «Действительно, арабы-язычники думали, что мертвые в могиле продолжают какое-то ограниченное существование. Ислам принял это верование, вследствие чего могила превращается в «предварительный ад или рай» (Макдоналд)». Учение о воскресении из мертвых и страшном суде, на котором все человечество предстанет перед аллахом на фоне рая и ада — вот ядро веры Мухаммеда. Этим учением он официально противопоставил себя концепции мира, уже сложившейся у арабов, которым он должен был передать послание Аллаха: ведь они помышляли только о земной жизни, ничего не зная ни о проклятье, ни о вечном загробном блаженстве»

3) «Священное рабство» (ибада) ислама

Известно, что поле Эгосистемы — это поле цикличного равновесия притяжений Самолюбия и Влюбленности, которое образует общества Левиафанов, то есть тоталитарные общества где воля господ поглощает волю рабов.

«Священное рабство» ислама вполне отвечает этим характеристикам, поскольку в его основе периодическое повторение магических ритуалов поклонения сверхъестественным силам, в основе которого именно отношения господства и подчинения. Когда аборигены совершали свои языческие культы магических ритуалов, эти ритуалы носили точь в точь тот же характер, что и «ибада» (религиозное послушание, священное рабство) ислама. Они поклонялись высшей силе, которую признавали всемогущей, признавая свое подчинение, принося ей жертвы и совершая самоистязания в качестве демонстрации послушания этой силе. Верили ли они одному такому идолу или нескольким — вопрос, как мы видим, уже совершенно второстепенный (тем бо-

лее что Дюркгейм уверяет, что аборигены выводили свой тотемизм из одной общей абстракции количественной силы). Здесь важно не скольким богам они поклонялись, а каков характер их общения с богом: интеллектуальный диалог научного освоения законов природы или же совершение бессмысленных магических ритуалов с демонстрацией подчинения воли?

К. Хорри, П. Чиппиндейл «Что такое ислам»:

> «Шахада («Нет Бога, кроме Аллаха и Магомет его Пророк») — символ веры ислама. Но для того чтобы оставаться в лоне религии, мусульмане должны выполнять четыре предписания, носящие название «ибада», или «покорность». Иногда это слово переводится как «Священное рабство» Ибада состоит из пятиразовой молитвы, налога для бедноты, поста рамадан, паломничества. Принятие шахады подразумевает твердое усвоение семи положений веры. Помимо таухида и рисаллы в них входит вера в ангелов (малаика);вера в безошибочность Корана и других пророческих книг, составляющих части Библии (китабуллах); вера в Судный день (йаумуддин), признание предначертаности мирских дел Аллахам (кадр), наконец вера в посмертную жизнь (ахира). Безоговорочное принятие всех семи постулатов шахады — первейший, главнейший элемент Пяти столпов ислама. Отрицание любой части шахады приводит к греху апостофии (отступление от ислама), который в крайних случаях карается смертью по кораническому закону. Джихад или «священная война» называют шестым столпом ислама. Обязанность участвовать в джихаде ради защиты ислама, согласно ведущему исламскому ученому Саиду Абдулу Ала Маудуди, «такой же первейший долг мусульманина, как ежедневная молитва или пост. Тот, кто запятнал себя ширком, является грешником, и его претензия на то, чтобы считаться мусульманином, сомнительна. Это просто лицемер, неспособный выказать свою искренность, а вся его ибада (религиозное послушание) и молитвы суть притворство, недостойная и пустая демонстрация благочестия»

Из этой цитаты можно наглядно видеть, что главная задача, которую ставит себе Магомет и ислам — это подавление рационального мышления с одной стороны, и магические ритуалы поклонения сверхъестественным силам — с другой стороны. Мы могли видеть, что Иисус ставил себе прямо противоположную задачу: освобождение религии от бессмысленных магических

ритуалов с тем, чтобы общение с богом стало «естественным светом разума», как его представляли Спиноза и Эйнштейн. Что бы сказали эти люди Христу, если бы он стал также смеяться над их ритуалами омовения (которые были заимствованы у евреев), как он смеялся над иудейскими ритуалами омовения? Практика жертвоприношений, храмовых культов — все это осуждалось теми, кто действительно восстал против магии язычества, еще со времен Заратустры и Исайи

К. Хорри, П. Чиппиндейл «Что такое ислам»:

> «Количество паломников, принимающих участие в ежегодном хадже, стало чудовищно большим. За несколько лет в страшной давке были затоптаны сотни людей. В 2006 году свыше 300 хаджи были забиты камнями. Это случилось на одном из этапов паломничества, когда надо кидать камни в столбы, символизирующие сатану. Кроме того размещение громадного количества копытных животных, которые надо ритуально принести в жертву, обеспечение питьевой водой — клубок постоянно растущих проблем».

Неслучайно поэтому, как всегда бывает в обществах-левиафанах, построенных на отношениях господства и подчинения, отношения между полами также построены на принципе господин-раб. Униженность и порабощенность женщин в арабском суннизме-ваххабизме стала притчей во языцех, а сами сунниты предпочитают абсолютные монархии, где вместо естественного или юридического права — поклонение магии Корана.

4) «Магия коллективных представлений» (тоталитаризм) ислама

Мы видели выше, что нет разницы между индивидуализмом и коллективизмом. Есть разница между двумя различными видами коллективизма: демократией (социализмом) с одной стороны, и тоталитаризмом с другой стороны.

Отличительная особенность первых в том, что их коллективизм базируется на индивидуальности — на развитом мышлении, самостоятельном анализе, относительной свободы воли

научного мышления. Эта рациональная личность становится частью коллектива через единый научный контроль и единую истину интеллекта, а также через поле совести и сочувствия, составляющие основные эмоциональные характеристики поля интеллекта. «Коллективизм» вторых напротив происходит из растворения личности в чудовище-Левиафане, где воля вождя или вождей поглощает волю народа, превращая его в рабов. Это становится возможным только в случае, если рациональная личность не развита и неспособна ни к мышлению ни к проявлению своей воли, то есть когда у населения доминирует магическое сознание поля Эгосистемы.

Первым специфику этого сознания как магию коллективных представлений обозначил Робертсон-Смит, который анализировал раннюю религию семитов (языческую), в том числе и арабов. Потом у него позаимствовали этот термин Дюркгейм, создатель социальной антропологии, и Леви-Брюль, величайший антрополог всех времен и народов. Существо «магии коллективных представлений» состоит в том, что они навязываются всему обществу страхом или силой, и не имеют ничего общего с критическим рациональным принятием или вообще с сознательным принятием. Это догмы, которые усваиваются насильно, под давлением страха сверхъестественных сил или прямого насилия общества.

К. Хорри, П. Чиппиндейл «Что такое ислам»:

> «Лейтмотив Корана — настойчиво повторяющийся призыв отказаться от язычества, признать Аллаха единым богом всех людей и жить в соответствии с его законами».

М. Мутаххари «Иран и Ислам»:

> «Действительно на заре ислама велось много военных действий. Но ислам — религия, имеющая общественный характер, она ответственна не только за индивидуальное, но и за коллективное счастье человечества. Кроме того ислам не одобряет принцип раздельности индивидуального и всеобщего счастья и принцип „Богу — богово, а Кесарю — кесарево“. Поэтому ислам объявил принцип джихада частью религии и претворял его в жизнь»

Э. Ренан «История израильского народа»:

> «Ягвеизм, стремящийся утвердится в эту эпоху, сильно напоминает будущий ислам. Общество представляет собой единое целое; Ягве награждает или карает всех сразу. Учение ягвеизма у пророков, так же как ваххабизм, как истинный ислам, содержит в себе начало принуждения путем угрозы карою, требуя от светской власти, чтобы она силою понуждала к исполнению нравственных законов. Крайности фарисейзма были естественным следствием этого направления, вернее — фарисейство родилось вместе с ягвеизмом. Идея еврейской теократии, наиболее крайнее выражение которой мы находим в исламе, или вернее в ваххабизме, махдизме и тп, породила инквизицию, соединение церкви с государством, систему взаимного сыска»

К. Хорри, П. Чиппиндейл «Что такое ислам»:

> «Наказания шариата не оставляют для провинившегося возможности реабилитации. Этот кодекс довольно жесток и строг и целиком основывается на доктрине кисаса — общественного воздаяния. Кисас же опирается на Ветхий завет, а именно на принцип „око за око, зуб за зуб", открытый Аллахом Моисею при первом же провозглашении Закона Моисею. Наказание за убийство или покушение на убийство — обезглавливание, за кражу — отсечение правой руки, за супружескую неверность, ложное обвинение в неверности или клевету — забивание камнями насмерть, за пьянство — жестокая порка до смерти. Возвращение к практике хадда в получивших независимость странах — в Пакистане, Иране, Мавритании, Саудовской Аравии и Судане — вторит стремлению мусульман вернуться к фундаментальным основам ислама. Но это возвращение к хадду похоже мало помогло в искоренении преступности и поэтому в Судане, Иране и Афганистане коранические рекомендации по умеренному использованию хадда явно игнорируются».

Спиноза «Богословско-политический трактат»:

> «Исайя учит как нельзя яснее, что божественный закон, принимаемый в безусловном смысле, означает тот всеобщий закон, который состоит в истинном образе жизни, а не в религиозных обрядах».

Тауфик Ибрагим «Коранический гуманизм»:

> «В основу смертного вердикта за отступничество от ислама средневековые факыхи положили возводившееся к пророку Мухаммаду изречение: „Кто переменит свою религию, убейте его!“. Данный хадис любят цитировать также современные ригористы, выдающие себя за защитников ислама. И подобно своим средневековым предшественникам эти экстремисты понимают отступничество (*ридда*, *иртидад*) не только как перемену религиозной принадлежности, но и в смысле отхода от „ортодоксальной“ трактовки догматов ислама или непризнания/несоблюдения того или иного предписания практического характера (например, салята или закята)».

Тауфик Ибрагим, этнический араб, который получил научную степень в Московском университете и один из духовных вождей мусульман России, утверждает в своей книге «Коранический гуманизм», что все зло ислама, которое потрясенное человечество может наблюдать изо дня в день — следствие всего лишь злонамеренных средневековых или современных «Ригористов», которые неправильно толкуют или слова Магомета, или же то что надо отменять из его слов, а что не надо, или же переводят неправильно, или наконец пользуются апокрифами из хадисов. А если, уверяет Тауфик Ибрагим, все сделать правильно, мир увидит самое гуманное и толерантное лицо в образе Магомета, которого мир до тех пор никогда не наблюдал. Начнем с того, что термин «Гуманизм», которым также пользуется Муртази Мутаххари, характеризуя ислам, здесь совершенно неуместен. Просто потому, что ислам отрицает само понятие личности, с которой связано происхождение гуманизма. Писание которое отвергает разум и волю человека — отвергает его личность, и значит отвергает гуманизм. То навязывание магии коллективных ритуалов, которые представляют собой ибада и шахада — есть прямое отрицание и даже разрушение личности, не говоря уже шариате и хадде — системах насильственного утверждения магии Корана, заменяющих рациональную правовую традицию действительно гуманистических цивилизаций. В этом смысле «доброта» Корана, которая проявляется в указаниях делится имуществом и «делать добро» соседям и знакомым — это только подачка инщему, которая не имеет ничего об-

щего с реальной добротой содействия и поддержания духовной энергии человечества. Духовная энергия личности оказывается раздавленной этим сверхмощным прессом нагнетаемой мистики, магических ритуалов и коллективного насилия обществ-Левиафанов.

Тауфик Ибрагим «Коранический гуманизм»:

> «Кораническо-пророческая гуманистическая установка, к другим проявлениям коей мы еще вернемся в нижеследующих разделах, была таким образом сформулирована в «Исламской декларации прав человека», провозглашенной Организацией Исламской Конференции (1990): «Все люди составляют единую семью, которую объединяет рабство Божье и Адамово сыновство, все они равны в отношении человеческого достоинства... Нет превосходства кого-либо из них над другим, иначе как по благочестию и добротворчеству»

Тауфик Ибрагим «Коранический гуманизм»:

> «Коранические откровения пронизаны мыслью о двух базисных принципах ислама — вере в единого Бога и добродеянии к Его творениям. В частности, айат 4:36 гласит: Поклоняйтесь Богу, Не придавая Ему соучастников, Делайте добро родителям и родственникам, Сиротам и беднякам, Соседям близким и соседям дальним, Товарищам [по занятию или по пути], Странникам и невольникам (4:36)»

5) Джихад и самоотречение Суфиев

Различные авторы пишут о том, что джихад наряду с ибадой и шахадой является шестью столпами веры мусульман. Так А. Массэ замечает:

А. Массэ «Ислам»:

> «Распространение ислама с оружием в руках являлось религиозным долгом. Война считалась справедливой, если она была предпринята с целью обратить людей в истинную веру. Мы были бы недалеки от истины, если бы сказали, что священная война стала одной из основных обязанностей каждого исповедующего ислам. Если Коран с одной стороны советует приводить людей на путь божий «с мудростью и хорошим увещеванием» (например, 16, 126), то с другой стороны мы находим в нем указание относительно «истребления «тех, которые не уверовали» (47,4) и сражений «на пути

> Аллаха» (2, 245). По-видимому Мухаммед не предвидел всех последствий священной войны. Тем не менее, та концепция, которая должна была стать руководящей (непрерывная борьба с немусульманами до тех пор, пока они не покорятся исламу) утвердилась вскоре после его смерти. Теоретически священная война есть долг, обязательный для всех мусульман мужского пола, свободных, здоровых телом и духом. Каковы же правила священной войны? Ее обязательно нужно вести с народом, населяющим соседние с исламом территории»

Тауфик Ибрагим пишет как обычно в «Кораническом гуманизме», что джихад сделали частью обязательного ислама средневековые ригористы, которые утверждали, что Магомет призывал к веротерпимости (Нет принуждения в религии!) только пока мусульмане были слабыми, и что другие аяты Корана отменяют эти миролюбивые заявления Пророка. Действительно, если книга не есть рациональная мысль, которая должна быть непротиворечивой, то она может в зависимости от настроений и склонностей интерпретаторов звучать у каждого совершенно в различном направлении, как различно направление ее стихов. Тауфик Ибрагим сам смеется над такой постановкой вопроса ригористов, цитируя арабскую пословицу: «Прибеднялся, чтобы закрепиться!». Он хочет сказать, что Магомет не мог давать таких аморальных распоряжений — делать вид, что ты уважаешь религию других пока ты слаб, а потом напасть с ножом. Тем не менее, дело обстоит именно так, и об этом пишет Тауфик Ибрагим.

Тауфик Ибрагим «Коранический гуманизм»:

> «Значительный отход от коранических заповедей общечеловеческой солидарности и этно-религиозного плюрализма связан с выдвинутой средневековыми богословами-факыхами милитантистской интерпретацией вооруженной борьбы/джихада, на которую ссылаются и современные радикалы, выступающие от имени ислама. Разработанная ими двумя-тремя столетиями позже возникновения ислама политико-правовая доктрина учит о наступательной войне/джихаде во имя продвижения религии и распространения власти ислама. С этих позиций они делят весь мир на две области — «территорию ислама» (*дар аль-ислам*) и «территорию войны» (*дар аль-харб*). Жителям второй области объявляется перманентная война, покуда они

> не обратятся в ислам или не подчинятся власти мусульман, выражением чего служит выплата *джизйи* (дани, подати).
> Прибегая к принятой в классической коранистике концепции об «отменяющем и отменяемом» (*насих* и *мансух*), согласно которой одни коранические откровения могут «отменять», модифицировать другие, более ранние, богословы-милитантисты считают, что эти два айата «отменяют» все исчисляемые сотнями предыдущие айаты из более 50 сур, заповедующих миролюбие и терпимость к другим вероисповеданиям. Отныне, утверждают они, Пророку и мусульманам было велено вести тотальную войну против иноверных: «людям Писания/Библии» предлагается принять ислам или платить джизйу, а язычникам — выбирать между исламом, джизйей и войной или же, по другому мнению, только между исламом и войной-378. С этой точки зрения толерантные откровения Корана относились исключительно к периоду, когда мусульмане были слабыми. Но как только они окрепли, им было заповедано перейти в наступление, сражаться до полной победы ислама во всем мире. Поэтому мирное сосуществование мусульманских государств с немусульманскими дозволено якобы лишь при нехватке сил для военного на них наступления. Такая теолого-политическая концепция не только искажает Коран и Сунну. Она чревата недостойным Божьей религии аморализмом. *Тамаскан ли-йатамаккан!* («Прибеднялся, чтобы закрепиться!») — говорится в арабской поговорке, даже на уровне простонародного сознания осуждающей подобную линию поведения».

Далее Тауфик Ибрагим противопоставляет джихаду — самоотречение суфиев, и говорит, что Газали развивал концепцию джихада как преодоления самого себя. То есть по сути Тауфик Ибрагим переходит с исламской теории власти и господства к христианской теории самоотречения.

Тауфик Ибрагим «Коранический гуманизм»:

> «Хорошо известно, что многие богословы классического периода, особенно среди суфиев (в частности, имам аль-Газали), различали участие в военных походах как «малый джихад» (*джихад асгар*), тогда как «великим джихадом» (*джихад акбар*) считали борьбу человека со своими дурными склонностями, его старания на пути духовного совершенствования. И в пользу такого понимания приводят слова Пророка, произнесенные им по прибытии из одного военного похода

> (согласно одной версии, — из Табукского похода): «Мы вернулись из малого джихада, дабы приступить к джихаду великому!» И в этом смысле звучит хадис: «*Муджахид*/борец — это тот, кто борется (*джахада*) с самим собою», Вспомним и о таком наставлении Пророка: «Воистину наилучший джихад — это слово правды (*«адль*, *хакк*) перед тираном (*султан джа'ир*)!» Из наставлений самого Корана следует, что джихад по-средством слова/аргумента выше джихада «мечом». Таковы, в частности, Божьи заповеди: *Кораническим [увещеванием] веди с неверными Великий джихад!* (25:52)»

Однако, большинство авторов пишет о том, что ислам считает суфиев (ирфан) откровенно еретическим учением, и видит его корни в буддизме, зороастризме и христианстве. В то время как священная война джихада в ее обычном значение — канонический ислам: «Секта суфитов, существующая и по сей день, — пишет Бертран Рассел в «Истории западной философии, — позволяла себе большие вольности в мистическом и иносказательном толковании ортодоксальной догмы; это толкование носило более или менее неоплатоновский характер».

6) Воинская честь (намус) и священная война (джихад)

Паскаль пишет в «Мыслях», что иудеям и мусульманам противен образ распятого Христа (чье распятие последние вообще не признают) потому что это символ слабости, которого они никак не могут соединить со своим представлением о боге. Бог бы уж точно не дал себя распять. Но, говорит Паскаль, мне люб Христос именно за то, за что им он противен, и мне не надо было бы другого Христа.

Б. Паскаль «Мысли»:

> «Магомет сеял смертоубийство, Иисус Христос посылал на смерть Своих учеников. Магомет воспрещал людям читать, апостолы требовали от людей, чтобы они читали. Короче говоря, они так противоположны друг другу, что если Магомет избрал путь к преуспеянию, желанному всем людям, то Иисус Христос избрал путь к смерти, сужденной всем людям; и не следует делать из этого вывод, что поскольку Магомет преуспел, то Иисус Христос тоже

> мог бы преуспеть: нет, следует помнить, что, поскольку Магомет преуспел, Иисус Христос должен был погибнуть»

Распятый Христос — символ самоотречения, «снятия эгозащиты», чем и стала его проповедь, как проповедь духовной энергии. Конечно, Христос не проповедовал слабость. Он не говорил — не собирайте богатств. Он говорил — собирайте богатства в Царствии Божием. Да, церкви трактовали это в материалистическом понимании будущей, загробной жизни, но истинный смысл — метафизический: берегите духовную энергию, она даст вам и материальное благополучие.

Эгозащита — это закон сохранения силы физического контроля, Снятие эгозащиты — это следствие закона сохранения силы научного контроля. Нельзя сказать, что христиане поклоняются слабости, а мусульмане — силе. Всем нужна сила. Однако, известно, что иудаизм и ислам не были метафизическими религиями, что они в основе своей чувственны и материалистичны.

Если ислам ищет силу власти, то научный контроль снятия эгозащиты ставит целью — духовную силу. Ренан говорит, что мусульманам не была понятна идея сыновней любви к богу Христа, которую тот противопоставил рабскому поклонению и ужасу сверхъестественных сил бытовавшему в язычестве, а потом в исламе. Магомет возмутился крайним возмущением против этой претензии на сыновнюю любовь с богом, а это как раз тот радикальный переворот в переходе от господства и подчинения язычества к отношениям нежности и братства духовной энергии, апостолом которой был Христос. Магомет требует давать подаяние нищим под страхом уголовного суда — Христос говорит «возлюби ближнего как самого себя»; Магомет требует «око за око, зуб за зуб» — Христос говорит «возлюби врага своего» и «не противитесь злому»; Магомет говорит «Сражайтесь с теми кто не верует в аллаха... пока они не дадут откупа своей рукой, будучи униженными) (9, 29) — Христос говорит своим ученикам нести свет истины людям, даже если их будут за это мучить и убивать.

Конечно, Христос говорит метафорами и поэзией, и он не мог сказать научным языком чем отличается позиция эгоза-

щиты от позиции снятия эгозащиты. Даже, Кьеркегор, который уже очень много сказал о теории психической энергии, говорит еще почти также туманно. Но и у Христа и у Кьеркегора и у других теоретиков теории психической энергии, которых мы приводили в этой работе, одинаково отчетливо выступает основная мысль о необходимости снятия эгозащиты для получения доступа к духовной энергии.

Мусульмане берегут «воинскую честь», тогда как Христос говорил «если ударят в одну щеку, обрати к нему другую». Понятно, что он не имел ввиду полную беззащитность перед злом, ибо он же сказал что принес меч. Но нигде он не сказал, что этот меч — военный или меч тщеславия. Потому он подчеркивает, что «честь», «тщеславие» не есть оружие борьбы, и никогда не защищайте тщеславие, говорит он — лучше подставьте другую щеку. В чем же сила Христа, в чем сила Логоса, воплощением которого он явился в Евангелии от Иоанна?

Разве христианская цивилизация — не есть мощь научно-технического прогресса, того самого прогресса, который проклинают мусульмане как «язычество поклонения технике»? Кто в конечном итоге оказался по настоящему силен — христианская метафизика, которая собирала богатства в царствии божием научного контроля и гуманизма, или мусульманская воинская честь, джихад и тоталитаризм? И представьте себе, что сегодня это мощь техники была бы сосредоточена в руках мусульман, остался бы на свете хоть один не обращенный христианин? Если бы остался, то только в качестве раба. Источники говорят, что Омейады препятствовали обращению христиан и иудеев, чтобы те продолжали платить налог и не смогли стать полноправными гражданами.

Научный прогресс — та сила Царствия небесного, те его богатства, которые люди с духовной энергией ставят приоритетной задачей, потому что нет иной метафизики кроме интеллекта. Снятие эгозащиты не есть самоотречение в истинном смысле слова — это отречение от ложного Я в пользу истинного Я, то есть отречение от поля Эгосистемы в пользу поля Интеллекта.

И только в этом случае, понятие бога кардинально меняется: это больше не ужас сверхъестественной силы язычников — это духовная энергия интеллекта, «сыновняя любовь» людей, наделенных мышлением, и имеющих доступ к Царствию Божьему интеллекта. И отношения людей качественно меняются от отношений господства и рабства — к нежной дружбе, сотрудничеству и юмору. «Возлюби ближнего своего как самого себя» — это манифест о том, что насилие рабских отношений осталось в прошлом.

Конечно, католическая и православная церковь очень далеки от реализации философии Христа — это и невозможно было сделать до открытия психической энергии уже в точных научных терминах. Но тем не менее, Европа не знает, что такое «убийства чести». Википедия сообщает, что такие убийства чести происходят в Саудовской Аравии каждый день.

> «Важную роль в философии мужчины-опекуна играет „намус“ (или „шараф“), которое переводится как „честь“. Согласно этому понятию, мужчина обязан защищать женщин своей семьи. Он главным образом опекает их и защищает женскую честь (ирд). Честь является важным моментом во многих патриархальных клановых обществах. Поскольку мужчина обязан опекать женщину и отвечать за их поступки, они должны вести себя благоразумно. Если опекун потеряет контроль над женщинами, то потеряет и честь в глазах общества и опозорится, рискуя стать козлом отпущения. Намус связан также с убийством чести. Если мужчина портит свою честь из-за женщины в его семье, он может наказать её. В крайних случаях он убивает провинившуюся женщину. Нередко только подозрения в нарушении правил становится достаточно, чтобы женщина подверглась насилию со стороны опекуна, который стремится сохранить свою честь. Практика убийства чести происходит в Саудовской Аравии каждый день· В 2007 году отец убил молодую девушку, когда узнал, что она общалась с молодым человеком по Facebook.. Случай получил широкий резонанс и огласку в СМИ Консерваторы призвали правительство запретить Facebook, потому что, по их словам, сеть подстрекает к похоти и вызывает социальную рознь, поощряя половое смешение. Сильнейшим позором для женщины является арест религиозной полиции в результате контакта с мужчиной-немахрамом. Так в 2009 году двух молодых девушек после ареста в результате

> общения с мужчинами, публично расстреляли братья, при присутствии отца».

Впрочем, в последнее время, после потоков мусульманских беженцев и Европа познакомилась с тем, что такое «убийство чести». 2 ноября 2004 года был убит голландский режиссер Тео Ван Гог, известный своей критикой ислама. Нападавший воткнул ему в горло нож, практически обезглавив его, как пишут СМИ. 29 ноября 2019 года Джек Меррит был зарезан мусульманином-мигрантом на Лондонском мосту. Джеку не было и тридцати лет, это он настоял на принятии закона о досрочном освобождении террористов и открыл программу по интеграции их в западную культуру. Один из таких террористов, слушавших его лекции, и зарезал его на мосту. Убитый горем отец Джека просил в открытом письме никого не винить и не копить в сердце зла, потому что Джеку бы это не понравилось. Молодой француз, офицер полиции был убит после того как предложил себя в обмен на заложника исламского террориста.

Широко нашумело убийство 7 января 2015 года двенадцати человек в редакции сатирического журнала Шарли Небдо, включая двух полицейских. Их расстреляли из автоматического оружия. Сатирический журнал Шарли Небдо печатал карикатуры, «на святыни христианства и ислама», как сообщает интернет. Широкую известность получил недавний случай (16 октября 2020) «казни» восемнадцатилетним мусульманином французского учителя Самюэля Пати, который показывал на уроках по свободе слова карикатуры на Пророка Магомета, опубликованные в Шарли Небдо. Этот парень просто отрезал голову французскому учителю. 30-го октября молодой мусульманин-мигрант напал на католическую церковь в Ницце, где погибло трое человек. Пресса говорит, что он перерезал горло католическому священнику 55 лет, и практически обезглавил прихожанку возрастом 60 лет. Население Европы оказалось один на один с оголтелыми фанатиками, действия которых европейское правительство толкует в духе философии «Толерантности» и «мультикультурности», в то время как беззащитное население режут,

давят автобусами, взрывают и расстреливают в точности как это делали в средние века сарацины. Согласно теории Анри Пирена, пиратские набеги сарацин стали «со второй половины 7 века решающей причиной кризиса в экономической, культурной и ментальной областях». Крестовые походы стали ответом замученных пиратскими набегами сарацин европейцев. Далеко ли до этого кризиса в современной Европе?

Андре Моруа в книге «Дизраэли» пишет о том, что Дизраэли выхлопотал пенсию для редактора сатирического журнала «Панч», когда тот собрался на заслуженный отдых, несмотря на тот факт, что этот редактор высмеивал его карикатурами на протяжении всей политической карьеры Дизраэли. Маслоу говорит о «философском юморе» здоровых людей в этой связи, у которых нет тщеславия и потому их нельзя задеть за тщеславие. Зато у них есть сильная потребность в свободе слова и в юморе. Все психологи сходятся на том, что чувство юмора важнейший показатель здоровья и зрелости личности. В то же время Ренан пишет, что ханжество мусульман мешает развитию у них чувства юмора.

Этот террор мирного населения Европы вряд ли можно считать экстремизмом радикальных элементов, как это обычно говорят, которые имеют мало отношения к «настоящему исламу». С. Хантингтон подчеркивает, что во все время своего существования ислам имел «кровавые границы» из-за «милитаризма и неперевариваемости», как он считает. Нам причина этих кровавых границ ислама видится в том же, в чем была причина кровавых границ Римской империи, которая также ставила целью мировое господство своего бога Юпитера. С той лишь разницей, что римская империя не была полностью языческой, и имела в себе движущие силы интеллекта и зачаточного научного знания, и потому несла еще цивилизацию в виде римского права и греческой философии. Ислам же не несет ничего кроме магического сознания и сакральных коллективных представлений своего племени.

Кровавые границы ислама
С. Хантингтон «Столкновение цивилизаций»:

> «Однако преобладающее большинство конфликтов по линиям разломов имело место вдоль границы, петлей охватывающей Евразию и Африку, — вдоль границы, которая разделяет мусульман и не-мусульман. В то время как на глобальном, или на макроуровне мировой политики основное столкновение цивилизаций происходит между Западом и остальным миром, на локальном, или на микроуровне оно происходит между исламом и другими религиями. Между соседствующими мусульманскими и не-мусульманскими народами — глубокий антагонизм и ожесточенные конфликты. В Боснии мусульмане вели кровавую и разрушительную войну с православными сербами и участвовали в вооруженной борьбе с католиками-хорватами. В Косове албанские мусульмане страдают под сербским правлением и сформировали собственное подпольное параллельное правительство, и между двумя группами сохраняется высокая вероятность насилия. Албанское и греческое правительства оказались в ссоре друг с другом, причиной чего стал вопрос о правах албанского и греческого меньшинств в этих странах. На протяжении всей истории турки и греки готовы вцепиться друг другу в глотку. На Кипре существуют враждебные друг другу государства турок-мусульман и православных греков. На Кавказе Турция и Армения являются историческими врагами, азербайджанцы и армяне вели войну за контроль над Нагорным Карабахом. В Синцзяне уйгуры и другие мусульманские группы ведут борьбу против китаизации и углубляют отношения со своими этническими и религиозными собратьями в бывших советских республиках. В Индостане Пакистан и Индия сражались между собой в трех войнах, мусульманское восстание ставит под сомнение индийское правление в Кашмире, переселенцы-иммигранты воюют с племенами в Ассаме, а мусульмане и индусы участвуют в периодически вспыхивающих по всей Индии беспорядках и в актах насилия, эти вспышки подпитываются ростом влияния фундаменталистских движений в обеих религиозных общинах. В Бангладеш буддисты протестуют против дискриминации, проводимой по отношению к ним мусульманским большинством, в то время как мусульмане Мьянмы протестуют против дискриминации буддистским большинством. В Малайзии и Индонезии мусульмане время от времени принимают участие в антикитайских бунтах, протестуя против господства китайцев в экономике. В Южном Таиланде мусульманские группировки вовлечены в восстание против буддистского правительства, в то время как в южной части

> Филиппин повстанцы-мусульмане борются за независимость от католического государства и правительства. С другой стороны, в Индонезии католики Восточного Тимора ведут борьбу против гнета мусульманского правительства. На Ближнем Востоке конфликт между арабами и евреями в Палестине ведет свое начало с создания еврейского государства. Четырежды вспыхивали войны между Израилем и арабскими государствами, а палестинцы участвовали в *интифаде* против израильского господства. В Ливане христиане-марониты вели безнадежную борьбу против шиитов и других мусульман. В Эфиопии православные амхары на протяжении всей истории угнетали группы этнических мусульман и боролись с восстанием мусульман-оромо. По всему Африканскому Рогу имел место ряд конфликтов между арабскими и мусульманскими народами на севере и анимистами-христианами из чернокожих народов на юге. Самая кровопролитная мусульманско-христианская война шла в Судане, она продолжалась десятилетия, и ее жертвами стали сотни тысяч человек. В нигерийской политике главной темой остается конфликт между мусульманскими народностями фульбе и хауса на севере и христианскими племенами на юге: постоянные восстания и государственные перевороты и одна крупная война. В Чаде, Кении и Танзании сопоставимые по размаху столкновения происходили между группами мусульман и христиан. Во всех этих районах отношения между мусульманами и народами иных цивилизаций — католической, протестантской, православной, индуистской, китайской, буддистской, еврейской — носили, как правило, антагонистический характер; в прошлом в большинстве случаев напряженность в какой-то момент выплескивалась в насильственные действия, и 1990-е годы также не стали исключением. На какой бы участок периметра ислама ни взглянуть, мусульмане никак не могут мирно ужиться со своими соседями. Естественно, возникает вопрос: будет ли в равной мере справедлива подобная модель конфликта конца двадцатого века между мусульманскими и не-мусульманскими группами, если ее перенести на отношения между группами, принадлежащими к другим цивилизациям? На самом деле это не так. Мусульмане составляют около одной пятой от всего населения земного шара, но в 1990-х годах они участвовали в намного большем числе межгрупповых актов насилия, чем люди из любой другой цивилизации. Свидетельств тому — множество».

Язычество Единобожия — это язычество абстрактного идола, порожденного шизоидным интеллектом. Тем не менее, поскольку и деревянные божки тотемов и шизоидное единобо-

жие имеют своим источником поле эгосистемы — это то самое язычество, с которым боролись и борются все пророки прошлого и современные просветители. Мы видели, что шизоидное Самолюбие привело к кровавой войне в древней Греции, которая и уничтожила эллинов. Мы видели тот же самый процесс в Римской империи. Иудеи, чье отвращение к милитаризму Ренан постоянно подчеркивает в «Истории израильского народа», настроили против себя весь мир своим аутизмом, замкнутостью своей общины, который они противопоставляли всему остальному миру. Ислам не стал ограничиваться аутизмом, но завоевывал все соседние территории «кровью и железом», навязывая догмы своей религии насильно. Мы видим кровавые границы ислама в современном мире, которые также есть кровавые границы устойчивого Самолюбия. Чрезвычайная болезненность шизоидного Самолюбия связана с его необратимым характером: если цикличная эгозащита переходит между притяжениями Влюбленности и Самолюбия, то есть от власти к подчинению, то абстрактная эгозащита шизоидов доказывает победу Эго и тем самым делает притяжение Самолюбия необратимым, постоянным. Это не устойчивое равновесие интеллекта — это всего лишь сломанное цикличное равновесие поля эгосистемы. В итоге Самолюбие не только не преодолевается, но достигает крайней уязвимости и болезненности. Этим объясняется отсутствие чувства юмора и жестокость в ответ на «удары по Эго» (то есть удары по закону сохранения силы психики физического контроля). Во многом такой шизоидной эгозащитой является Священное писание греков, каким были для них песни Гомера. Такова же и мифология римского бога Юпитера. Еще более выражена она в иудейском ягвеизме и исламском единобожии. Для современной Европы — идеальный образец такой шизоидной эгозащиты — философия Ницше.

Иудео-греческий синтез дал миру христианство, которое успешно противопоставило Самолюбию магического сознания — Царство божие поля интеллекта, отказ от эгозащиты и разделение духовного и плотского уровней существования

(психической и биологической энергий). Самое ценное, что принес с собой этот позднеантичный синтез — это философию снятия эгозащиты, поскольку только с этой философией начинается путь к реальной духовной энергии. В евангелии Христа — это еще смутная идея, выраженная в метафорах и притчах, потому не всегда верно толкуемая и понимаемая. Но все же уже достаточно ясная, чтобы противопоставить Самолюбию античного мира — новую философию снятия эгозащиты и поисков духовной энергии царствия божьего. Неверное толкование евангелия часто приводило к христианскому язычеству, что выразилось в догматическом богословии католиков и православной церкви.

В этом смысле ислам — дохристианское мировоззрение. Ислам формально говорит об универсальности, но универсальным может быть только интеллект, которому он себя противопоставляет. Поэтому, арабы, иранцы, турки — каждый на свой лад лепят из него национального бога, противопоставляя неправильному толкованию других. «Гуманитаризм», на который претендует Тауфик Ибрагим, конечно отсутствует в исламе, поскольку гуманитаризм неразрывно связан с понятием относительной свободы личности. Развитие же личности связано с полем интеллекта и научным мышлением. Гуманизм начинается там, где разум противопоставляется сначала мифу, а потом эгозащите, и таким образом научное сознание приходит к закономерностям общей человеческой природы. Социализм — это коллективизм гуманитаризма, то есть сообщество свободных и разумных личностей, основанное на естественном праве законов общей человеческой природы. Ни того, ни другого ислам не предполагает, поэтому свобода, наука, гуманизм, дружба несовместимы с мусульманскими сообществами. Вместе этого, характерность его сообщества составляют тоталитаризм, подавление личности, насилие, господство и подчинение, злорадство вместо юмора — все самые характерные черты поля эгозащиты. Поэтому то, что есть в Коране гуманитарного и социального остается только красивой поэзией, поскольку эта поэзия лишена фундамента в качестве метафизики интеллекта.

С. Хантингтон пишет, что противостояние ислама и христианства не носит случайного характера, но существовало на протяжении 14 веков в качестве выраженного антагонизма непримиримых мировоззрений. Это правда. Однако, неверно, что причины такого положения вещей в различии цивилизаций, как он считает. Цивилизация всего одна — научная, поскольку только интеллект имеет потенциал развития. Глобальное противостояние ислама и христианства — это противостояние двух антагонистичных полей сознания, поля эгосистемы магичного сознания и поля интеллекта рационализма и научного метода. Там же где христианство тоже деградировало до язычества (что неизбежно пока мифологический элемент не будет вычищен окончательно из метафизики интеллекта) — это обычное противостояние различных национальных богов, абстрактных шизоидных идолов.

7) Столкновение цивилизаций

Хантингтон связывает «возрождение» религий во всем мире после рухнувшего идеологического противостояния двух сверхдержав 20-го века с проблемами «идентичности» народов и их «индигенизации». Он считает все идеологии поверхностными когнитивными конструктами, тогда как традиционное магическое сознание — коренными отличительными признаками цивилизаций и составляющих их сообществ. Два «коперниковых переворота» в социальной науке сделали возможной такую точку зрения: один принадлежит Канту, другой — Шпенглеру. Оба называли себя коперниками гуманитарных наук, и оба внесли существенный вклад в разложение рационализма метафизики интеллекта, а следовательно научного метода.

Хантингтон исходит из неокантианской философии Риккерта, Дильтея, Вебера, и говорит о том, что столкновение запада и востока не есть столкновение разума и мифа, рационализма и иррационализма, а есть столкновений равноценных уникальных цивилизаций, где целью каждой является утвердить свою

идентичность, уничтожив идентичность противостоящих им цивилизаций. В принципе этот подход вполне принимает тоталитаризм Дюркгейма, Гегеля Шпенглера, которые тоже считали, что не разумная личность определяет общество, а напротив, институты общества, пусть самые неразумные формируют индивидов как представителей коллективных представлений этих обществ.

Хантингтон предсказывает плачевный результат, исходя из этой философии противостояния уникальных цивилизаций. Рано или поздно они нападут друг на друга, говорит Хантингтон, это очевидно. И мы должны быть готовы к этому уже сейчас; мы должны подчинить свою политику предвидению этой глобальной катастрофы, которая может привести к Темным векам варварства после уничтожения западной цивилизации.

Он восстает против мультикультурности (правильно) и обвиняет (как и М. Игнатьев) теоретиков поликультурных сообществ в ограниченности и оторванности от реальности. Однако, он противопоставляет этим идеям толерантности не доктрину единой научной цивилизации, как следовало бы, а идею об уникальности западной культуры, которая прыгает через голову, стараясь навязывать другим свою уникальную культуру в качестве «универсальных ценностей». В этом смысле «универсальные ценности» Запада представляются ему абстрактным нулем, не существующей в жизни фикцией. «Двойные стандарты», говорит он, которые являются лейтмотивом всей западной политики — неизбежная цена за попытки превратить свою уникальную цивилизацию в «универсальные ценности». Постольку поскольку эти ценности на самом деле интересны только самому Западу. В этой связи он видит решение в том, чтобы Запад начал защищать свои уникальные ценности от таких же уникальных ценностей других цивилизаций, не претендуя более на роль единой универсальной правды, которая выливается на деле в толерантность к враждебным цивилизациям.

Хантингтон прав в том, что Запад и Восток враждуют много столетий, и в том что война эта закономерна, так как отображает фундаментальный антагонизм этих двух культур. Однако, он

не прав когда сводит все к специфике различных уникальных цивилизаций. Противостояние запада и востока, со времен Геродотовских греко-персидских войн — это противостояния варваров и эллинов, поля эгозащиты и поля интеллекта. В этом суть самого глубинного пласта антагонизма между Западом и Востоком. Если бы рациональное мышление не было разрушено шизоидной немецкой философией — это было бы очевидно для всех

Однако есть и другой пласт, менее глубинный, но не менее значимый. Современный западный мир также не раз сходил с ума. Христианство также не раз превращалось в язычество с весьма кровавой доминиканской инквизицией, с Тарквемадой, с Лойоллой, с кострами для Бруно и Сервета. Бессмысленные войны Наполеона — другой хороший пример. Однако, настоящее сумасшествие началось после зарождения современной научной парадигмы, которая оформилась со становлением философии идеализма, антиинтеллектуализма и английского эмпиризма, дарвинизма, и получила полное развитие уже в диалектическом материализме Маркса, который синтезировал оба эти направления. Когда сегодня «конфуцианско-исламские» страны обвиняют Запад в язычестве, они тоже безусловно правы.

Дарвинизм, марксизм, позитивизм (в части своего биологизма), эмпиризм, разрушивший метафизику интеллекта, антиинтеллектуализм экзистенциализма, прямо отрицавших разум и познание — это очевидные симптомы «самоубийства» научной цивилизации, которая своим же интеллектом разрушила свой интеллект. Мирча Элиаде творил в лучших западных университетах, хотя и любил посещать восточные страны. В результате духовная энергия поля интеллекта оказалась так же недоступна представителям западной культуры, как аборигенам с первобытным магическим сознанием, о которых Ренан говорил: ≪В действительности индивидуум является в большей или меньшей мере человеком, в большей или меньшей мере сыном Божьим... Я не вижу причин, по которым папуас был бы бессмертным≫. Но ведь именно Леви-Стросс и его коллеги доказывали, что «па-

пуас» абсолютно равен качеством сознания научному сознанию европейца.

Этот шизоидный интеллект европейцев действительно сделал их язычниками в смысле возвращения к полю эгосистемы, поскольку шизоидный интеллект не имеет ничего общего с научным интеллектом, открывающим законы природы. Доктрина «Научного эгоизма» в дарвинизме, в марксизме, во фрейдизме, в ницшеанстве, в «экономическом человеке» Адама Смита, абсолютной свободы воли кантианства стали той идеологией абстрактной эгозащиты, которая и есть отличительная черта шизоидного интеллекта. Эта потеря духовной энергии западной цивилизацией, вследствие потери метафизики интеллекта Декарта, Спинозы, Эйнштейна, значительно острее ощущается людьми, неприученными к абстрактному мыслеблудию схоластов и софистов. Восток почувствовал запах разложения, который шел от интеллектуальной культуры запады значительно острее, и отвернулся от нее с отвращением. И здесь восток был безусловно прав. Хантингтон не почувствовал этого запаха разложения научной культуры даже на момент написания своей книги, и потому увидел только олну причину противостояния запада и востока — варварство востока. Восток ищет не самоидентичности в возврате к своим примитивным верованиям, а защиты от разлагающего влияния шизоидной схоластики запада. «Возрождение» религий во всем мире — это не возврат к истокам идентичности цивилизаций, не процесс «индигенизации», а просто — крах научной цивилизации запада. И да, крушение советского союза было провалом прежде всего научного интеллекта, пытавшегося построить жизнь и общество на рациональных началах. Дайте народам мира реальную науку, дайте им рационализм Эйнштейна и теорию психической энергии, — сопротивляться западной цивилизации станет намного сложнее, потому настоящие аргументы будут исчерпаны и останутся только хитрость и коварство. Однако, ничего еще не продержалось долго на хитрости и коварстве в этом мире. Успешное противодей-

ствие востока западу сегодня — это всего лишь следствие разложения научного метода запада, а вовсе не проявление самоидентичности множества уникальных цивилизаций.

Тем не менее, он пишет что конфуцианская, исламская, индуистская цивилизации активно принялись за модернизацию своих экономик: сила интеллекта это единственная реальная сила в этом мире. А психика человека движет закон сохранения силы. Модернизация — это признание научного метода естественных наук, поскольку сила его очевидна. Покажите им (а сначала себе) истинную гуманитарную науку — и закон сохранения психики распространит ее на весь мир. Отказ от «вестернизации» сегодня — это не отказ от научной цивилизации. Это отказ от разложившегося шизоидного интеллекта, который сам себя погубит.

ГЛАВА 18. ЛЕВИАФАН СУННИТОВ И ПРОФЕТИЗМ ШИИТОВ

> «В «Волшебной флейте Моцарта мудрому Зараостро, воплощающему зороастрийскую и гностико-солярную традиции, противостоит коварный мавританский раб Моностатос: он служит олицетворением интеллектуального упадка Востока, наступившего под владычеством фанатиков-сарацин»
>
> *Ф. Кардини «Европа и ислам»*

1) Зороастризм, Ахемениды и иудеи
2) Ренессанс Аббасидов
3) Иранская республика и Левиафан суннитов
4) Кемализм Мустафы Кемаля Атартюка
5) Великие Моголы и «божественная вера» Акбара Великого

1) Зороастризм, Ахемениды и иудеи

> «Амос и Исайа создали концепцию Царства Божия. В позднем иудаизме эта концепция продолжала причудливым образом развиваться. Без сомнения это развитие происходило отчасти под влиянием идей религии Заратустры, с которой евреи познакомились в изгнании. Иисус поднимает идею Царства на ее высшую этическую ступень, не отрицая ее позднеиудейской формы. Иисус, подобно пророкам и Заратустре (у которого много общего с пророками) требует, чтобы мы стали свободными»

Альберт Швейцер «Христианство и мировые религии»

О персидском исламе пишут как о самостоятельной религии, своего рода синтезе исконной религии персов, зороастризма, и ислама Магомета. В этом связи, арабы-сунниты обвиняют пер-

сов в искажении религии и отказываются признавать иранский шиизм — исламом. Может быть, и правильно.

Иранцы познакомились с семитскими религиями почти на тысячу лет раньше, чем они приняли ислам. И тогда влияние зороастризма и иудаизма евреев было взаимным. Ренан говорит, что персы оказали на евреев самое глубокое влияние за всю историю их существования.

Э. Ренан «История израильского народа»:

> «Персия была бы роковой для прогресса, если бы она победила Грецию; но, побежденная последней, она принесла свою долю пользы. Место, занимаемое ею во всемирной истории, высоко. Дело еврейства и христианства обязано Персии очень многим. Израиль, который восстал против Греции, который не выносил Рима и довел его до того, что последний раздавил его, относился к Ирану как к брату, и хотел, чтобы Ягве уделил последнему часть своего внимания. Иранская религия в 6 веке до рождества христова еще не отделилась от своего арийского ствола. Ахурамазда, всеведующий был настоящим всевышним богом, еще более абстрактным, чем Ягве; понятие о его сопернике Аримане еще не было развито, так что персидская религия в эту эпоху представляла собой нечто вроде монотеизма. Она не имела храмов. Очень прекрасная мораль, которую мы находим на протяжении веков в Авесте, серьезная и мужественная дисциплина, привычки феодального товарищечества, очень благодетельные для еще более грубого периода, составляли у персов античную „аретэ". ...Убежденный, что мир вращается лишь для израильтян, Израиль видел в великих потрясениях маневр Ягве, к которому он прибегает для того, чтобы достичь своих целей. Хлыст, которым он пользовался для того, чтобы наказать Израиль, был сломан. Кир сменил во власти Небукаднецара, как исполнитель божественной воли. Утверждали, что сам Кир признавал это, и поднес свою власть в дар Ягве. Под властью ахеменидской династии евреи, в самом деле, чувствовали себя лучше, чем под чьей бы то ни было другой властью на протяжении своей длинной истории. Они, вообще столь склонные жаловаться, никогда не жаловались на персидскую империю. Под таким режимом все шло как нельзя лучше для режима еврейских пиетистов. Ценой некоторых форм внешнего почтения, плохо скрывавших значительное внутреннее презрение, они получали защиту от своих соседей, всегда неблагорасположенных к ним, и были укрыты от бедствий великих мировых революций, относительно которых они могли, по своему обычаю, созидать бестолковые умозрения. Это было как раз то, о чем мечтал

> Иезекииль для Израиля, восстановленного и преобразовавшегося в чистую теократию. Эта теократия, которая сделала бы невозможной всякую монархию, всякую республику, чувствовала себя превосходно в положении, которое освобождало ее от политических забот для ее утопии….Из всех влияний, которым подвергался израильский народ, наиболее глубоким было влияние Персии. Оно продолжалось даже после падения персидского царства. Греческое влияние, бывшее столь сильным, не помешало персидскому влиянию сказываться в 2 и 3 столетиях. Книга Даниила полна персидских идей и персидских слов. Символы Ирана величественны и поразительны. Если бы когда-либо Ягве было дано правильное изображение, то он мог бы быть представлен только в виде Ахура Мазды. Как бы то ни было мессианизм, апокалиптизм, верование в тысячелетнее царство должны быть сближены с представлениями Ирана. Один из самых поразительных примеров сродства идей, какой мы находим в истории. В сущности, персидские нравы гораздо ближе подходили к нравам евреев, чем позднее нравы Греции, Рима и запада. Идеалом еврейского романа были те нравы, которые воспроизвел впоследствии багдадский халифат. …Амшаспанды, изеды и феруеры были частью персидского культа, наиболее поразившими евреев. Древняя еврейская ангелология была крайне проста. Со времени сношений с Персией ангелы имеют свои имена, и у каждого из них свои особые обязанности. Как существуют добрые ангелы, так и злые духи. Это персидские дивы. Превращение древнего сатаны в диавола, духа зла, мало чем отличающегося от Аримана, еще не завершилось».

Половина книги Муртази Мутаххари «Иран и Ислам» рассказывает о том, как ислам освободил персов чуть ли не от язычества, поскольку иранцы колебались между монотеизмом и дуализмом, как христиане колеблются между монотеизмом и Святой Троицей, и даже, что страшнее всего с точки зрения Мутаххари, «придавали Богу сотоварищей», как христиане дали Богу — Сына. Он ставил своей задачей успокоить национальным чувства тех иранцев, которым противна мысль о том, что дикие племена арабов навязали им свою религию силой меча. Однако, он несправедлив к зороастризму, хоть и является сам иранцем. Ислам видимо, с его поклонением идолу — единице, закрыл его глаза на понимание метафизики интеллекта. Неважно, как оценивать зороастризм и христианство — как два или три бога. Важно, что и то и другое миро-

воззрение имеет в своей основе метафизику интеллекта. Ренан пишет в приведенном отрывке, что Ахура Мазда был «еще более абстрактным богом, чем Ягве». Ахура Мазда — был богом-интеллектом, подобно богу-геометру Платона или богу-интеллекту Спинозы! Широко известен факт, что древние греки хорошо знали имя Заратустры, и в своих книгах называли его Зороастром. Есть также теория, что Пифагор был с ним лично знаком и что он повлиял на метафизику интеллекта Пифагора. По крайней мере, Платону было известно имя Зороастра. Мирча Элиаде пишет в «Истории веры»: «То, что Пророк называет своего Бога „премудрым“, что он поднимает значение „истины“, что он постоянно превозносит „благую мысль“, лишь подчеркивает новизну его „послания“: Заратустра ставит на первый план функцию и религиозную ценность „мудрости“, т.е. науки, точного и полезного знания»

Для демонстрации метафизического интеллектуального учения Заратустры, которое действительно было направлено против искоренения язычества в форме магического поклонения телесным вещам, приведеи несколько стихов из «Гат» Заратустры:

«Кто, Мазда, защитит меня
От недругов со всех сторон
Кто твоего огня и Мысли
что плодят закон
Сияющий средь бела дня

Духом Святейшим и Мыслью Благой
Правды стараньем в делах и реченьях
Вечность и целостность были даны
Мудрому, что благочестия полон

Будет ли Духу Святому вовек —
лучшее — словом и делом с Благою
Мыслью в согласье творить человек
зная: Он — Правды родитель мудрейший

Уничтожает знанья учитель Зла
Замысел жизни губит ученьем он
Тех, кто Благому Помыслу подчинен
Он очерняет славные имена

О Мазда! Я воочию узрел Царствие Благого Духа,
Слова, Действия. Тебя ощутил посредством Арты»

А. Шапошников «Гаты Заратутсры. Учение огня»:

> «Главным своим родоплеменным и сословным покровителем, источником неограниченной власти над земным миром маги считали величайшего из дэвов, олицетворявшего небесную силу планеты Юпитер. Дэв имел много сакральных имен, и согласно многовековой традиции именно он сотворил весь вещественный мир. Потому маги, соплеменники Заратустры, чтили его больше остальных. Этому дэву они уподобляли себя, и подражая ему, облекали свои мысли в слова призываний, заклинаний, проклятий и благословений, с помощью которых стремились изменять реальность земного мира, „творить" вещи и события. Арийские маги не были одиноки в своих верованиях. Аналогичную доктрину приняли многие жреческие сословия других племен и народов: от шаманов северных лесных стран до брахманов Индостана, от кельтских друидов и эллинских жрецов до иудейских первосвященников и пророков. Все они пытались через обряды вредоносной магии защитить своих соплеменников от врагов и привлечь могучие силы небожителей. Заратустра восстал против такого порядка вещей. Ему выпала участь принести в мир новую веру. Суть его послания вкратце такова. Существует два мира, данных нам в ощущении, — мир телесный, вещественный, и мир бестелесных сущностей. Первый мир преходящ, был сотворен и будет разрушен. Второй — непреходящ, вечен и неуничтожим. Последний является причиной и основой всего бытия. Его дотелесные прообразы могут иметь и вещественное воплощение, и но способны существовать и без них. Телесный мир возник в результате соединения Святого духа и Злого духа и есть арена их борьбы. Единовластный правитель мира бестелесных сущностей и есть высший бог, творец вселенной. Этого высшего бога Заратустра назвал Властелином Мысли (Ахура Мазда) и лишь его одного объявил достойным почитания и молитвы. Изменил Заратустра и представления и богопочитании и молитве. Он первым убедил соплеменников в том, что для об-

> щения с Богом, нужны не его телесные воплощение и символы, а внутренняя духовная нить, связующая каждого человека с Творцом. Молитва стала погружением в мир бестелесных сущностей, сосредоточенной медитацией. Теперь она — великий труд души, призванная преодолеть множество препятствий, которые телесное воплощение ставит на пути каждой души. Только поборов их, можно достигнуть духовного просветления, душевного и телесного здоровья, а после смерти тела — великого блаженного бытия души. Заратустра учил, что Богу угодны лишь готовность обладателя души пожертвовать для него телом и благой, и благой, просветленный настрой самой души. Заратустра обозначил внутренние энергии питающие души. Первая энергия, мысли или мышления, в именах Бессмертных Святых: Властелин Мысли (Ахура Мазда), Святой Дух (Спента Манью) и Добрый Помысел (Воху-Мана). Вторая энергия связана с интуицией, а третья энергия — Арта-Вахишта (Наилучшее, здравое Суждение, Правосудие, Правда), четвертая энергия — Спента-Армайти (Святая покорность). Поскольку источник зла, согласно Заратустре, помещен в глубинах человеческой психики и подвластен свободной личной воле, Гаты часто обращаются к проблеме нравственного выбора. Освобождение души человека от посмертного наказания за неправильный выбор — тот краеугольный камень, на котором зиждется все величественное здание его учение. Это грех гнева, гордыни, лени, чревоугодия, насилия, лжи, тщеславия, трусости, скаредности, зависти. Заратустра без устали твердит»

Из приведенного выше отрывка наглядно видно, что Заратустра стал такой же реакцией на национального Дэва иранцев, какой был Исайа, Второисайа и Христос на национального Ягве в иудаизме. Также очевидно, что Заратустра один из первых теоретиков метафизики интеллекта, поскольку он последовательно противопоставляет телесный мир и «мир идей» Платона, как интеллектуальную форму физического мира. Однако, мир идей Платона появился значительно позже, и скорее всего метафизика интеллекта Заратустры оказала свое влияние на любознательных эллинов. Подобно Христу, который придет еще только через тысячу лет, он четко разводит телесный и духовный уровни существования. Подобно Христу он проповедует Царствие Небесное и Святой Дух, нисколько не заботясь об единобожии. Опять же, так же как Христос он выступает

против всех магических ритуалов, против всей «позитивной религии» ритуалов, будь то жертвоприношения, храмовый культ или заклинания. Он настаивает на Духовной Работе, которая должна очистить духовную энергию человека и точно указывает, что относится к этой греховной природе, загрязняющей душу: физический контроль (насилие господства и подчинения) и весь «синдром» автоматизмов поля эгосистемы (магия, тщеславие, трусость, зависть, лень) Его проповедь возможно не так доступна изложена в художественном и поэтическом смысле, хотя и с этой стороны она прекрасна. Но в сущностном смысле она не уступает проповеди Христа. И конечно, как Ветхий Завет делится на книги «национального ягвеизма» и «универсального элогизма», так и Авеста иранцев содержит комплекс книг где «национальный Дэв» противопоставлен «универсальному интеллекту Ахура Мазде». Это естественная шизоидность незрелого интеллекта, которая всегда проявляется в том, что научный интеллект человека адекватен, выполняет свою работу по исследованию и познанию окружающего мира, а шизоидный интеллект формальной логики — неадекватен, и посему навязывает свои фантазии эгозащиты окружающей среде.

Таким образом, Муртази Мутаххари в корне неправ, когда говорит о благодеяниях, оказанных исламом Ирану, по крайней мере, в том, что касается теоретической части учения зороастризма. Это реальная борьба интеллекта с «язычеством» магического сознания поля Эгосистемы, чего, как мы видели, нельзя сказать об исламе.

Тем не менее, ислам также явился результатом того синтеза, который сделал Магомет из устного изучения Торы и Евангелия иудеев и христиан, с которыми, как пишут авторы, он много общался прежде чем его озарило просветление. Он много ссылается на Моисея и Христа (Муса и Иса), и называет их в списке шести основных пророков (из многих тысяч). Нигде он не указывает на противостояние этих двух систем, и не выказывает понимания того, в чем сущность этого противостояния. Его свидетельства противоречивы, так что он колеблется

от признания «людей книги» к объявлению их книг искаженными (только Коран магически правдив, чьи буквы охраняет сам Господь), и к призывам не дружить с «людьми книги», получившими писание до них.

В результате этой противоречивой картины дружбу с «Людьми книги» можно толковать как угодно, так что реальное значение этих упоминаний Магомета был авторитет писаний, на которые он ссылался и который он тем самым приписал своей книге. Тем не менее, все то хорошее и доброе, что было в «социализме и гуманитаризме» евреев и греков, нашло свое отражение в Коране в виде призывов «Творить добро» соседям, родственникам и друзьям. Однако, постольку поскольку сама книга Пророка лишена метафизики интеллекта и по существу воспроизводит тот самый древний племенной культ поклонения национальному божеству, то весь этот «социализм и гуманитаризм» лишается теоретической основы в Коране, который он имеет в зороастризме, буддизме и христианстве.

В статье «Христианство и мировые религии» Альберт Швейцер пишет: «Нет никакой необходимости в сопоставлении духовных ценностей христианства и ислама. Последний возник в 7 веке нашей эры, отчасти под воздействием иудейских и христианских идей. Ему недостает духовной оригинальности, и его нельзя отнести к числу религий, содержащих глубокие мысли о Боге и мире. Его могущество основано на том, что будучи монотеистической и в какой-то степени этической религией, он сохраняет все инстинкты примитивного религиозного мышления и поэтому может предложить себя нецивилизованным народам Азии и Африки в качестве наиболее доступной для них формы монотеизма. Правда, и в ислама имеются и ведут борьбу за существование более глубокие, мистические элементы, особенно в суфизме — движении, находящемся под зороастийским и индийским влиянием. Однако такого рода движения каждый раз подавляются»

Может быть поэтому, иранский шиизм стал той версией Корана, которая максимально приближена к версии средневеково-

го католичества и иудейского профетизма. Магомет был гениальным полководцем и политиком, по крайней мере, в этой оценке сходятся все авторы. Однако, мыслителем он не был, и в этом также сходятся большинство западных экспертов. Муртази Мутаххари пишет, что никак обитатели пустынь, какими были арабы, не могли поразить мечом древний цивилизованный народ, каким были иранцы. Их победили не арабы, считает он, а небесная правда Корана, которую они приняли добровольно: «Цивилизованный народ с древними культурными традициями, потерпевший поражение от народа — обитателя пустынь, до сих пор живет под страхом поражения 14 вековой давности. Основным фактором победы ислама были не арабы, а обездоленные и ищущие правды и справедливости народы самих завоеванных стран, которые вооружившись небесным учением, восстали против злых сил, властвующих над обществом».

2) Ренессанс Аббасидов

Если первая половина книги Муртази Мутаххари «Иран и Ислам» рассказывает о том, что ислам сделал для Ирана, то вторая половина книги перечисляет услуги Ирана для ислама, которые оказываются неисчислимыми. Однако, с этим фактом соглашаются не только западные историки, то также и видные арабские историки, поскольку факт этот очевиден. Другое дело, благодарны ли арабы, последователи Ваххаба и Ханбалы, которые объявили войну экзегетике и каким-либо рационалистическим толкованиям Корана — это другой вопрос. Бертран Рассел в целом согласен с тем, как излагает события времен Омейадов и Аббасидов Муртази Мутаххари: оба говорят о хитрых Омеядах, принявших Коран из политических соображений, и о том философском вкладе, который сделали иранцы в теорию Корана, и о противоположности иранцев и арабов в способности к умозрительному теоретизированию.

Б. Рассел «История западной философии»:

> «Первая династия — Омейядов, правившая до 750 года, — была основана людьми, принявшими учение Магомета из чисто политических соображений; эта династия всегда находилась в оппозиции к более фанатическим элементам среди правоверных. Хотя арабы и завоевали огромную часть мира во имя новой религии, но все же они не были особенно религиозной расой: силой, двигавшей ими в завоеваниях, была не религия, а жажда грабежа и богатства. И только благодаря тому, что арабы были свободны от фанатизма, горстке воинов удавалось без особых затруднений управлять огромным населением, стоявшим на более высокой ступени цивилизации и придерживавшимся чуждой религии. Напротив, персы с древнейших времен отличались глубокой религиозностью и необычайной склонностью к умозрительному мышлению. После их обращения в ислам они превратили его в нечто гораздо более интересное, более религиозное и более философское, чем то, что замышлялось пророком и его сородичами. После 661 года, когда умер зять Магомета, Али, мусульмане разделились на две секты — суннитов и шиитов. Сунниты составляют большинство; шииты являются последователями Али, а династию Омейядов считают узурпаторской. Персы всегда принадлежали к секте шиитов. В конце концов, в основном благодаря персидскому влиянию, Омейяды были свергнуты и Аббасидам удалось установить свою власть; они представляли интересы Персии».

Рассел подчеркивает противостояние, которое существовало между философами и простыми мусульманами в халифате Аббасидов (в других халифатах философов еще не было, или уже не было): «Общей чертой, отличающей арабских философов, является энциклопедичность: они интересуются алхимией, астрологией, астрономией и зоологией, а также тем, что мы назвали бы философией. Простой люд, проникнутый фанатизмом и изуверством, относился к философам с подозрением; своей безопасностью (когда их жизнь была в безопасности) философы были обязаны покровительству относительно вольнодумствующих государей».

Суфии, иранские мистики, также противостоят ортодоксальному исламу, как философия и экзегетика иранского ислама. В конечном итоге, богословы объявляют войну свободному ум-

ствованию философов, так что «нетерпимая ортодоксия положила конец умозрениям». Рассел пишет, что философия халифата Аббасидов, в частности Авиценны и Аверроэса сыграла большую роль в христианской философии, «где она означала начало», но не в мусульманской, «где она означала тупик». И что в целом арабская философия не стала источником оригинальной мысли, но ее значение как хранителя и передатчика мысли на запад трудно переоценить: «В Марокко Аверроэса обвинили в том, что он проповедует философию древних в ущерб истинной вере. Аль-Мансур обнародовал указ, возвещавший, что Бог предписал гореть в адском огне тем, кто полагал, будто истина может быть постигнута одним разумом. Все обнаруженные книги, в которых говорилось о логике и метафизике, подлежали преданию огню».

Б. Рассел «История западной философии»:

> «Персидская цивилизация сохраняла как умственное, так и художественное очарование вплоть до вторжения монголов в XIII столетии, от которого она никогда не смогла оправиться. Омар Хайям, единственный известный мне человек, соединявший в себе поэта и математика, в 1079 году реформировал календарь. Лучшим его другом, как ни странно, был основатель секты асасинов — прославленный в легендах „горный старец". Персы являлись великими поэтами: те, кто читали Фирдоуси (род. ок. 941 года), автора „Шахнаме", утверждают, что он стоит на одном уровне с Гомером. Они были также замечательными мистиками, в отличие от других мусульман. Секта суфитов, существующая и по сей день, позволяла себе большие вольности в мистическом и иносказательном толковании ортодоксальной догмы; это толкование носило более или менее неоплатоновский характер... Особого внимания заслуживают два мусульманских философа — один из Персии, другой из Испании: это Авиценна и Аверроэс. Из них первый пользуется наибольшей славой среди мусульман, второй — среди христиан. В Марокко Аверроэса обвинили в том, что он проповедует философию древних в ущерб истинной вере. Аль-Мансур обнародовал указ, возвещавший, что Бог предписал гореть в адском огне тем, кто полагал, будто истина может быть постигнута одним разумом. Все обнаруженные книги, в которых говорилось о логике и метафизике, подлежали преданию огню. Вскоре после этого христианские заво-

> евания привели к значительному уменьшению мавританских владений в Испании. Мусульманская философия в Испании заканчивается Аверроэсом; в остальном мусульманском мире нетерпимая ортодоксия также положила конец умозрениям... Аверроэс, как и большинство позднейших мусульманских философов, хотя и был верующим, но тем не менее не придерживался строго ортодоксальных воззрений. Среди арабских мыслителей была и секта чисто ортодоксальных теологов, враждебно относившихся ко всякой философии, считая ее вредной для веры. Один из этих теологов по имени аль-Газали написал книгу под названием „Опровержение философов", в которой утверждал, что, поскольку вся необходимая истина заключена в Коране, нет никакой нужды в умозрении, независимом от откровения. Выступая против этих утверждений, Аверроэс написал книгу, которую назвал „Опровержение опровержения". Аверроэс сыграл большую роль в истории христианской философии, чем в истории мусульманской философии. В последней он означал безысходный тупик; в первой — исходную точку развития».

О том же пишет Анри Массэ в книге «Ислам». Что арабские философы были в стороне от ислама (не могли не быть), и что богословы сразу почувствовали, что рационализм несовместим с коранической религией, так что Газали воспользовался разумом, чтобы уничтожить разум.

А. Массэ: «Ислам»:

> «Эта философия, по правде говоря, получилась из странной смеси, образовавшейся главным образом в Александрии в период эллинизма. Это было сочетание аристотелизма и платоновского идеализма. „Арабские философы, хранители знаний своего времени, были при этом всегда в стороне от ислама, хотя и твердили о своем уважении ко всем его основам" (Годфруа-Демонбин). Именно тогда богословы, почувствовав, какая опасность угрожает правоверию, научились сражаться с философией ее собственным оружием — диалектикой. Этот метод аргументации, примененный к богословию, дал подлинную философию религии — „калам". Газали „воспользовался разумом, чтобы уничтожить разум, показывая, что он не способен привести нас к абсолютному познанию" (Макдоналд) Аристотелизм оказался совершенно дискредитированным на востоке».

Б. Рассел «История западной философии:

> «Ее значение, которое никоим образом нельзя недооценивать, заключается в роли передатчика. Античную и новую европейскую цивилизации разделяют века мрака. Мусульмане и византийцы, будучи лишены умственной энергии, необходимой для новаторства, сохранили аппарат цивилизации: образование, книги и ученый досуг. Мусульмане и византийцы стимулировали Запад, когда он вышел из состояния варварства: мусульмане преимущественно в XIII столетии, византийцы же большей частью в XIV столетии. В каждом случае стимул имел своим результатом новую мысль, более плодотворную, чем любые умственные достижения самих передатчиков: в одном случае схоластику, в другом — Возрождение (которое, однако, было обязано своим происхождением и другим причинам)».

Однако, совсем другую картину рисует Муртази Мутаххари. Он не только настаивает на том, что ислам «рациональнейшая» религия, но также и на том, что иранцы проявили свой великий гений именно в «бескорыстном» служении исламу, за философскую, литературную, правовую и мистическую обработку которого они взялись всей своей страстной душой. Он приводит бесконечные списки иранских «ученых», которые принимали активное участие в богословской коранической деятельности, — в собрании хадисов, в экзегетике, в выработке правовых школ ислама, в мистике и философии. Далее он пишет, что расцвет науки при дворе Аббасидов был следствием благочестивой праведности Аббасидов, правильно толковавших Коран об уважении ко всем религиям и свободной научной мысли. Однако, мы видели, что на самом деле это расцвет науки закончился жестким противостоянием богословов и власти с одной стороны и философами с другой, так что от свободы мысли ничего не осталось.

Относительно причин и факторов, способствовавших ускоренному развитию исламской цивилизации Джирджи Зайдан говорит: «одним из факторов ускоренного развития исламской цивилизации, процветанию науки и литературы при Аббасидах, являлось то, что халифы отнеслись очень серьезно к переводу и передаче научных знаний, а по отношению к ученым незави-

симо от их этнической и конфессиальной принадлежности, проявляли уважение и всячески способствовали их плодотворной работе. По этой причине при дворе халифов собрались ученые — последователи христианства, иудаизма, зороастризма и сабеи, а халифы обращались с ними уважительно. В этом смысле поведение халифов могло служить примером справедливости для правителей всех народов и конфессий.

Далее, аргументы Муртази Мутаххари стандартны: Пророк проповедовал учение, он чуть ли не ставил его в центр всей своей деятельности, и потому ислам можно обвинить в чем угодно, но только не в иррационализме и отвращению к наукам:

М. Мутаххари «Иран и Ислам»:

> «Хадисы Пророка призывали их к приобретению знаний, особенно философских. Так, Пророк в частности велел: «Ищи науку, если даже она находится в Китае; «Мудрость — искомая вещь для правоверного, он приобретает ее у любого человека»; «Приобретение знаний — обязанность каждого мусульманина и каждой мусульманки»; «Приобретай знания от колыбели до могилы»; «Путь, пройденный в поиске науки, соединяется богом с дорогой, которая ведет в рай». Священная книга ислама говорит о превосходстве ученых и их сословия. В Коране есть даже одно указание на то, что свидетельство «Обладателей науки» приравнивается к свидетельству Бога и ангелов. Всего этого, как утверждает имам Газали, было достаточно для доказательства значения и важности науки».

Однако, мы уже знаем, что Газали понимал под знанием — знание текстов священных книг, Корана и сборников хадисов. Именно это называется учением и исламской «наукой». Чтобы претендовать на рационализм, всякое учение должно ставить свободу мышления и научный метод превыше всего, особенно превыше догм магических текстов. В противном мы случае мы имеем нечто прямо противоположное рационализму — магическое сознание поля Эгосистемы. Газали назвал свою книгу, в которую он противопоставляет метафизике философов — «Возрождение наук о религии». Понятно, что он претендует на научный статус текстов научных писаний, которые в лучшем случае являются сборниками поэзии. Там он делит все науки

на «достохвальные», такие которые посвящены изучению и интерпретации Корана и др исламских книг и на отрицательные — все те, которые ставят под сомнение авторитет этих книг, и имеют независимый источник. И поскольку разум совершенно независим от исламского откровения, посетившего наш мир спустя тысячи лет после начала человеческой цивилизации, то рационализм оказывается в самой гнусной сфере «злонамеренных ученых».

Абу Хамид аль-Газали «Возрождение наук о религии»:

> «Кто преднамеренно приписывает мне то, что я не говорил, тот пусть уготовит себе место в Аду». Нет, зло от иносказательного толкования этих слов [Корана] гораздо губительнее и больше, ибо оно подрывает веру в [истинность] слов [Корана] и полностью перекрывает путь извлечения пользы из Корана и его понимания. Итак, ты узнал, каким образом шайтан отвратил людей от тяги к наукам достохвальным в сторону наук порицаемых. Все это — обман злонамеренных ученых, совершенный путем подмены названий. И если ты станешь следовать им, полагаясь на популярное [в их кругах] имя, не обращая внимания на то, что было известно [и принято] в первый век [Ислама], то будешь как тот, кто стремится удостоиться почета благодаря мудрости, следуя за тем, кого называют мудрым. Но ведь [ныне] мудрым (хакимом) стали называть и лекаря, и стихотворца, и звездочета, и это из-за упущения из виду подмены названий. А Пророк сказал: «Слово из мудрости, что усвоит человек, лучше для него, чем этот земной мир и то, что есть в нем». Посмотри же, что понимали под мудростью раньше, и какой смысл ей приписывают нынче. Соизмеряй с этим остальные названия и берегись оказаться в заблуждении из-за обмана злонамеренных ученых. Ведь, поистине, зло, [причиняемое] ими религии, опаснее зла, [исходящего] от шайтанов, поскольку через них шайтан подбирается поближе для того, чтобы вырывать религию из сердец людских. И поэтому, когда спросили Посланника Аллаха о наихудших из людей, он не пожелал [ответить], сказав лишь: «Господи, прости», пока его несколько раз не попросили [о том], и он ответил: «Это злонамеренные ученые». Все из знаний, чем довольствовались праведные предшественники, исчезло. То же, изучению чего люди [ныне] усердно предаются, по большей части придумано и сфабриковано. До нас дошло высказывание Посланника Аллаха Его спросили: — А кто они, одинокие? Он ответил: — Те, кто исправляет испорченное людьми в моей Сунне, и те, кто воскрешает то, что погубили люди из моей Сунны».

> Не суди же об их установлениях [для людей] своим разумом, а то погибнешь»

Таким образом, Муртази Мутаххари напрасно вводит в заблуждение иранцев, рассказывая им о том, как много сделал ислам для процветания науки. И науку ислам отрицает, когда понятие науки сформулировано нормально, как у всех рациональных людей — как примат разума, объективного мышления над догмами, как логика и факты, а не как Сунна Пророка и изучение Сунны Пророка. И иранцы выбросили на ветер свои искренние духовные усилия, посвятив их философской и правовой обработке Корана. Во-первых, арабские ваххабиты правы, отказываясь признавать эти услуги и считая их грехом «апостофии», поскольку Пророк четко сказал, что для мусульман — его книга священна и являются печатью на все времена. А во вторых схоластика иранских богословов, подобных Газали, которые выступили против истинных ученых с тем, чтобы унизить разум, — это всего лишь «служанка богословия», бессмысленное и беспредметная софистика, шизоидный формальный интеллект, не имеющий ничего общего с научным методом и плодотворной деятельностью. Также как схоластика Фомы Аквината, например. Так что рационализаторские усилия мутазилитов были отвергнуты также, как впоследствии рационализаторство баббитов.

Однако, иранцы по крайней мере рационализировали ислам настолько, что то, что было в нем гуманного и красивого обрело какую-то теоретическую основу. В этом, как представляется качественное различие между суннитами и шиитами: сунниты — это национальный Дэв или национальный Ягве или Зевс ислама; а шииты — это интеллектуальная попытка иранцев сотворить универсального Элогима, бога-интеллекта, Ахуру Мазду ислама.

А. Массэ «Ислам»:

> «Что же касается религиозного учения шиизма, то некоторые его элементы, в частности его теократическая база и вера в возвращение скрытого имама, представляются иудейско-христианскими (а также влияние зороастризма, неоплатоников, манихеев)»

А. Массэ:

> «В 18 веке в Аравии возникло движение ваххабитов. Это движение было порождено интересами, диаметрально противоположными стремлениям Акбара Великого в Индии. Ваххабиты хотели вернуться к первоначальному правоверию. Ваххабиты пошли дальше единобожия Альмохадов. Действительно, основываясь исключительно на тексте Корана и сунне, не допуская никаких толкований и разъяснений, они усматривали многобожие (ширк) во многих обычаях, уже давно допускаемых правоверами: в культе пророков, святых и могил. Ваххабизм произошел от ханбализма, который в 16 веке тщетно пытался восстановить первоначальную сунну. В наши дни ваххабизм как в религиозном, так и в политическом отношении восторжествовал в большей части Аравии. В то время как ваххабизм чисто арабское учение, ставил своей целью вернуть ислам к его первоистокам, бабизм и произошедший от него бехаизм, учения чисто иранские, ставили своей задачей дальнейшее развитие ислама»

3) Иранская республика и Левиафан суннитов

Э. Ренан «Жизнь Иисуса»:

> «Оплот консервативной аристократии, храм, также как и наследовавшая ему мусульманская мечеть, был последним местом во всем мире, где революция могла бы пользоваться успехом. Представьте себе в наше время новатора, который отправился бы проповедовать ниспровержение исламизма у мечети Омара! А ведь надо помнить, что храм находился в центре еврейской жизни. Это было место, где оставалось одно — победить или умереть».

Хантингтон пишет, что все мусульманские страны продемонстрировали свою неспособность и несклонность к установлению демократических режимов, и вообще к либеральной философии. Действительно, мы видели, что если поле интеллекта ведет к организации свободных демократических обществ, то поле эгосистемы напротив, источник господства и подчинения Левиафанов, тоталитаризма магических коллективных представлений. Личность, как мыслящая единица — составляет существо свободных демократий, поэтому и коллективизм свободных демократий устроен по другому: как поиски единой истины и дружба

сочувствия и совести. Тоталитаризм Левиафанов уничтожает личность, подавляя ее автоматизмами господства и подчинения и догмами коллективных магических представлений.

С. Хантингтон «Столкновение цивилизаций»:

> «Небольшое количество мусульманских стран, таких как Турция и Пакистан, имели у власти режимы с некоторыми претензиями на демократическую законность. Правительства четырех десятков других мусульманских стран были преимущественно недемократическими: монархии, однопартийные системы, военные режимы, диктаторские режимы либо некая комбинация из вышеперечисленного, в основе которой обычно лежит семья, клан и племя, в некоторых случаях — сильно зависящие от зарубежной помощи. Два режима, в Марокко и Саудовской Аравии, попытались установить некую форму исламской законности. ...Всеобщая неспособность либеральной демократии закрепиться в мусульманских странах — это длительный и повторяющийся феномен, растянувшийся на целое столетие, начиная с 1800-х годов. Этот провал хотя бы частично объясняется недружелюбным отношением исламской культуры и общества к западным либеральным концепциям».

Тем не менее, шиизм иранцев породил некое подобие конституционной республики, которую по «разорваности сознания» можно сравнить с шизоидной республикой ленинского коммунизма. Первая исламская республика возникает в Иране, пусть она и просуществовала совсем недолго до османского завоевания, но все же явила миру специфику шиизма, о которой позже скажет аятолла Хомейни в книге «Ислам и революция»: «Страны с преобладанием суннитов считают нужным во всем подчиняться своим правителям, тогда как шииты всегда полагались на мятеж».

Постольку поскольку шиизм, как утверждает Б. Рассел и сами иранцы сделал из ислама нечто метафизическое, чем он исконно не был, то и результатом явился слом цикличного равновесия Левиафана, как это всегда бывало в таких случаях. Сам Мутаххари видит благодеяние ислама для Ирана прежде всего в том, что он стал рычагом революции, которая уравняла все социальные слои и способствовала становлению народовластия

и демократии. Даже если его оценки сильно преувеличены, все же факт конституционной республики и вообще употребления таких терминов мусульманами — уже великий прогресс. К тому же женщины в Иране, хотя и страдают как во всех мусульманских странах, тем не менее далеки от того животного состояния, в котором их держат, например в «Саудовской Аравии. Есть ведь женщина лауреат Нобелевской премии, и есть две известные своим отчаянием и мужественной борьбой за правду и свободу правозащитницы. Да их преследуют, но сам факт их появления и существования говорит о том, что иранская система в корне отличается от суннитских систем. Вот как Муртази Мутаххари превозносит ислам за то, что он открыл двери революции, которая принесла свободу и справедливость народовластия

М. Мутаххари «Иран и ислам»:

> «Ислам преградил путь распространению христианства в Иране и в целом на востоке. С большой долей вероятности можно утверждать предположить, что их ждала бы судьба христианских стран, то есть темная пора средневековья. В то время, когда христианские страны переживали средние века, Иран в авангарде других исламских стран стал знаменосцем великой цивилизации, которая называется исламской. Все эти подаренные миру талантливыми иранцами произведения на персидском и арабском языках есть результат все того же арабского завоевания, преодоления заградительной стены мубадов и знакомства иранцев с богатой религиозной культурой, в которой изучение наук считалось обязанностью каждого мусульманина. Другим действенным фактором здесь является преодоление ранее установленных классовым обществом и мубадами преград на пути образования народных масс. Ислам не признавал аристократизм и сословное превосходство и не считал науку и образование привилегией духовенства или какого-либо конкретного сословия. Поэтому в исламский период иранцам удалось в высшей степени продемонстрировать свою научную гениальность. С точки зрения правивших в Иране политических и религиозных сил приход ислама был нашествием, а с точки зрения народных масс и иранской нации — революцией в полном смысле этого слова. Действительно, ислам избавил Иран от дуализма, который еще недавно считался особенностью иранской ментальности и против которого Заратустра вел безуспешную борьбу. Говорят также о насаждении ислама мечом. Да, это имело место. Но что было сделано

> мечом ислама? Меч ислама свергнул сатанинские режимы, избавил народ от ненавистной тени мубадов, освободил 140 миллионов людей от цепей рабства, и принес свободу угнетенным массам. Меч ислама всегда был занесен над головой угнетателей и на пользу угнетаемым укорачивал руки притеснителям. Меч ислама всегда вынимался из ножен ради угнетенных и обездоленных. „И почему бы не сражаться вам во имя Аллаха и ради обездоленных мужчин, женщин и детей?“ (Коран 4, 75) Ислам отнял у Ирана дуализм, огнепоклонство, почитание хаомы и поклонение солнцу, а взамен принес единобожие и поклонение единому Господу. Иранское же язычество проявлялось также и в форме признания сотоварищей Господа. Ислам заменил представление о рогатом, оперенном, кудрявом, бородатом и усатом боге мыслями о вечно живом, превышающем всяческие представления, недоступном описанию боге. Ислам научил Иран всем формам Единобожия: сущностному, атрибутивному и действенному. Ислам был основан на принципах такого единобожия, которое, опираясь на философские основы, само по себе является двигателем процесса мышления. Ислам вывел из употребления принцип аристократического правления и сформировал новый подход к этому вопросу, основанный на принципе народовластия и демократии, объявив главными принципами в этой сфере знания и благочестие, без учета классового и сословного происхождения. Ислам навсегда ликвидировал представление о небесном происхождении царей. Ислам юридически утвердил права женщин и упразднил безоговорочную полигамию в форме гаремов, разрешая ее в определенных и социально необходимых пределах с условием признания равноправия женщин»

Английские авторы К. Хорри, П. Чиппиндейл пишут в книге «Что такое ислам», что иранская Улама тождественна теократии римско-католической церкви средневековья. А ведь Огюст Конт писал, что тот факт, что римская церковь составила оппозицию светской власти (и защитила народ) в средневековье «составит вечную славу католичества»:

К. Хорри, П. Чиппиндейл «Что такое ислам»:

> «Хомейни сравнивал шаха с Омейадом, „сатанинским узурпатором“, который уничтожил Хусейна ибн Али. Хомейни призвал к джихаду против шаха и к созданию исламской республики, которая управлялась бы уламой — боговдохновенной наместницей аллаха. Идеи аятоллы передавались из уст в уста через разветвленную сеть шиит-

> ских священников. Может ли иранская модель стать примером для исламских фундаменталистов в других странах — это еще вопрос. Ни в одной мусульманской стране улама и шиитское духовенство не образует такую слаженную, независимую от государства структуру как в Иране. Улама — высший слой иерархической клерикальной системы, во многих отношениях напоминающей иерархию римско-католической церкви. Ее власть опирается примерно на 100 тысяч мулл, которые передают ее решения и инструкции в каждый населенный пункт. Улама, действуя через совет 83 экспертов, назначает судей и может отменить их решения. Она ратифицирует выборы президента Ирана, и является высшим командным составов вооруженных сил Ирана. Улама ведает внешней политикой, она может объявить войну или заключить мир. В 1979 новая конституция — все законы на основе ислама, терпимое отношение к иудаизму, зороастризму, христианству. Улама пришла к власти в стране в 17 столетии, низложила в конце 18 века шахов и провозгласила первую в мире исламскую республику. За минувшие с тех пор столетия улама стала походить на католический конклав кардиналов, а ее имам, по сути, стал шиитским папой. Иранские шахи (в отличие от суннитских королей Саудовской Аравии и Марокко) никогда не становились религиозными лидерами. Улама приобрела такой большой авторитет в государстве, что ни один шах не мог править без поддержки имама. Шиизм — это также преимущественно вера мучеников и революционеров».

И мученичество шиитов также имеет христианские корни. Так, А. Массэ пишет:

> «Вензик показал, что развитие этого значения мученик, придаваемого слову шахид, происходило под влиянием христианства».

Суннитские правители — «сатанинские узурпаторы, подобные Омейядам», как считал Хомейни.

К. Хорри, П. Чиппиндейл «Что такое ислам»:

> «По этой причине фундаментализмы Ирана и суннитских стран, таких как саудовская Аравия и Пакистан, враждебны друг другу. Суннитский закон не признает за верующими право на свержение плохого правителя до тех пор, пока тот номинально поддерживает шариат и готов вести джихад против гонителей ислама. Суннизм учит, что только Мухаммед свободен от греха, и все последующие правители будут только хуже, и с этим верующие должны смирить-

> ся. Суннитский ислам — глубоко консервативен. Ранняя, революционная традиция ислама поддерживается только шиитами, верящих в то, что их вожди одновременно вдохновлены богом, и мистическим образом происходят от Мухаммеда. Важнейшая часть политической миссии шиитского ислама — свержение несправедливых суннитских правителей, и поэтому обе конфессии резко противостоят друг другу... Самой фундаменталистской среди четырех школ правоведения считается ханабила (ханбализм). Сегодня ханабила не выходит за пределы саудовской аравии, где она определяет официальную доктрину государства. Ханбал, арабский традиционалист, полностью отверг значимость рассуждений правоведов и иджмы, настаивая на том, что закон шариата должен базироваться только на Коране. Ханбализм обрел второе рождение в конце 18 века в фудаменталистском движении ваххабитов. Шиитские страны, прежде всего Иран — джафарийа... Конституцией в Саудовской Аравии является Коран, а король в силу своего авторитета может свободно его интерпретировать. Укреплен свод суровых наказаний — хадд. Для того чтобы правоверные не отклонились от истинного пути Управление по поощрению добродетели и предотвращению порока (религиозная полиция)»

Как мы можем видеть, цикл суннитских Левиафанов процветает в ваххабизме и ханбализме, тогда как исламская республика — это вызов, брошенный основе основ исконного исламского учения, существо которого именно в поддержании цикла Левиафанов, как это всегда бывает с магическим сознанием поля Эгосистемы. Расщепление незрелого сознания на шизоидное и научное имело место и в исламе, но только путем синтеза ислама с метафизикой зороастризма и христианства в шиизме. Суннизм остается классической религией поклонения национальному божеству, который в этом смысле является идолом этой нации, идолом, которому нечего сказать интеллекту и человечеству.

К. Хорри, П. Чиппиндейл «Что такое ислам»:

> «В наши дни, спустя более чем полсотни лет после того как иджтихадийа достигла своих секулярных целей в большинстве регионов мусульманского мира, исламский неорационализм развивается бок о бок с исламским неофундаментпализмом ваххабитского толка».

Дискриминация и унижение женского поля в Саудовской Аравии и в других мусульманских странах, сведение женщин до уровня неразумных существ, — абсолютно закономерно с точки зрения цикличного равновесия поля Эгосистемы, которое функционирует через притяжения Самолюбия и Влюбленности, Господство и подчинение, и всегда основано на насилии. Детали доступны в интернете, где суннитских женщин сравнивают с положением несмышленых детей, которые во всем зависят от родителей. Это трудно расценивать иначе, чем как гуманитарную катастрофу. И «наука» получается соответствующая, если верить статье в интернете, которая ссылается на *İslaminsesi со ссылкой на shafaqna.com*.

> «Новость, которая вызывает ухмылку и смешок. А когда понимаешь, что это правда и реальность — смятение. Саудовская Аравия — мусульманская страна с очень строгими законами в области гендерных различий. Мужчины имеют гораздо больше прав, чем женщины. Европейкам и россиянкам подобное отношение кажется диким. И вот совсем недавно ученые Саудовской Аравии сделали сенсационное заявление для европейского сообщества: женщина — это млекопитающие животное, а не одушевленный предмет, как это считалось ранее. *женщины в действительности являются млекопитающими, а значит, они должны быть наделены теми же правами, что другие животные из этого класса — верблюды, одногорбые верблюды и даже козы, сообщает İslaminsesi со ссылкой на shafaqna.com* Ученые Англии, Германии, Франции, США и других стран считают такое заявление большим прогрессом для Саудовской Аравии. Активисты по правам человека надеются, что в ближайшем будущем настанет тот день, когда женщина в Саудовской Аравии станет полноценным человеком».

К. Хорри, П. Чиппиндейл «Что такое ислам»:

> Мусульманки должны признавать, что во многих областях жизни их роль несколько иная, чем у мужчин. От них ожидается послушание — прежде всего по отношению к своим отцам, а затем и к мужьям, если только те не требует того что запрещает шариат. Четвертая сура Корана описывает отца и мужа женщины как ее «наставника», имеющих право применить к ней силу, если она не подчиняется. Та же сура гласит: «Мужья стоят над женами…

И порядочные женщины — благоговейны» (4,34) Вторая сура говорит о женщинах: «Мужья над ними — степень» (2,228). В ряде мусульманских стран от женщины требуется закрывать все свое тело, как это принято в Саудовской Аравии и в Иране. Есть много и других примеров дискриминации женщин в мусульманских странах и жесткого обращения с ними. Например, в Аравии и мусульманской Африке распространен обычай удалять части женских гениталий — так называемое «женское обрезание» Тем не менее Коран гарантирует им право на собственность и наследование имущества, право участвовать в политике, а также право требовать развод. Женщины в каждой категории урезаны в своих наследственных правах по сравнению с мужчинами: они могут претендовать только на половину того что полагается мужчинам в той же категории.

Утверждают, что саудовские женщины рады такому положению вещей, и хотят всегда оставаться в положении детей. На это можно сказать только одно: говорят о том, как им хорошо только те, кому они дают говорить. Все, что есть у них думающего и независимого, то есть настоящего божеского, они безжалостно уничтожают дикими законами своего шариата и своей воинской чести.

Ренан говорит в «Истории израильского народа», что ислам и иудаизм — чисто мужские религии, которые исключают женщин, что женщины совершенно справедливо ненавидели ислам: «Женщины как и у мусульман держались обязательно в стороне от движения. Их мало пришло из Вавилона и гнусные меры, проведенные фанатиками, должны были создать среди женщин страшную ненависть к новому пиетизму. Такие виды семитских религий как иудейство и ислам, суть религии исключительно для мужчин. Женщины не имеют имен, не умеют писать. Наоборот родословия по мужской линии ревностно сохранялись».

4) Кемализм Мустафы Кемаля Атартюка

«Конечно же, классической разорванной страной является страна Мустафы Кемаля, которая с 1920 годов пытается модернизироваться, вестернизироваться и стать частью Запада»

С. Хантингтон
«Столкновение цивилизаций»

Хантингтон сравнивает Кемаля Атартюка с Петром Первым в России, который совершил революцию сверху, проведя множество реформ, направленных на становление европейского

образования в России. Как бы там ни было, но если о том является ли шиизм исламом, идут ожесточенные споры в между ранцами и арабами, то турецкий кемализм однозначно уже исламом не является. Реформы Кемаля также радикально вырвали Турцию из прошлого Османской империи, как реформы Петра вырвали ее из варварства царизма времен Ивана Грозного. Конституционная республика Турции — стандартная западная республика, как например, республика Израиля. Реформы Кемаля полностью уничтожили исламское государство Турции, а поскольку существо ислама именно в тоталитаризме и магии коллективных представлений, то ислам не может существовать подобно философии в качестве домашнего чтения.

С. Хантингтон «Столкновение цивилизаций»:

> «Основные принципы, или так называемые «шесть стрел» кемализма, включали в себя: популизм, республиканство, национализм, атеизм, государственный контроль в экономике и реформизм. Отвергнув идею многонациональной империи, Кемаль поставил себе целью создание однородного национального государства, изгоняя и убивая при этом армян и греков. Затем он низложил султана и установил республиканскую систему политической власти западного типа. Он упразднил халифат, центральный источник религиозной власти, покончил с традиционным образованием и религиозными министерствами, закрыл отдельные религиозные школы и училища, установил унифицированную светскую систему народного образования и положил конец религиозным судам, руководствовавшимся исламскими законами, заменив их новой судебной системой, основанной на швейцарском гражданском кодексе. Идя по стопам Петра Великого, он запретил ношение фесок, потому что они были символом религиозного традиционализма, и призывал людей носить шляпы. Кроме того, он выпустил указ, согласно которому турецкий язык должен использовать латинский, а не арабский алфавит. Именно эта реформа имела фундаментальное значение. «Она практически лишила новые поколения, получившие образование с латинским алфавитом, доступа к огромному наследию традиционной литературы; она стимулировала изучение европейских языков; кроме того, она сильно облегчила проблему распространения грамотности»

Однако, говорит Хантингтон, если Россию приняли в Европу как христианскую страну, то даже радикальные реформы Кема-

ля не помогли сделать Турцию частью Европы, которая так и осталась «больным человеком Европы». Возрождающийся исламизм и национализм Турции только покажет с еще большей очевидностью, что среднего пути между дорогой просвещения и демократии с одной стороны и варварством магического сознания и тоталитаризмом с другой стороны — нет. Либо двигаться дальше по пути западной научной культуры, вступать в интеллектуальный дискурс и вносить свой вклад в становление мировой науки и естественного права; или же исламская революция наподобие Ирана и возврат к исламскому фундаментализму. Никакого «светского ислама», как национального ислама Турции быть не может.

С. Хантингтон «Столкновение цивилизаций»:

> «Европейские официальные лица, в свою очередь, соглашаются, что Евросоюз — это «христианский клуб» и что «Турция слишком бедная, слишком густонаселенная, слишком неотесанная, слишком мусульманская, слишком другая культурно и слишком *все остальное*». «Тайным кошмаром» европейцев, как заметил один обозреватель, является историческая память о «сарацинских всадниках в Западной Европе и турках у ворот Вены». Это отношение, в свою очередь, вызвало «широко распространенное среди турок убеждение», что «Запад не видит в Европе места для мусульманской Турции. ...Переориентация Турции на Кавказ и Центральную Азию подогревалась не только мечтой стать лидером сообщества тюркских народов, но также и желанием не допустить того, чтобы Иран и Саудовская Аравия распространили свое влияние на этот регион, насаждая там исламский фундаментализм. Турки считают, что они предлагают «турецкую модель» или «идею Турции» — светское, демократическое мусульманское государство с рыночной экономикой — в качестве альтернативы. Кроме того, Турция надеется сдержать восстановление влияния России. Предлагая альтернативу исламу и России, Турция также может претендовать на помощь со стороны Европейского союза и скорое вступление в него».

Но пока жив ислам, Аллах остается национальным: ваххабитским у арабов, шиитским у иранцев, и кемалистским у турок.

5) Великие Моголы и «божественная вера» Акбара Великого

Бабур, основатель династии Великих Моголов в Индии, был, как известно, потомков Чингисхана и Тимура, по материнской и отцовской линиям. Он не был ни арабом, ни иранцем, но принял ислам. Династия Моголов на троне великой Индии, которая также богата своей религиозной мыслью, как был богат Иран к моменту исламского завоевания, имела своим результатом такой же благотворный синтез религиозной мысли, какой имел место в иранском шиизме.

Национальный Дэв иранцев не был нужен никому, кроме самих иранцев. Зато зороастризм оказал большое влияние на все великие религии. Зевс и Юпитер греков и римлян остались национальными мифами, тогда как греческая философия и римское право покорили мир. Национальный Ягве евреев не был нужен никому, кроме самих евреев. В то же время «универсальный элогим» в виде христианства покорил полмира. Национальный Аллах арабов, также не был никому нужен, кроме самих арабов, которые постоянно воскрешали его в ханбализмах и ваххабизмах, запрещая другим народам, хоть как то толковать и рационализировать магические буквы Корана. Зато ислам в виде иранского шиизма стал источником международного распространения ислама в виде баббизма и бехаизма. В империи Великих Моголов иранский шиизм вдохновил великого Акбара, этого Марка Аврелия на троне, к созданию универсальной религии индуизма, христианства, зороастризма ислама. Он назвал ее «дин-и-иллахи» (божественная вера).

А, Массэ «Ислам»:

> «Третий представитель династии Бабура, император Акбар (вторая половина 16 века) был гениальным человеком. Величие его философских и религиозных концепций затмевало его качества стратега и правителя. Акбар был, подобно Марку Аврелию, мудрецом на троне. Основной чертой его характера являлась просвещенная веротерпимость. Воспитанный в суннизме, он не замедлил предпочесть ему шиизм, легче поддававшийся смешению с другими вероучениями, а это привело к замене арабского языка — персидским

> фарси в подвластных ему регионах. Затем от шиизма он закономерно перешел к мистицизму и стал суфием. В 1593 году, индусы, которые когда-то были насильственно обращены в ислам, получили разрешение вновь обратиться в свою прежнюю веру. Акбар ценил во всех религиях только чувство божественного и не придавал никакого значения расхождениям в вероучениях и обрядности. С одинаковой симпатией он относился к брахманизму, буддизму и христианству и созывал представителей всех этих религий на диспуты. Кончил он своего рода деизмом без священства, взяв в качестве видимого символа солнце в небе и огонь на земле (символ религии древнего Ирана, которую проповедовали зороастрийцы). Но деизм Акбара насчитывал лишь ничтожное число последователей. Это не помешало ему нанести чувствительный удар по правоверному исламу в Индии. Сын и наследник Акбара поспешил вернуться к суннизму. Несмотря на эту реакцию, синкретизм Акбара представляется самым сильным нарушением традиции в истории ислама

Википедия: «В первые годы своего правления Акбар проявлял нетерпимость по отношению к индуизму и другим религиям. Однако впоследствии он стал более терпимым, упразднил некоторые положения шариата и разрешил свободное вероисповедание всех религий. Акбар проявлял большой интерес к религиям, включая христианство, о котором ему рассказывали Родольфо Аквавива. Родольфо Аквавива, Антони де Монсератт и другие католические миссионеры. Акбар выделял земли и средства для строительства не только мечетей, но и индуистских храмов в Северной и Центральной Индии, а также христианских церквей в Гоа. С 1582 г он пытался утвердить в стране новое мистическое вероучение, которое назвал дин-и-иллахи («божественная вера»), разработанное вместе с Абу-л-Фазлом и представлявшее собой сочетание элементов индуизма, зороастризма, ислама, и отчасти христианства. Акбар говорил: «*Лишь та вера истинна, которую одобряет разум*» и «*Многие глупцы, поклонники традиций, принимают обычай предков за указание разума и тем самым обрекают себя на вечный позор*». В 1580—1582 гг вспыхнуло восстание крупных феодалов против проводимых Акбаром религиозных реформ. Как

итог борьбы звучат слова Акбара: «*Счастлив, ибо мог прилагать в жизни священное Учение, мог дать довольство народу и был оттенён большими врагами*».

Величие самого Акбара и важность его реформ, его влияния на судьбу Индивии трудно переоценить. Уже в начале 19 века Рам Мохан Рой продолжит его усилия по созданию универсальной религии деизма, основанной на разуме — Брахмосамадж. Из этой школы выйдут три великих Тагора (дед, сын и внук). Младший Тагор лично знал Махатму Ганди и Эйнштейна, и общался с обоими. Из этой школы выйдет Рамакришна и Вивекананда, которым Ромен Роллан посвятил три монографии (Жизнь Рамакришны, Жизнь Вивекананды и Вселенское Евангелие Вивеканады). Вевекананда также искал универсальную религию деизма, признавая наравне с индуизмом, христианство и ислам. Книга «Подражания Христу» была его настольной книгой, пишет Ромен Роллан. И главное что отличает его Вселенское Евангелие — это примат Разума над всякой догмой. Таким образом, он говорил о метафизике интеллекта, хоть и не всегда внятно. Ганди объявил себя учеником Вивеканды. В то же время, онкак известно находился под большим влиянием Льва Толстого, с которым вел переписку, и даже основал «Ферму Толстого», о чем подробно пишет в своих мемуарах. Он дружил с католическими миссионерами и восхищался нагорной проповедью Христа, оставаясь при этом индусом. Ганди пишет в своих мемуарах, что встречу с Богом он понимал как встречу с истиной — главным и единственным, что имеет значение. Наверное, если бы не было в свое время Акбара Великого и его либеральных реформ, мы могли не увидеть всех этих великих людей, порожденных свободной мыслью различных наций и культур.

Ромен Роллан «Жизнь Рамакришны»:

> «Рам Мохан Рой вел яростную борьбу с суевериями, с идолопоклонством и варварскими обычаями вроде Сати (сожжение вдовы с умершим мужем). В 1828 году избранные друзья его — среди них оба Тагора — основали вместе с ним ассоциацию унитариев

> „Брахмосамадж", которой суждена была в Индии блистательная судьба. Он породил Тагоров — этим все сказано. Рой называет себя индусом — унитарием. Он не боялся многое заимствовать из христианства и ислама. Но он всегда энергично защищался против обвинений в эклектизме. Его учение не совпадает ни с монизмом Веданты, ни с унитаризмом христианства. Теизм Роя пытается связать Абсолютное начало Веданты с идеями европейских энциклопедистов 18 века, бога без образа, и Разум. Как бы ни понимали устав Брахмосамаджа — эту великую божественную хартию, он положил начало новой эре в Индии и во всей Азии. Целый век был отмечен его величием»

Однако, все попытки этих либералов рационалистов объединить национальные религии различных народов на базисе интеллекта — оказались провальными попытками. Они прекрасны как необходимая стадия в становлении свободного научного мышления, которое требует отхода от магии догматического ригоризма. Однако, ни в коем случае не могут восприниматься как окончательное решение проблемы религиозного противостояния. Это напоминает политику толерантности и множественности культур в Европе.

Здесь мы имеем дело с глубинным противостоянием двух частей психики — магическими автоматизмами бессознательного с одной стороны, и рациональным, научным мышлением сознания с другой стороны. Нельзя решить проблему, объявив, что отныне вы соединили и примирили эти две несовместимые энергии психики. Есть только один способ решить проблему — полностью отказаться от магического бессознательного. И здесь абсолютно прав Ренан, когда говорит в конце книги «История израильского народа», что иудаизм и христианство, несмотря на огромную положительную роль которую они сыграли в становлении человечества, сойдут со сцены мировой истории в силу своего сверхъестественного характера, уступив место научному методу.

Однако, что есть универсальная религия деизма, о которой столько пишут самые просвещенные европейские умы, с точки зрения научного интеллекта? Она не может быть ничем иным

кроме метафизики интеллекта, открытой очень давно еще в Античной Греции с одной стороны; и с другой стороны — это знание закономерностей духовной энергии человека. Мы видели в первых главах книги, как постепенно созревает энергетическая научная парадигма, как постепенно различные авторы пишут о психике как о духовной энергетической системе, повторяя от автора к автору все одни и те же закономерности снятия эгозащиты и утверждения научного контроля. Мы видели, что открытие психической энергии — неизбежный итог эволюции человеческого мышления, который приведет от первого осевого времени «конца мифологической эпохи» и начала «борьбы логоса с мифом» ко второму осевому времени, когда эта борьба логоса с мифом завершится победой первого, рационального мышления, и окончательной очисткой этических религий от мифологии и магии. Это и будет открытие психической энергии. Это и будет духовная энергия человека в научном знании закономерностей природы. Это и будет универсальная религия деизма, поскольку энергетика невозможно вне метафизики интеллекта.

Хантингтон пишет в «Столкновении цивилизаций», что вероятность появления универсальной религии не больше вероятности появления универсального языка. Ренан пишет в «Истории израильского народа», что иудаизм и христианство исчезнут, уступив дорогу рационализму и деизму. Е. Трубецкой пишет в «Учении св. Августина», что метафизике Платона предпочли Евангелие Христа, потому что через Христа было доступно человеческое общение с Богом.

Универсальный язык был бы катастрофическим обеднением человечества, как обеднение и редукция все универсальной в сфере искусства и форм выражения мысли. Однако, сама мысль должна всегда оставаться универсальной и единственной — в этом реальный смысл единобожия, и если теряется связь мысли и единобожия, то бог-единоличник превращается в идола. Мысль не может быть двоякой и троякой, истина одна — не может быть многих истин, ибо это уже не истины, а вкусы.

Прав Трубецкой, когда говорит, что метафизика Платона не может быть религией, хотя прекрасна как философия. Действительно, страдания Христа за истину, рассказанные в форме притчи и метафоры есть эмоциональное развитие философии интеллекта, которое уже что-то говорит и о закономерностях духовной энергии человека. Однако, почему мы должны ограничиваться только историей борьбы за истину Христа? Или историями полуфантастических, обросшими нелепыми легендами о чудесах и стигматах святых? Разве жизненный путь каждого истинного мыслителя, каждого истинного ученого не является путем пророка и святого, принесшего людям огонь Прометея? Разве распятый Христос не есть лучший символ истязания и уничтожения этих великих умов варварами поля эгосистемы на протяжении всей истории человечества? Разве победа разума над мифом, рационализма над эмпиризмом, энергетизма над материализмом, научного интеллекта над шизоидным интеллектом, поля интеллекта над полем магического сознания эгосистемы — не станет великой победой этих святых мучеников, утвердив на земле царствие божие научного сообщества?

Человеку не надо сочинять никаких сказок, никакого мифотворчества и небывалых чудес. Достаточно просто правдиво рассказать эту историю становления науки и человеческого духа в борьбе со злом варварства эгозащиты и чудовищ-Левиафанов, которые возникают на поле эгосистемы; о том, что чудовища-Левиафаны возникают спонтанно, без усилий, а интеллекту человека нужно много времени, система образования и научные институты. И поэтому человек науки очень долго был беззащитен против этих чудовищ поля Эгосистемы, которого они истязали и жгли на кострах, ставили к позорному столбу, как Чернышевского. Достаточно вспомнить истории этих мучеников и вокруг креста Христа образуется огромное сообщество святых мучеников, отдавших жизнь за становление разума.

А выводом и целью этой универсальной религии, которая будет охранять открытые законы природы, и прежде всего своей собственной духовной энергии, будет предостеречь после-

дующие поколения от поля эгосистемы и его чудовищ-Левиафанов, от религиозного террора религий абсолюта, которые приходят под видом борьбы с язычеством, от победы поля эгозащиты в какой бы то ни было форме.

ГЛАВА 19. ВОЙНА В ПАЛЕСТИНЕ

«По рождению я еврей, по паспорту швейцарец, а по сути своей — человек и только человек, без всякой привязки к какому-либо государству или национальности»

А. Эйнштейн 1918

«То, что объединяло евреев тысячи лет и объединяет сегодня, — это прежде всего демократические идеалы социальной справедливости в сочетании с идеалами взаимопомощи и терпимости к людям»

А. Эйнштейн

1) Религиозный террор абстрактного единобожия
2) Магия национального сознания. Арийский Христос Гитлера
3) Взаимные обвинения в язычестве
4) Победа метафизики интеллекта

1) Религиозный террор абстрактного Единобожия

Война с язычеством поля эгосистемы, объявленная первым осевым временем борьбы логоса против мифа, на этом первом этапе пробуждения интеллекта потерпела поражение. Интеллект не стал настоящим научным мышлением, которое открывает законы природы и служит, таким образом, только истине. Это было всего лишь расщепленное шизоидное сознание, которое вместо многих деревянных идолов создало один единственный абстрактный идол Единобожия, суть которого, однако, оставалась прежней — этот идол был далек от истинного бога метафизики

интеллекта, научного мышления, представляя всего лишь абстрактную эгозащиту.

Однако, шизоидный интеллект вносит на поле эгосистемы необратимые изменения, о которых писал Э. Кречмер: устойчивое притяжение Самолюбия. Это устойчивое притяжение Самолюбия и становится результатом абстрактной шизоидной эгозащиты. В случае с ягвеизмом оно приняло форму национального идола, о котором Ренан писал как о несправедливом боге, который балует своих (и только на условиях рабского поклонения ему) и чрезвычайно жесток ко всему остальному человечеству. Э. Кречмер, описывая симптоматику шизоидного характера, говорит, например, о «фарисейском самодовольстве». Томас Пейн пишет следующее по этому поводу в «Веке разума».

Т. Пейн «Век разума»:

> «Помимо того Библия рисует характер Моисея таким ужасным, какой только можно себе представить. Если эти истории верны, то он был негодяем который первым начал вести войны из религиозных соображений или под их предлогом; под этой личиной или в подобном ослеплении он совершал беспрецедентные в истории народов зверства. Я приведу лишь один пример. Когда еврейская армия вернулась из одного своего разбойного и смертоубийственного набега, то сообщается следующее: (Числ, гл31, ст13): „И вышли Моисей и Элевар священник и все князья общества навстречу им из стана. 14. И прогневался Моисей на начальников, тысяченачальников и стоначальников, пришедших с войны 15. И сказал им Моисей: для чего вы оставили в живых всех женщин? 16. Вот они по совету Вааламову, были для сынов израелевых поводом к отступлению от господа и угождение Фегору, за что и поражение было в обществе господнем 17. Итак убейте всех детей мужеского пола, и всех женщин, познавших мужа на мужеском ложе, убейте 18. А всех детей женского пола, которые не познали мужеского ложа, оставьте в живых для себя“. Среди самых отвратительных негодяев, которые когда-либо в истории человечества оскверняли имя человека, невозможно найти большего, чем Моисей, если только рассказ этот историчен, Он приказал зарезать мальчиков, истребить матерей и изнасиловать дочерей. За этим отвратительным приказом следует подсчет украденного добра и его дележ. И именно здесь пошлось поповского лицемерия увеличивает перечень их преступлений. Стих 37: „И дань господу из мелкого скота 675; Стих

> 38. Крупного скота 36 000, и дань из них господу 72. Стих 39. Ослов 30 000 и дань из них господу 61. Стих 40. Людей 16 000 и дань из них господу 32 души". Библия говорит нам, что убийства эти совершались по прямому повелению Бога. Во Второзаконии о законах Моисея говорится много такого, чего нельзя найти в других книгах. Таков, например, бесчеловечный и дикий закон (гл. 21, ст. 18, 19, 20, 21), который дает право родителям, отцу и матери, подвергать своих детей убиению камнями за упрямство. нет оснований верить, будто бесчеловечная резня мужчин, женщин и детей, о которой рассказывается в этих книгах, была совершена по велению Бога. Защищать нравственную справедливость бога против клеветы Библии — долг всякого истинного деиста»

Мы видели, какие чудовищные междоусобные войны вызвало в античности это расщепленное шизоидное сознание, которое в конечном итоге привело к гибели Древнюю Грецию и Древний Рим. Несомненно, что глубинная причина бесконечной войны в Палестине такая таится в этом расколотом шизоидном сознании, породившим абстрактное единобожие, а вместе с ним и религиозный террор. Ренан пишет о том, что антисемитизм есть следствие единобожия ягвеизма, также как и ожесточенные сектантские войны в среде самих иудеев, которые велись даже под самым наступлением римского императора Тита. И что этот религиозный террор абстрактного единобожия (абсолюта) был в полной мере унаследован всеми авраамическими религиями: и христианской, и впоследствии исламской.

В «Жизни Иисуса» он говорит о том, что в смерти последнего иудейского пророка Иисуса повинен Закон Моисея, который стал выражением этого абстрактного Единобожия; что христиане унаследовали религиозный террор от евреев и применили его против них самих; что Христос хотел не этого, а революции Закона Моисея, которая уничтожила бы этот варварский обычай. Между тем, полумифологическое Евангелие, не могло до конца победить магическое сознание человека. Так что реальной победы логоса над мифом надо было ждать до второго осевого времени открытия первых энергий природы и становления энергетического метода в эпистемологии с тем, чтобы духовная энергия че-

ловека уже предстала результатом научного открытия, а не очередной мистической легендой. Конечно, евреи того периода не были виноваты в том, что не справились подобно античной Греции и Риму с первичным шизоидным интеллектом, и потерпели крах вместе с этой античностью. Современные представители израильского народа сделали очень много на пути становления современной науки, а такие его представители как Спиноза, Эйнштейн, Кафка, Пастернак, Эренбург, Маркс и др в полной мере критиковали ягвеизм с позиций рационализма. Спиноза и Эйнштейна — два крупнейших мыслителя, заложивших основы современной философии рационализма и метафизики интеллекта.

Э. Ренан «Жизнь Иисуса»:

> «Если верить четвертому евангелисту, он признал свое царское достоинство, но тут же произнес следующие знаменательные слова: „Царство мое не от мира сего“. Затем он объяснил, что он понимает под царским достоинством, говоря, что его царство есть истина, и что он пришел в мир провозгласить истину. Пилат ничего не понял в этом высшем идеализме. Но Христос казался ему неопасным мечтателем. Полнейшее отсутствие религиозного и философского прозелитизма у римлян той эпохи заставляло их смотреть на преданность истине как на химеру... Волнение разрасталось и перешло в настоящий мятеж. Со всех сторон раздавались крики: „Распни его, распни его!“ Священники, принимая все более вызывающий тон, объявили, что Закону угрожает опасность, если богохульник не будет казнен. Пилат ясно видел, что для спасения Иисуса необходимо будет прибегнуть к кровопролитному усмирению мятежа... Мы видим, что не Тиверий и не Пилат приговорили Иисуса к смерти. Его осудила старая иудейская партия, Моисеев закон. ...Эта смерть была „законной“ в том смысле, что являлась следствием закона, составлявшего душу нации. Моисеев закон, правда, в своей первоначальной форме присуждал к смертной казни за всякую попытку изменить установленный культ. Между тем Иисус без всякого сомнения обрушивался на этот культ и стремился его уничтожить. Иудеи справедливо и откровенно сказали об этом Пилату: „У нас есть закон, и по этому закону он должен умереть, так как он называет себя Сыном Божиим“. То был отвратительный закон, но это был закон античной жестокости; герой, который приносил себя в жертву, чтобы низвергнуть этот закон, прежде всего должен был испытать его на себе. Увы, потребуется более 18 веков, чтобы кровь, которую он прольет, принесла плоды. В тече-

> нии столетий во имя его станут мучить и подвергать смерти мыслителей столь же благородных, как и он. Еще и теперь есть страны, называющие себя христианскими, где наказуются религиозные проступки. Иисус не ответственен за эти заблуждения. Он не мог предвидеть, что какой-нибудь народ, представит его себе когда-нибудь в своем извращенном воображении каким-нибудь ужасным Молохом жаждущим горелого мяса. Христианство было нетерпимым, но нетерпимость, по существу, не христианский факт — это факт иудейский в том смысле, что в делах веры иудейство впервые поставило теорию абсолюта, установив тот принцип, что всякий, отвращающий народ от истинной религии, если он даже подтвердит свое учение чудесами, должен быть встречен камнями и побит всем без суда. Правда, у языческих наций были также свои религиозные насилия, но если бы у них существовал подобный закон, как бы они стали христианами? Таким образом, Пятикнижье было первым кодексом религиозного террора. Иудейство дало пример незыблемого догмата, вооруженного мечом. Если бы вместо того, чтобы в слепой ненависти преследовать евреев, христианство уничтожило тот порядок вещей, который причинил смерть его основателю, насколько бы оно было последовательнее, насколько бы выше были его заслуги перед человечеством!»

В «Истории израильского народа» Ренан пишет о том, что этот религиозный террор в полной мере унаследовали не только христиане, но и мусульмане.

Э. Ренан:

> «Ягвеизм, стремящийся утвердится в эту эпоху, сильно напоминает будущий ислам. Общество представляет собой единое целое; Ягве награждает или карает всех сразу. Учение ягвеизма у пророков, так же как ваххабизм, как истинный ислам, содержит в себе начало принуждения путем угрозы карою, требуя от светской власти, чтобы она силою понуждала к исполнению нравственных законов. Крайности фарисейзма были естественным следствием этого направления, вернее — фарисейство родилось вместе с ягвеизмом. Идея еврейской теократии, наиболее крайнее выражение которой мы находим в исламе, или вернее в ваххабизме, махдизме и тп, породила инквизицию, соединение церкви с государством, систему взаимного сыска».

Бертран Рассел «История западной философии»: «Господь в видениях показывает Иезекиилю женщин, сидящих у северных ворот храма и плачущих по Фаммузе (вавилонское боже-

ство); потом он показывает ему „большие мерзости“ — двадцать пять мужей, стоящих у дверей храма и поклоняющихся солнцу. Господь вещает: „За то и Я стану действовать с яростью: не пожалеет око Мое, и не помилую; и хотя бы они взывали в уши Мои громким голосом, не услышу их“. Очевидно, именно эти пророки были творцами идеи, что все религии, кроме одной, нечестивы и что господь карает идолопоклонство. Все пророки были ярыми националистами и ожидали того дня, когда Господь истребит всех язычников».

Как нам представляется, именно этот религиозный террор абстрактного единобожия, или абсолюта в религии, как говорит Ренан, и является фундаментальной причиной незатухающего конфликта в Палестине, причины которого обычно ищут в политике и экономике.

2) Магия национального сознания. Арийский Христос Гитлера

Известно Гитлер сделал их Христа очередного идола, назвав его арийским Христом, что было бы очень смешно, если бы не привело к тому, к чему привело. Менее известен тот факт, что Гитлер дал зеленый свет возврату «моего народа» к дохристианскому германскому язычеству, то есть к первобытному магическому сознанию.

Лев Клейн в книге «история антропологических учений» развивает идею о том, что всякий национализм имеет свои корни в мистике, то есть в «магии коллективных представлений» аборигенов, что и называется языческим идолопоклонством. И что гитлеровский национализм наилучшее тому подтверждение. Вот судите сами.

Лев Клейн «История антропологических учений»:

> «Крайний национализм в Европе, прежде всего немецкий, также был пропитан мистикой. Она ему сродни принципиально. Ведь с конца 18 века национализм теоретически осмыслялся и воодушевлялся учением о национальном духе, а в этом понятии изна-

чально было нечто мистическое. Мистика оставалась и остается существенной частью националистической идеологии. Немецкий нацизм продемонстрировал это с полной очевидностью. ...Гитлер очень ценил писания фон Листа и в молодости находился под его влиянием. В конце 19 века в Вене Гвидо фрн Лист, подростком 14 лет заявил перед языческим алтарем в катакомбах под Собором Св. Стефана в Вене: «Когда я вырасту, я построю рам Вотана!» Уже тогда германское язычество влекло его больше, чем христианство. Храма Вотана он не построил, но написал много стихов и романов о германских мифоэпических богах и героях. Другими выдающимися ревнителями традиционализма были Рене Генон и Чезаре Андреа Эвола. Генон принял ислам, взял себе арабское имя, поселился в Египте и женился на дочери шейха из фатимидского рода. С этого момента он шейх Абдель Вахед Якья. Он критикует экспансию Запада, разрушающую традиционный мир Востока. Эвола автор книг «Очерки о магическом реализме» (1925), «Восстание против современного мира» (1934), одобренный Геноном. Отношение к христианству у него резко отрицательно, в 1928 он пишет «Языческий империализм». В 1934 по приглашению Гиммлера он едет в Германию и читает лекции высшим кругам СС. Пишет он в это время книги по расовому вопросу (Три аспекта еврейского вопроса, Миф крови, Синтез расовой доктрины), одобренные при встрече лично Муссолини... Мирча Элиаде хорошо понимал свою близость к идеологии Рене Генона и Эволы. Он познакомился с ними, а с Эволой встречался не раз. « Вы знаете, — скажет он своему интервьюеру Роке, — к такой космической религии, названной «политеизм» или «язычество» относились пренебрежительно не только богословы, но и некоторые историки рлигий. Но мне-то довелось жить среди «язычников». А их божества суть проявления вселенского таинства, этого неиссякаемого источника творческой силы, жизни и блаженства. В конечном итоге я пришел к тому, чтобы раскрыть духовную ценность так называемого «язычества». Это было сказано в годы, когда в ряде стран Европы уже наблюдался взлет неоязычества, которое все больше сливалось с националистической идеологией, с отвержением христианства, как навязанной иудеями идеологии. Мирча Элиаде становился ученым идеологом или святым покровителем этого движения... Ланц фон Либенфельз, вдохновитель и идейный предтеча Гитлера. Факт что Иисус был евреем с негодованием отвергал. О библейском Моисее писал специальные сочинения «Моисей как антисемит» и «Моисей как пророк расовой морали». Его выгнали католики за ложные нехристианские идеи и плотские грехи. Среди

> его произведений «практическое введение в ариохристианскую мистику», «Практический учебник каббалы» и др. Доказательств его концепциям не требовалось, достаточно было ссылок на писания Гобино, Чемберлена и Вагнера, а все остальное обосновывалось откровениями свыше и мистическим проникновением в суть вещей. На год младше Кроули был англичанин Алисте Кроули. Написав ряд книг по магии, Кроули инициировал сатанизм. Он считал, что сатана не враг человека. Себя он называл Великим Зверем и симпатизировал Гитлеру. Упования Гитлера на ясновидцев хорошо известны, что отражено в романе Фейхвангера «Братья Лаутензак».

Действительно, о том же пишет Жюльен Бенда в книге «Предательство интеллектуалов», где он очень красноречиво проводит причинные связи между расцветом нацизма в начале 20-го столетия и разрушенным рационализмом в философии Гегеля, Маркса, Ницше, Бергсона, и др философов диалектики и антиинтеллектуализма. Ж. Бенда написал свою книгу в 20-годы 20-столетия, предсказав жестокие войны, в связи с деградацией рационализма и поднявшимся духом насилия и жестокости, культивирующих нацизм и войну. Он также говорит там о катастрофе духа, постигшей человечество в результате победы немецкой философии антиинтеллектуализма над греческой метафизикой интеллекта. Действительно, меньше чем через 10 лет Гитлер начал свою военную кампании, потрясшую мир своей бессмысленной жестокостью, цинизмом и расизмом.

Ж. Бенда «Предательство интеллектуалов»:

> «Новые ≪рационалисты≫ отвергают и не узкий рационализм совершенно так же, как узкий, только потому, что это рационализм. Здесь опять-таки те, которые, как ожидалось, должны были воспитывать в людях уважение к разуму и *которые притязают на это*, проповедуют им мистическую позицию. Людей, задача которых состоит в преподавании серьезного мышления и которые, превратившись в настоящих вертящихся дервишей, проповедуют, что такими приобретениями разума надо пренебречь. ...Можно сказать, что они создали целую *религию жестокости* (Ницше, провозгласивший, что ≪всякая высшая культура состоит из жестокости≫; доктрина, открыто излагаемая во многих местах автором книги ≪О крови, страсти и смерти≫Барреса) ...На это я отвечу, что индивидуум, перенося

> свои стремления на целое, к которому он себя причисляет, тем самым отнюдь не меняет их природы. Он лишь безмерно увеличивает их масштаб. Национальный эгоизм, оттого что он является национальным, не только не перестает быть эгоизмом, но и превращается в ≪священный≫ эгоизм… Чтобы читатель в полной мере уяснил новизну позиции современного интеллектуала, приведу высказывание Ренана, под которым подписались бы все мыслящие люди со времен Сократа: ≪Человек не принадлежит ни своему языку, ни своей расе; он принадлежит лишь себе самому, ибо это существо свободное, т.е. существо нравственное≫. На что Баррес отвечает под овации единомышленников: ≪Вот что нравственно: *не желать быть свободным от своей расы*≫.

Связь магического сознания с его иррациональностью, страхом сверхъестественных сил и агрессией с национализмом очень легко объяснить, поскольку магическое сознание — это поле эгосистемы, энергии эгозащиты. Национализм и есть такая иррациональная эгозащита: «Национальный эгоизм, оттого что он является национальным, не только не перестает быть эгоизмом, но и превращается в ≪священный≫ эгоизм» (Ж. Бенда).

Английские исследователи К. Хорри, П. Чиппиндейл также пишут о конфликте в Палестине, как о национализме «панарабизма», который проявляется в ненависти к еврейскому народу.

К. Хорри, П. Чиппиндейл «Что такое ислам»:

> «Египет обрел независимость в 1860-е гг, что вызвало там всплеск религиозного возрождения, в котором тесно переплетались националистические и религиозные настроения. Отыне ислам стал восприниматься как мощная сила панарабского национализма, с идеей объединения всех североаравийских земель в единое могучее современное государство. Коллапс Османской империи в 1919 г. Всколыхнул немалые надежды панарабистов на то, что их мечта близка к осуществлению. Однако вместо этого регион превратился в кипящий котел политических интриг… всевозможные радикальные и консервативные арабские фракции боролись друг с другом за влияние и власть. После Второй мировой войны положение вещей снова изменилось: было создано государство Израиль, Арабский мир увидел в этом событии не только прямой вызов со стороны Запада, но и оскорбление ислам. В 1948 г. Сирийская, египет-

> ская, иорданская и иракская монархии совместно объявили войну Израилю. Это объявление вызвало новую волну панарабистских настроений, чуть позже смешавшихся с религиозными идеями. Поражение арабских монархий в арабо-израильской войне 1948 года потрясло весь мир. Громче зазвучал призыв к всеарабскому объединению. Появилась новая идея всеарабского „исламского социализма“. За два последующих десятилетия панарабистские социалистические организации свергли монархии во всех североарабских странах, кроме Иордании. Военные перевороты имели место в Сирии, Египте и Ираке В 1958 г. Египет и Сирия создали федерацию Объединенная арабская республика. Ирак, переживший несколько госпереворотов, в нее не вошел. Монархическое правительство Иордании, подавившее панарабиисткое восстание, которое было поднято палестинцами, очень враждебно отнеслось к самой идее союза. В 1961 году, когда Сирия вышла из конфедерации, сославшись на стремление Египта доминировать в ней, Объединенная Арабская республика распалась. Поражение арабских стран в войне „Йом Киппур“ с Израилем в 1973 г. Привело их к взаимным обвинениям, новым государственным переворотам, и в конце концов, полной дискредитации панарабистского идеала. Партия „Баат“ осталась у власти в Сирии и Ираке в качестве партии „исламского социализма“, но в действительности сирийская и иракская ветви партии развивались самостоятельно, а позже стали откровенно враждебны друг другу. В 1977 году Египет заключил мир с Израилем, в 1994 году Иордания признала еврейское государство. С формальной точки зрения роль, которую играл ислам в трагических конфликтах на Ближнем Востоке, была незначительной — вплоть до недавнего подъема исламистского движения ХАМАС. Тем не менее исламские традиции джихада и мученичества все таки сыграли свою роль в развитии непреклонного отношения некоторых группировок мусульман как к Израилю, так и к тем арабским странам, которые на их взгляд, недостаточно враждуют с еврейским государством. Еще более глубокой причиной вражды между Израилем м арабскими государствами является традиционная антипатия мусульман к евреям».

Действительно на протяжении всей истории своего существования мусульманские государства никогда не могли ужиться друг с другом. Отчаянное противостояние иранцев и арабов, позже арабов, иранцев и османской империи, которая их подчинила. Ф. Кардини «Европа и ислам»: «Когда империя Тимура

распалась, Средняя Азия превратилась в мозаику ханств и эмиратов, яростно враждующих между собой. Турки, персы и китайцы стремились заключать союзы с этими мелкими государствами». Недавние войны Ирана и Ирака. И современный ислам, как пишет Хантингтон, представлен не единой цивилизацией со «стержневым государством», а рядом противостоящих друг другу, враждебно настроенных стран.

В свою очередь Ж. Бенда писал о поднимающейся волне сионизма:

> «До сих пор евреи, которых во многих странах упрекают в том, что они составляют низшую или, по крайней мере, особенную, не ассимилируемую расу, в ответ на подобные упреки отрицали свою особенность, стараясь развеять самую видимость ее и отказываясь признать реальность рас. Но в последние годы некоторые из них, наоборот, прокламируют эту особенность и описывают ее черты или то, что они почитают за таковые, гордятся ею и резко осуждают всякую волю к объединению с противниками (см. сочинения Израэла Зангвилла, Андре Спира, ≪Revue Juive≫). Я. не ставлю здесь вопрос о том, не является ли умонастроение этих евреев более благородным, чем желание множества других, чтобы им простили их происхождение; я только обращаю внимание тех, кого волнует мир на земле, на то, что к амбициям, восстанавливающим людей друг против друга, в наше время прибавилась еще одна, во всяком случае, еще одна сознающая и возвеличивающая самое себя».

А. Эйнштейн, который говорил о еврейском народе с большой нежностью и в то же время с большой болью в сердце после трагедии Холокоста (он говорил, что интеллектуальная культура, уважение к интеллекту других составляют ядро еврейского менталитета), как известно, не был иудеем. Он оставался последовательным во всем до конца; ведь Эйнштейн один из убежденных сторонников гуманизма и наднациональных мировых структур управления.

Такова специфика научного сознания поля интеллекта: его бог — всегда универсальный бог всего человечества, доступный каждому в законах природы, в том числе в законах психической энергии самого человека. Общая человеческая природа, есте-

ственное право, свободное общество, где правит истина институтов образования вместо догмы, утверждаемой силовыми институтами власти, — такова специфика этого сознания, которое Эйнштейн и Спиноза в полной мере демонстрировали, наряду с другими мыслителями своего времени.

С другой стороны, магическое сознания поля интеллекта, тоже всегда представляет «синдром» в смысле системы взаимосвязанных характеристик этого сознания. В этом смысле мусульманские арабы и ортодоксальные евреи намного ближе друг другу, чем те или другие христианству. Они сообща противостоят рационализму западного христианства, обвиняя его в язычестве за научную культуру.

Андре Шураки, который был какое-то время мэром современного Иерусалима государства Израиль, пишет в книге «История иудаизма», что арабы, в сущности, братья евреев в боге Аврааме, и что арабский национализм никогда так сильно не тревожил их, как западное язычество с его «мудростью Афин». Таким образом, он тоже считает, что иудейское и исламское «единобожие» — единственно свободная от язычества религия.

Адре Шураки «История иудаизма»:

> «Новая религия возникала тоже из Библии и придавала другое значение изгнанию выживших в Израиле иудеев. Арабы, эти пришельцы, вытащили их из опасных отношений с торжествующим христианством, они обожали Бога Авраама, потомками которого себя считали. Как и иудаизм, ислам был религией Слова, данного в Откровении, письменная традиция (***китаб***) которого требовалась в качестве дополнения к устной традиции ***(хадисам),*** в основном занимающейся также и определением религиозного закона ислама ***(шариат),*** зародившегося в Вавилоне — колыбели Талмуда. Мухаммед, столь сильно вдохновленный традицией Израиля, считал себя вправе надеяться на обращение иудеев Медины в свою религию. Но не оправдавшему его ожиданий Израилю предстояло проделать еще долгую дорогу самостоятельно. Отказ Израиля от нового послания развязал против него цензуру, которая, впрочем, обрела полную силу закона только после прекращения экспансии ислама и вызвала жестокие последствия только в период наибольшего ее упадка. Если их судьба часто

> была малозавидной, стоит тем не менее сказать, что, если сравнивать ислам с христианством, первый обращался с ними несколько лучше. Мусульмане никогда не позволяли себе ничего, что напоминало бы бесчинства инквизиции, изгнания из Испании или — в Европе уже нашего времени — ужас концентрационных лагерей и крематориев. Место ненависти, вызвавшей все эти извращения, там заняло снисходительное высокомерие, с которым в мрачные времена правящее большинство глядело на подчиненное ему меньшинство.

Таким образом, подъем ислама открыл новую эру в истории иудаизма. Первые биографы Мухаммеда считали случайным тот факт, что ислам расцвел в тех же столичных городах, где уже существовали мощные иудейские сообщества. В действительности же иудео-арабский симбиоз осенял один из самых значительных периодов Средних веков. Расширяя духовные горизонты, эта встреча вызвала общее возрождение духа, который и христианство привело к пересмотру своего предназначения. Их единственная мысль была спасти следы аутентичности народа и традиции, которые могли исчезнуть. Против язычества античных Греции и Рима нужно было твердо и неустанно склоняться над источником, открытым Богом в Израиле, и за них вести жизнь, наполненную испытаниями, и умирать. Перед лицом опасностей, которые не прекращали преследовать Израиль, — именно такова была неизбывная проблематика иудаизма. Ислам не мог знать горечи подобной ситуации. Он был всемогущ в мире, широко завоеванном для монотеизма благодаря и конечном счете совпадающим усилиям синагоги и церкви. Он беспрепятственно мог вставать в конфронтацию с мудростью Афин. Встреча — это известно — оказалась блестящей и оплодотворила не только ислам, но и иудаизм и христианство.

В определенном смысле еврейский народ был теологом с самых своих истоков. Тем не менее изложение в виде философского аргумента Откровения, свет которого он чувствовал, не было его призванием. Срочной, первоочередной мерой евреи считали получение Слова и подчинение его приказу. Отсюда оригинальные разработки Мишны, Талмуда, масор».

Бертран Рассел подтверждает его слова в этом смысле. Б. Рассел «История западной философии»:

> «Вероятно, именно в еврейских и полуеврейских кругах и появились первые приверженцы христианства. Однако сам ортодоксальный иудаизм после падения Иерусалима стал еще более ортодоксальным и ограниченным. После I века выкристаллизовалось и христианство, и отношения между иудаизмом и христианством приобрели исключительно враждебный и внешний характер; как мы увидим, христианство усиленно поощряло антисемитизм. В течение всего средневековья евреи не участвовали в культурной жизни христианских стран; их преследовали с такой беспощадностью, что они были лишены возможности вносить какой-либо вклад в цивилизацию, помимо денег, которые шли на постройку соборов и подобные предприятия. Только среди мусульман евреи встретили в этот период гуманное отношение и получили возможность заниматься философией и просвещенными теориями. В эпоху средневековья мусульмане были более цивилизованными и гуманными, чем христиане. Христиане преследовали евреев, особенно во времена религиозного возбуждения: крестовые походы были связаны с ужасными погромами. Наоборот, в мусульманских странах евреи почти никогда не встречали дурного обращения. Здесь они внесли существенный вклад в развитие науки, особенно в мавританской Испании. Образованные евреи, владевшие древнееврейским, греческим и арабским языками и знакомые с философией Аристотеля, передали свои познания менее образованным схоластам. Передали они и менее желательные вещи, такие как алхимия и астрология. После средневековья евреи продолжали вносить значительный вклад в цивилизацию, но уже не как раса, а только как отдельные личности».

Нам остается задаться вопросом, кто же язычник на самом деле, «Единобожие» Авраама или Царство Божие Христа и Платона? Потому что, если язычество — это не рациональная культура «Афин», как говорит Шураки, а наоборот, магическое сознание Священное писаний, то причину неисчерпаемого конфликта не следует искать в политике и экономике. Разумные люди всегда договорятся мирным путем. Эта причина в язычестве, которое поклоняется своему национальному идолу и ищет смерти для всех остальных. Даже Гитлер как мы видели, всей душой

ненавидел христианство, и поощрял языческих писателей, воспевавших немецкого Вотана. Неслучайно, Ницше и Вагнер, два язычника восставших против христианства, стали идеологами и художниками его режима. И неслучайно Томас Манн вывел их обоих Доктором Фаустусом в одноименном романе.

3) Кто язычник?

Мы видели версию Ренана о происхождении национального Ягве евреев. Ренан считает, что этот бог развился из национального идола евреев, который те позаимствовали у Египтян вместе с культом храма и священниками-левитами. Что долгое время Ягве был обыкновенным идолом, который выполнял функции прорицателя, оставаясь обычным идолом, и так самым нелепым образом решал судьбу всего племени. Пока, наконец, революция пророков 8 века не победила, и не направила израильский народ на путь истинной веры, то есть поисков универсального деизма. Ренан, также как и Мильтон, видит профетизм (движение пророков) Израиля — социалистическим левым движением, которое составляло сильную оппозицию царской власти, практически блокированной ими.

Андре Шураки считает, что все было так как рассказано в Библии, и что Бог на самом деле говорил с Моисеем на горе Синай и в самом деле назначил евреев избранным народом: «Был избран народ, призванный содействовать порядку в мире». Он также нисколько не ставит под сомнение сверхъестественность всех этих происшествий, и ему не приходит в голову как Спинозе, что магия этого рассказа, сама говорит о том, что это небылицы.

Адре Шураки «История иудаизма»:

> «Моисей на горе Синайской заключает договор, который объединяет Израиль с его Богом через жертву и символизируется шаббатом, последним днем творения, его закон — это закон, который Бог открыл ему на горе Синайской. Итак, избран народ, призванный содействовать порядку в мире. Но внутри этого народа выделяется колено ле-

> витов и одна из семей, семья Давида, специально посвященные через особый завет с Богом Авраама. Эти заповеди определяют сверхъестественный порядок, в котором человек, освобожденный от идола, признает и обожает за рамками внешнего Создателя небес и земли. Тора, закон Моисеевой веры, кодификацию которого иудаизм должен был признать в Пятикнижии, одобряет хартию общества, в котором Бог есть Господь и Царь и которое подчиняет всю свою духовную и временную деятельность содействию его царствованию. Завет посвящает весь Израиль его Богу. Эсхатология, ангелология, демонология, учение о бессмертии души, надежда на приход Мессии и вера в его триумф, сын Давида и воскрешение из мертвых — вот основные мотивы учения Отцов церкви».

Д. Мильтон «Возвращенный рай»:

> «Узнай: когда воссяду на престоле Давидовом, он с деревом сравнится, которое распространяет тень над целою вселенною, иль с камнем, которому разрушить суждено Монархии земные».

Э. Ренан «История израильского народа»:

> «Давид по-видимому еще меньше чем Гедеон, Абимелех и Иефтах предчувствовал, чем должна была стать эта религия Ягве в руках великих пророков 8 века. Но он был основателем Иерусалима и родоначальником династии, судьба которой тесно связана с судьбой Израиля. Это предназначало его к роли героя будущих легенд. Мы будем присутствовать при этих превращениях, идущих из века в век. Мы увидим, как бандит Адуллама и Циклага будет мало помалу принимать черты святого. Он станет автором Псалмов, регентом священных хоров, прообразом грядущего Спасителя. Иисус суждено стать сыном Давида. Биография Иисуса в Евангелиях будет искажена в некоторых местах под влиянием убеждения, что в жизни Мессии должны повториться некоторые стороны жизни Давида. Благочестивые души, наслаждаясь тем настроением глубокой резигнации и нежной меланхолии, которой проникнута прекраснейшая из литургических книг, будут думать что они находятся в духовном общении с этим бандитом; человечество будет верить в осуществление конечной справедливости, на основании слов Давида, который никогда о ней не помышлял или слов Сивиллы, которая никогда не существовала. Teste David cum Sibylla! О, божественная комедия!»

Наконец, мы можем видеть, что Андре Шураки вслед за знаменитым Маймонидом, стоит на позиции о том, что язычеством

считается неверие в магию Священных текстов, открытых божественным откровением; язычество в том, чтобы ставить разум выше этих текстов, и пытаться давать им рационалистическую критику. Вместо этого правоверные люди Единобожия должны поклоняться букве Священных книг. Спиноза стоит на противоположной позиции и горько упрекает Маймонида в «Богословско-политическом трактате» за то, что тот смеет разлучать имя бога с разумом и ставить магию священных писаний над рациональной критикой. Конечно, говорит Спиноза эти писания полны ошибок и искажений, а пророки передававшие их были простыми людьми, и передавали их неадекватно, в силу своих возможностей. Такого не может сказать человек поклоняющийся букве писания. Конечно, Спинозу отлучили из синагоги и даже покушались на его жизнь. Однако, суть конфликта остается той же: в чем язычество: в европейской рациональной традиции ставить разум над догмами, или в традиции магического сознания сакрализовать догмы и ставить их над разумом? В магическом сознании поля эгосистемы или в рациональном сознании поля интеллекта?

Адре Шураки «История иудаизма»:

> «Вот уже два тысячелетия Иудея находилась под ударами римских легионов, ее сыны десятками тысяч подвергались распятию, вывозились, продавались в рабство, Земля обетованная была разграблена, Храм разрушен. Израиль ждал Мессию славы. Из скорбей появился Христос. О его правлении народам Земли было возвещено через рождающуюся церковь, во главе которой были евреи: ее апостолы, каждый из ее первых членов. Так Богу Израилеву было суждено в конце концов победить идолов империи завоевателей и низвергнуть ее закон. Но несмотря ни на что Израиль отказывается признавать в распятом Христе последнее достижение своего мессианского призвания. Его Бог вовсю зарабатывал признание среди прочих народов, а Израиль не желал признавать свое поражение. И вот Рим победил. Национальная катастрофа евреев усугубилась разрушением иерусалимского Храма, что воспринималось как главное событие того периода.
> Священнослужители прекрасно поняли, что разрушение Храма открыло новую эру покинутости Богом, и ввели обыкновение датиро-

> вать события считая от дня разрушения святилища, чьи руины, ежедневно поминаемые на литургиях в синагоге, и поныне ежегодно отмечаются 9 ава как лень поста и траура. Потеря святилища лишила Израиль фундамента национального и религиозного единства. Это было серьезное событие в религиозном, политическом и общественном плане, — но наибольший масштаб трагедия приобрела в плане духовном. Храм был местом Божественного присутствия, местом обитания Бога Израилева, единственным местом, где дозволялось произносить Имя Господне, поскольку только там жило Его присутствие, и только там было возможно отправлять Его культ, которого он требовал от Израиля в Моисеевой Торе. Бог, чье Имя становилось непроизносимым, казалось, и сам для Израиля погрузился в разлуку изгнания. Разрушение алтаря осушило в Израиле священные источники ритуальной чистоты и опрокинуло все значения Торы, которая была обезглавлена его последними жертвенными свершениями. Таким образом, весь народ оказался вовлеченным в ситуацию Мессии, Разрушенный Храм должен был быть восстановлен только после триумфа Сына Давидова. А он должен был появиться только после того, как четвертованный на колесе Истории Израиль ≪потерял бы надежду на Искупление≫... Позднее Иегуда Галеви придаст традиционному раввинскому учению окончательную форму. В новой ситуации изгнания Израиль был совершенно ≪как тело без головы и сердца≫, ≪как груда высохших костей≫, как беззащитный живой труп, подставленный под удары народов, но таким образом он добровольно подменял собою ставшего необходимым для него жертвенного агнца, стараясь принудить Господа смилостивиться, и готовил час Пришествия. Поэтому вавилонский рабби III века Элазар беи Педат мог позволить себе говорить: ≪В день, когда Храм был разрушен, воздвиглась железная стена между Израилем и его Отцом небесным»

Мы видим точку зрения искреннего иудея: крушение храма, где воспевается слава Ягве — есть крушение небес, или вернее стена воздвигнутая между израильским народом и его богом, что превратила его народ≪как тело без головы и сердца≫, ≪как груда высохших костей≫, как беззащитный живой труп, подставленный под удары народов». Культ Храма, наследство египетского пленения, как утверждает Ренан. А кто был большим язычником, большим идолопоклонником, чем египтяне?

Андре Шураки мимоходом подтверждает слова Маймонида, что евреи не приняли Христа как Мессию, с той разницей, что Маймонид называет в «Послании в Йемен» Христа самозванцем и преступником, которого заслуженно предали смерти, а Шураки считает, что Христос составил славу израильского народа. Он видит в нем бич в руках божьих, наказующий врагов Израиля:

> «Израиль ждал Мессию славы. Из скорбей появился Христос. О его правлении народам Земли было возвещено через рождающуюся церковь, во главе которой были евреи: ее апостолы, каждый из ее первых членов. Так Богу Израилеву было суждено, в конце концов, победить идолов империи завоевателей и низвергнуть ее закон. Но несмотря ни на что Израиль отказывается признавать в распятом Христе последнее достижение своего мессианского призвания. Его Бог вовсю зарабатывал признание среди прочих народов, а Израиль не желал признавать свое поражение».

Не раз приходилось встречаться с этой позицией иудеев, которые делают вид, что не видят радикальных разногласий со своими соплеменниками, как бы резко те не выступали против иудаизма. Маркс, этот еврейский антисемит, разгромивший не только иудаизм, но вообще мистику и сверхъестественное, тоже оказывается в лоне иудейской церкви, если послушать иудеев. Спиноза тот вообще последователь Маймонида, продолжатель его философии и каббалист. При том, что Спиноза прямо называет каббалистов болтунами, «безумию которых я никогда не мог надивиться» в «Богословско-политическом трактате», и при том, что его отлучили от синагоги при жизни. Также обстоит дело и с Христом, который, как говорит Толстой, не просто «пикировался с фарисеями», а восстал против всего закона Моисева, и именно за это и был распят (Маймонид об этом говорит прямо, но не современные иудеи). Известны высказывания Бориса Пастернака, Франца Кафки, Ильи Эренбурга (при всей нежной любви последнего к своему народу, а вернее именно вследствие этой нежной любви) против иудаизма (что далеко не всегда значит против евреев). Так, Эренбург и Эйнштейн говорят с болью и глубокой нежностью

в сердце о своем народе, и именно поэтому осуждают иудаизм как изжитое наследие прошлого.

Послушаем теперь точку зрения рационалистов, в том числе и еврейских рационалистов (Христос, Спиноза, Эйнштейн), которые как все метафизики интеллекта считали национализм злом.

Спиноза «Богословско-политический трактат»:

> «Поэтому, если кто-нибудь прочтет исторические рассказы Священного Писания и во всем даст ему веру, а на учение, однако ж, которому оно теми рассказами старается научить, не обратит внимания и не исправит свою жизнь, то это для него все равно и, наоборот, кто их совершенно не знает и тем не менее имеет спасительные мнения и ведет истинный образ жизни, тот, как мы сказали, безусловно блажен и на самом деле имеет в себе дух Христа. Но иудеи думают совсем обратное. Они ведь утверждают, что истинные мнения, истинный образ жизни нисколько не способствуют блаженству, пока люди получают их только путем естественного света, а не как правила, пророчески открытые Моисею. Маймонид в 8-й гл. Царей, в законе 11, открыто дерзает утверждать это в следующих словах: „Всякий, кто принимает семь заповедей и будет старательным исполнителем их, тот принадлежит к праведникам из народов и наследует будущий мир; конечно, при условии, если он примет и исполнит их потому, что бог предписал их в законе, и потому, что он открыл нам через Моисея, что раньше они же были предписаны сыновьям Ноя; но если кто исполнит их, руководясь разумом, тот не поселенец и не принадлежит ни к праведникам из народов, ни к их мудрецам“ ...Так, Пилат, чтобы уступить ярости фарисеев, приказал распять Христа, которого он признал невиновным. Кроме того, фарисеи, чтобы лишить более богатых их почетного положения, начали возбуждать вопросы о религии и обвинять саддукеев в нечестии; а по этому примеру фарисеев всякие гнусные лицемеры, побуждаемые той же злобой, которую они называют ревностью о божественном праве, всюду преследовали мужей, отличавшихся честностью и знаменитых добродетелью и поэтому неприятных для толпы, именно: публично предавали проклятию их мнения и разжигали гнев свирепой толпы против них. И это дерзкое нахальство не могло быть легко обуздано, т. к. оно прикрывалось религией... Следовательно, он называет божьим законом только тот закон, который написан в сердце или душе. Он исключает из него религиозные обряды, ибо они хороши не по природе, а только вследствие установления, и, стало быть, они не написаны в душах. А что религиозные обряды нисколько не спо-

собствуют блаженству, но касаются только временного благополучия государства, — это также ясно из самого Писания. Оно за религиозные обряды обещает лишь удобства и удовольствия для тела, блаженство же — только за всеобщий божественный закон. Ведь в пяти книгах, называемых обыкновенно Моисеевыми, ничего другого, как мы выше сказали, не обещается, кроме этого временного благополучия, т. е. почестей или славы, побед, богатств, удовольствий и здоровья, и хотя те пять книг, кроме религиозных обрядов, содержат в себе много моральных предписаний, однако последние не излагаются в Пятикнижии как моральные правила, общие для всех людей, но как заповеди, весьма приноровленные к пониманию и характеру только еврейской нации, поэтому они имеют в виду пользу одного государства. Например, Моисей не учит иудеев не убивать и не красть, как учитель и пророк, но приказывает это как законодатель и владыка; он ведь не подкрепляет правил доводами разума, но присоединяет к приказаниям наказание, которое, как опыт достаточно подтвердил, может и должно меняться, смотря по характеру каждой нации... Наконец, если они согласно известному выражению апостола во II Послании к коринфянам (гл. 3, ст. 3) имеют в себе письмо божье, написанное не чернилами, но духом божьим и не на скрижалях каменных, но на плотских скрижалях сердца, то пусть перестанут почитать букву и столь заботиться о ней. Думаю, что я достаточно объяснил этим, в каком смысле Писание должно считать священным и божественным... Божественный закон, делающий людей истинно блаженными и научающий истинной жизни, есть общий для всех людей; мы даже так его вывели из человеческой природы, что его должно считать врожденным человеческой душе и как бы написанным в ней. А т. к. религиозные обряды, по крайней мере те, которые указываются в Ветхом Завете, были установлены только для евреев и были так приноровлены к их государству, что они по большей части могли исполняться всем обществом, а не отдельным человеком, то несомненно, что они не относятся к божественному закону, а стало быть, и ничего не дают для блаженства и добродетели... Исайя учит как нельзя яснее, что божественный закон, принимаемый в безусловном смысле, означает тот всеобщий закон, который состоит в истинном образе жизни, а не в религиозных обрядах. Ибо Христос был послан, как я сказал, не ради сохранения государства и установления законов, но только для научения всеобщему закону».

Лев Толстой «Соединение и перевод четырех Евангелий»:

«(Мф. XII, 6, 7; Мр. 11, 27,28 /Мф. XII, 8; Лк. VI, 5/) Говорю вам: Здесь то, что важнее внешней святыни. И сказал: Если бы вы знали, что значит: любви к людям хочу, а не жертвы, тогда бы не осуждали невинных. И сказал им: Суббота сделана для человека, а не человек для субботы. И потому человек господин субботы». Вся эта речь, имевшая огромную важность тогда; когда она была произнесена, имеет огромную важность и для нас, если мы хотим понять учение Иисуса. Вследствие же ложного представления толкователей о том, что Иисус только продолжал закон Моисеев, от нее ничего не остается, кроме ненужной пикировки с какими — то фарисеями. Для непредубежденного читателя место это имеет огромное значение, а именно то, что Иисус при первом столкновении с законом внешнего богопочитания всеми силами прямо под корень отрицает его. Суббота есть главный завет Бога со своим народом. Несоблюдение субботы казнится смертью. Суббота исполнялась и исполняется до сих пор, и половина Талмуда трактует о. ней. Соблюдение субботы для евреев есть то, что для церковников причастие. Так же как не еврей тот, кто не соблюдает субботы, — не православный и не католик тот, кто не причащается. Осквернить субботу и осквернить причастие — одинаково ужасно. И вот Иисус говорит, что эта суббота — пустяки, людская выдумка, что важнее всякой внешней святыни человек; что для того, чтобы это понять, надо понять, что значат слова: «Милости хочу, а не жертвы»; и что субботу, т.е. считающееся самым важным внешнее богопочитание, — не нужно исполнять. И вот это-то значение скрадено толкователями. Отвергнув главное выражение богопочитания евреев — субботу и показав, что оно несовместимо с делами добра, что оно неразумно, Иисус показывает, что оно еще и вредно тем, что люди, исполняющие внешние обряды, этим исполнением считают себя правыми, а считая себя правыми, уже не ищут избавления от заблуждений. И он опять повторяет, что определенные жертвы не нужны, а нужна любовь к людям. «И собрались к нему православные и из них ученые (фарисеи), они пришли из Иерусалима. И когда увидели, что ученики его и сам он сообща нечистыми, то есть неумытыми, руками едят хлеб, то стали они ругаться. Потому что, если не вымоют рук, руками не едят, держась предания старины. И сказал им Иисус: Ловко вы отменили заповедь Божию, чтобы свое повеление соблюсти. Разве вы не знаете, что все, что снаружи входит в человека, не может его поганить. Потому что входит к нему не в сердце, а в брюхо. И потом выходит, очищая всякую

пищу. А что из человека выходит, вот то-то не опоганило бы человека. Потому что из сердца людей злые рассуждения выходят: блуд, похабство, убийства, воровство, корысть, злоба, обманы, наглость, завистливые глаза, клевета, гордость, дурачество. Все это злое изнутри выходит и поганит человека». (Ин. II, 20; Мф. XII, 6, 7) «Сказали иудеи: сорок шесть лет строился этот храм, и ты в три дня возбудишь его? И сказал им Иисус: Говорю вам, что важнее храма то, чтобы вы понимали, что значит: жалости к людям хочу, а не служб церковных. И книжники и старшины священников слышали это. И подыскивались, как бы его погубить, потому что они боялись его оттого, что весь народ дивился на учение его». Он пришел в храм, выбросил все то, что нужно для их молитвы, точно так же, как теперь бы сделал тот, кто, придя в нашу церковь, выкидал бы все просвиры, вино, мощи, кресты, антиминсы и все те штуки, которые считаются нужными для обедни. По учению Иоанна Крестителя для познания Бога нужно очиститься духом; Иисус в пустыне очищается духом и познает силу духа и возвещает царство Бога, т. е. Бога в людях, говорит ученикам, что Бог в общении с людьми. По евангелисту Иоанну первым делом Иисуса есть так называемое очищение храма, в действительности же уничтожение храма, и не какого-нибудь храма, а храма в Иерусалиме, того, который считается домом Бога, святыней из святынь. Иисус приходит в храм и уничтожает все, что нужно для служения. Не говоря уже о том, что сказано в Введении о Боге, о том, что Бога никто никогда не видел и не видит, и то, что Иисус дал нам новое богоугождение вместо прежнего, Иисус сам в храме говорит слова пророков о том, что храм Бога есть весь мир людей, а не вертеп разбойников. Объяснять это — все равно, что объяснять то, что в наше время пришли бы духоборцы в православную церковь, повыкинули бы все антиминсы и сказали бы: Бог есть дух и ему надо служить духом и делом. И дело и слова писания уже так ясно говорят, что прибавлять и толковать нечего. И дело и слова ясно говорят: Ваше богоугождение есть мерзкая ложь, вы не знаете настоящего Бога, и обман вашего богослужения вреден, и его надо уничтожить. Вот это-то самое выражают действия и слова Иисуса в храме. Он отрицает и богослужение и понятие еврейского Бога. На эти действия и слова его евреи говорят: какое право ты имеешь так делать?»

Э. Ренан «Жизнь Иисуса»:

«Иерусалим был тогда почти тем же, что и теперь, городом, исполненным педантства, язвительности, расовой ненависти и умственной узости. Фанатизм доходил там до крайности, религиозные смя-

тения возрождались ежедневно. Властвовали фарисеи, единственным занятием которых было изучение закона, спускавшееся к самым ничтожным мелочам, ограниченное вопросами казуистики. Это было нечто подобное бесплодной доктрине мусульманского факира, пустой науке, что плодится вокруг мечети, с громадной затратой времени и диалектики, без пользы для хорошей школя ума. Наука еврейского книжника, софера, или писца была часто варварская, нелепая без исключения, лишенная всякого нравственного содержания. Иисус чувствовал, что он во враждебной среде, которая встретит его лишь презрением. Его раздражало все, что он видел. Храм, как вообще все особо посещаемые места и собрания, представлял малоназидательное зрелище. Отправление культа соединено было со множеством отвратительных подробностей, особенно с торговыми, настоящие лавочки. В них продавали животных для жертвоприношений, были столы для размена денег, словно находишься на рынке. Это мирское, рассеянное отбывание священных обрядов оскорбляло религиозное чувство Иисуса. Он говорил, что из молитвенного дома сделали вертеп разбойников... Одно по крайней мере убеждение вынес Иисус из Иерусалима: что о каком-либо соглашении со старым иудейским культом нечего и думать. Отмена жертвоприношений, возбуждавших в нем такое отвращение, безбожного и надменного священства и вообще Закона представились ему безусловно необходимыми. С этой поры он выступал уже не иудейским преобразователем, а искоренителем иудейства. Иисус первый отважился сказать, что начиная с него или скорее с Иоанна, нет более Закона. Если порой он выражался сдержаннее, то для того лишь, чтобы не задевать слишком сильно ходячие предрассудки; но когда его ставили в тупик, он поднимал все законы и заявлял, что Закон уже не имеет никакого значения. „Никто к ветхой одежде не приставляет новых заплат, — говорил он, — не вливает также новое вино в ветхие мехи“. Он провозглашает права человека — не права иудея, религию человека — не религию иудея, освобождение человека — не освобождение иудея. Как далеки мы от Иуды Гавлонита, Матфея Маргалота, призывавших к перевороту во имя Закона. Создалась религия человечества, основанная не на роде, а на сердце. Моисей превзойден, храм утратил право на существование и осужден безвозвратно».

Э. Ренан «История израильского народа»:

«С 400-го приблизительно по 200-й год Израиль, казалось, спал глубоким сном. Иерусалим в том виде как устроил его Нехемия, был настоящей могилой. Тора применялась в нем строго; другими

словами жизнь представлялась самой ужасной пыткой, какую только можно было представить. Жестокие утопии старых мечтателей осуществлялись; в распоряжении теократической власти были смертная казнь, конфискация и изгнание. Эмиграция происходила в больших размерах. Еврейская тора имеет большие достоинства только тогда, когда не может располагать услугами светской власти. На чужбине жестокие наказания еврейского народа были парализованы, и потому там он стоил больше. Все давилось, теснилось, уничтожалось. Тора поглощает всякое умственное усилие Израиля. Не хотят знать ничего другого. В торе вся наука, вся философия. Мир с каждым днем просвещался чудесным проявлением греческого гения; иудейство повернулось к нему спиной. Точное соблюдение торы сделалось своего рода наслаждением. С этой эпохи иудейство признало Талмуд. Тора делала невозможной всякую свободную деятельность. Светский элемент совершенно отсутствовал, мы видим только священников и их украшения. Торговля и промышленность были осуждены на полное бездействие. Жизнь в деревнях иудеи предпочиталась жизни в городе. Очень богатыми были только священники. Закон Моисея направлен к тому, чтобы держать народ в патриархальном состоянии, помешать образованию крупных богатств, остановить развитие промышленности и торговли по образцу финики. Евреи сделались богатыми только тогда, когда их принудили к этому христиане, запретив им владеть землей и предоставив им денежные дела... Умственное и нравственное состояние было в полном упадке. Уже в эту отдаленную эпоху выступают наружу все недостатки, которые ставят в упрек современным евреям. Одновременно низкопоклонные и спесивые в отношении сильных мира сего, евреи персидской эпохи представляется нам обидчивыми, чувствительными ко всякой насмешке и жестокими когда им кажется, что над ними смеются. Болезненно самолюбивые, они на всякую шутку отвечают ненавистью. Можно заранее сказать, что предназначение народа, погрузившегося так глубоко в самые узкие идеи, не имело никакой будущности. Конец Израиля случайно совпадает со временем самого высшего расцвета Греции. Эзра и нехемия жили в век Перикла. В то время как Израиль с радостью несет иго Ахеменидов, в то время как Ягве всецело поглощен заботой обратить сердце великого царя на благо своего народа, в то время, как еврей гордится званием виночерпия, лакея или шпиона персидского царя, — Греция ведет борьбу не на живот, а на смерть, разбивает Дария, Ксеркса и Артаксеркса и спасает цивилизацию. Если бы история Израиля ограничилась историей Эзры и Нехемии, то она была бы историей строгой мусульманской секты.

> Но рядом с торой, стоит книга пророков. Темные предсказания Исайи, второго Исайи, Захария, Малахи нарушат спокойствие душ, помешают сну, граничащему со смертью».

Ева Берар цитирует идентичные мысли Ильи Эренбурга в одноименной книге «Бурная жизнь Ильи Эренбурга»:

> «Им надо помочь вырваться из гетто. Но ни литература на идише, слишком молодая и скудная („Еврейская литература чрезвычайно молода. Молод язык — идиш“ [260]), ни тем более „локальная“ польская литература с ее „узостью, ее подлинной местечковостью“ сделать это не в состоянии. Духовные запросы евреев, которые „доросли до действительного ощущения всечеловеческой культуры“, может удовлетворить только русская литература: „Русская литература — это прежде всего литература общечеловеческая. <...> Мечтатели еврейских местечек находят в этой российской широте надежду и опору. Наша литература в библиотеках Белостока, Радома или варшавских Напевок — это клочок лазури арестанту“. Необходимо вырвать еврейскую молодежь из гетто, открыть ей глаза на убожество жизни еврейской общины. Не зря в Москве выбрали для поездки в Польшу именно Эренбурга, автора стихотворения „Еврейскому народу“. Ведь ему пришлось всего лишь позаимствовать некоторые идеи из собственного прошлого: разве он с детства не ненавидел дух еврейских гетто? Разве он не отвергал идею сионизма? Разве его Лазик не погиб, преследуемый богатыми палестинскими евреями? Разве его программная статья об „иудейском духе“ не была обращена к европеизированным, ассимилированным евреям, которые раз и навсегда отказались от засаленных лапсердаков? Так что Эренбург, можно сказать, никого не предал и остался верен самому себе. Когда-то, в Париже и Берлине, он создал идеальный образ еврея „с элегическими глазами, классическими глазами иудея, съеденными трахомой и фантазией“; в Польше он обнаружил только трахому — и это вызывало у него отвращение. Он в недоумении и ужасе при виде этих „несгибаемых“, обрекших себя на нищету и отверженность. Нет, он не с ними! Вместо „соли земли“ перед ним грязные, прожорливые, тупые и жадные существа: „На лицах библейский экстаз. Куда они торопятся? В синагогу? Молиться? Бить себя в грудь? Нет, Лодзь не Стена Плача. Несутся они вот к этому окошку, где вывешены биржевые бюллетени. Глаза, привыкшие справа налево читать высокие слова о добре и пальмах, слева направо читают названия подлых и заманчивых бумаг“. Эренбург, цивилизованный, ассимилированный еврей, испытывает жгучий стыд, он глубоко потрясен: в Польше

> „существуют сотни, якобы „тайных“, хедеров, где еврейские мальчики с утра до ночи изучают Талмуд, где они не изучают вовсе ни польского языка, ни арифметики, ни начальной географии. Я побывал в таких хедерах. Тесная темная комната. Вонь. Духота. Грязный, невежественный рэби (учитель). В его руке недвусмысленная линейка. Ею наводит он румянец на чересчур бледные лица мальчишек. <…> Ни один католический монастырь, где монахини щиплют девочек, не может потягаться с хедером. Хедеры следует показывать туристам наряду со средневековыми темницами или с „музеями пыток“. Приведите в хедер европейца, он негодующе воскликнет: „но ведь евреи самый отсталый народ!““ При подготовке репортажей к отдельному изданию этот пассаж будет исключен из книги».

Можно видеть, что борьба Христа с иудеями сводилась к борьбе с язычеством. Культ единобожия национального идола, которое Андре Шураки понимает как правоверие иудейского и исламского народа, и противопоставляет метафизике интеллекта западной культуре, — воспринимался Христом и всеми прочими метафизиками интеллекта в свою очередь как язычество. Потому что борьба с язычеством не в том, чтобы от многих богов прийти к одному идолу в виде личности властного и жестокого властелина. Борьба с язычеством в том, чтобы вообще уйти с поля магического сознания поклонения идолам на поле научного сознания метафизики интеллекта. Спиноза, Толстой, Ренан, Томас Пейн тоже выступили против иудейского язычества, хотя только Толстой из них был христианином, а остальные деистами.

4) Победа метафизики интеллекта

Ренан говорит о том, что христианство стало конечной целью и славой иудаизма, и что становление христианства означало историческую смерть иудаизма. Мы могли убедиться, что он был неправ. Иудаизм остается самостоятельной религий единобожия, и успешно противостоит в войне на уничтожение родственной религии национального единобожия. Ренан считал, что именно культ Храма мешал становлению Израиля как нации,

и что в этой связи Александрия, как центр еврейства, лишенного культа храма, является антиподом Израиля, антиподом, который стал двигателем и источником становления интеллектуального еврейского духа.

Э. Ренан «История израильского народа»:

> «Города, основанные Александром, имели таким образом решающее влияние на иудейство. Олимпийский Зевс, этот бог громовержец, которого новая династия несет повсюду с собой как свой символ, сделается страшным соперником для своего собрата Ягве. Столь же по крайней мере ревностные в вере, как все остальные евреи, александрийские евреи дали своей изумительной внутренней активности направление, совершенно не похожее на направление религиозной жизни Иудеи. Иерусалимский храм их довольно мало занимал; культ, который можно было совершить лишь в этом городе, стал для них вещью второстепенной. Религия без культа, без храма и без священников была идеалом, который временами преподносился глазам пророков. Иерусалимский культ был великим препятствием к осуществлению этого идеала. В Иерусалиме, этом совершенно священническом городе, менее чем в каком-нибудь другом месте в мире, могла найти осуществление такая утопия. Но запрещение приносить жертвы в другом месте, кроме Иерусалима, все-таки должно было принести свои плоды. Именно это запрещение положило основание чистому богослужению. Раз не стало Иерусалима, всякие жертвоприношения делались невозможными. Ягвеизм превращается в деизм, исчезает последний след местного культа. За отсутствием храмов они устраивали оратории, очень аналогичные греческим и римским коллегиям. Эти небольшие оратории были зародышевой формой синагоги, следовательно, и церкви. Им предстояла огромная будущность. Синагоги были наиболее оригинальным и наиболее плодотворным созданием еврейского народа. Сколько великого создали эти добродетельные сектанты, которыми мир еще не интересовался, но которые подготовляли будущее! Субботу — день, день дающий духовную пищу (а не только телесный отдых); толкование — поучение, начало пастырских проповедей, церковь, великую школу души, источник утешения, руководства и жизни, конфессиальную школу, — все это было делом еврейской диаспоры, освобожденной от всепоглощающего иерусалимского культа. Обычай эллинистических евреев освятил слово «синагога» для обозначения этих мест субботних собраний. Церковь, следовательно, уже основана; но именно основанием церкви иудейство и произ-

> вело свою революцию. Нет сомнения, что в Александрии было много культурных греков, которых философия привела к виду деизма, аналогичному тому эклектическому деизму, который сто лет спустя исповедовал Цицерон. Теофраст в своем трактате о благочестии» провозгласил заповеди чистейшей из религий. Стоики походили со многих сторон на просвещенных евреев. Александрии принадлежит слава инициативы этого движения, из которого выйдут Сивиллины книги, ессейство, христианство. Александрия становилась таким образом, антиподом Иерусалима. Это упрощенное иудейство, чисто деистическое и моральное, было, естественно другом Греции и старалось установить с нею согласие. Палестинский еврей не знал Греции или презирал ее; египетский еврей знал ее и преклонялся перед ней. Эта эллинистическая школа, которая так ребячески аргументирует, которая нас возмущает своими историческими вымыслами, была велика, плодотворна, провиденциальна. Она подлинно происходила из Второго Исайи; она подготовила христианство. Организовалась монотеистическая и этическая пропаганда»

Христианство со своей стороны скатилось в язычество еще в средневековью: Лютер рассказал об авгиевых конюшнях католичества и папе как «сатане на троне» всему миру; восточное христианство никто не разоблачал жестче Льва Толстого. «Царство божие внутри вас», «исследование догматического богословия», «Исповедь» — там он называет христианскую церковь той блудницей, которая возводит на бога хулу, что не простится во веки веков.

Однако, западный рационализм не спорит с тем, что христианство только переходный период в поисках научного контроля, потому что бог-интеллект не может быть личным богом, но только метафизикой интеллекта. И в этом самый знаменитый ученый физик 20-го века, Альберт Эйнштейн, полностью согласен с Ренаном и Спинозой. Он открыто заявляет, что признает только бога Спинозы, что личный бог — источник всех бед человечества, и что метафизика интеллекта, как законы природы и познание этих законов природы делает его глубоко религиозным неверующим. «Вот такая новая религия», — заключает Эйнштейн.

Э. Ренан «История израильского народа»:

> «Христианство есть конечный пункт, цель, конечная причина иудаизма. После зарождения христианства иудаизм еще продолжает существовать, но как иссохший ствол наряду с единственно плодоносящей ветвью. Отныне жизнь отлетает от него. Его история имеет второстепенное значение с общечеловеческой точки зрения. В этом утверждении нет ничего, что могло опечалить убежденного израильтянина. Через христианство иудаизм поистине завоевал мир. Христианство есть шедевр иудаизма, его слава, резюме его эволюции. Христианством кончается вековая борьба двух элементов, которые были в иудаизме. Пророки, побежденные торой после возвращения из пленения, окончательно одерживают победу; фарисеи побеждены мессианистами; галаха побеждена агадой и, апокалипсические мечты Иисуса, последнего из пророков, дают последнее завершение делу Израиля. Будущие люди в окончательном результате, не будут больше верить в сверхъестественное; ибо сверхъестественное не истинно, а все то, что не истинно, осуждено на смерть. Ничего не остается кроме истины. Эта бедная истина кажется совершенно покинутой, так как ей служит только совершенно незаметное меньшинство. Но будьте покойны, она восторжествует. Все ложное — недолговечно; тогда как маленькое здание истины словно из стали, и оно поднимается все выше и выше. Ни иудаизм, ни христианство не будут следовательно вечны. След, оставленный после себя Израилем, будет однако вечен. Израиль первым давший форму крику народа, жалобе бедного, упорным требованиям тех, кто жаждут справедливости. Израиль так любит справедливость, что не находя мир справедливым, осуждает его на гибель. Еврейская программа будет выполнена: истина будет реально существовать на земле без награждающего неба. Творения евреев будут иметь свой конец, иудаизм и христианство исчезнут»

А. Эйнштейн «Цитаты и афоризмы»:

> «Я верю в Бога Спинозы, открывающего нам себя в гармонии всего сущего, — но не в Бога, озабоченного судьбой и деяниями людей… В личного бога я не верю и никогда этого не отрицал, но всегда говорил об этом прямо. Если что-то во мне можно назвать религиозным — это истинное восхищение перед структурой мира, которую открывает нам наука… Основной источник современных конфликтов между религией и наукой — представление о личном Боге… Истинному исследователю природы не обойтись без своего рода религиозного преклонения. Ведь невозможно вообразить, что те тончай-

> шие нити, которыми связаны его умозаключения, он создал сам… Всякий кто серьезно занят научным поиском, приходит к убеждению, что в законах, правящих вселенной, проявляет себя некий дух, стоящий бесконечно выше человека… Таким образом, научный поиск ведет к особого рода религиозному чувству, весьма отличному от религиозности людей более наивных… К религиозной сфере принадлежит вера в возможность того, что правила нашего мира рациональны, то есть умопостижимы. Не могу вообразить себе подлинного ученого, обходящегося без такой веры. …Чем дальше продвигается духовное развитие человечества, тем, на мой взгляд, становится яснее, что путь к истинной религиозности проходит не через страх перед жизнью, не через страх перед смертью, не через слепую веру, а через стремление к рациональному знанию… Я глубоко религиозный неверующий. Вот такая новая религия».

Еврейские ученые сделали очень много для рациональной науки и для философии метафизики интеллекта. Еврейские психологи и антропологи, такие как Леви-Брюль, Дюркгейм, Милграм, Маслоу, Фромм, Адлер, Франкл, Фрейд, Адорно, Лев Клейн и др. внесли большой вклад в становление гуманистический психологии. Имена еврейских ученых-естественников и деятелей культуры пришлось бы перечислять страницами. Иудеи никогда не полюбят Христа, а Христос никогда уже не станет ученым, его время закончилось, также как время иудеев. Но евреи, израильтяне, своей интеллектуальной одаренностью, своим рациональным гением вполне способны положить конец средневековью, и дать наконец правильную оценку язычеству. Разум над догмой или догма над разумом?

А это означало бы для израильского народа вступление в интеллектуальную войну против всех языческих религий абсолюта и магической догмы, которые мешают людям видеть реальность и провоцируют религиозный террор. Целью этой духовной борьбы является создание наднациональных институтов естественного права, которые контролировали бы национальные правовые системы отдельных государств и были представлены учеными из всех стран мира.

Поле эгосистемы и поле интеллекта не уживаются вместе: их конфликт есть конфликт мифа и логоса всей человеческой исто-

рии, ось мировой истории. Поэтому только одному полю суждено победить: либо магия всех священных книг иудаизма, либо метафизика интеллекта мировой научной мысли. О том, что нельзя примирить священные книги с метафизикой интеллекта со всей красноречивостью говорит позиция великих метафизиков интеллекта еврейского происхождения в отношении священных писаний, таких как Спиноза, Эйнштейн или Христос. Еврейские атеисты, которые отвергали всякого бога, в том числе деизм метафизики интеллекта, делали это тоже на основе философии рационализма, как они ее понимали: Маркс, Пастернак, Кафка, Эренбург, Ландау и др. Даже незрелый интеллект уже видит всю нелепость магического сознания. Иудаизм не нужно признавать Христа своим пророком. Отказ от магического сознание вследствие признания метафизики интеллекта приведет к признанию всех великих ученых и гениев духа. Для всех деистов бог — это законы природы; интеллект — это Святой дух, посредством которого мы общаемся с богом, познавая законы природы; а великие мыслители — это пророки, сообщающие слово бога в виде научной истины.

Безумие противостояния абстрактных идолов национальных богов, порожденных шизоидным незрелым интеллектом, сможет преодолеть только зрелый интеллект и научный метод. И поскольку евреи наряду с немцами, англичанами, французами, греками, русскими, американцами традиционно впереди планеты всей в научном познании, для них этот переход к спинозовско-эйнштейновской метафизике интеллекта не составит никакого труда. Правда, первое время общество расколется, но победа научной партии только вопрос времени. С другой стороны, ожидание Мессии Славы — очевидный признак активности магического сознания поля эгосистемы.

Абрахам Маслоу Дальние рубежи человеческой природы:

> «Мое восприятие академической процессии продлилось, достигло будущего, вышло за пределы моего ограниченного временем умственного взора и обнаружило во главе колонны Сократа и других ученых. Я увидел впереди себя целые поколения величайших акаде-

> миков, профессоров и интеллектуалов, коих я был последователем, учеником и продолжателем. Я смог увидеть в скучном ритуале некую торжественную процессию, скрывающуюся в тумане, в едва различимой бесконечности, в тех временах, когда люди еще не испытывали от нее тоски и досады, но с радостью и гордостью присоединялись к великой когорте школяров, интеллектуалов, ученых и философов. Я ощутил благоговейную дрожь, я был счастлив от того, что оказался в их числе, я почувствовал гордость за мантию на моих плечах и шапочку на голове. Я стал символом, я обозначал нечто большее, чем просто видимое всем человеческое тело. В тот момент я был даже не совсем человеком. Я был олицетворением вечного учителя. Я был платоновской сущностью учителя. Трансценденция времени может принимать и несколько иные формы. Например, я могу почувствовать приятельское, очень личное, почти любовное отношение к Спинозе, к Абрахаму Линкольну, Джефферсону, Уильяму Джеймсу, Уайтхэду и другим людям, как если бы они действительно были живы и были моими близкими друзьями. В известном смысле это конечно же означает, что они действительно живы»

Хантингтон пишет в «Столкновении цивилизаций», что вероятность появления универсальной религии не больше вероятности появления универсального языка. Ренан пишет в «Истории израильского народа», что иудаизм и христианство исчезнут, уступив дорогу рационализму и деизму.

Эйнштейн писал, что наука и религия суть разные стороны медали, — такова позиция всех деистов, которые видят в боге — интеллект законов природы. Об этой религии не скажешь лучше Томаса Пейна.

Томас Пейн «Век Разума»:

> «Христианская система лжет, называя науки человеческим изобретением; человек лишь применяет их. Каждая наука имеет в своей основе систему принципов, столь же прочных и неизменных, как и те которыми регулируется и управляется вселенная. Человек не может создать эти принципы, он может только открыть их... Но возможно, некоторые спросят: неужто мы должны быть лишены слова божьего — лишены откровения? Я отвечаю: да, есть слово божье, есть откровение. Слово божье — есть видимый нами сотворенный мир, мироздание; и посредством этого слова, которое никакое человеческое изобретение не может подделать или изменить, бог всегда и всюду говорит с человеком. Только в мироздании могут объединиться все

> наши идеи и представления о слове божьем. Мироздание говорит всеобщим языком независимо от многообразия человеческих языков. Оно — вечно существующий оригинал, прочесть который может каждый. Его нельзя подделать, подменить, утерять, изменить, или уничтожить. От воли человека не зависит, оглашать его в печати или нет; оно само оглашает себя с одного края земли до другого. Оно проповедует всем народам и всем мирам; и это слово божье открывает человеку все, что ему необходимо знать о боге. То, что ныне называется натуральной философией и охватывает весь круг наук, есть изучение Бога, силы и мудрости божьей в его творениях и является истинной теологией. Что же касается теологии, изучаемой ныне вместо нее, то она — изучение человеческих мнений и фантазий относительно бога».

Становление разума человека, который есть частица божественного разума, поскольку дает человеку ключ к законам природы, установленным богом; становление его духовной энергии, как постепенного научного открытия закономерностей психической энергии — в этом истинная связь человека с богом, в этом истинная история его общения с богом. И на этом пути погибло много святых людей, не задумываясь жертвовавших своими жизнями ради царствия небесного божественного разума и становления человека как духа, как личности, как носителя света интеллекта.

ГЛАВА 20. РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА И СЛОМ РУССКОГО ЛЕВИАФАНА

«Великий обвинительный акт, составляемый русской литературой против русской жизни, это полное и пылкое отречение от наших ошибок, это исповедь, полная ужаса перед нашим прошлым, эта горькая ирония, заставляющая краснеть за настоящее, — и есть наша надежда, наше спасение, прогрессивный элемент русской натуры»

А. Герцен «История развития революционных идей в России»

1) Реформы Петра и пробуждение интеллекта
2) Метафизика интеллекта в России
3) Русское евангелие
4) Коллективизм и индивидуализм

1) Реформы Петра и пробуждение интеллекта

Как вся мировая история, история России делится на периоды в зависимости от этапа становления мышления: магическое сознание мифов и ритуалов, расколотый незрелый интеллект, научный интеллект.

Принятие христианства в 10 веке было сначала формальностью, ментальное значение которой сказалось несколько веков спустя, когда появились первые русские христиане. До абсолютизма первых царей Русь еще полуанархическое, полуфеодальное племя. В царствование Ивана Грозного магическое сознание древней Руси складывается в чудовищный Левиафан тотального рабства и кровавой деспотии власти. Абсолютизм первого царя

стоил потоков крови, и превращению христианства в пособника деспотии. Ибо ни один Левифан не устоит на одних репрессиях: Левиафаны созревают и держатся там, где магическое сознание неразвитых интеллектуально людей постоянно воспроизводит само себя, притяжения Влюбленности и Самолюбия цикличного равновесия поля эгосистемы.

Церковь, как бы она не называлась, которая ставится поддержкой деспотии и потому ставит своей задачей консервирование магического сознания населения — это церковь языческая в том смысле, что она противостоит борьбе логоса с мифом первого осевого времени. Первые этические религии ставили своей задачей борьбу с язычеством магического сознания именно потому, что это было началом борьбы разума с мифом (многобожие и единобожие здесь абсолютно не при чем). Если церковь перестает выполнять свою роль поддержки истины и продает свои услуги в поддержку магического сознания, «одурения людей», она ставит противоположную задачу, нисколько не связанную со служением богу, разуму или становлению духовной энергии человека.

Именно поэтому Л. Толстой писал в «Царствии божьем внутри вас»: «Как ни странно это кажется, церкви, как церкви, всегда были и не могут не быть учреждениями не только чуждыми, но прямо враждебными учению Христа. Недаром Вольтер называл ее бесчестная; недаром все или почти все христианские так называемые секты признавали и признают церковь той блудницей, о которой пророчествует апокалипсис; недаром история церкви есть история величайших жестокостей и ужасов...Церкви, как церкви, не суть некоторые учреждения, имеющие в основе своей христианское начало, хотя и несколько отклонившиеся от прямого пути, как это думают многие; церкви, как церкви, как собрания, утверждающие свою непогрешимость, суть учреждения противохристианские. Между церквами, как церквами, и христианством не только нет ничего общего, кроме имени, но это два совершенно противоположные и враждебные друг другу начала. Одно — гордость, насилие, самоутверждение,

неподвижность и смерть; другое — смирение, покаяние, покорность, движение и жизнь. Нельзя служить вместе этим двум господам, надо выбрать того или другого.»

Иван Грозный стал первым царем России, показавшим на что способен русский Левиафан, особенно в отношении собственного народа. Петр Первый — последним царем, сменившим царскую шапку на титул императора греко-римской культуры. И вместе с этой греко-римской культурой запустивший в России сложный процесс становления интеллекта. Пусть при Петре сохранены внешние признаки абсолютизма, — все равно его реформы нанесли удар в самое сердце русского Левиафана.

А. Герцен «Письмо к Мишле» (История развития революционных идей в России):

> «Он разорвал покров таинственности, окутывавший царскую особу, и с отвращением отбросил от себя царские обноски, в которые рядились его предшественники. Петр Первый не мог удовольствоваться жалкой ролью христианского Далай-Ламы, разукрашенного парчой и драгоценными камнями, которого издали показывали народу, когда он торжественно следовал из своего дворца в Успенский собор и обратно. Петр Первый предстает перед своим народом словно простой смертный. Все видят, как этот неутомимый труженик, одетый в скромный сюртук военного покроя, с утра до вечера отдает приказания и учит, как надо их выполнять; он кузнец, столяр, инженер, архитектор и штурман. Его видят везде без свиты — разве что с одним адъютантом — возвышающегося над толпой благодаря своему росту. Как мы говорили, Петр Великий был первой свободной личностью в России и уже по одному этому коронованным революционером. Петр едва скрывал свое равнодушие или презрение к греческой церкви, которая по необходимости должна была впасть в опалу вместе со старым порядком»

С просветительских реформ Петра Первого, заложивших основы для становления русской интеллигенции, представленной в основном дворянством, начинается эпоха расколотого незрелого интеллекта в России. Эта эпоха породила большое множество великих умов, которым суждено было стать мучениками в стране, в мире, который все еще оставался далеким от полноценного научного интеллекта. И гимном, элегией, манифестом

этих великих мучеников стала публицистика А. Герцена, особенно «С того берега» и «Былое и думы». Хантингтон писал по этому поводу в «Столкновении цивилизаций», что «Россия была разорванной страной со времен Петра Великого, и перед ней стоял вопрос: стоит ли ей присоединиться к западной цивилизации или она является стержнем самобытной евразийской православной цивилизации». Однако, он забывает, что западная цивилизация не менее «разорванная» страна со времен античного мира, который и погубила эта разорванность. Противоречия между западниками и славянофилами были теми же противоречиями между приверженностью научному или магическому сознанию, которые прошли через всю историю расколотого шизоидного интеллекта.

Все здоровое, настоящее, объективное, божеское в лучшем смысле этого слова, глубокое и продуманное, что было в этом рождении русского интеллекта, проявилось в совершенно оригинальной русской литературе, которую всю вместе можно было сравнить по своей чистоте и гармонии с рождением нового евангелия. А. Герцен писал в «История развития революционных идей в России»: «Великий обвинительный акт, составляемый русской литературой против русской жизни, это полное и пылкое отречение от наших ошибок, это исповедь, полная ужаса перед нашим прошлым, эта горькая ирония, заставляющая краснеть за настоящее, — и есть наша надежда, наше спасение, прогрессивный элемент русской натуры». Лев Толстой, Петр Чаадаев, Ф, Достоевский, А. Чехов, Н. Гоголь, Н. Некрасов, Н. Чернышевский, П. Кропоткин, А. Герцен, Н. Огарев, М. Салтыков-Щедрин, И. Тургенев, В. Белинский, И. Гончаров, А. Грибоедов, Островский, Тютчев, Некрасов, С. Есенин и др — только самые яркие имена этой русской благой вести.

Дальше, как всегда бывало на этом этапе становления интеллекта, он сбился и сошел с пути. Марксизм-ленинизм не признали ни Толстой, ни Герцен, ни Кропоткин, ни Чехов, ни Достоевский, который выразил свое отношение к нему в романе «Бесы». Тем не менее, слом русского Левиафана случился

с такой же закономерностью после пробуждения интеллекта, и с такой же неоднозначностью последствий с которой он имел место во всех эпохах и у всех народов на шизоидной стадии незрелого мышления.

А. Герцен «История развития революционных идей в России»:

> «Все самое благородное среди русской молодежи — молодые военные, как Пестель, Фонвизин, Нарышкин, Юшневский, Муравьев, Орлов, самые любимые литераторы, как Рылеев и Бестужев, потомки самых славных родов, как князь Оболенский, Трубецкой, Одоевский, Волконский, граф Чернышев, — поспешили вступить в ряды этой первой фаланги русского освобождения. Как ни странно, но в то время, когда эти пылкие молодые люди, полные веры и сил, давали клятву ниспровергнуть петербургский абсолютизм, Александр давал клятву накрепко связать Россию с неограниченными монархиями Европы. Он только что создал знаменитый Священный союз — союз мистический, бесполезный, невозможный, образованный тремя коронованными студентами, среди которых Александр играл роль горячей головы. Те и другие сдержали клятву: одни идя умирать за свои идеи на виселицу или на каторгу, а Александр — оставив корону своему брату Николаю. От Петра до Николая правительство высоко держало знамя прогресса и цивилизации: с 1825 года — ничего похожего: власть только о том и думает, как бы замедлить умственное движение; уже не слово „прогресс“ пишется на императорском штандарте, а слова „самодержавие, православие и народность“ — это mane, fares, tacel деспотизма, причем последние два слова стояли там только для проформы. Религия, патриотизм были всего лишь средством укрепить самодержавие. Этот дикарский девиз устраняет все недоразумения, именно 14 декабря принудило правительство отбросить лицемерие и открыто провозгласить деспотизм»

Это был насильственный переворот, революция, как всегда случалось и раньше, и он повлек много жертв, в том числе и невинных. Это был слом царизма и провозглашение республики. Это был кровавый террор новой власти. Это были интриги, борьба за власть, неспособность удержать высокие идеалы провозглашенной республики — и в конечном итоге падение этой республики. Какая из социальных революций не прошла все эти стадии? Даже античная Греция утонула в кровопролитных меж-

доусобных войнах, уверенная что сражается за демократию Афин или за право полисов на самоопределение. Кровавая война вокруг римского трона разгорелась уже со времен убийства Гракхов, войн Суллы и Мария, Цезаря и Помпея. Неизбежное падение республики и империя Августа стабилизировалась тоже очень ненадолго, пока противоречия между сенатом и новыми императорами не стали снова раскачивать государство. Реформация Лютера имела следствие тридцатилетнюю войну, и при всех ограничениях своего революционного и реформаторского значения, она, как говорит Ренан, была явным движением рационализма и либерализма. Ужасы Французской революции охладили пыл многих поборников справедливости, заставив принять статус-кво. А между тем, где бы мы были сегодня без Французской революции? Еще более противоречивые оценки получила революция протестантов Оливера Кромвеля. Более уверенным был успех Американской революции, но разве сегодня это не такая же «разорванная страна», в которой идет непримиримая война между консерваторами и демократами (А. Шлезингер «Циклы американской истории», «Консерваторы без совести», «Исповедь экономического убийцы» Д. Перкинса и др).

Дело в том, что «линии разлома», которые Хантингтон видит между цивилизациями, идут на самом деле внутри каждой страны и даже внутри почти каждого человека между научным и шизоидным сознаниями. В этом смысле, русская литература стала проявлением здорового мышления России, а в марксизме-ленинизме преобладающую часть взяло шизоидное мышление. Ярким свидетельством этого раскола является тот острый кризис власти, который возник со смертью Сталина и война между Берией и Хрущевым, где победителем вышла либеральная партия. М. Горбачев называл себя коммунистом и последователем Н. Хрущева.

Современная путинская Россия — это возврат к Левиафану абсолютизма, который никогда не совершается без возврата к магическому сознанию. Именно поэтому лозунгами этой политики является возврат к «Золотому веку» «национальной мифо-

логии и традиций», а также активное вовлечение православной церкви в политику.

Увидим ли мы научную стадию становления интеллекта в России? Не раньше, чем поумнеет весь остальной мир, — то есть обретет научное мышление естественного права.

2) Метафизика интеллекта и научный контроль

> «Призвание всякого человека в духовной деятельности — в постоянном искании правды и смысла жизни»
>
> *А. Чехов*

> «Нам больно сознаться, что мы живем в мире, выжившем из ума, дряхлом, истощенном, у которого явным образом не достает силы и поведения, чтобы подняться на высоту собственной мысли»
>
> *«С того берега» Герцен*

Пробуждение мышления влечет за собой активность всего поля интеллекта, всей духовной энергии совести и сочувствия, отваги и великодушия, потребности в свободе и творчестве. Вместе с пробуждением духа раздвоенная природа человека, царство божие мыслительной энергии, которое он носит в себе, проявляется все более отчетливо. Все известные мыслители, даже Гегель, который может быть не самый умный из них, говорили о том, что фундаментальной мотивацией их жизни является чистая жажда знания, потребность в истине, которая будучи оставлена фрустрированной убивает, а будучи удовлетворенной, приносит неизъяснимое счастье. Б. Рассел пишет о счастье, которое ему давали занятия математикой, Лев Ландау говорит: «Я просто физик-теоретик. По настоящему меня интересуют только неразгаданные явления природы. Это высочайшее наслаждение, это огромная радость жизни, это самое большое счастье, которое суждено познать человеку! В этом состоит моя работа». Эйнштейн пишет, что всю науку двигает жажда знания, потребность в истине, которую он в этой связи считает религиозной, спинозовской «любовью к богу». Даже бедолага Ницше, у которого шизоидное сознание одолело его

мощное мышление, называет себя «женихом истины» в Заратустре. Эйнштейн писал: «изначально все считали, что и я стану инженером, однако сама мысль о том, что я буду использовать свой ум для вещей, была невыносимой. Все усилия ради тоскливой погони за большими деньгами. Это как в музыке: мышление ради мышления. Когда же мой ум не занят решением какой-либо проблемы, я люблю воспроизводить доказательства математических и физических теорем, которые были мне знакомы издавна. В этом нет никакой цели, лишь возможность погрузиться в приятнейшее занятие — раздумье...» (цит. по «Так говорил Эйнштейн»)

Петр Кропоткин говорит вслед за ними:

> «В человеческой жизни мало таких радостных моментов, которые могут сравниться с внезапным зарождением обобщения, освещающего ум после долгих и терпеливых изысканий. Кто испытал раз в жизни восторг научного творчества, тот никогда не забудет этого блаженного мгновения. Он будет жаждать повторения. Ему досадно будет, что подобное счастье выпадает на долю немногим, тогда как оно всем могло бы быть доступно в той или другой мере, если бы знание и досуг были достоянием всех. Эту работу я считаю моим главным вкладом в науку»

Кропоткин Записки революционера

«Ответ Толстого (на отлучение от церкви) начинается с эпиграфа из поэта Кольдриджа: „Тот, кто начнет с того, что полюбит Христианство более истины, очень скоро полюбит свою Церковь или секту более, чем Христианство, и кончит тем, что будет любить себя больше всего на свете“ Этим эпиграфом он утверждает примат истины над всем, даже над христианством» П. Басинский «Толстой. Бегство из рая».

А. Герцен «С того берега»:

> «Я избираю знание, и пусть оно лишит меня последних утешений, я пойду нравственным нищим по белому свету, но с корнем вон детские надежды, отроческие упования! — Все их под суд неподкупного разума... Кто не помнит своего логического романа, кто не помнит как в его душу попала первая мысль сомнения, первая смелость исследования — и как она захватила потом более и более и дотрагива-

> лась до святейших достояний души? Это-то и есть страшный суд разума... Не жалко ли так бояться правды, исследования? Положим, что много мечтаний поблекнут, будет не легче, а тяжелее — все же нравственнее, достойнее, мужественнее — не ребячиться. Не будет миру свободы, пока все религиозное, политическое не превратится в человеческое, простое, подлежащее критике и отрицанию. Возмужалая логика ненавидит канонизированные истины, она их расстригает из ангельского чина в людской, она из священных таинств делает явные истины, и если республика присваивает себе такие же права, как монархия, — презирает ее как монархию — нет, гораздо больше. Монархия не имеет смысла, она держится насилием, а от имени „республика“ сильнее бьется сердце; монархия сама по себе религия, у республики нет таких отговорок, нет божественного права, она с нами стоит на одной почве»

Герцен С того берега»

Этот идеализм русской интеллигенции мощным ядерным взрывом заявил о себе буквально во всех сферах их активности. Герцен восторгается потомками самых родовитых домов, декабристами, которые восстали против царизма, отстаивая свободу личности и права человека. Как сказали бы сейчас. Он рассказывает о самой интенсивной интеллектуальной жизни, которая протекала в светских салонах и получала развитие в страстной публицистике. Кропоткин пишет о том, сколько молодежи из благополучных классов, получивших образование, шли добровольно помогать получать образование неимущим, устраивая курсы и лекции. Активная борьба с политической и религиозной ложью стала своего рода русской Реформацией православия. Белинский, Герцен, Толстой, Достоевский с нежностью пишут о Христе. Но они же в негодовании нападают на Гоголя, когда тот обращается к православию, чтобы прославить самодержавие. В этом отношении очень характерно письмо Белинского Гоголю:

«Проповедник кнута, апостол невежества, поборник обскурантизма и мракобесия, панегирист татарских нравов — что Вы делаете? Взгляните себе под ноги: ведь Вы стоите над бездною... Что Вы подобное учение опираете на православную церковь — это я еще понимаю: она всегда была опорою кнута и угодницей

деспотизма; но Христа то зачем Вы примешали тут? Что Вы нашли общего между ним и какою-нибудь, а тем более православною церковью? Он первый возвестил людям учение свободы, равенства и братства и мученичеством запечатлел, утвердил истину своего учения. И оно только до тех пор и было спасением людей, пока не организовалось в церковь и не приняло за основание принципа ортодоксии. Церковь же явилась иерархией, стало быть поборницею неравенства, льстецом власти, врагом и гонительницею братства между людьми, — чем и продолжает быть до сих пор. ...Не буду распространяться о Вашем дифирамбе любовной связи русского народа с его владыками. Замечу только одно: когда европейцем, особенно католиком, овладевает религиозный дух, — он делается обличителем неправой власти, подобно еврейским пророкам, обличавшим в беззаконии сильных земли. У нас же наоборот, постигнет человека (даже порядочного) болезнь, известная у врачей-психиатров под именем religiosa mania, он тотчас же земному богу подкурит больше, чем небесному, да еще так хватит через край, что тот и хотел бы наградить его за рабское усердие, да видит, что этим скомпрометировал бы себя в глазах общества... Бестия наш брат, русский человек!» Из письма Белинского Гоголя

> «Почва, завоеванная России цивилизацией, была потеряна для церкви. Греческое православие властвует над душой славянина лишь в том случае, если находит в ней невежественность. ...Россия никогда не будет золотой серединой. Сам царь это замечает и свирепствует против университетов, против идей, против науки; он старается отрезать Россию от Европы, убить просвещение. Он делает свое дело»

Письмо к И. Мишле

Эта русская Реформация затронула основы основ всего русского общества. Эти аналитики-идеалисты не останавливаются на критике царской власти и церкви, они обращаются к самому фундаменту государства, исследуют его законы и институты, и закономерно приходят к идее научного контроля, естественного права. Как все теоретики естественного права они говорят

о том, что этика является движущей силой общества, нравственное здоровье и когнитивная состоятельность, уровень просвещенности и образования народа. Кропоткин пришел к этой идее постепенно и окончательно сформулировал ее уже в «Этике», хотя он очень определенно говорит о нравственном базисе и в «Нравственных началах анархизма» и в «Государстве и его истории». Система Герцена, как она изложена в эссе «С того берега» — это система естественного права. «Все под суд неподкупного разума», — он не признает никаких авторитетов, ставя под сомнения все достижения либеральной демократии и юридического права. Лев Толстой так же строг и непреклонен в оценке деятельности властей и церкви, в сотрудничестве которых он видит преступный сговор, о котором писал еще Томас Пейн: «преступный союз церкви и государства». И также как его соотечественники, он ищет естественного права, не доверяя юридическому праву: «Ошибка зиждется на том, что ученые юристы, обманывая себя и других, утверждают в своих книгах, что правительство не есть то, что оно есть, — собрание одних людей, насилующих других, а что правительства, как это выходит в науке, суть представители совокупности граждан», — пишет он в «Царстве Божьем внутри вас»

Идеализм этих великих умов русской Реформации проявился не в том, что они мечтали о нереальном, а в том, что все они отчаянно искали истину, и готовы были следовать за ней к чему бы она не привела. Они все очень разные и много спорят, но в конечном итоге всегда сходятся на том, что признают истиной. Толстой и Чехов отчаянно спорят о науке: Толстой считает (небезосновательно в век расколотого шизоидного сознания), что наука дезориентирует и обманывает людей; Чехов говорит, что наука дала миру больше добра и пользы, чем все религии. Толстой прославляет Царство Божие Христа, Чехов стоит за Мир идей научного мышления Платона. И в конечном итоге им, христианину и атеисту, нетрудно договориться. «Я никого так не любил как Толстого», — говорит Чехов. «Чехов — атеист, но добрый», — говорит Толстой.

П. Кропоткин «Нравственные начала анархизма»: «История человеческой мысли напоминает собой качания маятника. Только каждое из этих качаний продолжается целые века. Мысль то дремлет и застывает, то снова пробуждается после долгого сна. Тогда она сбрасывает с себя цепи, которыми опутывали ее все заинтересованные в этом — правители, законники, духовенство. Она рвет свои путы. Она подвергает строгой критике все, чему ее учили, и разоблачает предрассудки, религиозные, юридические и общественные, среди которых прозябала до тех пор. Она открывает исследованию новые пути, обогащает наше знание непредвиденными открытиями, создает новые науки. Но исконные враги свободной человеческой мысли — правитель, законник, жрец — скоро оправляются от поражения. Мало-помалу они начинают собирать свои рассеянные было силы; они подновляют свои религии и свои своды законов, приспособляя их к некоторым современным потребностям. И, пользуясь тем рабством характеров и мысли, которое они сами же воспитали, пользуясь временной дезорганизацией общества, потребностью отдыха у одних, жаждой обогащения у других и обманутыми надеждами третьих — особенно обманутыми надеждами, — они потихоньку снова берутся за свою старую работу, прежде всего, овладевая воспитанием детей и юношества»

А. Герцен «Былое и думы»:

> «Чаадаева Николай приказал объявить сумасшедшим и обязать подпиской ничего не писать. Всякую субботу приезжали к нему доктор и полицмейстер, они свидетельствовали его и делали донесение, то есть выдавали за своей подписью пятьдесят два фальшивых свидетельства по высочайшему повелению, — умно и нравственно. Наказанные, разумеется, были они; Чаадаев с глубоким презрением смотрел на эти шалости в самом деле поврежденного своеволья власти. Ни доктор, ни полицмейстер никогда не заикались, зачем они приезжали. Печальная и самобытная фигура Чаадаева резко отделяется каким-то грустным упреком на линючем и тяжелом фоне московской high life. Я любил смотреть на него середь этой мишурной знати, ветреных сенаторов, седых повес и почетного ничтожества. Как бы ни была густа толпа, глаз находил его тотчас.

> ..Грановский и Белинский, вовсе не похожие друг на друга, принадлежали к самым светлым и замечательным личностям нашего круга. К концу тяжелой эпохи, из которой Россия выходит теперь, когда все было прибито к земле, одна официальная низость громко говорила, литература была приостановлена и вместо науки преподавали теорию рабства, цензура качала головой, читая притчи Христа, и вымарывала басни Крылова, — в то время, встречая Грановского на кафедре, становилось легче на душе. «Не все еще погибло, если он продолжает свою речь», — думал каждый и свободнее дышал».

Лев Толстой призывает людей в своих трудах вернуться к истокам чистой метафизики Евангелия, и вспомнить о том, что не правительства и не церкви дают им силу духа, но единственно их разум и сердце. Он самостоятельно переводит все четыре евангелия и называет Христа — «разумением», разумом, смеясь над теме, кто смеет говорить, что Христос проповедовал «нищих духом» и бестолковые чудеса и мистику. Он напоминает людям, что Христос проповедовал метафизику Духа, царство божие, которое каждый носит в сердце, и обязан отвечать только перед судом совести и разума.

Лев Толстой Царство божие внутри вас»:

> «Единственный выход из него для них — надежда на то, что, пользуясь авторитетом церкви, древности, святости, можно запугать читателя, своим умом обдумать вопрос. И это удается. Кому в самом деле придет в голову то, что все то, что с такой уверенностью и торжественностью повторяется из века в век всеми этими архидиаконами, епископами, архиепископами, святейшими синодами и папами, что все это есть гнусная ложь и клевета, взводимая ими на Христа для обеспечения денег, которые им нужны для сладкой жизни на шеях других людей, — ложь и клевета до такой степени очевидная, особенно теперь, что единственная возможность продолжать эту ложь состоит в том, чтобы запугивать людей своей уверенностью, своей бессовестностью»

«Пятикнижье» Достоевского — такая же ревизия разумного суда над евангелием и христианским учением. С той же дерзостью ставит Достоевский противоречивые вопросы, анализирует политическую и социальную ситуацию, добираясь до самых глубин и закоулков психики. «Записки из подполья», «Записки

из Мертвого дома», — «все под суд неподкупного разума», как пишет Герцен.

Н. Чернышевский пишет 20 лет на каторге. Кропоткин замечает в Записках революционера, что на это он получил особое разрешение, и что сам он долго добивался разрешения продолжить научную работу в тюрьме. Герцен писал по поводу очередного ареста Чернышевского в «Былое и думы»: «Чернышевский осужден на *семь лет каторжной работы* и на вечное поселение. Да падет проклятием это безмерное злодейство на правительство, на общество, на подлую, подкупную журналистику, которая накликала это гонение, раздула его из личностей. Она приучила правительство к убийствам военнопленных в Польше, а в России к утверждению сентенций диких невежд сената и седых злодеев Государственного совета... А тут жалкие люди, люди-трава, люди-слизняки говорят, что не следует бранить эту шайку разбойников и негодяев, которая управляет нами! P. S. Строки эти были написаны, когда мы прочли следующее в письме одного очевидца экзекуции: „Чернышевский сильно изменился, бледное лицо его опухло и носит следы скорбута. Его поставили на колени, переломили шпагу *и выставили на четверть часа у позорного столба*. Какая-то девица бросила в карету Чернышевского венок — ее арестовали. Известный литератор П. Якушкин крикнул ему „прощай“! и был арестован. Ссылая Михайлова и Обручева, *они* делали выставку в 4 часа утра, теперь — белым днем!..“ Поздравляем всех различных Катковых — над этим врагом они восторжествовали! Ну что, легко им на душе? Чернышевский был вами выставлен к столбу на четверть часа — а вы, а Россия на сколько лет останетесь привязанными к нему? Проклятье вам, проклятье — и, если возможно, месть!»

Эта трогательная дружба, эта неисчерпаемая сила дружбы, взаимопомощи, единства — в этом тоже проявился тот мощный взрыв интеллектуальной энергии, которым характеризовалось русское Возрождение и русская Реформация того периода. Сам Чернышевский так характеризовал духовную энергию интеллекта:

> «Ну, что же различного скажете вы о таких людях? Все резко выдающиеся черты их — черты не индивидуумов, а типа, типа до того разнящегося от привычных тебе, проницательный читатель, что его общими особенностями закрываются личные разности в нем. Эти люди среди других, будто среди китайцев несколько человек европейцев, которых не могут различить одного от другого китайцы: во всех видят одно... Так и люди того типа, к которому принадлежали Лопухов и Кирсанов, кажутся одинаковы людям не того типа. Каждый из них — человек отважный, не колеблющийся, не отступающий, умеющий взяться за дело, и если возьмется, то уже крепко хватающийся за него, так что оно не выскользнет из рук: это одна сторона их свойств: с другой стороны, каждый из них человек безукоризненной честности, такой, что даже и не приходит в голову вопрос: „можно ли положиться на этого человека во всем безусловно?“ Это ясно, как то, что он дышит грудью; пока дышит эта грудь, она горяча и неизменна, — смело кладите на нее свою голову, на ней можно отдохнуть. Эти общие черты так резки, что за ними сглаживаются все личные особенности»

Слова Цицерона об общности людей в том, что составляет фундамент их личности — в разуме, в совести и в потребности искренности, — повторяли все мыслители, которые давали себе труд вникнуть в природу человека. Общая природа человека — основной постулат научного подхода, на нем основана теория естественного права.

В конечном итоге, душевный кризис Герцена, который осудили оптимистичные и бодрые большевики, строители светлого коммунизма, был гораздо более реалистичным мировоззрением, выражавшим правду жизни того периода: расщепленный незрелый интеллект, неспособный найти научную истину, которую он искал.

А. Герцен «Былое и думы»:

> «Поймут ли, оценят ли грядущие люди весь ужас, всю трагическую сторону нашего существования? А между тем наши страдания– почки, из которых разовьется их счастие. Поймут ли они, отчего мы лентяи, ищем всяких наслаждений, пьем вино и прочее? Отчего руки не подымаются на большой труд, отчего в минуту восторга не забываем тоски?.. Пусть же они остановятся с мыслью и с грустью перед камнями, под которыми мы уснем: мы заслужили их грусть!»

А. Герцен «С того берега»:

> «Мне хочется ни магии, ни мистерии, а просто выйти из того состояния души, которое вы сейчас представили в десять раз резче меня; выйти из нравственного бессилия, из жалкой неприлагаемости убеждений, из хаоса, в котором, наконец, мы перестали понимать, кто враг и кто друг; мне противно видеть, куда не обернусь, или пытаемых, или пытающих. ... От всех упований, от всей жизни, которая прошла между рук (да еще как прошла), если что-нибудь осталось — это вера в будущее. Когда-нибудь, долго после нашей смерти, дом, для которого мы расчистили место, выстроится, и в нем будет удобно и хорошо — другим»

Л. Толстой «Исповедь»:

> «В поисках за ответами на вопрос жизни я испытал совершенно то же чувство, которое испытывает заблудившийся в лесу человек. Вышел на поляну, влез на дерево и увидал ясно беспредельные пространства, но увидал, что дома там нет и не может быть; пошел в чащу, во мрак, и увидал мрак, и тоже нет и нет дома»

В конечном итоге, Герцен, Кропоткин, Толстой, Чехов, Достоевский не находят решения вопроса ни в диктатуре пролетариата большевиков, которая кажется им «бесовской», или «царизмом наоборот», или попыткой строить дом из «гнилых бревен»; ни в позитивном праве западной республики. Они ищут естественного права и научного контроля, и не обманывают себя, что могут его найти. Они понимают, что это время расщепленного сознания, в котором правды не найти, и что это задача далекого будущего для которого они сделали все что смогли.

А. Герцен «С того берега»:

> «Сколько надобно пролить крови, чтоб возвратиться к счастливым временам Нантского эдикта и испанской инквизиции. Мы не думаем, чтоб задержать ход человечества на минуту было бы невозможно, но оно невозможно без варфоломеевский ночей. Надобно уничтожить, избить, сослать, бросить в тюрьму все энергетическое нашего поколения, все мыслящее, деятельное; надобно народ еще глубже отодвинуть в невежество, взять все сильное в нем в рекруты; надобно пройти нравственным детоубийцей целого поколения — и все это для того, чтобы спасти истощенную общественную форму, которая

> не удовлетворяет ни вас, ни нас. Но в чем же состоит в таком случае разница между русским варварством и католической цивилизацией? Пожертвовать тысячи людей, развитие целой эпохи какому-то Молоху государственного устройства, как будто оно и вся цель нашей жизни... Думали ли вы об этом человеколюбивые христиане?»

Большевизм сломал самодержавие, то есть сделал то, чего не смогли сделать эти гуманисты, видевшие незрелость общества, и отсутствие неготовность народа к политической жизни. Да, они оказались правы, большевизм создал царизм наоборот: диктатура пролетариата также стала смертельным приговором для многих представителей интеллигенции. Но в то же время, произведения этих великих людей не только не запрещались цензурой, как это было в царские времена, но стали частью обязательной школьной программы, а народ получил доступ к всеобщему образованию. По этой причине, сегодня принято смешивать большевиков и социалистов в одну кучу. Однако, есть коренное различие в мировоззрении этих людей, помимо того, что анархисты не принимали доктрины диктатуры пролетариата, которую Ленин положил в основу революции. Эти русские гуманисты были идеалистами, которые видели движущими силами — силу духовной, нравственной, интеллектуальной энергии, и потому связывали все надежды с постепенной интеллектуальной эволюцией общества, боролись за всеобщее образование. Сколько школ открыл Чехов, собирая деньги по всему миру; какие слова говорил о русском учителе, униженном и нищем; как переживал о проблеме образования в России.

Л. Малюгин, И. Гитович «Чехов»:

> «Я был на Сахалине и не получил еще за это ни копейки, а потратил 4—5 тысяч, и из этого ровно ничего не следует». Книга о Сахалине будет жить после него сто лет. С Сахалина началась его помощь школам и библиотекам. Чехов был избран членом географического отделения Общества любителей естествознания и очень гордился этим. Он снова строил школу — на это раз в Новоселках: «Земство дает — тысячу, мужики собрали — 300 рублей, а школа обойдется не менее 3 тысяч, значит, мне снова думать все лето о деньгах, и урывать их

> то там, то сям.. Без широкого образования народа государство развалится как дом сложенный из плохо обожжённого кирпича. Учитель должен быть артист, художник, горячо влюбленный в свое дело.»

Э. Ренан пишет в «Жизни Иисуса», что все потуги современному ему социализма добиться справедливого, гуманного общества на базе материализма — фантазии. Социализм возможен только как нравственная эволюция. В этом и состояло основное противоречие между гуманистами-анархистами, которые писали о нравственной эволюции, и диалектическим материализмом немецкой философии, которая ставила во главе угла революцию и диктатуру господствующего класса.

3) Русское Евангелие

> «Так, как Христос, искупая род человеческий попирает плоть... вся наша нравственность вышла из того же начала. Нравственность эта требовала постоянной жертвы, беспрерывного подвига, беспрерывного самопожертвования»

А. Герцен «С того берега»

> «Нет, друзья мои, злые, дурные, жалкие друзья мои, это не так вам представлялось: не они стоят слишком высоко, а вы стоите слишком низко. Вы видите теперь, что они стоят просто на земле: это оттого только казались они вам парящими на облаках, что вы сидите в преисподней трущобе. На той высоте, на которой они стоят, должны стоять, могут стоять все люди. Высшие натуры, за которыми не угнаться мне и вам, жалкие друзья мои, высшие натуры не таковы»

Н. Чернышевский «Что делать?»

Э. Ренан пишет, что вкладом иудеев в христианский синтез поздней античности стали идеи социализма и гуманитаризма, чуждые по своей природе героической Элладе. Что победа профетизма в Израиле означала победу этих социалистических идеалов, сущность которых в самоотречении, в любви к ближнему, в милосердии. Другими словами, речь идет о снятии эгозащиты с тем, чтобы обрести духовную энергию интеллекта и любви. В этом смысле Ренан называет Тору социалистической, в этом же смысле он говорит о социализме Царствия Божьего Иисуса.

С этой точки зрения, русская литература 19 века — это новое Евангелие, которое даже превзошло силой и мощью своего слова благую весть поздней античности.

Слова эти о самоотречении значат очень мало в своем поэтическом и метафорическом выражении, пока не будут сформулированы более четко в научный терминах теории психической энергии. Более того, они ведут к путанице, которая придает прямо противоположное значение этим словам. Самоотречение для достижения настоящей силы личности, настоящей силы духовной энергии, трактуется богословами как отказ от этой личности, как «нищенство духом». Хотя вся проповедь Христа, ее лейтмотив — это проповедь силы духа, как божественной энергии, связующей людей с богом как со своим отцом. Действительно, мышление человека есть ключ к законам природы метафизики интеллекта.

Если понимать самоотречение правильно, то это не отказ от своего Я, от своей личности, от своей духовной энергии. Это противоположное действие: утверждение своего истинного Я, личности, духа за счет отказа от ложного Эго, которое проявляется в автоматизмах зависти и злорадства и мотивируется страхом сверхъестественных сил поля эгосистемы. Если понимать проповедь самоотречения, лежащую в основе буддизма и христианства с этих позиций, то проповедь Христа — это проповедь силы и богатств духовной энергии. Таким образом, гуманитаризм и социализм Евангелия — это проповедь становления разумной свободной личности с одной стороны, и богатство единения этой колоссальной духовной энергии свободных мыслящих индивидов.

В этом смысле Ренан пишет о том, что Царствие Божие Христа всегда будет поднимать людей на борьбу за правду, несмотря на все язычество различных церквей, которые постепенно теряют связь с учением Христа. И что все социалистические движения обречены на провал, пока они не поймут, что единство человеческое может быть только единством духа, и не отбросят смешные теории экономического человека.

Э. Ренан «Жизнь Иисуса»:

> «Невзирая на феодальную церковь, секты, духовные ордена, святые люди продолжали восставать во имя Евангелия на неправду света. Даже в наши дни, дни смутные, когда у Иисуса нет более истинных последователей, кроме тех, которые, по-видимому, его отрицают, мечты об идеальном устройстве общества, представляющие столько сходства со стремлениями первых христианских сект, — эти мечты являются в известном смысле развитием той же идеи, одной из ветвей величайшего дерева, в котором таится в зародыше всякая мысль будущего, ствол и корень которого вечно будет Царствие Божие. Все общественные перевороты привьются к этому слову, а социалистические попытки нашего времени, запятнанные грубым материализмом, стремящиеся к невозможному, то есть к созданию общего благоденствия политическими и экономическими мерами, будут бесплодны, пока не примут в руководство истинный дух Иисуса, я хочу сказать: абсолютный идеализм не усвоит того начала, что, дабы обладать землею, надо от нее отречься»

Абрахам Маслоу, систематизируя сведения об исследованных им «самоактуалах» (то есть наиболее здоровых людях), противопоставил полученный «синдром» связанных характеристик личности здоровых людей — синдрому невротических личностей. Последние эгоцентричны, подвержены стыду и вине, конформизму, мало способны к дружбе, склонны к ролевым играм вместо спонтанности и искренности. И наоборот, самоактуалы выделились на их фоне словно горы на равнине, как носители могучего интеллекта, объективного суждения, философского взгляда на жизнь, ищущего везде общие закономерности, служения обществу, а главное отсутствием эго-центризма, и особенной способностью к дружбе друг с другом, искренностью, сильной волей, самостоятельным мышлением и философским чувством юмора. Вот это философское чувство юмора всегда идет рука об руку со снятием эгозащиты, поскольку отказ от ложного Эго всегда проявляется в этом философском чувстве юмора.

Н. Чернышевский «Что делать?»:

> «Сходства не было ни в чем, кроме одной черты, но она одна уже соединяла их в одну породу и отделяла от всех остальных людей. Над теми из них, с которыми я был близок, я смеялся, когда бывал с ними наедине; они сердились или не сердились, но тоже смеялись над собою. И действительно, в них было много забавного, все главное в них и было забавно, все то, почему они были людьми особой породы. Я люблю смеяться над такими людьми».

А. Герцен «История развития революционных идей в России»:

> «Великий обвинительный акт, составляемый русской литературой против русской жизни, это полное и пылкое отречение от наших ошибок, это исповедь, полная ужаса перед нашим прошлым, эта горькая ирония, заставляющая краснеть за настоящее, — и есть наша надежда, наше спасение, прогрессивный элемент русской натуры. Какого же значение того, что написал Гоголь? Кто другой поставил выше, чем он, позорный столб, к которому он пригвоздил русскую жизнь?»

Л. Толстой «Исповедь»:

> «Я всею душой желал быть хорошим; но я был молод, у меня были страсти, а я был один, совершенно один, когда искал хорошего. Всякий раз, когда я пытался выказывать то, что составляло самые задушевные мои желания: то, что я хочу быть нравственно хорошим, я встречал презрение и насмешки; а как только я предавался гадким страстям, меня хвалили и поощряли. Честолюбие, властолюбие, корыстолюбие, любострастие, гордость, гнев, месть — все это уважалось. Отдаваясь этим страстям, я становился похож на большого, и я чувствовал, что мною довольны. Без ужаса, омерзения и боли сердечной не могу вспомнить об этих годах. Я убивал людей да войне, вызывал на дуэли, чтоб убить, проигрывал в карты, проедал труды мужиков, казнил их, блудил, обманывал. Ложь, воровство, любодеяния всех родов, пьянство, насилие, убийство… Не было преступления, которого бы я не совершал, и за все это меня хвалили, считали и считают мои сверстники сравнительно нравственным человеком»

Абрахам Маслоу, Эрих Фромм противопоставляют подобно тому как это делал еще Платон дружбу и тиранию (то есть гос-

подство и подчинение), как два различных способа отношений, доступных здоровой и нездоровой части души: «за всю свою жизнь они ни разу ни с кем не бывал друзьями; они вечно либо господствуют, либо находятся в рабстве: тираническая натура никогда не отведывала ни свободы, ни подлинной дружбы», пишет он в «Государстве». Также пишет и Фромм: невротичная личность способна к отношениям садомазохизма, не способна к отношениям братской любви. А. Маслоу противопоставляет любовь-дружбу самоактуалов и полоролевую любовь невротиков, которая обычно представлена ролями господства и подчинения.

Русская литература помимо этого безжалостного смеха над собой, о котором говорит Герцен, есть еще и демонстрация этого противопоставления истинной дружбы, здоровой энергии соединенного духа против невротического господства и подчинения тиранов. Во всех отношениях, будь то отношения служебные, официальные, будь то дружба одного пола или любовь между различными полами — везде красной нитью проходит мысль о ненависти к отношениям господства и подчинения, и следует поиск искренности и товарищечества, — чувства, которые Б. Рассел называл истинным источником счастья.

Так, Гоголь высмеивает вертикальные отношения чиновничьей России. В том же духе написан «Толстый и тонкий» Чехова. Чехов писал, что прочел большое количество психиатрической литературы, и что его главный принцип в писательстве — это принцип художественной выражения истинных закономерностей психики. Он и пишет как врач психиатр: он остается настоящем врачевателем душ и в литературе. Успех его сочинений обсуловлен этой глубиной прозрения в антагонизм смешной эгозащиты и трагедии страдающего интеллекта под автоматизмами эгозащиты. В этом смысле «Доктор Крупов» Герцена берет прототипом Чехова.

Л. Малюгин, И. Гитович «Чехов»:

> «Знакомство с естественными науками, с научным методом всегда держало меня настороже, и я старался где было возможно сообра-

> жаться с научными данными, а где невозможно — не писать вовсе..К беллетристам, относящимся к науке отрицательно я не принадлежу, и к тем, кто до всего доходит своим умом, тоже не хотелось бы принадлежать»

Патологии отношений на социальной лестнице, всех этих Акакиев Акакиевичев противостоит дружба разумных личностей, драгоценная своей искренностью и отвагой, силой настоящего духа. Русская литература, и в этом ее главное достижение, сумела отразить эту драгоценность, это богатство Царствия Божьего, как дружбу зрелых духовно личностей, которая и есть единственно возможный гуманитаризм и социализм. В этом смысле «Былое и думы» Герцена — это гимн, элегия великой дружбе, которая стала огненной энергией небес, вдохновившей все их творчество и все их самоотверженное служение отверженным и обездоленным своего времени. Тем же ценна и исповедь Петра Кропоткина. Притяжениям Самолюбия и Влюбленности Левиафанов, романтических игр, они предпочитают истинное единение духа, которое доступно только разумным и свободным личностям. Герцен говорит в «Былое и думы» вслед за Байроном в этой связи, который тоже презирал романтику и предпочитал ей дружбу: «Я не знаю, почему дают какой-то монополь воспоминаниям первой любви над воспоминаниями молодой дружбы».

А. Герцен «Былое и думы»:

> «Что же коснулось этих людей, чье дыхание пересоздало их? Ни мысли, ни заботы о своем общественном положении, о своей личной выгоде, об обеспечении; вся жизнь, все усилия устремлены к общему без всяких личных выгод; одни забывают свое богатство, другие — свою бедность и идут, не останавливаясь, к разрешению теоретических вопросов. Интерес истины, интерес науки, интерес искусства, humanitas — поглощает все. И заметьте, что это отрешение от мира сего вовсе не ограничивалось университетским курсом и двумя-тремя годами юности. Лучшие люди круга Станкевича умерли; другие остались, какими были, до нынешнего дня. Бойцом и нищим пал, изнуренный трудом и страданиями, Белинский. Проповедуя науку и гуманность, умер, идучи на свою кафедру, Гранов-

> ский. Боткин не сделался в самом деле купцом… Никто из них не отличился по службе. То же самое в двух смежных кругах: в славянском и в нашем. Наши профессора привезли с собою эти заветные мечты, горячую веру в науку и людей; они сохранили весь пыл юности, и кафедры для них были святыми налоями, с которых они были призваны благовестить истину; они являлись в аудиторию не цеховыми учеными, а миссионерами человеческой религии. И где вся эта плеяда молодых доцентов, начиная с лучшего из них, Грановского?

С благочестием и гордостию повторяю я их (слова Грановского):

> «На дружбу мою к вам двум (то есть к Огареву и ко мне) ушли лучшие силы моей души. В ней есть доля страсти, заставлявшая меня плакать в 1846 и обвинять себя в бессилии разорвать связь, которая, по-видимому, не могла продолжаться. Почти с отчаянием заметил я, что вы прикреплены к моей душе такими нитками, которых нельзя перерезать, не захватив живого мяса. Время это прошло не без пользы для меня. Я вышел победителем из худшей стороны самого себя. Того романтизма, за который вы обвиняли меня, не осталось следа. Зато все, что было романтическое в самой натуре моей, вошло в мои личные привязанности. Помнишь ли ты письмо мое по поводу твоего „Крупова“? Оно написано в памятную мне ночь. С души сошла черная пелена, твой образ воскрес передо мной во всей ясности своей, и я протянул тебе руку в Париже так же легко и любовно, как протягивал в лучшие, святые минуты нашей московской жизни. Не талант твой только подействовал на меня так сильно. От этой пьесы мне повеяло всем тобой. Когда-то ты оскорблял меня, говоря: „Не полагай ничего на личное, верь в одно общее“, а я всегда клал много на личное. Но личное и общее слилось для меня в тебе. От этого я так полно и горячо люблю тебя».

…Я считаю Белинского одним из самых замечательных лиц николаевского периода. После либерализма, кой-как пережившего 1825 год в Полевом, после мрачной статьи Чаадаева является выстраданное, желчное отрицание и страстное вмешательство во все вопросы Белинского. В ряде критических статей он кстати и некстати касается всего, везде верный своей ненависти к авторитетам — часто подымаясь до поэтического одушевления. Разбираемая книга служила ему по большей части материальной

точкой отправления, на полдороге он бросал ее и впивался в какой-нибудь вопрос. Ему достаточен стих: «Родные люди вот какие» в «Онегине», чтоб вызвать к суду семейную жизнь и разобрать до нитки отношения родства. Кто не помнит его статьи о «Тарантасе», о «Параше» Тургенева, о Державине, о Мочалове и Гамлете? Славянофилы, с своей стороны, начали официально существовать с войны против Белинского; он их додразнил до мурмолок и зипунов. Но в этом застенчивом человеке, в этом хилом теле обитала мощная, гладиаторская натура; да, это был сильный боец! Он не умел проповедовать, поучать, ему надобен был спор. Без возражений, без раздражения он не хорошо говорил, но когда он чувствовал себя уязвленным, когда касались до его дорогих убеждений, когда у него начинали дрожать мышцы щек и голос прерываться, тут надобно было его видеть: он бросался на противника барсом, он рвал его на части, делал его смешным, делал его жалким и по дороге с необычайной силой, с необычайной поэзией развивал свою мысль. Спор оканчивался очень часто кровью, которая у больного лилась из горла; бледный, задыхающийся, с глазами, остановленными на том, с кем говорил, он дрожащей рукой поднимал платок ко рту и останавливался, глубоко огорченный, уничтоженный своей физической слабостью. Как я любил и как жалел я его в эти минуты!

...Пестрая молодежь, пришедшая сверху, снизу, с юга и севера, быстро сплавлялась в компактную массу товарищества. Общественные различия не имели у нас того оскорбительного влияния, которое мы встречаем в английских школах и казармах; об английских университетах я не говорю: они существуют исключительно для аристократии и для богатых. Студент, который бы вздумал у нас хвастаться своей белой костью или богатством, был бы отлучен от «воды и огня», замучен товарищами. ... Я был au large; вместо одиночества в нашей небольшой комнате, вместо тихих и полускрываемых свиданий с одним Огаревым, — шумная семья в семьсот голов окружила меня. В ней я больше оклиматился в две недели, чем в родительском доме с самого дня рождения. ...Как большая часть живых мальчиков,

воспитанных в одиночестве, я с такой искренностью и стремительностью бросался каждому на шею, с такой безумной неосторожностью делал пропаганду и так откровенно сам всех любил, что не мог не вызвать горячий ответ со стороны аудитории, состоявшей из юношей почти одного возраста (мне был тогда семнадцатый год). Мудрые правила — со всеми быть учтивым и ни с кем близким, никому не доверяться — столько же способствовали этим сближениям, как неотлучная мысль, с которой мы вступили в университет — мысль, что здесь совершатся наши мечты, что здесь мы бросим семена, положим основу союзу. Мы были уверены, что из этой аудитории выйдет та фаланга, которая пойдет вслед за Пестелем и Рылеевым, и что мы будем в ней.

..Да, это были те дни полноты и личного счастья, в которые человек, не подозревая, касается высшего предела, последнего края личного счастья. Ни тени черного воспоминания, ни малейшего темного предчувствия — молодость, дружба, любовь, избыток сил, энергии, здоровья и бесконечная дорога впереди. Самое мистическое настроение, которое еще не проходило тогда, придавало праздничную торжественность нашему свиданию, как колокольный звон, певчие и зажженные паникадила.

У меня в комнате, на одном столе, стояло небольшое чугунное распятие.

— На колени! — сказал Огарев. — И поблагодарим за то, что мы все четверо вместе.

Мы стали на колени возле него и, обтирая слезы, обнялись.

..Я долго смотрел на них, и мало помалу невыносимая грусть поднялась во мне и налегла на все мысли; мне стало смертельно жаль эту кучку людей — благородных, преданных, умных, даровитых, чуть ли не лучший цвет нового поколения... Не думайте, что мне стало их жаль, что может быть они не доживут до 1 брюмера или погибнут на баррикадах, пропадут на галерах, в депортации на гильотине, или по новой моде их перестреляют с завязанными руками. Мне было жаль их добросо-

вестную веру, столь же чистую и призрачную как рыцарство Дон Кихота. Они будут биться как герои, они будут работать всю жизнь и не успеют. Они отдадут кровь, силы, жизнь и состарившись увидят, что из их труда ничего не вышло.

..Я оставил чужой мне мир и воротился к вам; и вот мы с вами живем второй год, как бывало, видаемся каждый день, и ничего не переменилось, никто не отошел, не состарелся, никто не умер — и мне так дома с вами и так ясно, что у меня нет другой почвы — кроме нашей, другого призвания, кроме того, на которое я себя обрекал с детских лет. Рассказ мой о былом, может, скучен, слаб — но вы, друзья, примите его радушно; этот труд помог мне пережить страшную эпоху, он меня вывел из праздного отчаяния, в котором я погибал, он меня воротил к вам. С ним я вхожу не весело, но спокойно (как сказал поэт, которого я безмерно люблю) в мою зиму. «Lieta no... ma sicura!» — говорит Леопарди о смерти в своем «Ruysch e le sui mummie». Так, без вашей воли, без вашего ведома вы выручили меня — примите же сей череп — он вам принадлежит по праву».

П. Кропоткин «Записки Революционера»:

> «Те два года, что я проработал в кружке Чайковского, навсегда оставили во мне глубокое впечатление. В эти два года моя жизнь была полна лихорадочной деятельности. Я познал тот мощный размах жизни, когда каждую секунду чувствуешь напряженное трепетание всех фибр внутреннего я, тот размах, ради которого одного только и стоит жить. Я находился в семье людей, так тесно сплоченных для общей цели и взаимные отношения которых были проникнуты такой глубокой любовью к человечеству и такой тонкой деликатностью, что не могу припомнить ни одного момента, когда жизнь нашего кружка была бы омрачена хотя бы малейшим недоразумением. Этот факт оценят в особенности те, которым приходилось когда-нибудь вести политическую агитацию.
> Наши заседания отличались всегда сердечным отношением членов друг к другу. «Малейший признак неискренности или сомнения — и его не принимали. Чайковцы не гнались за тем, чтобы набрать побольше членов. Тем меньше стремились они к тому, чтобы непременно руководить всеми многочисленными кружками, зарождавши-

> мися в столицах и в провинции, и взять, так сказать, на откуп все движение среди молодежи. С большинством из кружков мы были в дружеских сношениях; мы помогали им, и они помогали нам; но мы не покушались на их независимость. Наш кружок оставался тесной семьей друзей. Никогда впоследствии я не встречал такой группы идеально чистых и нравственно выдающихся людей, как те человек двадцать, которых я встретил на первом заседании кружка Чайковского. До сих пор я горжусь тем, что был принят в такую семью»

П. Кропоткин пишет в своих воспоминания об удивительной энергии с которой Герцен и Огарев принялись за социальную деятельность заграницей. Особенно о журнале «Колокол», который на какое-то время стал голос справедливости для всех угнетенных в России.

«Vivos voco!» — «Призываю живых!» этот волнующий страстный призыв Герцен и Огарев поставили эпиграфом своей газеты. «Колокол» жадно читали в России. Десятки людей в стране становились тайными корреспондентами Герцена. Разоблачительных статей и заметок Герцена боялись русские помещики-крепостники, боялись чиновники-взяточники и казнокрады, боялись правящие круги. Герцен приводил подлинные факты, называя имена облеченных властью виновников множества злодеяний и преступлений перед народом. Тургенев любил рассказывать Герцену, как директор императорских театров Гедеонов, не желавший слышать жалоб актеров о задержке зарплаты: «В таком случае остается пожаловаться Колоколу». «Гедеонов вспыхнул и кончил тем, что заплатил актерам. Вот, брат, — заключил свой рассказ Тургенев, — какие штуки выкидывает твой Колокол». Сотни вопиющих дел крепостнического и чиновничьего произвола были преданы гласности, стали предметом оживленных толков и обсуждений; по некоторым из них власти вынуждены были принять меры»

Этот слом цикличного равновесия Самолюбия и Влюбленности эгозащиты, слом Левиафанов всех видов, сказался также и на требовании равенства полов, поскольку разумная личность — это духовная, психическая энергия, которая у всех

одинакова. П. Кропоткин пишет в «Записках революционера», что труды Ивана Тургенева помогли ему найти счастье в личной жизни, показав идеал женщины-личности. Тургенев дружил в Париже с Гюставом Флобером, Эмилем Золя, Мопассаном, Гонкурами и Ж. Санд, этой незаурядной личностью своего времени. Этот писательский клуб был во всех смыслах продолжением того товарищечества, о котором пишет Герцен, но только на своей почве. Флобер, Золя, Жорж Санд, Мопассан, Пьер Леру также мечтали о справедливом обществе, воздвигнутом свободными личностями, также стремились к гуманитаризму и социализму, также восхищались дружбой, и высмеивали пороки общества, также смеялись над пошлостью своей культуры в своих книгах. Тургенев был неотъемлемой частью этого писательского клуба, глубоко и нежно привязавшись к своим французским друзьям. Это было движение реализма, которое противопоставило себя движению романтизма в том самом смысле, в котором союз Герцена был союзом дружбы, противостоящим союзам Левиафанов. Э. Золя написал автобиографический роман «Творчество», в котором подобно Герцену в «Былое и думах», рассказывает о дружбе всей своей жизни и о трагической ссоре со ставшим впоследствии знаменитым художником — другом Полем Сезаном. Знаменитый роман Флобера «Госпожа Бовари» показывает на уровне личности трагедию гибнущей души под автоматизмами притяжений Самолюбия и Влюбленности. Жизнь самого писателя представляла полную противоположность, — тяжелый писательский труд и крепкую бескорыстную дружбу. Жорж Санд, которая годилась Флоберу в матери, упрекала его в том, что он не женится, а он отшучивался, что подобно амазонкам выжег себе грудь. Понятно, что это не есть отрицание половой любви, а только провозглашение свободы личности женщины, так что любовь перестает быть романтикой подчинения слабого пола и становится любовью-дружбой зрелых личностей. У Л. Толстого в «Крейсеровой сонате» это противоставление дружбы и любви приобретает форму полного отрицания половых отношений и брака, просто

потому что он понимал под «плотью» только биологию человека, которая на самом деле невинна. И не видел «плоти», то есть заурядной детерминированной энергии психики как эгозащиты. Сама Жорж Санд сначала тоже не принимала института брака после первого своего брака, и активно боролась не только за права женщин, но и за права неимущих слоев, а также против клерикализма. Ее пьесы на протестантские темы имели большой успех, и Андре Моруа цитирует ее дневник, где она пишет, что Флобер встречал ее со слезами на глазах у подножия театра. Э. Ренан также иногда присоединялся к этому знаменитому писательскому клубу. Известны слова Толстого, не любившего Ж. Санд за ее провозглашение свободы личности женщины и борьбы за права всех женщин (хотя он был очень увлечен литературой этого клуба писателей-реалистов и рекомендовал их книги в своем «круге чтения»). Однако, как говорят, Тургенев убедил его в обратном, так что они даже примирились после ссоры: «Тургенев создал вереницу чудесных женских образов, которых тогда не было; но потом они были». Каким прекрасным гимном свободной женской личности является в этом смысле «Что делать?» Н. Чернышевского. Иисус, как известно, никогда не обронил ни единого слова об униженности женщин, но сказал самаритянке на вопрос где правильно молиться, что молиться всем следует в духе и истине. Ибо дух и истина для всех одни. Э. Ренан в «жизни Иисуса» особо останавливается на отношении Христа к женщинам как к разумным свободным личностям, со многими из которых он дружил. Бертран Рассел пишет в своей автобиографии, что счастлив был быть участником движения женщин за равные политические права с мужчинами, которое закончилось таким громкой победой женщин во всем мире.

4) Коллективизм и индивидуализм

> «Стало ясно: ни эгоистический индивидуализм, ни авторитарный коллективизм не приносят оптимальных результатов»

М. Горбачев «Размышления о прошлом и будущем»

> «Между теориями социального сплочения и теориями индивидуальной инициативы веками идут споры со времен древней Греции. Как правило, в вечных спорах всегда можно быть уверенным в том, что правда содержится в позициях обеих сторон. Скорее всего, там не будет резкой границы между этими позициями, но истина будет включать в себя аргументы обеих сторон и компромисс между ними»

Бертран Рассел «Authority and individual»

«Дорога к рабству» Ф. Хайека приучила людей противопоставлять коллективизм и индивидуализм, как ад и рай. Если как пишет Рассел, споры на эту тему велись со времен античности, то не в таком ракурсе. Хайек обосновал в своей ставшей знаменитой книге, что всякий социализм есть зло, потому что социализм, как он утверждает, не просто противостоит личности, но уничтожает личность, а вместе с ней и всякие надежды на разум и свободу. Он приводит в доказательство две известные ему системы, обращавшиеся к термину «социализм» — социализм советской республики и «национал –социализм» Гитлера. Известно, что в борьбе с национал-социализмом Гитлера погибло около тридцати миллионов русских. Но не в этом дело. Хайек обобщает эти две системы в одну структуру общества на том основании, что в основе каждой из них плановая экономика. Надо сказать, что плановая экономика — это такая экономика, которая планирует свои производственные отношения за счет ресурсов своего собственного общества. Как СССР, например. Экономика национал-социалистов откровенно заявляла себя как экономика грабежа завоеванных народов и экономика эксплуатации порабощенных низших рас. Достаточно взглянуть на «творчество» Гитлера в его жизнеописаниях своей

идеологии. Наконец, социализмом никак не может быть названа система Гитлера, которая прямо издевается над гуманизмом, противопоставляя ему выживание сильнейшей расы и порабощение низших рас. Социализм — это система гуманизма, основанная на признании единой человеческой природы и естественного права, единого духа и вследствие этого, как сказано у Пифагора: «А у друзей все общее». Не будет же Хайек делить холодильник с членами своей семьи. Только если личности, составляющие общество, смогли почувствовать такую духовную близость друг к другу, имеет смысл переходить к социализму экономическому. Но не в экономике дело.

Социализм возникает вовсе не на уровне экономики как думали Маркс и Хайек. Социализм возникает в душах людей, когда созревает личность, то есть разумная и свободная индивидуальность. Только такая индивидуальность способна к дружбе, которая в энергетическом смысле является единением духовной энергии, «общим Я» людей в смысле того что контроль сохранения силы психики становится общим, и эти люди стоят друг за друга до смерти.

В этом случае экономика может быть совершенно любая: рыночная как в скандинавских странах, и все равно люди будут делиться друг с другом через перераспределительную систему. Потому что «у друзей все общее». Она может быть плановая, и они не будут воровать и отлынивать от работы, но сделают свободным доступ к конечному продукту и будут трудиться в поте лица, ответственно и дисциплинировано. Потому что это зрелые личности с развитым научным контролем и чувствительным полем совести. И наоборот, если личности еще нет, если ее место занимает поле эгосистемы с его автоматизмами Самолюбия и Влюбленности, страха, праздности и лени, то какую экономику бы вы не дали этим людям, она всегда придет к экономике стандартного Левиафана: господа-самолюбия пожирают рабов-влюбленностей. Аристократическая антропофагия, как называл эту систему Левиафанов Герцен.

Ф. Хайек, Л. Мизес и вообще австрийская школа ставят вопрос коллективизма и индивидуализма как вопрос противостояния личности и тоталитаризма, который личность уничтожает. Точно также ставит вопрос и К. Поппер в «Открытом обществе». Однако, такая постановка вопроса в корне неверная.

Когда коллективизм и индивидуализм противостоят друг другу в этом смысле — обе системы являются патологическими. Например, если мы возьмем в качестве общества индивидуализма «гибрис» эллинских полисов, который своей острой состязательностью и неспособностью к политическим союзам уничтожил эти полисы в междоусобицах, мы увидим патологию общества индивидуализма. Если мы возьмем в качестве коллективизма общество гитлеровского Рейха мы увидим патологию тоталитаризма, которая уничтожает личность. «Стало ясно: ни эгоистический индивидуализм, ни авторитарный коллективизм не приносят оптимальных результатов» — пишет по этому поводу М. Горбачев в «Размышления о прошлом и будущем».

Но если мы возьмем, к примеру, пифагорейские общины, интеллектуальные клубы Герцена или Флобера, «визинарные компании», описанные в исследовании «Построенные навечно» Д. Порраса и Д. Коллинза, дружбу самоактуалов Маслоу, — мы увидим, что здесь все с точностью до наоборот: именно развитая, разумная, свободная личность предполагает настоящий коллективизм в смысле единства духовной энергии, в смысле способности к настоящей дружбе и сотрудничеству настоящего научного контроля.

В чем причина? Причина в энергетических механизмах, лежащих в основе этих феноменов. Тоталитаризм Левиафанов — не есть коллективизм, поскольку там изначально нет ничего человеческого: человеческое раздавлено эгозащитой уже на уровне психики отдельных индивидов. Это чудовища, которые вырастают из автоматизмов эгозащиты, как насилие господства и подчинения. В этом энергетическое существо тоталитаризма, и его уродливость и извращенность. Чистый индивидуализм —

это тоже поле эгозащиты, только уже шизоидной и потому склонной к аутизму. Его патология не в отсутствии духа, как говорит Кьеркегор, а в отчаявшемся духе, то есть в шизоидном интеллекте. Здесь личность есть, но она обессилена и потеряна в софизмах ложного разума, в противостоянии с другими. Первое — это скрытый аутизм, так как там тоже личности недоступны контакты с внешним миром, между ним и миром, как говорит Юнг, «кокон» из проекций его эгозащиты, хотя внешне это коллективизм Левиафана. Во втором случае это явный аутизм, где все противостоят друг другу и не способны к искренности и дружбе.

Нормальное, здоровое общество не может быть одной из этих крайностей, оно всегда есть разумные свободные личности, составляющие здоровое общество дружбы и сотрудничества, единое во всем фундаментальном, человеческом, что составляет их природу.

А. Маслоу:

> «Удивительно, но о самоактуализирующихся людях можно сказать, что они одновременно и самые большие индивидуалисты, и самые последовательные альтруисты, существа, крайне социальные и до восхищения способные любить. В рамках нашей культуры индивидуализм принято противопоставлять альтруизму, эти два свойства принято рассматривать в качестве крайних пределов единого континуума, но мы уже говорили о том, что подобная точка зрения ошибочна и требует тщательной корректировки»

Э. Эйнштейн:

> «Без творческих и независимо мыслящих личностей развитие общества также немыслимо, как и развитие индивидуальной личности без общества... Я чувствую себя настолько единым целым со всем живущим, что для меня глубоко безразлично где начинается и где заканчивается нечто отдаленное... Настоящая ценность человека определяется тем, насколько он способен освободиться от эгоизма, а также какими средствами он этого смог добиться. Человек начинает жить лишь тогда, когда ему удается превзойти самого себя. Из тщеславия или страха не может родиться ничего представляющего из себя ценность. человеческие ценности возникают благодаря любви и преданности людям, а также объективным реалиям сего мира» («Так говорил Эйнштейн»)

П. Кропоткин «Записки революционера»:

> «Вообще изучение, подробное, доскональное и оригинальное (то есть со своими соображениями и выводами), истории одной страны дает совершенно неподозреваемую силу для понимания истории всех стран Европы. Казалось бы с первого взгляда: что общего между историей Франции или Германии и России? А между тем и там повторяется те же формы развития родовой, мирской, городской и государственной жизни, и — что всего поразительнее — известные периоды выражаются в сходных личностях. Конечно, все эти личности имеют специальную физиономию — на то они и личности, и на то каждая страна сама по себе. Каждый человек имеет свою физиономию, и француз отличается от русского, даже. когда он принадлежит к тому же типу — дипломата, или воина, или мыслителя. Но если признать это неизбежное личное выражение и национальное и всматриваться в различные стадии человеческой культуры, то сходство поразительное»

Н. Чернышевский «Что делать?»:

> «Недавно родился этот тип и быстро распложается. Он рожден временем, он знамение времени, и, сказать ли? — он исчезнет вместе с своим временем, недолгим временем. Его недавняя жизнь обречена быть и недолгою жизнью. Шесть лет тому назад этих людей не видели; три года тому назад презирали; теперь... но все равно, что думают о них теперь; через несколько лет, очень немного лет, к ним будут взывать: „спасите нас!“, и что будут они говорить будет исполняться всеми; еще немного лет, быть может, и не лет, а месяцев, и станут их проклинать, и они будут согнаны со сцены, ошиканные, страмимые. Так что же, шикайте и страмите, гоните и проклинайте, вы получили от них пользу, этого для них довольно, и под шумом шиканья, под громом проклятий, они сойдут со сцены гордые и скромные, суровые и добрые, как были. И не останется их на сцене? — Нет. Как же будет без Них? — Плохо. Но после них все-таки будет лучше, чем до них. И пройдут года, и скажут люди: „после них стало лучше; но все-таки осталось плохо“. И когда скажут это, значит, пришло время возродиться этому типу, и он возродится в более многочисленных людях, в лучших формах, потому что тогда всего хорошего будет больше, и все хорошее будет лучше; и опять та же история а новом виде. И так пойдет до тех пор, пока люди скажут: „ну, теперь нам хорошо“, тогда уж не будет этого отдельного типа, потому что все люди будут этого типа, и с трудом будут понимать, как же это было время, ко-

> гда он считался особенным типом, а не общею натурою всех людей?»

М. Горбачев «Размышления о прошлом и будущем»:

> «Одна из самых модных банальностей сейчас — у нас и на Западе — рассуждать об абсолютном провале социализма. Социализм предают анафеме, отождествляя с ним все беды советского народа за 80 лет и других народов, которые тоже погнались за этой химерой или были принуждены к этому. Однако вывод этот ложен. Социализма, о котором писали многие крупнейшие умы человечества, о котором мечтали миллионы людей, не было нигде — ни в Советском Союзе, ни в Восточной Европе, ни в Азии, ни на Кубе. А раз так, то антиисторично, и просто противоречит логике утверждать, будто социализм потерпел поражение. Мое мнение определенно: социалистическая идея не утратила своего значения, своей исторической актуальности. Не только потому, что сама по себе эта идея, включающая в себя такие понятия, как справедливость, равноправие, свобода, демократия, никогда не сможет себя исчерпать. Но и потому, что все развитие земного сообщества каждый день с новой силой подтверждает: потребность в справедливости, равноправии, свободе и демократии, в солидарности не угасает, а нарастает. Да, критерии, подходы к конкретным вопросам повсюду разные. Но общий знаменатель один: социальная справедливость, равноправие, свобода и демократия — повсюду, от политики и экономики до повседневной жизни. Поэтому убежден: социалистическая идея вечна, она будет побуждать людей к действиям во имя всего того, что вкладывается в ее содержание, то есть естественных (такое выражение здесь вполне уместно) прав и свобод человека».

ГЛАВА 21. РЕВОЛЮЦИЯ В РОССИИ

1) Демократия-тирания Революций Нового времени
2) «Практика и теория большевизма» Б. Рассела
3) Денежная и плановая экономика

1) Демократия-тирания Революций Нового времени

Возрождение и Реформация в Европе ознаменовали пробуждение интеллекта после долгой спячки темного средневековья. В этой связи Т. Карлейль пишет о Лютере в «Почитании героев» как о глыбе, которая повернула историю Европы на путь рационализма и либерализма. В том же духе пишет о движении протестантов Джон Милль, укоряя О. Конта в книге, посвященной его философии позитивизма, что тот недостаточно уделил внимания историческому значению Реформации как становления рационального мышления. Макс Вебер пишет в «Протестантской этике и капитализме» о том, что Реформация стала поворотным пунктом в «расколдовании мира», то есть нового этапа борьбы логоса с магическим сознанием. П. Новгородцев в книге «Лекции по истории философии права» цитирует мнение европейских теоретиков права, которые видят зародыш теории естественного права, доктрины прав человека в протестантской Реформации

П. Новгородцев Лекции по истории философии права:

> «В 1892 г. проф. Ковалевский, а три года спустя гейдельбергский ученый Иеллинек вновь вспомнили полузабытых протестантских политиков XVI и XVII столетий, чтобы подчеркнуть их значение в развитии политической мысли нового времени. Ковалевский признал в них родоначальников английского радикализма и отметил вместе с тем их значение для образования принципов французской революции. В том же духе высказался Иеллинек. „Что до сих пор считали делом революции, — замечает он — то на самом деле

> есть плод Реформации и ее борений. Первым апостолом принципов революции был не Лафайет, а Роджер Вильямс“. Но что же нового внести индепенденты в оборот политической мысли? Они впервые провозглашают известные права личности неотчуждаемыми и прирожденными, независимыми даже от народного представительства. Ковалевский и Иеллинек, вслед за Вейнгартеном, неопровержимо доказали, что французская декларация прав есть не более как список с соответствующих американских деклараций и что эти последние представляют собой выражение тех взглядов и требований, которые привозили с собой в Америку английские индепенденты, как плод политических опытов, вынесенных ими с родины. В новых Американских Штатах положения, высказанные левеллерами, являлись исходными моментами для всего последующего развития американской нации. Декларация Джефферсона, как и самая американская конституция, служат выражением тех же начал, из-за признания которых боролись левеллеры»

Баронская война Симона де Монфора, а позже революция протестантов Оивера Кромвеля заложили основы либеральной демократии в Англии.

Так просыпающийся разум принес с собой и борьбу за свободу, которая теперь принимает отчетливую форму утверждения естественного права, неотчуждаемых прав человека как законов природы, написанных в его сердце. Вновь начавшийся процесс становления разумной, свободной личности необратимо ведет к борьбе с магическим сознанием, с объявлением войны христианскому язычеству, которое утопило в догматах богословиях философский синтез евангелия времен поздней античности. Вместе с этим пробуждается страсть к познанию, к науке ради самой науки. Френсис Бэкон открывает метод индукции, Галилей и Коперник утверждают гелиоцентрическую теорию, великие географические открытия расширяют кругозор, Колумб впервые совершает кругосветное плавание. Декарт развивает метафизику интеллекта Платона, создавая свою философию рационализма. Интеллектуальное развитие личности идет с той же интенсивностью, с которой отбрасывается магическое сознание католического язычества. Джон Локк и Олджернон Сидней пишут о народовластии и верховенстве закона. Локку приходится скрываться

в Голландии, а Сидней казнен. Дидро, Кондорсе, Вольтер, Руссо развивают теорию естественного права, подвергая разгромной критике мифологию церкви. Томас Пейн пишет знаменитое эссе о правах человека, и чуть было не становится жертвой террора Робеспьера.

П. Новгородцев «Лекции по истории философии права»:

> «Это будет, очевидно, доктрина народного суверенитета, выводящая права короля из воли народа. В этом отношении Локк — продолжатель Мильтона, который в свое время также писал в защиту английского народа, и Сиднея, который стоял на той же точке зрения народного верховенства. Но к этой доктрине сторонников народовластия Локк присоединяет еще другую идею высокой важности — идею неотчуждаемых прав личности, которую мы встречаем ранее у представителей политического радикализма, левеллеров... Подобно тому как у Руссо и у многих других представителей естественного права, теория первобытного договора имеет у Локка не столько историческое, сколько этическое значение. Локк сознательно и последовательно примыкает к школе естественного права, особенность которой состоит в том, что она, не ограничиваясь описанием фактов истории, всюду ставит вопрос об этическом их оправдании. Английские ученые также не отрешаются от исторических основ, но они все более переходят с точки зрения исторических аргументов на почву общечеловеческих требований, от истории к этике. В этом отличительная черта всего естественного права и в частности теории Локка. Основная идея книги — идея неотчуждаемого народного суверенитета — еще раз предстает здесь перед нами. Правительство должно считаться уничтоженным, так решает вопрос Локк, всякий раз, когда законодательная или исполнительная власть нарушают свои полномочия. Таково последнее слово Локка»

Итак, пробуждение интеллекта закономерно влечет за собой уже знакомые нам процессы: борьбы с магическим сознанием; становления свободной, разумной личности; слом Левиафана и борьбу за права человека; становление естественного права как научного контроля общественной жизни.

В то же время, поскольку научный контроль еще не найден, эта борьба за справедливое и свободное общество имеет оборотную сторону. Это все еще демократии-тирании, респуб-

лики-империи, которые мы видели в период пробуждения интеллекта в античности. Качественное различие намечается здесь только в постепенном становлении правового государства, которые берут за основу римское право и теорию естественного права. Но это длительный процесс, который растягивается на десятилетия. Череда революций во Франции с конца 18 столетия до второй половины 19 столетия, которая видела все, от взятия Бастилии, террора Директории до войн Наполеона, реставрации монархии и Парижской коммуны. Реформация в Германии повлекла одну из самых кровопролитных европейских войн — тридцатилетнюю войну. Жестокие войны с Ирландией, личная диктатура и игнорирование парламента, попытка установить наследственную династию — оставили такую же неоднозначную оценку деятельности Кромвеля, притом что необходимость его революции для становления английской либеральной демократии очевидна. Становление государства в Германии осложнилось еще становлением двух империй: империи Бисмарка, которая пала после Первой мировой войны, чтобы стать Веймарской республикой и империей Гитлера, которая чуть не уничтожила весь мир, в том числе и немецкий народ.

Русская революция не стала исключением в этом смысле. Страстная критика магического сознания марксизмом-ленинизмом, поиски научного метода и объективной реальности, заявленные ценности республиканской свободы и гуманизма — все это говорит о стандартном процессе слома Левиафана поля эгосистемы с пробуждением интеллекта. И здесь процесс становления республики не был мгновенным и однозначным. Первая и Вторая мировая война также внесли свои коррективы. В итоге период террора продолжался с победы Революции в 1917 году до смерти Сталина и 20 съезда партии Н. Хрущева. М. Горбачев, который пишет о своей политике как о продолжении линии «потепления» Хрущева, также выводит российскую республику на общеевропейским плацдарм правового государства.

В чем различия локковской либеральной демократии и политической теории марксизма-ленинизма? Локковская традиция берет начало в метафизике интеллекта Христа и естественном праве римских юристов: это теория прав человека, утверждающая реальность духовной сферы человека, его сознания, воли, сердца. Марксизм-ленинизм в своей борьбе с магическим сознанием ударился в другую крайность, подобно всем материалистам своего времени (как Огюст Конт например) и совсем исключил сознание, дух человека, представив его экономическим рациональным животным. Политическая система Маркса — это система диктатуры господствующего класса, которая диктуется интересами экономического человека. Политическая система Локка — это система демократии и парламента, основанная на правах человека, которую Ленин считал абсолютно неэффективной. В первом случае сохраняется связь с естественным правом, во втором случае господствующий класс получает полный произвол решать, что есть экономический интерес его класса. В первом случае, христианская этика составляет основу права, во втором случае, рациональность экономического человека скатывается к цинизму дарвиновской теории выживания сильнейшего.

В итоге, нельзя перестараться в борьбе с магическим сознанием, потому что оно как океан, который окружает островок научного сознания: или научное сознание, или, если не попал, оказываешься в объятиях первобытной магии –третьего не дано. Стоит перепрыгнуть или недопрыгнуть, и ты опять падаешь в океан магического сознания. Такой же системой мифологии оказалась в конечном итоге и философия марксизма-ленинизма. Но та же ситуация имела место и в случае с Лютером и Кальвином, которые сильно способствовали свободе мышления, оставшись на поле магического сознания. Все же свой шаг вперед в свое историческое время становления интеллекта они сделали.

Тем не менее, и русская революция, подобно французской, например, сама в лице Горбачева, в конечном итоге вышла

на пути демократических реформ. Горбачев пишет о себе как о коммунисте и последователе линии Хрущева, а заслуги перестройки признает не только своей инициативой, но инициативой коммунистической партии:

М. Горбачев «Размышления о прошлом и будущем»:

> «Но надо быть точным и справедливым в оценке партии в годы перестройки. Фактом является, что реформы начала КПСС, когда у ее руководства оказались руководители, приверженные реформам. Более того, перемены вообще бы не начались, если бы инициатива их проведения не исходила бы от КПСС. И дело здесь не только в когорте реформаторов, большая часть рядовых членов партии была за перемены в обществе. Центральный комитет КПСС, в конечном счете, высказался за демократию, политический плюрализм, свободные выборы, создание смешанной рыночной экономики, и реформирование союзной федерации и т.д…До этого времени старые установки оставались в силе. Во имя идеологии, настраивавшей народы СССР на вражду с большей частью мира, страна наращивала свое участие в гонке вооружений, истощавшей ресурсы и превращавшей ВПК в главный фактор, определявшей всю политику и общественное сознание. Нас боялись, а мы ставили это себе в заслугу, потому что противник должен бояться. И дело было не только в непомерной ядерной мощи, но и в тех акциях, на которые СССР пошел, например, ввод войск в Чехословакию или в Афганистан. Все это так, но ответственность за многодесятилетнюю напряженность нельзя возлагать исключительно на советскую сторону. На Западе с самого начала взяли курс на подавление русской революции».

2) «Практика и теория большевизма» Б. Рассела

В Греции интеллект пробудился в осевое время К. Ясперса, то есть в 9—7 века до н.э., результатом чего стали песни Гомера и греческая философия. В России только после реформ Петра, результатом чего стала русская литература. В этом смысле русская литература такая же неотъемлемая часть мировой культуры, как греческая философия, римское право и Евангелие. Петр принес в Россию «божественный закон» греко-римской культуры, и заслуженно принял титул римских императоров и отца отечества. Русские с честью при-

няли наследие и продолжили традиции античных мыслителей и гуманистов.

Однако, как бывает всегда, когда интеллект только пробуждается, сознание расщепляется на научный интеллект, который ищет закономерности окружающего мира, и с другой стороны, — на шизоидный интеллект, существо которого в формальной логике, строящей фантастические замки. В первом случае — реальность и объективность, во втором случае — абсурд поля эгосистемы; в первом случае истинное Я, во втором случае ложное Эго. Так было в античном мире — в Греции, в Израиле, в Риме. Так было в Древней Персии и в древней Индии, то есть во всех странах, где пробудился интеллект в осевое время Ясперса. Так было в Германии периода Реформации, так было в революционной Англии времен Кромвеля, и в революционной Франции времен Робеспьера и Наполеона. И так было в России, в которой интеллект проснулся только в 18—19 веках прошлого тысячелетия.

В принципе наука на тот момент (равно как и на сегодняшний день) во всем мире представляла собой хаос противоречивых теорий, что громогласно свидетельствовало о ее незрелости. Когда-то было много споров вокруг гелиоцентрической и геоцентрической теории галактики. Сегодня никто уже не спорит о том, солнце ходит вокруг земли или земля вокруг солнца. Потому что физика перестала быть незрелой наукой. Гуманитарная или социальная наука сегодня представляет хаос из противоречивых теорий — это яркое свидетельство незрелости науки. Такой же она была и в 19 столетии, когда брожение умов вследствие пробудившегося интеллекта привело к слому самодержавного Левиафана русских царей.

Не Кромвель сделал революцию в Англии 17 века. Ее сделал немецкая Реформация 16 века. Не Робеспьер сделал Французскую революцию 18—19 веков, ее сделали Реформация и Возрождение: французские энциклопедисты, Дидро, Кондорсе, Руссо, Вольтер. Также и Русскую Революцию сделал не Ленин и не Маркс, ее сделала русская литература. Марксизм-ленинизм

только очередная шизоидная теория расщепленного сознания: с одной стороны стремление к справедливости, к всеобщему образованию и братству, с другой стороны — террор господствующего класса, то есть диктатура пролетариата.

Гитлер питал острую ненависть к марксизму, а между тем обе системы имеют одни источники: дарвинизм и немецкую философию. Правда, Гитлер предпочитал антиинтеллектуализм Ницше, и магическое сознание германских мистиков, а Маркс видел в Гегеле «новый рационализм». Так или иначе и та и другая система поразила мир своей жестокостью в применении массовых репрессий, а в случае с Гитлером и геноцида целых народов. Видимо, та радикальная разница, которая все-таки привела к тому, что весь мир восстал против Гитлера, а с другой стороны признал в конечном итоге молодую советскую республику заключалась все таки в том акценте на рационализм, на объективную истину, на научное познание мира, на общечеловеческие ценности французской и американской революций, которые делали коммунисты-марксисты. В этом смысле они оставались людьми с расщепленным сознанием. Террор Директории, людоедские войны Наполеона, абсолютно бессмысленная бойня молодых французских солдат, жестокость Петра собственноручно казнившего сотни мятежников стрелецких бунтов, беспощадная война с Ирландией Кромвеля, тридцатилетняя война после Реформации Лютера, утопившая Европу в крови — все это можно понимать как расщепленное сознание, как необходимые жертвы в мировой революционной борьбе народов за свободу, за становление личности, как конечной стадии эволюции человека. Однако, Гитлера никоим образом нельзя характеризовать как расщепленное сознание, как борьбу за свободу и добро и необходимые жертвы в ходе этой борьбы. Гитлер — это уже не расщепленное сознание, в котором есть разумная и неразумная сторона; Гитлер — это уже погибшее сознание, уже не шизоидность, а шизофрения. И это очень легко доказать, если обратиться к писаниям его автобиографии. Там очень недвусмысленно говорит о своем презрении

к гуманизму, к общечеловеческим ценностям, «дурачкам-пацифистам», утверждая право сильного и необходимость завоевания и эксплуатации низших рас. Жестокость коммунистов была другого рода, потому что они не отрицали общечеловеческих ценностей. Война Гитлера — война высшей расы с низшими в тем, чтобы подчинить их и грабить, то есть эксплуатировать; война коммунистов –война класса пролетариев с классом буржуев и помещиков, которых они называли и искренне считали эксплуататорами. Они могли ошибаться, но и правда была в этом подходе. По крайней мере, официально они стояли на позиции общечеловеческих ценностей и гуманистической морали — они боролись против эксплуататоров; когда развитие капитализма покажет, что капитализм может смягчать эффект расслоения общества бюджетным перераспределение и социальной поддержкой, Михаил Горбачев стал новым Петром Первым: он разрешил частную собственность и рынок, без всякого кровопролития осуществив революцию сверху.

Диктатура пролетариата была жестокой, но не была циничной. В ее основе лежало то же стремление к установлению мировой справедливости. Марксист Джон Льюис критикует социологию, свободную от этики Макса Вебера в книге «Марксистская критика социологии Макса Вебера». А Макса Вебера называли предтечей Гитлера за его откровенный национализм, империализм и циничную теорию свободной от этики социологии. Вот что пишет Рассел в книге «Практика и теория большевизма» (переведенной на русский и изданной в России) по поводу диктатуры пролетариата:

Б. Рассел «Практика и теория большевизма»:

> «Для нового общества естественно искать исторические параллели. Худшие стороны современного российского правительства наиболее близки французской Директории, лучшие имеют тесные аналогии с правлением Кромвеля. Искренние коммунисты (а у старых членов партии искренность подтверждена годами преследований) весьма недалеки от пуританских воинов по своей суровой морали и политической решительности. И обращение Кромвеля с парламентом не так уж непохоже на обращение Ленина с Учредитель-

> ным собранием. Оба, соединив вначале демократию с религиозной убежденностью, принесли первую в жертву вере, усиливая военную диктатуру. Оба стремились принудить свои страны к жизни на более высоком уровне нравственности и стойкости, чем их население могло выдержать».

Нынешние власть имущие — воплощение зла, и существующий порядок вещей обречен. Совершить переход от него к новому общественному строю с минимальным кровопролитием, при максимальном сохранении того, что ценно в нашей цивилизации, — трудная проблема. Именно эта проблема главным образом занимала меня, пока я писал нижеследующие страницы

В Англии друзья России думают, что диктатура пролетариата — это просто новая форма представительного управления, где только трудящиеся имеют право голоса; при этом избирательные округа строятся отчасти по производственному, а не по географическому признаку. Они считают, что «пролетариат» — это «пролетариат», но «диктатура» не в полной мере означает «диктатуру». Однако дело обстоит как раз наоборот. Когда русский коммунист говорит о «диктатуре», он понимает это слов буквально, но когда он говорит о «пролетариате», то использует это слово в некоем пиквикском смысле. Он имеет при этом в виду «классово сознательную» часть пролетариата, т. е. коммунистическую партию Он включает в пролетариат людей, которые никоим образом не являются пролетариями (таких, как Ленин, Чичерин), но имеют «правильные» взгляды, и он исключает тех наемных работников, которые таких взглядов не имеют; последних он называет лакеями буржуазии. Коммунист, искренне разделяющий взгляды партии, убежден, что корень всех зол — частная собственность; он настолько убежден в этом, что не останавливается ни перед какими, даже самыми жесткими мерами, если они кажутся необходимыми для построения и сохранение коммунистического государства. Он щадит себя столь же мало, сколь и других. Он работает по 16 часов в день и отказывается от сокращения рабочего дня в субботу. Он добровольно берется за тяжелую и опасную работу, которую надо

сделать, такую, как уборка заразных трупов, оставленных Колчаком или Деникиным. Обладая властью и контролируя снабжение, он живет как аскет. Не преследуя личных целей, он устремлен к созиданию нового социального порядка. Но те же мотивы, которые побуждают его к аскетизму, делают его и

безжалостным. Маркс учил, что коммунизм придет с фатальной неизбежностью; это совпало с восточными чертами русского характера и привело к умонастроению, весьма похожему на убежденность ранних последователей Магомета. Сопротивление подавляется беспощадно, не останавливаются и перед методами царской полиции, многие чины которой заняты своим прежним делом».

Ренан пишет в «Жизни Иисуса», что все попытки современных ему социалистов построить гармоничное общество на основе материализма и экономики, без учета духовной энергии людей, всегда будут тщетными. Так все и оказалось с государством марксизма-ленинизма, которое стремилось заменить угнетение царских самодержцев — братством социалистического планирования. «Экономический человек» Маркса, построенный на основе теории выживания сильнейшего Дарвина, оказался пустой абстракцией шизоидного интеллекта. А соответственно и все здание политической и социальной философии, которое Маркс и Ленин возвели на плечах этой пустой абстракции. Дух, сознания, психология, личность были вымыты из идеологического инструментария марксизма. Уровень психологического существования человека, уровень духовной энергии, личностных переживаний не существовал в этой грандиозной теоретической башне на песке. Философия Гегеля тоже была ошибочной, но Маркс еще усугубил эту ошибку, взяв из нее именно то, что было в ней неправильного — диалектическую логику, и отказавшись от того, что было в ней рационального — примата сознания над бытием, идеализма первичности интеллекта. В итоге, диалектический материализм был уже чисто шизоидной системой формальной ло-

гики, не имевшей ничего общего с действительностью. О том же пишет Рассел в «Образование и здоровое общество»: «Марксистское мировоззрение ведет к неправильному акценту. Работа Ньютона, например, могла иметь всевозможные виды экономических причин, но эта работа сама по себе значительно более интересна и важна, чем причины ее породившие. Экономика в конечном итоге имеет дело только с поддержание жизни; если бы эта проблема была удовлетворительно решена, как например, с помощью коммунизма, нам бы потребовался новый объект для мышления, и некий новый принцип, чтобы положить в основу интерпретации будущей истории. Простота хороша в рекламе, но не в философии» Education and social order

Логичным результатом явилось крушение этой башни из песка, так страстно поддерживаемой своими плечами несколькими поколениями чекистов. Ленин искренне верил в то, что диалектический материализм Маркса дает ключ к постижению «объективной действительности», и со всей страстью оскорбленной истины спорил с эмпириками своего времени, которые искренне смеялись над «метафизикой» подобных претензий. Ленин в целом произвел на Рассела хорошее впечатление, хоть его догматизм и внушил ему большие опасения за тот научный метод, который Ленин считал главным достижением коммунизма. О Сталине он говорит совсем иначе: так он рассказывает в автобиографии, что когда Сталин умер, его пригласили на бибиси комментировать это событие. «Я выразил большую радость в связи со смертью тирана, и поздравил всех с этим событием, — говорит Рассел, — но речь моя никогда не была выпущена в эфир, потому что искренность моей радости казалась слишком не дипломатичной бибиси». Надо оговориться, что в своей автобиографии Б. Рассел пишет, что не позволил всем своим чувствам отразиться в книге «Практика и теория большевизма», потому что сочувствовал молодой советской республике. Он говорит что все дни проведенные в России, он чувствовал себя так словно не может проснуться от кошмарного сна, что

слышал выстрелы по ночам, и знал что это казнят несчастных «идеалистов». Он говорил, как его впечатлили сильный страх ученых, которые боялись сказать что-то вразрез марксистской догме и сразу себя поправляли, и что его ужас в конечном итоге был ужасом в том, как поверхностная и болтливая идеология подавила все прекрасное в жизни, что делает ее ценной. О своей встрече с математиками, которые поразили его с одной стороны знаниями, а с другой стороны нищетой и неухоженностью (слипшиеся волосы, несвежее белье): «Никогда я не встречал в Англии бродяги, который бы так жалко выглядел, как математики в Петербурге». Его будущая жена Дора тоже была в России, и осталась очень довольна увиденным, так что они даже поссорились на этой почве. Но в конечном итоге, Рассел остался кристально объективен, как всегда:

Б. Рассел «Практика и теория большевизма»:

> «Первые пять дней мы провели в Петрограде, следующие одиннадцать — в Москве. В этот период мы ежедневно встречались с ответственными лицами из правительства, так что без труда усвоили официальную точку зрения. Я по возможности встречался также с интеллигенцией в обоих городах. Нам была предоставлена полная свобода общения с политиками оппозиционных партий, и мы, естественное, не преминули ею воспользоваться. Мы видели меньшевиков, социалистов-революционеров различных группировок, анархистов; встречи происходили без присутствия большевиков, и с нами свободно разговаривали, избавившись от первоначальных опасений. Я имел часовую беседу с Лениным — фактически tete-a-tete, встречался с Троцким, правда, не один; я провел вечер в деревне с Каменевым; я также видел значительное число других людей, которые обладают весом в правительстве, хотя и менее известны за пределами России. Вскоре после моего прибытия в Москву я имел часовую беседу с Лениным на английском языке, которым он прекрасно владеет. Присутствовал переводчик, но его услуги практически не потребовались. Обстановка кабинета Ленина очень проста: в нем большой рабочий стол, несколько карт на стенах, два книжных шкафа и одно удобное кресло для посетителей в дополнение к двум или трем жестким стульям. Очевидно, что он не испытывает любви к роскоши и даже к комфорту. Он очень доброжелателен и держится с видимой простотой, без малейшего намека на высокомерие. При встрече

> с ним, не зная кто он, трудно догадаться, что он наделен огромной властью или вообще в каком-нибудь смысле является знаменитым. Мне никогда не приходилось встречать выдающейся личности, столь лишенной чувства собственной значимости. Он пристально смотрит на своих посетителей, прищурив один глаз, что, кажется, усиливает проницательную силу другого глаза. Он много смеется; поначалу его смех кажется дружелюбным и веселым, но постепенно мне стало как-то не по себе. Ленин спокоен и властен, он чужд всякого страха и совершенно лишен какого-либо своекорыстия, он олицетворение теории. Чувствуется, что материалистическое понимание истории вошло в его плоть и кровь. Он напоминает профессора желанием сделать свою теорию понятной и яростью по отношению к тем, кто не понимает ее или не согласен с ней, а также своей склонностью к разъяснениям. У меня сложилось впечатление, что он презирает очень многих людей и в интеллектуальном отношении является аристократом... Есть, однако, другой аспект большевизма, от которого я определенно хочу отмежеваться. Большевизм не просто политическая доктрина, он еще и религия с своими догматами и священными писаниями. Когда Ленин хочет доказать какое-нибудь положение, он по мере возможности цитирует Маркса и Энгельса. Подлинный коммунист не просто человек, убежденный, что землей и капиталом необходимо владеть сообща, а их продукцию распределять, насколько возможно, поровну. Это человек, который разделяет целую систему определенных догматических верований, вроде философского материализма, которые, может быть, и истинны, но не носят научного характера (нет таких способов, которые позволили бы установить их истинность с определенностью). Эта привычка абсолютной уверенности по поводу объективно сомнительных вещей — одна из тех, от которых мир постепенно избавляется со времени Возрождения — избавляется в пользу конструктивного и плодотворного скептицизма, характеризующего научное мировоззрение. Я полагаю, что научное мировоззрение неизмеримо более важно для человеческого рода. Если более справедливая экономическая система была бы достижима только ценой отказа человеческого разума от свободного исследования и отступления назад, в интеллектуальную темницу средневековья, то я считал бы эту цену слишком высокой».

Тем не менее, философия Маркса была продуктом искренних усилий многих поколений усердных ученых найти научную истину общественного устройства. Маркс и Ленин были не правы в том, что диалектический материализм — это науч-

ный метод, который позволит открывать законы объективной действительности. Но они были правы в том, что искали эту объективную действительность. Что ставили ее в качестве научного познания первой и главной ценностью своей системы. Они яростно боролись с метафизиками интеллекта, называя их идеалистами, что звучало равносильно «попам» в устах Ленина, и в корне ошибались в этом. Но тот факт, что они искренне верили что борются, таким образом, за научное мышление делает им честь, не говоря уже об отчаянной борьбе со всеми проявлениями магического сознания языческой мифологии, которую так любил Гитлер.

В результате не все было черным, не все оказалось отрицательным и негативным в том государстве пролетарской диктатуры, которое они построили. Да, были чудовищные репрессии интеллигенции, карательная психиатрия во главе с Лунком, «дело врачей», сталинские ГУЛАГи, пустые прилавки, дефицит во всем, и безвкусная одежда. Но все таки не все умерло, как в гитлеровском государстве. Но в конечном итоге пришел М. Горбачев, и от имени коммунистической партии сам отменил весь этот порядок. Вот что он пишет по этому поводу в «Размышлении о прошлом и будущем»:

> «Но правда состоит в том, что режим, система злоупотребляли верой людей в высокие идеалы, спекулировали на них. Народовластие, равенство, справедливость, обещания счастливого будущего — все это использовалось в интересах сохранения и укрепления тоталитаризма. Суть этих методов точно определил в своей нобелевской лекции Александр Солженицын: «...Насилию нечем прикрыться, кроме лжи, а лжи нечем удержаться, кроме как насилием. Всякий, кто однажды провозгласил насилие своим методом, неумолимо должен избрать ложь своим принципом. Великая победа пробудила у людей большие ожидания. Но они не оправдались. Система, испугавшись гордого своей победой народа, почувствовавшего себя свободным и суверенным, ужесточила идеологический и политический нажим. Миллионы людей, начиная с бывших военнопленных, были подвергнуты репрессиям. По стране прокатилась новая волна террора. Взят на вооружение был антисемитизм, развернута позорная кампания борьбы с космополитизмом. После того как

> ушел в историю революционный энтузиазм, после быстрого свертывания патриотического подъема, вызванного войной, после эйфории 20 съезда КПСС, которую сам инициатор быстро приглушил, общество будто окостенело. Исчезали стимулы к эффективному труду, к сознательному участию людей в общих делах, к какой бы то ни было предприимчивости, кроме преступной. Глубоко укоренилась уравнительная психология и политический конформизм. Застой в обществе грозил ему тяжелыми последствиями, которые уже начали давать о себе знать буквально во всем. Страна, в годы застоя, стагнации, сползала к обрыву. И самое главное — граждане СССР практически были лишены возможности реально влиять на власть, контролировать ее. Зато закрытость, отторжение всякого инакомыслия, нетерпимость, тайна, железная дисциплина — все это было возрождено и приумножено Сталиным. Все это сложилось в систему, для которой характерными стали: отрицание политического плюрализма, «партия-государство», всеохватное, жесткое, сверхцентрализованное управление страной на основе государственной монополии на собственность. Понимание того, к чему привел страну тоталитаризм, и побудило меня сделать окончательный и бесповоротный для себя выбор — в пользу демократии и реформ. Да, демократические методы руководства, гласность — все это гораздо сложнее, чем тоталитарное управление. Руководители здесь на виду, все прозрачно. Они подвержены критике — как и любой гражданин»

Тем не менее было всеобщее образование, большое количество гуманитарных и технических ВУЗов, НИИ, были физики масштаба Ландау, Йоффе, Анцеловича, Гинзбурга, Капица и многие другие; были академики Сахаровы, Королевы и Лихачевы. Были выдающиеся композиторы, художники, режиссеры, писатели, поэты. Были Рязанов, Данелия, Хуциев, Гайдай, Любимов и др; были звезды советского кино — Леонов, Тихонов, Куравлев, Абдулов, Мордюкова, Никулин, Миронов, Папанов, Яковлев, Мягков и многие многие другие. Были великие сатирики и барды: Жванецкий, театр на Таганке, Высоцкий и все его не менее талантливые коллеги. Идея научного прогресса, к которой подходили со всей серьезностью. Индустриализация страны. При всей идеологизированности общества, при всей цензуре, у людей был доступ к фундаментальной литературе мировой

культуре — в философии, в истории, в литературе, не говоря уже о естественных науках. Вот этот серьезный дух в отношении образования и науки, который держался все время советской республики, и породил не только всеобщее образование и множество ученых и инженеров, но и многочисленную интеллигенцию в виде замечательных писателей, поэтов, художников, композиторов, режиссеров. А классика советского кинематографа неотъемлемая часть золотого фонда мирового кинематографа.

Все это не было бы возможно, если бы эта философия рационализма как высшей человеческой ценности не была фундаментальной идеей марксизма-ленинизма (пусть она и оказалась недостижимой для марксизма). Система оказалась несостоятельной и рухнула, потому что диалектический материализм очень далек от научного метода; но он позволял читать и изучать множество другой научной и художественной литературы и учил тому, что это важно и обязательно. И в этом есть то позитивное, что он принес. В этом сказалась здоровая научная часть расщепленного сознания советской России.

О несостоятельности философии Маркса мы уже сказали. Теперь хотелось бы еще упомянуть о несостоятельности теории «экономического человека», позаимствованной им у Адама Смита. В этом смысле современная теория западного капитализма ничем не отличается от Маркса, так как также держится на теории «экономического человека». В чем ее существо? Все в том же утверждении что бытие определяет сознание: экономические условия определяют жизнедеятельность индивидов. Адам Смит считал, что основа свободного и счастливого общества — в рыночном устройстве экономике, Маркс считал, — что в плановом устройстве экономики. В этом они различаются, Но оба абсолютно согласны в том, что именно экономические условия определяют жизнь общества и отдельного индивида.

Мы видели, что теоретики естественного права в корне не согласны с такой постановкой вопроса. Во главе угла ставится духовная, психологическая природа человека, ресурсы его сознательной энергии и научно-технического прогресса. Потому

определяющими институтами общества являются не силовые институты, не экономические учреждения, а система образования и качество научного контроля в обществе.

Экономика, промышленность — это по сути капитал, который человечество собирает посредством своей научно-технической деятельности и способности к труду, к плодотворной деятельности. Поэтому прав К. Поппер когда говорит, что богатство человека в его знании, так что если уничтожить весь накопленный капитал, но сохранить знания, весь промышленный потенциал будет восстановлен достаточно быстро. Но если представить обратную ситуацию, когда остался капитал, а знания утеряны, человечество очень быстро придет к уровню первобытной нищеты. Следовательно, экономика — это не рыночные отношения, и не плановая экономика. Экономика — это потенциал духовной энергии человечества, который определяется уровнем его знаний о природных энергия, и прежде всего о закономерностях своей собственной энергии. Сила, которое дает человеку богатство — это сила открытия и контроля природных энергий, доступ к силе этих энергий. Однако, чтобы получить доступ к этим энергиям важно еще уметь учится, работать, жить в мире и сотрудничать, что возможно только при знании о закономерностях собственной духовной энергии

3) Денежная и плановая экономика

> «Оставив в стороне все теории, скажу честно, что я сделал бы если бы мне доверили власть: собрал бы в одну кучу все деньги, вращающиеся на планете и сжег бы их!»
>
> *А. Эйнштейн «Цитаты и афоризмы»*

Плановая экономика Маркса и рыночная экономика Адама Смита отличаются друг от друга меньше, чем может показаться со стороны, поскольку и та и другая система — это капитализм, просто в одном случае частный капитализм (рынок), а в другом случае государственный капитализм (планирование). Денежная экономика, основанная на бухгалтерском учете оборота капита-

ла, не может существовать вне рыночных отношений. Советская плановая экономика, которая пыталась учредить денежный капитало-оборот вне свободного рынка, вполне закономерно потерпела полный крах. Денежный капитализм и свободный рынок — это части одного организма, которые не существуют одна без другой. Советская экономика стала просто усеченной формой (кастрированной, если быть более точным) капитализма, из-за отсутствия свободного рынка и замены частного капитала — государственным капиталом.

Денежный капитализм — это вовсе не экономика в смысле объективных промышленных отношений. Это –философия, поскольку в его теория заложена специфическая идея богатства, которая вовсе не так самоочевидна как принято считать. О теории капитала шло очень много споров, отраженных в учебниках по истории экономической мысли. Но все так или иначе сходятся в том, что капитал — это накопленная стоимость; а стоимость в свою очередь — это совокупность всех материальных благ и производственной техники в денежном эквиваленте. Остается сказать еще о деньгах, происхождение которых из товара, как всеобщего эквивалента обмена проницательно проследил Маркс. Другими словами, деньги — это количественная абстракция, в которой соотношение стоимостей всех товаров приведены к одному знаменателю. Таким образом, если говорить простым языком, капитал есть теория богатства, как количественной абстракции, что означает, что накопление денег есть накопление богатства. Накапливать богатство в конкретных товарах невозможно, потому что ненужные товары превращаются в мусор, которые забирает энергию и место. Капитал как теория богатства возможен только как количественная абстракция денег. Какой смысл получает теория капитала для жизни человека и общества? Жизнь человека посвящается накоплению абстрактного богатства: бухгалтерский учет заменяет человеку учет его психического и биологического здоровья. «В прежние времена люди пекли хлеб, чтобы его кушать; теперь считается, что хлеб едят, чтобы его производить», — говорит Бертран Рассел. Не пото-

му ли эта потребность в накоплении капитала ненасыщаема, что она оставляет истинные потребности фрустрированными?

> «Существуют мотивы, которые похоже не удовлетворяют никакой физической потребности. Миллиардеры стремятся заработать еще больше денег, кинозвезды стать еще более знаменитыми, политики — добиться еще большей власти, сорвиголовы — ощутить еще больший азарт. Подобные мотивы похоже не уменьшаются по мере их удовлетворения. Чем больше мы достигаем, тем еще больше желаем достичь»

Д. Майерс Психология 2008

> «Религия и слава бизнесмена требуют производства больших денег, поэтому, подобно индийской вдове, бизнесмен с радостью истязает себя во имя великой цели. Если американский бизнесмен хочет стать счастливее, он должен сначала изменить свою религию. Пока он не просто хочет успеха, но глубоко убежден, что успех есть долг настоящего мужчины, и что те кто не добивается успеха — презренные существа, он будет слишком напряжен и однонаправлен, чтобы быть счастливым... Корень зла в той значимости, которую придают соревновательному успеху, конкуренции и победе, как основным источникам счастья. Я не отрицаю, что чувство успеха делает жизнь более привлекательной. Художник, который творил в безвестности всю свою молодость, скорее всего будет рад, если его таланты наконец признают. И я не отрицаю, что деньги, до определенной границы, также имеют способность способствовать нашему счастью; но выше этой границы, я не считаю деньги полезными. Главное что я хочу подчеркнуть, что успех — только один ингредиент счастья, и этот ингредиент слишком дорого куплен, если все остальные жизненные ценности и интересы были принесены ему в жертву. В результате люди разучиваются пользоваться своим досугом. По мере того как они богатеют, делать деньги становится все проще, пока наконец каждые пять минут не станут ему приносить больше денег, чем он умеет потратить. Бедолага, таким образом, остается не у дел в результате собственного успеха. Такого положения дел не избежать пока успех самоцель и смысл жизни. Акцент современного общества на конкуренции проистекает из общего разложения культурных стандартов, как это было в Риме после правления Августа. Мужчины и женщины оказались неспособны наслаждаться более интеллектуальными радостями»

Б. Рассел «Борьба за счастье»

> «В течении последних лет огромное количество денег и мозгов было задействовано для навязывания людям ненужных им товаров, то есть для побуждения беззащитных людей тратить деньги на покупку вещей, которых им не хочется приобретать. Это специфика нашего времени, что подобные вещи считаются достойными похвалы: читаются лекции, обучающие людей искусству продавать, и те кто наиболее преуспел в навязывание своих товаров другим высоко вознаграждается. **Все эти несуразности происходят из того факта, что экономические отношения рассматриваются с точки зрения производителя, а не потребителя. В прежние времена люди пекли хлеб, чтобы его кушать; теперь считается, что хлеб едят, чтобы его производить. Когда мы тратим деньги на покупки, нас рассматривают не как потребителей, получающих удовольствие от приобретенных предметов, а как объекты обогащения для тех, кто произвел эти предметы. Поскольку величайшим искусством считается искусство ведения бизнеса, и поскольку это искусство видится в том, чтобы заставлять людей покупать то, без чего бы они прекрасно обошлись, наибольшее уважение вызывают люди, которые причинили наибольшую боль покупателям, преодолев наибольшее сопротивление. Все это происходит из примитивной ошибки мышления, именно неспособности понять, что то, что человек тратит в одном направлении, он не сможет потратить в другом, так что третирование покупателей не поможет увеличить его суммарные расходы.** И так все что мы делаем, мы делаем для отчужденных от нас целей. Мы делаем деньги не для того, чтобы наслаждаться тем, что на них можно приобрести, а чтобы наши затраты позволили другим сделать на нас деньги, которые они потратят, чтобы другие сделали новые деньги которые… Но в конечном итоге это просто сумасшедший дом»

Bertrand Russell in a newspaper-column in 1932

Будучи ложной философией, рыночная экономика не могла стать и эффективным решением производственных отношений. Р. Коуз, лауреат Нобелевской премии, автор теории рыночных издержек, которые он оценивает в 60 процентов стоимости внутреннего валового продукта, что говорит о полной неудовлетворительности рынка как экономической системы.

Так М. Горбачев писалв «Размышления о прошлом и будущем»:

> Однако опыт прошедших 80-ти лет показал и другое. В социальном плане, в плане экологическом даже самый развитый рынок эффективности не показал. Эффективность рыночной экономики, обязанная стержневому своему закону прибыли, максимальной прибыли, оказалась несостоятельной в ликвидации бедности миллиардов людей. В результате образовалась глобальная проблема «Север-Юг», которая нависает страшной угрозой над всем мировым сообществом. В самых высокоразвитых странах рынок, умножив на порядки производительность, навязав людям ущербную потребительскую психологию, создал ситуацию, когда неумолимо растет многомиллиардная безработица со всеми ее драматическими социальными и нравственными последствиями. Все эти обстоятельства, достаточно хорошо обнаружившие себя, привели к тому, что в последнее время рыночная экономика подвергается все большей критике в самих западных странах. «Рыночный механизм», — отмечается в докладе Совета Взаимодействия «В поисках глобального порядка», — доказал, что он не является панацеей ни для решения неподатливых мировых проблем, ни для достижения фундаментальных социальных целей. ...Рынок сам по себе не обеспечивает удовлетворительного распределения доходов и ведет к исключению из общества слабых, дезорганизованных и уязвимых... Рынок доказал, что он не способен решить фундаментальную проблему среды, которую он трактует как «внешнюю». Нет рыночных решений и для таких проблем, как бедность, голод и рост численности населения»

Однако, мы можем попробовать пересмотреть теорию богатства. Мы можем больше не рассматривать богатство как накопление абстрактной количественной стоимости, то есть капитала. Мы можем смотреть на богатство как на поддержание психического и биологического здоровья. Для этого мы должны дать определение и психическому здоровью и биологическому здоровью в отдельности, так как это уровни разной энергии человека. Что такое биологическое здоровье всем более менее известно: чистая, натуральная пища, физическая и умственная трудоспособность, тепло, уют, комфорт. Далеко не всегда согласитесь, современная теория богатства совпадает с этим определением материального благосостояния. Однако, бывает что и совпадает.

Труднее дело обстоит с уровнем психической энергии, которую вообще при царствующей дарвиновской парадигме отказываются замечать и признавать. Уже во времена Конта и Маркса, понятия «сознание» и «психология» исчезли из науки как «не имеющие объекта исследования». В этой смысле при всей своей «темноте» темное средневековье было более проницательным, когда ставило заботу о чистоте духа во главе угла. Кьеркегор говорил в этой связи, что скорее заметят потерю ноги или руки, чем потерю души. Так чтобы бы мы назвали богатством в качестве поддержки в обществе психического здоровья?

Всем известно, что такое психическое здоровье. «Способность быть самим собой» — это то, что человек ощущает как высшую свободу. И в то же время эта свобода есть результат не произвола, а дисциплинированного труда по обучению и созданию условий в обществе для интересного, компетентного труда. Система образования, которая будет давать минимум знаний о духовной энергии самого человека и о закономерностях всех прочих открытых природных энергий, — то чем раньше занимались духовные школы, только теперь уже без мистики, на научной основе теории психической энергии. Высокий уровень технологий, доступ к квалифицированному труду, безопасность, свобода выбора профиля специализации. Искренность, сочувствие, доброта, сотрудничество без которых нет ни ощущения безопасности, ни ощущения свободы, ни ощущения здоровья. Эта энергия единения умственных, творческих, эмоциональных усилий человечества дает и самый мощный экономический эффект и самое комфортное ощущение свободы, доступное человеку.

Теория богатства как накопленной стоимости стоит на противоположной позиции: взаимное соперничество, выживание сильнейшего, подобное тому, которое имеет место в джунглях. Эта теория опирается на теорию отбора Дарвина, и Дарвин сам ее обосновал в книге «Происхождение человека»:

«С другой стороны умеренное накопление богатств не мешает процессу отбора. Когда бедный человек становится богатым, его дети берутся за торговлю или промыслы, в которых довольно борьбы и где наиболее способный и сильный всегда успевает более других. Существование известного числа образованных людей, которым не нужно работать для добывания насущного хлеба, имеет значение, которого нельзя поставить достаточно высоко. В самом деле вся высшая интеллектуальная работа производится ими, а от этой работы зависит материальный прогресс в самых разнообразных формах, не говоря уже о других высших преимуществах. Нет сомнения, что очень большое богатство превращает людей в бесполезных трутней, но число их никогда не бывает велико; мы видим ежедневно богатых людей, которые вследствие расточительности или недостатка умственных способностей растрачивают все свое состояние»

Дарвин Происхождение человека

«Кредо манчестерской группы подкреплялось теорией Дарвина. Теоретики неограниченного экономического либерализма, ссылаясь на эволюционное учение Дарвина, приходили к выводу о том, что выживание наиболее приспособленных в процессе свободной конкуренции на рынке является гарантией прогресса цивилизации. «Если вообще возможно говорить о какой-то теории в стране, обходящейся без всяких теорий, — писал Брайс в 1888 г. в своей работе «Американская республика», — то ортодоксальная теория экономического либерализма составляет ныне основу как федерального законодательства, так и законодательства штатов». Верховный суд, ядовито заметил в свою очередь судья Холмс, повел себя так, будто 14-я поправка возвела в закон «Социальную статику» Спенсера. Судьи, подобные Дэвиду Брюэру, нанесли тяжелый удар по социальному законодательству во имя святого принципа laissez-faire... Предпринимаются попытки доказать, что правительственное вмешательство в экономику отрицательно сказывается на общественной морали. Государственное попечительство разлагает, мол, неимущих, избавляя их от чувства неуверенности в завтрашнем дне, что, по мнению состоятельных слоев, остается главным стимулом прогресса. Уверенность в завтрашнем дне, доказывают эти критики, подавляет инициативу, гасит веру в собственные силы, порождает чувство зависимости. Джордж Гильдер, публицист правого толка, писал в этой связи: «Чтобы добиться успеха, бедняки более всего нуждаются в шпорах нищеты». Однако, рассуждая о том, что чувство уверенности в завтрашнем дне подавляет-де инициативу, зажиточные слои имеют в виду лишь неимущих. Сами же они не больно-то верят в благотворное воздействие чувства незащи-

> щенности, иначе почему бы им не поддержать введение 100%-ного налога на наследство, который позволил бы их потомству испытать на себе столь неоценимые моральные преимущества? Вместо этого соответствующий рейгановский закон вдвое понизил ставку федерального налога на наследство. По мысли Рейгана и его команды, «шпоры нищеты» для успеха в жизни нужны лишь самим нищим, имущие же обходятся «шпорами богатства».

А. Шлезингер «Циклы американской истории»

> «Если вкоренившийся эгоизм, образующий характер существующего общественного порядка, так глубоко вкоренился в нас, то это единственно потому, что все существующие учреждения благоприятствуют его развитию, и современные учреждения в известных отношениях более стремятся к этому, чем древние, так как случаи когда индивидуум призывается сделать что-либо для общества бескорыстно, гораздо менее часты в современной жизни, чем в мелких республиках древности»

Дж. Стюарт Милль

То есть мы видим, что теория богатства как капитала накопленной стоимости при всей своей абстрактности имеет своим источником всю ту же энергию поля эгозащиты, когда люди устраивают сами для себя искусственные джунгли из хаоса рыночных отношений, с тем чтобы иметь возможность воевать друг с другом, далеко не всегда только в метафоре. Рассел по этому поводу пишет в «Образовании и здоровом обществе»: «Конкуренция в образовании будет, однако, значительно менее ядовита, нежели в настоящее время при условии, что все экономически равны, и все уверены в экономической безопасности для себя и для своих детей. Именно неравенство и отсутствие безопасности делают конкуренцию такой горестной, но стоит только устранить эти элементы и жало будет извлечено из конкуренции». Разговоры о том, что «шпоры нищеты» и состязательность являются стимулом прогресса, сильно устарели. Мы видели, до чего довела эта состязательность, которая не была такой острой как в античности нигде и никогда, Грецию и Рим. Также мало она будет содействовать стимуляции творческой

энергии современных обществ. Вот что пишут на этот счет психологи и ученые:

> «Особую проблему представляет собой лежащий в основе всей нашей жизни принцип конкуренции, доведенный и до детской. Все эти факты жестко, даже слишком жестко определяют ход нашей последующей жизни. Страх, заставляющий столь многих людей избегать основанных на любви отношений, вызван главным образом бессмысленным давлением, которое заставляет любого мужчину доказывать свою мужественность при любых условиях, даже если для этого он вынужден прибегать к предательству и злобе или силе. Очевидно, что, взаимодействуя друг с другом, эти факторы лишают межчеловеческие отношения всякой искренности и доверия. Донжуаны — это мужчины, не уверенные в собственной мужественности и нуждающиеся для ее подтверждения во все новых победах. Недоверие между полами, приобретшее всеобъемлющий характер, не позволяет людям быть откровенными друг с другом, и вследствие этого страдает все человечество.

А. Адлер «Понять природу человека»

Б. Рассел «Образование и здоровое общество»:

> «Конкуренция вредна не только как фактор системы образования, но также в качестве идеала для подрастающего поколения. Мир в действительности нуждается в организации и сотрудничестве, а не в конкуренции; все веры в полезность конкуренции давно стали анахронизмом. И даже если бы конкуренция была полезной, она не может быть предметом восхищения, поскольку она основана на эмоциях враждебности и жестокости. Концепция общества как органического целого очень трудны для восприятия теми, чье сознание пропиталось идеями конкуренции. Этически таким образом, не меньше чем экономически, нежелательно учить молодежь конкуренции… В образовании идеал конкуренции имел два вида негативного эффекта. С одной стороны он способствовал воспитанию высокой оценки конкуренции как более предпочтительной формы отношений, чем сотрудничество, особенно в международных отношениях; с другой стороны, он способствовал разрастанию широкой системы соревновательности в учебных заведениях, а также в борьбе за стипендии и соответственно в поисках работы. Эта последняя стадия конкуренции была несколько смягчена за счет объединения рабочих в профсоюзы. Но в среде квалифицированных работников она сохранила всю свою не приглушенную жесткость. Один из наихудших дефектов

веры в конкуренцию в образовании в том, что она способствовала, особенно в отношении наиболее одаренных учеников, в значительной степени пере-обучению (over-education). В настоящее время имеется опасная тенденция, в каждой стране Западной Европы, хотя ее нет в Южной и Северной Америке, подвергнуть детей такому количеству образования, которое нанесет вред их воображению и интеллекту, и даже физическому здоровью. К сожалению, от этой тенденции страдают в наибольшей степени самые одаренные ученики; в каждом поколении самые лучшие мозги и самые лучшие способности воображения приносятся в жертву на алтарь Великого Бога Конкуренции. Для человека, прошедшего подобно мне через участь быть в университете одним из самых выдающихся умов своего поколения, опыт пережитого в молодости перенапряжения может оказаться надрывным. ...Вера в наивысшую добродетель конкуренции не позволила увидеть того факта, что дети и подростки не должны подвергаться жесткому перенапряжению сил. Если бы перенапряжение было только умственным этого было бы достаточно, чтобы отказаться от конкуренции, но это также и эмоциональное перенапряжение: все будущее девочки или мальчика, не только экономически, но и социально, зависит от успеха в коротком тесте после длительного приготовления. Представьте себе ситуацию для умного мальчика из бедной семьи, чьи интересы всецело связаны с мышлением и познанием, но друзьям которого нет никакого дела до книг. Если ему повезет попасть в университет, он может надеяться обзавестись такими же интеллигентными друзьями и приобрести интеллигентную профессию; если нет, он обречен не только на бедность но и на ментальное одиночество. Находясь перед такой альтернативой он скорее всего будет работать нервно, но не мудро, и успеет разрушить жизненные силы своего организма еще до того, как закончит образование».

Г. Олпорт:

«Здесь мы должны добавить пару слов относительно „экономической зрелости“. Для многих людей борьба за то, чтобы заработать на жизнь, сохранить платежеспособность, выдержать яростную экономическую конкуренцию, выступает как основное требование жизни. Это вызывает напряжение и порождает кризис, который часто корежит человека сильнее, чем кризис сексуальный или кризис идентичности. Студенты колледжа не всегда правильно оценивают вызов, с которым им предстоит столкнуться, когда они вступят в конкуренцию за доллар. Молодые люди, еще не испытавшие жестоких истязаний на рыночной площади, иногда кажутся спокойными и даже расслабленными. Быть в состоянии содержать себя и свою семью

> (в Америке, где жизненные стандарты постоянно растут) — пугающее требование.»

А. Маслоу:

> «В рамках США это может быть мелкое предприятие с одним или двумя работниками, действующее в условиях жесткой конкуренции и борьбы за выживание, когда важен каждый цент и босс может продержаться, лишь выжимая из своих подчиненных все до последней капли, доводя их до отчаяния, так что они просто вынуждены уволиться, поскольку он пытается заработать на жизнь, вцепившись в них и высасывая из них максимально возможную прибыль. Не стоит разделять заблуждения насчет того, что крупная корпорация с относительно плохим управлением является образцом „плохих условий“ — условия там далеко не так плохи. Следует помнить о том, что 99% человечества отдало бы несколько лет своей жизни за то, чтобы получить работу в наиболее плохо управляемой крупной корпорации нашей страны».

Аронсон «Общественное животное»:

> «А теперь взглянем на наше собственное общество. Создается впечатление, что мы, американцы, представляем собой культуру, процветающую благодаря соревнованию, конкуренции: мы вознаграждаем победителей и отворачиваемся от побежденных. На протяжении двух столетий наша система образования была основана на соревновательности и законах выживания. За редким исключением, мы не обучаем детей любить учебу — мы учим их бороться за высшие оценки. Когда Грантленд Раис — журналист, пишущий о спорте, заявлял, что важно не то, проиграл ты или выиграл, а то, как ты играешь, он не описывал доминирующее начало американской спортивной жизни, а прописывал лекарство для лечения нашей зацикленности на выигрыше и ни на чем ином! Проявления этой невероятной культурной одержимости победой видны повсюду. Диапазон простирается от футболиста, рыдающего после поражения своей команды, до студентов-зрителей на стадионе, скандирующих: <Мы — номер один!>, от президентов типа Линдона Джонсона, чьи суждения во время вьетнамского конфликта были явно искажены неоднократно высказываемым им желанием не оказаться первым хозяином Белого дома, проигравшим войну, или Джорджа Буша, который в бытность свою президентом <мужественно> сражался со своим имиджем <слабака>, и до простого школьника третьего класса, презирающего одно-

> классника только за то, что тот не столь успешен в математике. Вине Ломбарди, очень успешный тренер профессиональных футболистов, подытожил все вышесказанное одной простой фразой: <Победа — это не самое важное; это — единственное, что важно>. То, что особенно пугает в подобной философии, — это ее приверженность идее: цель — победа — оправдывает любые средства, использованные вами, чтобы победить. Даже если это касается всего-навсего игры в футбол — игры, поначалу воспринимавшейся лишь как разновидность активного отдыха! Интересным, хотя и ужасным <подстрочным примечанием> к высказыванию Ломбарди может послужить манера, в которой жители Грин-Бэя (штат Висконсин) устроили обструкцию Дэну Дивайну — преемнику Ломбарди на посту тренера местной команды. Он имел несчастье привести ее к поражению в сезоне. В результате в адрес тренера посыпались угрозы физической расправы, членов его семьи открыто осыпали оскорблениями, его пес был застрелен прямо перед домом, кто-то названивал Дивайну по ночам с непристойными предложениями, а кроме того, поползли слухи о том, что его дочери — городские шлюхи, а жена — алкоголичка... Однако в любом случае, оглядываясь по сторонам и видя вокруг мир, полный раздоров, международной и межрасовой ненависти и недоверия, бессмысленной бойни и политических убийств, мы чувствуем, насколько оправданно наше недоверие к сегодняшней <ценности> такого поведения для выживания человечества. Вспоминая о том, что ядерных боеголовок, находящихся в арсеналах ведущих держав, хватит на то, чтобы полностью уничтожить все население планеты двадцать пять раз, я задаю себе вопрос: а не заходим ли мы слишком далеко, изготавливая все новые и новые боеголовки?»

Поль Брегг «Чудо голодания»:

> «Мы живем в сумасшедшем мире, пропитанном духом конкуренции. В условиях нашей цивилизации, когда „человек человеку — волк“, нам приходится выдерживать огромное напряжение и переносить тяжелые удары. Я уверен, что это и есть та причина, по которой люди увлекаются табаком, кофе, алкоголем и другими стимуляторами. В деловом мире царит не только дух конкуренции, но также и желание укрепить свое собственное положение. Люди вечно стремятся перещеголять друг друга, неустанно следуя ими созданному стереотипу. Но этот фальшивый стереотип забирает огромное количество энергии».

Конкуренция вне всяких сомнений не может быть фундаментальным стимулом и источником психической энергии, хотя безусловно в качестве игры может иметь место сколько кому душе угодно. Однако, в качестве источника психической энергии, того источника, который позволили научно-техническому прогрессу человечества преобразовать мир, может выступать только та энергия «mere thirst of knowledge», как называет ее Рассел или как говорил Эйнштейн: «Я глубоко убежден в том, что развитие науки связано прежде всего со стремлением удовлетворить жажду чистого познания». Об этом пишут все исследователи. Вот как говорят об этом Г. Олпорт и А. Маслоу

Г. Олпорт:

> «Верно, что упражнение талантов способного человека часто вознаграждается. Но упражняется ли он просто для получения вознаграждения? Это кажется маловероятным. И такая мотивация не объясняет влечения, стоящего за гением. Мотив гения — творческая страсть сама по себе. Насколько несерьезно думать о том, что самоотдача Пастера коренилась в его заботах о вознаграждении, здоровье, еде, сне или семье. В пылу исследований он надолго забывал обо всем этом. И такая же страсть двигала гениями, которые в течение жизни не получали почти или совсем никакого вознаграждения, как Галилей, Мендель, Шуберт, Ван Гог и многие другие».

А. Маслоу:

> «История человечества знает немало примеров самоотверженного стремления к истине, наталкивающегося на непонимание окружающих, нападки и даже на реальную угрозу жизни. Бог знает, сколько людей повторили судьбу Галилея»

Б. Рассел «Борьба за счастье»:

> «В наиболее образованных кругах современного общества, самой счастливой прослойкой являются ученные. Многие из наиболее знаменитых из них эмоционально очень просты, и получают от своей работы настолько глубокое удовольствие, что жизнь кажется им прекрасной даже в принятии пищи и в женитьбе. Артисты и писатели считают *de rigueur* (правилом хорошего тона) быть несчастными в браке, но ученые почти всегда сохраняют старомодную способность наслаждаться семейным очагом. Связанно это с тем, что все

ресурсы их громадного интеллекта заняты научной работой, и вторгаться в области, где у них нет функций, им не позволяется. Они счастливы в работе, потому что в современном мире наука прогрессивна и мощна, и ее значимость не ставится под сомнение ни самими учеными, ни обычными людьми. Все условия, необходимые для счастья реализованы в жизни ученых. Его работа максимально задействует все его способности, и результаты его работы важны не только для него, но и для всего общества, даже если оно не способно хоть сколько-нибудь понять то, чем он занимается... Удовольствие от работы доступно каждому, кто развил в себе какое либо мастерство, при условии, что он способен получать удовлетворение, практикуя свое мастерство и не требуя, чтобы весь мир ему рукоплескал. ...Часто говорят, что в наш машинный век сфера применения профессиональных навыков значительно сузилась по сравнению с прежними временами. Я вовсе не уверен, что это правда: квалифицированный рабочий сегодня работает в совершенно отличных условиях от средневековых цехов, но он по прежнему остается неотъемлемой и очень важной частью машиной экономики. Есть профессии производства технического оборудования и наукоемких машин, есть дизайнеры, аэромеханики, шофера, и уйма других специальностей, в которых мастерство можно развивать до бесконечности... Есть множество вариантов созидательной работы. Человек, который создал схему ирригационных работ и заставил цвести дикую целину может глубоко наслаждаться результатами своей работы в самой ощутимой форме. Создание эффективной и жизнеспособной организации работа исключительной важности. Такова же работа тех немногочисленных государственных деятелей, которые посвятили свою жизнь строению порядка из хаоса, среди которых Ленин лучший пример в наши дни. Наиболее подходящие примеры людей созидательных профессий — художники и ученые. Шекспир сказал о своих стихах: „Пока дышит человек, и глаз воспринимает свет, будут жить мои стихи“. Нет никаких сомнений, что эта мысль утешала его в несчастьях. В своих сонетах он говорит, что мысль о друге вернула его к жизни, но я не могу отделаться от ощущения, что сонеты, которые он писал другу, были значительно более значимы для его поддержки, нежели его друг. Великие художники и великие ученые делают работу, которая приносит глубокое удовлетворение сама по себе; помимо этого, она приносит им уважение значимых людей, что дает им самый лучший сорт власти — власть над мыслями и чувствами. К тому же у них есть все основания быть о себе высокого мнения. Люди науки, тем не менее, значительно реже темпераментно несчастны нежели художники, и по большей части, люди занима-

> ющиеся серьезной наукой счастливы, и своим счастьем они в значительной степени обязаны своей работе».

Таким образом, мы можем сформулировать новую концепцию богатства, как сохранение здоровья уровней психической и биологической энергии человека, причем уровень психической энергии считается приоритетным. В этом случае нет смысла жертвовать жизни людей на «алтарь Великого Бога конкуренции» в погоне за накоплениями и нет смысла посвящать свою жизнь ведению бухгалтерского учета, подсчитывая все перипетии жизни капитала в процессах его многочисленных оборотов.

Вместо экономики как подсчета прибыли от оборотов капитала на всех уровнях, от мелких предприятий до макроэкономики, производственные отношения станут частью научного контроля общества. Конечно, научный контроль подразумевает планирование, он по самой своей сути чужд хаосу рыночной стихии. Это не может быть и плановым хозяйством советской экономики, которая была денежным планированием бухгалтерского учета оборотов капитала. Это плановое хозяйство будет учитывать все натуральные производственные отношения между предприятиями, производством продукции и спросом потребителей. И главное его отличие будет состоять в том, что доступ к готовому продукту у конечного потребителя будет свободным. Такова система социалистической плановой экономики, у которой также мало общего с частным капитализмом, как и с государственным капитализмом советской экономики. В этом разница между социализмом, который планирует экономику и оставляет доступ к конечному продукту свободным и тоталитаризмом, который основан на экономике государственного капитализма, насильно навязывающего цены и мизерные зарплаты. Отличие этих систем также в том, что социализм неденежной экономики возможен только когда люди будут готовы добровольно организовать общество планирования экономики (что избавит их собственно от экономики как главной проблемы жизни, и высвободит энергию для духовного развития и досуга).

Соответственно изменится формула воспроизводственного процесса. «Производство — Распределение — Обмен — Потребление» — хорошая формула для периода, пока не было научного контроля в обществе. «Образование — Планирование — Производство — Потребление» — формула экономики общества с научным контролем. Потому что правильное образование как подготовка основного источника экономики — духовной энергии человека становится неотъемлемой частью воспроизводственного процесса, без которого никакого научного контроля не может быть.

ГЛАВА 22. ПРАВОСЛАВНОЕ ЯЗЫЧЕСТВО

«Собственно, вопрос о прославлении Ивана Грозного и Г. Распутина — вопрос не столько веры, религиозного чувства или достоверного исторического знания, сколько вопрос общественно-политической борьбы. Имена Ивана Грозного и Г. Распутина используются в этой борьбе как знамя, как символ политической нетерпимости и особой „народной религиозности", которая противопоставляется „официальной религиозности" священства. Не случайно, видимо, символами этой кампании стали миряне, известные не своими духовными подвигами, а своею политическою активностью, причем находившиеся, по меньшей мере, в сложных отношениях с представителями церковной иерархии. В лице первого царя и „друга" последнего самодержца пытаются прославить не христиан, стяжавших Духа Святого, а принцип неограниченной, в том числе морально и религиозно, политической власти, которая и является для организаторов кампании высшей духовной ценностью»

Митрополит Крутицкий и Коломенский Ювеналий

«Но, пожалуй, важнее другое: тормозит развитие демократии в России нынешний авторитарный режим, для которого демократия становится все большей обузой. Сформировался номенклатурно-олигархический режим, который под прикрытием демократической фразеологии навязал обществу неолиберальный курс реформ. В достижении целей, он не считается с ценой, которую приходится платить гражданам, не останавливается перед наступлением на демократические завоевания перестройки. Российский парламент парализован и мало что может сделать в этих условиях. Средства массовой информации под контролем власти и олигархии. Суды и прокуратура несвободны в своих действиях. Предпринимается новая попытка реформ, целью которой является отнюдь не благополучие граждан, а удовлетворение интересов номенклатурно-финансового капитала»

М. Горбачев «Размышления о прошлом и будущем»

1) Иван Грозный и православное язычество
2) Современные «опричники» и священная война с неверными
3) Национальный бог России

1) Иван Грозный и православное язычество

> «Как ни странно, но ни один из государей дома Романовых ничего не сделал для народа. Народ помнит их лишь по количеству их несчастий, по росту крепостного права, рекрутчины и всякого рода повинностей, по военным поселениям, по всем ужасам полицейского управления, по войне, настолько же кровопролитной, насколько

> и бессмысленной, которая длится двадцать пять лет в неприступных горах»

Герцен История развития революционных идей в России

> «Если консерватизм возьмет вверх в Европе, императорская власть в России не только раздавит цивилизацию, но уничтожит весь класс цивилизованных людей, а затем..»

Герцен История развития революционных идей в России

Вопрос о канонизации Ивана Грозного был поставлен в конце 20-века, что глубоко возмутило искренних христиан России. Зверства первого русского царя в ходе проведения им в жизнь политики «террористического деспотизма» замалчиваются или оправдываются, а на первое место выдвигаются аргументы увеличения территории страны в результате завоевательных войн которые он вел. В этой связи Митрополит Ювеналий справедливо замечает: «Многое, сделанное Иваном Грозным для Российского государства, вряд ли может быть оспорено. Однако реальным итогом его правления стало истребление складывавшейся со времен Ивана Калиты военной и политической элиты („обнаглевшего боярства“, по выражению одного из сторонников канонизации царя), что неизбежно привело к гражданской войне конца XVI — начала XVII в., причем ее скрытый этап — борьба боярских группировок, возвысившихся в правление Грозного, за власть — начался сразу же после его кончины, став прелюдией Смутного времени. Вопреки мнению сторонников канонизации, он не „оставил своим наследникам мощного государства и боеспособной армии“ [27]. Страна была разорена многолетней Ливонской войной, опричным террором и стояла на пороге гражданской войны. ...Опричнина сторонниками канонизации Ивана Грозного замалчивается, а число казненных объявляется небольшим. Действительно, при населении тогдашней России в 6—8 млн. человек общее число казненных в годы опричнины, включенных в царский Синодик, не превышает 4 тыс. человек [18], но список этот признается исследователями далеко не пол-

ным — Синодик не учел умерших в тюрьмах и ссылке. При этом сторонники канонизации оправдывают массовые убийства и казни и даже считают их необходимыми, объясняя их борьбой царя с „государственными изменниками". Скрупулезное исследование Р. Г. Скрынникова показало, что большинство обвинений было надуманным или не имело под собой твердых доказательств. Между тем при прямом попустительстве со стороны Ивана Грозного было казнено не только множество светских лиц, но и священнослужителей, чем-либо не угодивших царю. Сторонники канонизации Ивана Грозного замалчивают опричный поход на Новгород, а именно во время него, по мнению Р. Г. Скрынникова, основанному на анализе источников, было уничтожено не менее двух тысяч новгородцев, была разорена Тверь, причем было казнено не менее 9 тыс. человек [19]. При этом зверства опричников напрямую поощрялись самим царем».

Так, Википедия сообщает:

> «Основополагающими для движения за канонизацию Ивана Грозного послужили статьи и труды митрополита Петербургского и Ладожского Иоанна (Снычева), изданные главным образом в 1995 году — в особенности же его сочинение „Самодержавие Духа". Митрополит Иоанн был известен как активный монархист, традиционалист, русский националист и антисемит; его идеалом была теократическая самодержавная монархия, а идеал подобного монарха он видел именно в Иване Грозном»

То резкое противодействие, которое этот проект митрополита Ладожского получил у других представителей Православной церкви России, делает им честь, а с другой стороны говорит о том, что истинное христианство живо в России, что православное язычество, истым представителем которого и является инициатор проекта канонизации душегуба, еще не полностью поглотило его. Это говорит о расколотом сознании России, одна часть которого разумная и христианская, а другая — языческая и магическая.

Ситуацию вокруг канонизации Ивана Грозного не следует рассматривать как случайное стечение обстоятельств, как эпи-

зод, который сам себя исчерпает, когда наглядно обнаружится его нелепость. Нелепость его итак на виду, но для той части общества, которая инициировала этот проект нелепость, абсурд — нормальное состояние сознания. Это языческое православие, которое сделало из христианства языческую мифологию, национального идола-бога, объявило священную войну всем «Неверным», не признающим этого идола, и стало строить свой Левиафан господства и подчинения, без которого не живет магическое сознание.

Сам Иван Грозный — яркий представитель такого православного язычества, который использовал христианские святыни только для торга за свою кровожадную власть, замаливая свои страшные преступления жертвоприношениями в виде благотворительности церкви, и по ходу убивая всех истинных христиан, которых встречал на своем пути. Его правление — прямая противоположность правлению республиканскому или просвещенному монархическому. Историки пишут, что только период юности царя отмечен конструктивной деятельностью, когда он во всем сдерживался и направлялся Избранной Радой. Однако, возмужалый царь распускает Раду, подобно какому-нибудь Калигуле, Нерону или Коммоду, которые только терпели сенат, всячески над ним издеваясь. Отныне безумства царя нет предела. Он агрессивен, как все люди с непомерно раздутым Эго, и беспрестанно ведет войны, истязая свой народ. Он прячет, унаследованную от бабки Софьи Палеолог библиотеку, вместо того, чтобы сделать ее доступной своему народу. После взятия Полоцка Грозный приказал татарам перебить бернардинских монахов, утопить протестантского проповедника, сподвижника Феодосия Косого — Фому, перебить полоцких евреев. Феодосий Косой — Лютер православной России времен Грозного, речи которого в полной мере разоблачают язычество православной церкви, также как Лютер разоблачал язычество папства, а Толстой — язычество православия времен императоров романской династии. Феодосий выступал против войн (христианам не подобает воевати) и против всякого насилия. Героев взятия Полоцка М. Реп-

нина и Ю. Кашина Грозный обвинил в предательстве и приказал казнить, при этом истинными причинами казни назывались совсем другие: отказ Кашина плясать на пиру в скоморошьем платье, и то, что Репнин обвинил опричника в содомии. Русская знать была глубоко возмущена роспуском Думы, и установлением таким образом неограниченной власти царя. В ответ царь учредил «опричнину» — явление уникальное в мировой истории. Что сравнить с вооруженными бандами государственных преступников, которые зверски издевались над населением, начиная от самых именитых бояр и заканчивая самыми беззащитными работниками. Может быть, римские преторианцы времен сумасшедших императоров, или отряды штурмовиков Гитлера; или может быть русские чекисты тридцать седьмого года? Как бы там ни было, Малюта Скуратов и его опричнина прочно вошли в историю как редкое извращение государственной власти, призванной зверски истязать народ, вместо того чтобы заботиться о его благополучии. В историографии опричнину характеризуют как чрезвычайные репрессивные меры государственной политики, конфискации имущества и земель знати и церкви, в пользу государства, массовые казни в бояро-княжеской среде по обвинению в измене государству. В Большой российской энциклопедии опричнина определяется как период, когда самодержавная власть приняла форму террористической деспотии. Опричниками назывались люди, составлявшие личную гвардию Ивана Грозного, освобожденную от судебной ответственности. Тот факт, что Боярская Дума и Священный собор утвердили опричнину говорит о сильном расколе сознания в обществе: 300 знатных лиц земщины подали челобитную против. 50 подвергли «торговой казни», нескольким «урезали языки», трех обезглавили. Однако, в православной церкви были и истинные христиане: митрополит Филипп стал мучеником христианской церкви, отказавшись благословить царя и потребовав отмены опричнины. Его задушил лично Малюта Скуратов — глава грозненских опричников. Н. Карамзин, пишет как Малюта отбирал у опальных вельмож жен и дочерей на «блуд» царским при-

ближенным. Малюта возглавил ведомство государственной безопасности Грозного, положив начало зверствам спецслужб в России. Он же фабриковал дела против знати по обвинению в государственной измене — тактика также ставшая традиционной для спецслужб. В конечном итоге, чтобы с царем не случилось того, что стало с багдадскими халифами времен Аббасидов, которые стали игрушками в руках турецкой личной гвардии, Грозный уничтожил опричнину также как создал ее. Эти узаконенные бандиты, в обязанности которых входило только безнаказанное убийство и грабеж населения, давно вышли из повиновения.

Христианство Россия приняла в 10 веке, что не мешало ей еще долго оставаться языческой страной. Ко времени воцарения Грозного, объявившего себя первым царем всей России, сосредоточившим в руках абсолютную власть самодержца путем безжалостного террора знати и всего населения, христианство уже достаточно утвердилось в России, чтобы нашлись искренние христиане, способные оказать его безнравственной политике мужественный отпор. Это о них говорил патриарх Алексий Второй в своей речи, направленной против нелепой идеи канонизации Грозного:

> «Среди святых русской церкви, пострадавших от него, значатся: митрополит московский Филипп, игумен Псково-Печерского монастыря Корнилий, казанский архиепископ Герман, новгородский архиепископ Пимен, Ефросинья Старицкая. Возможно ли в одно и то же время молитвенно прославлять и мучеников, и их жестоких гонителей? Ибо канонизация царя Иоанна Грозного фактически поставила бы под сомнение исповеднический подвиг святителя Филиппа и священномученика Корнилия Псково-Печерского».

Тем не менее, восточно-христианская церковь со времен Византийской империи известна своим пособничеством светской власти, в отличии от католической церкви, составившей ей твердую оппозицию («вечную славу католичества» согласно Огюсту Конту). А. Тойнби также очень высоко оценивает эту католическую оппозицию светской власти и говорит, что подчинение ви-

зантийской церкви императорам оказалось пагубным для византийской государственности. После падения Константинополя Россия воспринимала себя преемницей византийской империи. Священный собор Ивана Грозного тоже утвердил и освятил его опричнину в согласии с этими византийскими традициями, а царь являлся игуменом православной церкви и сам звонил к заутрене и выполнял много других церковных обязанностей.

Иван Грозный обожествил самое себя подобно Калигуле или Коммоду, превратив таким образом христианскую философию в языческую мифологию, как делали многие христианские короли, творя бесчинства именем распятого Христа. Он добился своей цели ценой жесточайшего террора — строительства грозного чудовища Левиафана, где воля всего народа была подчинена воле изверга-деспота, поглотившего этот народ. Старая феодальная вольница княжеской Руси была смята в страшных челюстях этого чудовища, «силой» которого так восторгается Гоббс в своих восхвалениях абсолютистской власти. Поэтому Гоббс также как Грозный выступает за насаждение закона «мечом» и за подчинение церкви государственной власти. Единственным результатом правления Грозного являлось явление на мировую арену этого огнедышащего чудовища — абсолютистской монархии Руси, с ее разнузданными царями-самодержцами. Впрочем, абсолютизм везде оставил уродливые следы, достаточно вспомнить таких самодержцев как Людовик Солнце во Франции, или Иоанн Безземельный, Карл Первый в Англии и др. Это «централизации власти» восхваляется многими историками, особенно теоретиками государственного суверенитета. А между тем, ничего не может объединить людей в единое общество кроме развитого сознания, просвещения, образования, научного прогресса. Левиафан дает монарху сожрать волю своих поданных, которых объединяет рабство в его утробе. Республика объединяет разумную энергию людей в поле совести и сочувствия, в поиски единой истины. Разум объединяет людей, невежество эгозащиты — ведет к взаимной ненависти и агрессии. Еще ни один Левиафан не прошел испытания временем, хотя многие из них прожили

тысячелетия, как например древние деспотии Месопотамии и Египта.

Отныне официальное православие примет сторону своих царей-самодержцев, всячески приспосабливая христианскую теорию к этой цели. А для этого надо превратить философию свободы царствия небесного в языческую мифологию Судного дня, то есть просто будущей жизни, где будут вознаграждены послушные и наказаны непослушные. Так, постепенно «догматическое богословие», которое исследовал Лев Толстой, пришло к той «хуле на бога», обнаружение которой повергло Толстого в такой ужас. В этом и состоит феномен «православного язычества», которое будет развивать своего «национального русского бога», изобретаю свою националистическую мифологию на базе христианской философии, к которой оно имело уже очень мало отношения. Роды русских царей будет возведен к «византийским василевсам», а святость их будет утверждать святость римской и византийский империй. Самодержавный русский царь и станет национальным Богом России, которому православное язычество будет поклоняться в качестве «святого» христианской церкви, а идеи православной теократии лягут в основы государствоведения Российского самодержавия. Триада «Самодержавие, Православие, Народность» и станут гимном и девизом этого жреческого Левиафана, который будет обосновывать права на самодержавие святым статусом христианского царя. Русское православие, таким образом, обособится в национальное язычество со своими национальными идолами — святыми царями-самодержцами. Неслучайно, большая часть святых князей была канонизирована уже в Новое и Новейшее время. В этом смысле труды Льва Толстого — ценный источник разоблачения этого христианского язычества. А ответы на идею канонизации Грозного современными священниками, назвавшими такую идеологию «оккультными сектами» и «новыми Иродами и фараонами», «новым мифологическим переосмыслением», спровоцированную политическими интригами говорит о расколе в церкви, где истинное христианство противостоит языческому. Тем не менее,

христианство, как половина пройденного пути на дороге от мифа к логосу, обречено всегда существовать в расколе, всегда колебаться между метафизикой интеллекта царствия божьего Христа и Судным днем мифологической будущей жизни, даруемой в награду или в наказание за послушание.

Википедия, статья «Вопрос о канонизации Ивана Грозного»:

> «Медиевист архимандрит Макарий (Веретенников) — в своей статье «Осторожно, сектантство» — характеризует призывы к канонизации Ивана Грозного как попытки дестабилизировать внутрицерковную атмосферу: «Известна точка зрения нашей Церкви по этому вопросу, но она не волнует «ревнителей». Она не волнует их, поскольку сегодня личность Ивана Грозного переживает необычайное мифологическое переосмысление. Причем это не стихийный, а вполне организованный процесс. <...> Какие при этом создаются мифы? Первое: оказывается, Иван Васильевич уже канонизирован! Я поначалу не мог понять — как же так, откуда это идёт? На самом деле это активно муссируется в соответствующей прессе и распространяется. <...> Все усилия по «канонизации царя» Ивана Васильевича смущают простых верующих. И мы видим, что эта ситуация нагнетается с помощью некоторых средств массовой информации»

Протоиерей Владислав Цыпин кампанию по канонизации назвал антицерковной провокацией:

> «Мысль о канонизации царя Ивана Грозного, насколько мне известно, никогда в прошлом всерьёз никем не высказывалась. Эта идея — явление последних лет. Для историков эпоха Ивана Грозного и его место в истории России — это область исследований и полемики, но до последнего времени спор шёл об оценке Ивана Грозного исключительно как исторического деятеля. А вот что он, оказывается, ещё и один из угодников Божиих — такая экстравагантная мысль принадлежит уже нашему времени, и это симптом болезненного состояния религиозного сознания части нашего народа. <...> Другие из тех, кто ведёт эту кампанию, считают, что Церковь должна быть служанкой в делах политических, что её нужно использовать в своих целях. Вероятно, этим людям представляется, что если бы они привлекли Церковь на свою сторону, она была бы им мощной поддержкой. Но есть ещё и множество людей исторически и богословски наивных. Они легко верят всему, что написано. И мы более всего должны быть обеспокоены тем, что в сознание этих людей вносится смущение»

Александр Дворкин указывает на формирование внутрицерковного сектантства:

> «Опровергать все эти мифологемы невозможно, потому что возникают все новые и новые. Причина их появления — крайне низкая духовная культура людей, присоединяющихся к Церкви, массовый приток неофитов — совершенно неподготовленных, готовых слепо воспринимать любые высказывания всех, кто на шаг старше их в церковности. Другая основа этого сектантства — ностальгия по сильной руке. Сейчас, дескать, все разваливается, а как хорошо было при Сталине или при Иване Грозном, когда все трепетали, а врагов ждала неотвратимая кара. Итак, с одной стороны, есть ностальгия по сильной руке, а с другой — религиозная истерика и кликушество. Отсюда гремучая смесь, которая ложится в основу псевдоправославных, а на самом деле оккультизированных сект».

Диакон Андрей Кураев — видит в данном явлении привычку диссидентствовать, выработанную за долгие годы тоталитарного прошлого:

> «Взять того же царя Ивана Грозного и его отношение к святителю Филиппу. Ведь помимо разнообразных исторических документов существует литургическое предание Церкви. Литургическое предание выразило себя в службе святителю Филиппу Московскому, в частности в июньской службе, где в каноне на утрене содержится вполне ясная характеристика того человека, чье вмешательство в судьбу святителя Филиппа было столь трагическим. Этот человек не называется по имени, но ведь понятно, о ком идет речь и кто там называется «новым фараоном» и «новым Иродом»

Священник Георгий Максимов, комментируя установку двух памятников Ивану Грозному в 2016 году, написал:

> «на самом деле Чикатило далеко до некоторых „художеств“ Ивана Грозного. Почитатели последнего любят говорить, что, мол, это все клевета, оболгали злые западники „Помазанника Божия“. Правда, почему-то эти же самые источники не „лгали“ таким образом ни на отца, ни на сына Ивана IV, ни на кого-либо из его предшественников или преемников. На самом деле в этой „защите“ есть изрядное лукавство, поскольку если действительно считать все рассказы о зверствах Ивана Грозного клеветой, то без них он потерял бы всякую привлекательность и притягательность для современных

> любителей „сильной руки“. Как Иван III, например, который сделал не меньше, а то и больше для будущего Руси, однако никто не бегает с его иконами и не требует канонизации. Даже не вспоминает никто. Тем-то и цепляет Грозный своих нынешних почитателей — пытками, массовыми казнями над „врагами страны“, от рассказов о которых стынет кровь в жилах. Вот, мол, какие у нас цари! Вот как у нас порядок наводят! Трепещите, враги внешние и внутренние! <...> меня печалят те православные почитатели Грозного, которые все знают о нём — и оправдывают. <...> Когда я слышу от наших православных: ну, подумаешь, что оболгал, сместил и убил святого предстоятеля Русской Церкви, зато границы страны расширил! Подумаешь, что массово пытал и убивал, в том числе и младенцев, зато подавил „пятую колонну“ внутри страны! Подумаешь, что шесть раз женат был, зато стихиры писал! — когда я такое слышу, то вижу в этом крайне болезненное и опасное извращение Православия».

Иван Грозный стал первым самодержцем России, окончательно сломившим хребет феодальной вольнице жестоким террором. Петр Первым стал последним царем России. Неслучайно поведение обоих царей прямо противоположно: если Иван Грозный насаждал мракобесие православного язычества, то Петр Первый много лет провел обучаясь заграницей, а потом всю жизнь посвятил просветительским реформам. Именно эти реформы заложили фундамент будущей русской республике, которая проснется сначала в Евангелии новой Русской литературы, в великодушных сердцах нового русского дворянства и всех сословий, которым было доступно образование. Ломоносов и Чернышевский — прекрасный пример. Однако, Петр станет единственным исключением в этой череде самодержцев, которые все предпочитали оставаться русскими национальными царями-идолами, и не вспоминали больше о попытках Петра водворить в России греко-римское культурное наследие. Екатерина так ужесточила гнет Левиафана над крестьянами, что спровоцировала крупнейшее восстание крестьян во главе с Емельяном Пугачевым, оставив громадный государственный долг. Ее сына Павла Первого, который попробовал несколько смягчить условия жизни крестьян, а с другой стороны был большим самодуром — удавили

царедворцы. Александр Второй отпустил крепостных на волю под большим давлением интеллигенции и либеральных кругов. Герцен тогда пришел в абсолютный восторг этим великодушным жестом царя и даже сравнил его с Христом: «Ты победил Галилеанин!». Однако, эта реформа оказалась фиктивной, поскольку в полной мере сохраняла экономическое рабство крестьян. Александр Второй был убит, и вслед за его смертью началась реакция. Жестокость Александра Третьего, Николая Первого и Николая Второго вошли в поговорку, о чем много написано в воспоминаниях Герцена и Кропоткина.

Романовы слишком поздно принялись закрывать философские факультеты, учреждать строгую цензуру и тайную полицию, потому как к тому времени реформы Петра Первого уже принесли свои плоды. Уже жили и дышали гении русской интеллигенции, уже вовсю писалась русская литература, которая поднимет крестьян на борьбу с царизмом и свержение ненавистного Левиафана православного самодержавия. В этом смысле русскую революцию Ленин только организовал и направил, но подготовили ее реформы Петра Первого, и русская литература, которая стала Евангелием русского народа. Та степень отупения, до которой царизм довел народ вряд ли могла дать какую-нибудь иную форму революции в России, и в этом смысле я согласна с Бертраном Расселом и Эйнштейном, которые положительно оценивали деятельность Ленина.

2) Современные «опричники» и священная война с неверными

Национальный Бог — это всегда ревнивый идол, который требует борьбы с неверными. Ренан пишет в «Истории израильского народа» о национальном боге Ягве: «Мир существует для них одних: «Вы истребите все народы, которых Ягве, ваш Бог, отдаст Вам; ваши глаза не будут иметь сострадания к ним». Таковы все национальные боги, в которых племя видит своего покровителя и обещает свое повиновение взамен. Священная война

с неверными всегда в центре религии единобожия национальных богов. О том же говорит и Коран: «Сражайтесь с теми, кто не верует в аллаха… пока они не дадут откупа своей рукой, будучи униженными) (9, 29). Поэтому история сосуществования авраамических религий — это история взаимной ненависти и войн на уничтожение, так как каждый видит в другом «неверного», а способы интеллектуального выяснения истины априори отвергаются.

Статья в «Новой газете» за авторством Бориса Кнорре подводит итоги мифологизации русского сознания в связи с открытием памятника Ивана Грозному (а ему открыли уже два памятника в путинской России):

> «Ряд симпатизантов тирана предложили рассматривать проводимые им казни во вспомогательном „духовно-аскетическом“ ключе, в качестве орудия избавления изменников от вечных мук, утверждая, например, что, казнив игумена Корнилия Псковского, грозный царь на самом деле „уберег“ его от впадения в ересь, и тем самым сохранил его для жизни вечной. Подобным образом оправдывался опричный террор, а опричнина превращалась в процессе околоцерковной апологии в своеобразный „бренд“, сказочный лейбл, которым часть фундаменталистов стала маркировать свое социальное пространство. К началу нулевых можно было услышать о деятельности разного рода „опричных братств“, издающих „опричные издания“, листки, журналы, где публиковались труды „опричных историков“. Появилось своеобразное „опричное богословие“ и „опричная иконография“, обрамляющая жестокость в иконописную стилистику и образы. Высказывалась точка зрения, что опричнина — это вообще было что-то такое вроде „монастыря в миру“, и что не плохо бы такой монастырь возродить, или организовать жизнь России по некоему опрично-монастырскому уставу с жесткой дисциплиной и осознанием своей осажденности в кольце врагов. Суть „опричной иконографии“ (иконы Ивана Грозного стали в начале нулевых расти в геометрической прогрессии) выражает, например, вот такое описание образа Грозного одной из „икон“, написанных его апологетами, которое дает руководитель Союза православных хоругвеносцев Леонид Симонович-Никшич: *„он как бы обращался к своим врагам: „Придите к нам и покайтесь — и мы упокоим вас!.. Мы вас, конечно, казним, и смерть ваша будет лютой, ибо страдания при жизни, страдания, принятые от карающей Царской десницы, есть очищение и искупление. Перед*

> *смертью вас исповедует священник и вы, прощенные, с отпущенными грехами, пойдете прямо на Небеса““* (*Симонович-Никшич Л. Д.* Страсти по Иоанну. Почитаешь сочинения некоторых новоявленных религиозных опричников, так складывается впечатление, что ими движет архаическая тяга к человеческим жертвоприношениям, истязаниям в духе ацтеков».

Борис Кнорре, специально для «Новой газеты»

Так, зверства государственных бандитов, массово казнивших и по приказу царя и по своему произволу, беззащитных людей, стали мифом, положенным в основу священной войны с неверными, а сами зверства — той кровью, которая осветила эту священную войну. Получается, ватиканский холм в Риме наоборот, где зверства Нерона над тысячами христиан — создали первых мучеников и освятили католическую церковь. Только если там, святые мученики создали церковь, то здесь сам Нерон и его зверства положены в основу сакрализации опричнины Грозного. Иван Грозный, Малюта Скуратов, Распутин, — вот святые люди нероновской церкви, вот лицо национального бога, которое всегда отвратительно. Прав в этом Ренан, прав и Томас Пейн в «Веке разума». И всегда это лицо прямо противоположно гуманизму:

> «В то же время в словах других общественников-политиков (Александра Проханова, прот. Всеволода Чаплина, министра Владимира Мединского и др.) можно обнаружить две линии в апологии Грозного — как мифически-примирительную, смягчающую образ царя, так и ту, которая держит курс на оправдание террора. Если Мединский в пандан „Самодержавию духа“ Снычева-Душенова отмечает, что число жертв Ивана IV сильно завышено, то Проханов уже предлагает не столь вегетарианскую версию апологии, отмечая свое одобрение жестокостям Грозного. И пресловутый священник Всеволод Чаплин вообще отмечает, что ценна сама по себе идея „массовых христианских репрессий против бунтовщиков и заговорщиков“, и установка памятника поможет эту идею в обществе реализовать. Интересная получилась ситуация. Ведь в церковной среде 90-х был достаточно большой спектр мнений. Были как милленаристские конспирологические настроения, мистически оформлявшие образы

> России как осажденной крепости, но ведь было немало гуманистических настроений, ориентированных на развитие гуманитарного образование, на культурный обмен и гуманизацию общества в целом. Получается, что в политическое и медийное поле прорвались именно крайние формы фундаментализма».

Борис Кнорре,
специально для «Новой газеты»

3) Национальный Бог России

> «Бесчисленное множество слов, таких, как «честь», «справедливость», «мораль», «интернационализм», «демократия», «религия», «наука», просто перестали существовать. Их покрывали и тем самым отменяли несколько обобщающих слов. Например, все слова, группировавшиеся вокруг понятий свободы и равенства, содержались в одном слове «мыслепреступление», а слова, группировавшиеся вокруг понятий рационализма и объективности, — в слове «старомыслие»

Оруэлл 1984

Национальный Ягве иудеев появился в очень древнюю эпоху, когда и такая абстракции единого бога из множества идолов-тотемов была большим прогрессом в сознании. Это переход от магического сознания абориген к расщепленному сознанию незрелого интеллекта, специфика которого в том, что он одновременно научный и шизоидный. Однако, своей популярностью Священное писание иудеев обязано не столько национальному ягвеизму, сколько универсальному элогизму, о чем много пишет Ренан в «Истории израильского народа». Революция пророков 8 века до н.э, победа профетизма, которую Ренана приравнивает к расцвету философии в Греции в 5 веке до н. э. Тогда этот раскол в только зародившемся рациональном сознании только наметился; теперь Израиль уже одновременно передовая страна и в политическом, и в научном и в техническом отношении с одной стороны, и так же архаична и консервативная в сохранении догматов Священного писания — с другой стороны. Раскол сильно углубился, и вряд ли стоит поддаваться соблазну и говорить о том, что эти две тенденции взаимно дополняют

друг друга. Как и во всем мире, раскол между магическим и научным сознанием, которое принесло первое осевое время Ясперса, завершится с полной победой научного сознания во второе осевое время, когда будет открыта психическая энергия, и тем самым все остатки иррациональности вычищены из гуманитарных (социальных) наук. И надо сказать, что еврейские ученые и в этом процессе впереди планеты всей — гуманистическая психология обязана очень многим трудам Маслоу, Фромма, Адлера, Франкла, Леви-Брюля, Милграма, Фрейда, Дюркгейма

Россия очень поздно в сравнении с Израилем, вышла даже на уровень расколотого шизоидного интеллекта, оставаясь варварской страной с примитивным тотемизмом и анимизмом, когда уже все три авраамические религии победно шествовали по земле. Иудаизм уже вступил в стадию христианства, а Магомет уже написал Коран со ссылками на Мусу и Ису, когда русские впервые познакомились с древними текстами священных писаний семитов и философии царства божьего Христа. Все мифотворчество русских, поэтому, уже развивалось на этой иудейско-христианской основе; никакой своей «традиционной мифологии», как утверждает Н. Грачев, автор «Происхождения суверенитета» 2018 года у них в этом смысле не было. Конечно, все народы заимствуют друг у друга: иудеи заимствовали много в Халдее, в Египте и в Персии; Магомет заимствовал из Ветхого и Нового завета. И русские восприняли уже ту культуру шизоидного сознания первого осевого времени, которую они застали.

Истинные христиане и православные язычники — такую специфику приняло в России пробужденное сознание незрелого интеллекта. Первое развилось в уникальное явление мировой культуры — в русскую литературу. Герцен очень проникновенно пишет о становлении русского народа и русской культуры в ответном письме Мишле. Второе стало фундаментом созревавшего на теле народа, словно громадный фурункул, самодержавия, которое со времен Ивана Грозного поставило себе православие на службу. Единственным честным человеком, при всех его по-

роках и некотором ментальном нездоровье, оказался Петр Первый, который смел в сторону все эти узоры мифотворчества своей богатырской рукой и со всей силой своей великанской натуры утвердил в России начала греко-римского наследия, то есть мировой рациональной культуры. Здесь, в его царствование и здоровое рациональное сознание русских получило второе дыхание после принятия христианства. И здесь же начался интенсивный процесс становления русской интеллигенции, — процесс который у греков, например, имел место в 5 веке до н. э. Тем не менее, несмотря на свою очевидную молодость, русские смогли предъявить миру глубокую мысль, чувствительное сердце, совестливый дух и тонкую эстетику своих творений. Советский период несколько заморозил интеллектуальный потенциал россиян своей жесткой цензурой и преследованием интеллигенции, догматами марксизма-ленинизма, которые стали новым священным писанием; и тем не менее, мир опять был удивлен темпами индустриализации, успехами ядерной физики и качеством технического образования в России. Ведь даже догматы марксизма-ленинизма, как бы плох не был сам догматизм и ошибочность материализма и дарвинизма, все же базировались на том, что рационализм, научное мировоззрение являются высшей ценностью. Это была философия, пусть плохая философия.

Всегда было плохо, но никогда не было так плохо как сейчас в России. Увы, сейчас все то рациональное, что было сделано за столетия кровавой борьбы и нечеловеческих усилий интеллигенции выстоять и содействовать прогрессу науки, несмотря ни на что, предано анафеме. Вновь взят официальный курс «назад, к Золотому веку» мифотворчества и сакральному сознанию аборигенов, которое всегда лежит в фундаменте всех Левиафанов. Рационализм прямо и резко осуждается; над научным познанием смеются. Если бы это не происходило у нас на глазах, в это невозможно было бы поверить. Философию христианства вновь всеми силами превращают в примитивное мифотворчество, вычищая из него истинную мысль ме-

тафизики царствия небесного и ставя на его место магическое сознание страха сверхъестественных сил, господства и подчинения, судного дня и наказания непослушных. Все достижения в политической либеральной мысли, такие как народная воля, народный суверенитет, народ как субъект и объект власти высмеиваются как «юридическая фикция», и на их место ставят архаичные представления о власти как «божественной» природе правителей. В этом смысле учебник 2018 года Н. Грачева «Происхождение суверенитета» настолько демонстративен, что мы не можем не привести несколько очень характерных цитат. Обратная направленность рационализму, свободе, просвещению, личности в нем настолько же сильно выражена как в теории сакральных иерофаний Мирчи Элиаде. Неслучайно, Элиаде дружил с Геноном и Эволой, теоретиками гитлеровского фашизма, и неслучайно теория происхождения суверенитета Н. Грачева также является теорией русского национализма. Это такая амбициозная претензия на тотальный пересмотр истории, в которой все предполагается перевернуть вверх дном, чтобы доказать, что рациональность — это деградация языческой тенденции ухода и отхода от Бога и от Святого духа; а национальная мифология и магическое сознание, сакральные цари и их божественное самодержавие — это великое Золотое время процветания в лоне Небесного дома человека. Грачев даже договорился до того, что объявил греческую демократию — деградацией общества, когда к власти вместо божественной элиты пришли крестьяне и торговцы; и соответственно причины падения Греции он видит в обращении греков к рационализму в ущерб национальной мифологии, что разрушило единство народа и нации, уверяет автор. И наоборот, древние восточные деспотии с сакральными фараонами деспотами, казнившие народ неограниченной властью Левиафанов — это Золотой век счастья и могущества, где рационализм не смог еще разрушить основу основ человеческого существования — сакральное государство. Трудно поверить в искренность такого тупоумия автора, больше похоже на ту «хулу на бога» в своих мелких ко-

рыстных целях, которой так вознегодовал Толстой при исследований текстов догматического богословия.

Л. Толстой «Царство божие внутри вас»:

> «Начинается эта гипнотизация с первого возраста в нарочно для того устроенных и обязательных школах, в которых внушают детям воззрения на мир, свойственные их предкам и прямо противоречащие современному сознанию человечества. В странах, где есть государственная религия, детей обучают бессмысленным кощунствам церковных катехизисов, с указанием необходимости повиновения властям; в республиканских государствах их обучают дикому суеверию патриотизма и той же мнимой обязательности повиновения правительствам. В более взрослых годах гипнотизация эта продолжается над людьми поощрением и религиозного суеверия и патриотического. Религиозное суеверие поощряется устройством на собранные с народа средства храмов, процессий, памятников, празднеств, с помощью живописи, архитектуры, музыки, благовоний, одуряющих народ, и, главное, содержанием так называемого духовенства, обязанность которого состоит в том, чтобы своими представлениями, пафосом служб, проповедей, своим вмешательством в частную жизнь людей — при родах, при браках, при смертях — отуманивать людей и держать их в постоянном состоянии одурения. Патриотическое суеверие поощряется устройством правительствами и правящими классами на собранные с народа средства общественных торжеств, зрелищ, памятников, празднеств, располагающих людей к признанию исключительной значительности одного своего народа и величия одного своего государства и правителей его и к недоброжелательству и даже ненависти к другим народам. При этом деспотическими правительствами прямо воспрещается печатание и распространение книг и произнесение речей, просвещающих народ, и ссылаются или запираются все люди, могущие пробудить народ от его усыпления; кроме того, всеми правительствами без исключения скрывается от народа всё, могущее освободить его, и поощряется всё, развращающее его, как-то: писательство, поддерживающее народ в его дикости религиозных и патриотических суеверий, всякого рода чувственные увеселения, зрелища, цирки, театры и всякие даже физические средства одурения: как-то: табак, водка, составляющие главный доход государства; поощряется даже проституция, которая не только признается, но организуется большинством правительств»

Н. Грачев совершенно последовательно увязывает национализм и мифологическое сознание: в той мере, в которой рацио-

нализм неминуемо ведет к интернационализму как осознанию единой человеческой природы и единой объективной научной истины, — в той же мире магическое сознание мифов ведет к обратному процессу усиления поля Эгосистемы и соответственно противостояния другим национальным Эго. Ж. Бенда очень справедливо замечает в этой связи, что национализм, который хочет в том факте, что нация есть группа, а не индивид, защититься от обвинений в эгоцентризме, глубоко ошибается: национализм очень типичный и очень старый способ эгозащиты, наряду например, с аристократизмом, классизмом, расизмом, когда эгозащита проявляется в противопоставлении себя другим как особенной группы. Горячими борцами за единую историю линейного научного прогресса всего человечества были такие известные интернационалисты как К. Ясперс, А. Эйнштейн, Б. Рассел, Л. Толстой, Э. Ренан, А. Швейцер, Ж. Бенда, П. Кропоткин, А. Герцен, Э. Фромм и многие другие. Учебник доктора юридический наук Н. Грачева обнаруживает прямо противоположную тенденцию: он увязывает отказ от разума в пользу мифологии с возникновением «национального идеала» и нации, как противопоставления себя данной группы остальному мировому сообществу. И пишет, что «государство, церковь и нация едины».

Н. Грачев «Происхождение суверенитета»:

> «В самую раннюю эпоху своего бытия такой этнос имеет все главнейшие нравственные основы собственной национальности жизни в своей мифологии, которая находится в теснейшей связи с верованиями, обычаями, нравами, обрядами и первобытным правом. Решительный толчок мифотворчеству дает религия, и древнейшие мифы, сопровождаемые обрядами, стоят на пути созидания языка, культуры различных социальных институтов и первобытного права. По существу, «в традиционных обществах миф выполняет роль закона»...Следовательно, «миф отражает процесс становления — в природе и обществе». Он отражает фундаментальные черты происхождения современной реальности и оказывается одним из важнейших условий и причин становления и развития государственности. ...Более того, формирование государствообразующего народа и его политическое отделение от других наций происходят исключительно посредством собственного национального, нравственного и политико-правового

идеала, который «является зеркалом его собственной национальной идентичности, консолидирующим и скрепляющим началом». Утрачивается национальный идеал — разделяется народ, перекраиваются границы, разрушается государство. Сохранение и воспроизводство национального идеала есть, таким образом, одновременно и гарантия стабильности, и условие проведения модернизации в необходимых для этого случаях.

Далее важно обратить внимание на тот факт, что в книге часто ссылаются на К. Шмитт (на Ницше, Гегеля, Вебера, Гоббса, Аристотеля) — «коронованный юрист Третьего Рейха»; что «естественное право» и «позитивное право» заменено понятиями «магико-правовой» и «магико-юридический»; что идея национального Бога, которая представляется такой архаической Ренану в анализе истории израильского народа в 19 веке, в книге Грачева в 21 веке приобретает передовое первостатейное значение; что «магическая сила слова» противопоставляется рационализму и науке; наконец из приведенного текста наглядно видно, как используется текст Евангелия в качестве мифологической основы для обоснования сакральной власти.

«Все известные высокоразвитые народы Древности и Средневековья — вавилоняне, египтяне, евреи, индусы, жители Ирана и Персии, греки и римляне, германцы и славяне — еще на ранней стадии развития начали прославлять своих национальных героев, мифических правителей и царей, основателей религий, династий, империй или городов, во множестве поэтических сказаний и легенд. Уже для самых архаических мифологических систем характерно представление о герое как первопредке, участвующем в творении, создании социума — изобретающем «кухонный» огонь, культурные растения, вводящем социальные и религиозные институты — т.е. выступающем в качестве *демиурга* (буквально — «творящий для народа» в переводе с древнегреческого). В более развитых мифологиях герои являются легендарными древними царями или военными вождями, носят исторические имена и имеют реальные прототипы.

..При этом все первые Верховные Боги, как владыки-законодатели и учредители мирового порядка, моделируют макрокосмос в целом посредством *магической силы своего слова*, т.е. исключительно с помощью духовного могущества, и упорядочивают вселенную, в первую очередь, в магико-правовом аспекте, расставляя все явления и природные силы на свои места (день и ночь, смена времен года и т.д.) ...В Библии не говорится, каким образом сотворил Бог небо и землю. Но творение иных важнейших природных явлений происходит посредством Божьего Слова. «И сказал Бог: да будет свет. И стал свет... И сказал Бог: да будет твердь посреди воды,

и да отделит она воду от воды. [И стало так]» и так далее. Точно так же ведийскому Верховному Владыке и Богу Неба. Варуне принадлежит способность творить посредством своей магической силы «маяй»: с ее помощью Варуной была натянута нить «rta», (т.е. божественного, мирового, космического закона и порядка риты). Напарник Варуны в диаде Верховных Богов индоариев — Митра — занят больше устройством социального порядка. Он тот, кто ставит людей на их истинное место по отношению к другим людям и приводит их к союзу, объединяет в единое целое. Он устроитель социума, наделенный по отношению к нему магико-юридической функцией упорядочения, организации общественной жизни, гарантированности устойчивости общественных связей, согласия между людьми, выполнения ими своих обязательств (договоров) ...Такими же свойствами в иных индоевропейских традициях обладают: Один — у скандинавов, Уран и Зевс — у древних греков, Юпитер — у римлян. У китайцев и монголов — это Боги Неба и т. д. У народов Дальнего Востока в титулах Верховного Бога ясно прослеживается понятие «приказа» и «приказывающего». «Китайский *тянъ мин* соответствует монгольскому *дзаяган* — «небесный приказ», Подобное отношение к функциям и роли Верховных Богов в религиозно-мифологических традициях весьма точно накладывается на юридическую форму суверенитета, предложенную К. Шмиттом в его «Политической теологии», как монополии его носителя на последнее, окончательное решение, устанавливающее определенный порядок и гарантирующее его дальнейшее соблюдение. Становится понятным, что первоначальное основание такой монополии верховной государственной власти заключается в перенесении атрибутов Верховного Божества на его земного представителя. Его волевые способности и иные выдающиеся свойства личности рассматриваются как аналог *магических сверхъестественных качеств* Небесного Владыки — *майи, манны, хварно* и т. д. Эти же качества, полученные им от Отца Небесного, выступают источником его земного *авторитета* и дают ему возможность, консолидируя общество на основе «Нового» Закона, отражающего божественную справедливость, и устанавливая соответствующий порядок, править в основном без принуждения и насилия и в то же время применять их, когда в этом есть необходимость. Поэтому основные функции и роль верховной власти на земле рассматриваются по образу и подобию тех ролей и функций, которые осуществляют Верховные Боги по отношению ко всему мирозданию (макрокосму). Первоначальный суверен обладает «чистой» харизмой непосредственного триумфатора, что превращает его в массовом сознании из обычного человека

> в посланника Небес. Он всегда сын Бога, подобен Богу, Его пророк или герой. Божественная, «Отеческая ипостась содержится в нем имплицитно». Предельно просто эта имплицитность выражена в Евангелии: «Я и Отец — одно». «Отец во Мне, и Я в Нем». Посредством такого «освещения свыше» земной суверен наделяется свойствами Творца, а его верховная власть получает качество абсолютности и персонифицируется. «Абсолютность, по определению, не может быть раздвоенной» и требует, чтобы во главе государства, олицетворяя его собой, был один единый символ».

«Происхождение суверенитета» Н. Грачева рассказывает нам далее, что Новое время с его рационализмом стало «подменой религиозной системы ценностей», и на этом основании обвиняют ученых в язычестве и отходе от истинного и всемогущего Бога, единственного источника силы и правды.

Мы видели, что тема взаимных обвинений в язычестве между магическим и рациональным сознанием имеет закономерный характер и будет продолжаться до окончательной победы разума над мифом. Пока же, как говорит Спиноза в отношении Маймонида, данный автор тоже «дерзает» разделять Бога и интеллект и ставить невежество магического сознания над рациональным сознанием. И далее он логично приходит к выводу, что рациональное объяснение власти невозможно, а возможно только божественное, и прямо ссылается на другого известного философа анти-интеллектуализма — Ницше. Вообще надо сказать, что в этом смысле философия национализма и анти-интеллектуализма такой же экспорт в России, каким являются и авраамические религии. В этом смысле у мракобесов всего мира, желающих утвердить свои «магико-правовые системы сакральной власти сверхчеловека» есть очень широкая оправдательная база в анти-интеллектуальной и националистической философии шизоидной части рациональной культуры запада:

Н. Грачев «Происхождение суверенитета»:

> «На пороге Нового времени зарождается идея прогресса, то есть представления о возможности принципиального улучшения окру-

жающей действительности посредством человеческого разума и рациональной деятельности людей, о поступательном, в целом, ходе развития общества, необходимости радикального переустройства общественных отношений путем создания более совершенной политической организации на рациональных началах. Как считают многие современные философы, убеждение в прогрессивном, поступательном характере развития человечества со своей содержательной стороны было не чем иным, как мифом Нового времени, получившим широкое распространение в связи с развитием буржуазных отношений, распространением материалистического мировоззрения и атеизма, как замены, или, вернее, подмены, религиозной системы ценностей. До этого в сознании людей господствующим был противоположный миф, согласно которому «Золотой век» относился к прошлому, к «первичным временам», «правремени» Божественного сотворения мира, когда человек еще не отошел далеко, не отделился от своего Творца. На земле господствовал идеальный миропорядок и социум не был подвержен инволюции и деградации. В то время люди поддерживали Божественные установления с помощью передачи **сакральной традиции** на основе мифа, обряда и ритуала. В этом смысле, до рубежа XVI-XVII столетий все общественные системы и государственные образования можно отнести к традиционным, то есть таким, в которых первостепенным регулятором общественных отношений и основой социально-политических установлений выступает традиционное (обычное) право. ... Сложность процессов образования и развития государства, невозможность их полного объяснения сугубо рационалистическими методами приводит к выводу, что куда логичнее и правильнее исходить из посылки божественного происхождения верховной власти и суверенитета. ...В сознании людей традиционного общества государство и государственная власть имеют происхождение мистически-религиозное, всегда связанное с именем такого единоличного властителя. Хотя процесс образования государственности занимает длительное время, сам момент появления конкретного государства на исторической сцене выглядит как некий скачок, революционный взрыв в доселе плавно-эволюционном развитии этноса. Это всегда некое «чудо», божественный всплеск, воля провидения. Но видимой причиной этого «чуда» всегда выступает Сверхчеловек, Человек-Герой, причастный небесному огню хварно, обладатель харизмы, особой божественной благодати и наделенный свыше качествами, намного превышающими человеческую ограниченность и дающими ему силу для актуализации (проявления) и реализации суверенитета, как выс-

> шего жизненного символа народной жизни. Человек, в данном контексте, пользуясь словами ницшевского Заратустры, «есть нечто, что должно превзойти (преодолеть. — Г. Н.) ...сверхчеловек — смысл земли... Не принимая буквально аллегорические образы многовековых преданий о «Золотом веке», следует отметить главное: наличие в них представлений «об изначальном «социуме» как об обществе идеальных людей, подобных Богам». И это богоподобие (но не богоравенство) придает всем этим представлениям сакральный характер, указывающий на некий «Божественный порядок», существовавший когда-то, «во времена Оны», на Земле. И в те изначальные времена, как считает целый ряд традиционалистов, могла существовать только одна социальная группа (сословие, варна), «царская каста» универсальных брахманов (священников), одинаково эффективно работавших как на духовном, так и политико-экономическом уровнях. Это была «каста божественных королей», «волхвов-витязей», синтезирующих в себе священнические (брахманские) и воинские (кшатрийские) начала при доминировании интеллектуально-аналитических качеств характера»

Очень интересно также убедиться, что всякое магическое сознание закономерно тяготеет к садомазохизму Левиафанов, к единоличной власти сакрального царя, к притяжениям самолюбия и влюбленности поля эгосистемы, к господству и подчинению, к страху сверхъестественных сил и священной войне с неверными. Если пробуждение рационального сознания в Греции, в Риме, в Израиле, в Европе Нового времени, в России 18—19 столетий привело к слому Левиафанов и установлению республик, то в России 21-века идет обратный процесс. Дискредитация демократии и народного суверенитета в пользу четкого разделения общество на господство и подчинение (обратите внимание, с какой горячностью настаивает автор, что народ не может быть субъектом власти, но только — объектом); есть такие формулировки как «Государство начинается после установления верховной власти своего господства над народом; постоянно подчеркивается характер иерархии власти и отношений народа и власти; отвергается римское право в пользу «традиционного, обычного», видимо «магико-юридического».

Н. Грачев «Происхождение суверенитета»:

> «Именно десакрализация верховной власти и утрата веры в экстраординарные, харизматические качества монарха как ее носителя приводит к возможности создания иной, демократической организации верховной власти. Теоретическим основанием такой замены и явилась концепция народного суверенитета. ...Народный суверенитет как особое политико-правовое явление, отличное от суверенитета государства, оказался не слишком глубоко проработанной юридической фикцией. ...Народ не может сидеть на престоле, надевать на себя венец и порфиру, постоянно пребывать в роли суверенного правителя. Ни весь народ, ни даже его активное меньшинство (элита) не способны быть последней инстанцией при принятии решений общегосударственного значения. Народ является прежде всего объектом верховной власти, а не ее субъектом. Неслучайно отождествление субъекта и объекта верховной власти стало основным логическим противоречием либерально-демократических теорий 19—20 веков, которое оказалось неразрешимым и для практики современных демократических государств. ...Для народа в государстве и обществе предусматривается совсем другая политическая роль, совершенно иные функции и назначение. Они заключаются в отвлечении от изначально содержащегося в народе принципа власти и переносе этого принципа на определенное лицо или учреждение вместе с добровольным обязыванием себя повиноваться этому признанному им субъекту как непосредственному носителю верховной власти, держателю государственного суверенитета; в наличии способности выявить из своей среды или принять извне дееспособную верховную власть, а затем свободно и лояльно повиноваться ей, добровольно обязывая и ограничивая личное Я в своих отдельных единицах. В этом состоит первичный акт народного суверенитета, который дает возможность возникнуть, формироваться и существовать государству. Государство — это всегда иерархически упорядоченное единство народа... Только в современных либерально-демократических государствах, где общество уже давно утратило общую шкалу ценностей, раскололось на множество социальных страт со своими узкогрупповыми эгоистическими интересами, а правящая элита оторвалась от национальных корней и почвы, пытаясь стать частью глобального истеблишмента, принцип народного суверенитета стал рассматриваться как некая политическая зрелость народа, доросшего до контроля за собственной верховной властью и ограничивающего тем самым ее возможный произвол, чего на самом деле не происходит в практической государственной

> деятельности или присутствует в весьма ограниченных масштабах... В органических государствах древности, где существовало мировоззренческое, религиозное и морально-политическое единство власти и народа, а каждое сословие и государственный институт в соответствии со своим местом и назначением четко выполняли возложенные на него функции, такой контроль был не нужен. Верховная власть духовно и нравственно связанна со своим народом, выступала во всех своих функциях как служение божественной справедливости и посредством этого своей стране и народу. Верховная власть в этой интерпретации являлась представителем Бога на земле, непосредственно транслировала божественное в государственную и общественную жизнь, выступала как проводник божественного закона. Поэтому традиционно суверенитет всегда связывался с персоной суверена, который отождествлялся как правило, с фигурой монарха. Имея источник своей власти в области трансцендентного, монарх обязан был следовать небесному Закону и возникшей на его основе традиции, исходящей из небесного источника».

Итак, мы имели возможность убедиться, что истинное «язычество» происходит в равной степени из поклонения многим идолам и одному единственному идолу — национальному богу: и в том и в другом случае источник суеверий Поле Эгосистемы с его страхом сверхъестественных сил. Пророки восставали против того же, против чего восставали все выдающиеся мыслители человечества (граница между мышлением и мистикой размыта при зарождении интеллекта, так что первые мыслите были одновременно и пророками подобно Пифагору, Заратустре, Христу): против магического сознания, которое мифотворчеством и бессмысленными ритуалами тормозит процесс становления мышления, разума, сознания, а значит и духовной энергии человека. Мы видели также, что Мирча Элиаде и теоретики божественного происхождения государства называют «духовной энергией» магическое (сакральное) сознание первобытных людей; между тем, антропологи, Дюркгейм, Леви-Брюль довольно однозначно показали, что сакральное сознание коллективных представлений лишено логики, неспособно к рациональному мышлению, и эмоционально задавлено стра-

хом сверхъестественных сил. Эти последние всего лишь абстракция чувственного восприятии мира (часть физического контроля закона сохранения силы психики), так что бесконечно далеки от метафизики. В то же время метафизика интеллекта становится доступна человеку со становлением зрелого аппарата мышления и развитием научного метода, позволяющего открывать законы природы — эти единственные и проверяемые опытом письмена бога. Человечеству предстоит преодолеть шизоидное мышление как последнюю преграду на пути к чистоте сознания и овладению своей духовной энергией. Тогда и постоянная реакция мышления к «золотому веку» автоматизмов магического сознания станет невозможной, и разум одержит окончательную победу над мифом. Это и станет эрой второго осевого времени и открытия психической энергии в точных научных формулировках природных закономерностей.

А пока, варвары продолжают обвинять эллинов в язычестве, потому что «разум и наука» — это оказывается дело рук человека, а «Священные писания» — тело господне в их руках. Даже Александр Мень, этот глубокий искренний человек, называет язычниками Деистов, то есть метафизиков интеллекта. Он очень тепло отзывается о Льве Толстом и Альберте Швейцере, но не забывает сказать, что они не имеют отношения к христианству, являются деистами, а следовательно язычниками. Такова сила стереотипа. Надо сказать, на фоне этого чистого сердца, величие гениальной фигуры Толстого отсвечивает еще рельефнее.

ГЛАВА 23. ПРОБЛЕМА ПРАВ ЧЕЛОВЕКА И ДОКТРИНА НАЦИОНАЛЬНОГО СУВЕРЕНИТЕТА

«Единенным фундаментом веры в естественных науках является идея, что общие законы, известные или неизвестные, регулирующие явления вселенной, необходимы и постоянны; и на каком основании этот принцип был бы менее верным для развития интеллектуальных и моральных способностей человека, чем для других операций природы? Одним словом, приблизятся ли люди к тому состоянию, когда все будут обладать знаниями, необходимыми для того, чтобы вести себя в своих повседневных делах согласно своему собственному разуму и ограждать его от предрассудков; чтобы хорошо знать свои права и осуществлять их согласно своему разуму и совести; чтобы тупоумие и нищета будут только случайностями, отнюдь не обыкновенным состоянием общества?»

Кондорсе «Эскиз исторического развития человеческого разума»

1) Доктрина национального суверенитета
2) Естественное право и проблема прав человека

1) Доктрина национального суверенитета

Национализм всегда противостоит общечеловеческим ценностям, потому националисты подобно В. Соловьеву не любят Декларацию прав человека. В основе этого отрицания — отрицание интеллекта, единой истины, единой природы человека и, соответственно, естественного права. А вне естественного права, нет и теории прав человека. Неслучайно, Томас Пейн, автор «прав человека», был деистом, метафизиком интеллекта и сторонником естественного права.

Ж. Бена «Предательство интеллектуалов»:

> «Это только наши современники — стараниями интеллектуалов — превращают государство в башню, бросающую вызов небесам. Другая новая черта в патриотизме современных интеллектуалов — их стремление соединить свой духовный строй с некой *национальной* духовной формой, которую они, естественно, противопоставляют иным национальным духовным формам. ...Они призывают народы сознавать себя в том, что составляет их *наиболее характерное отличие*, — не столько в своих ученых, сколько в своих поэтах, не столько в своих философских системах, сколько в своих легендах, ибо, как они верно подметили, поэзия является неизмеримо более национальной, более разделяющей, нежели творения чистого разума. Они призывают народы дорожить своими специфическими чертами именно как частными, а не общими для многих. Они призывают народы сознавать себя во *всем*, что делает их отличными от других, — не только в языке, искусстве, литературе, но и в одежде, жилище, обстановке помещений, кулинарии. ...Отмечу еще одну черту патриотизма, свойственного современному интеллектуалу: ксенофобию. Ненависть к ≪человеку со стороны≫ (*чужаку*), неприятие его, презрение к тому, что ≪*не мое*≫. Все эти чувства, постоянные у народов и, вероятно, необходимые для их существования, усвоили в наши дни так называемые мыслящие люди и до того серьезно, *без тени наивности* претворяют в поступки, что это усвоение тем более достойно упоминания. Известно, с какой систематичностью сообщество немецких ученых вот уже пятьдесят лет провозглашает упадок всякой цивилизации, исключая созданную германской расой... Желанием — которого Баррес, например, вовсе не скрывает — умножить наслаждение самим собой, ибо сознание индивидуального ≪я≫ десятикратно углубляется сознани-

> ем ≪я≫национального (в этом втором сознании художник черпает и новые лирические темы). Таким образом, можно допустить, что художник не глух к собственному интересу, когда объявляет себя выражением гения нации и призывает целую расу рукоплескать себе самой, а не произведению, которое он ей дарит. ...Можно сказать, что в последние пятьдесят лет все авторитетные моралисты Европы — Бурже, Баррес, Моррас, Пеги, Д'Аннунцио, Киплинг, значительное большинство немецких мыслителей — одобряют готовность людей сознавать себя принадлежащими своей нации, своей расе, поскольку нация и раса отличают их от других и противопоставляют их другим, и стыдят их за всякое стремление сознавать себя в качестве человека, со всем, что есть в этом качестве общего, превосходящего этническое деление. Те, кто со времен стоиков не переставали проповедовать растворение национального эгоизма в чувстве отвлеченного вечного бытия, теперь порочат любое чувство этого рода и провозглашают высокую нравственность такого эгоизма. В наше время потомки Эразма, Монтеня, Вольтера обличают гуманитаризм как моральную деградацию; более того, и как умственную деградацию, поскольку он сопряжен с ≪полным отсутствием практического чутья≫, а практическое чутье стало для этих странных интеллектуалов мерой умственного достоинства»

Православное язычество России как мы видели, также отрицает и интеллект и общую природу человека и соответственно, естественное право. В Путин как-то откомментировал фразу бывшего министра иностранных дел А. Козырева о том, что у России нет национальных интересов, а есть только общие интересы, как «нет головы. Черепная коробка есть, а головы нет». А. Козырев был возмущен: «Никсону я говорил то же, что и другим. Национальные интересы России, как и других демократий, в принципе согласуются с общечеловеческими. И мы создавали СНГ, не воевали с братской Украиной, дружили с наиболее развитыми странами Европы и Америки, не были под санкциями. Россияне не умирали, воюя на стороне диктатора в Сирии. „Скажи, кто твой друг, и я скажу, кто ты". И есть ли у тебя голова. Интересы России противоположны интересам режима, у лидеров которого черепная коробка повернута назад, в КГБ», — сказал А. Козырев The Insider

К сожалению, национализм современной политики Путина, как мы могли видеть из анализа современной философии и культуры, расцвел не в пустыне; как правильно замечал Бертран Рассел национализмом проникнута вся европейская культура, и в частности Н. Грачев с полным правом ссылается на самые авторитетные имена европейских ученых — Гегеля, Ницше, Гоббса, Бодена, К. Шмитта, М. Вебера и многих др. В этом ключе его теория национального суверенитета не кажется такой уж безумной, какой она предстает в работах Н. Грачева «Просихождение суверенитета», у В. Соловьева «Революция консерваторов», у бывшего министра культуры В. Мединского.

Оливер Стоун хвалит Путина в интервью, котором он у него взял, за дерзость с которой российский президент заявил о необходимости отстаивать национальный суверенитет на Мюнхенской конференции 2008 года. Действительно, если альтернативой является подчинение всех государств какому-то другому государству, каким бы оно ни было, — то доктрина содружества национальных суверенитетов выглядит более логичной.

Однако, зачем ставить вопрос именно так? Интернационализм или гуманизм, что тоже самое в нашей терминологии (то есть признание общей природы человека), потерпел крах вместе с левым движением, которое было скомпрометировано падением советской республики. О пагубных последствиях для всего левого движения (не только для марксизма-ленинизма, которое вообще трудно относить к левому движению) этого падения пишет Горбачев в книге «Размышления о прошлом и будущем». Однако, ничего не мешает нам реабилитировать левое движение, тем более что правое движение с его национализмом и традиционными консервативными ценностями тоже давно себя скомпрометировало.

Доктрина национального суверенитета, которую предлагает Путин, ни в коем случае не может рассматриваться в русле демократической политики. Мы могли убедиться в этом, рассмотрев основные положения теории суверенитета учебника Н. Гра-

чева или книги В. Соловьева «Революция консерваторов». Нет «права наций на самоопределение», если народу в этих национальных государствах отказывают в народном суверенитете и ограничивают его место — «объектом власти», а государство называют «господством власти над народом». Даже Ленин не был столь циничен, устанавливая диктатуру пролетариата в виде «власти господствующего класса». Все же целого класса трудящегося народа, а не верховного суверена божественного происхождения и армии его чиновников. Учебник — это еще не конституция, конечно, но ведь уже внесены первые изменения в конституцию!

Но даже если рассматривать европейские демократии, мы видели, что народ и там практически ничего не решает, и ничего не может изменить в рамках национальных систем права. Именно поэтому совершенно необходим переход к естественному праву научного контроля, что означало бы учреждение Международного сообщества научного контроля. Это позволит снять противоречие в определении народа как субъекта и объекта власти. Народ может быть субъектом научного контроля, и объектом юридического права в своих странах, однако все национальные правовые системы, должны быть доступны контролю и корректировке международного сообщества естественного права.

Есть только один способ остановить нарастание национализма в современном мире, которое вновь поставило мир на грань ядерной войны. Отказаться от доктрины национальных суверенитетов; отказаться от нелепой гремучей смеси «универсальных ценностей» и «мультикультурности». Не может быть универсальных ценностей в мире составленном из противоположных цивилизаций. Либо — одна научная цивилизация, и тогда все что охватывает научный метод — универсальное (и множество культурных различий в моде, искусстве, кулинарии, но не в научном методе, не в физических и социальных науках). Либо множество равнозначных культур, никакой научной истины, — и никаких универсальных ценностей. В первом случае не может и речи ид-

чт о национальных суверенитетах, так как всеобщее естественное право предполагает международные институты контроля за состояние естественного права в конкретных странах. Во втором случае — национальные суверенитеты и национальные правовые системы, и полный отказ от каких-либо международных институтов.

Вот что говорят об этом А. Эйнштейн, К. Ясперс, А. Швейцер:

А. Эйнштейн «Цитаты и афоризмы»:

> «Национализм, по моему мнению, есть не что иное, как идеалистическая рационализация милитаризма и агрессии Национализм — это детская болезнь, свинка человечества. Секрет бомбы должен быть передан мировому правительству... Пока государства требуют себе неограниченного суверенитета, мы несомненно снова и снова будем сталкиваться с масштабными войнами, в которых будет использоваться все более мощное и высокотехнологичное оружие. Всякий, кто действительно хочет уничтожить войну, должен решительно высказаться за ограничение суверенитета собственной страны в пользу международных институтов. Спасти человечество может лишь наднациональная система, основанная на законе, созданная для того, чтобы стать заменой методам грубой силы. Я выступаю за мировое правительство, поскольку убежден, что у нас нет другого пути избавления от опасности, угрожающей сейчас человечеству, — величайшей опасности на протяжении всей нашей истории. Избежать полного уничтожения — эта цель должна быть для нас важнее всех прочих. Необходимо создать мировое правительство, имеющее юридическую власть разрешать конфликты между государствами... Власть его должна быть основана на четкой и ясной конституции, одобренной государствами и народами, и только ему должно быть разрешено распоряжаться наступательным вооружением Есть лишь один путь к миру и безопасности — путь наднациональной организации. Одностороннее вооружение тех или иных государств никого ни от чего не защищает, а лишь увеличивает общую напряженность и неопределенность Единственное спасение цивилизации и рода человеческого — создание мирового правительства, при котором безопасность государств и народов будет охраняться законом. Все что происходит в международных делах, должно делаться с мыслью о том, поможет ли это или помешает созданию мирового правительства?»

К. Ясперс «Истоки истории и ее цель»:

«*Мировой порядок* являет собой единство без единой власти. Порабощению всех из единого центра противостоит принятое всеми устройство, возникшее вследствие отказа каждого от абсолютного суверенитета. Поэтому путь к мировому порядку ведет через самоограничение тех, кто обладает могуществом, и это самоограничение является условием свободы всех. Там, где кроме суверенитета, принадлежащего мировому порядку человечества в целом, остается еще какой-либо суверенитет, остается и источник несвободы; ибо он может быть сохранен только в качестве силы, противопоставляемой другой силе. Между тем насильственная организация, захват и создание посредством этого захвата государства всегда ведет к диктатуре, даже в том случае, если отправным пунктом была свободная демократия. Именно это произошло в Риме при переходе от республики к правлению цезарей. Именно так Французская революция сменилась диктатурой Наполеона. Демократия, совершающая завоевания, сама отрекается от себя. Демократия, стремящаяся к взаимопониманию людей, способствует всеобщему объединению, основанному на равенстве прав. Претензия на полный суверенитет вырастает из энергии порвавшего коммуникации самоутверждения. Последствия этого были словом и делом беспощадно доведены до сознания людей в век абсолютизма, когда, собственно, и возникло понятие суверенитета. Там, где при совместном решении великих держав действует право вето, там в полной мере сохраняется требование абсолютного суверенитета. Если люди собираются для установления мира, к которому все безусловно стремятся, они договариваются о необходимости подчиняться решению большинства. Изменить это можно, только убедив остальных в необходимости отказаться от этого решения посредством принятия нового решения. Ни вето, ни насилие не допускается. Мотивы отказа от права вето и суверенитета основаны на человечности, на стремлении к миру, на мудром предвидении того, что власть не может быть сохранена без объединения с другими, на предвидении того, что в войне, даже при победе над врагом, может быть столько потеряно, что эти потери превысят все остальное, на радостном стремлении прийти к соглашению в духовной борьбе и в создании единого мирового порядка, на радости совместной жизни с достойными людьми и на нежелании господствовать над побежденными и над рабами. Установление единого мирового порядка привело бы вместе с устранением абсолютного суверенитета и к устранению прежнего понятия государства во имя счастья людей. Результатом этого бы-

> ло бы не мировое государство (которое было бы мировой империей), а постоянно восстанавливающая себя посредством обсуждения и принятия решений организация государств, в ограниченных сферах пользующихся самоуправлением, другими словами, результатом был бы глобальный федерализм. Мировой порядок был бы продолжением и повсеместным распространением внутриполитической свободы. То и другое возможно только при ограничении политической власти вопросами существования. В этой плоскости речь идет не о развитии, формировании и раскрытии человеческой природы в целом, а о том, что по самой своей сущности свойственно или может быть свойственно всем людям, что, несмотря на все различия, на отклонения в вере и мировоззрении, объединяет людей, другими словами, об общечеловеческом. *В естественном праве* с давних пор делались попытки выявить эти общие свойства, связывающие всех людей. Естественное право устанавливает права человека, стремится создать внутри мирового порядка инстанцию, которая защищала бы отдельного человека от насильственных действий со стороны государства посредством действенных правовых процессов под эгидой суверенитета всего человечества».

А. Швейцер «Упадок и возрождение культуры»:

> «Что такое национализм? Неблагородный и доведенный до абсурда патриотизм, находящийся в таком же отношении к благородному и здоровому чувству любви к родине, как бредовая идея к нормальному убеждению. К началу XIX столетия мышление признало за национальным государством право на существование. В обоснование этого указывалось на то, что национальное государство как естественный и гомогенный организм лучше всего способно осуществить идеал культурного государства. Современные массы требуют оградить национальные воззрения от влияния разума и нравственности, считая это самым верным средством не допустить профанации священнейших чувств. Если в былые времена упадок культуры не вызывал такой путаницы в чувствах народов, то объясняется это тем, что национальная идея в рамках прежних культур никогда не возводилась до уровня культурного идеала нынешней значимости. Поэтому тогда и не могло случиться, чтобы национальная идея в конце концов подменила подлинные идеалы культуры и еще больше стимулировала и усложнила состояние бескультурья представлениями и убеждениями, внушенными уродливо националистическим подходом к жизни. В том, что истоки национализма лежат не столько в самой действительности, сколько в ее искаженном преломлении в воображении масс, нетрудно убедиться на примере любой национали-

стической концепции. Национализм утверждает, что ведет реальную политику. В действительности же для него совершенно не характерен подлинно деловой и здравый подход к решению любых вопросов внешней и внутренней политики. Ибо национализм по своей сущности не только эгоистичен, но и энтузиастичен. Его реальная политика представляет собой стимулируемую народной страстью, догматизированную и идеализированную переоценку отдельных территориальных и экономических проблем, затрагивающих интересы масс. Он отстаивает свои требования без сколько-нибудь осмысленного определения их реальной ценности. Стремясь заполучить богатства, стоившие миллионы, современные государства обременяли свою экономику вооружениями, поглощавшими миллиарды. В благом намерении позаботиться о защите и расширении торговли они облагали последнюю поборами, угрожавшими ее конкурентоспособности в большей степени, чем все мероприятия противника. Итак, на деле реальная политика была нереальной, потому что из-за примешавшегося народного пристрастия делала неразрешимыми простейшие вопросы. Напоказ она выставляла экономические интересы, а про запас держала националистические идеи величия и преследования „врагов“ нации. Ради усиления своей мощи каждое культурное государство брало себе в союзники всех, кого только могло. В результате полуцивилизованные и совсем нецивилизованные народы стали использоваться в эгоистических интересах одними культурными народами против других. Но помощники не довольствовались отведенной им ролью слепых орудий. Они во все возрастающей степени влияли на ход событий, пока не приобрели власти предписывать культурным народам Европы, когда следует выступить ради них друг против друга. Таково было возмездие за то, что мы отказались от собственного достоинства и принесли в жертву бескультурью последние остатки того общего достояния, которым некогда располагали. Показательным для нездоровой сущности так называемой реальной политики национализма было стремление во что бы то ни стало прикрыться розовым флером идеала. Борьба за власть стала борьбой за право и культуру. Коалиции, в основе которых лежали эгоистические интересы борьбы одних народов против других, выдавались за содружества, продиктованные исконным родством уз и судеб, и подкреплялись ссылками на прошлое, даже если история давала больше примеров смертельной вражды, чем проявлений внутреннего родства. В конечном счете национализму было уже недостаточно в своей политике отвергать любую надежду на осуществление идеи культурного человечества. Провозглашая идею национальной культуры, он стал разрушать представление о самой культуре. Рань-

ше была просто культура и каждый культурный народ стремился усваивать ее в наиболее чистой и развитой форме. При этом народности было присуще гораздо больше самобытности и цельности, чем ныне. И если тем не менее тогда не проявлялось никакого стремления к обособлению духовной жизни на национальной основе, то это доказывает лишь, что такое стремление отнюдь не показатель силы нации. Противоестественность такого развития проявляется не только в его непосредственных результатах, но и в той роли, которая по его вине выпадает на долю самомнения, высокомерия и самообольщения. Все ценное в личности пли в ее действиях, объясняется национальным своеобразием. Считается, что под чужими небесами ничто подобное вообще невозможно. В большинстве стран это тщеславие зашло уже так далеко, что для него вполне достижимы и геркулесовы столбы глупости. Само собой разумеется, духовное начало в национальной культуре отступает далеко на задний план. Оно теперь в большей мере лишь внешний наряд ее. А на деле национальная культура носит ярко выраженный материальный характер. Она представляет собой совокупность всех внешних достижений соответствующего народа и выступает в союзе с его экономическими и политическими требованиями. Коренящаяся якобы в своеобразии народа национальная культура отнюдь не ограничивается, как можно было бы предполагать, рамками соответствующей народности. Она чувствует себя призванной овладеть также другими народами и тем самым осчастливить их. Современные народы ищут рынков сбыта для своей культуры так же, как и для изделий своей промышленности или сельского хозяйства. Следовательно, национальная культура стала орудием пропаганды и статьей экспорта. Поэтому не случайно проявляется поистине трогательная забота о рекламе. Необходимые фразы можно получить уже в готовом виде, остается только комбинировать их... Так мир становится ареной конкуренции национальных культур, пагубно сказывающейся на собственно культуре. Мы уже больше не верим, что пароды, которые в качестве наследников греко-римского мира вместе вступили в средневековье и затем в условиях интенсивнейшего взаимного обмена идеями на собственном опыте познали Ренессанс, Просвещение и мышление нового времени, составляют вместе со своими ответвлениями в новых частях света монолитное культурное целое. Но если различия в их духовной жизни проявлялись в новейшее время все сильнее, то причина здесь прежде всего в неуклонном упадке культуры. Так при отливе обнажаются разделяющие водную стихию мели, которые во время прилива скрыты под водой»

2) Естественное право и проблема прав человека

Майкл Игнатьев, писатель и историк, директор Центра правозащитной политики при Школе государственного управления имени Кеннеди Гарвардского университета, пишет в книге «Права человека как политика и как идолопоклонство», что «Всемирная декларация прав человека обозначила возвращение европейской традиции к идее естественного права: поворот, нацеленный на восстановление человеческой *субъектности*, на обретение индивидами гражданской стойкости в тех ситуациях, когда государство требует от них чего-то недозволительного и недопустимого».

Очевидно, что доктрина Прав человека может иметь своим источником только теорию естественного права, то есть признание наличия общей человеческой природы, а значит и законов природы. Томас Пейн, имя которого сделало бессмертным эссе о Правах человека, не случайно поэтому был рационалистом (деистом), отстаивавшим метафизику интеллекта и теорию естественного права, то есть естественную природу человека, основанную на законах природы (интеллекта, бога)

Майкл Игнатьев пишет о замечательных успехах, которые имела кампания Элеоноры Рузвельт по принятию Всемирной декларации прав человека в области защиты прав индивидов, в том числе от их собственных государств

М. Игнатьев «Права человека как политика и как идолопоклонство»:

> «До Второй мировой войны субъектами международного права были только государства. С принятием Всеобщей декларации прав человека 1948 года международное признание получили и права индивидов. Впервые в истории отдельные личности, независимо от их расы, вероисповедания, пола, возраста или других характеристик, получили права, которые могут быть использованы ими для защиты от несправедливых государственных законов или угнетательских практик. Создание в 1953 году Европейского суда по правам человека позволило гражданам европейских стран обращаться в Страсбург с жалобами на притеснения со стороны собственных властей. Право-

> защитные инструменты породили революцию адвокации и становление международной сети неправительственных правозащитных организаций — Amnesty International и Human Rights Watch среди наиболее известных в этом ряду, — заставляющих государства вести себя в соответствии с собственными декларациями. Благодаря этой революции выступления в защиту жертвы получили беспрецедентную возможность рассказать о ее страданиях всему миру. Кроме того, указанный сдвиг разрушил государственную монополию на ведение международной политики, запустив механизм формирования того, что позже назвали «глобальным гражданским обществом».

Между тем, М. Игнатьев, также как С. Хантингтон в «Столкновении цивилизаций» или А. Шлезингер в «Циклах американской истории», вынужден констатировать кризис института Прав человека. Он связывает этот кризис как раз с неспособностью института прав человека обосновать свою легитимность теорией естественного права. Вызов, который бросили институту прав человека исламская и азиатская цивилизации, о которых также подробно писал Хантингтон, состоял, прежде всего, в их отказе признавать универсальность человеческой природы. Обособляя свое понимание человека, и ограничивая его догматами своих священных писаний, они вовсе не согласны с представлением о человеке, как свободном индивидууме, сформулированном во Всемирной декларации прав.

С. Хантингтон «Столкновение цивилизаций»:

> «Международный режим соблюдения прав человека, установившийся с 1945 года, — заметил один американский поборник прав человека, — больше не существует. Американское господство ослабло. Европа, даже после событий 1992 года, остается не более чем полуостровом. Мир теперь настолько же арабский, азиатский и африканский, насколько и западный. Сегодня Всемирная декларация прав человека и международные договоренности намного менее важны для большей части планеты, чем в эпоху сразу же после окончания Второй мировой войны». Один азиатский критик Запада высказал примерно те же взгляды: «Впервые после принятия Всемирной декларации в 1948 году, страны, где нет прочных иудео-христианских корней и господства естественного права, оказались в первых рядах. Эта беспрецедентная ситуация будет определять новую международную политику в сфере прав человека.

> Она также умножит поводы для конфликта». «Главным победителем, — заметил еще один наблюдатель, говоря о Вене, — безусловно, оказался Китай, по крайней мере там, где успех определяется тем, что других можно попросить убраться с дороги. Пекин постоянно побеждал на встрече только потому, что использовал свой огромный вес». Основные несовпадения во взглядах на эти вопросы были между западными странами и азиатско-исламским блоком. За два месяца до Венской конференции азиатские страны встретились в Бангкоке и приняли декларацию, в которой подчеркивалось, что права человека следует рассматривать «в контексте... национальных и региональных особенностей, а также различных исторических и культурных условий», что наблюдение в области прав человека является нарушением суверенитета страны и что избирательная экономическая помощь, поставленная в зависимость от соблюдения прав человека, нарушает право на развитие»

Есть ли какая-нибудь общая человеческая природа, спрашивает Игнатьев? И почему мы должны верить, что она хороша вопреки каждодневному опыту, убеждающему нас в обратном?

М. Игнатьев «Права человека»:

> «Если культурный кризис правозащитной идеи был обусловлен спорами о межкультурной ценности прав человека, то ее духовный кризис связан с определением финальных, метафизических оснований этих норм. Почему человеческие существа вообще должны обладать какими-то правами? Какие особенности человечества как вида и отдельных его представителей позволяют говорить о правах?..Права человека предназначены для того, чтобы формализовать в юридических терминах естественный долг человеческой совести в тех ситуациях, где гражданские и политические установления либо не смогли предотвратить злоупотребления, либо вообще рухнули. Как представляется, доктрина прав человека призвана напоминать о том, что, если вся система наказаний и поощрений, используемая в управляемых обществах, вдруг падет, правозащитные нормы по-прежнему будут требовать от людей уважать человеческое достоинство. Но отсюда вытекает, что способность вести себя достойно — это естественный атрибут. Имеются ли эмпирические доказательства того, что дело обстоит именно так?..Именно из-за того, что эти идеи достоинства, ценности и святости подменяют сущее должным, они оказываются противоречивыми, а поскольку они противоречивы, то чаще всего от них проистекает не польза, а вред для правозащитного дела. Более того, они противоречивы еще и потому, что каждая вер-

> сия прав человека, рассматриваемая в подобной перспективе, содержит в себе некие метафизические утверждения, касающиеся человеческой природы, а это делает ее изначально спорной».

Итак, идея человеческой природы — метафизическая. В этом нет никакого сомнения, поскольку утверждение существования неизменных законов природы, в том числе законов человеческой природы (психики) — это метафизика интеллекта. И Игнатьев прав, когда говорит, что метафизике интеллекта противостоят не только сакральные догматы магических религий, отрицающих даже самую возможность научного понимания человека (исламский и азиатский вызов), но и третий, западный вызов, который исходит от философии анти-интеллектуализма и субъективизма. То, что мы обозначили проблемой шизоидности западной цивилизации.

М. Игнатьев «Права человека»:

> «Но исламский вызов породил на Западе еще одну реакцию, столь же нездоровую. Это разновидность культурного релятивизма, уступающая исламистам слишком многое. В последние двадцать лет в западной политической мысли оформилось влиятельное течение, которое утверждает, что, используя формулировку Адамантии Поллис и Петера Шваба, „права человека есть западный конструкт ограниченного применения“, выдумка XX столетия, мотивированная правовыми традициями Америки, Великобритании и Франции и, следовательно, непригодная для культур, которые непричастны к исторической матрице либерального индивидуализма. У этого тренда довольно сложная интеллектуальная родословная: здесь смешались марксистская критика правозащитного дискурса, антропологическая критика невежественного буржуазного империализма конца XIX столетия и постмодернистская критика универсалистских претензий европейского Просвещения Все эти тенденции сошлись в атаке на западную интеллектуальную гегемонию, воплощенную в языке прав человека. Права человека рассматриваются как хитроумный трюк коварного западного разума: утратив возможность контролировать мир посредством прямого имперского правления, западный разум прячет собственную волю к власти под универсалистской лексикой прав человека и пытается навязать свою узкую повестку множеству мировых культур, никогда не разделявших западные представления об индивидуальности, субъектности, свободе. Мода на этот постмодернистский релятивизм

> зародилась в западных университетских кампусах, но со временем он смог просочиться и в правозащитные практики Запада, заставив многих активистов усомниться в состоятельности того универсализма, который прежде принимался ими на веру».

Действительно, теорию естественного права вместе с метафизикой интеллекта, на которой она держится, основательно разрушили сами европейцы с двух разных сторон. С одной стороны, это эмпиризм и позитивизм, а с другой стороны субъективизм Канта и анти-интеллектуалистов. Диалектический материализм Гегеля и Маркса, как синтез этих двух направлений, нанес последний сокрушительный удар по рационализму Декарта и Спинозы. Об этом как раз и писали Жюльен Бенда в «Предательстве интеллектуалов» и Альбер Камю в «Бунтующем человеке». Бунт против разума никогда не был так силен, говорит Камю, называя культуру анти-интеллектуализма «философским самоубийством». И действительно, самый опасный вызов западной цивилизации исходит не от магических восточных культур, а от шизоидного анти-интеллектуализма самого запада

Возьмем, к примеру, социологию Макса Вебера. Чтобы понять, в чем существо его социологии, надо обратиться к «Канту истории» — Дильтею. Это — Риккерт и Дильтей разработали теорию двух различных научных методов, один для естественных наук и другой для гуманитарных наук, и заявили, что нет общей науки.

Джон Льюис в своей книге о Максе Вебере, пишет, что это гуманитарная наука Дильтея стала не новой наукой о духе, а концом всякой социальной науки, поскольку априори отрицала возможность выведения каких-то общих закономерностей из исторических фактов. Возможно бесчисленное множество разных уникальных культур, которые мы можем описать, интуитивно понимать, но нет, и не может быть никаких общих закономерностей или общей человеческой природы. Таким образом, науки о духе Дильтея — это просто на деле отказ от всякой социальной науки, существо которой в поисках общих закономерностей.

Той же позиции придерживается и австрийская школа Франца Хайека и Людвига фон Мизеса. Мизес пишет в «Теории и истории», что природа не торопится открывать нам свои секреты, а потому естественное право несостоятельно; что касается абсолютных универсальных ценностей, то там где они не выражают общую человеческую природу, — это только попытка насильно подчинить людей тоталитарной тирании. Он считает, что Маркс и Конт выступали за общую человеческую природу, хоть как мы видели, они были одними из главных действующих лиц в разрушении метафизики интеллекта. И потому вся его апология субъективизма Дильтея и Вебера построена на критике Маркса и Конта.

К. Поппер, друг Хайека, также на стороне австрийской школы в отрицании законов природы в обществе и естественного права. Между тем у него есть и фундаментальные расхождения с австрийской школой, в частности во взглядах на роль государства, которой Поппер отводит большое место в отличии от Хайека и Мизеса (интервенционизм).

М. Вебер говорит вслед за неокантианцами Риккертом и Дильтеем, что поскольку природа управляется причинными связями, а человек свободным разумом, то нет смысла изучать общество как законы природы. Можно только как исторические модели, в которых ставились различные цели и задачи. В такой системе нет места этике, морали, только целесообразности. Вот почему его социология носит циничное название «свободна от этики». В итоге, его теория откровенно субъективна, он прямо говорит, что нет объективной науки и объективного исследования, но каждый ученый, и он в том числе, защищает интересы своего класса. А поскольку он принадлежал к высшим класса Германии, то ставил задачу обосновать и защитить доктрину «господства», в чем он солидарен с «волей к власти» Ницше. Он цитирует Троцкого и хвалит марксизм-ленинизм за определение государства как «машины для насилия» господствующего класса. В итоге его социология — это циничная теория права сильного, с апологией радикального национализма внешней агрессии.

«Оценки его творчества разные, пишет Клейн. — По одним он предсказал появление тоталитарных режимов в Европе. По другим, он проложил путь тоталитарным режимам, выдвинув идею иррационального харизматического вождизма и требуя твердого выбора ценности, неважно какой. Выбрать для себя бога, обозначить дьявола...Французский историк и социолог Арон язвительно замечает, что Вебер не узнал бы свою мечту в Германии 1933—1945»

М. Вебер «Политика как профессия и как призвание»:

> «Современное государство есть организованный по типу учреждения союз господства, который внутри определенной сферы добился успеха в монополизации легитимного физического насилия как средства господства.. Разве для этических требований, предъявляемых к политике, должно быть действительно так безразлично, что она оперирует при помощи весьма специфического средства — власти, за которой стоит насилие? Разве мы не видим, что идеологи большевизма и “ Спартака», именно потому, что они применяют это средство, добиваются в точности тех же самых результатов, что и какой-нибудь милитаристский диктатор? Чем, кроме личности деспотов и их дилетантизма, отличается господство рабочих и солдатских Советов от господства любого властелина старого режима? Чем отличается полемика большинства представителей самой якобы новой этики против критикуемых ими противников от полемики каких-нибудь других демагогов?..Кто хочет заниматься политикой вообще и сделать ее своей единственной профессией, должен осознавать данные этические парадоксы и свою ответственность за то, что под их влиянием получится из него самого. Он, я повторяю, спутывается с дьявольскими силами, которые подкарауливают его при каждом действии насилия. Великие виртуозы акосмической любви к человеку и доброты, происходят ли они из Назарета, из Ассизи или из индийских королевских замков, не “ работали» с политическим средством — насилием; их царство было «не от мира сего», и все-таки они действовали и действовали в этом мире, и фигуры Платона Каратаева и святых Достоевского все еще являются самыми адекватными конструкциями по их образу и подобию. Кто ищет спасения своей души и других душ, тот ищет его не на пути политики, которая имеет совершенно иные задачи — такие, которые можно разрешить только при помощи насилия. Гений или демон политики живет во внутреннем напряжении с богом любви, в том числе и христианским Богом в его церковном проявлении, — напряжении, которое

> в любой момент может разразиться непримиримым конфликтом. И в связи с такими ситуациями Макиавелли в одном замечательном месте, если не ошибаюсь, «Истории Флоренции», заставляет одного из своих героев воздать хвалу тем гражданам, для которых величие отчего города важнее, чем спасение души»

Так, в трудах этих «социологов», которые следовали за кантианским разрушением метафизики интеллекта в философии, была окончательно уничтожена теория естественного права. Карл Поппер подводит итоги в книге «Открытое общество и его враги», где резюмирует победу позитивного права над естественным. Он пишет о том, что поскольку общество не детерминировано законами природы, подобно остальной природе, то законами общества могут быть только юридические законы, «позитивное право» власти. В этом он хвалит Маркса за «экономизм», и обрушивается с критикой на Джона Милля за «психологизм». Маркс понимал право как «возведенную в закон волю господствующего класса», как известно, тогда как Милль, утверждая психологическую природу человека, говорил о естественном праве законов природы.

Противостояние Маркса и Жозефа Прудона также было противостоянием естественного и позитивного права. Победа позитивного права Маркса с его пониманием государства как машины для насилия и воли господствующего класса и явилась причиной того образцового тоталитарного государства, которое создал Ленин

Одними из самых известных сторонников естественного права были безусловно Бертран Рассел и Альберт Эйнштейн. Манифест Рассела-Эйнштейна, положивший начало Пагуошскому движению ученых стал выражением стремления обоих ученых к мировому правительству и ограничению национальных суверенитетов. Б. Рассел — автор множества аналитических работ о проблемах демократии, образования, национализма, войны и мира. Он сформулировал теорию «демократического социализма» или «интернационального социализма», идею народного самоуправления, основанную на естественном праве.

Качественное, универсальное образование во всем мире, которое научит детей и взрослых смотреть на мир объективно, позволит раскрыться гуманистическому потенциалу человечества, и навсегда устранит проблемы тирании, пропаганды, национализма, бессмысленного противостояния. Сумасшедший мир в котором мы живем, где люди убивают друг друга вместо того чтобы сотрудничать, где вместо правдивой информации детям морочат головы националистической пропагандой, перестанет существовать, только если такое качественное образование сможет сохранить психическое здоровье детей и раскрыть в них их человеческий потенциал. Он за Лигу наций, которая будет разрабатывать одинаковые учебники по мировой истории для всего мира. Эйнштейн также много раз повторял в своих речах мысль о необходимости мирового правительства и ограничения национального суверенитета. Оба они видели корень всех современных бед в «неистовом национализме», интенсивность которого только возрастала со временем.

Бертран Рассел «Образование и свободное общество»:

> «Патриотизм националистического типа, тот которому обучают в школах, должен рассматриваться как форма массовой истерии к которой люди к сожалению предрасположены и против которой они должны быть защищены интеллектуально и морально… Те, кто считает что детей нельзя учить воспринимать массовую бойню как благороднейшее дело человека объявлены предателями, и друзьями всех стран, кроме своей собственной. Человек подумал бы, что естественная привязанность к детям заставила бы многих людей чувствовать боль от мысли, что их дети будут умирать в агонии. Но это не так. Идея, говорить детям по возможности истину, — подрывная идея, и в некоторых своих приложениях даже криминальная. Но я не могу противиться убеждению, что обучение лучше, когда оно основано на истине, нежели когда оно учит лжи. История должна преподаваться абсолютно идентичным текстом во всех странах, а учебники по истории должны быть составлены Лигой Наций… Если бы весь процесс не был скрыт за очарованием патриотизма, его грязь и порочность стала бы очевидной для всех вменяемых людей. Образование могло бы легко, если бы люди захотели, породить чувство солидарности человеческой расы, и чувство важности международной кооперации. В пределах одного поколения неистовый патрио-

> тизм, от которого страдает мир, был бы погашен. За одно поколение тарифные барьеры, которые делают нас всех беднее, могли бы быть снижены, вооруженные силы, которыми мы грозим друг другу смертью упразднены, и злоба, которой мы досаждаем самим себе заменена доброй волей. Национализм, который сегодня цветет буйным цветом, в основе своей есть продукт школьного образования, и если мы хотим положить этому конец, другой подход должен быть положен в основу образования»

О том, что разрушенная метафизика интеллекта, поражение философии рационализма привели к анти-интеллектуализму и как следствие отрицанию общей человеческой природы страстно утверждает и Ж. Бенда в «Предательстве интеллектуалов»

Ж. Бенда «Предательство интеллектуалов»:

> «Это только наши современники — стараниями интеллектуалов — превращают государство в башню, бросающую вызов небесам. Другая новая черта в патриотизме современных интеллектуалов — их стремление соединить свой духовный строй с некой *национальной* духовной формой, которую они, естественно, противопоставляют иным национальным духовным формам... Они провозглашают, что не существует высшей морали, перед которой должны склоняться все люди; что если рассматривать, в частности, международные отношения, то у каждого народа своя *собственная*, специфическая мораль, имеющая такую же ценность, как и мораль его соседей; и что те должны понимать эту мораль и к ней приспосабливаться... Это возвеличение особой морали и презрение к морали всеобщей. Как известно, целая школа, включающая не только политических и общественных деятелей, но и солидных философов, в течение полувека доказывает, что народ должен составить понятие о своих правах и обязанностях, обусловленное изучением его особого духа, его истории, его географического положения и конкретных обстоятельств, в которых он находится, а не велениями иллюзорного сознания человека всех времен и народов; что класс должен построить для себя шкалу блага и зла, определенную рассмотрением его особых нужд, особых целей, особых условий его жизненной среды, и не помышлять о ≪справедливости самой по себе≫, «гуманности самой по себе≫ и другой ≪мишуре≫ общей морали. ...Очевидно, что истина — большая помеха для намеревающихся утвердиться в своих отличиях: коль скоро они ее принимают, они принуждены созна-

> вать себя во всеобщем. Какая радость для них — узнать, что это всеобщее лишь фантом, что существуют одни только частные истины, ≪истины лотарингские, провансальские, бретонские, согласие между которыми, устанавливавшееся веками, определяет то, что благотворно, почитаемо, *истинно во Франции*≫ (соседи наши говорят об *истинном в Германии*); иными словами, им приятно узнать, что Паскаль — не более чем грубый ум, что истина по сю сторону Пиренеев — полнейшее заблуждение по другую. — Подобное поучение человечество слышит и относительно класса: оно узнает, что есть буржуазная истина и рабочая истина; что даже функционирование нашего разума различно в зависимости от того, рабочие мы или буржуа. Преклонение перед частным и презрение к общему — это ниспровержение ценностей, характерное для всего мировоззрения современного интеллектуала и провозглашаемое им в гораздо более высокой области мысли, чем политика».

Конфликт между национальными суверенитетами и институтом прав человека принимает форму борьбы за народный суверенитет. В чем, прежде всего, проявляется народный суверенитет? В защите прав народа, пусть даже против своего государства, или в защите государственной власти от внешнего вмешательства, пусть даже пострадают права народа? Очевидно, что и права человека и народный суверенитет берут свое начало только в естественном праве, и только им могут обосновываться. Если есть общая природа человека, то всякое правовое регулирование, будь то самоуправление общины или права отдельных индивидов могут иметь своим источником только эту естественную природу человека. Именно естественное право легло в основу «Двух трактов о правлении» Локка, «Прав человека» Томаса Пейна, «Общественного договора» Руссо. Невозможно говорить о какой-то общей народной воле, если она не выражает естественную природу человека. Теория большинства не способна обосновать доктрину народного суверенитета.

Однако, доктрина народного суверенитета так и не обрела четкого научного определения, превратившись в нагромождение софизмов. Это привело в свою очередь к кризису теории со-

временной демократии, как теории правового государства, основанной на доктрине народного суверенитета. Б. Рассел много пишет об этой неэффективности современных демократий, в которых власть также отчуждена от конкретных индивидов, как в деспотиях.

Так, П. Новгородцев, известный русский юрист, еще в начале 20 века писал в «Кризисе современного правосознания» о том, что идея народного суверенитета себя скомпрометировала:

> «В этом отношении пафос „Общественного договора“ пережил его теоретические основания и сохранился у его последователей после того как они совершенно видоизменили его доктрину. Мысль о том, что общая воля раскрывается в решениях представительных собраний, составляет опору этой видоизмененной теории народного суверенитета. Пока остается в силе предположение, что народ выражает свою волю в решениях, исходящих от него непосредственно, и с ясностью несомненно присущих ему убеждений, утверждение, что общая воля, как в зеркале, отражает народную правду, понятно и естественно. Но как только это предположение заменяется другим, что за народ говорят его представители, тотчас же возникает вопрос, возможно ли для представителей выражать волю народа с такой же точностью, с какой он сам мог бы выразить ее. Процесс избрания, порядок голосования, принятие решений обеспечивают ли для представительных собраний неизменную верность их народной воле? И как судить об этой верности, если сама народная воля есть загадочная и неясная величина, которую нужно постоянно узнавать и искать? На этот ряд сомнений теория представительного государства не только не может ответить, но при дальнейшем анализе лишь подтверждает их силу. Если бы кто захотел исходить из той мысли, что представительство верно и совершенно отражает волю народа, ему пришлось бы в конце концов сказать, что эта задача ни для какого представительства в мире не осуществима и по существу невозможна. С этой точки зрения представительную систему можно было бы подвергнуть самой жестокой критике и отвергнуть ее правомерность»

П. Новгородцев Кризис современного правосознания

Уязвимость доктрины народного суверенитета, в том ее определении как она есть сейчас, не оставляет сомнений. Ее

одинаково успешно критикуют как слева (Новгородцев суммировал эту критику в своей книге «Кризис современного правосознания»), так и справа. Образчиком такой критики справа притязаний народа на самоуправление, на роль субъекта власти, дает выдержка из современного учебника «Происхождение суверенитета» Н Грачева (2018). Обратите внимание, что автор отсылает к таким исследователям как Боден, Гоббс, Вебер, Гегель, Ницше, К. Шмитт и Ленин

Н. Грачев Происхождение суверенитета:

> «Концепция народного суверенитета носит совершенно умозрительный характер, смешивает понятия и смещает акценты. Доведенная до своего логического предела, она ведет к отрицанию суверенитета как политико-правового явления, а следовательно, и к отрицанию самой суверенной государственности. Самым значительным пороком этой концепции является противопоставление государства образующему его народу, который является его этносоциальным субстратом. Другой ее существенный недостаток заключается в потере суверена как субъекта верховной власти, обладающего правом и способностью принятия последних окончательных решений общенародного значения... Не случайно процесс нахождения общей воли, вытекающей из недр общественного мнения, Г. Гегель связывает с деятельностью великих людей. С указанной токи зрения, авторитаризм и диктатура не могут быть решительной противоположностью демократии, а демократия — диктатуре и авторитаризму, на что практически в одно и то же время указывали такие разные мыслители, как В. И. Ленин, М. Вебер и К. Шмитт ...Концепция народа, как особой юридической личности в структуре государства, которой и принадлежит суверенитет, встречает еще одно серьезное препятствие теоретического и правового характера. Дело в том, что „какое-либо юридическое определение народа отсутствует“, как впрочем и его общепринятые социологические и политические определения. Что такое народ как правовая личность, кого включает, а кого нет? Кому принадлежит суверенитет? Если не дать юридической дефиниции понятия „народ“, то сам народный суверенитет превращается в чисто публицистическое понятие, не имеющее к государственной власти никакого отношения... Народ не может сидеть на престоле, надевать на себя венец и порфиру, постоянно пребывать в роли суверенного правителя. Ни весь народ, ни даже его активное меньшинство (элита) не способны быть последней инстанцией при принятии решений общегосударственного значения. Народ является прежде всего объектом верховной власти, а не ее

> субъектом. Неслучайно отождествление субъекта и объекта верховной власти стало основным логическим противоречием либерально-демократических теорий 19—20 веков, которое оказалось неразрешимым и для практики современных демократических государств... Для народа в государстве и обществе предусматривается совсем другая политическая роль, совершенно иные функции и назначение. Они заключаются в отвлечении от изначально содержащегося в народе принципа власти и переносе этого принципа на определенное лицо или учреждение вместе с добровольным обязыванием себя повиноваться этому признанному им субъекту как непосредственному носителю верховной власти, держателю государственного суверенитета... В этом органическом единстве народа и верховной власти несомненна ведущая роль последней. ...Именно десакрализация верховной власти и утрата веры в экстраординарные, харизматические качества монарха как ее носителя приводит к возможности создания иной, демократической организации верховной власти. Теоретическим основанием такой замены и явилась концепция народного суверенитета... Народный суверенитет как особое политико-правовое явление, отличное от суверенитета государства, оказался не слишком глубоко проработанной юридической фикцией»

Мы привели такую подробную выдержку, чтобы показать, что идея национального государственного суверенитета ни в коем случае не связана обязательно с идеей народного суверенитета. Идею государственного суверенитета развивали Ж. Боден, Гоббс, Макиавелли, как идею абсолютной власти монархов. Очевидно, что эта идея не имела ничего общего с народным суверенитетом, которая пришла только с обоснованием естественного права в работах Гроция, Кондорсе, Т. Пейна, Локка, Руссо.

Таким образом, государственный суверенитет монархий — позитивное право воли одного человека, тогда как народный суверенитет демократий — естественное право общей человеческой природы. П. Новгородцев писал в Лекциях по истории философии права:

> «Защищая абсолютную власть, Гоббс склонялся к тому, чтобы по выражению одного из его соотечественников, Полока, потопить всю нравственность в положительном законе. Следуя этому основному принципу, он доходил до утверждения, что все наши нравственные представления должны определяться предписаниями власти. Он воз-

> мущался против мнения, что подданные могут иметь свое представление о добре и зле»

М. Игнатьев пишет, что кризис института прав человека проявляется также в неспособности прочертить границу между суверенитетом стран и правозащитными инструментами, часто защищающих граждан от их собственных властей. Он пишет, что отрицание универсальности прав человека в первую очередь связано с желанием властей ограничить внешнее вмешательство, хоть и облекается в форму борьбы за культурную самоидентичность и национальное самоопределение:

> «Конфликт вокруг универсальности правозащитных норм есть акт политической борьбы. В ходе этого конфликта традиционные, религиозные и авторитарные источники власти подрываются защитниками прав человека, многие из которых являются выходцами из местных культур. Они оспаривают эти источники власти во имя тех, кто чувствует себя исключенным и угнетенным. Авторитарное сопротивление правозащитному натиску неизбежно облекается в форму спасения местной культуры как таковой от агрессивных нападок культурного империализма Запада. Но на деле посредством этой релятивистской линии отстаивается политическая или патриархальная власть»

Действительно, известная мюнхенская речь В. Путина о национальном самоопределении, о неприкосновенности национальных суверенитетов, как раз и имела своей целью ограничение всякого внешнего вмешательства. Оливер Стоун в «Интервью с В, Путиным» очень хвалит и эту речь Путина и в целом его политику защиты национальных суверенитетов как борьбу за демократию. М. Игнатьев пишет, что правительство США заняло аналогичную позицию, отказываясь уступать хоть какую-то долю суверенитета международным институтам.

М. Игнатьев «Права человека»:

> «Вдохновляющая активистов-правозащитников утопия, в рамках которой можно было бы наказывать государства, попирающие права человека, не сочетается с представлением о том, что подобные права черпают свою легитимность из народного суверенитета нации. С точки зрения европейцев и канадцев, например, американ-

> ское допущение смертной казни является нарушением статьи 3 Всеобщей декларации, но большинство граждан США убеждено в том, что за такой практикой стоит демократически выраженная воля народа. Следовательно, протесты международного правозащитного сообщества отвергаются как несостоятельное вмешательство в чужие дела..Американское правительство прославилось — или обесславилось, в зависимости от точки зрения, — своим нежеланием признавать легитимность принудительного обеспечения прав человека вопреки его воле на том основании, что его власть базируется на „согласии управляемых“ с принципом конституционного демократического суверенитета».

В. Соловьев «Революция консерваторов»:

> «А у нас вся конституция построена на ложных посылках, на заблуждениях, а главное — на ложном определении цели. Короче говоря, конституция должна быть прописана таким образом, чтобы опираясь на нее, можно было выстроить систему власти. При этом уже в конституции заложено представление о том, каким мы хотим быть обществом. К слову, довольно наивно закладывать туда то, что сегодня представляется нам „общечеловеческими“ ценностями. Если кто вдруг не знает — это те, что записаны в Декларации прав человека»

Возможен ли народный суверенитет вне теории естественного права? Или для народного суверенитета также жизненно необходима теория естественного права, как для института прав человека? Ж. Прудон пишет, что народный суверенитет, то есть управление народа, самоуправление, может быть только научным управлением, основанным на законах природы человека.

Ж. Прудон «Что такое собственность»:

> «Но что же, наконец, такое суверенность? Это, говорят, есть власть издавать законы. Вот вам новый абсурд, позаимствованный у деспотизма. Народ видел, как короли мотивировали свои ордонансы — формулой: ибо так нам угодно. Он в свою очередь захотел испытать удовольствие издавать законы. В течение пятидесяти лет он создал их мириады, всегда, конечно, при посредстве своих представителей; удовольствие это до сих пор еще не кончилось. Это еще не все. Народ-король не может сам обнаруживать своей суверенности. Он должен передать ее лицам, облеченным властью. Это усердно повторяют ему те, кто старается попасть к нему в милость. Всегда это будет правление человека, царство воли и произвола. Что же, спраши-

> вается, революционизировала так называемая революция? Путем приобретения знаний и понятий человек доходит до понятия науки, т. е. системы знаний соответствующей действительности и выведенной из опыта и наблюдений. Человек стремится открыть науку или систему неорганических тел, систему тел органических, систему человеческого духа, систему мира; может ли он не стремиться к открытию системы общества? Достигнув этого предела, человек узнает, что политическая истина или политическая наука совершенно независима от воли суверена, от мнения большинства и народных верований, что короли, министры, администрации и народы, как носители воли, для науки ничто и не заслуживают никакого внимания. Он начинает понимать, что истинным его вождем и королем является доказанная истина, что политика есть наука, а не хитрость и что функции законодателя в конечном счете сводятся к методическому исследованию истины. И так во всяком данном обществе власть человека над человеком обратно пропорциональна интеллектуальному развитию, достигнутому обществом, и вероятная продолжительность этой власти может быть определена сообразно с более или менее общим стремлением к истинному правительству, т. е. правительству, опирающемуся на данные науки».

Такой же точки зрения придерживался и О. Конт, который считал, что позитивное право (юридизм) только переходный период на пути к научному управлению естественного права.

Ю. Давыдов История социологии:

> «И с точки зрения социально организационной, эта метафизически-юридическая фаза рассматривается лишь как „промежуточная", имеющая цель не в себе самой, а в следующей за нею „великой позитивной стадии", утверждающей индустриальный принцип организации общества. На первой стадии религиозно-теологический ряд доминирует над государственно-политическим. На второй наоборот — государственно-политическая (государственно-правовая, метафизически-юридическая) сфера определяет судьбу всех остальных — от техники и науки до этики и искусства; но прежде всего судьбу теологии и религиозного знания в целом. Наконец на третьей стадии, согласно гипотезе Конта, должно утвердиться господство позитивной, то есть „подлинно научной", философии над всеми остальными сферами социальной жизни»

Действительно, вся история человечества — это спонтанные сообщества, от первобытных племен до восточных деспотий

и античных демократий. Где тут начинается государство? Были ли восточные деспотии государством? Очевидно, что государство начинается с общественных институтов, служащих благу общества, как было в античных демократиях, например, как имеет место в современных демократических государствах, в Америке, например.

Точка зрения естественного права, то есть позиция психологизма представляет историю тремя большими периодами: насилием физического контроля, справедливостью научного контроля и промежутком между двумя этими периодами. Мы живем в самом длительном промежутке истории, в безвременье.

История делится на два основных этапа. Политическое государство — это период Левиафанов, садомазохизма, где власть поглотила волю рабов. Это период правления голой Силы, naked power и магических религий (что очередной раз подтверждается приведенным выше отрывком из «Происхождения суверенитета» Н. Грачева). Научное государство — это период демократических сообществ, у которых уже есть знания о закономерностях своего общества и доступ к другим энергиям природы, общества НТП. Здесь правит Интеллект, Знания.

В первом случае правит физический контроль поля эгосистемы психики человека. Во втором случае правит интеллектуальный контроль поля интеллекта психики человека. Мы живем между двумя этими временами, в пору Юридического (правового) государства, когда между народом и голой силой правительства становится юридическое, позитивное право, которое защищает народ от произвола государства. Почему мы называем этот период безвременьем? Потому что это нестабильное состояние общества, которое не имеет основы в психике человека.

Это время между физическим контролем (голого насилия садомазохизма) и научным контролем естественного права. Такое государство будет стремиться для достижения равновесия либо вернуться к прежнему состоянию (тот путь, который предлагают консерваторы всех стран, возврат к «золотому веку»), либо найти равновесие в научном контроле естественного права. То есть,

либо в физическом контроле прошлого, либо в научном контроле будущего. Третьего не дано, так как психика имеет всего два поля. Но пока социальная наука не окрепла, второе невозможно, остается только крепко держаться за позитивное право, за юридизм. А это возможно, только если связать его с естественным правом, как со своим источником.

Мы должны стремиться к тому, чтобы всячески поддерживать правовые государства в этот переходный период, чтобы тяга к равновесию привела их вперед, к прогрессу научных государств, а не вернула их назад к левиафанам. Послушайте консерваторов всех толков, особенно современных русских консерваторов — они расскажут вам, что золотое время было в прошлом варварских полицейских государств времен Ивана Грозного.

Мы стараемся укрепить позитивное право, чтобы наша цивилизация не скатилась назад к отсутствию всякого права. Но делаем мы это путем поисков научных корней позитивного права — то есть его связи с естественным правом. В этом смысле деятельность юристов очень важна. Но по мере того, как наше безвременье будет заканчиваться, и мы будем приближаться к периоду научного государства, значение юридизма будет стремительно снижаться. Главное сейчас не отказаться от позитивного права, а увязать его с естественным правом, как это делали Платон, Цицерон, Прудон, Конт, Локк, Пейн, Гроций, Кондорсе, Руссо, Кропоткин, Милль, Спенсер и многие другие. Преждевременный отказ от позитивного права стал бы катастрофой возврата к бесправию полицейских государств.

Таким образом, мы можем видеть, что никакого противоречия между государством народного суверенитета и институтом прав человека нет, и быть не может, поскольку и то и другое понятие берет свое начало в теории естественного права. Только так понимаемый народный суверенитет может представлять демократическую волю государства, а соответственно не может противоречить теории прав человека, которая имеет тот же источник. Правда, что как говорит Эйнштейн, это приведет к огра-

ничению национальных суверенитетов, может даже в далеком будущем к их упразднению, но это будет происходить в гармонии с волей демократий народного суверенитета.

Майкл Игнатьев не видит выхода из сложившегося положения, потому что он хочет примирить непримиримые позиции. Он хочет примирить догматы магических религий с одной стороны, с софизмами анти-интеллектуалов с другой стороны, и с метафизикой интеллекта рационалистов — с третьей стороны. Он называет это толерантностью и политикой, и предостерегает от «идолопоклонства» гуманизму.

«Верующим следует осознавать опасность, — пишет Игнатьев, — нетолерантного отношения к представителям иных религий, а неверующие должны остерегаться вольтеровского презрения к религиозным убеждениям других. Гуманизм, поклоняющийся человеческому и верящий в человеческое, столь же порочен, сколь и те религиозные системы, которые настаивают на полной доступности им Божьего замысла относительно людей. Гуманизм, не страдающий идолопоклонством, — это тот гуманизм, который отказывается от метафизических притязаний, которые он не способен обосновать»

На самом деле метафизика интеллекта, утверждая законы природы человека, никоим образом не могла бы становиться на позиции релятивизма и «толерантности» в смысле компромисса с другими мировоззренческими системами, например софизмами анти-интеллектуалов или догматами магических религий. Понятно, что утверждение истины обозначает борьбу за эту истину.

М. Игнатьев «Права человека»:

> «Например, по мнению философа права Майкла Перри, идея прав человека „неустранимо религиозна". До тех пор, пока вы не преисполнитесь убеждения в том, что человек священен, полагает он, у вас не будет оснований полагать, что достоинство человека можно отстоять, лишь присвоив ему определенные права. Согласно этой логике, только религиозная трактовка человека как творения Божия способна поддержать представление о том, что индивиды обладают неотчуждаемыми естественными правами. Макс Стекхаус, теолог

> из Принстонского университета, считает, что идею прав человека можно обосновать сугубо идеей Бога или по меньшей мере идеей „трансцендентного морального закона". Для того чтобы объяснить, почему человеческие существа „имеют право обладать правами", правозащитной идее требуется теологическое подспорье И диспут заканчивается фиксацией следующей ситуации: религиозная сторона убеждена в том, что, лишь встав на колени, люди спасут себя от собственной деструктивности, а гуманисты настаивают на том, что они смогут решить эту задачу, только встав во весь рост и твердо опершись на ноги. Это старый спор, в котором каждая из сторон способна предъявить сильные исторические аргументы»

Действительно, утверждать наличие человеческой природы, законов природы, и не утверждать метафизику интеллекта — непоследовательно. Если институт прав человека выживет, если выживет идея народного суверенитета и демократии, то это будет только следствием революции в философии, которая станет на позиции рационализма и энергетизма. Знание о законах человеческой природы, как знание о любых других законах природы мы можем получить только в виде знаний о природной энергии. Мы предлагаем свою версию теории психической энергии. Подвижники пространства интеллекта, которые будут искать истину об общей природе человека, могут предлагать другие теории психической энергии, пока не будет найдена одна, правильная. Доказать это в рамках энергетической теории познания очень просто: достаточно показать доступ к силе открытой энергии, контроль законов этой энергии. Мы старались сделать это в этой, и в десятке предыдущих книг по теории психической энергии.

Соответственно, международный институт прав человека необходимо должен быть одновременно и научным институтом, сообществом ученых, которые будут строить единую истину пространства интеллекта. И в этом как представляется конструктивная задача служения богу, в строительстве истинного храма божьего — пространства интеллекта. Возможно в свое время нищенский орден св. Франциска помог людям сохранить духовную энергию простым отказом от суетной жизни эгозащи-

ты. Но сегодня с развитием и становлением научного интеллекта уже недостаточно просто отказаться от суетной жизни, важно активно работать в конструктивном направлении. Никто не защитит теорию народного суверенитета и теорию прав человека, если это не сделают ученые

Сегодня пространство интеллекта — это уже достаточно обширное пространство, поскольку уже открыто множество природных энергий. Но главная, человеческая, психическая энергия еще не открыта. А только эти знания дали бы необходимый базис теории естественного права. Рационализм в его поисках единой истины общей природы человека — это ни в коем случае не толерантность и не компромисс. Это активная интеллектуальная борьба за истину.

ГЛАВА 24. МЕЖДУНАРОДНОЕ СООБЩЕСТВО ЕСТЕСТВЕННОГО ПРАВА

«Корни кризиса современной цивилизации — в ее глубинном разрыве с подлинными интересами Человека и Человечества»

М. Горбачев Размышления о прошлом и будущем

1) Государство будущего
2) Консерваторы и Демократы
3) Демократы и естественное право

1) Государство будущего

> «Мы сейчас находимся на эволюционной стадии, которая ни в коем случае не является последней стадией прогресса. Мы должны миновать ее стремительно, в противном случае большинство из нас погибнут в пути, а остальные затеряются в лесах сомнений и страха. Чтобы найти выход из этого отчаянного положения цивилизованный человек должен расширить свое Я, свое великодушие также, как он расширил свой разум. Он должен научиться выходить за границы Эго, и таким образом обрести свободный мир»

Б. Рассел «Conquest of happiness»

Сейчас широко распространенно мнение, что в государстве капиталистической демократии мы достигли идеала государственного устройства и конца человеческой эволюции, выраженное в книге Френсиса Фукуямы «Конец истории». Однако, это не так. Второе осевое время начнется только с окончательной победой логоса над мифом, а до этой победы еще очень далеко как мы могли видеть.

Коммунизм в СССР и капитализм в США не были противоположными идеологиями. Это были рациональные системы, построенные на республиканских идеалах. Разница заключалась лишь в том, как они трактовали эти идеалы. Б. Рассел пишет в «Власть и личность», что обе системы одинаково уязвимы и неспособны дать адекватного решения социальной проблемы.

Б. Рассел «Authority and individual»:

> «Мир оказался в положении жертвы догматических политических учений, из которых, в наши дни, наиболее влиятельными являются капитализм и коммунизм. Я не верю, что любая из них в их догматической и явной форме, способна предложить методы борьбы со злом, которое можно предотвратить. Капитализм предоставляет возможность проявить инициативу некоторым; коммунизм мог бы (хотя не дает в действительности) предоставить лакейский тип безопасности для всех. Но если бы люди смогли освободиться от влияния неправомерно упрощенных теорий и споров, которые они порождают, стало бы возможным, путем мудрого использования научного подхода, обеспечить как инициативу, так и безопасность для всех. К сожалению, наши политические теории содержат в себе меньше объективного знания нежели наша наука, и мы пока еще не знаем как правильно использовать наши знания и наш опыт таким образом, чтобы сделать жизнь счастливой и даже восхитительной». В том же духе пишет М. Горбачев: «К сожалению, однако, и в прогнозах будущего, столь распространенных сегодня, превалируют все те же, по сути исчерпавшие себя, модели социального устройства, способные порождать не только острые противоречия, но и опасные конфликты — причем не только в национальных, но и в глобальных масштабах. Очевидно, нужен другой подход, другая парадигма, которая основывалась бы не на увековечивании социальных антагонизмов и национальных конфликтов, а на стремлении избежать их. Речь идет о переходе к новой цивилизации. Никто не знает, какой она будет».

А. Шлезингер пишетв «Циклы американской истории», что эти системы во многом стали зеркальным отражением друг друга:

> «Если смотреть со стороны, то обнаружишь, что разница между правыми моралистами, которые видят в Советском Союзе источник всех зол, и левыми моралистами, приписывающими все грехи Соединенным Штатам, не так уж и велика. И те и другие в равной мере жерт-

> вы одной и той же болезни. И те и другие рассматривают внешнюю политику как отрасль теологии. И те и другие торопятся вынести приговор заблудшим. В конце концов, они становятся зеркальным отражением друг друга»

Демократия западного капитализма также близка к своему крушению, как рухнула советская система: и та и другая система, претендуя на научное мировоззрение, опирается на ложные теории.

А. Шлезингер «Циклы американской истории»:

> «В современной Америке имеются мощнейшие деструктивные факторы — углубляющееся неравенство в доходах и возможностях, численный рост бедноты и деклассированных элементов, пробуксовка в деле расового равноправия, структурная заданность экономики на инфляцию, спад в тяжелой промышленности ввиду иностранной конкуренции и повсеместного внедрения микросхем, ухудшение уровня образования, загрязнение окружающей среды и упадок инфраструктуры, постепенная деградация городов, кризис фермерских хозяйств, растущее бремя государственной и частной задолженности, распространение преступности и насилия. Можно не сомневаться, что ни общественная активность, ни частный интерес, ни широкое государственное вмешательство, ни свободный рынок не покончат с этими тягостными проблемами. Именно это и приводит двух наших наиболее квалифицированных специалистов по диагностике болезней общества — Уолтера Дина Бернхэма, занимающего левые позиции, и Кейвина Филлипса, стоящего справа, — к пессимистическим выводам относительно будущего демократии как таковой. ...Филлипс ожидает не возрождения либерального духа «нового курса», а, скорее, прихода националистического правопопулистского авторитаризма, направляющего действия всепроникающего и репрессивного государства. Бернхэм мрачно предсказывает «нарастающий кризис правления — кризис... в самих основах конституционного режима»

М. Горбачев «Размышления о прошлом и будущем»:

> «Сейчас в качестве примера на будущее называют развитие демократии Запада. Но, признавая достигнутое там, нельзя не видеть, что западная демократия больна, она — в кризисе. Демократические институты сохраняются, но они все больше отчуждаются от граждан, просто-напросто вырождаются. Жизненно важные ре-

> шения принимаются за спиной граждан, без их участия и контроля — на уровне политических элит, в результате торга, нередко в интересах узких групп. Как результат — снижение политической активности людей, увеличивающийся разрыв между властью и обществом. ...Зато теперь, кода Россия находится в ее нынешнем, кризисном состоянии, когда ее социальный пример иссяк, во многих западных странах набирает силу политика «сжатия» социальных прав людей, стремление решать проблемы, в первую очередь связанные с усилением конкурентной борьбы в рамках глобальной экономики, за счет урезания социальной сферы у себя. Французские авторы Жан-Франсуа Кан и Петрис Пикар в этой связи отмечают: «Плачевное фиаско коллективистской утопии не могло не подстегнуть дикую, и, конечно, протекающую в неравных условиях погоню за личным успехом. Если иллюзорные успехи коммунизма способствовали на первых порах обновлению капитализма, бесспорно — крах советской системы ускорил возникновение ультралиберальных течений»

Причина такого положения вещей видится нам в том, что естественное право, с которого начинали свое существование современные правовые государства, сильно сдало свои позиции с тех пор, как на сцену вышли неокантианские, поликультурные модели «социологий без этики» и «множественных цивилизаций» М. Вебера, В. Дильтея, К. Леви-Стросса. «Поражение разума», о котором пишет А. Финкелькраут, «Предательство интеллектуалов», о котором говорит Ж. Бенда, нигилизм и иррационализм, на который сетует А. Камю в «Бунтующем человеке» — вот истинные причины кризиса современной цивилизации. И М. Горбачев прав, когда называет этот кризис –кризисом гуманизма, поскольку неокантианские теории отрицают единую природу человека, конструируя идеологических базис для национализма и национальных правовых систем, имеющих мало связи с естественным правом.

В конечном итоге, этот отрыв от истоков естественного права ведет повсеместно к победе правых сил и «Революциям консерваторов», одну из которых мы видели в России.

2) Консерваторы и Демократы

Демократии-тирании незрелого шизоидного интеллекта античности никуда не исчезли. Демократы и олигархи древних греческих полисов продолжают свою борьбу в виде консерваторов и демократов современных правовых государств. Подобно тому, как в древних полисах чередовались периоды тирании и демократии, так в современной Америке чередуются периоды «общественного и частного интереса», как пишет А. Шлезингер в «Циклах американской истории».

Мы сделаем предположение, что это не просто смена и чередование настроений американских граждан, а внутренний конфликт, противоборство шизоидного и научного сознания, истоки которого в античной истории, а конец будет положен только окончательной победой научного контроля.

Действительно, мы видим, что «частный интерес» несет с собой культуру греческих полисов в полной мере. Прежде всего — это острая состязательность, конкурентное выживание, которое ставится превыше всего, особенно превыше гуманизма, так как эта культура противиться социальным программам помощи слабым и неимущим. Такова психология консерваторов.

И наоборот, «общественный интерес» представлен тем лучшим, что было в здоровом научном сознании античности, помноженным на достижения научного мышления Нового времени. Эти наблюдения за противостоянием двух различных сознаний современной Америке блестяще обобщены в трудах стендфордских ученых Джерри Пораса и Джима Коллинза «Построенные навечно» и «От хорошего к великому». Там, он также как Шлезингер противопоставляют два качественно различных типа сознания и соответствующих каждому типу сознания — типов организаций. Как говорил еще Платон, общественные устройства рождаются не от дуба и не от скалы, а от типов психики индивидов. Так вот, тип «самоактуалов» Маслоу, образно говоря, — это золотые чемпионы, которые били рынок много раз и компании которых существуют уже более ста лет. Эти золотые чемпионы орга-

низуют социалистические, демократические системы (в рамках капиталистических демократий) с высокой наукоемкостью и высокой социальной поддержкой работников. И наоборот, типы художников-тиранов Ницше, «один гений и тысяча помощников», как говорит Джим Коллинз, образуют иерархические системы авторитарного управления.

Наша гипотеза о том, что это старое противоборство шизоидной эгоцентричности и научного сознания поля совести получает все большее подтверждение.

Так, Шлезингер противопоставляет политику Ф. Рузвельта и Р. Рейгана как политику «частного интереса» консерваторов и политику общественного идеализма демократов:

«Но в том же году Франклин Рузвельт, тогда еще губернатор штата Нью-Йорк, сформулировал прямо противоположную точку зрения. «Я считаю, — заявил он, выступая в законодательном собрании штата Нью-Йорк, — что в настоящий момент наше общество должно вменить в обязанность правительству спасение от голода и нищеты тех сограждан, которые сейчас не в состоянии содержать себя». У тех, кто, наблюдая безмерные страдания людей, уповает на принцип laissez-faire, говорил он год спустя, «как видно, нервы куда крепче, чем, например, у меня. Такие люди в отличие от меня предпочитают верить скорее в незыблемость экономических законов, чем в способность человека контролировать творения рук своих»

«В результате проводимой в 80-е годы политики снижения налогового бремени для состоятельных слоев и сокращения социальных программ для неимущих число бедняков в США увеличилось на 6 млн. В результате 5-летнего правления Рейгана по меньшей мере один из каждых пяти американцев в возрасте до 18 лет живет в бедности. «Наше общество — первое в истории, — указывает сенатор Мэйнихен, — в котором самой обездоленной группой населения являются дети». В результате классовая и политическая борьба вновь приобрела остроту и размах, невиданные со времен Великой депрессии. Политика Рейгана обернулась бедой для людей, и без того едва сводивших концы

с концами. Говорят об очищении через страдание. Пусть так. Но препохабен тот порядок, при котором имущие классы призывают обездоленных очиститься страданием. Социальная ответственность должна быть неотъемлемой чертой любого свободного политического устройства

В послевоенное время веру Рузвельта в «способность человека контролировать творения рук своих» разделяли Трумэн, Кеннеди и Джонсон. Отвергая понимание национального правительства как «агрессора, противника», Кеннеди в 1963 г. назвал его «органом, в котором граждане наших 50 штатов объединяют свои усилия на благо нации». Он вновь и вновь старался показать американцам, насколько ухудшилось бы их положение «без деятельности национального правительства».

В конечном итоге, Шлезингер делает вывод о том, что расчеты Маркса, что капитализм провалится вследствие своей жесткой конкуренции и эксплуатации провалились благодаря усилиям демократов, которые всегда настаивали на широкой программе социальной поддержки неимущих. И что успех современной либеральной демократии — это успех в первую очередь социального государства, хотя консерваторы настаивают на обратном, уверяя что американцы обязаны всем частному интересу и конкуренции.

А. Шлезингер «Циклы американской истории»:

> «Капиталистическая система выжила потому, что пусть и неохотно, но взяла на вооружение идею Джорджа Бэнкрофта о необходимости заботиться обо всех без исключения членах общества. Она выжила потому, что демократические силы заставили правительство гуманизировать производственные отношения, смягчить последствия неограниченной конкуренции, дополнить принцип о всемерном развитии частной инициативы принципом социальной ответственности. Капиталистическое общество выжило не в последнюю очередь и благодаря социал-либералам, которые, преодолевая сопротивление консерваторов, вели длительную кампанию за справедливость в отношении социально-слабых, обездоленных от рождения или по воле случая и тем самым способствовали уменьшению недовольства и революционного потенциала в обществе. Маркс и не предполагал, что демократическое буржу-

> азное государство призовет общество к социальной ответственности. Апологеты неограниченного индивидуализма, отвергающие начисто социальную ответственность государства, льют воду на мельницу марксизма, причем куда более эффективно, чем коммунистические лидеры»

Имущие классы выступают против правительственного вмешательства не только под предлогом заботы о моральных устоях обездоленных. Иногда утверждают, что правительственное вмешательство таит в себе опасность для гражданских свобод и даже толкает республику назад к рабству, факты свидетельствуют, однако, что распространение функций федеральных органов на экономику не только не подавляет индивида, но, напротив, весьма способствует росту у большинства американцев чувства собственного достоинства и личной свободы. Впрочем, кое-какие «свободы» федеральное правительство, вмешиваясь в экономику, и впрямь ликвидировало — например, свободу отказывать черному населению Америки в его элементарных гражданских правах, свободу нанимать малолетних детей на работу на фабрики, заставлять иммигрантов работать по потогонной системе, платить мизерную заработную плату, свободу создавать бесчеловечные условия труда, устанавливать непосильную продолжительность рабочего дня, свободу махинаций в торговле товарами и на рынке ценных бумаг и, наконец, свободу разбазаривать национальные ресурсы и отравлять окружающую среду. Но без подобных «свобод» цивилизованное общество вполне может обойтись. Странным образом — вновь непроизвольная ирония — самые рьяные противники правительственного вмешательства в экономику, выступавшие против подобного вмешательства под предлогом защиты прав слабых и неимущих, всегда безоговорочно одобряют деятельность правительственных институтов, действительно представляющих реальную угрозу индивидуальным свободам, таких, в частности, как ЦРУ и ФБР. Как и в случае с национальным долгом, именно милитаристское государство, а отнюдь не государство всеобщего благоден-

ствия порождает спесивую бюрократию и подвергает преследованию тех самых бедных граждан, о судьбе которых так сокрушаются противники социальных программ. Именно правые явились инициаторами неприкрытых покушений власти на индивидуальные свободы, прибегая к цензуре, запрету на книги, подписке о лояльности, преследованию гомосексуалистов. Либералы добивались возможности регламентировать деятельность корпораций при освобождении личности, целью же консерваторов, судя по их делам, напротив, всегда была полная свобода для корпораций при ущемлении прав личности».

Мы видим, что гипотеза о том, что консерваторы воплощают шизоидное сознание «гибриса» античности, тогда как демократы, напротив, научное сознание рациональной части общества получает полное подтверждение. Этот конфликт консерваторов и демократов отражен в книгах Барри Голдутера «Совесть консерватора» и Джона Дина «Консерваторы без совести». Этим конфликтом пронизана книга Джона Перкинса «Исповедь экономического убийцы», в которой он рассказывает об империализме консерваторов, о бессовестной в самом деле политике прагматизма лишенной всякой этики в попытках подчинить власти «корпоратократии» все мировые ресурсы. Книги Ноама Хомского, особенно «Новый военный гуманизм», Оливера Стоуна «Нерассказанная история Америки» и др. Книги Роберта Грина «48 законов власти», «искусство обольщения», Стенли Бинга «Как бы поступил Макиавелли» — со всей откровенностью говорят о культе эгоцентричного сознания, в прямом смысле «лишенного совести». «Над пропастью во ржи» Селинджера, книги Марк Твена — это оборотная совестливая сторона здорового научного сознания Америки.

А. Шлезингер «Циклы американской истории»: «В книге 1984 г. политологов Герберта Макклоски и Джона Заллера «Американская этическая система» предложено еще одно уточнение. Опираясь на опросы общественного мнения, а также на исторические данные, они выявляют наличие продолжающейся борьбы между капиталистическими ценностями — неприкосновенно-

стью частной собственности, максимизацией прибыли, культом свободного рынка, выживанием сильнейших — и демократическими ценностями — равенством, свободой, социальной ответственностью и всеобщим благосостоянием. Пока это скорее напряженность, чем непримиримое противоречие. ... Тем не менее эти две системы взглядов указывают в разные стороны. Обзорное исследование «недвусмысленно», по определению Макклоски и Заллера, показывает, что, хотя ни одна из этих сторон не стремится к ликвидации другой, те, кто наиболее привержен демократическим ценностям, оказывают минимальную поддержку капитализму, а те, кто наиболее привержен капиталистическим ценностям, оказывают минимальную поддержку демократии. ...Конфликт между капитализмом и демократией, пишут Макклоски и Заллер, «скорее всего, будет разрешен в пользу демократической традиции»

Оправдан ли оптимизм этих ученых? С. Хантингтон пишет о глобальном кризисе прав человека, М. Игнатьев говорит о том же. Какие факторы будут способствовать победе демократии?

Сам А. Шлезингер представляет антагонизм между консерваторами и демократами, как взаимодействие частей целого, как противоположные заряды цикличного равновесия, которые составляют механизм общества; смена частного и общественного интереса как дополняющие друг друга альтернативы, — отсюда название «циклы американской истории». Однако, на самом деле это две взаимоисключающие силы, которые ведут борьбу не на жизнь, а на смерть с первого осевого времени, когда пробудившийся Логос объявил войну Мифу магического сознания. Это противодействие поля интеллекта и поля эгосистемы, так что борьба эта закончится не сентиментальным примирением, а либо окончательной победой разума и демократии, либо возвратом в той или иной форме к вертикали господства и подчинения Левиафанов. Процесс, который уже в полную мощность идет в России, и который нико-

гда не переставал быть реальностью в исламских государствах.

3) Демократы и естественное право

> «Враждебные партии не могут ни объясниться, ни понять друг друга, у них разные логики, два разума. Когда вопросы становятся так, — нет выхода, кроме борьбы, один из двух должен остаться на месте — монархия или социализм. Подумайте, у кого больше шансов?»

Герцен С того берега

Научный контроль естественного права и частный интерес всеобщей конкуренции — также противостоят друг другу, как поле интеллекта и поле эгосистемы. В первом случае речь идет об общей природе человека и о праве, которое основывается на научных данных этой природы человека. Во втором случае, речь идет об эгоцентризме всеобщего противостояния, о выживании сильнейшего и иерархии отношений господства и подчинения. Это «два разных ума, две разные логики», как говорил Герцен.

Действительно Рассел пишет в «Власть и личность»:

> «Демократия, как в политике так и в индустрии, более не является психологической реальностью, если управление или менеджмент воспринимаются как оторванные от людей „они“, абстрактные существа, живущие своей господской жизнью, к которым естественно рождается чувство враждебности — враждебности, которая бессильна, только если она не принимает формы протеста. В индустрии, очень мало было сделано в этом направлении, и менеджмент остается, с редкими исключениями, откровенно монархическим и олигархическим. Это зло, которое пущенное на самотек, стремиться возрастать по мере возрастания размеров организаций»

А. Эйнштейн «Почему социализм»:

> «Как никогда раньше человек осознаѐт свою зависимость от общества. Но эту зависимость он ощущает не как благо, не как органическую связь, не как защищающую его силу, а скорее как угрозу его естественным правам или даже его экономическому существованию. Более того, его положение в обществе таково, что заложенные в нѐм

> эгоистические инстинкты постоянно акцентируются, в то время как социальные, более слабые по своей природе, всѐ больше деградируют. Все человеческие существа, какое бы место в обществе они ни занимали, страдают от этого процесса деградации. Неосознанные узники своего эгоизма, они испытывают чувство опасности, ощущают себя одинокими, лишѐнными наивных, простых радостей жизни. Человек может найти смысл в жизни, какой бы короткой и опасной она ни была, только посвятив себя обществу».

Для этого эгоцентричного сознания консерваторов нет совершенно никакой надобности в истине и научном контроле естественного права, который открыл бы им истину об общности человеческой природы, и поставил под научный контроль систему общественных отношений. Хаос, рыночная стихия, всеобщая борьба конкурентных сил, война не на жизнь, а на смерть и выживание сильнейшего –вот романтика «частного интереса». Эта романтика не претерпела никаких изменений со времен «гибриса» античности, ницшеанского суперчеловека, и нашла себе воплощение в новой эпопее, воспевающей богочеловеков — «Титан расправил плечи» Айн Ренд

Поэтому современное состояние науки, где рационализм и психологизм потерпели полное поражение, а эмпиризм и неокантианство восторжествовали — залог успеха партии консерваторов. Пока положение вещей будет оставаться именно таким, я бы не спешила с выводами относительно победы демократии в Америке и вообще в западной культуре.

Эта победа неокантианства и связанной с ним социологии «свободной от этики», множества уникальных цивилизаций — и есть базис того хаоса поликультурного мира, в котором победили национализм и юридическое право. Юридическое право само по себе прекрасно, но лишь пока оно сохраняет связь с естественным правом. Это — теория Бентама, презиравшего естественное право и психологизм, подобно Попперу, и создавшего количественную теорию справедливости как теорию счастья большинства. Что такая теория может сказать об истинных отношениях в обществе, если давно известно, что механизмы выборов не отражают реального мнения народа, а часто вообще

имеют очень мало связи с ним. Поэтому, О. Конт писал о позитивном праве как временном «юридизме» переходного периода, конец которому будет положен научным контролем естественного права. Ж. Прудон писал в «Что такое собственность» о том, что альтернативой монархии является не право большинства, а научный контроль естественного права.

Неслучайно Г. Уеллс называет наше время — Веком Хаоса, которому противопоставляет научное государство, основанное на естественном праве и психологии в своей утопии «Люди как боги»:

> «Вы не можете себе представить, как на Земле подчас забиты и боязливы даже порядочные люди. Вы изучаете сейчас Век Хаоса вашей истории, но вы не знаете, что такое эта атмосфера смятенных умов, недейственных законов, ненависти, суеверий. Когда ночь спускается на Землю, сотни тысяч людей лежат без сна, охваченные страхом перед грубой силой, жестокой конкуренцией, боясь, что они не смогут свести концы с концами, мучимые непонятными болезнями, удрученные какой-нибудь бессмысленной ссорой, доведенные почти до безумия неутоленными желаниями, подавленными извращенными инстинктами… Мальчик напомнил мистеру Барнстейплу, что в Век Хаоса каждый человек вырастал с изуродованной и искалеченной волей, был опутан всякими бессмысленными ограничениями или подпадал под власть обманчивых иллюзий»

Уеллс Люди как боги

Как все люди научного сознания Уеллс высмеивает эгоцентризм, национализм, примитивные суеверия магического сознания и глупые спекуляции шизоидного сознания. В его государстве будущего равновесие достигается только с обретением научного контроля. Он пишет по этому поводу:

> «Правда, потребовалось много времени, чтобы и политики и юристы поняли, что даже для их деятельности нужны какие-то знания. Политики проводили на карте границы, не имея элементарных знаний в этнологии и экономической географии, юристы решали вопросы о человеческой воле и намерениях, не смысля ничего в психологии. Они с серьезным видом вырабатывали нелепые, ни к чему не пригодные правила и законы… Только к самому завершению Последнего Века Хаоса в Утопии психологическая наука начала наконец раз-

> виваться в темпах, сравнимых с темпами развития географических и физических наук в предыдущие столетия».

Поскольку на самом деле существует только одна цивилизация — научная цивилизация, то утверждение неокантианской философии обратного ведет не к мирному толерантному сосуществованию разных цивилизаций, а к утверждению магического и шизоидного сознания поля эгосистемы в виде множества уникальных цивилизаций. Эта «толерантность» оказывается не толерантностью к другим, а толерантностью к невежеству и к утверждению ненаучного подхода. В результате, вместо мирного сосуществования множества уникальных цивилизаций, получается «столкновение цивилизаций», о котором Хантингтон написал с таким страстным возмущением. Действительно, культ эгозащиты еще никогда не приводил к мирному сосуществованию. Ждать ассимиляции — нелепость, возможно говорить только о просвещении и системе образования, направленной специально на ликвидацию магического сознания.

С другой стороны утверждение неокантианской философии утверждает бентамовскую количественную теорию права, когда прав тот, за кого больше отдано голосов. Этой системой выборов легко манипулировать, если располагать финансовыми и политическими рычагами воздействия. Совсем другое дело, система естественного права, которая недостижима для манипуляций таких вот эгоцентриков-макиавеллианцев. Свободная от этики социология Вебера — это в то же время теория национального суверенитета, а значит ничем неограниченной власти государственной элиты. Система национального права, которая контролируется только выборными институтами, оторванная от своих корней естественного права также недалека от теорий государственного суверенитета Гоббса и Бодена, утверждавших, что суверен утверждает нравственность в виде законов, а не наоборот. То есть не нравственность в виде природы человека утверждает формы права, а напротив суверенная власть решает, что нравственно и что есть этика. «Другие (Гоббс, например) старались объяснить

нравственное чувство в человеке влиянием законов. „Законы, — говорили они, — развили в человеке чувство справедливого и несправедливого, добра и зла“. Наши читатели сами оценят по достоинству такое объяснение», — пишет П. Кропоткин в «Нравственных началах анархизма».

Если демократии суждено победить, то эта победа никак не будет связана с экономическими отношениями и формами. Она будет связана с торжеством научного контроля и естественного права. До тех пор пока, система образования и науки будет оставаться такой никчемной как сегодня, все ресурсы управления обществом будут сосредоточены в силовых институтах полицейского управления. На сегодняшний день, наука и система образования почти никак не участвуют в управлении и их влияние все больше сходит на нет. Потому Шлезингер очень торопился, предсказывая победу демократов. Силовые институты — сила физического контроля поля эгосистемы. Научные институты — сила интеллектуального контроля поля мышления и совести.

Что нужно для утверждения научного контроля и естественного права?

1. Пространство интеллекта

Кризис в эпистемологии, победа агностицизма Юма, биологизма позитивизма, сделавшего психологию как науку о сознании недействительной — привели к хаосу в социальной науке. Множество противоречивых теорий, где дарвинисты и платоники отрицают друг друга, где гуманисты и фрейдисты стараются заложить основы в корне противоположных теорий в качестве единой науки.

Это говорит о глобальной катастрофе духовной энергии человека, ибо его истинный дом — не страна, не город, и не подъезд его дома, а пространство интеллекта в котором живет и двигается его дух, его Я, его сознание. И этот дом разрушен, захламлен, в нем невозможно передвигается, так что «дух отчаивается», как говорит Кьеркегор, который тоже срав-

нивает пространство интеллекта с домом, где человеку приходится жить в подвале.

Первым делом необходимо навести порядок там, в нашем общем дому интеллекта.

Теория психической энергии, предложенная в этой работе такая заявка на смену научной парадигмы, которая и приведет к полному очищению, систематизации, порядку и красоте открывшихся ландшафтов необозримой дали интеллектуальных вершин

2. Система образования

Далее, система образования необходимо должна быть строго упорядоченным процессом, цель которого в нейтрализации магического сознания и полной активизации научного сознания. Сегодня у нас прямо противоположная ситуация, когда научное сознание человека задействовано всего на пару процентов. Система образования должна играть в обществе центральную роль, быть его стержнем и зеницей ока так сказать, поскольку от эффективности ее функционирования зависит все здоровье общества и все его богатство в виде продуктивной творческой энергии духа.

Чем слабее система образования справляется со своими функциями научного контроля, тем вернее функции управления обществом переходят в руки силовых ведомств.

3. Научный и народный суверенитет

Народный суверенитет не может быть национальным — это важно усвоить. Как только суверенитет становится национальным, он становится государственным, а власть противопоставляется народу, как это сделано, например, в «Происхождении суверенитета» Н. Грачева. Грачев вопрошает со скепсисом, что есть народ как юридическое лицо? Мы отвечаем: народ, как юридическое лицо есть Международное сообщество естественного права.

Народный суверенитет всегда подразумевает международные, наднациональные организации, как говорит Эйнштейн, ко-

торые контролировали бы деятельность правительств различных государств. Тогда понятно, почему народ — субъект и объект власти: субъект власти в международных институтах, объект власти — государственной правовой системе. В противном случае, действительно получается неразрешимое противоречие

Национальные системы права необходимо должны быть привязаны к единому естественному праву научного контроля, представленному этими международными институтами

Это какое-то участие международного сообщества естественного права в законотворчестве национальных государств — например, право вето, или какая-либо другая форма участия, которая обеспечила бы контроль национальных систем права и их ориентацию на всеобщее естественное право.

Только при соблюдении этих условий демократические силы современных правовых государств получат реальную опору и фундамент для утверждения своей системы. На сегодня они висят в воздухе, и нет силы более слабой и эфемерной, чем силы либеральной демократии. Разве это не ощущается в издевательствах консерваторов всего мира?

Хантингтон говорит, что мы наблюдает возрождение религиозного сознания, и сравнивает возросшую активность магического сознания с Реформацией Лютера. Это смешно, потому что Реформация Лютера была движением мощной интеллектуальной активности, направленной против католического язычества, а современный интерес к религиям — это только свидетельство полного фиаско научного интеллекта. Крушение советской республики, когда сделавшей громкое заявление на появление научного государства — стала первым сигналом этого фиаско. Крушение его напарника по идеологическому противостоянию, второго строителя научного государства — это только вопрос времени, если «западная цивилизация» не обратится к научному контролю естественного права и будет продолжать игру в Тарзанов в искусственно созданных социальных джунглях.

Научные государства будущего — это те же правовые государства, отличие которых будет состоять лишь в том, что цен-

тральная роль в поддержке и управлении обществом будет отведена образовательной системе, а национальные системы права будут контролироваться Международным сообществом естественного права с тем, чтобы позитивное право не отрывалось от своих истоков закономерностей общей человеческой природы. В этом суть наднациональных учреждений, о которых говорили Б. Рассел, Э. Эйнштейн, К. Ясперс, А. Швейцер и др

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Аристотель «Этика» М: Астрель, 2011

2. Аристотель «Политика» М: Астрель 2011

3. Аристотель «О душе»

4. Мельников С. Введение в философию Аристотеля. Rosebud Publishing 2018

5. Лосев А. Ф. Аристотель И: Молодая гвардия 2014

6. Пейн Т. Здравый смысл

7. Пейн Т. Век Разума И: Академия наук СССР 1959

8. Басинский П. «Лев Толстой. Бегство из рая» М: Астрель 2011

9. Толстой Л. Н. Повести и рассказы М: Детская литература, 2011

10. Толстой Л. Исповедь. О жизни. Азбука-классика 2009

11. Толстой Л. «Царство Божие внутри вас» 2011

12. Толстой Л. Соединение и перевод четырех Евангелий M:T8RUGRAM, 2017

13. Толстой Л. Исследование догматического богословия Editorial URSS 2016

14. Плутарх Сравнительные жизнеописания СПб Азбука 2012

15. Плутарх Исида и Осирис М: Эксмо 2007

16. Плутарх Избранные жизнеописания в 2 т. И: Правда 1987

17. Вольтер Философские повести М: Астрель 2011

18. Фихте И. Г. Речи к немецкой нации СПб Наука 2009

19. Фишер Куно Фихте И: Русского христианского гуманитарного института 2004

20. Фишер Куно От Канта до Фихте И: Ленанд 2006

21. Гегель Г. Философия духа Эсксмо 2016

22. Гегель Г. Феноменология духа Академический проект 2016

23. Ницше Ф. Так говорил Заратустра М: Астрель 2011

24. Ницше Ф. Воля к власти И: Азбука классика 2010

25. Ницше Ф. Генеалогия морали И: Азбука аттикус 2011

26. Ницше По ту сторону добра и зла Спб: Азбука-классика 2009

27. Шестов Л. Достоевский и Ницше. Апофеоз беспочвенности И: Азбука аттикус 2016

28. Фрейд З. Письма к невесте СПб Азбука 2011

29. Фрейд З. Неудобства культуры СПб Азбука-классика 2010

30. Фрейд З. Психоаналитические этюды Мн: Попурри 1997

31. Фрейд З. Очерки по психологии сексуальности И: Лениздат, Команда А 2013

32. Фрейд З. Будущее одной иллюзии И: Фолио 2013

33. Фрейд З. Тотем и табу И: Лениздат Команда А 2013

34. Фрейд З. Я и Оно И: Эксмо 2016

35. Фрейд З. По ту сторону принципа удовольствия АСТ 2015

36. Фрейд З. Психология масс и анализ человеческого Я АСТ 2018

37. Katharine Tait My father Bertrand Russell New York and London 1975

38. Bertrand Russell, Autobiography London Allen&Unwin 1975

39. Russell B. «The conquest of happiness» (London Allen & Unwin, 1930)

40. Russell B. «Political ideals»

41. Russell B. «The Power» London Allen & Unwin, 1938

42. Рассел Б. Автобиография. Выдержки.

43. Russell B. Education and the social order First published in the Routledge Classics in 2010 by Routledge, London and New York

44. Рассел Б. Практика и теория большевизма И: Наука 1991

45. Рассел Б. Брак и мораль И: Крафт 2004

46. Russell B. The authority and the individual Routledge, London and New York, 1995

47. Рассел Б. «История западной философии» Новосибирск. НГУ 1997

48. Russell B.«Proposed roads to freedom»

49. Рассел Б. Избранные труды Сибирское университетское издательство 2009

50. Данте А. Божественная комедия М: Эксмо 2009

51. Платон Диалоги М: Астрель 2012

52. Платон Государство И: Эксмо 2018

53. Платон и его эпоха. Статьи. Изд: Наука 1979

54. Гоголь Н. В. Мертвые души М: Дрофа 2012

55. Гоголь Н. В. Петербургские повести М: АСТ Астрель 2011

56. Энгельс Ф. Происхождение семьи, частной собственности и государства СПб Азбука 2010

57. Руссо Жан-Жак Исповедь М: Астрель 2011

58. Руссо «Эмиль, или о воспитании» И: Книговек 2018

59. Руссо Жан Жак Об общественном договоре М: КАНОН — ПРЕСС-Ц 1998

60. Захер-Мазох «Венера в мехах» СПб Азбука 2012

61. Гете И. В. Фауст СПб Азбука 2011

62. Гете И. В. Поэзия и правда М: Захаров, 2003

63. Гете И. В. Страдания юного Вертера И: Детская литература 1982

64. Морозова Е. Маркиз де Сад М: Молодая гвардия 2007

65. Сад Жюстина или несчастья добродетели СПб Азбука-классика 2008

66. Сад Преступления любви СПб Азбука-классика 2008

67. Дарвин Ч. Происхождение человека и половой набор, в 2-х томах, М: ТЕРРА — Книжный клуб, 2009

68. Ленин В. И. «Материализм и эмпириокритизм» М: Издательство политической литературы 1984

69. Ленин В. И. Теория насилия М: Алгоритм 2007

70. Фридрих Гернек «Пионеры атомного века» 1974

71. Хайдеггер М. Бытие и время Москва: Академ. проект, 2011

72. Оствальд В. Философия Природы СПб 1903

73. Лауэ Макс История физики Москва 1956
74. Мах Эрнст Познание и заблуждение Москва 2003
75. Маркс К. Капитал 1985
76. Фромм Э. Человек для себя Мн: Коллегиум, 1992
77. Фромм Э. Искусство любить М: АСТ, 2010
78. Фромм Э. Здоровое общество М: АСТ, 2005
79. Фромм Э. Иметь или быть? М: АСТ, 2000
80. Фромм Э. Величие и ограниченность Фрейда М: АСТ, 2000
81. Фромм Э. Анатомия человеческой деструктивности. М: АСТ, 1998
82. Адлер А. Наука жить Киев 1997
83. Адлер А. Практика и теория индивидуальной психологии
84. Адлер А. Понять природу человека Спб 1997
85. Адлер А. О нервическом характере АСТ 1997
86. Адлер А. Воспитание детей Ростов на Дону 1998
87. Маслоу А. Мотивация и личность Спб Питер 2003
88. Маслоу А. Новые рубежи человеческой природы М: Смысл 1999
89. Маслоу А. Психология Бытия М: 1997
90. Франкл В. Человек в поисках смысла М: Прогресс 1990
91. Франкл В, Психолог в концлагере (Сказать жизни да) М: Смысл 2004
92. Франкл В, Доктор и душа Спб: Ювента 1997
93. Олпорт Г. Становление личности М: Смысл 2002
94. Роджерс К. О становление личности Киев 2004
95. Роджерс К. Психология супружеских отношений М: Изд-во Эксмо, 2002
96. Роджерс К. Консультирование и психотерапия
97. Левин К. Динамическая психология М: Смысл 2001
98. Юнг К. Сознание и бессознательное: сборник. Спб: Университетская книга, 1997
99. Юнг К. Архетип и символ СПб: Ренессанс 1991
100. Юнг К. Проблемы души человека
101. Хорни К. Невроз и личностный рост Спб ВЕИП, 1997

102. Ломброзо Ч. Гениальность и помешательство Москва, Академ. проект 2001

103. Леви — Брюль Л. Сверхъестественное в первобытном мышлении. М. «Педагогика — пресс». 1994.

104. Мади С, Теории личности. Издательство: С. Пб. 2002.

105. Хьелл. Л. Зиглер Д. Теории личности. С. Пб. Питер.1999.

106. Ходжсон Д. Экономическая теория и институты. М: Издательство «Дело» 2003.

107. Спиноза Этика М, Хар, 1998

108. Спиноза Краткий трактат о Боге, человеке и его счастье М, Хар, 1998

109. Спиноза Богословско-политический трактат Минск Литература 1998

110. Делез Жиль Эмпиризм и субъективизм. Кант. Бергсон. Спиноза. ПЕР СЕ 2001

111. Беляев В. А. Лейбниц и Спиноза Изд: Наука 2007

112. Коников И. А. Материализм Спинозы Наука 1971

113. Свифт Д. «Путешествия» Лемюэля Гулливера СПб Азбука 2013

114. Ганди М. «Моя жизнь» СПб: «Лениздат», «Команда А», 2012

115. Gandhi M. «My experiments with truth», US Beacon Press, 1993

116. Перкинс Исповедь экономического убийцы Москва Претекс 2005

117. Тетчер Искусство управления государством Москва, Альпина Паблишер, 2003

118. Васильев Л. С. История Востока М Высшая школа 2005

119. Людвиг Э. Наполеон М. Вагриус 1998

120. «Built to last» by Jerry I. Porras and James C. Collins HarperBusiness 1994

121. «Good to Grate» by James C. Collins HarperBusiness 2001

122. Юнге Таудль Воспоминания секретаря Гитлера

123. Хлебников П. Крестный отец Кремля. Борис Березовский или история разграбления России. М. Детектив-Пресс 2001

124. Макиавелли Н. Государь М: Эксмо 2009

125. Грин 48 законов власти «РИПОЛ классик»; М; 2005

126. Грин Искусство обольщения «РИПОЛ классик»; М; 2005

127. Мортон Э. История Моники М: ФОРУМ, ИНФРА-М, 1999

128. Дробанская — Ландау К. «Как мы жили». Воспоминания.

129. Бинг С. Как бы поступил Макиавелли?

130. Хитченс К. Томас Пейн Права человека

131. Блекберн С. Платон Республика

132. Браун Д. Дарвин Происхождение видов

133. Вин Ф. Маркс Капитал

134. Milgram S. Obedience to authority: an experimental view NY: Harper Perennial Classic, 1983

135. Майерс Д. Психология Минск Попурри 2008

136. Майерс Д. Социальная психология Спб: Питер 2009

137. Аронсон Э. Общественное животное Спб: Прайм-Еврознак 2006

138. Ясперс К. Стриндберг и Ван Гог СПб. Гуманитарное агенство «академический проект». 1999

139. Ясперс К. Смысл и назначение истории Издательство политической литературы 1991

140. Ясперс К. Общая психопатология И: КоЛибри 2019

141. Кемпинский А. Психология шизофрении СПб. Ювента 1998

142. Критская В. П. Мелешко Т. К. Поляков Ю. Ф. Патология психической деятельности при шизофрении. М. МГУ 1991

143. Каплан Г. И. Сэдок Б. Дж. Клиническая психиатрия М. Медицина 1994.

144. Под ред. Р. Дж. Энсилла, С. Холлидея, Дж. Хигенботтема Шизофрения. Изучение спектра психозов. М. Медицина 2001

145. Сост. И общ. Редакция Н. В. Тарабриной Клиническая психология СПб Питер 2000

146. Гурьева В. А. Гиндикин В. Я. Раннее распознавание шизофрении. М: «Высшая школа психологии» 2002

147. Цвейг С. Ф. Ницше З. Фрейд СПб. Азбука-классика 2001.

148. Каменева Е. Н. Теоретические вопросы психопатологии и патогенеза шизофрении М. Медицина 1970

149. Под ред. Ю.Б Гиппенрейтер, В. Я. Романова Психология индивидуальных различий, МГУ АСТ, 2008

150. Ганнушкин П. Б. Клиника малой психиатрии

151. Леонгард К. Акцентуированные личности

152. Кречмер Э. Строение тела и характер

153. Кречмер Э. Гениальные люди Москва 1998

154. Ильин Е. П. Эмоции и чувства СПб 2001

155. Кьеркегор С. Или-Или СПб: Амфора 2011

156. Кьеркегор С. Болезнь к смерти Москва, Республика, 1996

157. Под. Ред. Ю. Б. Гиппенрейтер, М. В. Фаликман Психология мотивации и эмоций М: АСТ 2009

158. Сартр Бытие и ничто М: Республика, 2000

159. Сартр Тошнота СПб: Азбука — классика 2006

160. Сартр Дьявол и Господь Бог

161. Юровская Э. П. Жан-Поль Сартр Жизнь, философия, творчество, СПб: Петрополис, 2006

162. Сартр Экзистенциализм — это гуманизм

163. Сартр За закрытыми дверями

164. Сартр Ж-П Слова

165. Феофраст «Характеры» СПб: Азбука-классика, 2010

166. История теоретической социологии, в 4-х томах, под ред. Ю. Р. Давыдова, М: Канон, 1997 г

167. Под ред. В. И. Кузищина История Древней Греции М. Высшая школа 1996

168. Сост. К. В. Паневин. Под ред. Н. В. Волковского История Древнего Рима СПб. Полигон 1998

169. Гренвилл Дж. История 20 века. М. Аквариум 1999

170. Под ред. А. З. Манфреда История Франции. В 3 т. М. Наука 1973

171. Под ред. С. Д. Сказкина История Византии. В 3 т. М. Наука 1967

172. Под общ. Ред. В. И. Голубовича Экономическая история зарубежных стран Минск НКФ «Экоперспектива» 1996

173. Под ред. Н. А. Крашенниковой и О. А. Жидкова История государства и права зарубежных стран М. Издательская группа Норма-Инфра-м 1998

174. Под ред. Н. С. Нерсесянца История политических и правовых учений М. Норма-Инфра 1998

175. М. Блауг Экономическая мысль в ретроспективе М. ДелоЛтд 1994

176. Ядгаров Я.С, История экономических учений М. Экономика 1996

177. Сост. И. А. Столяров Антология экономической классики. В2т. М. Эконов-Ключ 1993

178. Горбачев М. С. Размышления о прошлом и будущем М. Терра 1998

179. А.Н.Бадак, И.Е.Войнич, Н.М.Волчек, и др. Всемирная история: У истоков цивилизации. Бронзовый век. Мн: Харвест, М: АСТ 1999

180. Хрущев Н. Воспоминания М. Вагриус 1997

181. Коуз Р. Фирма, рынок право, М.: Новое издательство, 2007

182. Бовуар С. «Второй пол», Москва — СПб: Издательская группа «Прогресс», 1997

183. Simone de Beauvoir «Second sex», London, 1956

184. Кропоткин П. «Записки революционера» М: Мысль 1990

185. Кропоткин П. Анархия, ее философия, ее идеал СПб: Азбука, 2017

186. Кропоткин П. Великая Французская Революция М: Наука 1979

187. Кропоткин П. Этика Юрайт 2019

188. Кропоткин П. Государство и его роль в истории И: Женева 1904 (репринт 2012)

189. Кропоткин П. Нравственные начала анархизма И: Лондон 1907 (репринт 2012)

190. Кропоткин П. Анархия и нравственность АСТ 2018

191. Кропоткин П. Современная наука и анархизм И: Книгоиздательство Иванова 1906 (репринт 2012)

192. Философия России: Петр Кропоткин, под ред: И. И. Блауберг М: РОССПЭН 2012

193. Поппер К. Открытое общество и его враги, в 2-х томах, М: Феникс, 1992

194. Поппер К. Объективное знание. Эволюционный подход. Едиториал УРСС 2002

195. Герцен А. Былое и думы СПб: Лениздат, 2013

196. Герцен А. Кто виноват? Роман. Повести. Статьи. М: Эксмо, 2013

197. Герцен А. С того берега Вольная Руская Книгопечатня 1855 (репринт 2012)

198. Чернышевский Н. Что делать? СПб: Азбука, 2013

199. Чернышевский Н. Лессинг И: T8RUGRAM 2018

200. Лессинг Г. Избранное Художественная литература 1980

201. Тургенев И. Дворянское гнездо. Романы. М: Эксмо, 2009

202. Тургенев И. Дневник лишнего человека

203. Милль Дж. С. Автобиография М: Либроком, 2013

204. Милль Дж О гражданской свободе Либроком 2017

205. Милль Дж Рассуждения о представительном правлении Социум 2017

206. Милль Дж. Система логики силлогической и индуктивной Ленанд 2011

207. Петрушевский Д. Великая хартия вольностей Социум 2016

208. Чаадаев П. Философические письма

209. Новгородцев П. И. Введение в философию права. Кризис современного правосознания. Москва: Наука, 1996

210. Новгородцев П. Кант и Гегель в их учениях о праве и государстве СПб: Алетейа 2000

211. Новгородцев П. Лекции по истории философии права М: КРАСАНД, 2011

212. Кафка Ф. Процесс, Москва: Эксмо, 2013

213. Давид К. Франц Кафка, М: Молодая гвардия 2008

214. Клинтон Билл Моя жизнь Москва, Альпина, 2005

215. Шлезингер Артур-мл, Циклы американской истории, Москва: Прогресс, 1992

216. Хомский Ноам Новый военный гуманизм: Уроки Косово, Москва: Праксис, 2002

217. Хомский Ноам, Государство будущего, Москва: Альпина фон никшен, 2012

218. Хомский Н Системы власти М: КоЛибри, Азбука-атикус, 2014

219. Хомский Н. Картезианская лингвистика Либроком 2010

220. Суриков И, Пифагор, Москва: Молодая гвардия 2013

221. Рэнд А. Добродетель эгоизма Москва, 2015 Альпина паблишер

222. Рэнд А. Атлант расправил плечи Москва 2015 Альпина паблишер

223. Малюгин Л. Гитович И. «Чехов» М: Советский писатель, 1983

224. Так говорил Ландау Феникс 2014

225. Так говорил Эйнштейн Феникс 2014

226. Эйнштейн А. Собрание научных трудов Том 4 Эволюция физики М: Наука 1967

227. Эйнштейн А. Цитаты и афоризмы. Изд: КоЛибри, Азбука — Аттикус, 2015

228. Эйнштейн А. «Сумасшедший я или мир вокруг меня», Рассел Б. «В этом безумном мире» Алгоритм 2020

229. Эйнштейн А. Как изменить мир к лучшему» И: Алгоритм 2013

230. Кумар Манжит Квант. Эйнштейн, Бор и великий спор о природе АСТ 2013

231. Уеллс Г. Люди как боги

232. Хофман Б. Альберт Эйнштейн Творец и бунтарь М: Прогресс 1983

233. Чехов А. Собрание сочинений в 8 томах Правда 1970

234. Спенсер Г. Социальная статика Киев 2013 Гама-Принт

235. Спенсер Г. Личность и государство И: Социум 2020

236. Спенсер Г. Этика общественной жизни Социум 2015

237. Спенсер Г. Научные основания нравственности ЛКИ 2013

238. Стоун О. Интервью с Владимиром Путиным М: Альпина паблишер 2017

239. Милль Джон «Огюст Конт и позитивизм» М: ЛКИ 2017

240. Стоун О, Кузник П., Нерассказанная история США М: КоЛибри, Азбука-атикус 2016

241. Соловьев В., Революция консерваторов М: «Э», 2017

242. Конт Огюст Общий обзор позитивизма М: Либроком 2016

243. Конт О. Дух позитивной философии 2016

244. Бакунин М., Философия, социология, политика М: Правда, 1989

245. Цицерон М. О государстве, О законах М: Академический проект 2016

246. Гоббс Т, Левиафан М: РИПОЛ Классик 2017

247. Прудон П Что такое собственность? М: КРАСАНД 2017

248. Оруэлл Дж «1984» М: АСТ 2017

249. Хайек Ф. Дорога к рабству М: Новое издательство, 2005

250. Льюис Д. Марксистская критика социологических концепций Макса Вебера М: Прогресс 1981

251. Вебер М. Власть и Политика М: Рипол Классик 2017

252. Вебер М. Протестантская этика и дух капитализма И: T8RUGRAM 2018

253. Вебер М. Политика как призвание и профессия Рипол Классик 2018

254. Тойнби А. Исследование истории. Цивилизации во времени и пространстве. М: Харвес, АСТ 2009

255. Тойнби А. Постижение истории М: Айрис-пресс 2002

256. Шпенглер О. Закат Европы М: Юрайт 2017

257. Гулыга А. Гегель М: Молодая гвардия 2008

258. Гулыга А. Кант М: Молодая гвардия 1977

259. Адорно Т. Исследование авторитарного характера, Изд: Профит Стайл, Серебряные нити, 2016

260. Грачев Н Происхождение суверенитета. М: ЛЕНАНД 2018

261. Дюркгейм Э. Элементарные формы религиозной жизни М: ДЕЛО 2018

262. Токвиль А. Старый порядок и революция ИД «Социум» 2017

263. Лютер М. О свободе христианина М: ARC 2013

264. Саймонс Дж Карлейль М: Молодая гвардия 1981

265. Карлейль Т. Теперь и прежде И: Республика 1994

266. Соловьев Е. Оливер Кромвель М: Республика 1994

267. Декарт Р. Рассуждения о методе СПб: АЗБУКА 2017

268. Асмус В. Ф. Рене Декарт Госполитиздат 1956

269. Кондорсе Ж. Эскиз исторической картины прогресса человеческого разума М: ЛИБРОКОМ 2011

270. Заиченко Г. А. Локк Изд: Мысль 1988

271. Локк Джон Два трактата о правлении М: Социум 2014

272. Фуко М. Археология знания Изд. Гуманитарная академия 2012

273. Фуко М. История безумия в классическую эпоху

274. Бэкон Ф. Новый органон Изд: Рипол Классик 2018

275. Юм Д. О человеческой природе Изд: Азбука 2017

276. Юм Д. Исследование о человеческом разумении И6 Эксмо 2018

277. Беркли Дж. Трактат о принципах человеческого знания Изд: Академический Проект, Мир 2016

278. Лауэ М. История физики Гостехиздат 1956

279. Кант И. Критика практического разума Эксмо, 2015

280. Кант И. Критика чистого разума Эксмо 2015

281. Кун Т. Структура научных революций М: Аст, 2009

282. Мудрость Ганди: Мысли и изречения © Homer A. Jack, 1951, 1979 © Перевод на русский язык, издание на русском языке, оформление. ООО «Манн, Иванов и Фербер», 2015

283. Мутаххари Муртаза Иран и ислам И: Петербургское востоковедение 2008

284. Хорри П. Чиппендейл К. Что такое ислам? И: Амфора 2007

285. Кардини Франко Европа и ислам И: Александрия 2016

286. Массе Анри Ислам 1982

287. Георгиевский С. Принципы жизни Китая И: Ленанд 2015

288. Торчинов Е. Введение в буддизм Азбука 2020

289. Шапошников А. Заратустра Эксмо 2002

290. Под ред Рака И. Авеста в русских переводах И: Журнал Нева, Летний сад, 1998

291. Хайам Омар Рубайат Наука 1972

292. Шураки А. История иудаизма АСТ 2008

293. Августин Аврелий О граде Божьем в 2т. 2006

294. Трубецкой Е. Философия христианской теократии в пятом веке. Учение Августина Блаженного о граде Божием И: Либроком 2012

295. Хантингтон С. Столкновение цивилизаций И: АСТ 2017

296. Тауфик Ибрагим Коранический гуманизм И: Медина 2015

297. Аль-Газали И: Возрождение наук о религии Махачкала Нуруль Иршад 2011

298. Дильтей Вильгельм Воззрение на мир и исследование человека со времен Возрождения и Реформации И: Центр гуманитарных инициатив 2013

299. Дильтей В. Построение исторического мира в науках о духе Три квадрата 2004

300. Хаксли О. Возвращение в дивный новый мир М: АСТ 2019

301. Камю А. Бунтующий человек М: Издательство политической литературы, 1990

302. Поппер К. Объективное знание. Эволюционный подход. Едиториал УРСС 2002

303. Леви-Стросс Тотемизм сегодня. Неприрученная мысль М: Академический проект, 2008

304. Леви-Стросс Печальные тропики АСТ 2018

305. Леви-Стросс Мифологики Флюид Фрифлай 2007

306. Леви-Стросс Клод, Эрибон Дидье Издалека и вблизи И: Ивана Лимбаха 2018

307. Клейн Лев История антропологический учений Издательство СПбГУ 2014

308. Бенда Ж. Предательство интеллектуалов М: ИРИСЭН, Социум, 2009

309. Санд Жорж, Спиридион Изд. Текст, 2004

310. Моруа А. «Лелия или жизнь Жорж Санд», Изд. Беларусь, 1983

311. Пузиков А. «Портреты французских писателей», М: Изд. Художественной литературы, 1981

312. Дидро Д. Монахиня Племянник Рамо Художественная литература 1960

313. История в энциклопедиях Дидро и д Аламбера. Наука 1978

314. Золя Э. Творчество И: Онер 1984

315. Флобер Г. Воспитание чувств Азбука 2018

316. Флобер Г. Госпожа Бовари Азбука 2012

317. Гайто Газданов в 3 т. И: Согласие 1996

318. Набоков В. Лекции о русской литературе Азбука 2020

319. Набоков В. Лекции о зарубежной литературе Азбука 2020

320. Роллан Ромен Жизни великих людей Бетховен. Микеланджело. Толстой. Вышейшая школа 1985

321. Роллан Ромен Жизнь Рамакришны. Жизнь Вивекананды И: Экополис и культура 1991

322. Роллан Ромен Вселенское Евангелие Вивекананды Самарский дом Печати

323. Древние тексты Вед М: Амрита 2013

324. Гири Свами Вишну Ведические боги и их символы М: Амрита 2012

325. Аквинский Фома Учение о душе Азбука-классика 1918

326. Боргош Юзеф Фома Аквинский М: Мысль 1975

327. Аквинский Фома Сочинения М: Ленанд 2015

328. Пифагор Золотые законы и нравственные правила. Сост Нечаев М: Астрель 2012

329. Байрон Дж. Паломничество Чайльд Гарольда СПб Азбука-классика 2008

330. Байрон Дж. Дон-Жуан СПб Азбука-классика 2010

331. Шекспир У. Трагедии Ленинград «Художественная литература» 1982

332. Шекспир У. Гамлет М: Эксмо 2011

333. Сервантес М. Дон Кихот М: Эксмо 2012

334. Честертон Г. Франциск Ассизский И: T8RUGRAM 2019

335. Сорель Ж. Размышления о насилии Ленанд 2018

336. Монтень Избранное Советская литература 1988

337. Ренан Э. Святой Павел. Антихрист М: Советский писатель 1991

338. Ренан Э. Жизнь Иисуса Издательство политической литературы 1991

339. Ренан Э. Марк Аврелий и конец античного мира Терра 1991

340. Мильтон Дж Потерянный и возвращенный рай Азбука 2018

341. Шопенгауэр Краткий курс истории философии Эксмо 2018

342. Достоевский Ф. Записки из подполья Азбука 2020

343. Достоевский Ф. Записки из мертвого дома Карелия 1979

344. Кибальник С. Гайто Газданов и экзистенциальная традиция в русской литературе Петрополис 2011

345. Ливий Тит История Рима от основания города Эксмо 2017

346. Крист Карл История времен римских императоров от Августа до Константина. В 2 т. Феникс 1997

347. Историки античности в 2 т. Правда 1989

348. Светоний Гай Жизнь двенадцати цезарей Азбука 2015

349. Лесков В. Спартак Молодая гвардия 2011

350. Кравчук А. Перикл и Аспазия Наука 1991

351. Игнатьев Майкл Права человека как политика и как идолопоклонство И: Новое литературное обозрение 2019

352. Ковалев А. Международная защита прав человека Статут 2013

353. Все о правах человека. Сборник нормативных актов. Проспект 2019

354. Эразм Роттердамский Похвала глупости Азбука классика 2016

355. Фон Мизес Людвиг Теория и история Социум 2013

356. Кубедду Р. Либерализм, тоталитаризм и демократия: политическая философия австрийской школы

357. Леони Б. Кошкин В. Свобода и закон 2008

358. Жувенель Б. Власть: естественная история ее возрастания ИРИСМЕН 2010

359. Бентам И. Тактика законодательных собраний 2006

360. Паскаль Б. Августин А. Лабиринты души Реноме 1998

361. Паскаль Б. Мысли АСТ 2018

362. Кампанелла. Бэкон. Мор Классическая утопия АСТ 2018

363. Элиаде М. История веры и религиозных идей И: Академический проект, 2017

364. Элиаде М. История веры и религиозных идей И: Академический проект, 2018

365. Элиаде М. Трактат по истории религий И: Академический проект, 2018

366. Пропп В. Морфология волшебной сказки. Исторические корни волшебной сказки И: Нобель Пресс, 2019

367. Хугаева Л. Власть и контроль или импотенция современной психологии, Владикавказ: СОИГСИ, 2011

368. Хугаева Л. Болезнь Эго-девственности или космическая сила психической энергии, Владикавказ, Литера, 2012

369. Хугаева Л. Дорога в рай или Плюс моего минуса, Владикавказ Литера, 2013, Владикавказ: Литера, 2013

370. Хугаева Л. Переключи себе ток, Москва: Спутник +, 2008

371. Хугаева Л. Психическое насилие или война на поле психической энергии, Москва: Эдитус, 2013

372. Хугаева Л. Россия между Закрытым и Открытым обществом или теория эволюции человека, Москва: Эдитус, 2014

373. Хугаева Л. Любовь и ненависть в Корнеллском университете Издательские решения Ридеро, 2020

374. Хугаева Л. Романтизм и реализм или Лелия и Леля Издательские решения 2019

375. Хугаева Л. Теория психической энергии вместо социологии и психологии. Тождество народного и научного суверенитета. Издательские решения 2020

376. Хугаева Л. Рационализм против эмпиризма. Издательсике решения, 2020

377. Хугаева Л. Корневые группы в английском языке. М: Энас, 2003

378. Хугаева Л. 4500 базовых слов английского языка и их исторические корни. М: Энас, 2005

379. Хугаева Л. Проблемы развития духа. Критика структурализма. Издательские решения, 2020

380. Ксенофонт Сократ М: РИПОЛ классик, 2020

381. Биографические очерки. Ян Гус. Мартин Лютер. Жан Кальвин. Торквемада. Лойола. М: Республика, 1995

382. Булгаков М. Мастер и Маргарита СПб: Азбука, 2020

383. Гардинер П. Кьеркегор М: Астрель: АСТ, 2008

384. Э. Ренан История израильского народа М: Издательство В. Шевчук 2001

Тесла Лейла Хугаева

Ось мировой истории

Авраамические религии и век разума

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero